HDI
HL 31YD 3

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

5.

71

may 19

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1897

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взымается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера выслать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р.—при переходѣ же городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса, высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою: но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученія отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіи листовъ кассаціонныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

71

ЖУРНАЛЪ
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

5—6

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1897

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Замѣтки и извѣстія.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 18-го марта по 15-е апрѣля 1897 г.).

Статьи 344—543.

Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства.

18 марта № 27.

344. *Объ отчужденіи имуществъ, потребныхъ для сооруженія желѣзно-дорожной линіи отъ города Сызрани до соединенія съ Рязанско-Казанскою желѣзною дорогою, близъ ст. Рузаевка, съ вѣтвью отъ ст. Вырыпаевка до гор. Симбирска и для производства нѣкоторыхъ дополнительныхъ устройствъ.*

345. *О безпошлинномъ пропускѣ изъ за границы нѣкоторыхъ предметовъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Императорская Академія Художествъ имѣетъ право получать изъ за границы безпошлинно, для собственной надобности, различные художественные предметы, изданія, принадлежности рисованія и другія вещи, имѣющія отношеніе къ искусствамъ.

2) Среднія земледѣльческія училища, состоящія въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, имѣютъ право, съ разрѣшенія Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, выписывать изъ за границы безпошлинно необходимые имъ учебные предметы.

3) Жалуемые лицамъ, проживающимъ въ Россіи, иностранные знаки отличія, присылаемые при соотвѣтственныхъ грамотахъ или дипломахъ, пропускаются безпошлинно.

4) Чины флота, возвращающіеся изъ заграничнаго плаванія, имѣютъ право на безпошлинный пропускъ привозимыхъ ими произведеній промышленности Китая, Японіи и другихъ отдаленныхъ странъ на сумму пошлинъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: лица, состоящія въ генеральскихъ чинахъ—до пятисотъ рублей, штабъ-офицеры—до трехсотъ рублей, а оберъ-офицеры—до ста пятидесяти рублей золотомъ. Льгота эта примѣняется только къ произведеніямъ промышленности указанныхъ странъ, имѣющимъ характеръ вещей для коллекцій или для украшенія комнатъ или мелкихъ галантерейныхъ вещей, и не распространяется на предметы потребленія или издѣлія, имѣющіе характеръ товаровъ.

II. Постановленіе, изложенное въ ст. 4 отд. I, ввести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1897 года.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 17 февраля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

346. *Объ учрежденіи попечительствъ о народной трезвости въ губерніяхъ и областяхъ, въ коихъ вводится казенная продажа питей, до срока введенія сей продажи.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Предоставить Министру Финансовъ учреждать въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ вводится казенная продажа питей, до срока введенія сей продажи, но не ранѣе, какъ за полгода, попечительства о народной трезвости [прил. II къ ст. 416 (прим. 4) уст. акц. сб., св. зак., т. V, по прод. 1895 г.] и отпускать означеннымъ попечительствамъ, со времени ихъ учрежденія, ассигнуемыя изъ казны на ихъ расходы суммы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 17 февраля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

347. *О продленіи срока временнаго примѣненія правилъ о наложеніи общихъ запрещеній на имѣнія казенныхъ должниковъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Срокъ временнаго примѣненія правилъ о наложеніи общихъ запрещеній на недвижимое имущество казенныхъ должниковъ продлить до 1 января 1898 г., съ тѣмъ, чтобы наложенныя до того

времени общія запрещенія по казеннымъ взысканіямъ и начетамъ сохранили силу до 1 іюля 1898 г.

II. Срокъ дѣйствія правилъ о замѣнѣ общихъ запрещеній частными (свод. зак., т. XVI ч. 2, изд. 1892 г., пол. о взыск. гражд. ст. 1, прим., прил.; ст. 18—24) для казенныхъ взысканій продлить до 1 іюля 1898 г.

III. Срокъ печатанія въ Сенатскихъ объявленіяхъ статей общихъ запрещеній по казеннымъ взысканіямъ и начетамъ продлить до 1 января 1898 г., а разрѣшительныхъ статей по тѣмъ же взысканіямъ и начетамъ—до 1 іюля 1898 г.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 17 февраля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

348. *Объ учрежденіи Батумскаго Общества охоты и объ утвержденіи устава онаго.*

349. *Объ отнесеніи на дополнительный облигаціонный капиталъ Общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ расходовъ, произведенныхъ бывшими Обществами Козлово-Воронежско-Ростовской и Грязе-Царицынской желѣзныхъ дорогъ изъ кассовыхъ средствъ и страховаго капитала.*

350. *Объ учрежденіи въ 3-мъ военномъ отдѣлѣ Забайкальскаго казачьяго войска скачекъ на призы.*

351. *Объ установленіи походно-суточныхъ денегъ офицерамъ Сибирскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ, командирующимъ консульскими конвоями въ Китаѣ.*

352. *О добавленіи къ штату Николаевскаго кавалерійскаго училища одного младшаго ветеринарнаго фельдшера.*

353. *О сравненіи содержанія Адъютантовъ линейныхъ бригадъ съ содержаніемъ Адъютантовъ стрѣлковыхъ и резервныхъ бригадъ.*

354. *О сформированіи 51-го Черниговскаго и 52-го Нѣжинскаго драгунскихъ полковъ, объ образованіи изъ названныхъ полковъ 2-й отдѣльной Кавалерійской бригады и о доформированіи по 3-му отдѣленію въ кадры №№ 16 и 17 кавалерійскаго запаса.*

355. *Объ учрежденіи полицейскаго поста на Чиназской переправѣ на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ.*

356. *Объ утвержденіи новаго штата должностей Аму-Дарьинской флотиліи.*

357. *Объ учрежденіи хора музыкантовъ въ Отдѣльномъ Корпусѣ Пограничной Стражи.*

358. *О старшинствѣ Кушкинскаго и Геокъ-Тепинскаго резервныхъ баталіоновъ.*

359. *О старшинствѣ Читинскаго резервнаго баталіона.*

360. *О числѣ инструкторовъ трубачей и горнистовъ и о содержаніи и ремонтированіи сигнальныхъ трубъ и рожковъ въ Кавказскихъ казачьихъ войскахъ.*

361. *Объ измѣненіи устава Нижегородско-Самарскаго Земельнаго Банка.*

362. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Общества Чувальскихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ.*

363. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго Общества „типографія и словолитня“.*

19 марта № 28.

364. *Объ установленіи формы обмундированія чиновъ и воспитанниковъ Ярославскаго кадетскаго корпуса.*

365. *Объ установленіи формы обмундированія 49 Архангелогородскаго и 50 Иркутскаго драгунскихъ полковъ.*

366. *Объ установленіи формы обмундированія чиновъ управленій артиллерійскихъ дивизіоновъ и запасныхъ наводчиковъ крѣпостной артиллеріи.*

367. *Объ установленіи формы обмундированія: а) 1 и 2 Восточно-Сибирскихъ артиллерійскихъ бригадъ и артиллерійскихъ дивизіоновъ: Забайкальскаго, Западно-Сибирскаго и 1—5 стрѣлковыхъ; и б) дежурныхъ Штабъ-офицеровъ и писарей, управленій Начальниковъ мѣстныхъ бригадъ.*

368. *Объ измѣненіяхъ въ формѣ обмундированія и снаряженія нижнихъ чиновъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.*

369. *О присвоеніи генераламъ и офицерамъ Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка—ташки.*

370. *Объ установленіи формы обмундированія: а) офицеровъ и нижнихъ чиновъ Восточно-Сибирскаго летучаго артиллерійскаго парка; и б) офицеровъ и ратниковъ Государственнаго ополченія губерній Царства Польскаго.*

371. *Объ измѣненіи въ формѣ обмундированія генераловъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.*

372. *Объ установленіи формы обмундированія, снаряженія и значковъ для Туркменскаго коннаго дивизіона.*

373. *Объ установленіи вензелеваго изображенія Имени Его Величества на офицерской ташкѣ Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка.*

374. *Объ установленіи: а) формы обмундированія Закаспійскихъ артиллерійскихъ парковыхъ частей и б) погоновъ при мундирахъ и шинеляхъ у нижнихъ чиновъ назначаемыхъ офицерскою прислугою.*

375. *О разрѣшеніи въ лѣтнее время въ Варшавскомъ военномъ округѣ носить бѣлые чехлы на фуражкахъ.*

376. *Объ установленіи формы обмундированія и снаряженія Дагестанскаго коннаго полка.*

377. *Объ установленіи шифровки: а) штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ вылазочныхъ крѣпостныхъ батарей, и б) нижнимъ чинамъ Донскихъ казачьихъ отдѣльныхъ сотенъ.*

378. *Объ установленіи формы обмундированія инженерныхъ войскъ, по случаю ихъ реорганизаціи.*

379. *Объ установленіи формы обмундированія швейцаровъ военно-учебныхъ заведеній.*

380. *Объ установленіи формы обмундированія Коменданта Императорской Главной Квартиры.*

381. *Объ измѣненіи въ формѣ обмундированія и снаряженія Кавказскихъ стрѣлковыхъ (туземныхъ) дружинъ, Осетинскаго коннаго дивизіона, Дагестанскаго коннаго полка и Кавказскихъ казачьихъ войскъ.*

382. *Объ установленіи формы обмундированія и снаряженія юнкеровъ военно-училищнаго курса Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища.*

21 марта № 29.

383. *Объ учрежденіи при благотворительныхъ заведеніяхъ Кіевскаго Покровскаго женскаго монастыря должностей старшаго врача и врачей-ординаторовъ.*

384. *О нѣкоторомъ усиленіи штата управленія перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ.*

385. *О преобразованіи Житомірской четырехклассной и Острожской шестиклассной прогимназій въ полныя гимназіи.*

386. *О причисленіи трехкласснаго училища, состоящаго при*

евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, къ третьему разряду учебныхъ заведенiй по отбыванiю воинской повинности.

387. *О преобразованiи сельской врачебной части въ Ставропольской губернiи и объ утвержденiи штата означенной части.*

388. *О пароходныхъ сообщенiяхъ между Архангельскомъ и устьемъ р. Печоры.*

389. *О кредитѣ на содержанiе русскихъ стипендiатовъ при Бьютэнцорiскомъ ботаническомъ садѣ на о. Явѣ.*

390. *О производствѣ квартирныхъ денегъ по окладамъ ротныхъ командировъ нѣкоторымъ оберъ-офицерамъ, получающимъ столовыя и добавочныя къ нимъ деньги также изъ окладовъ ротныхъ командировъ.*

391. *Объ уплатѣ конкурсу по дѣламъ несостоятельнаго Общества Риго-тукумской желѣзной дороги 213.250 р. 88 коп. съ %% въ счетъ покупной за названную желѣзную дорогу цѣны.*

392. *Объ установленiи въ г. Кiевѣ сбора за пользованiе гаванью въ заливѣ Оболонѣ.*

393. *Объ утвержденiи устава Московскаго нефтепромышленнаго Общества.*

394. *Объ образованiи при Костромской ученой архивной коммисiи особаго Романовскаго отдѣла.*

395. *Объ утвержденiи измѣненiй и дополненiй дѣйствующаго устава акцiонернаго Общества бумажныхъ мануфактуръ Луи Гейера.*

396. *О распространенiи въ полномъ объемѣ на порты Чернаго и Каспiйскаго морей правилъ, изданныхъ для принятiя предупредительныхъ мѣръ противъ заноса чумы въ порты Восточнаго океана 15 iюля 1894 года.*

397. *О продленiи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акцiи Общества „Ферролитъ“.*

25 марта № 30.

398. *О назначенiи квартирныхъ денегъ и добавочнаго жалованья помощнику директора главной физической обсерваторiи статскому совѣтнику Штеллингу.*

399. *О продленiи на 1897 годъ дѣйствiя смѣтъ и раскладокъ земскихъ повинностей по Закавказскому краю, Высочайше утвержденныхъ на трехлѣтiе 1894—1896 г.г.*

400. *Объ утвержденіи устава Акціонернаго Общества словолитни О. И. Леманъ въ С.-Петербургѣ.*

401. *Объ измѣненіи дѣйствующаго устава Компаніи С.-Петербургскаго металлическаго завода.*

402. *О продленіи дѣйствія Высочайше утвержденнаго въ 9 день февраля 1891 г. положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью и имуществомъ Ивана и Ольги Катаржи, а также Маріи Мазаракій-Деболыцовой и Александры Крупенской, нынѣ, за смертью Ивана Катаржи, надъ оставшимся послѣ него имуществомъ.*

403. *Объ измѣненіи книги 2 тома IV собранія узаконеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

Съ Высочайшаго соизволенія, особою Коммисіею, состоящею подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Опекуна, Члена Государственнаго Совѣта, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Маркуса издается собраніе узаконеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Въ настоящее время отпечатана вторая книга узаконенія Царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, за время съ 1 января 1886 г. по 31 декабря 1890 года.

Повергая на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоззрѣніе экземпляръ означенной книги, Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи всеподаннѣйше испрашивалъ Высочайше соизволеніе на обнародованіе ея, по примѣру первой книги того же изданія, установленнымъ порядкомъ.

Государь Императоръ въ 17 день февраля 1897 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть блогодарить.

404. *О разъясненіи ст. 679 Уст. Служб. Прав. изд. 1896 г.*

Управляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею увѣдомилъ, что Государь Императоръ, обративъ вниманіе на встрѣчаемыя въ практикѣ недоумѣнія при примѣненіи къ нагруднымъ ходатайствамъ ст. 679 Уст. Служб. Прав. изд. 1896 года, въ 18 день февраля 1897 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) чтобы въ случаѣ оказанія по какому либо вѣдомству заслуги лицомъ, къ оному не принадлежащимъ и состоящимъ притомъ на службѣ въ другомъ вѣдомствѣ, первое изъ сихъ вѣ-

домствъ сообщало второму предположеніе свое объ испрошеніи за означенную заслугу Высочайшей награды, 2) чтобы, за симъ, то вѣдомство, въ коемъ оказавшій отличіе состоитъ, на службѣ, вносило представленіе по этому предмету въ Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, съ соблюденіемъ существующихъ правилъ, но съ допущеніемъ испрошенія таковой награды, въ видѣ изъятія, внѣ установленной для каждаго вѣдомства числовой нормы и 3) чтобы представленія подобнаго рода пріурочивались къ опредѣленнымъ въ законѣ третнымъ срокамъ и вносились особыми, отдѣльными отъ прочихъ, списками.

405. *О предоставленіи Министру Юстиціи права утвердить проекты разграниченія губерній и областей Сибири на судебно-мировые участки, указать въ предѣлахъ этихъ участковъ мѣста пастояннаго пребыванія участковыхъ и добавочныхъ судей, а равно распредѣлить сихъ судей по участкамъ и назначить до 1 іюля 1897 г. почетныхъ мировыхъ судей.*

Согласно ст. 6 Высочайше утвержденныхъ 13 мая 1996 г. временныхъ правилъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири, сооставленіе предположеній о раздѣленіи сихъ губерній и областей, при предстоящемъ въ 1897 г. введеніи судебной реформы на мировые участки и о разграниченіи послѣднихъ, а также составленіе списковъ проживающихъ въ губерніи или области лицъ, могущихъ занять должность почетнаго мироваго судьи, возлагаются на особые губернскіе и областные комитеты, состоящіе въ каждой губерніи и области, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, изъ вице-губернатора, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда и городскаго головы губернскаго или областнаго города, причемъ составленные означенными комитетами разграниченія участковъ, а равно и списки кандидатовъ на должность почетнаго мироваго судьи утверждаются Министромъ Юстиціи.

Въ цѣляхъ скорѣйшаго приведенія къ окончанію работъ по предварительному распредѣленію судебно-мировыхъ участковъ, весною 1896 года въ губерніяхъ и областяхъ Сибири образованы были особыя совѣщанія въ томъ же составѣ, который опредѣленъ для помянутыхъ выше комитетовъ, съ замѣною лишь предсѣдателей и прокуроровъ окружныхъ судовъ предсѣдателями губернскихъ судовъ, губернскими и областными прокурорами и окружными судьями по принадлежности. Нынѣ означенными совѣщаніями со-

ставлены и препровождены въ Министерство Юстиціи проекты разграниченій губерній и областей на судебно-мировые участки и списки кандидатовъ на должности почетныхъ мировыхъ судей.

Принявъ во вниманіе: 1) что проекты росписанія судебно-мировыхъ участковъ должны быть, въ силу закона 13 мая 1896 г., выработаны губернскими и областными комитетами, которые однако могутъ быть образованы лишь послѣ вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей предсѣдателей и прокуроровъ окружныхъ судовъ; 2) что, согласно тому же закону, указаніе мѣстъ постояннаго пребыванія участковыхъ и добавочныхъ судей въ предѣлахъ участковъ принадлежитъ общимъ собраніямъ отдѣленій окружныхъ судовъ, а слѣдовательно можетъ состояться лишь по открытіи окружныхъ судовъ (ст. 13 врем. правилъ о примѣн. суд. уст. въ губ. и обл. Сибири), и 3) что соблюденіе этихъ условій, при отдаленности мѣстъ назначенія мировыхъ судей и несовершенствѣ въ Сибири путей сообщенія, весьма замедлило бы распредѣленіе участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей по участкамъ и вступленіе ихъ въ отправленіе своихъ обязанностей, равно какъ и назначеніе почетныхъ мировыхъ судей, Министръ Юстиціи, во избѣжаніе указанныхъ затрудненій и неудобствъ, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе ему, въ видѣ мѣры единовременной и въ изъятіе изъ вышеприведенныхъ ст. 6 и 13 закона 13 мая 1896 г.: 1) утвердить составленные означенными выше особыми совѣщаніями проекты разграниченія губерній и областей Сибири на судебно-мировые участки; 2) указать въ предѣлахъ этихъ участковъ мѣста постояннаго пребыванія участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей, а равно распредѣлить сихъ судей по участкамъ, и 3) назначить до 1 іюля 1897 г. почетныхъ мировыхъ судей, изъ числа кандидатовъ, представленныхъ на эти должности особыми совѣщаніями.

Государь Императоръ, въ 19 день февраля 1897 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

406. *О наименованіи Общины сестеръ милосердія въ г. Иркутскѣ, учреждаемой на средства Кочкиной и Нѣмчинова, „Іаково-Александринской“.*

407. *О присвоеніи одной изъ штатныхъ коекъ для глазныхъ больныхъ Воронежской губернской земской больницѣ наименованія В. К. Федяевскаго.*

408. *Объ учрежденіи Мозырской мужской прогимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

409. *Объ утвержденіи правилъ для предупрежденія столкновеній судовъ въ морѣ.*

410. *Объ утвержденіи положенія о стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича въ С.-Петербургскомъ училищѣ глухонѣмыхъ.*

411. *Объ учрежденіи въ селеніи Армавирѣ, Кубанской области должности втораго нотаріуса.*

412. *О соединеніи Копысскаго и Горецкаго сиротскихъ судовъ Могилевской губерніи.*

413. *Объ измѣненіи п. 4 основныхъ правилъ Елабужскаго Городскаго Общественнаго Банка.*

414. *Объ измѣненіи устава Бессарабско-Таврическаго Земельнаго Банка.*

415. *Объ измѣненіи редакціи п. 1 дополнительныхъ правилъ къ инструкціи относительно производства горнаго промысла въ губерніяхъ Царства Польскаго.*

416. *Объ учрежденіи на золотыхъ пріискахъ Графа Потоцкаго въ раіонѣ Маминской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго стражника.*

417. *Объ учрежденіи въ имѣніи дворянина Адріана Мазаракія, при селѣ Ильинкѣ, Воровской волости, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

418. *Объ учрежденіи въ м. Кандавѣ, Тальсенскаго уѣзда, Курляндской губерніи, должности городоваго.*

419. *Объ учрежденіи на Павло-Ольгинскомъ свеклосахарномъ заводѣ при с. Константиновкѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

420. *Объ учрежденіи 2-хъ старшихъ и 7 младшихъ городовыхъ въ гор. Грозномъ.*

421. *Объ учрежденіи 4 должностей полицейскихъ урядниковъ въ станицахъ Сальскаго округа.*

422. *Объ измѣненіи Нормальнаго устава скаковыхъ Обществъ.*

28 марта № 31.

423. *Объ отчужденіи земли подъ устройство верхней струенаправляющій дамбы у моста чрезъ р. Наревъ, на Ковенскомъ шоссе, близъ посада Зегрже.*

424. *Объ увеличеніи суммы на канцелярскіе расходы комитета по управленію г. Новочеркаскомъ.*

425. *Объ усиленіи личнаго состава и денежныхъ отпусковъ по канцеляріи войсковаго наказнаго атамана войска Донскаго.*

426. *О возложеніи на директора маяковъ и лоціи Чернаго и Азовскаго морей переписки о портовыхъ лоцманахъ и лоцманскихъ обществахъ, дѣйствующихъ на упомянутыхъ моряхъ.*

427. *Объ утвержденіи устава Общества „Ремесленникъ".*

428. *Объ утвержденіи устава Общества Московскаго Семеновскаго сталелитейнаго завода.*

429. *О предоставленіи права льготныхъ офицерамъ строеваго комплекта казачьихъ войскъ занимать должности станичныхъ атамановъ безъ отчисленія по войску.*

430. *Объ измѣненіи комплектованія военно-училищнаго курса при Елисаветградскомъ кавалерійскомъ юнкерскомъ училищѣ.*

431. *Объ измѣненіи ст. 447 кн. V Св. Воен. Пост. 1869 года.*

432. *Объ измѣненіи ст. 6 штата Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса.*

433. *Объ измѣненіи п. 2 примѣчанія къ штату военныхъ училищъ.*

434. *Объ увеличеніи штатовъ Жандармскихъ Полицейскихъ Управленій желѣзныхъ дорогъ: С.-Петербурго-Варшавскаго, Екатеринбургскаго и Закаспійской военной желѣзной дороги.*

435. *О порядкѣ учета денегъ, отпускаемыхъ батареямъ на постройку мишеней.*

436. *О добавленіи въ штатъ Хабаровскаго аптечнаго склада десяти служителей изъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.*

437. *Объ установленіи по Военному вѣдомству поверстнаго срока по воднымъ путямъ и суточныхъ денегъ при переѣздахъ по этимъ путямъ.*

438. *О продолженіи срока дѣйствія временной табели мундирнымъ, аммуничнымъ и прочимъ вещамъ, потребнымъ на содержаніе казачьей сотни Николаевскаго кавалерійскаго училища.*

439. *Объ увеличеніи столовыхъ денегъ старшему адъютанту Кубанской пластунской бригады.*

440. *О введенiи обоза въ штатъ Красноярскаго мѣстнаго лазарета.*

441. *Объ измѣненiи въ штатѣ управленiя отдѣловъ Астраханскаго казачьяго войска.*

442. *Объ установленiи довольствiя зимнею рабочею одеждою мастеровыхъ и рабочихъ нижнихъ чиновъ Петербургскихъ окружныхъ артиллерiйскихъ складовъ.*

443. *Объ измѣненiи порядка подчиненiя фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ въ госпиталяхъ.*

444. *Объ отпускѣ суточныхъ и квартирныхъ денегъ офицерамъ, прибывающимъ для леченiя на Тифлисскую прививочную станцiю.*

445. *О непрерывномъ содержанiи открытыми лазаретовъ полковъ Л.-Гв. Литовскаго и Волынскаго.*

446. *О времени, съ котораго казаки служилаго разряда, неспособные къ службѣ, но способные къ труду, привлекаются къ платежу денежнаго сбора.*

447. *Объ увеличенiи штатнаго денежнаго отпуска по Военно-Медицинскому Ученому Комитету.*

448. *Объ уменьшенiи числа кандидатовъ на судебныя должности, состоящихъ при Кiевскомъ Военно-Окружномъ Судѣ.*

449. *Объ учрежденiи втораго строеваго хора музыкантовъ для командъ Черноморской дивизiи.*

450. *О принятiи капитала, завѣщаннаго отставнымъ генералъ-лейтенантомъ Преображенскимъ, для учрежденiя стипендiй его имени въ 1 и 2 кадетскихъ корпусахъ.*

451. *Объ утвержденiи проекта примѣчанiя къ § 39 положенiя о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, Высочайше утвержденнаго 24 марта 1877 года.*

452. *О переименованiи 1-го баталiона Двинской крѣпостной артиллерiи во 2-й баталiонъ Либавской крѣпостной артиллерiи и о включенiи въ составъ осаднаго артиллерiйскаго баталiона въ Двинскѣ Бобруйской крѣпостной артиллерiйской роты.*

1 апрѣля № 32.

453. *Объ отчужденiи изъ владѣнiя крестьянъ села Савцина, Кашинскаго уѣзда, Тверской губернiи, одной десятины земли подъ устройство кладбища.*

454. *Объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ, потребныхъ для развитія станціи Ивангородъ, Привислинской желѣзной дороги.*

455. *Объ отчужденіи земель, потребныхъ для сооруженія главной Ярославско-Рыбинской желѣзнодорожной линіи.*

456. *Объ отчужденіи земель подъ устройство Дербентской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги.*

457. *Объ устройствѣ перевозки почтъ по желѣзнодорожной линіи Омскъ-Иркутскъ и Томской вѣтви.*

458. *Объ учрежденіи для города Гурьева, Уральской области, должности городскаго пристава.*

459. *О распредѣленіи расходовъ по содержанію Иркутской городской полиціи.*

460. *О распространеніи на гор. Уральскъ дѣйствія правилъ о сборѣ съ извознаго промысла.*

461. *Объ установленіи въ пользу г. Тулы сбора съ грузовъ.*

462. *О расходѣ по устройству быта бывшихъ вольныхъ людей 2-го разряда въ Житомірскомъ и Овручскомъ уѣздахъ, Волынской губерніи.*

463. *О введеніи въ школахъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ иностранныхъ колонистовъ) преподаванія на русскомъ языкѣ.*

464. *О преобразованіи управленія строительною и дорожною частями въ Пріамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и объ утвержденіи штата сего управленія.*

465. *Объ утвержденіи устава Товарищества Городище-Пустоворовскаго свеклосахарнаго завода.*

466. *О включеніи въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва въ войска, предсѣдателей уѣздныхъ (окружныхъ) и городскихъ воинскихъ присутствій.*

467. *Объ измѣненіи концессіи, дарованной Большому Сѣверному Телеграфному Обществу на соединеніе телеграфныхъ изъ Японіи и Китая кабелей съ русскими телеграфами.*

468. *Объ измѣненіи устава нефтепромышленнаго и торговаго Товарищества бр. Мирзоевыхъ и К°.*

469. *Объ отмѣнѣ особыхъ поручительствъ въ исправномъ платежѣ денегъ за содержаніе своекоштныхъ воспитанницъ въ институтахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и объ измѣ-*

неніи формъ: прошенія объ опредѣленіи воспитанницы и обязательства въ вѣрномъ платежѣ пансіонерныхъ денегъ.

470. *О присвоеніи церковно-приходской школѣ, въ деревнѣ Язвицевѣ, Любимскаго уѣзда, имени „Екатерины Григорьевнѣ Богдановой“.*

471. *О главномъ завѣдываніи Санаторіею Халила.*

472. *Объ отмѣнѣ Высочайше установленнаго предѣльнаго возраста для поступающихъ въ Горецкіе Землемѣро-Таксаторскіе классы.*

473. *Объ утвержденіи дополнительныхъ правилъ, подлежащихъ соблюденію при употребленіи къ работѣ въ жилыхъ и подвальныхъ помѣщеніяхъ вертикальныхъ водотрубныхъ паровыхъ котловъ системы Щербакова и Бродовскаго.*

474. *Объ утвержденіи правилъ для торговли питьями въ казенныхъ винныхъ лавкахъ.*

475. *О разрѣшеніи къ выпуску гарантированнаго Правительствомъ 4% облигаціоннаго капитала Общества Московско-Казанской желѣзной дороги, на 27.300,000 руб. кр. нар.*

476. *Объ отмѣнѣ акцій Общества Московско-Брестской желѣзной дороги на свидѣтельства Государственной 4% ренты.*

477. *Объ увеличеніи основнаго капитала Ленскаго золотопромышленнаго Товарищества.*

3 апрѣля № 33.

478. *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства, въ 1897 году, 10.000. руб. на окончаніе постройки соборнаго храма въ гор. Омскѣ.*

479. *Объ измѣненіи узаконеній, касающихся геологическаго комитета и объ утвержденіи штата сего комитета.*

480. *Объ утвержденіи устава С.-Петербургскаго акціонернаго Общества печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ.*

481. *Объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ статей положенія объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ.*

482. *О дополненіи Алфавитнаго Перечня документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ.*

483. *Объ утвержденіи устава Товарищества виноградарей-собственниковъ южнаго берега Крыма.*

484. *Объ учрежденіи на кирпичныхъ заводахъ, расположенныхъ въ Кальнцѣмской и Вольгундской волостяхъ, Добленскаго уѣзда, Курляндской губерніи, должности конно-полицейскаго урядника.*

485. *Объ учрежденіи на заводахъ Высочайше утвержденнаго промышленнаго, каменноугольнаго и металлургическаго Общества Успенскаго бассейна, при селѣ Успенскомъ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, должности конно-полицейскаго урядника.*

486. *Объ учрежденіи при заводѣ Московскаго акціонернаго Общества для производства цемента и другихъ строительныхъ матеріаловъ въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, должностей полицейскаго надзирателя и трехъ пѣшихъ полицейскихъ урядниковъ.*

4 апрѣля № 34.

487. *Объ отчужденіи земель и другихъ имуществъ, потребныхъ для сооруженія Ташкентской и Ново-Маргеланской вѣтвей Самаркандъ-Андижанской желѣзнодорожной линіи, а также подъѣздныхъ шоссейныхъ путей къ станціямъ Джизакъ, Коканъ и Ходжентъ той же желѣзной дороги.*

488. *Объ оставленіи въ предѣлахъ Хаджимуковской дачи переселенныхъ туда по распоряженію мѣстнаго начальства запасныхъ нижнихъ чиновъ, крестьянъ и другихъ лицъ, зачисленныхъ въ казачье сословіе, и о предоставленіи сей дачи въ собственность Кубанскаго войска.*

489. *О разрѣшеніи опредѣлять лицъ, не имѣющихъ соотвѣтственныхъ чиновъ, въ нѣкоторыя должности въ отдѣленіяхъ по охраненію общественной безопасности и порядка въ столицахъ.*

490. *О возстановленіи возврата акциза за сахаръ, вывозимый на средне-азіятскіе рынки.*

491. *Объ отмѣнѣ возврата акциза за спиртъ, содержащійся въ вывозимыхъ за границу лакѣ и политурѣ.*

492. *Объ учрежденіи установленій по крестьянскимъ дѣламъ въ Акмолинской области и объ утвержденіи временнаго штата означенныхъ установленій.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить нижеслѣдующія временныя правила объ установленіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Акмолинской области:

1) Завѣдываніе въ упомянутой области общественнымъ управленіемъ и устройствомъ быта сельскихъ обывателей, кромѣ инородцевъ, возлагается на чиновниковъ и уѣздныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а равно на областное правленіе.

2) Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе образуется изъ чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, уѣзднаго начальника, мироваго судьи и податнаго инспектора. Предсѣдателемъ присутствія состоитъ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ.

3) Въ составѣ областнаго правленія учреждается должность непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ. Для письмоводства по дѣламъ сельскихъ обывателей, въ вѣдѣніи непремѣннаго члена, состоятъ дѣлопроизводитель и его помощникъ.

4) Предметы вѣдомства, предѣлы власти и порядокъ дѣйствій чиновниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ опредѣляются правилами, установленными въ семъ отношеніи для чиновниковъ и окружныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніяхъ Томской и Тобольской (свод. зак., т. IX, особ. прил., III, пол. учр. крест., ст. 1, прим. 2, по прод. 1890 г., прил.: ст. 1 и 6), а также особыми о переселеніяхъ узаконеніями, съ дополненіями, изложенными ниже въ статьяхъ 5—9.

5) Чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры, постановленные подвѣдомственными ему волостными и сельскими сходами.

6) Если чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ удостовѣрится, что приговоръ волостнаго или сельскаго схода постановленъ несогласно съ законами или клонится къ явному ущербу общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ останавливаетъ исполненіе приговора и представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

7) Чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, если признаетъ необходимымъ, дѣлаетъ распоряженіе о заключеніи подъ стражу крестьянъ, подлежащихъ удаленію изъ обществъ по состоявшимся о нихъ мірскимъ приговорамъ.

8) Если лицо, подвѣдомственное крестьянскому общественному

управленію, не исполнить законнаго требованія или распоряженія чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, то послѣдній имѣетъ право подвергнуть виновнаго въ таковомъ ослушаніи аресту на время не свыше *трехъ дней* или денежному взысканію не свыше *шести рублей*. Въ каждомъ случаѣ наложенія упомянутыхъ взысканій должно быть составлено чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ особое постановленіе, причемъ постановленія объ арестѣ приводятся немедленно въ исполненіе. Денежныя взысканія обращаются въ пользу мірскихъ суммъ.

9) Постановленія чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ о наложеніи упомянутыхъ въ предшедшей (8) статьѣ взысканій могутъ быть обжалованы въ теченіи двухъ недѣль, считая со дня, въ который состоялось постановленіе. Жалобы приносятся областному правленію.

10) Предметы вѣдомства, предѣлы власти и порядокъ дѣйствій областнаго правленія по дѣламъ, относящимся до завѣдыванія общественнымъ управленіемъ и устройствомъ быта сельскихъ обывателей, опредѣляются правилами, установленными для губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. На непремѣннаго члена областнаго правленія возлагается: участіе въ качествѣ члена въ общемъ присутствіи правленія при разсмотрѣніи дѣлъ, относящихся до сельскаго состоянія, докладъ общему присутствію собственно крестьянскихъ дѣлъ и ближайшее наблюденіе за ихъ производствомъ въ канцеляріи областнаго правленія.

11) Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, а равно привлеченіе ихъ къ отвѣтственности за неправильныя по службѣ дѣйствія зависитъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

12) Непремѣнный членъ областнаго правленія назначается и увольняется Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей положенія объ управленіи областей Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской (свод. зак., т. II, изд. 1892 г.) и другихъ узаконеній, постановить:

1) Въ предѣлахъ Акмолинской области дѣйствіе статей 33—38 положенія объ управленіи степныхъ областей распространяется исключительно на инородцевъ.

2) Военный губернаторъ Акмолинской области, при устраненіи волостнаго старшины отъ исполненія служебныхъ обязанностей, предлагаетъ въ то же время уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію войти въ областное правленіе съ представленіемъ объ окончательномъ удаленіи волостнаго старшины отъ должности или же о преданіи его суду.

3) Дѣйствіе статьи 90 положенія объ управленіи степныхъ областей не распространяется на Акмолинскую область.

III. Проектъ, временнаго штата установленій по крестьянскимъ дѣламъ Акмолинской области поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

IV. Настоящее узаконеніе привести въ дѣйствіе съ 1 апрѣля 1897 года.

V. Исчисленный по упомянутому въ отдѣлѣ III штату расходъ отнести на средства государственнаго казначейства, разрѣшивъ къ расходованію, въ 1897 году, занесенные въ смѣту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на этотъ годъ, къ условному отпуску, кредиты на содержаніе установленій по крестьянскимъ дѣламъ въ Акмолинской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 10 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

493. *Объ утвержденіи штата управленія и медицинской части округи Командорскихъ островов Приморской области.*

494. *Объ измѣненіи примѣчанія 1-го къ статьѣ 79 Городоваго Положенія 11 іюня 1892 года.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Примѣчаніе 1 къ статьѣ 79 городоваго положенія (св. зак., т. II, изд. 1892 г.), изложить слѣдующимъ образомъ:

„Предположенія столичныхъ думъ объ измѣненіяхъ въ планахъ С.-Петербурга и Москвы приводятся въ дѣйствіе не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ".

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 10 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

495. *Объ увеличеніи основнаго капитала Русскаго Общества для эксплоатаціи электрической энергіи.*

496. *О продленіи дѣйствія п. 5 Высочайше утвержденнаго, 9 февраля 1891 года, положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью и имуществомъ потомственнаго дворянина Владиміра Лихачева, а равно ст. II Высочайше утвержденнаго, 16 января 1893 года, положенія Комитета Министровъ, объ измѣненіи дарованныхъ означенному управленію особенныхъ правъ.*

497. *Объ учрежденіи завода военно-врачебныхъ заготовленій и объ утвержденіи положенія и временнаго штата означеннаго завода.*

398. *О дополненіи статьи 214 кн. III ч. IV Св. Воен. Пост. 1859 года, по VI прод.*

499. *Объ отпускѣ батареямъ пѣшей артиллеріи контръ-марокъ для взиманія обывательскихъ подводъ на перевозку ранцевъ орудійной прислуги.*

500. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Южно-русскаго Общества винодѣлія Генрихъ Редереръ въ Одессѣ.*

501. *О дополненіи § 13 правилъ для пріема вкладовъ на вѣчное время на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25 февраля 1883 г.*

502. *О выпускѣ трехъ новыхъ серій Государственной 4% ренты, 187 по 189 включительно, по десять милліоновъ рублей нарицательныхъ каждая.*

503. *О выпускѣ новой, 190, серіи Государственной 4% ренты, на десять милліоновъ рублей.*

504. *О назначеніи курса для представляемыхъ въ таможни серебряной рублевой монеты, кредитныхъ рублей, мелкой серебряной и мѣдной монеты на время съ 1 апрѣля по 1 іюля 1897 года.*

8 апрѣля № 35.

505. *Объ отчужденіи земли, потребной для постройки казармъ близъ Осовецкой крѣпости.*

506. *Объ отмѣнѣ, съ 1 января 1897 г., установленнаго въ 1863 г. особаго процентнаго сбора въ доходъ казны съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ девяти западныхъ губерніяхъ.*

Прискорбныя смятенія, волновавшія западную окраину въ 1863 году, вызвали, въ числѣ прочихъ правительственныхъ мѣръ, установленіе особаго процентнаго сбора съ недвижимыхъ имѣній лицъ

польскаго происхожденія. Въ продолженіи истекшихъ съ тѣхъ поръ тридцати слишкомъ лѣтъ, незыблемо охраняя общія начала, направленныя къ сліянію западныхъ губерній съ прочими мѣстностями Имперіи, въ Бозѣ почившіе Самодержцы Всероссійскіе желали Милосердіемъ своимъ постепенно изглаживать въ памяти народной слѣды преступныхъ заблужденій, вовлекшихъ польское населеніе въ нарушеніе вѣрноподданническаго долга. Слѣдуя завѣтамъ минувшихъ Царствованій и неизмѣнно стремясь къ упроченію въ Западномъ краѣ русской государственности, Мы, въ заботахъ о водвореніи милости въ дѣлахъ правленія, признали за благо отмѣнить установленный въ 1863 году процентный сборъ съ имѣній лицъ польскаго происхожденія, уповая, что сей новый знакъ Монаршаго снисхожденія вящше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подъ сѣнью Русской Державы.

Вслѣдствіе сего Повелѣваемъ: взимаемый съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ девяти западныхъ губерніяхъ въ доходъ казны особый процентный сборъ отмѣнить съ 1-го января сего 1897 года.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: *„НИКОЛАЙ“.*

Въ Царскомъ Селѣ.
27 марта 1897 года.

507. *Объ учрежденіи при Саратовской гимназіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ.*

508. *Объ утвержденіи уставовъ Ксаверовской и Константиновской (Петроковской губеріи) похоронныхъ кассъ.*

509. *Объ учрежденіи больничной кассы для рабочихъ сталелитейнаго завода Бекеръ и К° въ г. Либавѣ и объ утвержденіи устава сей кассы.*

510. *Объ измѣненіи штатовъ нѣкоторыхъ учрежденій Инженернаго корпуса.*

511. *Объ утвержденіи положенія о капиталѣ имени врачей выпуска 9 декабря 1868 года Императорской Медико-Хирургической (нынѣ Военно-Медицинской) академіи.*

512. *Объ устройствѣ при Весьегонскомъ дѣтскомъ пріютѣ особаго отдѣленія для малолѣтнихъ въ память Императора Александра III, на средства, представленныя Попечительницею сего пріюта Маріею Галуновою.*

513. *О принятіи капитала, пожертвованнаго Екатеринбургскимъ 1-й гильдіи купцомъ М. Ф. Рожновымъ, въ пользу дѣтскаго пріюта его имени въ гор. Камышловѣ.*

514. *О присвоеніи особыхъ наименованій двумъ домахъ Братолюбиваго Общества снабженія въ Москвѣ неимущихъ квартирами.*

515. *О принятіи въ собственность Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета, завѣщаннаго оному женою Капитана Анною Алексѣевною Лукашевичъ, недвижимаго имущества.*

516. *О принятіи въ собственность Братолюбиваго Общества снабженія въ Москвѣ неимущихъ квартирами завѣщаннаго оному крестьяниномъ Михаиломъ Даниловымъ Куликовымъ дома въ г. Москвѣ.*

517. *Объ утвержденіи стипендій, кроватей и пособій въ нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Императорскому Человѣколюбивому Обществу.*

518. *О присоединеніи къ неприкосновенному капиталу имени Инспектора Пограничной Стражи, Генералъ-Лейтенанта Дмитрія Карловича Гана, 2,809 руб. 1 к. и объ измѣненіи 3 и 4 статей Высочайшаго повелѣнія 27 апрѣля 1884 года о семъ капиталѣ.*

519. *О принятіи XII международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ, подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительство.*

520. *Объ установленіи нормы учебнаго 3-хъ линейнаго оружія въ казачьихъ войскахъ.*

521. *Объ обращеніи Лукояновской Тихоновской женской общины, Нижегородской епархіи, въ третьеклассный того же наименованія монастырь.*

522. *Объ утвержденіи устава торговыхъ классовъ, учрежденныхъ Обществомъ распространенія низшаго коммерческаго образованія въ г. Кіевѣ.*

523. *Объ утвержденіи устава и штата Марьинской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда въ имѣніи г.г. Ребиндеръ при селѣ Шебекинѣ, Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.*

524. *Объ утвержденіи таблицы тарифныхъ постанціонныхъ разстояній Закаспійской военной желѣзной дороги для перевозки пассажировъ, багажа и грузовъ большой и малой скорости.*

525. *Объ измѣненіи правилъ пропуска судовъ подъ принадлежащимъ Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ мостомъ черезъ р. Донъ у города Ростова на Дону.*

11 апрѣля № 36.

526. *О признаніи общественнаго значенія за Майнакскимъ грязелечебнымъ озеромъ.*

527. *Объ измѣненіи статьи 6 приложенія къ статьѣ 70 (примѣч.) устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (св. зак., т. XIV, изд. 1890 г.).*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Статью 6 приложенія къ статьѣ 70 (примѣч.) устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, тома XIV свода законовъ, изданія 1890 г., изложить слѣдующимъ образомъ.

„Евреямъ, калмыкамъ и киргизамъ, когда они, принявъ христіанскую вѣру, семьями или отдѣльно, должны оставить прежнюю осѣдлость среди бывшихъ единовѣрцевъ ихъ и водвориться въ городахъ или селеніяхъ между христіанами, можетъ быть, въ случаѣ необходимости и неимѣнія сими инородцами собственныхъ средствъ, производимо, при переселеніи и новомъ водвореніи, пособіе изъ казны. Выдача сего пособія упомянутымъ лицамъ, безъ различія пола, при томъ имѣющимъ семейства или одинокимъ, а равно опредѣленіе размѣра пособія, предоставляются усмотрѣнію мѣстнаго губернскаго или областнаго начальства; въ мѣстностяхъ же, подвѣдомыхъ Генералъ-Губернаторамъ,—усмотрѣнію сихъ послѣднихъ“.

II. Внесенный къ условному отпуску въ смѣту расходовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1897 г., по статьѣ 2 § 29, кредитъ *въ двѣ тысячи* рублей—на пособія новокрещеннымъ изъ киргизовъ—разрѣшить къ расходованію на общемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующіе годы размѣръ сего кредита былъ опредѣляемъ по смѣтѣ названнаго Министерства въ мѣрѣ дѣйствительной потребности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ

Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 24 февраля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

528. *О дополненіи штата управленія Иркутскаго Генералъ-Губернатора.*

529. *О кредитѣ на содержаніе близъ г. Каинска, Томской губерніи, сельскохозяйственной фермы.*

530. *Объ учрежденіи въ Томской губерніи сельскохозяйственной школы.*

531. *О кредитахъ на устройство врачебной, полицейской и дорожной частей на Шаропанскихъ марганцевыхъ промыслахъ.*

532. *Объ измѣненіи устава акціонернаго Общества Ревельской писчебумажной фабрики Э. И. Іогансона.*

533. *Объ измѣненіи устава акціонернаго Общества стекольнаго производства И. Ритингъ.*

534. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „акціонерное Общество машиностроительныхъ заводовъ въ Горловкѣ (Донецъ)".*

535. *О предоставленіи Обществу Владикавказской желѣзной дороги постройки и эксплоатаціи линіи отъ г. Дербента до г. Баку.*

536. *Объ утвержденіи устава Попечительнаго Общества о Домѣ трудолюбія въ г. Ташкентѣ.*

15 апрѣля № 37.

537. *О составѣ особыхъ коммисій, назначаемыхъ для разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архива губернскаго правленія.*

538. *Объ утвержденіи устава Товарищества Ю. В. Грессаръ и К°.*

539. *Объ утвержденіи устава Товарищества владѣльцевъ Охотнорядскаго и другихъ домовъ въ Москвѣ.*

540. *О продажѣ крестьянскихъ земельныхъ участковъ изъ фидеикоммиссныхъ имѣній, Эстляндской губерніи, барона Икскуля.*

541. *О продленіи срока дѣйствія временныхъ правилъ о рыбныхъ промыслахъ въ водахъ восточной части Закавказья.*

542. *Объ установленіи безплатныхъ паспортовъ для отлучекъ*

лицъ сельскаго состоянія пограничной полосы Царства Польскаго въ Германію на сельскохозяйственныя работы.

543. *О принятіи капитала для учрежденія на проценты съ онаго стипендіи въ Тобольскомъ Александровскомъ дѣтскомъ пріютѣ Имени Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.*

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ СЛѢДСТВЕННОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ [1]).

IV. О необходимости и полезности преобразованія нашей слѣдственной части по иностраннымъ образцамъ.

I.

Въ предъидущей главѣ я подробно разсмотрѣлъ вопросъ о мѣрахъ улучшенія состоянія нашего розыска потому, что по этому самому существенному въ слѣдственномъ дѣлѣ вопросу наши юристы-практики въ матерьялахъ для пересмотра законоположеній по слѣдственной части высказали нѣсколько односторонніе сужденія. Послѣ сдѣланныхъ же мною выводовъ во второй главѣ моей статьи, мнѣ бы слѣдовало непосредственно перейти къ указанію совершенныхъ сторонъ иностранной организаціи труда должностныхъ лицъ въ слѣдственномъ дѣлѣ и доказать необходимость и полезность построенія нашей слѣдственной части по иностраннымъ образцамъ.

Во время производства предварительнаго слѣдствія должностныя лица подготовляютъ по отдѣльнымъ уголовнымъ дѣламъ матеріалъ для судебнаго разсмотрѣнія. При этой подготовкѣ ихъ дѣятельность по собранію уголовныхъ доказательствъ соединяется съ письменнымъ трудомъ; но такъ какъ эта дѣятельность составляетъ въ слѣдственномъ дѣлѣ суть ихъ занятій,

[1]) См. Журн. Юрид. Общ. 1897 г., кн. IV.

то само собою понятно, что занятія должностныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ должны быть распредѣлены такъ, чтобы они могли бы достигать, главнымъ образомъ, удовлетворительныхъ результатовъ въ дѣятельности по собранію уголовныхъ доказательствъ, а не въ письменномъ только трудѣ. Въ цѣлесообразномъ распредѣленіи этихъ занятій имѣетъ весьма важное значеніе обстановка совершающихся на практикѣ преступленій; поэтому я, для уясненія совершенныхъ сторонъ организаціи труда должностныхъ лицъ въ слѣдственномъ дѣлѣ иностранныхъ государствъ, ознакомлю читателя съ этою обстановкою.

Изучая отдѣльныя уголовныя дѣла, каждый юристъ-практикъ замѣтитъ, что преступленія по своей обстановкѣ разнообразны. По довольно значительному количеству уголовныхъ дѣлъ должностныя лица имѣютъ дѣло съ такой обстановкой преступленій, при которой имъ нужно, при подготовкѣ дѣла къ судебному разсмотрѣнію, внести въ протоколъ дознанія или предварительнаго слѣдствія выяснявшіяся при возникновеніи дѣла обстоятельства, не вызывающія ни въ комъ сомнѣній. Кромѣ этихъ дѣлъ, не требующихъ проявленія дѣятельности должностныхъ лицъ по собранію уголовныхъ доказательствъ, на практикѣ возникаютъ также дѣла, по коимъ должностнымъ лицамъ, при этой подготовкѣ, приходится собирать факты и изслѣдовать степень ихъ достовѣрности, какъ по отношенію указаній на заподозрѣнное въ преступленіи лицо, такъ и по отношенію указаній на фактъ совершенія того или другого преступленія. При собраніи первоначальныхъ свѣдѣній по дѣламъ этой второй категоріи должностнымъ лицамъ почти всегда возможно выяснить составъ совершеннаго преступленія и только иногда заподозрѣнное въ преступленіи лицо. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда при собраніи первоначальныхъ свѣдѣній не обнаруживается указаній на заподозрѣнное въ преступленіи лицо, дальнѣйшее изслѣдованіе преступленія во время производства предварительнаго слѣдствія, какъ это доказываетъ опытъ судебной практики, бываетъ совершенно безцѣльнымъ. Такое изслѣдованіе можетъ дать удовлетворительные результаты только при случайномъ обнаруженіи или при обнаруженіи мѣрами розыска

опредѣленныхъ по этому предмету указаній. Такимъ образомъ, по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ цѣлесообразность, способъ и трудность изслѣдованія преступленій выясняется послѣ собранія первоначальныхъ свѣдѣній, а не съ начала возникновенія каждаго уголовнаго дѣла. Разнообразіе обстановокъ преступленій не допускаетъ мысли о возможности установленія общихъ правилъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Вопросы о цѣлесообразности, способѣ и трудности изслѣдованія преступленія должны быть разрѣшены по каждому уголовному дѣлу отдѣльно. По окончаніи собранія первоначальныхъ свѣдѣній, дѣла первой категоріи могутъ быть направлены съ обвинительнымъ актомъ; изъ дѣлъ же второй категоріи нѣкоторыя должны быть прекращены или переданы по подсудности, а нѣкоторыя требуютъ, для успѣха разслѣдованія преступленія, производства розыска или производства предварительнаго слѣдствія. По послѣднимъ дѣламъ и самый выборъ лицъ, подходящихъ для изслѣдованія отдѣльныхъ преступленій, можетъ быть сдѣланъ удачно только съ этого момента, ибо успѣхъ разслѣдованія преступленія, въ сферѣ розыска и предварительнаго слѣдствія, требуетъ отъ должностныхъ лицъ проявленія разныхъ способностей и служебнаго опыта.

Признавая трудность задачи изслѣдованія преступленія, не допуская поэтому ошибочнаго предположенія о возможности обнаруженія виновныхъ лицъ по всѣмъ совершаемымъ въ государствѣ преступленіямъ и сообразуясь съ обстановкою преступленій и опытомъ судебной практики, иностранныя правительства отдѣлили розыскъ отъ предварительнаго слѣдствія: расширеніемъ области дознанія; сосредоточеніемъ всѣхъ дознаній въ рукахъ прокуратуры; предоставленіемъ ей права направлять по подсудности или прекращать дознанія по безнадежнымъ дѣламъ и отдаленіемъ момента приступа къ предварительному слѣдствію до момента предложенія лица прокурорскаго надзора о возбужденіи преслѣдованія противъ заподозрѣннаго въ преступленіи лица. Въ этихъ мѣрахъ, какъ это не трудно замѣтить, выразилось стремленіе иностранныхъ правительствъ приспособить занятія должностныхъ лицъ въ

слѣдственномъ дѣлѣ къ опыту судебной практики и разнообразію обстановки преступленій; подобнаго же стремленія въ распредѣленіи занятій въ слѣдственномъ дѣлѣ между нашими должностными лицами въ Россіи не проявлялось. Неприспособленность занятій должностныхъ лицъ въ слѣдственномъ дѣлѣ къ опыту судебной практики и къ обстановкѣ преступленій вызвала у насъ: обремененіе судебныхъ слѣдователей массою пустыхъ и непроизводительныхъ занятій, необходимость имѣть при недостаточномъ количествѣ товарищей прокуроровъ большое количество судебныхъ слѣдователей и прекращеніе окружными судами многочисленнаго количества дѣлъ на основаніи 277 ст. уст. угол. судопр. Отдѣленіе же розыска отъ предварительнаго слѣдствія въ иностранныхъ государствахъ повлекло за собою: прекращеніе прокуратурою массы дознаній, направленіе ею по подсудности большаго количества дознаній и ограниченіе случаевъ производства предварительнаго слѣдствія. Предварительныя слѣдствія въ иностранныхъ государствахъ производятся только о лицахъ, обвиняемыхъ въ преступленіи, судимыхъ присяжными засѣдателями, или въ преступленіяхъ, требующихъ обстоятельной подготовки дѣла къ судебному разсмотрѣнію. Но и это ограниченное количество случаевъ производства предварительнаго слѣдствія итальянскій министръ Вилла въ представленномъ имъ въ 1880 году проектѣ измѣненія порядка преданія суду по дѣламъ о преступленіяхъ, судимыхъ присяжными засѣдателями, находилъ возможнымъ сократить для преступниковъ, захваченныхъ на мѣстѣ совершенія преступленія и пойманныхъ при преслѣдованіи. По дѣламъ этого рода Вилла предполагалъ допустить составленіе обвинительныхъ актовъ прокуратурою по актамъ дознанія.

Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы понять совершенныя стороны иностранной организаціи труда должностныхъ лицъ въ слѣдственномъ дѣлѣ. Организація эта доводитъ непроизводительныя занятія должностныхъ лицъ до возможно большаго minimum'а и устанавливаетъ, благодаря расширенной области дознанія, цѣлесообразное пользованіе въ слѣдственномъ дѣлѣ лучшими силами, имѣющимися въ распоряженіи правительства.

дознаніе иностранными законодательствами расширяется отнесеніемъ къ его области безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій и увеличеніемъ круга должностныхъ лицъ его производящихъ: въ иностранныхъ государствахъ дознанія производятся чинами полиціи и прокуратурою, а по жалобамъ потерпѣвшихъ также судебными органами. Входящее въ область дознанія собраніе первоначальныхъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ, требующее быстрыхъ дѣйствій и проявленія присущей большинству людей находчивости, ввѣряется тамъ массѣ должностныхъ лицъ, а производство предварительнаго слѣдствія—ограниченному ихъ количеству. Отъ этого—удачный выборъ лицъ на должность судебныхъ слѣдователей для иностранныхъ правительствъ возможенъ; они могутъ на эту должность назначать членовъ окружныхъ судовъ. Для нашего же правительства, ради многочисленныхъ случаевъ производства предварительнаго слѣдствія, такой выборъ немыслимъ. Ему приходится на мѣста судебныхъ слѣдователей назначать кандидатовъ на судебныя должности. Продолжительное оставленіе на должности судебнаго слѣдователя массы должностныхъ лицъ, не могущихъ обладать особыми талантами или совершенствоваться по служебной своей обстановкѣ, довелъ составъ нашихъ судебныхъ слѣдователей до такого состоянія, что, если бы наше правительство пожелало бы обновить его лучшими силами, то довольно значительное количество нашихъ судебныхъ слѣдователей, въ виду полной ихъ непригодности къ исполненію важныхъ обязанностей судебнаго слѣдователя, было бы оставлено за штатомъ. Къ такому печальному положенію вещей насъ привела ошибочная увѣренность, что масса должностныхъ лицъ въ государствѣ можетъ быть хорошими судебными слѣдователями безъ примѣненія къ нимъ воспитательныхъ мѣръ; между тѣмъ эта способность, требуя особо благопріятныхъ условій для самосовершенствованія въ дѣятельности по собранію уголовныхъ доказательствъ, на столько же рѣдкая, на сколько бываетъ вообще рѣдка способность въ людяхъ быть совершеннымъ работникомъ въ области всякаго искусства. Размѣщеніемъ многочисленнаго количества далеко

несовершенныхъ судебныхъ слѣдователей въ своихъ участкахъ и родомъ возлагаемыхъ на нихъ занятій наша организація нарушаетъ правило, котораго не нарушитъ ни одинъ осмотрительный хозяинъ: она ввѣряетъ работу, требующую искусства, лицу, не доказавшему самостоятельною продолжительною дѣятельностью своей способности къ этой работѣ, и занимаетъ искусныхъ работниковъ пустыми и непроизводительными занятіями ко вреду успѣха дѣла. Иностранныя же организаціи, достигая отдѣленіемъ розыска отъ предварительнаго слѣдствія полноты собранія первоначальныхъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ преимущественно совмѣстною дѣятельностью прокуратуры съ чинами полиціи въ области дознанія, не нарушаютъ этого правила и не нуждаются ни въ многочисленномъ количествѣ судебныхъ слѣдователей, ни въ постоянномъ ихъ пребываніи въ своихъ участкахъ. Но не въ этомъ только устраненіи явленій, обезпечивающемъ подходящій выборъ должностныхъ лицъ на должность судебныхъ слѣдователей и цѣлесообразное пользованіе ихъ трудомъ, заключаются совершенныя стороны иностранныхъ организацій слѣдственнаго труда. Отдѣленіемъ розыска отъ предварительнаго слѣдствія иностранныя правительства установили въ своихъ государствахъ постоянныя воспитательныя мѣры къ улучшенію дѣятельности должностныхъ лицъ по собранію уголовныхъ доказательствъ: личный надзоръ прокуратуры въ слѣдственномъ дѣлѣ и родъ занятій, подходящій для самосовершенствованія въ этой дѣятельности должностныхъ лицъ вообще и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства въ особенности. Заставляя представителей прокуратуры работать въ области дознанія, они этою мѣрою подготовляли въ средѣ прокуратуры къ слѣдственной дѣятельности лицъ, могущихъ впослѣдствіи въ должности судьи занять мѣсто судебнаго слѣдователя, а судебныхъ слѣдователей они поставили въ служебныя условія, особо благопріятныя для ихъ самосовершенствованія. Судебные слѣдователи въ иностранныхъ государствахъ занимаются только серьезною работою и, находясь въ числѣ членовъ окружныхъ судовъ, могутъ въ затруднитель-

ныхъ случаяхъ въ окружающей средѣ найти людей, опытъ и научныя познанія коихъ помогаютъ имъ обстоятельно подготовить дѣло къ судебному разсмотрѣнію и пріобрѣтать нужныя для этого свѣдѣнія. Примѣненіемъ этихъ постоянныхъ воспитательныхъ мѣръ, безъ коихъ немыслимо ни въ одномъ государствѣ достигнуть улучшеннаго состоянія слѣдственнаго дѣла, доказывается необходимость построенія нашей слѣдственной части по иностраннымъ образцамъ, ибо безъ отдѣленія розыска отъ предварительныхъ слѣдствій, постоянныхъ воспитательныхъ мѣръ къ улучшенію дѣятельности должностныхъ лицъ по собранію уголовныхъ доказательствъ въ государствѣ ввести невозможно. Упустивъ изъ виду способъ подготовки должностныхъ лицъ къ дѣятельности по собранію уголовныхъ доказательствъ и серьезное значеніе для этой подготовки постоянныхъ воспитательныхъ мѣръ, наши юристы-практики не находили въ организаціи нашего слѣдственнаго труда существенныхъ недостатковъ, объясняя причину неудовлетворительнаго состоянія нашего слѣдственнаго дѣла личными нашихъ должностныхъ лицъ несовершенствами. Отъ этого ихъ мнѣніе о необходимости построенія нашей слѣдственной части по иностраннымъ образцамъ было недостаточно убѣдительнымъ. Если же бы они это свое мнѣніе основывали на положеніяхъ, приводимыхъ мною какъ доказательство этой необходимости, то несостоятельности ихъ мнѣнія никто бы доказать не могъ. Законы политической экономіи неопровержимы; эти-же законы, безъ личнаго надзора и установленія соотвѣтствующаго успѣху дѣла распредѣленія занятій, не допускаютъ возможности достиженія ни въ одномъ занятіи производительныхъ результатовъ даже при участіи въ немъ лучшихъ силъ. Крайне неудовлетворительное состояніе нашего слѣдственнаго дѣла рельефно это и доказываетъ. Нашъ законодатель въ кругъ должностныхъ лицъ, изслѣдующихъ во время производства предварительнаго слѣдствія отдѣльныя преступленія, включилъ двухъ лицъ судебнаго вѣдомства—судебнаго слѣдователя и лицо прокурорскаго надзора. На эти должности у насъ назначаются люди, окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ выс-

шихъ учебныхъ заведеніяхъ и занимавшіеся нѣсколько лѣтъ судебною практикою, въ самомъ благопріятномъ для удовлетворительной служебной дѣятельности возрастѣ. И при участіи этихъ двухъ силъ отдѣльныя преступленія, во время производства предварительнаго слѣдствія, изслѣдуются въ Россіи крайне неудовлетворительно!

II.

Когда идетъ рѣчь о примѣненіи къ организаціи труда законовъ политической экономіи, обусловливающихъ лучшую его производительность, то сомнѣнія въ полезности подобнаго преобразованія быть не можетъ; но этимъ положеніемъ, основаннымъ на неизмѣняемыхъ мѣстными условіями законахъ политической экономіи, никто еще не доказалъ полезности ихъ примѣненія къ дѣятельности государственныхъ учрежденій. Въ глазахъ практическихъ дѣятелей, вліяющихъ на направленіе реформъ, неопровержимыя теоретическія положенія не имѣютъ почти никакого значенія; въ полезности ихъ примѣненія къ дѣятельности государственныхъ учрежденій они убѣждаются только тогда, когда предъ ними отчетливо изображены вредныя послѣдствія, порождаемыя нарушеніемъ этихъ теоретическихъ положеній, и когда факты дѣйствительной жизни опровергаютъ укоренившіяся въ нихъ ихъ служебнымъ опытомъ одностороннія субъективныя мнѣнія. Говоря о дѣятельности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокуроровъ и чиновъ полиціи, я указалъ уже на эти вредныя послѣдствія, поэтому, во избѣжаніе повтореній, я въ этомъ отдѣлѣ сдѣлаю лишь дополнительныя въ этомъ отношеніи къ прежнимъ указанія.

Ни въ одномъ вопросѣ, выдвинутомъ нашею судебною практикою, такъ рельефно не доказанъ вредъ существующихъ у насъ законоположеній, какъ въ вопросѣ о примѣненіи законовъ, создавшихъ для судебныхъ слѣдователей массу пустыхъ и непроизводительныхъ занятій, а именно: законовъ, опредѣляющихъ подсудность уголовныхъ дѣлъ и порядокъ производства предварительнаго слѣдствія. Подсудность уголовныхъ дѣлъ опредѣляется у насъ не родомъ грозящаго за преступленіе

наказанія и не особыми свойствами преступленій, вызывающими трудность разрѣшенія дѣлъ по существу, а нахожденіемъ той или другой статьи карательнаго закона въ уложеніи о наказаніяхъ или въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ многочисленными въ отдѣльныхъ статьяхъ закона изъятіями. Отъ этого дѣла о преступленіяхъ, требующихъ основательной подготовки дѣла къ судебному разсмотрѣнію и караемыхъ строгими наказаніями, признаются у насъ подсудными не окружнымъ судамъ, а низшимъ судамъ, и на оборотъ. Очевидно, что эту систему опредѣленія подсудности уголовныхъ дѣлъ нельзя признать удачною, какъ систему, вызывающую постоянныя ошибки въ опредѣленіи подсудности каждаго уголовнаго дѣла, вслѣдствіе создаваемыхъ ею безъ нужды для должностныхъ лицъ затрудненій въ отысканіи подходящаго для даннаго случая закона, и какъ систему, лишающую обвиненіе и защиту гарантій, установленныхъ для преступленій, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, по преступленіямъ, подсуднымъ низшимъ судамъ и караемымъ серьезными наказаніями. Эта же система не только въ примѣненіи къ труду судебныхъ слѣдователей, но и къ труду всѣхъ учрежденій, соприкасающихся съ дѣятельностью окружныхъ судовъ, создаетъ у насъ массу сложной работы по пустымъ дѣламъ, могущимъ быть, безъ вреда для правосудія, переданными на разсмотрѣніе низшихъ судовъ, благодаря тому, что дѣла эти, по свойству преступленій, не нуждаются для правильнаго ихъ разрѣшенія въ подготовкѣ дѣла къ судебному разсмотрѣнію. Съ точки зрѣнія удовлетворительной подготовки дѣла къ судебному разсмотрѣнію, безъ коей невозможно для судовъ правильное отправленіе уголовнаго правосудія, было бы цѣлесообразнѣе отнести къ подсудности окружныхъ судовъ многочисленныя дѣла о кражахъ, подсудныхъ уѣзднымъ членамъ судовъ, городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ, чѣмъ признавать подсудными окружному суду не менѣе многочисленныя дѣла о бродяжествѣ, о побѣгахъ изъ Сибири, объ оскорбленіи волостныхъ старшинъ и чиновниковъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей,

о нѣкоторыхъ преступленіяхъ по должности, о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ уставовъ казенныхъ управленій и почти всѣ дѣла частнаго порядка. Впрочемъ, не столько въ пустой работѣ, вызываемой нашими законами о подсудности уголовныхъ дѣлъ, сколько въ непроизводительной работѣ, вызываемой законами о порядкѣ производства предварительнаго слѣдствія, заключается то зло, которое намъ нужно вырвать съ корнемъ для улучшенія состоянія нашего судебнаго дѣла. Если пустая работа устанавливаетъ нецѣлесообразное пользованіе лучшими силами судебнаго вѣдомства, ослабляя ихъ энергію, столь необходимую для удачной работы по серьезнымъ дѣламъ, то работа непроизводительная, вызывая къ себѣ чувство отвращенія, кромѣ ослабленія энергіи, вырабатываетъ въ каждомъ почти судебномъ дѣятелѣ привычку къ халатному отношенію къ дѣлу. Увлекаясь неосуществимою надеждою о возможности для судебныхъ слѣдователей обнаруженія виновныхъ лицъ по каждому совершившимуся въ государствѣ преступленію, наши составители судебныхъ уставовъ обязали судебныхъ слѣдователей производить предварительныя слѣдствія о всѣхъ преступленіяхъ, подсудныхъ окружному суду, при неимѣніи въ дѣлѣ указаній на заподозрѣнное въ преступленіи лицо. Установивъ нѣсколько обязательныхъ поводовъ приступа къ предварительному слѣдствію, они къ числу этихъ поводовъ отнесли показанія потерпѣвшаго, очевидца и преступника, ошибочно предполагая, что эти недостовѣрныя доказательства могутъ быть достовѣрными доказательствами факта совершенія преступленія. Игнорированіе нашими составителями судебныхъ уставовъ въ этихъ правилахъ опыта судебной практики и вызвало въ Россіи появленіе массы дѣлъ, прекращаемыхъ окружными судами на основаніи 277 ст. уст. угол. суд. Дѣла эти, по окончаніи предварительнаго слѣдствія, записываются во входящіе, исходящіе и настольные реестры товарищей прокуроровъ, прокуроровъ окружныхъ судовъ и окружныхъ судовъ; разсматриваются товарищами прокуроровъ, прокурорами окружныхъ судовъ, членами докладчиками

и окружными судами въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, и, по истеченіи мѣсячнаго срока со дня вывѣшенія объявленія окружнымъ судомъ о прекращеніи дѣла, отсылаются при копіяхъ опредѣленій прокурорамъ судовъ для храненія. И всю эту непроизводительную работу, оканчивающуюся, въ большинствѣ случаевъ, опредѣленіями о прекращеніи дѣла за невыясненіемъ факта преступленія или за неимѣніемъ въ дѣлѣ указаній на заподозрѣнное въ преступленіи лицо, должностныя лица въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II, въ 1890 году несли по 52126 дѣламъ изъ 101869 дѣлъ, оконченныхъ окружными судами. По 216 дѣламъ подобнаго рода, разсмотрѣннымъ мною, судебные слѣдователи сдѣлали 154 поѣздки и допросили 1790 свидѣтелей—711 на мѣстѣ совершенія преступленія и 1089 съ вызовомъ къ себѣ для допроса изъ ихъ мѣстожительства. Если по этимъ цифрамъ составить приблизительно расчетъ сдѣланныхъ нашими судебными слѣдователями поѣздокъ и допрошенныхъ ими свидѣтелей, то при этомъ окажется, что въ тѣхъ же учрежденіяхъ 1161 судебныхъ слѣдователя по 56431 дѣламъ, направленнымъ ими на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., могли въ 1890 году совершенно непроизводительно сдѣлать 40000 поѣздокъ и допросить 467641 свидѣтеля съ вызовомъ къ себѣ для допроса съ мѣстожительства 281889 лицъ! Къ этому нужно еще добавить, что свидѣтели по преступленіямъ, совершаемымъ въ уѣздахъ, обыкновенно во время производства предварительнаго слѣдствія допрашиваются три раза: полицейскими урядниками, становыми приставами и судебными слѣдователями. Троекратное составленіе бумагъ можетъ быть годится для канцелярій, стремящихся выпустить изъ своихъ рукъ совершенную по изложенію бумагу, но такое пересоставленіе слѣдственныхъ актовъ уѣздными должностными лицами, участвующими въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, не нужно для судовъ, постановляющихъ приговоры по уголовнымъ дѣламъ преимущественно на основаніи данныхъ въ судебныхъ засѣ-

даніяхъ показаній свидѣтелями. Неграмотно составленный актъ дознанія, заключающій въ себѣ цѣнныя для дѣла свѣдѣнія, полезнѣе для прокуратуры и судебнаго слѣдователя, чѣмъ составленный совершенно, съ точки зрѣнія канцелярскаго труда, актъ дознанія, не заключающій въ себѣ этихъ свѣдѣній. Чиновникъ канцеляріи, исправляющій офиціальную бумагу или докладъ, исполняетъ эту работу, сидя въ кабинетѣ; судебный же слѣдователь и чинъ полиціи, провѣряющій актъ дознанія, долженъ выѣхать на мѣсто совершенія преступленія, нести расходы изъ своего кармана на поѣздку, претерпѣвать лишенія, сопровождаемыя путешествіями и жительствомъ въ деревняхъ, не щадить своего здоровья и вызывать свидѣтелей къ себѣ для передопроса. О разницѣ положенія своего и каждаго уѣзднаго слѣдственнаго дѣятеля чиновники министерствъ, устанавливая такую мѣру относительно уѣздныхъ преступленій, очевидно, не подумали. Цѣль, которую хотѣли достигнуть наши центральныя управленія установленіемъ послѣдовательной работы трехъ должностныхъ лицъ по изслѣдованію всѣхъ преступленій, совершаемыхъ въ уѣздахъ, не достигается: такая работа не предупреждаетъ возможности чину полиціи скрыть виновность преступника и не обезпечиваетъ полноты собранныхъ по дѣлу свѣдѣній. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, чтобы чинъ полиціи, желающій скрыть преступленіе, въ составленномъ имъ актѣ дознанія указалъ бы источникъ, изъ коего имъ добыты доказательства виновности преступника, и этимъ способомъ создавалъ бы возможность обнаруженія этого злоупотребленія другимъ должностнымъ лицомъ? Подобной наивности въ чинѣ полиціи, рѣшившемся на такое злоупотребленіе, предполагать даже невозможно: такой чинъ полиціи скроетъ или возникшее у него дѣло или обнаруженное имъ противъ преступника доказательство. Должностное же лицо, провѣряя содержаніе акта дознанія, не выйдетъ изъ его рамокъ, если оно *личнымъ своимъ служебнымъ опытомъ* убѣждается въ безполезности подобной провѣрки находящагося въ его рукахъ дознанія. Оно проявитъ

самодѣятельность въ собраніи уголовныхъ доказательствъ только по важнымъ преступленіямъ или по преступленіямъ, по коимъ оно надѣется принести пользу своимъ трудомъ; по остальнымъ же дѣламъ оно отнесется къ исполненію этой своей обязанности формально. Для чего же послѣ этого было устанавливать послѣдовательную работу трехъ лицъ при изслѣдованіи всѣхъ преступленій, совершаемыхъ въ уѣздахъ, когда достиженіе той цѣли, которую имѣли въ виду достигнуть этою работою наши центральныя управленія, могло быть достигнуто надлежащимъ примѣненіемъ личнаго надзора прокуратурою за дѣятельностью должностныхъ лицъ по собранію уголовныхъ доказательствъ только по нѣкоторымъ дѣламъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ въ уѣздахъ, а не по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ этого рода?

Человѣкъ, незнакомый съ историческимъ ходомъ нашихъ законодательныхъ работъ, можетъ предполагать, что вредныя послѣдствія примѣненія къ жизни существующихъ у насъ законовъ, опредѣляющихъ подсудность уголовныхъ дѣлъ и порядокъ производства слѣдствія, не были до сихъ поръ извѣстны; но такое его предположеніе будетъ ошибочнымъ. Бывшій прокуроръ Харьковской судебной палаты П. М. Бутовскій въ своей запискѣ, помѣщенной въ матерьялахъ для пересмотра законоположеній по слѣдственной части, указывалъ также на эти вредныя послѣдствія и поэтому, въ видахъ сокращенія труда нашихъ судебныхъ слѣдователей, рекомендовалъ измѣнить эти законы. Къ сожалѣнію, мнѣніе этого почтеннаго юриста-практика у насъ не было осуществлено. Послѣ изданія матерьяловъ въ Россіи уменьшили наказаніе за нѣкоторыя преступленія, учредили судъ съ сословными представителями и расширили подсудность низшихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ. Измѣненія эти, сопровождавшіяся увеличеніемъ количества занятій лицъ прокурорскаго надзора, обязанныхъ нынѣ давать громадное количество заключеній по дѣламъ уѣздныхъ съѣздовъ, и передачею подготовки къ судебному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ дѣлъ въ руки чиновъ полиціи, не принесло намъ существенной пользы: дѣятельность обвинительныхъ камеръ въ

судебныхъ палатахъ отъ этого ухудшилась; прокуратура стала хуже работать въ области слѣдственнаго труда; уголовная же репрессія у насъ ослабла не только вслѣдствіе уменьшенія наказанія за нѣкоторыя преступленія, но и потому, что суды, получая плохо подготовленное дѣло къ судебному разсмотрѣнію, не могутъ, при отсутствіи въ нихъ достаточнаго для этого матерьяла, постановлять обвинительныхъ приговоровъ. На уменьшеніе же количества труда судебныхъ слѣдователей эти измѣненія никакого почти вліянія не оказали, ибо, съ измѣненіемъ въ 1891 году редакціи 35 ст. уст. угол. суд., наши судебные слѣдователи стали тратить много времени на исполненіе обряда склоненія сторонъ къ міру по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію окружныхъ судовъ въ порядкѣ частнаго обвиненія и, при крайне неудовлетворительномъ производствѣ дознаній чинами полиціи и узкой области дознанія, не могутъ направлять къ прокуратурѣ большаго количества дознаній, на основаніи 545 ст. уст. угол. суд., безъ производства предварительнаго слѣдствія.

Высочайше учрежденной 7-го апрѣля 1894 года особой коммисіи по пересмотру законоположеній, относящихся до подробностей судопроизводства и судоустройства, предстоитъ въ настоящее время исполнить Волю въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца: въ дѣйствовавшихъ законоположеніяхъ сохранить и развить все дѣйствительно полезное, и видоизмѣнить и устранить все неоправданное жизнью. Мнѣ думается, что для надлежащаго исполненія этой Воли Царя-Миротворца, намъ необходимо измѣнить законы, опредѣляющіе порядокъ подсудности уголовныхъ дѣлъ и порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ эти законы, при примѣненіи ихъ къ жизни, оказались несовершенными. Вопросъ объ измѣненіи законовъ о подсудности уголовныхъ дѣлъ въ смыслѣ передачи нѣкоторыхъ дѣлъ о преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, на разсмотрѣніе уѣздныхъ членовъ судовъ, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ разрѣшенъ. Характера дѣятельности этого института у насъ хорошо не изучили, но современный взглядъ на особо важное

его значеніе создаетъ для нашихъ уѣздныхъ членовъ судовъ привилегированное положеніе, которымъ они, по роду и количеству своихъ личныхъ занятій, едва ли пользуются справедливо. У всѣхъ почти уѣздныхъ членовъ судовъ своихъ личныхъ дѣлъ на столько мало, что передача имъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ и не требующихъ подготовки дѣла къ судебному разсмотрѣнію, не можетъ вызвать никакихъ затрудненій. Но вопросъ объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ порядокъ производства предварительнаго слѣдствія, едва ли будетъ у насъ разрѣшенъ такъ, чтобы въ Россіи возможно было бы отдѣлить розыскъ отъ предварительнаго слѣдствія, не смотря на то, что попытки къ этому отдѣленію были проявлены въ отчетѣ Высочайше утвержденной коммисіи 1869 года подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, въ отзывѣ совѣщанія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената и въ замѣткахъ нѣкоторыхъ выдающихся представителей судебнаго вѣдомства по пересмотру нашихъ законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій. Подобное измѣненіе законовъ предполагаетъ *наличность сознанія въ необходимости участія лицъ прокурорскаго надзора въ производствѣ дознанія*, а этого сознанія у большинства нашихъ судебныхъ дѣятелей, могущихъ вліять на направленіе будущихъ реформъ по судебному вѣдомству, нѣтъ. Напротивъ того, они утверждаютъ, что будто бы участіе лицъ прокурорскаго надзора въ слѣдственныхъ занятіяхъ, должно вредно отразиться на дѣятельности нашей прокуратуры, и что будто бы, по мѣстнымъ условіямъ, реформы слѣдственной части по иностраннымъ образцамъ въ Россіи осуществить невозможно. Противъ перваго изъ этихъ положеній, въ виду сдѣланной мною достаточно полной характеристики недостатковъ современной постановки дѣятельности нашей прокуратуры, я считаю лишнимъ представлять какія либо возраженія; второе же изъ этихъ положеній опровергается статистикою. Если взять цифру дѣлъ, возникающихъ въ округѣ какого либо изъ нашихъ

судовъ и увеличить количество товарищей прокуроровъ на столько, чтобы въ каждомъ изъ уѣздовъ, входящихъ въ округъ того или другого суда, находился бы непремѣнно товарищъ прокурора, то, при предоставленіи лишь права прокуратурѣ прекращать дознанія по безнадежнымъ дѣламъ, количество предварительныхъ слѣдствій у насъ значительно бы сократилось. При этомъ мы, конечно, могли бы поставить каждаго товарища прокурора въ условія, возможныя для исполненія его обязанностей по розыску и уменьшить существующее у насъ количество судебныхъ слѣдователей въ большей степени, чѣмъ мы увеличили бы количество товарищей прокуроровъ; расходы правительства и земства на уплату содержанія, разъѣздныхъ и квартирныхъ денегъ судебнымъ слѣдователямъ отъ этого бы сократились; наконецъ, масса частныхъ лицъ не обременялась бы безъ нужды исполненіемъ свидѣтельской обязанности по предварительнымъ слѣдствіямъ, прекращаемымъ судами на основаніи 277 ст. уст. угол. суд. [1]).

[1]) Подтверждаю эти мои выводы цифрами. По статистическимъ сводамъ министерства юстиціи количество дѣлъ, разсмотрѣнныхъ каждымъ лицомъ прокурорскаго надзора въ 1889 году, въ разныхъ окружныхъ судахъ было неодинаково: отъ 125 до 485 дѣлъ. Въ основаніе своего разсчета я беру послѣднюю самую высшую цифру дѣлъ, приходящуюся на каждаго изъ семи товарищей прокурора Пермскаго окружнаго суда, въ округъ коего входитъ семь весьма обширныхъ по пространству уѣздовъ съ бродячимъ преступнымъ элементомъ. Въ 1889 году въ округѣ Пермскаго окружнаго суда было 26 судебныхъ слѣдователей; на каждаго изъ нихъ приходилось оконченныхъ слѣдствій 140, а на общее количество оконченныхъ судомъ дѣлъ 2750 приходилось прекращенныхъ, на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., 1524 дѣла. Если сдѣлать по принятому мною способу приблизительный расчетъ количества допрошенныхъ судебными слѣдователями свидѣтелей и сдѣланныхъ ими поѣздокъ, то при этомъ окажется, что въ 1889 году судебные слѣдователи Пермскаго окружнаго суда по 1524 дѣламъ могли безполезно сдѣлать 1086 выѣздовъ и допросить болѣе 12000 свидѣтелей. Увеличивъ въ этомъ округѣ количество товарищей прокуроровъ на четыре лица и оставивъ въ каждомъ уѣздѣ двухъ судебныхъ слѣдователей и одного слѣдователя въ г. Перми, мы этимъ способомъ, кромѣ экономіи въ деньгахъ на разъѣзды товарищей прокуроровъ и выдаваемыхъ земствомъ одиннадцати судебнымъ слѣдователямъ квартирныхъ и разъѣздныхъ денегъ, сбережемъ для казны содержаніе семи судебныхъ слѣдователей, оставляя въ распоряженіи прокурора суда въ городѣ Перми пятерыхъ товарищей и по одному товарищу въ шести уѣздахъ. При такомъ штатѣ количество разсмотрѣнныхъ каждымъ товарищемъ прокурора дѣлъ уменьшится до цифры немного болѣе 276; боль-

Можно ли послѣ этого возражать противъ полезности построенія въ Россіи слѣдственной части на идеѣ отдѣленія розыска, требующаго предоставленія прокуратурѣ права прекращать безнадежныя дознанія, сосредоточенія въ ея рукахъ дознаній, расширенія области дознанія и отдаленія момента приступа къ слѣдствію до момента предложенія лица прокурорскаго надзора о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ опредѣленнаго лица?

Мы сознаемъ, что въ иностранныхъ государствахъ должностныя лица въ области слѣдственнаго труда исполняютъ свои служебныя обязанности удовлетворительнѣе нашихъ, на-

---

ная часть изъ этихъ дѣлъ—дѣла безнадежныя, несложныя и съ матерьяломъ дознанія, достаточнымъ для приступа къ слѣдствію. Много ли при этомъ уѣздные товарищи прокурора должны будутъ сдѣлать выѣздовъ въ уѣздъ на мѣсто совершенія преступленія и достаточно ли будетъ у нихъ времени для исполненія служебныхъ обязанностей при введеніи у насъ реформы по слѣдственной части на началахъ, принятыхъ въ иностранныхъ законодательствахъ, если каждый изъ уѣздныхъ товарищей прокурора будетъ освобожденъ отъ занятій по г. Перми отъ командировокъ въ другіе уѣзды, отъ направленія соединенныхъ съ письменною работою 159 дѣлъ, отъ поддержки обвиненія и дачи заключеній по дѣламъ не въ мѣстѣ своего жительства и всѣ товарищи прокурора и прокуроръ суда отъ просмотра, кромѣ дознаній, иногда объемистыхъ предварительныхъ слѣдствій, прекращенныхъ судами на основаніи 277 ст. уст. угол. суд.? Теоретически разрѣшить этотъ вопросъ затруднительно, но я не расчитываю, чтобы каждый юристъ-практикъ, разрѣшающій вопросы безъ стремленія проводить въ жизнь свои личные субъективные взгляды и хорошо знакомый съ различіемъ труда должностнаго лица въ области дознанія и въ области предварительнаго слѣдствія, могъ бы разрѣшить этотъ вопросъ отрицательно? Избавивъ судебныхъ слѣдователей отъ производства предварительнаго слѣдствія по половинному количеству оконченныхъ ими слѣдствій, хотя количество прекращенныхъ Пермскимъ окружнымъ судомъ на основаніи 277 ст. уст. угол. суд. болѣе половины, мы получаемъ на 15 судебныхъ слѣдователей оконченныхъ слѣдствій 1820 и на каждаго судебнаго слѣдователя 121. Не жалѣемъ мы казенныхъ и земскихъ средствъ, времени и силъ, затрачиваемыхъ массою должностныхъ лицъ совершенно непроизводительно на трудъ производства предварительнаго слѣдствія и работу по дѣламъ, прекращаемымъ судами на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., но не слѣдуетъ ли намъ пожалѣть народонаселеніе, тратящее время и свои денежныя средства на явку для допроса къ должностнымъ лицамъ, иногда трижды повторяемаго во время производства слѣдствія, въ виду ни на чемъ не основаннаго мнѣнія о постоянно будто бы несостоятельномъ и недобросовѣстномъ образѣ дѣйствій при слѣдственныхъ занятіяхъ нашихъ чиновъ полиціи, могущихъ и при троекратныхъ допросахъ скрыть отъ судебныхъ властей всякое совершенное преступленіе?

ходясь сравнительно съ ними въ лучшихъ служебныхъ условіяхъ. Если же иностранныя правительства при этомъ предоставили право прокуратурѣ прекращать дознанія по безнадежнымъ дѣламъ, съ установленіемъ порядка обжалованія ея распоряженій о прекращеніи дознаній заинтересованными въ дѣлѣ лицами, то это право, безъ ущерба для правосудія, тѣмъ болѣе должно быть предоставлено прокуратурѣ въ нашемъ государствѣ, гдѣ мѣстныя условія требуютъ отъ должностныхъ лицъ въ области слѣдственныхъ занятій проявленія большей энергіи и даже самопожертвованія. О сохраненіи у слѣдственныхъ дѣятелей запаса времени, энергіи и силъ мы должны были-бы особенно заботиться; мы же вмѣсто того, чтобы занять слѣдственнымъ дѣломъ сравнительно небольшое количество лицъ прокурорскаго надзора, обременили безполезною работою массу должностныхъ лицъ въ государствѣ, хотя эта работа, вызывая неотрадныя явленія въ нашей судебной практикѣ, отражалась весьма вредно на дѣятельности многочисленныхъ слѣдственныхъ дѣятелей и на ихъ личныхъ интересахъ. Не напрасно составители нашихъ судебныхъ уставовъ, обязавъ чиновъ полиціи одновременно съ судебнымъ слѣдователемъ посылать сообщеніе о преступленіи лицу прокурорскаго надзора, установили для нашей прокуратуры обязанность руководства розыскомъ. Состязательный характеръ нашего уголовнаго процесса требуетъ отъ прокуратуры, какъ обвинительнаго учрежденія, представленія ею вѣскихъ доказательствъ виновности преданныхъ суду лицъ и особаго ея попеченія о собраніи доказательствъ противъ преступника. Самый-же легкій и благопріятный для этого моментъ—время собранія первоначальныхъ свѣдѣній.

Вслѣдствіе вполнѣ понятнаго недостаточнаго знакомства съ законами, наши чины полиціи, обязанные направлять дознанія къ судебнымъ слѣдователямъ, передаютъ иногда дознанія о преступленіяхъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, въ низшіе суды. Передача эта или вызываетъ разрѣшеніе этихъ дѣлъ по существу въ низшихъ судахъ или поступленіе ихъ къ судебному слѣдователю въ то время,

когда, благодаря измѣненію или исчезновенію доказательствъ, изслѣдованіе преступленій, во время производства слѣдствія, не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ. Сосредоточеніемъ въ рукахъ прокуратуры дознаній эти вредныя для правосудія явленія нашей практики были-бы почти устранены. Независимо отъ сего, это сосредоточеніе было-бы полезно для насъ и въ томъ отношеніи, что, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ медленности и безпорядка въ передачѣ чинами полиціи дознаній, оно, поставивъ лицъ прокурорскаго надзора въ необходимость просматривать каждое дознаніе, заставило-бы ихъ внимательнѣе относиться къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей надзора и руководства чинами полиціи при производствѣ дознаній и представило имъ возможность принять своевременно подходящія мѣры для изслѣдованія преступленія. Этою-же мѣрою можно было-бы у насъ создать контроль за дѣятельностью чиновъ полиціи по собранію матерьяла для судебнаго разсмотрѣнія по дѣламъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, подсуднымъ низшимъ судамъ, и за обвинительною дѣятельностью чиновъ полиціи въ этихъ судахъ. Благодаря отсутствію этого контроля, наши чины полиціи эти свои обязанности исполняютъ крайне неудовлетворительно. Наблюдая по должности товарища прокурора за этою стороною дѣятельности чиновъ полиціи, я усмотрѣлъ, что становые пристава не только въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но иногда и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не передавали по подсудности полученныхъ ими дознаній отъ полицейскихъ урядниковъ объ этихъ преступленіяхъ, а одинъ изъ находящихся въ моемъ участкѣ становыхъ приставовъ, выѣхавъ изъ своей квартиры, оставилъ въ столѣ своего хозяина нѣсколько десятковъ подобныхъ дознаній, незаписанныхъ въ его входящій реестръ и поступившихъ къ нему въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ!

Въ прежнее время наши чины полиціи производили формальныя слѣдствія, служившія судамъ матерьяломъ для постановки приговоровъ; въ настоящее время суды постановляютъ свои приговоры на основаніи матерьяла, добытаго

судебнымъ слѣдствіемъ, провѣряющемъ дознанія и предварительныя слѣдствія. Понятно, что письменный трудъ въ области слѣдственныхъ занятій нынѣ потерялъ то значеніе, которое онъ имѣлъ до изданія судебныхъ уставовъ. Если-же наши чины полиціи, безъ надзора прокуратуры, могли составлять удовлетворительно акты формальнаго слѣдствія, то какими соображеніями можно доказать, что, при личномъ участіи лица прокурорскаго надзора въ дознаніи или при надлежащемъ исполненіи ими своей обязанности по обученію чиновъ полиціи слѣдственнымъ занятіямъ, они не будутъ въ состояніи удовлетворительно составлять актовъ расширеннаго въ своей области дознанія? Опытъ судебной практики прежней и настоящей противорѣчитъ этому утвержденію. Въ видахъ-же избавленія нашихъ судебныхъ слѣдователей отъ непроизводительнаго труда, намъ можно было-бы предоставить прокуратурѣ право, какъ на это указывалъ итальянскій министръ Вилла, направлять дознанія по нѣкоторымъ преступленіямъ, судимымъ присяжными засѣдателями, съ обвинительными актами безъ производства предварительнаго слѣдствія.

По уголовному дѣлу, по коему привлечено къ отвѣтственности заподозрѣнное въ преступленіи лицо, каждому товарищу прокурора законодателемъ предоставлено право по внутреннему своему убѣжденію разрѣшать вопросъ о цѣлесообразности преданія его суду и даже вопросъ о его виновности. На какомъ-же основаніи товарищу прокурора нельзя ввѣрять судьбу дѣла, по которому не обнаружено лица, виновнаго въ преступленіи, и еще не начато производство предварительнаго слѣдствія? Основаній относиться съ недовѣріемъ къ его дѣятельности мы не имѣемъ; слѣдовательно, ему должно быть предоставлено право свободнаго выбора способа изслѣдованія преступленій, тѣмъ болѣе, что этотъ выборъ можетъ быть сдѣланъ удачно только послѣ собранія первоначальныхъ свѣдѣній, а не съ самаго начала возникновенія дѣла. Цѣлесообразность и необходимость производства предварительнаго слѣдствія должны поэтому опредѣляться моментомъ предложенія лица прокурорскаго надзора о возбужденіи

преслѣдованія противъ намѣченнаго лица, а не опредѣляемыми въ нашихъ судебныхъ уставахъ неудачными поводами приступа къ предварительному слѣдствію. Для судовъ, задача коихъ состоитъ въ наложеніи кары на преступника, фактъ совершенія преступленія явленіе безразличное до тѣхъ поръ, пока обвинитель не обнаружитъ данныхъ, указывающихъ на совершеніе того или другого преступленія частнымъ лицомъ. Главная цѣль предварительнаго слѣдствія заключается въ предупрежденіи возможности неосновательнаго преданія суду гражданъ изслѣдованіемъ достовѣрности доказательствъ, добытыхъ противъ нихъ розыскомъ. Очевидно, что, при такой цѣли предварительнаго слѣдствія, его производство не должно имѣть мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда розыскъ не обнаружилъ этихъ доказательствъ.

Построеніе въ Россіи слѣдственной части на идеѣ отдѣленія предварительнаго слѣдствія отъ розыска, устанавливающее въ государствѣ постоянныя воспитательныя мѣры къ улучшенію дѣятельности должностныхъ лицъ по собранію уголовныхъ доказательствъ, не можетъ встрѣтить, какъ мнѣ кажется, несочувствія нашего министерства юстиціи. Сокращая расходы на слѣдственную часть, оно даетъ возможность этому министерству образовавшійся остатокъ въ ассигнованныхъ ему правительствомъ средствахъ употребить на другія настоятельныя нужды судебнаго вѣдомства. Увеличивая количество должностей товарищей прокуроровъ, оно призываетъ большое количество молодыхъ его силъ на интересную службу въ прокуратурѣ, могущую заставить каждаго молодаго юриста совершенствоваться въ судебныхъ занятіяхъ, а $^{3}/_{4}$ этихъ молодыхъ силъ, назначаемыхъ нынѣ на должность судебнаго слѣдователя, избавляетъ отъ служебной дѣятельности, не дающей достаточной пищи для развитія ума и подготовки къ судебнымъ занятіямъ. Наконецъ, это построеніе обезпечиваетъ для министерства юстиціи удачный выборъ должностныхъ лицъ при назначеніяхъ на важную слѣдовательскую должность. Расширенная область дознанія можетъ вызвать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ необходимость при-

командированія къ товарищамъ прокуроровъ кандидатовъ на судебныя должности, для занятій розыскною дѣятельностью, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи оно допускаетъ назначеніе судебныхъ слѣдователей на два или на три уѣзда. Мы привыкли думать, что только немедленный приступъ къ слѣдствію обезпечиваетъ удовлетворительные результаты изслѣдованія преступленій, между тѣмъ быстрота въ дѣйствіяхъ по собранію уголовныхъ доказательствъ полезна только въ розыскѣ, а въ предварительномъ слѣдствіи она болѣе вредна, чѣмъ полезна. Замѣною въ слѣдственномъ дѣлѣ труда слѣдователя трудомъ товарища прокурора мы достигнемъ полноты собранія первоначальныхъ свѣдѣній въ области дознанія и тогда нахожденіе слѣдователей вблизи мѣста совершенія преступленія намъ будетъ не нужно. Отсутствіе этой необходимости доказывается успѣшнымъ результатомъ производимыхъ судебными слѣдователями по важнѣйшимъ дѣламъ предварительныхъ слѣдствій; да и по уѣзднымъ преступленіямъ, вслѣдствіе значительныхъ нашихъ разстояній и постоянныхъ разъѣздовъ нашихъ судебныхъ слѣдователей, немедленный приступъ къ предварительному слѣдствію у насъ не практикуется, и отъ этого ощутительнаго вреда для правосудія не происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное слѣдствіе съ должною энергіей производится лицомъ, способнымъ и опытнымъ въ слѣдственной дѣятельности.

Я оканчиваю этимъ отдѣломъ мой этюдъ потому, что мѣрамъ поощренія слѣдственнаго труда, какъ мѣрамъ случайнымъ, я лично не придаю особаго значенія, и потому, что я не вѣрю въ возможность справедливаго ихъ примѣненія къ многочисленнымъ слѣдственнымъ дѣятелямъ. Результатами современной постановки дѣятельности судебныхъ слѣдователей мы должны были-бы убѣдиться въ томъ, что разселеніемъ въ глуши многочисленныхъ должностныхъ лицъ, обладающихъ теоритическими юридическими познаніями, могущихъ исполнять удовлетворительно кабинетный трудъ и не запятнавшихъ своей чести взятками, мы не достигли охраненія тѣхъ важ-

ныхъ интересовъ, которые должны были охранять наши судебные слѣдователи. Не достигли-же этого охраненія потому, что примѣненіе къ жизни законовъ судопроизводства и судоустройства можетъ дать удовлетворительные для правосудія результаты только тогда, когда, при распредѣленіи занятій между должностными лицами, обращаютъ серьезное вниманіе на характеръ каждаго дѣла, важность затрогиваемыхъ въ дѣлѣ интересовъ и служебную обстановку должностныхъ лицъ. Мы-же, при распредѣленіи слѣдственныхъ занятій между должностными лицами, обращали до сихъ поръ вниманіе только на цифру дѣлъ и подготовку должностныхъ лицъ къ письменнымъ занятіямъ. Отъ этого въ Россіи успѣхъ каждаго предварительнаго слѣдствія зависѣлъ исключительно отъ личной энергіи талантливыхъ слѣдственныхъ дѣятелей, не принесшихъ той пользы для нашего отечества, которую они могли-бы принести при болѣе совершенной организаціи нашего слѣдственнаго труда; а не талантливые и не энергичные слѣдственные дѣятели, благодаря недостаткамъ этой организаціи, не достигали удовлетворительныхъ результатовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ трудъ могъ-бы быть полезенъ. Предварительное слѣдствіе есть фундаментъ зданія, на которомъ стойко могутъ стоять другія его части, созидаемыя работою должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ послѣдующія стадіи уголовнаго процесса только при прочномъ состояніи этого фундамента. При такомъ важномъ значеніи предварительнаго слѣдствія, существующіе недостатки въ организаціи нашего слѣдственнаго труда должны быть устранены. Униженный, но полезный трудъ для нашего отечества ждетъ только руки, которая могла-бы поднять его на надлежащую высоту и уничтожить основанное на предразсудкахъ недовѣрчивое и пренебрежительное къ нему отношеніе современнаго поколѣнія! Нашъ законодатель, призвавъ на службу по судебному вѣдомству лицъ съ высшимъ образованіемъ, учрежденіемъ коллегіальныхъ судовъ въ центрахъ развитія нашей общественной жизни для разрѣшенія серьезныхъ и гражданскихъ дѣлъ создалъ для судебныхъ дѣятелей благопріятную для ихъ

самосовершенствованія обстановку. Онъ предвидѣлъ, что опытъ судебнаго дѣятеля, принимавшаго участіе въ занятіяхъ по нѣсколькимъ сложнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и опытъ судебнаго дѣятеля, принимавшаго участіе въ занятіяхъ по сотнямъ подобныхъ-же дѣлъ, не могутъ дать для правосудія одинаковыхъ результатовъ. Благодаря этой только обстановкѣ, многіе наши талантливые представители судебнаго вѣдомства могли достигнуть совершенства въ исполненіи служебныхъ занятій, и значеніе судебнаго вѣдомства въ Россіи было поднято. Тѣ лица, которыя во время изданія судебныхъ уставовъ смотрѣли на судебныя занятія съ пренебреженіемъ, въ настоящее время считаютъ за честь служить въ судебномъ вѣдомствѣ. Предполагаю, что такое-же послѣдствіе должно произойти отъ установленія въ нашемъ государствѣ благопріятной для самосовершенствованія судебныхъ дѣятелей обстановки въ области слѣдственныхъ ихъ занятій.

В. Ѳедотовъ-Чеховскій.

СОБСТВЕННОСТЬ И СЕКРЕТЪ ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

I. *Авторъ и адрессатъ.*

По мѣрѣ развитія средствъ сообщенія корреспонденція между отдаленными лицами играетъ все большую роль. Почта, замѣнивъ собою „nuntii“ древнихъ юристовъ, является главнымъ посредникомъ между частными лицами, чтобы завязать ту соціальную связь, которая называется письмомъ.

Письмо то является истолкователемъ семейныхъ и дружескихъ отношеній, то констатируетъ дѣловыя отношенія, содѣйствуя подготовленію и заключенію договоровъ, то выражаетъ собою мысли какого нибудь ученаго, философа, политическаго дѣятеля. Цѣнность письма поэтому неодинакова. Иногда оно имѣетъ значеніе лишь для собирателя автографовъ, иногда служитъ оправданіемъ передъ общественнымъ мнѣніемъ или судомъ, иногда является историческимъ документомъ, характеризующимъ какую нибудь личность, иногда устанавливаетъ настоящую „научную или литературную собственность“. Если корреспонденція какого-нибудь знаменитаго человѣка заслуживаетъ быть опубликованной, кто будетъ судьею своевременности и удобства этого и кто будетъ пользоваться выгодами продажи ея послѣ напечатанія: самъ авторъ или адрессатъ? Кому принадлежитъ собственность на письмо?

Какъ движимый, тѣлесный предметъ письмо очевидно подлежитъ собственности. Хотя бы объективно оно не имѣло

никакой денежной стоимости, законъ долженъ дать ему свое покровительство. Обладаніе письмомъ всегда можетъ имѣть цѣнность sui generis, хотя бы лишь какъ автографъ отца, друга, любимаго человѣка или женщины, или какъ источникъ какихъ нибудь свѣдѣній.

Какъ всякій манускриптъ, не посланное еще письмо принадлежитъ его автору. Хотя бы оно было первоначально адресовано многимъ лицамъ, оно не можетъ быть разглашаемо безъ его согласія. Авторъ одинъ имѣетъ право сохранять или уничтожать его, передавать или публиковать. Отъ завладѣвшаго имъ безъ его согласія онъ можетъ требовать возвращенія, вознагражденія причиненнаго ущерба и уголовнаго наказанія.

Разъ будучи созданной, собственность эта можетъ быть передаваема. Передача письма адрессату даетъ ему собственность на него. Таковъ общій принципъ. Если въ письмѣ не выражено требованіе о возвращеніи его автору или не наложено на адрессата обязательство уничтожить (сжечь или разорвать) его, владѣніе имъ (письмомъ) служитъ титуломъ и доказательствомъ права собственности на него дестинатарія. Простая, безусловная пересылка письма обнаруживаетъ волю автора передать безвозвратно собственность на него дестинатарію: нельзя видѣть въ ней элементовъ договора о сбереженіи. Авторъ не можетъ уже требовать возврата или уничтоженія своей корреспонденіи.

Торговый законъ, налагающій на дестинатарія обязанность хранить въ теченіи 10 лѣтъ полученную корреспонденцію, признаетъ implicite его право собственности на нее.

Переходъ собственности совершается въ ту минуту, когда адрессатъ лично или чрезъ представителя входитъ во владѣніе письмомъ. До минуты передачи письма почтовымъ агентомъ дестинатарію отправитель (авторъ) письма можетъ задержать его и потребовать выдачи его себѣ обратно. Это понятно: авторъ письма вызвалъ дѣйствія почтовыхъ агентовъ; эти послѣдніе дѣйствуютъ за его счетъ, какъ его мандатаріи. Другое дѣло, если письмо передается дестинатарію чрезъ

агента этого послѣдняго, напр., его служащаго: переходъ собственности совершается здѣсь въ болѣе ранній моментъ.

Сдѣлавшись собственникомъ, адрессатъ одинъ имѣетъ право преслѣдовать за воровство письма, одинъ является судьею вопроса о сохраненіи или уничтоженіи (jus abutendi) его, о продажѣ, дареніи, завѣщаніи, оглашеніи и предъявленіи въ судъ.

Пріобрѣтеніе собственности совершается въ большинствѣ случаевъ въ силу даренія. Возможно, хотя и мало вѣроятно, что авторъ письма передаетъ собственность на него за какую нибудь выгоду, въ силу договора titulo oneroso.

Принципъ пріобрѣтенія собственности на корреспонденцію адрессатомъ не абсолютенъ. Впрочемъ, исключенія изъ него служатъ лишь къ подтвержденію общаго правила. Такъ, письмо, писанное какимъ нибудь коммерсантомъ своему прикащику или иному представителю, должно быть возвращено первому по его требованію. Это есть лишь слѣдствіе спеціальнаго, молчаливаго или выраженнаго, соглашенія, по которому представитель обязывается сохранять полученныя письма лишь какъ депозитарій ихъ. Дестинатарій является здѣсь лишь мандатаріемъ: невозвращеніе письма имъ составляло бы настоящее злоупотребленіе довѣріемъ. Обыкновенно предполагается, что авторъ имѣетъ намѣреніе передать письмо въ пользу третьяго; въ указываемомъ же нами исключеніи онъ имѣетъ намѣреніе какъ разъ противоположное.

Впрочемъ, и это исключеніе относится лишь къ дѣловымъ коммерческимъ письмамъ, а не къ письмамъ чисто частнаго характера. Эти послѣднія становятся собственностью прикащика. Поскольку дестинатарій имѣетъ право разглашать содержаніе чисто частныхъ писемъ, это опредѣляется правилами о сохраненіи секрета корреспонденціи.

Корреспондеція между представителями власти (администраторами, военными и гражданскими чиновниками и пр.) составляетъ собственность государства. Чиновникъ является лишь депозитаріемъ ея. Онъ не можетъ воспользоваться ею въ какихъ нибудь частныхъ интересахъ: напр., чтобы оправдать свое поведеніе предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Ни прикащикъ, ни чиновникъ de jure не могутъ не только присваивать себѣ дѣловую корреспонденцію, но и снимать съ нея копіи. Въ процессѣ, однако, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ гражданской или уголовной отвѣтственности, они могутъ ссылаться на нее, какъ на доказательство сдѣланнаго имъ порученія, но и то лишь по отношенію къ мандантамъ: этого требуетъ коммерческая или административная тайна.

Возникаетъ еще одинъ вопросъ. Коммерсантъ, положимъ, передаетъ свою торговлю, или какое нибудь оффиціальное или полуоффиціальное лицо оставляетъ, по доброй волѣ или вслѣдствіе устраненія, свою должность. Незнающія этихъ перемѣнъ третьи лица адрессуютъ свои письма на имя ex-коммерсанта или ex-должностнаго лица съ указаніемъ на адрессѣ ихъ прежней профессіи. Кому принадлежатъ эти письма? Одни думаютъ — прежнему коммерсанту или должностному лицу (напр., нотаріусу): авторъ письма довѣрялъ лишь имъ, не всякій преемникъ можетъ внушать къ себѣ то же довѣріе, что и прежнее лицо. Другіе полагаютъ, что такія (дѣловыя) письма составляютъ акцессуаръ торговаго дома или должности, одинъ изъ элементовъ кіеэнтели. Правильнѣе всего возлагать рѣшеніе этого вопроса на судъ, обсуждающій фактическую обстановку каждаго случая. Нужно рѣшить, кто по намѣренію сторонъ былъ настоящимъ дестинатаріемъ. Это quaestio facti. Обыкновенно, если письмо было дѣловаго (а не частнаго, личнаго) характера, дестинатаріемъ этимъ будетъ преемникъ.

Корреспонденція обществъ, имѣющихъ права юридическихъ лицъ, принадлежитъ имъ.

Указанныя выше соображенія о собственности на частную корреспонденцію принимаются однако не всѣми. Споры возникаютъ чаще всего вслѣдствіе смѣшенія идей: матеріальная собственность не всегда отличается отъ такъ называемой „собственности литературной“, а принципъ собственности отъ принципа ненарушимости тайны частной корреспонденціи..... все различныя вещи.

Можно различить три теоріи собственности на частную корреспонденцію:

1) Неконфиденціальное письмо принадлежитъ дестинатарію. Письмо конфиденціальное или имѣющее научную или литературную цѣнность есть собственность отправителя (Литературныя указ. см. у Breton'a, стр. 144). Создавая въ своемъ письмѣ научную или литературную цѣнность, одинъ авторъ по этой теоріи имѣетъ право на нее: сообщая о своемъ произведеніи или изобрѣтеніи другому, онъ еще не отчуждаетъ своего права, если на это не было особой его воли. Дестинатарій является лишь депозитаріемъ

Теорія эта смѣшиваетъ литературную собственность съ собственностью на манускриптъ. Мысли, содержимыя въ письмѣ, принадлежатъ дѣйствительно его автору, но матеріальная собственность на манускриптъ принадлежитъ дестинатарію, если между нимъ и авторомъ письма не произошло никакого особаго соглашенія по этому поводу: онъ одинъ въ правѣ хранить или разрушить рукопись (jus utendi et abutendi); авторъ не имѣетъ права требовать возвращенія письма, или даже его копіи; въ случаѣ воровства или потери онъ одинъ лишь имѣетъ право обратно требовать его. Нельзя поэтому сказать, будто онъ получилъ письмо лишь на храненіе (dépôt). Для наличности послѣдняго договора необходимо согласіе воли обѣихъ сторонъ. Но дестинатарій вовсе не давалъ согласія на принятіе конфиденціальнаго письма на храненіе. Можно ли безъ его воли, вопреки даже, быть можетъ, этой волѣ подвергать его послѣдствіямъ, вытекающимъ изъ договора о храненіи (обязанность беречь письмо и возвратить его по первому требованію)? Конечно, дестинатарій не имѣетъ права публиковать письма, но это не потому, чтобы ему не принадлежало право собственности на матеріальный предметъ, а потому 1), что онъ обязанъ хранить тайну письма, не разглашать его, 2) потому что онъ не имѣетъ „литературной собственности".

Обязанность хранить письма въ тайнѣ вытекаетъ не только изъ нравственнаго принципа ненарушимости секрета писемъ,

но есть также и молчаливое условіе произведенной ему передачи письма. Отправитель является въ концѣ концовъ дарителемъ, переносящимъ на другое лицо право собственности, которое онъ могъ съузить или ограничить. Другими словами, въ корреспонденціи мы имѣемъ дѣло съ условнымъ дареніемъ (donatio sub modo).

2) По второй теоріи авторъ и дестинатарій являются собственниками письма. Всякое конфиденціальное письмо, откуда бы ни исходило оно: отъ частнаго лица или общественнаго дѣятеля, есть общая собственность того, кто посылаетъ, и того, кто получаетъ его. Эта теорія принималась и нѣкоторыми судами. Въ силу такого взгляда одна изъ сторонъ не можетъ располагать тѣми свѣдѣніями (confidences), которыя содержитъ письмо, безъ согласія другой стороны.

Теорія эта опять таки смѣшиваетъ остающееся за авторомъ право мѣшать разглашенію тайны письма съ правомъ собственности на самое письмо. Оба лица дѣйствительно являются собственниками, но одно—собственникомъ письма съ литературной, а другое—собственникомъ его съ матеріальной точки зрѣнія.

3) По третьей теоріи право дестинатарія является правомъ *sui generis*, имѣющимъ особую природу, мѣняющуюся съ особенностями каждаго случая и предполагаемой волей автора. Объясненіе это легкое, но скорѣе походитъ на уклоненіе отъ объясненія: оно указываетъ на оригинальность этого права среди другихъ, но не опредѣляетъ, въ чемъ заключается его сущность.

Отвергая эти теоріи, нельзя однако не признать, что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ долю правды. Такъ, одна изъ нихъ совершенно справедливо проводитъ различіе между конфиденціальными и неконфиденціальными письмами. Очевидно, что дестинатарій перваго письма имѣетъ менѣе обширныя права, чѣмъ дестинатарій втораго. Но тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ дестинатарій является собственникомъ письма.

Изъ изложеннаго выше взгляда на моментъ перехода права собственности на письмо къ дестинатарію слѣдуетъ, что письмо

путешествуетъ на рискъ его автора; если поэтому оно заключаетъ необходимыя цѣнности (напр., при пересылкѣ за границу или внутри государства чековъ заказными письмами), потеря его падаетъ на отправителя (res perit domino). Другое дѣло, если такое письмо отправлено было адресату по его приказу и сообразно его инструкціямъ (вмѣсто денегъ кредитными билетами—чекомъ). Можно думать, что собственность въ этомъ случаѣ переходитъ въ моментъ отправленія.

II. Аттрибуты права собственности на письмо.

Согласно обычному опредѣленію собственность заключаетъ въ себѣ право пользоваться, извлекать плоды и распоряжаться вещью (jus utendi, fruendi, abutendi). Дестинатарій безъ сомнѣнія имѣетъ право пользоваться письмомъ, читая и сохраняя его. Смотря по своему характеру (свидѣтельство уваженія или любви, доказательство какого нибудь договора, литературный или артистическій документъ) письмо въ извѣстномъ смыслѣ можетъ приносить матеріальные или нематеріальные плоды, поступающіе въ пользу дестинатарія. Адрессатъ далѣе можетъ (если не было молчаливаго или выраженнаго соглашенія о противномъ) порвать или сжечь письмо (jus abutendi).

Но въ виду того, что дестинатарій въ большинствѣ случаевъ получаетъ письмо по безвозмездному титулу (какъ условное дареніе, donatio sub modo), слѣдуетъ признать, что, если самъ отправитель опредѣлилъ употребленіе, которое нужно сдѣлать относительно письма, онъ (дестинатарій) долженъ былъ бы сообразоваться съ полученными инструкціями. Въ этомъ заключается уже первое ограниченіе права собственности на письмо. Хотя нельзя не видѣть, что гарантировать юридически такое ограниченіе очень часто невозможно.

Условія, ограничивающія право собственности на письмо, могутъ быть ясно выражены или подразумѣваться.

Важнѣйшими изъ первыхъ являются: 1) выраженное отправителемъ желаніе получить письмо обратно по прочтеніи его, 2) желаніе его, чтобы письмо было по прочтеніи сожжено, порвано и пр.

Условія эти ничего, конечно, незаконнаго въ себѣ не заключаютъ и нравственно дестинатарій (въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ) обязанъ былъ бы уважать ихъ. Но только „въ большинствѣ случаевъ", такъ какъ можно представить себѣ много другихъ примѣровъ, когда дестинатарій юридически или нравственно долженъ дѣйствовать наперекоръ инструкціямъ автора письма. Дѣло въ томъ, что путемъ корреспонденціи люди не только объясняются въ любви или заключаютъ договоры, но совершаютъ проступки и преступленія (оскорбленіе, клевета, диффамація, подлогъ). Фактически разумѣется трудно путемъ суда добиться возвращенія или уничтоженія письма, или же происшедшаго отъ невыполненія такихъ условій возмѣщенія убытковъ. Вслѣдствіе этого подобныя условія рѣдко включаются въ письма.

Наоборотъ письма часто сопровождаются молчаливымъ условіемъ: не разглашать ихъ содержанія или путемъ лишь публикаціи, или и всякимъ другимъ путемъ. Это такъ называемыя конфиденціальныя письма.

Трудно дать точное опредѣленіе конфиденціальнаго письма. Конфиденціальность—чрезвычайно относительное понятіе: то, что должно храниться въ тайнѣ сегодня, можетъ быть извѣстно всѣмъ завтра; одно лицо можетъ придавать большую важность и покрывать самой большой тайной такую новость, которую другое будетъ считать вульгарной банальностью, могущей быть разносимой повсюду. Все зависитъ отъ обстоятельствъ случая и намѣренія сторонъ (quaestio facti). Иногда конфиденціальность письма очевидна: посланіе къ своему alter ego, дружеское или любовное письмо. Съ другой стороны также очевидна бываетъ иногда и неконфиденціальность корреспонденціи: пригласительныя, поздравительныя и тому подобныя письма. Въ другихъ случаяхъ это вопросъ довольно нелегкій: дѣловыя письма научнаго или литературнаго содержанія и пр.

Письма сановниковъ, чиновниковъ, офицеровъ и пр. между собою по вопросамъ общественной и государственной службы обладаютъ безспорно конфиденціальнымъ характеромъ; они принадлежатъ государству. Отправитель посылаетъ ихъ отъ

имени государства, получатель получаетъ также отъ имени государства: тотъ и другой являются лишь мандатаріями государства. Конфиденціальность объясняется большими опасностями, связанными иногда съ разглашеніемъ такихъ писемъ для внутренней или внѣшней безопасности.

По опредѣленію Breton'a, на точность котораго онъ не претендуетъ, письмо будетъ конфиденціальнымъ, когда оно представляетъ собою „выраженіе мыслей, которыя устный разговоръ удержалъ бы въ секретѣ между авторомъ и дестинатаріемъ".

Приводятъ два ряда соображеній въ защиту принципа обязательнаго сохраненія тайны дестинатаріемъ письма. 1) Это требованіе справедливости, нравственности и общественнаго порядка: нарушеніе секрета есть настоящій общественный проступокъ, который при обобщеніи ввелъ бы безпорядокъ и серьезно угрожалъ бы прочности общественныхъ отношеній. Соображеніе это не юридическаго характера. 2) Между авторомъ и дестинатаріемъ признается существованіе молчаливаго соглашенія, по которому второй беретъ на себя обязанность не разглашать содержанія довѣрительнаго письма. Посылка письма есть дареніе. Дареніе же всегда можетъ быть связано молчаливыми или ясно выраженными модальностями. Посылка (дареніе) конфиденціальнаго письма совершается подъ молчаливымъ условіемъ сохраненія его тайны. Здѣсь есть слѣдовательно элементы договора, нарушать который нельзя безнаказанно: pacta sunt servanda. Правда, „конфиденціи", а съ ними и обязанность сохраненія ихъ въ тайнѣ часто навязываются дестинатарію, чѣмъ нарушается одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ договора: свобода его заключенія. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности полной свободы не существуетъ ни для одного договора: всегда есть какое нибудь скрытое для менѣе проницательныхъ давленіе (экономическій строй, вообще „общественное состояніе" и естественныя условія: человѣкъ покупаетъ шубу зимою подъ давленіемъ холода). Обществу важно, чтобы отдѣльныя лица оправдывали нѣкоторую, небольшую мѣрку довѣрія, и авторъ письма имѣетъ право разсчиты-

вать на этотъ минимумъ „обязательнаго къ оправданію“ (sit venia verbo) довѣрія [1]).

Иногда обязательность тайны находитъ себѣ санкцію и въ уголовныхъ законахъ. Такъ, дестинатарій будетъ виновенъ въ диффамаціи, если, получивъ письмо со свѣдѣніями, наносящими ущербъ чести третьяго, станетъ показывать многимъ такое письмо.

Хотя все-таки приходится сказать, что въ большинствѣ случаевъ ненарушимость секрета дестинатаріемъ имѣетъ лишь нравственную санкцію. Трудно доказать нанесеніе матеріальнаго ущерба несоблюденіемъ тайны, а потому трудно и предъявлять подобнаго рода иски.

III. Преемники переписывавшихся лицъ.

Какова будетъ судьба писемъ по смерти дестинатарія? Предполагается, конечно, что самъ дестинатарій не сдѣлалъ такихъ распоряженій относительно ихъ, на что онъ имѣлъ право, такъ какъ письма въ качествѣ движимости составляли часть его имущества. Относительно корреспонденціи банальнаго характера затрудненій быть не можетъ. По общему правилу она переходитъ въ собственность наслѣдниковъ дестинатарія. Вопросъ о конфиденціальной корреспонденціи гораздо затруднительнѣе. 1) Одни думаютъ, что нельзя нарушать общихъ началъ наслѣдственнаго и процессуальнаго законодательства и произвольно устанавливать для конфиденціальныхъ писемъ исключеніе въ смыслѣ ненаслѣдственности ихъ и сохраненія въ секретѣ отъ преемниковъ дестинатарія. Уже опредѣленіе характера корреспонденціи (конфиденціальна она или нѣтъ?) вызоветъ нарушеніе тайны ея. Далѣе, принципы гласности и состязательности должны повести къ нарушенію тайны корреспонденціи при возникновеніи спора и предъявленіи ея въ судъ. Конечно, внѣ случаевъ судебнаго разби-

---

[1]) Мѣра этого довѣрія мѣняется сообразно обстоятельствамъ. Это „обязательное къ оправданію“ довѣріе и есть то, что въ общежитіи называется порядочностью.

рательства преемники дестинатарія должны подчиняться тѣмъ же ограниченіямъ, что и онъ, но должны имѣть и тѣ же права, т. е. права собственности. Не было ли бы смѣшнымъ мѣшать собственнику письма познакомиться съ его содержаніемъ?

2) Другіе говорятъ, что авторъ писалъ письмо только потому, что довѣрялъ честности, осторожности, деликатности дестинатарія. Качества же эти въ высшей степени личныя и могутъ отсутствовать у преемниковъ. Между тѣмъ авторъ желалъ, быть можетъ, чтобы письма его оставались неизвѣстными отдаленнымъ иногда наслѣдникамъ дестинатарія, имѣющимъ подчасъ интересъ вредить ему (автору корреспонденціи). По мнѣнію сторонниковъ этого взгляда, смерть дестинатарія должна разсматриваться какъ резолютивное условіе, при наступленіи котораго собственность на письма переходить къ отправителю (или его наслѣдникамъ). На это можно возразить, что ни въ одномъ законодательствѣ нельзя найти подтвержденія этой презумпціи о смерти какъ резолютивномъ условіи.

Первое мнѣніе болѣе стоитъ на юридической почвѣ, чѣмъ второе. Безъ сомнѣнія, что знаніе преемниками дестинатарія содержанія писемъ можетъ часто быть сопряжено съ неудобствами. Самъ авторъ ихъ долженъ принять необходимыя мѣры предосторожности, чтобы избѣжать такихъ неудобствъ. Ни законодательство, ни суды не обязаны пополнять благоразуміе частныхъ лицъ [1]).

При стеченіи нѣсколькихъ наслѣдниковъ, если дестинатаріемъ не было сдѣлано спеціальнаго распоряженія о корреспонденціи, и если наслѣдники эти не раздѣлятся по взаимному согласію, суду придется рѣшить вопросъ о передачѣ писемъ согласно общимъ правиламъ о дѣлежѣ наслѣдства и обстоятельствамъ дѣла.

---

[1]) Можно думать, что авторъ, передавая собственность на свое письмо и не дѣлая никакихъ оговорокъ, исключающихъ передачу его наслѣдникамъ дестинатарія, тѣмъ самымъ далъ свое согласіе на такую передачу.

Письма, какъ часть движимости, не изъятой отъ ареста, можетъ перейти въ руки кредиторовъ дестинатарія. Могутъ ли они продать ихъ? Если письма не имѣютъ конфиденціальнаго характера, ничто не препятствуетъ этому. Только покупатель (любитель автографовъ, напр.) не имѣетъ больше правъ, чѣмъ имѣлъ ихъ дестинатарій; не имѣетъ, напр., права публиковать ихъ (это предполагаетъ кромѣ матеріальной собственности литературную собственность на письма, остающуюся обыкновенно въ рукахъ автора). Если, напротивъ, письма имѣютъ характеръ конфиденціальный, кредиторы не имѣютъ права продать ихъ даже въ качествѣ простыхъ автографовъ; этого права не имѣлъ ихъ дестинатарій, связанный молчаливымъ договоромъ о сохраненіи тайны ихъ; большаго права не могутъ имѣть и преемники. Продажа или иное отчужденіе дестинатаріемъ конфиденціальнаго письма есть видъ нарушенія довѣрія; это вѣрно и по отношенію къ его кредиторамъ: они не могутъ требовать судебнымъ путемъ того, чего не могъ по доброй волѣ сдѣлать ихъ должникъ, не подвергая себя порицанію, а иногда и болѣе серьезной отвѣтственности передъ авторомъ или его наслѣдниками.

Передача адрессатомъ конфиденціальныхъ писемъ inter vivos—исключена, передача неконфиденціальныхъ—допустима. Но и въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть по большей части лишь нравственную санкцію

IV. Особые виды корреспонденціи.

1. Корреспонденція несовершеннолѣтнихъ и подопечныхъ.

Родители, опекуны и попечители обязаны не только управлять имуществомъ своихъ дѣтей и подопечныхъ, но и заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи ихъ. Они имѣютъ право и обязанность поэтому контролировать дѣйствія этихъ лицъ и вмѣшиваться въ ихъ корреспонденцію: освѣдомляться о ней и, въ случаѣ нужды, перехватывать, вскрывать и уничтожать. Нѣкоторые юристы хотѣли бы от-

нять у нихъ два упомянутыхъ послѣдними права, ссылаясь на обязательность тайны корреспонденціи для всѣхъ. Такое мнѣніе едвали можно оправдать закономъ, налагающимъ такія важныя обязанности на родителей и опекуновъ. Конечно, эти послѣдніе должны помнить, что современныя законодательства устанавливаютъ родительскую и опекунскую власть въ интересахъ дѣтей, а не отцовъ семей, и должны пользоваться своими правами съ умѣренностью и снисходительностью. Нѣкоторые, признавая всю полноту полномочій родителей, думаютъ, что опекуны и попечители не имѣютъ права уничтожать задержанной ими корреспонденціи: эта послѣдняя все-таки принадлежитъ подопечнымъ и должна быть возвращена имъ по достиженіи совершеннолѣтія. Корреспонденцію расточителей едва ли можно подвергать указаннымъ ограниченіямъ: опека надъ ними имѣетъ въ виду лишь имущественныя ихъ интересы. Родители и опекуны могутъ передавать (делегировать) свои права и обязанности по надзору третьимъ: напр., содержателямъ пансіоновъ, директорамъ воспитательныхъ учрежденій и пр. Одинъ фактъ помѣщенія въ пансіонъ или другое учрежденіе создаетъ презумпцію такой делегаціи.

2. Корреспонденція замужнихъ женщинъ.

Двѣ идеи управляютъ законами о бракѣ: 1) между супругами все должно быть общимъ, все должно регулироваться интимнымъ союзомъ душъ, 2) супружескій союзъ, какъ и всякое общество, долженъ имѣть главу, и главою этого всего естественнѣе быть мужу. Въ интересахъ поддержанія цѣлости союза мужъ долженъ обладать властью. Таковъ взглядъ всякаго законодателя, имѣющаго въ виду практическія нужды жизни. Нравы, правда, допускаютъ въ наше время равенство въ бракѣ: по крайней мѣрѣ существуетъ движеніе въ этомъ направленіи, стремленіе къ такъ называемой „эмансипаціи“ женщины. Согласно этому движенію нѣкоторые публицисты и юристы, очень авторитетные иногда (напр., Laurent, t. 3,

p. 162), признаютъ за женой право совершенно свободно вести свою корреспонденцію и отрицаютъ за мужемъ право на контроль и надзоръ.

Какъ бы ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ моралистъ или соціальный реформаторъ, мы юристы должны признать большую основательность (de lege lata) и большую практичность за взглядомъ, признающимъ власть мужа (la puissance maritale).

Супруги обязаны сообщать другъ другу о своихъ впечатлѣніяхъ, намѣреніяхъ, чувствахъ и жертвовать всемъ тѣмъ, что могло бы нарушить гармонію между ними. При согласной жизни супруговъ между ними никогда не возникнетъ вопроса о собственности и секретѣ корреспонденціи: взаимное довѣріе, взаимныя уступки, деликатность оставятъ въ сторонѣ мужнюю власть. Она становится замѣтною въ случаѣ раздора, въ часы кризиса или даже простыхъ подозрѣній. Внѣ круга лицъ, поддержаніе дружескихъ или почтительныхъ отношеній съ которыми есть семейная обязанность того или другого супруга, супруги должны согласиться относительно тѣхъ лицъ, посѣщеніе и пріемъ которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ, вкусамъ, чести. При несогласіи мужъ имѣетъ право запретить своей женѣ видѣть или принимать у себя то или иное лицо, поведенія или образа мыслей котораго онъ не одобряетъ.

Обмѣнъ письмами женою съ третьимъ лицомъ въ тайнѣ отъ мужа есть нарушеніе брачнаго договора, видъ нравственной невѣрности, начало или зародышъ раздора. Мужъ имѣетъ право освѣдомляться о лицахъ, съ которыми жена его состоитъ въ перепискѣ, и о характерѣ этой переписки. Мужъ имѣетъ право контроля, осуществленіе котораго требуетъ, правда, много такта и деликатности: недовѣріе и надзоръ, доведенные до крайности, могутъ переходить въ оскорбленіе. Подъ страхомъ быть нелогичными мы не можемъ отказать мужу въ правѣ перехватывать и читать письма, авторомъ или дестинатаріемъ которыхъ является жена: это средство заставитъ уважать мужнюю власть. Жалобы жены на это будутъ неосновательны уже потому, что сама она нарушаетъ обязанности супружеской интимности, поддерживая или завя-

зывая тайную отъ мужа переписку съ третьимъ лицомъ, не всегда могущимъ оказывать на нее хорошее вліяніе.

Право контроля не должно, конечно, доходить до произвольнаго вмѣшательства мужа въ частную корреспонденцію безупречной супруги, съ цѣлью лишь удовлетворить ревнивому и оскорбительному любопытству. Оно должно оправдываться серьезными мотивами: охраной нравственности супруги, предупрежденіемъ ея заблужденій, честью или безопасностью главы семьи и пр. Эти мотивы могутъ оправдывать даже наложеніе мужемъ руки на корреспонденцію жены съ лицами, къ которымъ она по закону обязана относиться почтительно, напр., къ ея отцу и матери (тестю и тещѣ), если эти послѣдніе оказываютъ дурное вліяніе на семейный миръ и пр. Чаще же всего захочетъ онъ, конечно, захватить корреспонденцію съ третьимъ, который по его подозрѣніямъ ..... болѣе чѣмъ чужой для него.

Во всякомъ случаѣ право контроля мужа надъ корреспонденціей жены опасное право. Мужъ всегда долженъ помнить, что „non omne quod licet, honestum est“. Особенно затруднительны тѣ случаи, когда жена, отправляя какую-нибудь профессію (врачъ, акушерка.....), связана обязанностью сохранять профессіональную тайну. Охраняя власть мужа, нельзя отказать ему въ правѣ перехватывать и такую корреспонденцію, которая связана съ профессіональною дѣятельностью жены; съ другой стороны, мы нарушаемъ этимъ интересы третьихъ лицъ. Не смѣя надѣяться на реализацію его, мы можемъ заключить это мѣсто двойнымъ пожеланіемъ: 1) чтобы добрая гармонія царила во всякой семьѣ и 2) чтобы столь щекотливыя права мужа постоянно дремали и выходили изъ употребленія (désuétude, desuetudo).

3. *Корреспонденція лицъ, интернированныхъ въ домахъ для душевнобольныхъ.*

Директоръ учрежденія для душевнобольныхъ обязанъ постоянно заботиться объ излеченіи своихъ пансіонеровъ. Онъ

долженъ поэтому имѣть право слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ, думаетъ или выражаетъ больной, оцѣнивать внѣшнія вліянія на него и устранять ихъ, если по его мнѣнію, они въ состояніи поддерживать безпорядочное состояніе его умственныхъ способностей. Онъ можетъ поэтому задерживать и читать корреспонденцію, авторами или дестинатаріями которой являются лица, ввѣренныя его попеченію: это слѣдствіе его обязанности руководить и опредѣлять леченіе умственной болѣзни. Конечно, такой директоръ или врачъ не получаютъ еще вслѣдствіе этого права собственности на корреспонденцію: они сохраняютъ ее лишь въ качествѣ депозитаріевъ, обязанныхъ возвратить ее по первому требованію представителей больнаго, или самого больнаго по выздоровленіи. Въ виду того, что директоръ не является собственникомъ перехваченной корреспонденціи, является спорнымъ и вопросъ о томъ, имѣетъ ли онъ право удерживать у себя письма, изъ которыхъ ясно видно ненормальное состояніе умственныхъ способностей его пансіонера, въ качествѣ доказательства на случай защиты себя отъ обвиненій въ незаконномъ лишеніи свободы паціента и проистекающаго отъ этого ущерба для него.

4. Корреспонденція военныхъ.

Военная дисциплина и другія соображенія оправдываютъ иногда, особенно въ военное время, установленіе особыхъ правилъ для отправки и полученія писемъ. Отъ установленія простыхъ посредниковъ между почтовой администраціей и полкомъ въ видахъ скорѣйшаго доставленія письма по назначенію и избѣжанія возможныхъ ошибокъ (чѣмъ не нарушаются ни собственность, ни секретъ корреспонденціи), правила эти могутъ доходить до установленія контроля (въ смыслѣ права вскрывать, читать и въ случаѣ необходимости уничтожать письма).

5. Корреспонденція заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Собственность и секретъ такой корреспонденціи ограничиваются правомъ контроля тюремнаго начальства, регистраціей, обязательнымъ предъявленіемъ судебной или административной власти въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другими формальностями.

6. Корреспонденція несостоятельныхъ.

Дѣловая (не частная, интимная) корреспонденція такихъ лицъ передается конкурсу. Этимъ нарушается секретъ ея и пріостанавливаются права собственности. Но только суспензируются: по окончаніи конкурса несостоятельный можетъ взять свою корреспонденцію назадъ, устраняя ее отъ нескромныхъ взоровъ кредиторовъ,—быть можетъ своихъ конкуррентовъ.

V. Письма въ роли судебныхъ доказательствъ.

Въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ стороны и обвинительная власть ссылаются часто на письма въ подтвержденіе своихъ требованій и заявленій. Корреспонденція то служитъ доказательствомъ какого-нибудь договора, то corpus delicti. Интересы правосудія требуютъ ограниченія указанныхъ выше принциповъ тайны и собственности частной корреспонденціи.

Въ уголовныхъ процессахъ интересы репрессіи, права общества, равно какъ и интересы самого обвиняемаго стоятъ выше принципа тайны корреспонденціи: всѣ письма, конфиденціальныя или неконфиденціальныя, могутъ быть предъявлены въ судъ.

Въ дисциплинарномъ производствѣ секретъ корреспонденціи, не встрѣчаясь съ такими важными интересами общества какъ въ уголовныхъ процессахъ, долженъ быть охраняемъ

строже. Письмо, напр., адвоката своему кліенту, заключающее въ себѣ выраженія и обвиненія, обидныя для какого-нибудь судьи, не можетъ служить основаніемъ возбужденія преслѣдованія противъ такого адвоката передъ „совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ“, если бы дошло какимъ-нибудь путемъ до судьи (напр., чрезъ лицо, составлявшее опись имуществу умершаго дестинатарія).

Въ процессахъ гражданскихъ и торговыхъ вопросъ представляетъ большія трудности. Здѣсь приходится примирять интересы защиты съ принципомъ ненарушимости секрета. Возможны три гипотезы.

1) Процессъ между авторомъ и дестинатаріемъ письма. Если письмо носитъ неконфиденціальный характеръ, никто не сомнѣвается, что дестинатарій, какъ собственникъ его, можетъ предъявить его въ судъ въ доказательство, положимъ, обязательства, принятаго на себя по отношенію къ нему авторомъ, или вреда, причиненнаго имъ. Но если письмо—конфиденціально? De lege lata судъ долженъ принять къ разсмотрѣнію и такое письмо: нѣтъ закона, который бы требовалъ отъ суда устраненія такого письма изъ процесса по требованію другой стороны, ссылающейся на обязательность тайны корреспонденціи. Конечно, если сторона предъявляетъ въ судъ письмо лишь изъ злаго желанія произвести скандалъ, оно будетъ устранено изъ числа доказательствъ, какъ не имѣющее отношенія къ дѣлу, а другой сторонѣ представится возможность вѣдаться съ такимъ лицомъ уголовнымъ (если есть въ наличности составъ проступка) или гражданскимъ судомъ (если есть ущербъ, который можетъ быть указанъ). Въ другихъ случаяхъ нарушенія принципа тайны можетъ быть оправдываемо молчаливымъ соглашеніемъ сторонъ, по которому они будутъ считать себя свободными отъ обязанности сохранять секретъ (по крайней мѣрѣ передъ судомъ), лишь только между ними возникнетъ процессъ.

Можно думать, что въ судъ могутъ быть предъявлены дестинатаріемъ и такія письма, которыя служатъ къ подтвержденію заявленій или требованій третьяго лица. Письма эти

должны быть обсуждаемы по правиламъ о внѣсудебномъ сознаніи. Мы не имѣемъ закона, которымъ можно было бы обосновать устраненіе такихъ писемъ изъ процесса, хотя несомнѣнно, что этимъ нарушается принципъ ненарушимости тайны частной корреспонденціи.

2) Дестинатарій предъявляетъ письмо въ судъ противъ третьяго лица. Если письмо неконфиденціально, онъ безъ сомнѣнія можетъ сдѣлать это: онъ одинъ его собственникъ, не связанный секретомъ. Если письмо—конфиденціально, возможны два случая: а) авторъ письма знаетъ о предъявленіи его въ судъ; фактически онъ не можетъ помѣшать этому: нѣтъ закона, который разсматривалъ бы секретъ корреспонденціи между частными лицами какъ принципъ общественнаго порядка, охраняемый судами ex officio; автору, если дестинатарій вопреки его желанію настаиваетъ на предъявленіи письма въ судъ, представляется лишь возможность доказывать и требовать причиненныя ему этимъ убытки; б) авторъ письма въ большинствѣ случаевъ и не будетъ знать о предъявленіи его въ судъ; третье лицо не можетъ добиться устраненія письма изъ числа доказательствъ, ссылаясь на принципъ тайны: оно является постороннимъ лицомъ въ молчаливомъ соглашеніи автора и дестинатарія о сохраненіи секрета корреспонденціи.

3) Предъявленіе письма третьимъ лицомъ (противъ автора, дестинатарія или другого третьяго лица). Письмо неконфиденціальное можетъ быть (de jure) предъявлено лишь съ согласія дестинатарія. При отсутствіи оппозиціи со стороны этого послѣдняго такое согласіе предполагается. Письмо конфиденціальное можетъ быть предъявлено третьимъ лишь съ согласія какъ автора, такъ и дестинатарія. Если письмо попало въ руки третьяго благодаря какому-нибудь недозволенному манёвру (обманъ, воровство.....) или случаю (находка потеряннаго письма или доставленіе его третьему лицу вмѣсто дестинатарія почтовымъ агентомъ), то, говоря теоретически, оно не можетъ быть предъявлено въ судъ уже потому, что обладатель его не является его собственникомъ: этотъ послѣдній

всегда можетъ потребовать его возвращенія себѣ. Фактически какъ неконфиденціальныя, такъ и конфиденціальныя письма будутъ предъявляться часто въ судъ, какъ потому что это предъявленіе будетъ оставаться иногда неизвѣстнымъ дестинатарію или автору, такъ и потому что трудно доказать въ другихъ случаяхъ неправомѣрный переходъ ихъ въ руки третьяго, владѣніе же движимостью создаетъ благопріятныя презумпціи въ пользу обладателя. Во всякомъ случаѣ по нашимъ законамъ можно устранить изъ числа доказательствъ письмо, лишь ссылаясь на принципъ собственности (требуя реституціи его отъ третьяго лица), а не на принципъ тайны: судъ обязанъ разсмотрѣть всѣ представленныя ему доказательства даже тогда, когда сторона представляющая ихъ нарушаетъ этимъ секретъ корреспонденціи и подвергаетъ себя риску возмѣщенія вреда и убытковъ.

Принципъ ненарушимости тайны корреспонденціи всегда будетъ находить себѣ фактическое ограниченіе въ двухъ основныхъ принципахъ современнаго (и русскаго, между прочимъ) процесса: состязательности, требующей предъявленія письма другой сторонѣ (напр., наслѣдникамъ автора) или ея представителю, и гласности, требующей веденія дѣла въ открытомъ засѣданіи.

Доказательная сила письма будетъ зависѣть отъ оцѣнки судомъ. Письмо во всякомъ случаѣ не можетъ быть доказательствомъ тамъ, гдѣ требуется нотаріальный или иной публичный документъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что по нашимъ фискальнымъ законамъ выгоднѣе иногда заключать, видоизмѣнять и погашать договоры путемъ частныхъ писемъ, чѣмъ путемъ составленія особыхъ „условій“, выдачи квитанцій и пр.: не нужно лѣпить марокъ и подвергаться штрафамъ за подобныя упущенія, доказательная же сила ихъ достаточна тамъ, гдѣ законъ довольствуется словесной или домашней письменной формой.

Въ указанныхъ выше особыхъ видахъ корреспонденціи дѣлаются исключенія изъ началъ собственности и секрета

ея: отецъ или опекунъ могутъ предъявлять въ судъ перехваченыя ими письма, хотя въ сущности являются третьими лицами (собственность на письма принадлежитъ дѣтямъ и подопечнымъ).

Особенно большую роль въ качествѣ судебнаго доказательства играетъ частная корреспонденція тамъ, гдѣ установлены болѣе свободныя нормы для бракоразводныхъ процессовъ и особенно гдѣ рядомъ съ разводомъ существуетъ разлученіе (séparation de corps). Адюльтеръ, внѣ flagrant délit, какъ это требуется у насъ, доказывается обыкновенно письмами. Въ пользу мужней власти суды допускаютъ предъявленіе переписки между самими супругами, переписки супруги съ третьимъ лицомъ, перехваченной или добытой недозволеннымъ путемъ мужемъ (вырванной у жены изъ рукъ, украденной у нея или третьяго лица и пр.), наравнѣ съ перепиской добровольно переданной третьимъ лицомъ (напр., купленной у него мужемъ) [1]). Нарушеніе принциповъ тайны, а иногда и собственности допускается также на Западѣ въ пользу отца, отвергающаго происхожденіе отъ него ребенка, рожденнаго невѣрною супругой подъ покровительствомъ принципа pater est quem nuptiae demonstrant, въ пользу внѣбрачнаго ребенка, отыскивающаго мать или отца, и противъ анонимныхъ писемъ. Кромѣ супружеской невѣрности, можно (по западно-европейскимъ законодательствамъ) доказывать письмами съ нарушеніемъ принциповъ тайны и собственности на нихъ эксцессы, жестокое обращеніе, серьезныя обиды и прочія обстоятельства, служащія основаніемъ къ разводу или разлученію. Это замѣчаніе имѣетъ практическое значеніе и у насъ для лицъ неправославнаго вѣроисповѣданія.

VI. Изданіе писемъ.

Вопросъ объ изданіи возникаетъ обыкновенно по отношенію къ корреспонденціи выдающихся политическихъ дѣятелей,

[1]) Замѣтимъ, что франц. суды не даютъ тѣхъ же правъ женѣ. Корреспонденція должна попасть въ ея руки законнымъ и даже приличнымъ путемъ.

писателей и артистовъ. Съ одной стороны, оно можетъ быть источникомъ дохода, съ другой—источникомъ затрудненій для заинтересованныхъ лицъ (автора и дестинатарія). Кому принадлежитъ право изданія тогда? Существуетъ два мнѣнія:

Одни думаютъ, что право это должно принадлежать дестинатарію, если авторъ открыто или молчаливо (что опредѣляется характеромъ корреспонденціи) не удержалъ за собою этого права. Дестинатарій, какъ собственникъ манускрипта, долженъ пользоваться всѣми плодами вещи. Авторъ можетъ воспротивиться обнародованію лишь въ двухъ случаяхъ: а) когда письмо конфиденціально, б) когда публикація причиняетъ ему какой-нибудь вредъ.

Другіе различаютъ матеріальную и литературную собственность на письмо. Какъ всякій интеллектуальный трудъ письмо представляетъ литературную собственность его автора: онъ долженъ пользоваться результатами и выгодами своего произведенія. Пересылая письмо, авторъ желаетъ, чтобы мысли его были прочтены, а не обнародованы. Дестинатарій или его наслѣдники получаютъ право на изданіе лишь по истеченіи закономъ установленныхъ сроковъ для литературной собственности (50 лѣтъ у насъ). При чемъ и здѣсь проводится различіе между конфиденціальными и неконфиденціальными письмами: первыя не могутъ быть печатаемы безъ согласія автора или его преемниковъ, такъ какъ этому мѣшаетъ открытое или молчаливое условіе о секретѣ (pacta sunt servanda). Теоретически это вѣрно, но реализовать судебнымъ путемъ такіе взгляды часто очень затруднительно.

Вопросъ о томъ, можетъ ли дестинатарій противиться изданію писемъ, есть quaestio facti. Можно думать, что авторъ не имѣетъ права публиковать имени дестинатарія безъ его согласія и вообще издавать письма тогда, когда отъ этого для него (дестинатарія) послѣдовалъ бы какой-нибудь вредъ.

Право на изданіе можетъ быть, конечно, передано авторомъ дестинаторію явно или молчаливо. Такая передача можетъ быть выводима изъ обстоятельствъ дѣла, характера корреспонденціи, отношеній сторонъ и пр.

Права наслѣдниковъ и супруги (или супруга женщины-автора) опредѣляются правилами о литературной собственности.

Кредиторы автора или дестинатарія по общему правилу не имѣютъ права издавать найденную ими корреспонденцію безъ согласія управомоченныхъ лицъ, даннаго ad hoc или выразившагося какъ-нибудь раньше.

VII. Отношеніе государствъ къ тайнѣ писемъ.

Отношеніе государствъ къ секрету корреспонденціи опредѣляется борьбою двухъ принциповъ: свободы и власти. Съ одной стороны для каждаго очевиденъ интересъ публики, чтобы циркулярія писемъ находила себѣ покровительство противъ злоупотребленій правительственною властью и нескромности чиновниковъ; съ другой стороны—общественная безопасность требуетъ иногда нарушенія этихъ интересовъ въ виду высшаго принципа „salus patriae". Республиканскія и конституціонно-монархическія государства въ большей мѣрѣ стараются охранить принципъ свободы и его послѣдствіе—секретъ частной корреспонденціи, чѣмъ государства съ болѣе сильною властью. Принципъ ненарушимости тайны корреспонденціи вносится или въ конституцію (какъ, напр., 22 ст. Бельгійской конст.: le secret des lettres est inviolable.....), или въ почтовые законы (§ 5 имперскаго почтоваго закона Германіи 1871 г.: des Briefgeheimniss ist unverletzlich.....), или выводится въ логическое необходимое послѣдствіе изъ принципа индивидуальной свободы, гарантированнаго основными законами (какъ, напр., во Франціи). Въ Англіи, не имѣющей писанной конституціи, тайна писемъ охраняется, но не въ такой мѣрѣ, какъ индивидуальная свобода (съ 1779 по 1884 г. было вскрыто по приказу министра внутреннихъ дѣлъ 372 письма: въ среднемъ 8 писемъ въ годъ [1]). Республикан-

[1]) Часто при этомъ не соблюдаются обычныя формальности, нѣсколько гаран-

ская Франція оффиціально не имѣетъ уже болѣе печальной памяти „черныхъ кабинетовъ“, но фактически, говорятъ, письма время отъ времени вскрываются (см. I. Chauvet „Le secret et la propriété de la correspondance“, p. 18). Вскрываются иногда письма и въ Германіи и Австріи (passim, журн. „Die Zeit“).

Самымъ солиднымъ возраженіемъ противъ практики вскрытія писемъ служитъ то обстоятельство, что комплоты, важныя политическія новости, посольскія сношенія и деликатные переговоры циркулируютъ обыкновенно не съ обыкновенною почтою.

Условныя законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ стремятся охранять собственность и секретъ корреспонденціи наказаніями за перехватываніе, вскрытіе, воровство ея и пр. Деликты и квази-деликты, объектомъ которыхъ была корреспонденція, даютъ поводъ также къ предъявленію гражданскихъ исковъ за причиненный и доказанный ущербъ.

Исключенія изъ принципа ненарушимости секрета корреспонденціи дѣлаются:

1) во имя высшаго интереса репрессіи преступленій и проступковъ. Уголовная юстиція требуетъ надѣленія особыми правами слѣдователей и прокуровъ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но принципъ уваженія къ частной корреспонденціи лучше всего обезпеченъ, безъ ущерба для криминальной юстиціи, у насъ въ Россіи (см. I. Chauvet, op. c., p. 47). По 368 ст. уст. угол. суд. 1864 г. установленныя власти, чиновники и частныя лица не могутъ отказывать въ выдачѣ доказательствъ письменныхъ или вещественныхъ, необходимыхъ для слѣдствія, если они находятся въ ихъ рукахъ. 21 Февраля 1868 г. были сдѣланы постановленія въ развитіе этого правила, оказавшіяся недостаточными, и въ 1878 г. (30 октября) Государственнымъ Совѣтомъ установлены были

тирующія публику. Оппозиція протестуетъ противъ такихъ злоупотребленій не особенно сильно, чтобы не лишить саму себя оружія, когда она станетъ у власти.

условія ареста и вскрытія писемъ лицъ, противъ которыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе. Если во время слѣдствія окажется необходимымъ арестовать и вскрыть почтовую корреспонденцію или телеграммы преслѣдуемаго уголовнымъ порядкомъ лица (будутъ ли письма и депеши исходить отъ него, или будтъ адресованы ему), слѣдователь, давъ приказъ о задержаніи ихъ почтовой или телеграфной администраціи, немедленно спрашиваетъ у окружнаго суда авторизаціи на арестъ и вскрытіе этой корреспонденціи. Задержаніе ея вначалѣ не является, слѣдовательно, еще арестомъ: этотъ послѣдній производится лишь по разрѣшеніи судомъ. Свѣдѣнія относительно корреспонденціи даются слѣдователю безъ предварительной авторизаціи. Такія гарантіи отпадаютъ, когда дѣло идетъ о преступленіяхъ противъ государства и о тайныхъ сообществахъ. Выше мы указывали на нарушеніе тайны по политическимъ мотивамъ и на Западѣ (рядомъ съ судебною властью дѣйствуетъ и полиція).

2) въ военное время и при объявленіи осаднаго положенія военныя власти, согласно старинному еще положенію „belli duces literas aperire et intercipere possunt“, имѣютъ право задерживать и вскрывать корреспонденцію въ жилищахъ частныхъ лицъ и въ почтовыхъ бюро;

3) при несостоятельности тайна корреспонденціи нарушается передачею ея конкурснымъ попечителямъ.

4) если нельзя найдти адрессата, почтовая администрація можетъ вскрыть письмо для опредѣленія отправителя и возвращенія ему корреспонденціи.

5) таможенное вѣдомство можетъ вскрывать у насъ письма для предупрежденія злоупотребленій по провозу нѣкоторыхъ предметовъ изъ за границы. На подозрительныя отправленія накладывается иногда штемпель „вскрыть при выдачѣ“.

Важнѣйшая литература: R. Rousseau, Traité de la correspondance en droit civil et commercial, 1877; G. Breton, De

l'inviolabilité du secret et de la propriété des lettres missives, 1889; Voillaume et Darantière, Des droits du mari sur la correspondance de sa femme, 1888; Conrad, Handwörterbuch des Staatswissenschaften (т. V, стр. 199 и литерат. указанія на стр. 217, zu II и zu III). Voillaume, Le respect dû à la correspondance, 1888.

В. Катковъ.

НЕОСТОРОЖНЫЯ ТѢЛЕСНЫЯ ПОВРЕЖДЕНІЯ.

(Анализъ 1494 ст. уложенія, 128 и 129 ст. устава о наказ. и 406 ст. проекта угол. улож.).

Было бы повтореніемъ общаго мѣста говорить, что отдѣлъ нашего законодательства о тѣлесныхъ поврежденіяхъ принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ какъ для теоретической его разработки, такъ и въ примѣненіи на практикѣ. Постановленія нашего законодательства, касающіяся посягательствъ на тѣлесную неприкосновенность, говоритъ Неклюдовъ, „находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, положительно непригодны для практики и скорѣе запутываютъ, чѣмъ разрѣшаютъ ея недоразумѣнія" (Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, 1876 г. т. I стр. 245). Дѣйствительно, кажется, всѣ недостатки нашего законодательства соединились вмѣстѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ, чтобы дать въ результатѣ ученіе уложенія о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Внутреннія противорѣчія между отдѣльными нормами закона и вытекающая отсюда невозможность установленія основныхъ началъ, изъ которыхъ онъ исходитъ [1]), отсутствіе общихъ опредѣ-

[1]) Такъ, за нанесеніе въ запальчивости побоевъ съ смертельнымъ исходомъ, виновный по ст. 1490, которая не различаетъ состоянія запальчивости и раздраженія отъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, подвергается каторжнымъ работамъ отъ 8 до 10 лѣтъ, за причиненіе въ такомъ же состояніи и съ тѣмъ же исходомъ ранъ или увѣчья—по 2 ч. 1484 ст. лишь ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе отъ 3 до 3½ лѣтъ, а между тѣмъ раны

леній—съ одной стороны и неполная казуистичность [1]), невыдержанная терминологія, способная сбить съ толку и разрушить всякіе выводы изъ словъ закона, неясность редакціи отдѣльныхъ статей, пропуски, недомолвки [2]), сложность и неустойчивость основаній классификаціи—съ другой—вотъ характерныя черты ученія нашего уголовнаго законодательства объ охраненіи тѣлесной неприкосновенности, дѣлающія его лабиринтомъ, изъ котораго трудно выпутаться и затрудняющія какъ теоретическія построенія въ этой области, такъ, и еще болѣе, непріятныя для практики, которая положительно путается въ вопросахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и разрѣшаетъ ихъ крайне разнообразно. Доказательствомъ могутъ служить собранныя министерствомъ юстиціи замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства на уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями [3]). Достаточно просмотрѣть

и увѣчья, казалось бы, должны считаться явленіемъ болѣе опаснымъ, чѣмъ побои, ибо нѣкоторые виды побоевъ даже не относятся къ преступленіямъ противъ тѣлесной неприкосновенности (ср. 1533 ст., относящуюся къ отдѣленію о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ); или, напр., по статьѣ 1483 нанесеніе легкихъ ранъ въ запальчивости и раздраженіи карается тюрьмою отъ двухъ до 4-хъ мѣсяцевъ, а по 1 ч. ст. 1485 за нанесеніе въ дракѣ и легкихъ ранъ, о которыхъ отдѣльно въ статьѣ не говорится, виновному грозитъ заключеніе въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, а между тѣмъ причиненіе тѣлесныхъ поврежденій въ дракѣ законъ имѣлъ въ виду характеризовать, какъ дѣяніе скорѣе неосторожное, чѣмъ умышленное, какъ это видно изъ объясненій къ главѣ III раздѣла десятаго проекта уложенія 1844 г. (стр. 625) и къ ст. 1871 проекта, гдѣ говорится, что убійство въ дракѣ составители уложенія признаютъ смертоубійствомъ отъ неосторожности.

[1]) Не опредѣлено, напр., понятіе увѣчья, ранъ и т. д.; съ другой стороны, кромѣ перечисляемыхъ въ законѣ видовъ тѣлесныхъ поврежденій есть еще и „иное поврежденіе“, которое иногда ставится на ряду съ ранами и увѣчьемъ (ст. 1484 и др. уложенія) и содержаніе котораго трудно опредѣлить, трудно, напр., сказать, относятся ли къ нему побои или иныя истязанія и мученія (ст. 1489).

[2]) Даже въ уставѣ о нак., налаг. мир. судьями; такъ ст. 128 и 129 говорятъ лишь о „ранахъ или поврежденіяхъ въ здоровьѣ“, ни словомъ не упоминая объ увѣчьяхъ, и правительствующему сенату пришлось прибѣгнуть ко всѣмъ способамъ толкованія, проанализировать происхожденіе указанныхъ статей, чтобъ доказать, что увѣчья также имѣются въ виду уставомъ,—ср. рѣш. 1882 г. № 36 по дѣлу Кушнирева.

[3]) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства 1880 г. т. II, замѣчанія за 1867—1876 г.г. стр. 265—284; тоже 1881 г. т. III, замѣчанія за 1880—1881 г. стр. 350—368.

эти замѣчанія, чтобы убѣдиться, какъ тяжело выяснить разумъ закона по отдѣльнымъ статьямъ его о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и установить какіе нибудь безусловные выводы, которые можно было бы примѣнять суду.

Думаемъ, что при такомъ положеніи дѣла всякая попытка выяснить вопросы, касающіеся тѣлесныхъ поврежденій, находить свое оправданіе. Одному изъ такихъ вопросовъ, по которому, насколько намъ извѣстно, даже судебныя палаты не остановились на какомъ либо одномъ, опредѣленномъ и неизмѣнномъ взглядѣ, и будетъ посвящена наша замѣтка. Цѣль ея—анализировать тѣ нормы, заключающіяся въ уложеніи и уставѣ о наказаніяхъ, которыми преслѣдуются неосторожныя тѣлесныя поврежденія, опредѣлить ихъ матеріальное содержаніе и выяснить процессуальный порядокъ преслѣдованія предусматриваемыхъ ими преступленій; въ заключеніе мы постараемся указать, какое мѣсто занимаетъ система нашего законодательства о неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ въ ряду системъ другихъ кодексовъ и въ какомъ направленіи желательно ея дальнѣйшее движеніе.

I.

Дѣйствующее уголовное законодательство знаетъ двоякаго рода неосторожныя тѣлесныя поврежденія, въ зависимости отъ условій, при коихъ они причинены: первую категорію составляютъ поврежденія, являющіяся результатомъ дѣянія, хотя и не предусмотрѣннаго въ законѣ, но явно неосторожнаго—они преслѣдуются по 129 ст. устава о наказ., налаг. мир. судьями; вторую—поврежденія, бывшія слѣдствіемъ или проступковъ, преслѣдуемыхъ по уставу о наказаніяхъ, или нарушенія постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ—они предусмотрѣны 128 ст. уст. о нак. и 1494 ст. улож.

Три приведенныя статьи и представляютъ кардинальныя нормы о преслѣдованіи тѣлесныхъ поврежденій; говоримъ кардинальныя потому, что согласно съ общимъ строемъ нашего казуистическаго законодательства, неосторожное причиненіе

ранъ, увѣчья и поврежденій въ здоровьѣ предусмотрѣно и въ другихъ статьяхъ, какъ уложенія, такъ и устава о наказаніяхъ. Такъ по 2 ч. 1085 ст. улож. наказуется принадлежащее къ управленію желѣзной дороги лицо, виновное въ неосторожномъ совершеніи неправильныхъ при эксплоатаціи дѣйствій въ случаѣ причиненія поврежденія въ здоровьѣ; 1131 ст. имѣетъ въ виду случай причиненія ранъ, увѣчья и пр. при неумышленномъ, по неосторожности, поврежденіи телеграфа [1]); 87 ст. устава преслѣдуетъ за нарушеніе правилъ, установленныхъ для плаванія рѣчныхъ пароходовъ, управляющихъ сими послѣдними, когда неисправность ихъ не имѣла послѣдствіемъ смертнаго случая, слѣдовательно, здѣсь тоже предусматривается причиненіе неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій. Но всѣ эти статьи — частное примѣненіе того общаго ученія, которое заключается въ трехъ вышеприведенныхъ. На анализѣ ихъ намъ и надо остановиться и прежде всего выяснить, какіе именно проступки преслѣдуются ими, чѣмъ отличаются другъ отъ друга тѣ двѣ категоріи неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій, на которыя мы указали.

Первую категорію, какъ выше сказано, составляютъ проступки, предусмотрѣнные 129 ст. устава. Она гласитъ: „за совершеніе дѣянія, хотя и не предусмотрѣннаго въ семъ уставѣ, но явно неосторожнаго, въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденія въ здоровьѣ, когда отъ сего не послѣдовало смерти (ст. 28), виновные приговариваются“... Казалось бы, что эта статья не должна возбуждать сомнѣній; казалось бы, что она имѣетъ въ виду случаи дѣяній неосторожныхъ и притомъ непреступныхъ, не предусмотрѣнныхъ ни въ уставѣ, какъ сказано въ ней, ни въ уложеніи, какъ надо заключить изъ того, что въ уложеніи есть спеціальная статья о причиненіи тѣлесныхъ поврежденій въ случаѣ нарушенія постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ. И если намъ всетаки приходится на ней останавливаться, то лишь въ виду своеобразнаго толкованія, даннаго ей Неклю-

[1]) Ср. также 870 ст. уложенія.

довымъ, мнѣніе котораго черезчуръ важно для того, чтобъ можно было обойти его молчаніемъ.

„Выраженіе ст. 129 „хотя и не предусмотрѣннаго“ означаетъ, что дѣяніе можетъ быть и предусмотрѣно уставомъ“ — такъ полагаетъ Неклюдовъ (Руков., т. I стр. 226); но буквальное и логическое толкованіе словъ закона не можетъ допустить такого объясненія. Выраженіе „не предусмотрѣнный“ не можетъ перейти въ „предусмотрѣнный“, а союзъ „хотя“ противополагается дальнѣйшему „но“ (явно неосторожнаго). Это ясно. Редакторы проекта новаго уголовнаго уложенія даже не возбуждаютъ вопроса по этому поводу, но ихъ мнѣніе видно изъ слѣдующаго мѣста: „для примѣненія ст. 129 необходимо, во 1-хъ, чтобы дѣяніе, коего послѣдствіемъ было тѣлесное повреждение болѣе или менѣе тяжкое, не было наказуемо ни по мировому уставу, ни по уложенію“ [1]). Да и въ самомъ дѣлѣ, не выводитъ же Неклюдовъ изъ словъ 1494 ст. „хотя и безъ намѣренія“ заключеніе, что статья имѣетъ въ виду и проступки намѣренные; напротивъ, онъ самъ оговариваетъ, что указанныя слова означаютъ, „что намѣренныя дѣянія запрещены передъ симъ особо“ [2]). Нужно полагать, что и выраженіе 129 ст. „хотя и не предусмотрѣннаго“, также означаетъ, что „предусмотрѣнные“ уставомъ проступки преслѣдуются гдѣ нибудь особо, только не по этой статьѣ. Если бы впрочемъ одно логическое толкованіе оказалось недостаточнымъ для уясненія смысла 129 ст., то можно было бы сослаться и на толкованіе историческое. Статья эта замѣнила собою 2044-ю улож. 1857 г. (1966 ст. улож. 1845 г.), какъ видно изъ приложеннаго къ уложенію 1866 г. указателя, а въ этой статьѣ предусматривались случаи нанесенія поврежденія „*отъ дѣянія закономъ невоспрещеннаго*, но однако жъ явно неосторожнаго“. 129 ст. слово законъ замѣнила только словомъ уставъ, конечно, потому, что нормы другого уголов-

---

[1]) Объясненія къ проекту редакціонной коммисіи, глава (вторая)—тѣлесное повреждение, стр. 176.

[2]) Руководство, стр. 224.

наго кодекса—уложенія не относятся къ предметамъ вѣдомства мироваго суда, а отчасти и въ виду общаго стремленія составителей судебныхъ уставовъ дать въ уставѣ о наказаніяхъ полный, законченный кодексъ для мировыхъ судей.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію Неклюдова, надо признать, что группа неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій, о которой говоритъ 129 ст. уст. о нак., характеризуется тѣмъ, что поврежденія, ее составляющія, должны быть результатомъ неосторожнаго дѣянія не предусмотрѣннаго ни въ уставѣ, какъ прямо сказано въ статьѣ, ни въ уложеніи, въ которомъ имѣется специальная статья о причиненіи тѣлесныхъ поврежденій въ случаѣ нарушенія постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, ни вообще въ законѣ, какъ видно изъ исторіи происхожденія этой статьи, словомъ, что 129 ст. имѣетъ въ виду неосторожное нанесеніе тѣлеснаго поврежденія, неосложненное никакимъ другимъ противозаконнымъ дѣяніемъ.

Вторую категорію неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій составляютъ тѣ, которыя соединены съ нарушеніемъ какого либо другого закона. Онѣ предусмотрѣны двумя статьями: 128 устава и 1494 улож. Поэтому, прежде всего необходимо разграничить предѣлы примѣненія этихъ статей. Первая изъ нихъ караетъ за совершеніе проступковъ, означенныхъ въ перечисленныхъ въ ней 15 статьяхъ устава въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, когда, однако, отъ сего не послѣдовало смерти; вторая гласитъ: кто, хотя безъ намѣренія нанести увѣчье, рану или иное повреждение въ здоровьѣ, дозволитъ себѣ какое либо противное ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ дѣйствіе и послѣдствіемъ онаго, впрочемъ неожиданнымъ, будутъ нанесены кому либо болѣе или менѣе тяжкія раны, увѣчье или поврежденіе въ здоровьѣ, тотъ и т. д. Чтобы распредѣлить роли въ преслѣдованіи преступленій между этой статьей и предъидущей, необходимо выяснить, что это за постановленія, ограждающія общественный порядокъ, нарушеніе коихъ требуется для состава преступленія по 1494 ст.

Общеустановившееся въ наукѣ мнѣніе сводится къ тому, что примѣненіе 1494 ст. обусловливается несоблюденіемъ правила а) предписаннаго закономъ подъ страхомъ наказанія и притомъ б) предусмотрѣннаго въ уложеніи, а не въ уставѣ о наказаніяхъ. Такого взгляда придерживается Неклюдовъ [1]), который однако не объясняетъ, почему такія презумпціи необходимы для примѣненія 1494 ст. [2]). Вслѣдъ за нимъ тотъ же взглядъ высказываетъ и редакціонная коммисія по составленію новаго уголовнаго уложенія, которая по занимающему насъ вопросу выражается такъ: „какъ изъ текста закона, такъ и изъ сопоставленія его съ приведенными выше статьями устава о наказаніяхъ (128 и 129) можно вывести, что для примѣненія 1494 ст. необходимы слѣдующія условія: во 1-хъ повреждение должно быть послѣдствіемъ какого либо дѣянія, противнаго постановленіямъ, ограждающимъ общественный порядокъ...., во 2-хъ, постановленія, нарушенныя виновнымъ должны находиться въ уложеніи, а не въ уставѣ о наказаніяхъ“ [3]). При такомъ взглядѣ на 1494 ст. система преслѣдованія тѣлесныхъ поврежденій второй категоріи по дѣйствующему законодательству представляется въ слѣдующемъ видѣ: причиненіе поврежденій при неисполненіи правилъ, ограждающихъ общественный порядокъ и *предусмотрѣнныхъ въ уложеніи*, карается по 1494 ст., причиненіе повреждений при совершеніи проступковъ, *точно перечисленныхъ въ ст. 128 уст. о нак.*, наказуется по этой статьѣ.

Но съ приведенной системой толкованія 1494 ст. безусловно нельзя согласиться. Укажемъ на послѣдствія приня-

---

[1]) Руководство, т. I, стр. 224.

[2]) Въ подтвержденіе своего взгляда Неклюдовъ ссылается на кассаціонныя рѣшенія за 1870 г. № 1522 и 1866 г. № 2, но первое изъ нихъ не относится къ дѣлу, ибо посвящено толкованію 1483 ст.; въ немъ говорится о томъ, что причиненіе ранъ „наказуется по уст. о нак. лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ 128 ст..., во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, когда раны были послѣдствіемъ дѣйствій, направленныхъ прямо противъ личности потерпѣвшаго, преступленіе это подвергаетъ отвѣтственности по прямо предусматривающей его 1483 ст. улож.“, а рѣшенія за 1866 г. мы коснемся ниже.

[3]) Объясненія къ проекту, ibid. стр. 177.

таго толкованія, изъ которыхъ можно убѣдиться, что оно не можетъ быть принято. Кромѣ постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, которыя предусмотрѣны въ уложеніи и нарушеніе которыхъ съ послѣдствіями—тѣлесными поврежденіями—влечетъ отвѣтственность по 1494 ст., кромѣ проступковъ противъ постановленій, перечисленныхъ въ 128 ст. устава о нак., которые, сопровождаясь тѣлеснымъ поврежденіемъ, влекутъ отвѣтственность по этой статьѣ и кромѣ, наконецъ, дѣяній явно неосторожныхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ тоже поврежденіе, которыя наказуются по 129 ст. устава,—въ самомъ уставѣ о наказаніяхъ имѣются проступки, неожиданнымъ послѣдствіемъ которыхъ могутъ быть раны, увѣчья и поврежденія въ здоровьѣ. Не говоря уже о 29 ст. неисполненіе распоряженій, требованій и постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій съ ничтожнымъ наказаніемъ въ видѣ штрафа не свыше 50 руб., которая въ весьма многихъ случаяхъ можетъ осложниться послѣдствіемъ въ видѣ тѣлесныхъ поврежденій, можно указать на 2 ч. 36 ст., 69, 77 и др. устава, несомнѣнно также допускающія подобное осложненіе. Гдѣ же законъ, предусматривающій и преслѣдующій тѣлесное поврежденіе при совершеніи этихъ проступковъ? Вѣдь нельзя же допустить, чтобы нанесеніе ранъ, даже тяжкихъ, при нарушеніи закона вовсе не каралось или, если признать его только усиливающимъ вину обстоятельствомъ, каралось какъ одно нарушеніе самаго закона, т. е., ниже, чѣмъ тоже нанесеніе ранъ при дѣйствіи просто неосторожномъ, не преслѣдуемомъ уставомъ (ср., напр., 29 ст. съ ея наказаніемъ штрафомъ и 129 ст., по которой наказаніемъ можетъ быть и арестъ до 7 дней). Для Неклюдова съ его толкованіемъ выраженія 129 ст. „непредусмотрѣннаго“ въ смыслѣ предусмотрѣннаго еще есть выходъ изъ этого затрудненія; при его толкованіи и нанесеніе ранъ при нарушеніи постановленій, изложенныхъ въ 29 и др. ст. уст. о нак. можно подвести подъ дѣйствіе 129 ст., но съ Неклюдовскимъ толкованіемъ, какъ выше сказано, согласиться нельзя, а потому нужно признать, что

дѣйствующая теорія не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ. Это одно способно ее уничтожить: теорія о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, не отвѣчающая на всѣ вопросы, къ нимъ относящіеся, не можетъ быть принята. Но, затѣмъ далѣе. Въ нашемъ сводѣ есть масса запретительныхъ законовъ, не имѣющихъ однако карательной санкціи. Не говоря уже о такихъ нормахъ, какъ коротенькая 153 ст. т. XIV изд. 1890 г. устава о предупр. и пресѣч. преступл. „запрещается всѣмъ и каждому пьянство“, или 157 ст. того устава по тому же изданію 1890 г. „запрещается мужскому полу старше семи лѣтъ входить въ торговую баню женскаго пола, а женскому полу въ баню мужскаго пола, когда въ оныхъ другой полъ парится“— на обширномъ пространствѣ послѣднихъ томовъ свода можно найти массу подобныхъ постановленій. Примѣръ такого же постановленія, взятый изъ практики окружнаго суда, 34 ст. положенія о наймѣ на сельскохозяйственныя работы (2 ч. XII т. изд. 1886 г.), по которой наниматель не долженъ возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ. Исполненіе подобныхъ постановленій прямо не наказуется; они могутъ дать судебный матеріалъ только преобразившись въ другой проступокъ—неисполненіе полицейскаго распоряженія, если полиція въ данномъ частномъ случаѣ указала, напр., нанимателю на неисполненіе имъ закона, а онъ продолжаетъ дѣлать по своему. Но если до этого еще не дошло, т. е., нарушеніе постановленія остается еще въ стадіи ненаказуемаго,—подъ какой законъ подвести причиненіе тѣлеснаго поврежденія при такомъ нарушеніи? Подъ 129 ст.? Но это было бы натяжкой, ибо эта статья говоритъ только о явно неосторожныхъ дѣяніяхъ, а тутъ не только явно неосторожное, но и воспрещенное закономъ, хотя и безъ непосредственнаго страха наказанія.

Итакъ, уже логическіе выводы изъ теоріи указываютъ на ея непригодность. Внимательное отношеніе къ нормамъ закона даетъ возможность установить другой взглядъ на значеніе и взаимное отношеніе разбираемыхъ статей. По проекту уложенія 1844 г. существовало двѣ статьи о неосторожныхъ

тѣлесныхъ поврежденіяхъ. По ст. 1899 предполагалось преслѣдовать того, „кто хотя и безъ намѣренія нанести увѣчье, рану или иное поврежденіе въ здоровьѣ, дозволитъ себѣ какое либо противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ, постановленіямъ дѣйствіе и послѣдствіемъ сего“ и т. д., по 1900-й,—„если отъ дѣянія, закономъ невоспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ онаго послѣдствій, но однако жъ явно неосторожнаго, нанесены будутъ“ и т. д. Проектировалось слѣдовательно ввести двѣ нормы: одну для неосторожнаго нанесенія тѣлеснаго поврежденія при нарушеніи закона, ограждающаго общественный порядокъ и личную безопасность, другую—при дѣяніяхъ невоспрещенныхъ закономъ. Эти нормы и вошли въ уложеніе 1845 г. въ видѣ 1965 и 1966 ст. и повторены уложеніемъ 1857 г. въ 2043 и 2044 ст. Затѣмъ при изданіи уложенія 1866 г. ст. 2044 исключена и показана замѣненной 129 ст. уст. о наказ., а изъ 2043 ст. изъято нарушеніе постановленій, ограждающихъ личную безопасность, такъ что по уложенію 1866 г. 1494 ст., замѣнившая 2043 ст. изд. 1857 г., читается уже такъ: „кто дозволитъ себѣ какое либо противное ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ дѣйствіе“...—„личную безопасность“—выпущено. Въ такомъ видѣ 1494 ст. существуетъ и въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи 1885 г. Что касается нанесенія тѣлесныхъ поврежденій при нарушеніи постановленій, ограждающихъ личную безопасность, то оно перенесено въ уставъ о наказаніяхъ въ видѣ 128 ст., какъ это видно и изъ выноски подъ 1494 ст. уложенія. Эта историческая справка даетъ возможность раскрыть истинный смыслъ 1494 ст., который по нашему мнѣнію таковъ: нанесеніе поврежденія при нарушеніи всякаго постановленія закона, за исключеніемъ тѣхъ, которыя указаны въ 128 ст. уст. и касаются личной безопасности, хотя бы неисполненіе этого постановленія и не было обложено наказаніемъ по уложенію и даже вовсе не было наказуемо, преслѣдуется по этой 1494 статьѣ. Уставъ оторвалъ отъ нея незначительную часть, точно указанную въ

128 ст., а остальное по прежнему остается предусмотрѣннымъ въ уложеніи. Широкій терминъ 1494 ст. „постановленія, ограждающія *общественный порядокъ*" даетъ право подводить подъ это понятіе нарушеніе всякаго закона, такъ какъ въ сущности всякій законъ, даже и касающійся личной безопасности, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду оградить и общественный порядокъ. Точнаго значенія этого термина, несомнѣнно юридическаго, нельзя опредѣлить по закону. Ни уложеніе, ни уставъ не знаютъ особаго вида преступленій противъ „постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ". Уставъ знаетъ лишь проступки противъ личной безопасности (заглавіе главы десятой), и всѣ эти проступки перечислены въ 128 ст.; то, что въ ней не указано, нужно относить на счетъ общественнаго порядка, и если при нарушеніи другого правила произойдетъ неосторожное тѣлесное повреждeніе, нужно судить виновнаго по уложенію. Такимъ образомъ, 1494 ст. улож. и 128 ст. уст. различаются по характеру нарушаемыхъ постановленій, а не по мѣсту нахожденія послѣднихъ въ уложеніи или въ уставѣ и даже не по важности ихъ, если о ней судить по карательной санкціи.

Изложенное толкованіе статей 128 и 129 уст. и 1494 улож., кромѣ приведенныхъ, подтверждаютъ еще нижеслѣдующія соображенія:

1) 1494 ст. говоритъ о *постановленіяхъ*, ограждающихъ порядокъ, а не о преступленіяхъ или проступкахъ противъ порядка, слѣдовательно подъ эту статью нужно подводить и такія постановленія полицейскаго характера, которыя предусмотрѣны въ различныхъ уставахъ, но не обложены наказаніемъ. Ст. 1966 улож. 1845 г.—продолженіе нормы 1494 ст.,—говорящая о дѣйствіяхъ только невоспрещенныхъ закономъ, а не о дѣйствіяхъ ненаказуемыхъ, подтверждаетъ это соображеніе: если бы 1494 ст. (1965 по улож. 1845 г.) имѣла въ виду лишь *проступки* противъ общественнаго порядка, караемые по уложенію, то въ слѣдующей за ней, ея продолженіи, естественнѣе было бы сказать: если отъ дѣянія непреступнаго,

ненаказуемаго или какъ нибудь иначе, но не дѣянія закономъ не воспрещеннаго.

2) Часть постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, преслѣдовавшихся по уложенію, при изданіи судебныхъ уставовъ перешла въ уставъ о наказаніяхъ; такъ все отдѣленіе VIII „о возбужденіи къ ссорамъ и буйству и о нарушеніи правилъ благочинія въ публичныхъ мѣстахъ и собраніяхъ" (ст. 1279—1294 изд. 1857 г.)—главы III „о нарушеніи *общественнаго* спокойствія, *порядка* и *ограждающихъ оныя постановленій*" разд. VIII „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ *общественнаго* благоустройства и благочинія" въ уложеніе 1866 г. не внесено, а замѣнено 37—47 ст. устава о нак., изъ которыхъ, напр. 39 о нарушеніи порядка въ общественныхъ собраніяхъ можетъ сопровождаться и послѣдствіями въ видѣ тѣлесныхъ повреждeній. Перенесеніе постановленій объ общественномъ порядкѣ въ уставъ доказываетъ, что дѣйствіе 1494 ст. нельзя ограничивать предѣлами уложенія.

3) Аналогія 1494 ст. улож. съ дополняющей ее 128-й устава и 129 ст. уст. съ одной стороны и 1466 съ 1468-й улож. съ другой. Конструкція 1494 ст.—копія конструкціи 1466-й съ той несущественной для аналогіи разницей, что въ первой не говорится о постановленіяхъ, ограждающихъ личную безопасность; слѣдовательно и толкованіе одной можетъ пролить свѣтъ на смыслъ другой. Какія постановленія имѣются въ виду 1466 ст.? Несомнѣнно всѣ, предусмотрѣнныя какъ уложеніемъ, такъ и уставомъ: послѣднее явствуетъ изъ прямого указанія 128 и 28 ст. уст. Такимъ образомъ, если смерть будетъ послѣдствіемъ и всякаго другого проступка, кромѣ перечисленныхъ въ 128 ст.—причиненіе ея должно преслѣдоваться по 1466 ст., какъ бывшее послѣдствіемъ нарушенія постановленія, ограждающаго общественный порядокъ, для тѣхъ постановленій, которыя не исчислены въ главѣ X устава, и личную безопасность для упомянутыхъ въ этой главѣ. Слѣдовательно, и нанесеніе тѣлесныхъ повреждeній согласно 1494 ст. должно преслѣдоваться по этой статьѣ въ тѣхъ

же случаяхъ, т. е., во всѣхъ, за исключеніемъ 128 статьей предусмотрѣнныхъ. Точно также въ виду буквальнаго сходства конструкціи 1468 ст. съ бывшей 2044 ст. улож. 1857 г. (1966 улож. 1845 г.), которую замѣнила 129 ст. устава, нужно думать, что послѣдняя преслѣдуетъ нанесеніе тѣлесныхъ повреждeній при всѣхъ дѣяніяхъ, *закономъ* не воспрещенныхъ, а не только уставомъ,—но явно неосторожныхъ.

4) Анализъ 989 ст. улож. подтверждаетъ то, что изложено въ предыдущемъ пунктѣ. Статья эта за совершеніе проступковъ, означенныхъ въ ст. 128 и 129 уст. въ случаѣ причиненія смерти приговариваетъ виновныхъ „къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1466 за смертоубійство по неосторожному нарушенію постановленій, ограждающихъ личную безопасность и общественный порядокъ или въ ст. 1468-й, предусматривающей смертоубійство, бывшее послѣдствіемъ дѣянія, закономъ невоспрещеннаго", т. е., значитъ, 128 ст. относится на счетъ личной безопасности и общественнаго порядка, а 129 имѣетъ въ виду именно невоспрещенныя закономъ дѣянія,—слѣдовательно, тѣ, которыя воспрещены, хотя бы уставомъ, изъ нея исключаются. Помѣщеніе 989 ст., которая говоритъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 128 ст. уст., въ отдѣленіи (VII гл. III разд. VIII) „о противозаконномъ выдѣлываніи и храненіи пороха и нарушеніи другихъ, *для огражденія личной безопасности постановленныхъ* правилъ осторожности" показываетъ, что именно о проступкахъ противъ личной безопасности и говорится въ 128 ст., а заглавіе главы, которой часть составляетъ это отдѣленіе „о нарушеніи *общественнаго* спокойствія, порядка и ограждающихъ оные постановленій" даетъ право заключить, что и проступки противъ личной безопасности входятъ въ число проступковъ противъ общественнаго порядка и, такимъ образомъ, тѣмъ съ бóльшимъ основаніемъ подъ это широкое понятіе общественнаго порядка 1494 статьи можно подвести все, неуказанное въ гл. X уст. и все, непредусмотрѣнное точно очерченной 128 ст. его.

5) Въ самомъ уст. о нак. имѣются указанія, что несо-

блюденіе тѣхъ изъ предписанныхъ имъ правилъ, которыя не вошли въ 128 ст., осложненное тѣлеснымъ поврежденіемъ, дѣлаетъ преступное дѣяніе подсуднымъ уложенію. Такъ, по 30[1] ст. уст. за ослушаніе желѣзнодорожнымъ сторожамъ или другимъ агентамъ желѣзнодорожнаго управленія при отправленіи ими должности, когда требованія этихъ лицъ были законныя, виновные подвергаются наказаніямъ по 30 ст., если однако, какъ это прямо оговорено въ статьѣ, поступокъ виновнаго „не имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе кому либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ"; при этомъ сдѣлана ссылка на 28 ст. уст., по которой въ случаѣ причиненія проступковъ (перечисляются статьи) съ указанною въ нихъ особенно преступною цѣлью или при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ улож. о нак., наказаніе виновнымъ опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, причиненіе тѣлеснаго поврежденія относится къ этимъ особо увеличивающимъ вину обстоятельствамъ и въ данномъ случаѣ, для 30[1] ст. уст., дѣлаетъ предусмотрѣнный въ ней проступокъ наказуемымъ по 1494 ст., ибо особой статьи объ ослушаніи желѣзнодорожнымъ агентомъ, сопряженномъ съ послѣдствіемъ въ видѣ тѣлеснаго поврежденія не имѣется. Тоже самое нужно сказать и о 2 п. 2 ч. 31 ст. уст., говорящей объ оскорбленіи желѣзнодорожныхъ агентовъ и о 76[1] о поврежденіи желѣзнодорожнаго пути. Правда, статьи эти позднѣйшей формаціи—онѣ введены въ уставъ закономъ 25 января 1878 г., но если онѣ не служатъ прямымъ доказательствомъ для выясненія системы устава въ его основной редакціи, то онѣ важны какъ легальное толкованіе этой системы. Уставъ о наказаніяхъ въ его первоначальномъ видѣ не считалъ только нужнымъ допускать этотъ плеоназмъ—оговорку „если проступокъ не имѣлъ послѣдствіемъ смерти или поврежденія въ здоровьѣ"; въ немъ дѣлалась иногда лишь оговорка относительно смертнаго послѣдствія проступка, но она имѣетъ другой смыслъ, она указываетъ, что послѣдствія въ видѣ тѣлеснаго поврежденія уже предвидѣны въ статьѣ, въ коей она сдѣлана. Такъ, 87 ст.

карает виновных въ нарушеніи правилъ, установленныхъ для плаванія рѣчныхъ пароходовъ, „если неисправность не имѣла послѣдствіемъ смертнаго случая (ст. 28),“ т. е., значитъ, хотя бы результатомъ несоблюденія правила и было тѣлесное повреждение; тождество наказанія по этой статьѣ съ наказаніемъ по 128 ст. подтверждаетъ это соображеніе. Что отсутствіе въ извѣстной статьѣ оговорки о послѣдствіяхъ отнюдь не значитъ, что эта статья въ своей карательной санкціи заключаетъ и наказаніе за тотъ случай, когда послѣдствіемъ предусмотрѣннаго въ ней проступка будетъ нанесеніе ранъ и т. д., можемъ убѣдиться, напр., изъ того, что въ ст. 101, говорящей о поврежденіи по неосторожности принадлежностей телеграфа [1]), этой оговорки не сдѣлано, а между тѣмъ въ уложеніи имѣется прямая норма (1139 ст.) о неосторожномъ поврежденіи телеграфа, сопряженномъ съ указанными послѣдствіями. Поэтому и отсутствіе въ 28 ст., перечисляющей случаи (нѣкоторые), когда за совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ уставѣ, наказаніе опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ, ссылки на извѣстную статью, норма которой допускаетъ осложненіе тѣлеснымъ поврежденіемъ, не имѣетъ значенія. Такая ссылка не всегда и дѣлается: въ 28 ст., напр., нѣтъ ссылки на указанную 101 ст., также на 118² о неисполненіи правилъ относительно употребленія паровыхъ котловъ, хотя въ послѣдней даже имѣется прямое указаніе, что норма ея не относится къ тому случаю, когда „нарушеніе не имѣло послѣдствіемъ причиненія кому либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ“.

6) Послѣднее соображеніе, которое мы приведемъ сейчасъ, не имѣетъ значенія для теоретическаго толкованія законовъ о неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, но по своимъ практическимъ послѣдствіямъ оно имѣетъ то же значеніе для примѣненія закона на практикѣ, что и вышеприведенныя соображенія, которыя оно поэтому до извѣстной степени поддерживаетъ и подтверждаетъ. Допустимъ, что законъ прямо не

[1]) Закономъ 27 ноября 1889 г. въ нее введено дополненіе о телефонахъ.

разрѣшаетъ вопроса о наказуемости тѣхъ поврежденій, которыя являются слѣдствіемъ нарушенія правилъ, непредусмотрѣнныхъ въ уложеніи и въ 128 ст. устава, а также вовсе не караемыхъ, хотя закономъ и воспрещенныхъ. Оставлять такія поврежденія безнаказанными нельзя, ибо по 129 ст. карается даже явно неосторожное дѣяніе, непредусмотрѣнное вовсе въ законѣ, если послѣдствіемъ его было тѣлесное повреждение, а потому для разрѣшенія вопроса мы должны согласно 151 ст. улож. подыскать преступленіе по важности и роду своему наиболѣе сходное съ указаннымъ и такъ какъ ст. 128 и 129 уст. о нак. имѣютъ точныя границы и нанесеніе поврежденія здоровью предусмотрѣно вообще говоря въ уложеніи, то должны будемъ остановиться на той же 1494 ст.

Въ приговорѣ одного изъ нашихъ провинціальныхъ судовъ намъ пришлось встрѣтиться еще съ однимъ доводомъ, который хотя относится къ частному случаю и врядъ ли имѣетъ прямое доказательное значеніе даже для этого случая, но мы позволимъ себѣ привести его, ибо онъ до извѣстной степени освѣщаетъ взглядъ законодателя по интересующему насъ предмету. Суду пришлось разрѣшать вопросъ о томъ, какую статью слѣдуетъ примѣнить къ дѣянію землевладѣльца, допустившаго въ своемъ имѣніи къ работѣ на молотилкѣ, барабанъ которой не былъ огражденъ, несовершеннолѣтнюю дѣвушку, результатомъ каковой небрежности—надо замѣтить, что по ст. 34 положенія о наймѣ на сельскія работы наниматель не долженъ возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ—было причиненіе работницѣ увѣчья въ видѣ перелома ноги. Квалифицируя дѣяніе помѣщика по 1494 ст. улож., а не 129 ст. устава, судъ вмѣсто разработки вопроса о взаимномъ соотношеніи этихъ статей, сослался только на мотивы государственнаго совѣта къ полож. о наймѣ. Приводимъ то мѣсто изъ мотивовъ, которое, очевидно, имѣлъ въ виду судъ [1]).

[1]) Положеніе о наймѣ съ разсужденіями государственнаго совѣта не издано и отрывокъ изъ нихъ мы приводимъ по частному изданію положенія Шрамченка; онъ помѣщенъ въ объясненіяхъ къ 35 ст.

Указавъ на особую осторожность, которая требуется при установленіи уголовныхъ взысканій для обезпеченія правильности отношеній между нанимателями и рабочими, государственный совѣтъ говоритъ: „нѣкоторые изъ проступковъ, какъ непринятіе мѣръ къ огражденію безопасности рабочихъ и нанесеніе обиды нанимателю, могутъ подлежать преслѣдованію и на основаніи дѣйствующаго законодательства (улож. о наказ. ст. 1466, 1468 и 1494 и уст. о нак. ст. 131, 135 и 136)". (Журн. соедин. департ. гос. сов. 1886 г. № 231). Изъ этой выписки собственно ничего не слѣдуетъ. Сдѣланное несомнѣнно exempli gratia указаніе на нѣкоторыя статьи закона, по которымъ могутъ отвѣчать наниматели за непринятіе мѣръ къ огражденію безопасности рабочихъ, не доказываетъ, чтобы хозяинъ не могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, напр., по 129 ст. уст., когда послѣдствіемъ его только неосторожнаго дѣянія будетъ поврежденіе въ здоровьѣ рабочаго. Но, нельзя не замѣтить, что указаніе именно на 1494 ст., а не на 128 и и 129 весьма характерно: во-первыхъ, оно какъ бы говоритъ, что общій законъ объ огражденіи тѣлесной неприкосновенности изображенъ въ 1494 ст., а двѣ послѣднія статьи обнимаютъ лишь частные случаи, а во-вторыхъ характерно оно потому, что въ уложеніи собственно нѣтъ статей, которыя бы говорили о нарушеніи постановленій, касающихся сельскохозяйственныхъ работъ и потому какъ бы даетъ право распространять 1494 ст. на тѣ случаи нарушенія, которыя предусмотрѣны въ другихъ частяхъ свода, напр., хотя бы въ самомъ положеніи о наймѣ.

Не можемъ сослаться въ доказательство предложеннаго нами толкованія 1494 ст. улож. на разработку интересующаго насъ вопроса правительствующимъ сенатомъ. Кассаціонному департаменту не приходилось прямо разграничивать нормы статей 1494 и 129. Изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣшеній можно вывести заключеніе въ нашу пользу. Такъ, въ одномъ изъ наиболѣе вѣскихъ рѣшеній, второмъ за время своего существованія, по дѣлу Яловецкаго [1]) сенатъ по общему вопросу о

[1]) Рѣш. 1866 г. № 2—докладывалъ дѣло сенаторъ Н. А. Буцковскій, предсѣ-

тѣлесныхъ повреждеыяхъ высказался въ томъ смыслѣ: „1) что преступленія, состоящія въ нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровья, предусмотрѣны уложеніемъ о наказ. уголовн. и исправит. (1477—1496) и потому, говоря вообще, подсудны общимъ судебнымъ установленіямъ, а не мировымъ судьямъ, вѣдомству коихъ подлежатъ лишь проступки, означенные въ уст. о наказ., налаг. мир. судьями (ст. 33 уст. угол. судопр. и 1 уст. о нак., нал. мир. судьями); 2) что хотя нанесеніе ранъ и поврежденій здоровья предусмотрѣно какъ въ улож. о нак., такъ и въ уст. о нак., нал. мир. судьями, но въ послѣдній входятъ только такіе случаи поврежденія здоровья, которые были послѣдствіемъ нарушенія устава строительнаго и путей сообщенія и постановленій объ охраненіи народнаго здравія и личной безопасности, или же причинены черезъ совершеніе инаго дѣянія, явно неосторожнаго (уст. о нак., нал. мир. судьями, ст. 128 и 129); 3) что въ разсматриваемомъ дѣлѣ Богородскій мировой съѣздъ не призналъ, чтобы раны, причиненныя Акимову были послѣдствіемъ одного изъ указанныхъ выше дѣйствій и, слѣдовательно, не имѣлъ законнаго основанія считать это дѣло подлежащимъ разбирательству мировыхъ установленій“ [1]). Изъ этого рѣшенія, намъ кажется, слѣдуетъ, что по мнѣнію сената уставъ о наказ. преслѣдуетъ лишь исключительные случаи нанесенія поврежденій въ здоровьѣ, а засимъ всѣ остальные предусмотрѣны въ уложеніи, и въ частности тѣ, когда поврежденіе было послѣдствіемъ нарушенія постановленія, неуказаннаго въ 128 ст.—статьей 1494 [2]). Изъ втораго сенатскаго рѣшенія, на которое мы позволимъ себѣ указать, по нашему мнѣнію, можно вывести такой же широкій взглядъ

дательствовалъ В. А. Арцимовичъ и заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ М. Е. Ковалевскій.

[1]) Мы нарочно цѣликомъ выписали мотивную часть сенатскаго рѣшенія, ибо это и есть то самое рѣшеніе, на которое ссылается Неклюдовъ въ подтвержденіе своего положенія, что примѣненіе ст. 1494 обусловливается нахожденіемъ запретительнаго правила въ уложеніи.

[2]) Ограничительный взглядъ на 128 ст. высказанъ и въ рѣш. 1870 г. № 1522 (ср. выше).

на 1494 ст., какъ высказанный нами, не требующій для примѣненія этой статьи нарушенія постановленія, непремѣнно предусмотрѣннаго въ уложеніи. Дѣло, по которому пришлось высказаться сенату, состояло въ слѣдующемъ. Поѣздъ желѣзной дороги задавилъ крестьянина Андреева. При слѣдствіи обнаружилось, что причиной тому былъ испорченный и снятый съ мѣста шлагбаумъ; установлено также, что дорожный мастеръ задолго до смерти Андреева доносилъ начальнику дистанціи о неисправности шлагбаума и начальникъ на рапортѣ смотрителя написалъ даже „исправить и донести", но никакихъ мѣръ къ исполненію своей резолюціи не принялъ. Судъ осудилъ начальника дистанціи по 1466 ст. и правительствующему сенату предстояло рѣшить, эту ли статью или 1468 надо примѣнить къ данному случаю. Квалифицируя дѣяніе Захваева (фамилія начальника дистанціи) по 1466 ст., сенатъ высказалъ, что „устройство шлагбаумовъ при путяхъ, пролегающихъ черезъ желѣзныя дороги, положительно требуется уставами и полож. о жел. дор. (уст. пут. сообщ., ст. 620, 621 по прод. 1863 г.), и всякому понятно, что несоблюденіе этого требованія можетъ имѣть вредныя послѣдствія [1]). Сенатъ, какъ видимъ, не нашелъ нужнымъ опредѣлять, предусмотрѣно ли дѣяніе Захваева въ улож., ограничившись указаніемъ на то, что оно требуется уставомъ пут. сообщ. Такъ какъ конструкція 1494 ст., какъ выше указано, есть копія конструкціи 1494 ст., то нужно думать, что и для примѣненія 1494 ст. сенатъ счелъ бы достаточнымъ, чтобы обвиняемымъ было нарушено *какое бы то ни было* постановленіе, ограждающее общественный порядокъ.

И такъ, вторую группу неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій составляютъ тѣ, которыя являются результатомъ нарушенія правилъ, предусмотрѣнныхъ въ законѣ, будетъ ли это уставъ о нак., уложеніе или какой либо другой законъ.

Сопоставляя эту группу съ первой, мы можемъ выразить взглядъ на законы о причиненіи тѣлесныхъ поврежденій та-

[1]) Рѣш. 1869 г. № 969.

кимъ образомъ. Законъ какъ бы говоритъ: не допускай явно неосторожныхъ дѣйствій, ибо если въ результатѣ ихъ будетъ нарушеніе тѣлесной неприкосновенности ближняго,—ты отвѣтишь (по 129 ст.), хотя вина твоя сравнительно незначительна, такъ какъ ты непредупрежденъ о запрещенности этихъ дѣйствій. Но, законъ говоритъ дальше: не дѣлай ничего противозаконнаго, ибо помимо того, будешь ли ты наказанъ за самое дѣяніе или нѣтъ, ты можешь понести еще наказаніе и за результаты его, отразившіеся на твоемъ ближнемъ; вина твоя въ этомъ случаѣ сильнѣе, такъ какъ ты былъ предупрежденъ относительно своего дѣянія.

Таковъ смыслъ 1494 ст. +128. Въ историческомъ уложеніи онъ былъ еще яснѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ, ибо въ 1966 ст. улож. 1845 г., замѣненной 129 ст. устава, говорилось: „если отъ дѣянія, закономъ невоспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ онаго послѣдствій...“ т. е., разъ дѣяніе само по себѣ воспрещено какимъ бы ни было закономъ и, слѣдовательно, можно ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, наказаніе надо опредѣлять по предыдущей 1965 ст. нынѣшней 1494.

Можетъ, пожалуй, возникнуть вопросъ, почему же законодатель изъялъ изъ вѣдѣнія окружнаго суда причиненіе поврежденія здоровью только въ случаяхъ совершенія проступковъ, указанныхъ въ 128 ст., почему не предоставилъ мировому суду разрѣшать дѣла о тѣлесныхъ поврежденіяхъ при совершеніи сравнительно ничтожныхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 29 и др. или при совершеніи дѣяній вовсе не обложенныхъ наказаніемъ. Но это уже очень сложный вопросъ о разграниченіи подсудности общей отъ мировой, страдающій вообще большими пороками, и разрѣшеніе его завело бы насъ далеко въ сторону; намъ пришлось бы завести длинную рѣчь объ избитомъ мѣстѣ—несогласованности уложенія съ уставомъ, вторгнуться въ область законодательной и уголовной политики, кодификаціонныхъ недостатковъ нашего законодательства и пр. Замѣтимъ только, что широкіе предѣлы наказанія по 1494 ст., нисходящаго до строгаго

выговора (по улож. 1845 и 1857 г. до денежнаго взысканія отъ 10 до 100 рублей) даютъ возможность подводить подъ дѣйствіе ея нанесеніе поврежденія здоровью при самыхъ разнообразныхъ проступкахъ, и что въ самомъ уложеніи есть проступки, за которые собственно никакого наказанія не установлено; для примѣра укажемъ на 1 ч. 1087 ст., возлагающаго на неумышленно повредившаго шлюзы, плотины, водоспуски и другія гидротехническія сооруженія обязанность возвратить всѣ издержки, употребленныя на починку поврежденнаго. Что во всякомъ случаѣ даже при редакціи правилъ устава о тѣлесныхъ поврежденіяхъ не обошлось безъ кодификаціонныхъ недосмотровъ, можемъ заключить изъ слѣдующаго.

По ст. 72 уст. о нак. за поврежденіе на дорогахъ, мостовъ, переправъ, плотинъ, гатей и т. п. виновные подвергаются аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей; если совершеніе этого дѣянія сопровождалось причиненіемъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, виновный подлежитъ отвѣтственности по 128 ст. уст., въ которой имѣется ссылка на 72 ст. Ст. 70 предусматриваетъ совершенно аналогичный проступокъ—порчу тротуаровъ, мостковъ, мостовыхъ дорогъ и шоссе или находящихся на нихъ перилъ, канавъ и т. п. Несомнѣнно, что и этотъ проступокъ можетъ сопровождаться послѣдствіями въ видѣ тѣлесныхъ поврежденій, но случай этотъ въ ст. 128 не предусмотрѣнъ. Почему—трудно подыскать сколько нибудь основательное объясненіе. Думать, что дѣяніе, предусмотрѣнное 70 ст., настолько не важно (оно влечетъ за собою денежное взысканіе не свыше пятнадцати рублей), что и причиненіе ранъ не можетъ его квалифицировать, врядъ ли возможно, ибо въ 128 ст. предусматриваются случаи тѣлесныхъ поврежденій при совершеніи дѣяній еще менѣе важныхъ, по крайней мѣрѣ если опредѣлять важность по силѣ уголовной репрессіи; такъ по ст. 119, указанной въ 128, несоблюденіе осторожности при бросаніи камней и пр., а также при складываніи или возкѣ тяжестей виновный

подвергается взысканію не свыше десяти рублей, такому же наказанію подлежитъ и виновный по ст. 121 въ непринятіи мѣръ къ отвращенію опасности, могущей произойти отъ домашнихъ животныхъ и по ст. 118 въ храненіи заряженнаго или другого опаснаго оружія безъ надлежащей осторожности, а за неохраненіе пьянаго, который не можетъ быть предоставленъ самому себѣ, полагается даже всего пять рублей и ниже, тѣмъ не менѣе ст. 127, въ которой предусмотрѣно это дѣяніе, приведено въ 128; такимъ образомъ, ничтожный пятирублевый проступокъ, сопровождающійся тѣлеснымъ поврежденіемъ, влечетъ за собою усиленіе наказанія до мѣсячнаго ареста и 100 рублей штрафа, а рядомъ съ этимъ случай 70 ст. въ ст. 128 не квалифицируется.

II.

До сихъ поръ мы разсматривали законы о тѣлесныхъ поврежденіяхъ со стороны ихъ объективнаго содержанія. Мы старались опредѣлить, какія дѣянія, осложненныя нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности, предусматриваются уложеніемъ и какія уставомъ. Для этого намъ пришлось погрузиться въ дебри отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, пересмотрѣть чуть не всѣ статьи, которыя имѣютъ хоть какое нибудь отношеніе къ нашему вопросу, сопоставить ихъ между собою, привлечь на помощь всякіе способы толкованія, чтобы уяснить смыслъ отдѣльныхъ частностей, которыя сами по себѣ крайне скучны и неинтересны и такимъ путемъ кое-какъ добраться до истины, а затѣмъ еще и эту истину оградить отъ возраженій, какія она можетъ найти въ другихъ частностяхъ. Сухая и скучная работа! Но что же дѣлать, если безъ нея нельзя обойтись, если весь казуистическій строй нашего стараго и надо надѣяться отживающаго законодательства уголовнаго таковъ, что приходится собирать и проанализировать массу скрупулезныхъ мелкихъ величинъ для того, чтобъ извлечь изъ нихъ величины большаго порядка и такимъ образомъ установить общія руководящія этими мелкими частностями начала.

Если бы мы теперь захотѣли выяснить содержаніе разсмотрѣнныхъ нормъ съ точки зрѣнія субъективной виновности нарушителей ихъ, мы встрѣтили бы еще большія затрудненія. Вопросъ о значеніи субъективнаго элемента при совершеніи полицейскихъ правонарушеній вообще мало выясненъ и разработанъ въ литературѣ, а въ практикѣ высшихъ судовъ не только нашего кассаціоннаго сената, но и западно-европейскихъ кассаціонныхъ судовъ (французскаго) получалъ иногда неправильную постановку, такъ какъ эта практика нерѣдко стремилась проводить такое воззрѣніе, что при этихъ дѣяніяхъ требуется только виновность физическая, а не психическая, т. е., что не только при этихъ дѣяніяхъ умыселъ приравнивается къ неосторожности, но что виновный отвѣчаетъ и тогда, когда при уличеніи нарушенія онъ находился въ условіяхъ устраняющихъ вмѣненіе [1]). Въ частности, что касается проступковъ, предусмотрѣнныхъ 1494 ст. улож. и 128—129 ст. устава, то не подлежитъ сомнѣнію, что между самымъ проступкомъ и послѣдствіемъ его—причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія—должна существовать связь и въ мысли совершителя, т. е., что лицо совершившее проступокъ, должно допускать, что результатомъ его дѣянія могутъ быть именно такія послѣдствія. Правда, формулировка законодательныхъ нормъ въ этомъ отношеніи не отличается ясностью. Согласно словамъ 1494 ст. раны, увѣчья и т. п. должны быть *неожиданнымъ послѣдствіемъ* нарушенія постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, т. е., какъ бы случайнымъ, не стоящимъ въ мысли нарушителя въ связи съ совершаемымъ имъ проступкомъ. Такой выводъ былъ, однако, невѣренъ; во первыхъ въ виду того, что случайное, безъ всякой неосторожности, нанесеніе кому либо увѣчья, раны или иного поврежденія здоровью—ненаказуемо (1495 ст.), а, слѣдовательно, не можетъ, на основаніи принципа in eo, quod plus est, semper inest et minus, и усиливать наказаніе, если даже при-

[1]) Таганцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Выпускъ II. 1888 г.

знать, что 1494 ст. имѣетъ въ виду карать виновныхъ собственно за нарушеніе противныхъ общественному порядку постановленій, чего, однако, нельзя допустить въ виду 2 ч. 1494 ст., изъ которой видно, что наказаніе по 1 ея части установлено цѣликомъ за неосторожное причиненіе тѣлесныхъ поврежденій; во вторыхъ, уложеніе не считаетъ ненаказуемымъ даже и такое дѣяніе, бывшее причиною сдѣланнаго зла, которое оправдывается обстоятельствами, по коимъ *„никакъ нельзя было ожидать и предполагать* вредныхъ онаго послѣдствій", усматривая и тутъ неосторожность (110 ст.), наконецъ, въ третьихъ, въ объясненіяхъ составителей уложенія 1845 года мы находимъ также указаніе, что 1900 ст. (нынѣ 1494) имѣетъ въ виду именно неосторожное причиненіе тѣлесныхъ поврежденій.

Не совсѣмъ совершенна также и формулировка статей уст. о нак. „За совершеніе проступковъ... въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ"... гласитъ 128 ст., т. е., какъ будто безразлично, какая связь субъективная существуетъ между совершеніемъ проступка и причиненіемъ поврежденія. Но и здѣсь имѣется въ виду лишь одинъ случай неосторожности. Что умышленнаго причиненія поврежденія при совершеніи проступка въ данномъ случаѣ нельзя допускать, едва ли нужно доказывать. Умышленное нанесеніе ранъ и другихъ поврежденій карается по ст. 1477, 1478, 1481 и 1482 улож. гораздо выше, чѣмъ проступокъ предусмотрѣнный 128 ст. уст., а въ частности для одного изъ проступковъ перечисленныхъ въ этой статьѣ, именно травленія человѣка собакою или другими животными (122 ст.) мы имѣемъ прямое указаніе въ законѣ (988 ст. улож.), что если оно дѣлается умышленно съ цѣлью причинить вредъ, то виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное нанесеніе ранъ или увѣчья. Что 128 ст. не имѣетъ въ виду и случайнаго причиненія поврежденія при совершеніи проступка, явствуетъ изъ того, что по 1 п. 10 ст. уст. проступки не вмѣняются вовсе въ вину, когда они совершаются случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой неосторожности или небрежности.

Но, этимъ не исчерпывается роль субъективнаго элемента въ разсматриваемыхъ проступкахъ. Возникаетъ вопросъ о соотношенiи субъективнаго момента при совершенiи самаго проступка, нарушающаго общественный порядокъ или одного изъ перечисленныхъ въ 128 ст. съ одной стороны и степени виновности за причиненiе являющихся послѣдствiемъ проступка тѣлесныхъ поврежденiй съ другой, т. е., вопросъ о томъ, безразлично ли для состава преступленiя 128 ст. и 1494, въ какомъ состоянiи, умышленно или по неосторожности, совершенъ первый или степень вины при его совершенiи имѣетъ значенiе.

Повидимому, въ этомъ отношенiи система устава разнится отъ системы уложенiя. Самая конструкцiя 128 ст. уст. показываетъ, что для состава преступленiя, ею предусмотрѣннаго, не имѣетъ значенiя степень вины при учиненiи самаго проступка. „За совершенiе проступковъ въ случаѣ причиненiя [1])". и т. д., т. е., умышленно или по неосторожности совершенъ проступокъ—безразлично, *лишь бы только умыселъ не направлялся на послѣдствiя;* такимъ образомъ, если я совершаю одинъ изъ проступковъ, указанныхъ въ 128 ст. *съ умысломъ* нанести *имущественный вредъ*, напр., порчу плотины (72 ст. уст.), чтобы причинить ущербъ лицу, на обязанности коего лежитъ содержанiе ея или, напр., порчу моста для того лишь, чтобъ напугать своего прiятеля, который долженъ сейчасъ переѣзжать черезъ него, и если результатомъ такихъ моихъ умышленныхъ дѣйствiй будетъ причиненiе кому либо раны, увѣчья или поврежденiя въ здоровьѣ, я долженъ отвѣчать по 128 ст.

Такое толкованiе соотвѣтствуетъ и взгляду составителей устава назначенiе субъективнаго элемента при совершенiи проступковъ полицейскихъ. Составители считали достаточнымъ для наказуемости этихъ проступковъ и совершенiе ихъ

---

[1]) Такая конструкцiя въ 129 ст. является совершенно неудачной. Виновный отвѣчаетъ вовсе не за совершенiе дѣянiя, хотя не предусмотрѣннаго въ уставѣ, но явно неосторожнаго, ибо такое дѣянiе ненаказуемо само по себѣ, а лишь за неосторожное причиненiе ранъ или поврежденiя въ здоровьѣ.

по небрежности. „При составленіи настоящаго устава, говорятъ мотивы [1]) нельзя было упускать изъ виду многихъ вошедшихъ въ него нарушеній чисто полицейскихъ, какъ напр., неисправное содержаніе мостовыхъ или бечевниковъ, неосвѣщеніе улицъ, неимѣніе установленныхъ видовъ на жительство и т. п. Нарушенія эти должны, безъ сомнѣненія, влечь за собою отвѣтственность даже и въ томъ случаѣ, когда они были послѣдствіемъ хотя бы одной небрежности, посему признано необходимымъ постановить особое правило о томъ, что неисполненіе возложенныхъ на кого либо закономъ обязанностей влечетъ за собою наказаніе и въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало по небрежности.

Не таковъ повидимому первоначальный смыслъ 1494 ст. Формула ея „кто дозволитъ себѣ"... еще не даетъ основанія разрѣшать вопросъ о внутренней сторонѣ состава преступленія въ томъ или другомъ смыслѣ, хотя выраженіе *дозволитъ* скорѣе можно понимать въ смыслѣ допустить по неосторожности; но мы имѣемъ легальное толкованіе этой формулы въ 989 ст. улож., которая за совершеніе проступковъ, означенныхъ въ 128 ст. уст. о нак. въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо смерти приговариваетъ виновныхъ къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 1466 ст. сего уложенія за смертоубійство *по неосторожному* нарушенію постановленій, ограждающихъ личную безопасность и общественный порядокъ", а конструкція 1466 ст. точь въ точь то же, что и 1494: „кто, хотя безъ намѣренія учинитъ убійство, *дозволитъ* себѣ какое либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго хотя и неожиданнымъ"... Въ такомъ именно смыслѣ, т. е., въ смыслѣ причиненія тѣлесныхъ поврежденій по неосторожному нарушенію постановленій, понимали норму 1494 ст. и составители уложенія 1845 г., о чемъ мы можемъ судить изъ объясненій, какія они дѣлаютъ къ ст. 1899 (=1494+128 по

---

[1]) Судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій. Ч. 4, объясненіе къ 9 ст. стр. 15 in fine.

дѣйствующему законодательству) и 1900 (=129 уст.) проекта; подъ первой они говорятъ: „опредѣливъ въ предшедшихъ сей главы статьяхъ наказанія за увѣчья и раны, нанесенныя съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, а также въ запальчивости и раздраженіи, но однако жъ умышленно, слѣдовало также согласно съ тѣмъ, что постановлено о убійствахъ, упомянуть и о увѣчьяхъ и ранахъ, причиненныхъ *безъ умысла*", а подъ второй, что для насъ особенно важно: „сія статья есть такъ сказать продолженіе предшедшей 1899 статьи; въ ней предвидится тотъ случай, когда нанесены увѣчья или раны *по неосторожности*, еще болѣе извинительной, *ибо оною не нарушены и предписанныя* для огражденія личной безопасности *правила*".

Приведенныя соображенія даютъ основаніе предполагать, что 1494 ст. имѣетъ въ виду исключительно случай *неосторожнаго причиненія ранъ* и пр. *путемъ неосторожнаго же нарушенія постановленій*, ограждающихъ общественный порядокъ, и что случаи умышленнаго нарушенія этихъ постановленій и являющіяся послѣдствіемъ его поврежденія здоровью въ этой статьѣ не относятся. Конечно, понимая въ такомъ смыслѣ 1494 ст., мы оказываемся въ нѣсколько затруднительномъ положеніи, ибо могутъ спросить, гдѣ же норма, которая предусматриваетъ случай умышленнаго нарушенія постановленій закона и связаннаго съ нимъ неосторожнаго тѣлеснаго поврежденія. Ея нѣтъ, и виновнаго въ такомъ дѣяніи пришлось бы, строго относясь къ закону, судить по совокупности преступныхъ дѣяній—умышленнаго проступка и неосторожнаго причиненія ранъ—предусмотрѣнныхъ 1494 ст. ибо другая статья, предусматривающая послѣдній проступокъ—129 уст. имѣетъ въ виду случай чистой неосторожности, не осложненной никакимъ противозаконнымъ дѣяніемъ. Практически дѣло сводится къ той же 1494 ст., ибо если за умышленный проступокъ виновному грозитъ меньшее наказаніе, чѣмъ опредѣленное въ этой статьѣ, то на основаніи 7 п. 152 ст. по старой редакціи улож. 1885 г. судъ долженъ примѣнить наказаніе по 1494 ст., если же проступокъ обло-

женъ болѣе высокимъ наказаніемъ, то къ виновному должна быть примѣнена та же норма, которая установлена 1494 ст. во 2-ой ея части и для неосторожнаго нарушенія постановленій. Во всякомъ случаѣ практическое безразличіе въ смыслѣ наказуемости не устраняетъ необходимости теоретически различать случаи неосторожнаго причиненія вреда здоровью при неосторожномъ нарушеніи закона и таковое же причиненіе при умышленномъ неисполненіи его велѣній, относя лишь первые къ 1494 ст. Такое различеніе тѣмъ болѣе умѣстно, что уложеніе вообще говоря въ этомъ отношеніи не держится системы безразличія. Такъ, уложеніе знаетъ умышленное повреждение телеграфа и соединенное съ нимъ, „безъ прямаго на то намѣренія“ поврежденіе въ здоровьѣ съ одной стороны (1142) и неумышленное, по неосторожности, поврежденіе телеграфа съ тѣми же послѣдствіями съ другой; точно также 1085 ст. различаетъ, было ли неосторожное причиненіе ранъ при эксплоатаціи желѣзной дороги послѣдствіемъ завѣдомаго совершенія неправильныхъ при эксплоатаціи дѣйствій или же неосторожнаго или небрежнаго отношенія къ дѣлу со стороны принадлежащихъ къ управленію желѣзныхъ дорогъ лицъ.

Таковы результаты анализа разсматриваемыхъ статей съ точки зрѣнія субъективной виновности нарушителей заключающихся въ нихъ нормъ. Этимъ мы заканчиваемъ разборъ матеріальнаго содержанія законовъ о неосторожномъ нарушеніи тѣлесной неприкосновенности и переходимъ къ изложенію порядка преслѣдованія преступленій, предусматриваемыхъ этими законами.

III.

Авторы, которые думаютъ, что 1494 ст. предусматриваетъ нанесеніе ранъ, увѣчій и др. поврежденій здоровья только какъ послѣдствіе преступныхъ дѣяній, преслѣдуемыхъ по уложенію, придерживаются взгляда, что преслѣдованіе по этой статьѣ должно вестись въ порядкѣ публичнаго производства. Говорятъ, что послѣдствіемъ *одной* неосторожности (1 прим. къ 1496 ст.) могутъ быть названы только поврежденія въ

здоровьѣ, предусматриваемые въ 129 ст. уст. о нак., а не тѣ поврежденія, которыя являются результатомъ не только неосторожности, но и нарушенія правилъ, ограждающихъ общественный порядокъ и личную безопасность (1494 ст. улож. и 128 ст. уст.), что поэтому прим. 1 къ 1496 ст. (въ части о тяжкихъ поврежденіяхъ?) должно быть отнесено къ 129 ст., что тѣлесныя поврежденія отъ невоспрещенныхъ закономъ дѣяній и прежде предусматривались 2044 ст. улож. 1857 г. и преслѣдовались не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, а эту статью и замѣнила 129 ст., при чемъ только примѣчаніе къ ней, вѣроятно, по недосмотру осталось въ уложеніи 1866 г., что примѣненіе начала частнаго обвиненія къ проступкамъ, указаннымъ въ 1494 и 128 ст. немыслимо ни теоретически, такъ какъ самыя дѣянія, послѣдствіемъ коихъ являются тѣлесныя поврежденія, преслѣдуются независимо отъ жалобы пострадавшаго, ни практически, такъ какъ обѣ означенныя статьи назначаютъ наказаніе и за поврежденіе и за противозаконный проступокъ, коего они были послѣдствіемъ, какъ за одно цѣльное дѣяніе, таковое же единство наказанія (исключающее понятіе совокупности) дѣлаетъ невозможнымъ какъ допущеніе частнаго обвиненія, такъ и отмѣну, въ случаѣ примиренія, опредѣленнаго приговоромъ наказанія.

Такія соображенія высказываетъ по разсматриваемому вопросу Неклюдовъ [1]). Такого же взгляда придерживается и другой авторъ, много писавшій о дѣлахъ частнаго порядка и обстоятельно ихъ изслѣдовавшій А. фонъ-Резонъ, который повторяетъ доводы Неклюдова, подчеркивая особенно одинъ изъ нихъ, именно тотъ, что 1494 ст. преслѣдуетъ несомнѣнно не только нанесеніе ранъ и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и противное ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ дѣйствіе, какъ это видно изъ послѣдней части этой статьи, согласно которой въ случаѣ, если за то противное установленному порядку дѣяніе, законами опредѣлено другое, стро-

[1]) Руковод., т. I, стр. 280.

жайшее наказаніе, то виновный подвергается оному на основаніи правилъ о совокупности преступленій [1]). Другой авторъ по тому же вопросу Н. Арефа также высказывается въ томъ же смыслѣ, что прим. 1 къ 1496 ст. должно быть отнесено къ 129 ст. уст. о нак., такъ какъ изъ двухъ категорій неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій: а) поврежденій отъ дѣяній (полицейскихъ правонарушеній), воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія (1494 ст.) и б) поврежденій, составляющихъ послѣдствіе не преслѣдуемой закономъ неосторожности (ст. 129 уст. о наказ.) „послѣдствіемъ *одной* неосторожности (прим. 1 къ 1496 ст.) могутъ быть названы только послѣдніе“ [2]). Что касается составителей проекта новаго уголовнаго уложенія, то они сознаются что „постановленія нашего закона о порядкѣ преслѣдованія лицъ, виновныхъ въ причиненіи тѣлесныхъ повреждeній, изложенныя въ трехъ примѣчаніяхъ къ ст. 1496 представляются весьма неточными и вызываютъ большія затрудненія, въ особенности въ виду несогласія ихъ съ статьею 18 уст. о нак.“ [3]), а затѣмъ излагаютъ вопросъ по Неклюдову, никакого самостоятельнаго мнѣнія не высказывая и никакихъ новыхъ соображеній къ высказаннымъ Неклюдовымъ не присоединяя [4]).

Общее мнѣніе представителей науки сводится такимъ образомъ къ тому, что существованіе прим. 1 къ 1496 ст. въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи—результатъ кодификаціоннаго недосмотра, что мѣсто ему подъ 129 ст. уст. о нак., и затѣмъ разговоры о порядкѣ преслѣдованія предусмотрѣннаго въ 1494 ст. преступленія превращаются. Къ сожалѣнію, намъ кажется, что практика не можетъ ограничиться объясненіемъ извѣстной нормы—только кодификаціоннымъ недосмотромъ. Примѣч. къ 1496 ст. существуетъ и не только

[1]) А. фонъ-Резенъ „О тѣлесныхъ повреждeніяхъ, преслѣдуемыхъ лишь по жалобѣ потерпѣвшаго“. Журн. гражд. и угол. права, 1881 г. кн. 8, стр. 56.

[2]) Н. Арефа „Частныя и частно-общественныя преступленія по русскому праву“ Журн. гражд. и угол. права, 1878 г. кн. 4.

[3]) Объясн., ibid. стр. 183.

[4]) 185 стр.

существуетъ, но выдержало двѣ редакціи въ то время, какъ даже при изданіи улож. 1885 г. сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ статьяхъ, напр. изъ 157 ст. выброшена ссылка на 395 ст., стоявшую въ числѣ тѣхъ, по которымъ не допускалось примиренія обиженнаго съ виновнымъ послѣ подачи жалобы, т. е. какъ разъ измѣненіе коснулось дѣлъ частнаго порядка; и дѣло практики, по нашему мнѣнію, должно заключаться въ томъ, чтобы не принимая на себя роли законодателя—упразднять существующія нормы,—выяснить, имѣетъ ли смыслъ эта норма, дѣйствительно ли она стоитъ въ противорѣчіи съ другими, не возбуждающими сомнѣнія нормами, или есть случаи, въ которыхъ примѣненіе ея не встрѣчаетъ затрудненій въ другихъ положеніяхъ закона; въ первомъ случаѣ она отпадаетъ сама собою, во второмъ она должна быть примѣняема.

Несомнѣнно, что примѣч. I къ 1496 ст., да и не одно первое, а и второе также, по старому улож. относилось и къ проступкамъ, о которыхъ говорится теперь въ 129 ст. устава, но они, эти примѣчанія, подъ ней не поставлены и въ уставъ не перешли, а потому, какъ логично ни было бы ихъ примѣненіе къ этимъ проступкамъ, ни одинъ судъ ихъ не можетъ примѣнить. Съ другой стороны, разъ они остались въ уложеніи, практика не должна отъ нихъ отказываться. Съ этой точки зрѣнія мы и постараемся выяснить смыслъ злосчастнаго примѣчанія. Вопросъ въ сущности не такъ простъ и узокъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и основанія, которыми разсѣкается узелъ, не такъ ужъ убѣдительны. Если бы, выбросивъ часть примѣчанія, касающуюся неосторожнаго причиненія ранъ и пр., можно было избавиться отъ затрудненій при рѣшеніи вопроса о порядкѣ преслѣдованія по 1494 ст., куда бы еще ни шло. Но къ сожалѣнію это не такъ. Согласно началу примѣчанія нанесеніе легкихъ ранъ и увѣчья и причиненіе неважнаго по степени своей вреда здоровью *во всѣхъ случаяхъ* преслѣдуется не иначе, какъ по жалобѣ того, который подвергся симъ ранамъ и увѣчью; согласно 2 прим. дѣла о нанесеніи

однимъ супругомъ другому *всякаго рода тѣлесныхъ поврежденій*, за исключеніемъ тѣхъ, кои имѣли послѣдствіемъ *смерть*, начинаются не иначе, какъ по жалобѣ самаго потерпѣвшаго супруга или его родителей. Что 1494 ст. говоритъ и о легкихъ поврежденіяхъ не подлежитъ спору [1]), что послѣдствіемъ неисполненія постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, можетъ быть причиненіе тѣлеснаго поврежденія супругу—также безспорно. Спрашивается теперь, въ какомъ же порядкѣ преслѣдуется преступленіе 1494 ст. въ этихъ случаяхъ? Рѣшая вопросъ въ смыслѣ частнаго порядка въ виду того, что въ примѣчаніи изъятій для 1494 ст. не установлено,—мы уничтожаемъ значеніе главнаго довода въ пользу преслѣдованія дѣлъ по этой статьѣ въ общемъ порядкѣ—принципа о несовмѣстимости частнаго порядка съ самой нормой 1494 ст., на чемъ такъ настаиваютъ; допуская общій порядокъ, мы должны признать принципъ, что примѣчанія безусловнаго характера не имѣютъ и что дѣла, о которыхъ въ нихъ говорится, могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ вестись и не такъ, какъ въ нихъ указано и такимъ образомъ, открывается возможность то частнаго, то общаго порядка и для случаевъ, когда увѣчье или раны были послѣдствіемъ одной неосторожности. Но выставляютъ еще одно доказательство въ подтвержденіе взгляда, что примѣчаніе не относится къ неосторожнымъ тѣлеснымъ поврежденіямъ при нарушеніи постановленій, ограждающихъ порядокъ. Въ примѣчаніи сказано „*одной* неосторожности“, а 1494 ст., кромѣ неосторожности требуетъ-де и проступка противъ порядка. Существованіе цѣлаго примѣчанія объясняютъ редакціоннымъ недосмотромъ и не хотятъ простить законодателю одного слова, которое скорѣе можетъ быть объяснено, какъ lapsus linguae. Но помимо lapsus'а, которыми такъ изобилуютъ наши законы, слова *одной* неосторожности могутъ имѣть и логическій смыслъ, не тотъ только, который ему придаютъ. Во

---

[1]) Сенатъ это положеніе разработалъ въ рѣш. 1872 г. № 1072, 1873 г. № 331 и др.

первыхъ нѣтъ основанія сопоставлять понятіе неосторожности съ нарушеніемъ постановленія; въ примѣчаніи о послѣднемъ ничего не говорится, ни выше, ни ниже, да и вещи это несоизмѣримыя. Терминъ „одной неосторожности“ надо толковать въ связи со смысломъ и словами самаго примѣчанія. Въ началѣ его говорится: „въ случаѣ нанесенія лишь легкихъ ранъ и увѣчья и причиненія неважнаго по степени своей вреда здоровью“, т. е. безъ всякихъ ограниченій этого случая,—были ли нанесены легкія раны съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или только въ запальчивости и раздраженіи, или наконецъ по неосторожности—безразлично,—дѣла начинаются не иначе, какъ по жалобѣ; далѣе законодатель имѣетъ въ виду ограничить преслѣдованіе въ частномъ порядкѣ нанесенія тяжкихъ ранъ и увѣчій только случаями неосторожности и продолжаетъ: „а равно и въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣчье или раны (т. е. и тяжкія) были послѣдствіемъ *одной неосторожности*“. Вотъ смыслъ этого термина, да и понятно: неосторожность, какъ выраженіе степени преступной воли, можетъ противополагаться обдуманному умыслу, состоянію запальчивости и пр., а не общественнымъ постановленіямъ. Во вторыхъ, если это понятіе имѣетъ отношеніе къ 1494 ст., то скорѣе то, на какое мы указывали, когда разсматривали вопросъ о значеніи субъективнаго элемента въ предусматриваемомъ статьей проступкѣ [1]), т. е. что для состава преступленія по 1494 ст. требуется, чтобы не только причиненіе поврежденія являлось неожиданнымъ для виновнаго, но чтобы и самое дѣяніе, послѣдствіемъ коего было поврежденіе, было бы совершено тоже по неосторожности. А если такъ надо понимать значеніе „одной неосторожности“ 1494 ст., то съ этой точки зрѣнія не встрѣчается препятствій примѣнить къ ея дѣяніямъ примѣчаніе 1 къ 1496 ст.

Но говорятъ далѣе, что частный порядокъ производства не совмѣстимъ съ смысломъ 1494 ст., такъ какъ ею пре-

---

[1]) См. выше.

слѣдуется и нарушеніе постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, причемъ единство наказанія, прибавляетъ Неклюдовъ, и за тѣлесное повреждение, и за нарушеніе постановленія, исключающее понятіе совокупности, дѣлаетъ невозможнымъ какъ допущеніе частнаго обвиненія, такъ и отмѣну, въ случаѣ примиренія, опредѣленнаго судомъ наказанія. Мы уже видѣли, что коллизія частнаго порядка съ общимъ является и при примѣненіи къ ст. 1494 начала примѣчанія 1 и всего втораго примѣчанія къ 1496 ст., но на этомъ основаніи никто не думаетъ упразднять эти примѣчанія по отношенію къ статьѣ. Какъ выйти изъ этой коллизіи, не будемъ рѣшать,—это особый, самостоятельный и сложный вопросъ, который для насъ теперь не имѣетъ значенія. Невозможностью разрѣшить эту коллизію (а если не захотимъ ее рѣшать, то должны будемъ признать, какъ выше говорено, что дѣяніе 1494 ст. въ случаѣ прим. 2 и начала прим. 1 къ 1496 ст.—преслѣдуется цѣликомъ въ частномъ порядкѣ) мы возражаемъ противъ выставленнаго положенія; не смущаетъ насъ даже и возможность допустить совокупность для наказанія за нарушеніе порядка и за тѣлесное повреждение, ибо единство, о которомъ говоритъ Неклюдовъ, не такъ ужъ прочно—сама 1494 ст. во 2 части своей прямо разъединяетъ эти наказанія, а въ первой разъединеніе скрыто единствомъ на основаніи начала поглощенія меньшаго наказанія большимъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ самымъ принципомъ, положеннымъ въ основу толкованія. Боятся этихъ общественныхъ постановленій и забываютъ о томъ, что это за постановленія по своему существу и при какихъ условіяхъ они попадаютъ въ норму разбираемой статьи, ставятъ удареніе надъ нарушеніемъ постановленій и къ нимъ только пристегиваютъ нарушеніе тѣлесной неприкосновенности. Это не такъ. Юридическая структура 1494 ст. не такова. Статья эта одна изъ нормъ главы третьей „о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ повреждений здоровью“ раздѣла десятаго „о преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ“. Съ этой

точки зрѣнія она и должна быть обсуждаема. Центръ тяжести ея именно въ нанесеніи поврежденій здоровью, а не въ огражденіи постановленій объ общественномъ порядкѣ. Нарушеніе послѣднихъ—это только путь, одинъ изъ путей, которыми можно причинить тѣлесное поврежденіе. Этотъ элементъ, а не нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, посторонній въ статьѣ, и не онъ даетъ ей тонъ. Нарушеніе постановленій запрещено въ другомъ мѣстѣ, преслѣдуется по другимъ статьямъ, а здѣсь преслѣдуется другое нарушеніе—причиненіе тѣлеснаго вреда ближнему. Что это такъ, подтверждаетъ отчасти и 2 ч. статьи. Опредѣляя виновному наказаніе по совокупности преступленій, если за противное установленному порядку дѣяніе законами опредѣлено другое строжайшее наказаніе, 2 ч. статьи даетъ право заключить, что въ первой ея части установлено наказаніе какъ бы *исключительно за нанесеніе поврежденія* (при нарушеніи постановленій), иначе, если бы, кромѣ этого, ею опредѣлялось и наказаніе за самое законопротивное дѣяніе, 2 ч. была бы изложена не такъ; она или только повышала бы наказаніе за нарушеніе постановленія въ виду его осложненія прибавочнымъ элементомъ—причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія, или изъ наказанія за послѣднее исключила бы часть, причитающуюся за первый проступокъ. И такъ, вотъ смыслъ статьи: она караетъ нарушеніе тѣлесной неприкосновенности путемъ неосторожнаго совершенія дѣянія противъ ограждающихъ общественный порядокъ постановленій. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, что статья 1485 о нанесеніи ранъ и увѣчій въ дракѣ и ссорѣ преслѣдуетъ эти послѣднія; нѣтъ, драка и ссора, и то при извѣстныхъ условіяхъ, преслѣдуются по 38 ст. уст. о нак., а 1485 ст. преслѣдуетъ другое—насильственныя дѣйствія въ дракѣ и ссорѣ. То, что драка для 1485 ст.—нарушеніе постановленія для 1494 ст.

Что же это за постановленія? Мы сказали, что забываютъ или вѣрнѣе не хотятъ знать—ихъ характера. Во первыхъ, изъ дѣяній запрещенныхъ уложеніемъ, статья не имѣетъ въ виду преступленій въ собственномъ смыслѣ, какъ

ихъ понимаетъ старое уложеніе [1]), а только проступки, т. е. дѣянія менѣе важныя [2])—съ этимъ согласенъ и Неклюдовъ [3]). Во вторыхъ, что особенно важно—проступки *только неосторожные*, какъ выше доказано, *неожиданнымъ* послѣдствіемъ коихъ было и т. д., а при опредѣленіи характера этого рода проступковъ нельзя забывать общаго принципа о неосторожныхъ дѣяніяхъ, изображеннаго въ ст. 110 улож.: „когда же неосторожность дѣянія, бывшаго причиною сдѣланнаго зла, оправдывается обстоятельствами, по коимъ никакъ нельзя было ожидать (ср. неожиданныя послѣдствія 1494 ст.) и предполагать вредныхъ онаго послѣдствій, то виновному въ сей неосторожности дѣлается только приличное на счетъ оной внушеніе". Это еще больше убѣждаетъ въ несущественности перваго элемента—нарушенія постановленія—для 1494 ст. и въ сильномъ преобладаніи въ ней втораго элемента—нанесенія ранъ, увѣчья и поврежденія здоровью.

Вообще не можемъ не замѣтить, что господствующая теорія нѣсколько механически объясняетъ интерпретируемую статью. Когда заходитъ рѣчь о нанесеніи ранъ и увѣчій въ дракѣ, Неклюдовъ говоритъ, что „на основаніи прим. 1 къ 1496 ст. преслѣдованіе дѣлъ о легкихъ ранахъ, а также объ увѣчьяхъ и ранахъ легкихъ и тяжелыхъ, когда они были послѣдствіемъ одной лишь неосторожности (а таковыми, по смыслу закона, являются они въ дракѣ, въ противоположность запальчивости и раздраженію) предоставляется лицамъ потерпѣвшимъ или ихъ законнымъ представителямъ" [4]). Отчего же такое объясненіе „одной неосторожности" не примѣняется при толкованіи 1494 ст.? Отчего не говорятъ, что раны въ дракѣ—

---

[1]) См. улож. 1845 и 1857 г.г. ст. 1: „всякое нарушеніе закона, черезъ которое посягается на неприкосновенность правъ власти верховной и установленныхъ ею властей, или на права общества, или частныхъ лицъ—есть преступленіе".

[2]) Ст. 2: „нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и *общественной или же личной безопасности* или *пользы*, именуется проступкомъ".

[3]) Ibid. 226 стр.

[4]) Руков., стр. 149.

послѣдствіе не одной неосторожности, а и проступка, запрещеннаго 38 ст. уст.? И когда правительствующій сенатъ въ рѣшеніяхъ 1868 г. № 567 и 1871 г. № 930 призналъ было, что нанесеніе въ дракѣ тяжелыхъ ранъ возбуждается независимо отъ жалобы частныхъ лицъ на томъ единственно основаніи, что драка составляетъ сама по себѣ дѣяніе, запрещенное закономъ, широкій умъ Неклюдова не могъ согласиться съ этой механической связью двухъ нормъ и назвалъ доводъ сената неосмотрительнымъ (стр. 149). Думается, что также не слѣдуетъ механически связывать двѣ стороны 1494 ст. и на основаніи только этой связи дѣлать выводы о ея примѣненіи.

Изложенныя критическія замѣчанія на господствующую теорію даютъ матеріалъ и для рѣшенія вопроса о порядкѣ преслѣдованія преступленій по 1494 ст. въ извѣстномъ положительномъ смыслѣ. Можетъ быть, когда самый путь, способъ совершенія преступленія—нанесенія ранъ и пр.—неосторожное нарушеніе постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ, преслѣдуется въ общемъ порядкѣ—и все преслѣдованіе преступленія должно вестись въ этомъ порядкѣ, какъ преимущественномъ передъ частнымъ—преимущественномъ потому, что послѣдній составляетъ изъятіе (5 ст. уст. угол. судопр.). Дѣло въ томъ, что извѣстное единство въ преслѣдованіи самаго пути и результата, въ которому онъ приводитъ,—преступленія, о каковомъ единствѣ говоритъ Неклюдовъ, дѣйствительно существуетъ, что касается по крайней мѣрѣ 1 ч. 1494 ст.: въ наказаніи за результатъ поглощается наказаніе за способъ, менѣе сильное, чѣмъ первое, какъ это было бы, впрочемъ и согласно 152 ст. уложенія. Въ этихъ случаяхъ частная инициатива въ преслѣдованіи преступленія, вытекающая изъ прим. 1, повидимому можетъ выражаться въ томъ, что самое преслѣдованіе по 1494 ст. не можетъ возбуждаться въ общемъ порядкѣ, т. е. разъ нѣтъ заявленія со стороны потерпѣвшаго (получившаго легкое или тяжелое поврежденіе—все равно) обвиняемый долженъ быть преслѣдуемъ лишь за самое нарушеніе постано-

вленій, т. е. по другимъ статьямъ; или если потерпѣвшій примирился съ виновнымъ, судъ долженъ перейти отъ 1494 ст. къ другой, которой предусмотрѣно голое нарушеніе постановленія, если такая статья имѣется съ карательной санкціей. Если такъ понимать 1494 ст., то даже и въ этихъ случаяхъ дѣйствію частнаго порядка въ отношеніи къ ней открыть широкій просторъ. Неосторожное нарушеніе постановленій во многихъ случаяхъ наказуется ниже тюремнаго заключенія—высшаго наказанія по 1 ч. 1494 ст. Проходитъ срокъ давности, шестимѣсячный для проступковъ, наказуемыхъ ниже (158 ст. 4 п.), для публичнаго преслѣдованія преступленіе уже погашено, но оно было осложнено послѣдствіями, въ которыхъ заинтересовано частное лицо, и вотъ до истеченія двухлѣтняго срока частная инициатива можетъ оказать вліяніе на возбужденіе преслѣдованія. Затѣмъ, постановленія, ограждающія порядокъ, во многихъ случаяхъ могутъ быть нарушаемы должностными лицами (проступки противъ различныхъ уставовъ). Самое нарушеніе по существу своему можетъ быть ничтожно, такъ что начальство можетъ ограничиться согласно даже уложенію простымъ дисциплинарнымъ взысканіемъ, но нарушитель затронулъ и права частнаго лица и послѣднее можетъ преслѣдовать его независимо отъ публичнаго преслѣдованія. Такъ напр. по ст. 1090 „начальникъ дистанціи (судоходной), который не будетъ исполнять въ свое время (тоже вѣдь lapsus linguae) возложенныхъ на него по сей должности обязанностей, какъ то: не будетъ устранять предписаннымъ порядкомъ затрудняющія судоходство препятствія, или не означитъ открывшіяся въ его дистанціи мели, или не будетъ охранять столбовъ, означающихъ фарватеръ рѣки, или въ случаяхъ надобности ставить новые“ и т. д. и т. д.—все это проступки, которые могутъ влечь и послѣдствія въ видѣ нанесенія ранъ, увѣчій и поврежденій здоровья,—подвергается за всѣ сіи и другія подобныя онымъ упущенія: или замѣчаніямъ, или выговорамъ, болѣе или менѣе строгимъ, или аресту, или же удаленію отъ должности, смотря по роду и степени вины его, на

основаніи общихъ, опредѣленныхъ въ ст. 410 и 411 сего уложенія правилъ о взысканіяхъ за нерадѣніе по службѣ. Несомнѣнно, что если степень вины его выразится лишь въ неосторожности, то врядъ ли дѣло и дойдетъ до суда; скорѣе къ виновному будетъ примѣнена 410 ст.: за медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности дѣлаются виновнымъ *по усмотрѣнію начальства* замѣчанія или выговоры, болѣе или менѣе строгіе. Проступокъ виновнаго, въ смыслѣ служебномъ, крайне неваженъ и странно бы было даже, если бъ начальство въ виду того, что неожиданнымъ послѣдствіемъ упущенія были легкія раны, привлекло обвиняемаго къ отвѣтственности по 1494 ст. Но для частной инициативы здѣсь опять просторъ. Частное лицо можетъ примириться съ виновнымъ, войти съ нимъ въ соглашеніе, а если таковаго не послѣдуетъ, то и возбудить преслѣдованіе по указанной статьѣ. Такимъ образомъ для частной инициативы есть мѣсто и она имѣетъ смыслъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый проступокъ преслѣдуется независимо отъ жалобы. Но не эти случаи для насъ важны. Эти случаи представляютъ только больше трудностей при примѣненіи примѣч. 1 къ ст. 1496 и они то собственно и породили господствующую теорію о непримѣнимости начала частнаго обвиненія къ дѣламъ по 1494 ст. Вѣдь въ сущности взглядъ, упраздняющій прим. 1 изъ уложенія, коренится въ другомъ взглядѣ, будто бы ст. 1494 говоритъ о нарушеніи постановленій, непремѣнно преслѣдуемомъ по уложенію. Построили схему: 1494 ст. имѣетъ въ виду законопротивныя дѣянія, воспрещенныя подъ страхомъ наказанія и притомъ указаннаго въ уложеніи, проступки противъ общественнаго порядка преслѣдуются въ общемъ порядкѣ,—стало быть примѣчаніе о частномъ порядкѣ надо упразднить. Da ist der Hund begraben. Мы не такъ смотримъ на матеріальное содержаніе 1494 ст. Какъ объяснено въ первой части нашей работы, мы понимаемъ статью болѣе широко, полагая, что она имѣетъ въ виду всѣ случаи неосторожнаго причиненія тѣлесныхъ поврежденій, являющагося результатомъ нарушенія постановленій, какъ нака-

зуемыхъ, такъ и только воспрещенныхъ, наказуемыхъ какъ по уложенію, такъ и по уставу за исключеніемъ лишь случаевъ въ ст. 128 послѣдняго перечисленныхъ. Вотъ почему для насъ не такъ страшно и примѣчаніе къ 1496 ст. Указанные случаи, при которыхъ приходится имѣть дѣло съ нѣкоторыми затрудненіями при примѣненіи частнаго порядка къ 1494 ст., даже не многочисленны. Дѣло въ томъ, что кромѣ 1494 ст. нанесеніе поврежденій при совершеніи проступковъ предусмотрѣно и въ другихъ статьяхъ уложенія—1081, 1085, 1077, 1139 и пр. Главную массу случаевъ для 1494 ст. при нашемъ толкованіи дадутъ именно тѣ полицейскія правонарушенія, которыя только предусмотрѣны въ различныхъ уставахъ и положеніяхъ. Къ нимъ примѣчаніе къ 1496 ст. не только всецѣло можетъ и должно быть примѣнено въ силу прямого смысла закона, но оно имѣетъ для нихъ и громадное логическое значеніе. Государство не наказуетъ этихъ правонарушеній, въ преслѣдованіи ихъ слѣдовательно уголовная власть не заинтересована; если при совершеніи ихъ нанесено извѣстному лицу тѣлесное поврежденіе, опять таки съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса, государственная власть не заинтересована въ преслѣдованіи ихъ. Здѣсь и открывается поле для частной иниціативы, въ распоряженіи коей и находится право, данное ей примѣчаніемъ. Затѣмъ, не нужно думать, что всѣ проступки противъ постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ преслѣдуются въ общемъ порядкѣ. Даже кодифицированныя постановленія общественныхъ управленій, охраняемыя прямо санкціей 29 ст., преслѣдуются въ частномъ порядкѣ. Такъ, по ст. 110 городов. полож. 1870 г. возбужденіе преслѣдованія и обличеніе виновныхъ въ нарушеніи постановленій, на основаніи ст. 103—106 изданныхъ, предоставляется городскому общественному управленію [1]) и правительствующій сенатъ совершенно правильно разъяснилъ эту статью въ томъ смыслѣ, что даже полиція не можетъ преслѣдовать нарушителей этихъ

[1]) Гор. Пол. т. II ч. 1 изд. 1886 г.

постановленій, а усмотрѣвъ нарушеніе должна сообщить объ этомъ мѣстной городской управѣ [1]). Здѣсь опять только самъ потерпѣвшій можетъ преслѣдовать виновнаго въ причиненіи ему тѣлеснаго поврежденія при неисполненіи постановленій, ограждающихъ порядокъ. Какъ видимъ, въ массѣ случаевъ частный порядокъ можетъ быть примѣненъ безъ всякихъ затрудненій и коллизій къ дѣламъ по 1494 ст. Онъ и долженъ быть примѣняемъ, пока существуетъ примѣч. къ 1496 ст.

Но, могутъ возразить, такое толкованіе 1494 ст. съ процессуальной стороны ведетъ къ непослѣдовательности: проступки предусмотрѣнные въ 128 и 129 ст. уст. о нак. въ общемъ менѣе важны, чѣмъ предусмотрѣнныя въ 1494 ст., а между тѣмъ они преслѣдуются въ общемъ порядкѣ, ибо 128 и 129 ст. въ 18 ст. уст. не указаны. Да, это внутреннее противорѣчіе, представляющее результатъ несогласованности системы улож. съ системой уст. о накав. Оправдать его нельзя, а объяснить до извѣстной степени можно тѣмъ, что статья 1494 на первомъ планѣ ставитъ частное преступленіе—тѣлесное поврежденіе (она и помѣщена въ главѣ о тѣлесномъ поврежденіи), а 128 и 129 ст. тѣлесное поврежденіе считаютъ лишь квалифицирующимъ проступокъ—обстоятельствомъ или какъ 129 ст.—придающимъ дѣянію непреступному характеръ проступка. Устранить это противорѣчіе можетъ только законодатель, путемъ толкованія этого сдѣлать нельзя и до тѣхъ поръ, пока оно существуетъ, съ нимъ приходится считаться. Впрочемъ, при томъ толкованіи ст. 1494, которое мы выставили, противорѣчіе до извѣстной степени смягчается, ибо мы признаемъ, что преступныя дѣянія, пре-

---

[1]) Рѣш. 1874 г. № 544 по дѣлу Рябининой. Новое городовое положеніе изд. 1892 г. нѣсколько измѣнило этотъ принципъ, предоставивъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія и обличеніе передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій гор. управл., какъ управѣ, такъ и полиціи и участковымъ попечителямъ (113 ст.), но это сущности дѣла не измѣняетъ: если указанные органы власти не будутъ почему-либо преслѣдовать виновнаго, а между тѣмъ съ его проступкомъ соединено было и нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, потерпѣвшій самъ можетъ возбудить преслѣдованіе, т. е. опять будетъ мѣсто для частной инициативы.

дусмотрѣнныя 1494 ст. могутъ преслѣдоваться въ частномъ порядкѣ лишь тогда, когда государство не преслѣдуетъ нарушителя постановленія, затронувшаго своимъ нарушеніемъ и неприкосновенность частнаго лица.

Въ подтвержденіе нашего взгляда мы можемъ въ данномъ случаѣ сослаться и на кассаціонныя рѣшенія. Правительствующему сенату дважды пришлось высказывать свой взглядъ на значеніе прим. 1 къ 1496 ст. Въ одномъ изъ рѣшеній, по дѣлу Тищенка 1871 г. № 930, это то самое рѣшеніе, доводы котораго Неклюдовъ назвалъ неосмотрительными,—сенатъ разсудилъ, что „по силѣ примѣчанія подъ ст. 1496 тѣ нанесенія тяжелыхъ ранъ могутъ подлежать преслѣдованію въ частномъ порядкѣ, при коихъ, кромѣ неосторожныхъ дѣйствій, не было совершено никакого другого дѣянія, запрещеннаго закономъ, по сему, какъ это объяснено рѣш. угол. кассац. департ. 68 г. № 567 по дѣлу Рудпева, къ числу обвиненій, подлежащихъ преслѣдованію лишь по жалобѣ потерпѣвшихъ, не могутъ быть относимы тяжелыя раны, нанесенныя въ дракѣ“. Это рѣшеніе впрочемъ имѣетъ мало отношенія къ нашему вопросу потому, что оно разсматриваетъ другую статью—1485, а не 1494, убѣдительности оно лошено вовсе, ибо сенатъ никакого анализа примѣч. не производитъ и никакого объясненія его собственно не дѣлаетъ. Въ другомъ рѣшеніи сравнительно недавнемъ 1892 г. № 7 д. Самарина, правительствующій сенатъ прямо коснулся порядка производства дѣлъ по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ какъ 1494 ст. улож., такъ и 128 и 129 ст. уст. Присяжный повѣренный Макалинскій обжаловалъ приговоръ Петербургской судебной палаты, признавшей въ дѣяніи Самарина признаки проступка, предусмотрѣннаго 129 ст. уст. о наказ. и тѣмъ не менѣе не прекратившей прослѣдованія, возбужденнаго безъ жалобы потерпѣвшаго. Правительствующій сенатъ нашелъ, что по изслѣдованіи вопроса дѣйствительно оказывается, что проступки, предусмотрѣнные въ 1494 ст. улож., имѣющіе своимъ предметомъ болѣе важныя по сравненію съ 128 и 129 ст. уст. о нак., нарушенія лич-

ной неприкосновенности, сопряженныя съ дѣйствіями, противными постановленіямъ, ограждающимъ общественный порядокъ, преслѣдуются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго и за силою 158 ст. улож. подлежатъ прекращенію за примиреніемъ сторонъ; тогда какъ предусмотрѣнныя въ 128 ст. подобныя же, но менѣе тяжкія, нарушенія, а также предусмотрѣнныя въ 129 ст. того же устава дѣянія, лишь явно неосторожныя, но прямо закономъ невоспрещенныя, въ случаѣ причиненія ими поврежденія въ здоровьѣ, преслѣдуются помимо жалобы, и дѣла о нихъ прекращенію за примиреніемъ не подлежатъ. Однако, разсуждаетъ правительствующій сенатъ, съ одной стороны такое различіе въ порядкѣ возбужденія указаннаго рода дѣлъ не можетъ быть объяснено неясностью или неполностью сихъ узаконеній, какъ невозбуждающихъ сомнѣнія относительно точности ихъ смысла, а посему и въ виду 65 ст. зак. осн. т. I ч. 1 устраненіе сказаннаго выше различія въ порядкѣ возбужденія и прекращенія сихъ дѣлъ могло бы послѣдовать лишь въ порядкѣ законодательномъ, а не въ порядкѣ толкованія закона; а съ другой примѣненіе правилъ, постановленныхъ въ примѣч. 1 къ ст. 1496 улож. къ дѣламъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ 128 и 129 ст. уст. о нак. не можетъ быть допущено въ виду 147 ст. улож. о нак., по силѣ которой при разсмотрѣніи дѣлъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ уст. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями, наказаніе виновнымъ опредѣляется „по правиламъ сего устава, а не улож. о нак.“. Это сенатское толкованіе съ тѣми ограниченіями въ примѣненіи частнаго порядка къ нормѣ 1494 ст., о которыхъ мы говорили выше, и должно быть принято къ руководству въ судебной практикѣ.

IV.

Наша задача—выяснить значеніе нормъ дѣйствующаго законодательства о неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ—кончена. Результатъ изслѣдованія показываетъ, что ученіе двухъ дѣйствующихъ кодексовъ наказанія представляетъ двѣ

совершенно различныя системы. Въ то время, какъ уложеніе если не выдѣляетъ въ особую группу неосторожныхъ тѣлесныхъ повреждeній, то все же придаетъ имъ извѣстное самостоятельное значеніе въ смыслѣ преступленія, а нарушеніе постановленій, при коемъ они причинены, считаетъ лишь придаточнымъ элементомъ, уставъ въ неосторожномъ тѣлесномъ поврежденіи видитъ обстоятельство, усиливающее наказаніе за другіе проступки (128 ст.) или придаетъ ему значеніе обстоятельства, превращающаго въ наказуемое дѣяніе непреступное (129 ст.); въ то время, какъ уложеніе повидимому требуетъ наличности неосторожности при нарушеніи постановленія, уставъ относится безразлично къ вопросу о субъективномъ моментѣ и т. д. Уже одно это раздвоеніе ученія ничѣмъ не оправдываемое, указываетъ, что постановленія дѣйствующаго закона нуждаются въ реформѣ. О необходимости ея еще болѣе вопіетъ различіе въ порядкѣ преслѣдованія проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ уложеніи и таковыхъ же устава, различіе, какъ разъ противоположное относительной тяжести проступковъ того и другого кодекса; засимъ сбивчивость, запутанность и другіе недостатки, присущіе дѣйствующему законодательству, о которыхъ мы упоминали выше, также указываютъ, что пересмотръ ученія и реформа его необходимы.

Проектъ реформы уже имѣется въ проектѣ уложенія, составленномъ редакціонною коммисіею, выдѣленною изъ Высочайше учрежденнаго 22 апрѣля 1881 г. комитета для составленія проекта уголовнаго уложенія. Чтобы выяснить, что даетъ этотъ проектъ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ ученіе нашего, пока еще дѣйствующаго, законодательства въ системѣ иностранныхъ.

Французскій Code pénal о неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ говоритъ въ ст. 320, которая гласитъ: „если послѣдствіемъ отсутствія предосторожности (précaution) или неловкости будутъ лишь раны или удары, виновный будетъ наказанъ“ и т. д. Статью эту нужно толковать въ связи съ

предыдущей о неосторожномъ лишеніи жизни: „кто вслѣдствіе безразсудства, невнимательности, небрежности (maladresse, imprudence, innatention, négligence) или *несоблюденія постановленій* совершить недобровольно лишеніе жизни или будетъ невольною его причиною, будетъ наказанъ...“ (319 ст.). Старый кодексъ такимъ образомъ не знаетъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, не выдѣляетъ неосторожныхъ поврежденій при особыхъ условіяхъ въ отдѣльную группу. Code pénal belge, въ основѣ котораго лежитъ французское уложеніе, повторяетъ постановленіе послѣдняго: „если послѣдствіемъ отсутствія предусмотрительности или предосторожности (prévogance ou précaution) будутъ лишь раны или удары, виновный будетъ наказанъ...“ (420 ст.), выдѣляя въ особую статью (421) случай неумышленнаго причиненія другому болѣзни или неспособности къ личному труду, посредствомъ дачи ему веществъ такого свойства, которыя могутъ лишить жизни или тяжко повредить здоровье (altérer gravement la santé), а также случай 422 ст.: „ежели поѣздъ желѣзной дороги подвергся приключенію (aura éprouvé un accident) такого свойства, которое можетъ подвергнуть опасности находящихся на немъ лицъ, то лицо бывшее неумышленною причиною онаго, будетъ наказано... (1 ч.), а ежели послѣдствіемъ приключенія были тѣлесныя поврежденія, виновный будетъ наказанъ... (2 ч.).

Такимъ образомъ и бельгійскій кодексъ знаетъ собственно одну норму о неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, выдѣлены только нѣкоторые частные случаи, необобщенные въ особую норму. Такова старая система, старая потому, что бельгійскій кодексъ, хотя и изданъ въ 1867 г., но въ основѣ его лежитъ французское уложеніе 1810 г., и хотя эти кодексы, какъ замѣчаетъ Неклюдовъ [1]), нельзя назвать братьями, а скорѣе отцомъ и сыномъ, но отецъ относится ко времени конца XVIII, а сынъ къ первой половинѣ XIX вѣка.

---

[1]) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, изд. министерствомъ юстиціи, 1880 г., т. I, введеніе, стр. V.

Новыя законодательства внесли новую идею въ ученіе. Съ развитіемъ спеціализаціи занятій, раздѣленія труда, техническихъ искусствъ появилась и большая возможность для тѣхъ, кто соприкасается съ техническимъ производствомъ подвергнуться тѣлесному поврежденію, а съ другой стороны оказалось вполнѣ справедливымъ требовать отъ лицъ, стоящихъ во главѣ производства большей осторожности при примѣненіи техническихъ пріемовъ, съ которыми они знакомы или должны быть знакомы по своему занятію, положенію и пр. Отсюда разница въ наказуемости неосторожнаго тѣлеснаго поврежденія при обычныхъ условіяхъ и въ томъ случаѣ, когда оно произошло отъ незнанія виновнымъ правилъ своей профессіи или занятій или небрежнаго ихъ исполненія. Эта идея нашла себѣ мѣсто въ германскомъ уложеніи 1870 г. (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich) и болѣе позднемъ Венгерскомъ—Das Ungarische Strafgesetzbuch über Verbrechen und Vergehen § 230 перваго гласитъ: „кто причинитъ другому тѣлесное поврежденіе вслѣдствіе неосторожности, будетъ наказанъ денежнымъ штрафомъ до 900 марокъ или тюрьмою до 2 лѣтъ (1 часть). Если совершитель былъ *особенно обязанъ къ той внимательности*, которую онъ упустилъ изъ виду, самою своею *должностью, профессіею или промысломъ* (Amtes, Berufes oder Gewerbes), то наказаніе можетъ быть возвышено до заключенія въ тюрьму на 3 года“. § 310 венгерскаго кодекса постановляетъ: „кто неосторожно причинитъ другому тяжкое тѣлесное поврежденіе, тотъ наказывается тюрьмою до 3 мѣсяцевъ и денежнымъ штрафомъ до двухсотъ гульденовъ (1 ч.). Когда же тяжкое тѣлесное поврежденіе произошло отъ *незнанія виновнымъ своей профессіи или своихъ занятій*, или отъ *небрежнаго ихъ исполненія*, или же отъ *несоблюденія существующихъ въ нихъ правилъ*, то онъ наказывается тюрьмою до одного года и денежнымъ штрафомъ до пятисотъ гульденовъ [1])“. Тотъ же взглядъ проводится

[1]) Сверхъ того, согласно тому же § 3 ч. и 291 § 2 ч. судъ можетъ воспретить виновному по своему усмотрѣнію на время или навсегда, отправленіе его

въ одномъ изъ самыхъ новыхъ кодексовъ, нидерландскомъ, уложеніе 3 марта 1881 г. [1]). Въ ст. 308 оно гласитъ: „кто по неосторожности причинитъ кому-либо тяжкое или такое тѣлесное поврежденіе, послѣдствіемъ котораго будетъ временная болѣзнь или преходящая неспособность къ исполненію обязанностей службы или званія, наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ или арестомъ до 6 мѣсяцевъ". 309 ст.: „если преступленіе, означенное въ сей главѣ, совершено при исполненіи виновнымъ его обязанностей по званію или должности, то наказаніе можетъ быть увеличено на одну треть, занятія по званію, въ которомъ совершено преступленіе, могутъ быть воспрещены, а приговоръ, по распоряженію судьи,—опубликованъ".

Взгляда, который принятъ въ новыхъ законодательствахъ, не придерживается кодексъ еще болѣе новый, чѣмъ нидерландское уложеніе—уголовное уложеніе великаго княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденное 19 декабря 1889 г. и чуть было не введенное въ дѣйствіе [2]). Система этого кодекса вообще отличается своеобразностью, но не высокаго достоинства. По интересующему насъ вопросу онъ различаетъ причиненіе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія „по небрежности или неосторожности" (§ 10 главы 21, въ коемъ говорится также и о причиненіи по неосторожности смерти) и причиненіе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія или смерти при умышленномъ совершеніи преступленія, соединеннаго съ опасностью для жизни, когда тѣлесное поврежденіе является ква-

профессіи или занятій и достановить возвращеніе ему сихъ правъ въ зависимость отъ новаго испытанія или представленія иного доказательства пріобрѣтенія требуемыхъ познаній.

[1]) Пользуемся имъ по переводу юрисконсульта министерства юстиціи В. Р. Линднаго, изданному въ видѣ отдѣльной брошюры.

[2]) См. постановленіе о введеніи новаго общаго уголовнаго уложенія въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ и о томъ, что относительно сего должно быть соблюдаемо—§ 1 въ № 39 сборника постановленій великаго княжества, гдѣ напечатано и самое уложеніе; согласно этому постановленію оно должно было вступить въ силу 1 января 1891 г., но въ декабрѣ 1890 г. состоялось особое Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи введенія его въ дѣйствіе.

лифицирующимъ вину обстоятельствомъ: „если кто безъ насильственнаго дѣйствія и безъ намѣренія убить—умышленнымъ совершеніемъ такого преступленія, въ которомъ заключается явная опасность для жизни или здоровья кого-либо, какъ-то: изгнанія плода изъ женщины безъ ея воли; приведеніемъ другого въ безпомощное состояніе, причиненіемъ наводненія или кораблекрушенія, поджогомъ или тому подобнымъ содѣяніемъ станетъ виновникомъ чьей либо смерти или тяжкаго увѣчья, или же если при возстаніи, сопротивленіи скопомъ, изнасиловапіи, грабежѣ или при другомъ такого рода умышленномъ и съ насиліемъ соединенномъ преступленіи, отъ насильственнаго поступка послѣдовала смерть или тяжкое увѣчье, то виновный разомъ за все наказывается....“ (§ 6 главы 21-й).

Что касается порядка преслѣдованія неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій, то французскій, бельгійскій и голландскій кодексы считаютъ нарушеніе тѣлесной неприкосновенности публичнымъ преступланіемъ и не допускаютъ преслѣдованія его въ частномъ порядкѣ. По германскому уложенію „преслѣдованіе легкихъ умышленныхъ, а равно и всѣхъ тѣлесныхъ поврежденій, причиненныхъ неосторожностью, возбуждается только жалобою потерпѣвшаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тѣлесное поврежденіе было совершено съ нарушеніемъ обязанностей службы, профессіи или промысла [1])“; преслѣдованіе подлежитъ прекращенію по желанію потерпѣвшаго только „ежели проступокъ учиненъ противу близкаго виновному лица“, ибо только на этотъ случай есть оговорка въ § 232, а, слѣдовательно, въ остальныхъ дѣйствуетъ правило, выраженное въ общей части уложенія (§ 64): взятіе обратно жалобы допускается только въ случаяхъ, именно въ самомъ законѣ указанныхъ. По венгерскому уложенію только уголовное преслѣдованіе за легкія тѣлесныя поврежденія возбуждается жалобой потерпѣвшаго [2])

---

[1]) Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, § 232.

[2]) Das Ungarische Strafgesetzbuch über Verbrechen und Vergehen, § 312.

и, слѣдовательно, подлежитъ прекращенію по желанію потерпѣвшаго согласно § 116 уложенія, по коему принесшій жалобу имѣетъ право, по скольку въ законѣ не сдѣлано изъ сего изъятія, взять свою жалобу обратно до объявленія приговора. Финляндское уложеніе въ § 14 ч. 2 гл. 21 гласитъ: „причиненіе тѣлеснаго поврежденія также не подлежитъ судебному преслѣдованію черезъ общественнаго обвинителя, если потерпѣвшій не заявитъ преступленія къ таковому преслѣдованію“, но это правило не относится къ указаннымъ выше случаямъ, когда тѣлесное поврежденіе совершено при учиненіи другого преступленія.

И такъ, новѣйшія законодательства, отражая на себѣ теченія жизни, въ общемъ выработали систему, которая, кромѣ обыкновенныхъ случаевъ тѣлеснаго поврежденія, знаетъ еще случаи, когда причиненіе его соединено съ несоблюденіемъ со стороны виновнаго правилъ своей профессіи, должности и пр. Что касается порядка преслѣдованія неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій, то въ этомъ отношеніи и въ новѣйшихъ законодательствахъ единства не замѣчается; это, вѣроятно, нужно объяснить большею устойчивостью выработавшагося въ каждой странѣ взгляда на тѣлесную неприкосновенность частнаго лица, который тѣсно связанъ съ историческими условіями данной страны, съ бóльшимъ или меньшимъ развитіемъ въ ней понятія личности и пр., и въ связи съ которымъ вырабатывается и способъ защиты отдѣльнаго частнаго лица отъ покушенія на его тѣлесную неприкосновенность.

Система нашего законодательства совершенно своеобразна. Вмѣсто квалификаціи преступленія, если виновный былъ обязанъ къ особой осторожности своей службой, занятіемъ и т. д., законъ знаетъ квалификацію въ случаѣ нарушенія постановленія, ограждающаго общественный порядокъ или личную безопасность (1494 ст. и 128 ст.). Съ одной стороны это признакъ старой системы, когда профессія не играла такой роли, какъ въ настоящее время, съ другой—специфическая черта именно нашего законодательства, всегда избѣ-

гавшаго общихъ опредѣленій и стремившагося въ силу присущаго ему издавна полицейскаго характера въ уголовномъ кодексѣ дать гражданамъ чуть ли не полный кодексъ морали, въ нормахъ положительнаго закона охватить все разнообразіе дѣйствительной жизни и предвидѣть всѣ частные случаи, изъ которыхъ она слагается. Насколько эта черта характерна для нашего законодательства видно между прочимъ изъ того, что ей не измѣнилъ и проектъ уголовнаго уложенія россійской имперіи, составленный въ началѣ нынѣшняго вѣка разсматривавшійся въ государственномъ совѣтѣ въ 1813 г. и началѣ 1814 г. въ департаментѣ законовъ; хотя проектъ этотъ не только не представляетъ ни продукта кодификаціи по системѣ свода отечественныхъ постановленій, ни компиляціи по иностраннымъ источникамъ, а напротивъ отличается оригинальностью своихъ взглядовъ и сравнительной широтою общихъ опредѣленій, но и онъ въ § 417 постановляетъ: „кто нечаянно, *вопреки полицейскимъ постановленіямъ*, по неосторожности *въ случаяхъ, означенныхъ* въ § 366—372, кого либо ранитъ или повредитъ: таковый по мѣрѣ неосторожности, подвергается взысканію на лѣченіе и вознагражденіе [1]).

Намъ хотѣлось бы сказать, что проектъ уложенія, составленный редакціонной коммисіей на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1881 г. отступилъ отъ системы нынѣ принятой въ нашемъ законодательствѣ. Но... онъ только *чуть было* не отступилъ отъ нея, чуть было не измѣнилъ ей для системы новѣйшей. Дѣло въ томъ, что редакціонная коммисія въ вопросѣ, насъ интересующемъ, приняла было въ первоначальныхъ своихъ трудахъ системы западно-европейскихъ законовъ. По проекту въ его первоначальной редакціи предполагалось раздѣлить неосторожное причиненіе тѣлеснаго поврежденія тяжкаго или менѣе тяжкаго на обыкновенное, наказуемое арестомъ или денежною пенею не свыше пяти-

---

[1]) Проектъ, о которомъ мы говоримъ, напечатанъ въ Архивѣ государственнаго совѣта, т. IV, 1874 г. стр. 309—484.

десяти рублей [1]) и квалифицированное, наказуемое тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, „если таковое повреждение было послѣдствіемъ несоблюденія той *особой осмотрительности, къ коей виновный былъ обязанъ по званію, должности или роду его дѣятельности* [2])“. Это предположеніе не удержалось при пересмотрѣ первоначальныхъ работъ коммисіи и въ проектѣ, изданномъ въ 1895 г. [3]), мы имѣемъ дѣло уже съ иной квалификаціей неосторожнаго тѣлеснаго поврежденія (весьма тяжкаго или тяжкаго); тюрьмой до 6 мѣсяцевъ предполагается наказывать виновнаго уже въ томъ случаѣ, „если таковое повреждение было послѣдствіемъ несоблюденія виновнымъ *правилъ, установленныхъ закономъ или законнымъ постановленіемъ власти*, для его рода дѣятельности, въ огражденіе личной безопасности [4]). Такой способъ квалификаціи уже значительно приближаетъ систему, проектируемую къ принятой нынѣ дѣйствующимъ уложеніемъ— опять для усиленія отвѣтственности необходимымъ условіемъ является тоже въ сущности „противное ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ дѣйствіе“, которое предвидится и 1494 ст. отживающаго уложенія о наказаніяхъ.

Постараемся анализировать норму 406 ст. проекта, чтобы выяснить, что она вносить въ новое уложеніе. Для состава преступленія по 406 ст. (2 ч.) требуется: 1) чтобы виновный не соблюлъ „*правилъ, установленныхъ* закономъ или законнымъ постановленіемъ власти“; 2) чтобы правила эти постановлены были именно „*для его рода* дѣятельности„ и 3) чтобы они были постановлены“ въ огражденіе *личной безопасности*“; для состава преступленія по означенной статьѣ безразличенъ субъективный моментъ въ проступкѣ, безразлично, было ли

[1]) Проектъ, изданний съ объяснительной запиской, глава (вторая) „тѣлесное поврежденіе“, ст. 21, 1 ч.

[2]) 2 ч. той же статьи.

[3]) Уголовное уложеніе, проектъ редакціонной коммисіи, приложеніе къ № 9 журнала министерства юстиціи (сентябрь 1895 г.).

[4]) 2 ч. 406 ст. проекта.

несоблюденіе правилъ умышленное или оно являлось лишь результатомъ неосторожности, допущенной виновнымъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать сначала два замѣчанія, чтобы разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возникающія при толкованіи статьи и объясняющіяся ея редакціонными несовершенствами. Статья требуетъ для квалификаціи, чтобы „повреждение было послѣдствіемъ несоблюденія виновнымъ правилъ, установленныхъ.... *для его рода дѣятельности*". Подходятъ ли сюда случаи, когда виновный, взявшись не за свое дѣло, не за „его родъ дѣятельности" допуститъ нарушеніе какого-либо правила, предписаннаго закономъ для извѣстной дѣятельности? Случаи эти слѣдовало бы квалифицировать, ибо нельзя же сравнивать причиненіе тѣлеснаго поврежденія при обыкновенныхъ, такъ сказать, условіяхъ съ причиненіемъ, явившимся результатомъ того, что виновный взялся за дѣло, требующее спеціальныхъ знаній, не имѣя о немъ понятія. А между тѣмъ тѣлесное поврежденіе при такихъ условіяхъ трудно будетъ подвести подъ 2 ч 406 ст. Подъ дѣятельностью вообще, говорятъ составители новаго уложенія [1]), надо понимать принятіе на себя какихъ-либо особыхъ занятій, ставящихъ дѣйствующаго въ исключительныя условія на опредѣленное или неопредѣленное время, какова, напр., дѣятельность сторожа, надсмотрщика за работами, десятника, торговца жизненными припасами или ядовитыми веществами, кучера...". Къ этому опредѣленію съ натяжкой можно подогнать случаи, когда, напр., негоціантъ, неимѣющій понятія объ управленіи яхтой, возьмется за управленіе ею, или пьяный соврасъ возьметъ на себя обязанности кучера въ большомъ городѣ, или домовладѣлецъ займется постройкой домовъ въ качествѣ архитектора или просто будетъ для себя строить домъ. Если результатомъ ихъ дѣятельности и будутъ тѣлесныя поврежденія, то хотя бы они нарушили извѣстныя предписанія закона, обязательныя постановленія

[1]) Проектъ съ объяснительной запиской, объясненія къ главѣ (первой) „лишеніе жизни" стр. 90.

городской думы и пр., чѣмъ, конечно, не соблюли „особой осмотрительности“, но обязаны ли они были къ ней по „своему роду дѣятельности“ трудно сказать: родъ дѣятельности совраса вовсе не исполненіе обязанностей кучера, домовладѣльца не домостроительство, негоціанта—не морское дѣло. Правда, для распространительнаго толкованія „рода дѣятельности“ даетъ основаніе сама же статья въ дальнѣйшемъ изложеніи. Опредѣляя добавочное къ тюремному заключенію наказаніе, статья говоритъ „сверхъ сего, суду предоставляется воспретить виновному тотъ родъ дѣятельности, при осуществленіи коего онъ причинилъ тѣлесное поврежденіе“..., т. е., какъ будто независимо отъ того, былъ ли это „его родъ“, или виновный допустилъ разовое, такъ сказать, вмѣшательство въ чужую сферу дѣятельности. Но, если такъ, то во избѣжаніе недоразумѣній формулу „родъ дѣятельности, при осуществленіи коего онъ причинилъ тѣлесное поврежденіе“ надо перенести въ начало статьи, замѣнивъ ею „его родъ дѣятельности“, а въ санкціи, опредѣляющей дополнительное наказаніе оставить лишь „тотъ родъ дѣятельности“. Второе недоразумѣніе при примѣненіи 406 ст., зависящее отъ несовершенства ея редакціи можетъ произойти вслѣдствіе внесенія въ ея норму требованія, чтобы правило, несоблюденіе коего будетъ имѣть послѣдствіемъ неосторожное причиненіе поврежденія, было бы постановлено „въ огражденіе личной безопасности“. Эта личная безопасность и можетъ возбуждать сомнѣнія. Если это терминъ юридическій, въ чемъ врядъ ли можно сомнѣваться, тогда можно будетъ требовать, чтобы въ правилахъ, для извѣстнаго рода дѣятельности изданныхъ, было бы указано, какія изъ нихъ относятся къ предупрежденію личной безопасности, и несоблюденіе правила, указаннаго не въ отдѣлѣ мѣръ предупрежденія личной безопасности, а подъ рубрикой, напр., правилъ объ общественной безопасности нельзя будетъ считать достаточнымъ условіемъ для примѣненія 2 ч. 406 ст.; а такъ какъ понятіе „личной безопасности“ нѣсколько сбивчиво и отграниченіе правилъ, касающихся безопасности личной отъ другихъ крайне затруднительно, то прямо выражен-

ное въ статьѣ требованіе, чтобы виновный нарушилъ постановленіе, изданное именно въ огражденіе личной безопасности можетъ породить нежелательныя недоразумѣнія. Что понятіе личной безопасности дѣйствительно отграничить трудно отъ понятій, съ нимъ соприкасающихся, въ этомъ можно убѣдиться изъ самаго Проекта, который, напр., главу 10 назвалъ „неисполненіе законовъ и законныхъ постановленій, ограждающихъ *общественную и личную* безопасность“, давая, такимъ образомъ, основаніе предполагать, что одно и то же правило можетъ касаться и общественной безопасности и въ то же время личной. Кажется, что безъ ущерба для смысла 406 ст. объясненіе постановленій, о коихъ въ ней идетъ рѣчь, указаніемъ на то, что они имѣютъ въ виду ограждать, можно исключить изъ статьи, или по крайней мѣрѣ дополнить описаніе, указавъ какъ на объектъ, который ограждаютъ правила, и на общественную безопасность и расширивъ, такимъ образомъ, въ сущности только самый терминъ, чтобы онъ не подавалъ повода къ недоразумѣніямъ. Вотъ тѣ замѣчанія, которя мы имѣли въ виду сдѣлать по поводу редакціи 406 ст.

Но, конечно, не въ родѣ дѣятельности и не въ личной безопасности центръ тяжести статьи. Ея смыслъ въ томъ, что случаи квалификаціи нарушенія тѣлесной неприкосновенности она ограничиваетъ рѣзко очерченными рамками. Только въ случаѣ, если правило, нарушенное виновнымъ, было предусмотрѣно закономъ или законнымъ постановленіемъ власти, онъ можетъ подлежать усиленной отвѣтственности. По сравненію ея съ нормой, принятой реньше редакціонной коммисіей, сфера примѣненія квалификаціи съужена весьма значительно: по ст. 21 первоначальнаго проекта не требовалось, чтобы виновный нарушилъ непремѣнно постановленіе кодифицированное въ законѣ или въ надлежащемъ порядкѣ изданное, достаточно, чтобы онъ не соблюлъ „той особой осмотрительности, къ коей былъ обязанъ по званію, должности или роду его дѣятельности“, т. е., кодифицированы ли правила званія, должности и пр. безразлично для отвѣтственности, центръ тяжести статьи въ „особой осмотрительности“,

которую вызываетъ несеніе званія, должность или занятіе извѣстнаго рода дѣятельностью.

Которая же изъ двухъ системъ выше, которая болѣе соотвѣтствуетъ жизненнымъ условіямъ и интересамъ уголовной политики, интересамъ пресѣченія преступленій и огражденія тѣлесной неприкосновенности частныхъ лицъ? Новая система, или, что то же, система нашего стараго Уложенія выгоднѣе для виновнаго, ибо она съуживаетъ сферу примѣненія усиленной отвѣтственности и защищаетъ его отъ свободной, болѣе широкой, оцѣнки дѣйствій его со стороны суда, который при наложеніи наказанія долженъ будетъ руководствоваться не субъективной стороной проступка, не то долженъ будетъ принимать во вниманіе, обязанъ ли былъ виновный быть „особо осмотрительнымъ" въ данномъ случаѣ, а даже будетъ руководствоваться чисто внѣшнимъ признакомъ, входящимъ въ составъ проступка, именно тѣмъ, установлено ли закономъ нарушенное обвиняемымъ правило. Конечно, ничего нельзя было бы имѣть противъ такого точнаго признака проступка, какъ указаніе въ законѣ нарушеннаго постановленія, напротивъ, именно внесеніе этого точнаго признака въ норму статьи составляетъ ея главную цѣнность,—ничего нельзя бы было имѣть противъ указаннаго признака, если бы законъ поспѣвалъ за жизнью, если бы на всѣ случаи, которые по мысли закона достойны были бы квалификаціи, существовали извѣстныя правила, такъ что *высшая* виновность въ причиненіи тѣлеснаго поврежденія всегда совпадала бы съ нарушеніемъ какого-либо установленнаго правила. Дѣло въ томъ, что 406 ст. не имѣетъ въ виду карать и нарушеніе правила и неосторожное нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, она имѣетъ въ виду чистый случай неосторожнаго тѣлеснаго поврежденія, какъ видно изъ мѣста ея въ главѣ 21 „тѣлесныя поврежденія и насиліе надъ личностью", и несоблюденіе извѣстнаго правила, сопутствующаго неосторожности, само по себѣ можетъ и не подлежать карѣ, т. е., ея внутренній смыслъ тотъ же, что и 21 ст. стараго проекта, только для „особой осмотрительности" 21 ст. она даетъ точный признакъ.

Несомнѣнно, что кара за неосторожное причиненіе тѣлеснаго поврежденія и можетъ квалифицироваться только въ зависимости отъ большей или меньшей степени вины содѣявшаго преступленіе. А если такъ, то отграниченіе этой высшей виновности признакомъ нарушенія законнаго постановленія врядъ ли можно признать удачнымъ. Квалификація ставится, такимъ образомъ, въ зависимость не отъ внутренней стороны проступка, а отъ болѣе или менѣе случайнаго обстоятельства, есть ли въ какомъ-либо кодексѣ, циркулярѣ, полицейскомъ распоряженіи и пр. правило, которое нарушилъ виновный, можетъ быть, и не зная о его существованіи. Можетъ быть масса случаевъ, когда обвиняемый, обнаружившій высшую степень неосторожности, будетъ подлежать наказанію по 1 ч. 406 ст., т. е., низшему, ибо, какъ мы сказали выше, законъ, и въ частности и въ особенности законъ, устанавливающій правила быстро развивающейся и принимающей самыя разнообразныя формы промышленной дѣятельности, не всегда поспѣваетъ за жизнью. Благодаря этому можетъ получаться то, что въ одномъ случаѣ виновный, причинившій при отправленіи извѣстной профессіи по неосторожности тѣлесное повреждeніе, будетъ отвѣчать по 2 ч. 406 ст., тогда какъ въ другомъ виновный, допустившій ту же мѣру неосторожности, отвѣтитъ лишь по 1 ч. 406 ст. Это будетъ имѣть мѣсто, напр., въ такомъ случаѣ, когда возникаетъ новая отрасль фабричной дѣятельности, работающей надъ новыми вредными для здоровья при изготовленіи ихъ веществами; законъ не успѣлъ еще нормировать эту дѣятельность и установить правила, имѣющія въ виду оградить здоровье рабочихъ; но фабрикантъ и безъ закона знаетъ, надъ чѣмъ приходится работать на его фабрикѣ, знаетъ всѣ опасныя послѣдствія работы, знаетъ, что они могутъ отразиться на массѣ рабочихъ и тѣмъ не менѣе передъ нимъ не стоитъ опасность послѣдствій для его небрежности въ видѣ 2 ч. 406 ст., послѣдствій довольно сильныхъ, могущихъ заставить его болѣе позаботиться о своихъ рабочихъ, ибо кромѣ тюрьмы ему грозитъ и право суда запретить ему родъ дѣятельности, при

осуществленіи коего допущена небрежность; обязанный относиться къ дѣлу съ особой осмотрительностью, которой требуетъ его фабричное дѣло, онъ тѣмъ не менѣе можетъ относиться халатно къ участи рабочихъ, имѣя въ перспективѣ за свою халатность только арестъ, и это только потому, что для его профессіи ни законъ, ни административная власть не успѣли еще установить правилъ. Могутъ возразить, что вовсе нѣтъ нужды, чтобы для каждой новой профессіи законодатель устанавливалъ особыя новыя правила, несоблюденіе коихъ влекло-бы за собой примѣненіе 2 ч. 406 ст. Правила эти могутъ заключаться и въ общемъ уставѣ о промышленности; такъ, достаточно выразить въ законѣ, что на фабрикахъ должны быть принимаемы предохранительныя мѣры для огражденія здоровья рабочихъ, или что всѣ строительныя работы должны производиться изъ годнаго матеріала, для того, чтобы фабрикантъ, работающій въ новой отрасли промышленности за тяжкія поврежденія рабочихъ, причиненныя имъ дѣйствіемъ фабрики, или подрядчикъ за поврежденія, полученныя его рабочими вслѣдствіе того, что лѣса при постройкѣ были сдѣланы изъ негоднаго матеріала, отвѣчалъ по 2 ч. 406 ст. Но, во-первыхъ можетъ возникать сомнѣніе, будетъ-ли постановленіе, выраженное въ такой общей формѣ „правиломъ, *установленнымъ* закономъ или законнымъ постановленіемъ власти *для его рода* дѣятельности", во-вторыхъ и эти общія постановленія могутъ охватить не всѣ случаи, въ которыхъ по мысли закона квалификація необходима, и въ третьихъ, наконецъ, чѣмъ довольствоваться такими общими указаніями закона, напоминающими полезные совѣты, разсѣянные въ уставѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій, само собою разумѣющіеся и не вносящіе никакой новой нормы въ законъ, такъ врядъ-ли не лучше оставить ихъ въ покоѣ, замѣнивъ одной общей нормой въ уложеніи, по которой квалификація при неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ устанавливается для тѣхъ случаевъ, когда виновный былъ обязанъ къ особой осмотрительности по роду дѣятельности.

Отвѣтственность можетъ разниться и по мѣстностямъ.

Энергическое начальство одного горнаго округа съумѣло развить законъ, установивъ въ районѣ своего вѣдѣнія строгія правила предосторожности при работахъ въ подземныхъ галлереяхъ, въ другомъ этихъ правилъ нѣтъ; въ результатѣ эксплоатирующій нѣдра земли въ первомъ округѣ, если при эксплоатаціи будутъ причинены рабочимъ тяжкія тѣлесныя поврежденія, будетъ отвѣчать по 2 ч. 406 ст., во второмъ—по первой. То же разнообразіе будетъ имѣть мѣсто и въ случаѣ причиненія тѣлеснаго поврежденія при неумѣренно быстрой ѣздѣ въ экипажѣ на людной улицѣ, гдѣ происходитъ гулянье—въ двухъ городахъ, изъ коихъ въ одномъ издано городскимъ управленіемъ обязательное правило: быстрая ѣзда воспрещается, а въ другомъ такого правила, въ сущности выражающаго лишь требованіе „особой осмотрительности“ и безъ того понятное при данныхъ условіяхъ не существуетъ. Или возьмемъ, напр., такой случай: Въ приморскомъ городѣ (или въ городѣ, лежащемъ при большой рѣкѣ) въ то время, когда масса публики выѣхала кататься, въ одну изъ лодокъ врѣзывается яхта, происходитъ столкновеніе, въ результатѣ коего тяжкое тѣлесное поврежденіе многихъ катающихся; выясняется, что катавшійся въ яхтѣ любитель морскаго спорта, обязанный по условіямъ, сопутствовавшимъ столкновеніе (масса лодокъ и катающихся и возможность гибельныхъ послѣдствій) къ особой осмотрительности, не соблюдалъ никакой, не соблюдалъ, напр., даже извѣстнаго правила праводержанія; и вотъ, если это правило тѣмъ учрежденіемъ, въ вѣдѣніи коего находится прибрежная полоса моря извѣстнаго города, не внесено въ обязательныя постановленія, хотя бы это происходило потому, что правило это черезчуръ извѣстно, то будь оно дѣйствительно такъ сказать сознано всѣми, виновный не понесетъ усиленной отвѣтственности; произойди такое событіе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ правило праводержанія внесено въ постановленія ими распоряженія власти, отвѣтственность виновнаго будетъ совершенно иная [1]).

---

[1]) Замѣчанія, сдѣланныя по поводу 406 ст., всецѣло относятся и къ 394 ст.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ насъ отдать предпочтеніе той редакціи статьи о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, какая принята была коммисiей при первоначальномъ составленіи проекта и по которой неосторожное тѣлесное поврежденіе квалифицировалось тогда, когда оно было „послѣдствіемъ той особой осмотрительности, къ коей виновный былъ обязанъ по званію, должности или роду его дѣятельности“. Къ этой редакціи полезно бы было, кажется, сдѣлать ту частную поправку, о которой мы уже говорили при разсмотрѣніи съ редакціонной стороны 406 ст. проекта. Поправка эта имѣетъ въ виду замѣнить „родъ его дѣятельности“ описательнымъ выраженіемъ „родъ дѣятельности, при осуществленіи коего допущено виновнымъ поврежденіе“; вмѣсто такого описанія можно бы было, по примѣру венгерскаго кодекса, нѣсколько расширить редакцію статьи, внеся въ нее прямое указаніе, что виновный и тогда подлежитъ усиленной отвѣтственности, когда неосторожное тѣлесное поврежденіе, имъ причиненное, явилось слѣдствіемъ несоблюденія съ его стороны правилъ, существующихъ въ извѣстной профессіи.

Этимъ мы заканчиваемъ замѣчанія относительно 406 ст. проекта. Нашъ взглядъ предоставляетъ суду болѣе широкій просторъ при выборѣ между наказаніемъ обыкновеннымъ и квалифицированнымъ, просторъ, благодаря которому приговоры суда будутъ болѣе соотвѣтствовать жизненнымъ условіямъ. Простора этого врядъ ли слѣдуетъ бояться. Его не боится и редакціонная коммисія по составленію новаго уголовнаго уложенія, всѣ постановленія коей, касающіяся карательной части уголовнаго закона, исходятъ изъ презумпціи довѣрія суду—иначе она не расширила бы такъ власти суда въ опредѣленіи размѣра наказанія. Боязнь предоставленія суду права соображаться при опредѣленіи характера неосторожнаго

проекта, которая квалифицируетъ неосторожное причиненіе смерти точь въ точь въ такомъ же случаѣ, въ какомъ 406 ст.—неосторожное причиненіе тѣлеснаго поврежденія.

тѣлеснаго поврежденія съ житейскими условіями и квалифицировать наказаніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный никакого установленнаго правила не нарушилъ, врядъ ли умѣстна еще и потому, что судя по роду наказанія, дѣла о тѣлесныхъ поврежденіяхъ составляющихъ согласно 3 ст. проекта уложенія проступки, вѣроятно, будутъ отнесены къ вѣдѣнію суда короннаго и, слѣдовательно, будутъ проходить двѣ инстанціи по существу; поэтому увлеченія судовъ первой инстанціи при примѣненіи широкой нормы 406 ст., если и допустить ихъ возможность, и ошибки при установленіи понятія особой осмотрительности по званію, роду дѣятельности и пр. всегда будутъ исправлены апелляціоннымъ судомъ, разсматривающимъ дѣло уже послѣ того, какъ первое впечатлѣніе улеглось, и далекимъ отъ мѣстныхъ вліяній, которыя, можетъ быть, какъ ни трудно это допустить, могутъ побудить иногда судъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ огромности причиненнаго виновнымъ зла, примѣнить квалифицирующую часть 406 ст. тамъ, гдѣ проступокъ не былъ послѣдствіемъ особой неосмотрительности виновнаго.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разрѣшеніи вопроса о порядкѣ преслѣдованія проступковъ предусмотрѣнныхъ 406 ст. новаго уложенія, ибо его не касается позднѣйшій проектъ. Составители проекта только намѣтили этотъ вопросъ, разработка коего относится къ области судопроизводственнаго права, какъ они замѣчаютъ въ объяснительной запискѣ [1]). Авторы проекта, впрочемъ, высказали свой взглядъ на вопросъ. По ихъ мнѣнію частный порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ долженъ быть сохраненъ только для тѣхъ случаевъ, когда самое преслѣдованіе преступленія, не затрогивающаго общественныхъ интересовъ, можетъ причинить потерпѣвшему вредъ, превышающій тотъ, который причиненъ виновнымъ, или когда изслѣдованіе преступнаго событія было бы почти невозможно при нежеланіи потерпѣвшаго преслѣдовать обидчика. Если согласиться съ этимъ мнѣніемъ, а съ нимъ едва-ли

---

[1]) См. объясненія къ ст. 22 главы (второй) „Тѣлесное поврежденіе".

можно не согласиться, то нужно согласиться и съ тѣмъ разрѣшеніемъ вопроса о порядкѣ преслѣдованія неосторожныхъ тѣлесныхъ повреждeній, которое намѣчено въ ст. 22 первоначальной редакціи проекта, по коей „уголовное преслѣдованіе за дѣянія статьями... и 1 ч. 21 предусмотрѣнныя... возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго“, т. е., допустить частный порядокъ лишь въ отношеніи тѣлеснаго поврежденія, не явившагося послѣдствіемъ несоблюденія виновнымъ особой осмотрительности или существующихъ въ извѣстной профессіи правилъ.

Я. Затворницкій.

ХРОНИКА РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Гражданское право.

(Первая половина 1896 года).

Среди узаконеній и распоряженій правительства, распубликованныхъ за первую половину минувшаго года, обращаетъ на себя вниманіе Высочайше утвержденное, 29 апрѣля 1896 года, мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ права пропинаціи въ губерніяхъ привислинскихъ, западныхъ и Бессарабской (собр. узак. и расп. прав. 1896 г. № 77, ст. 839, стр. 2775). Выкупъ права пропинаціи, какъ публично-правнаго наслоенія надъ цивильнымъ понятіемъ права собственности, уже давно ожидалось населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовала пропинація и было въ принципѣ рѣшено вмѣстѣ съ измѣненіемъ порядка продажи питей. Согласно новому закону, право пропинаціи, т. е., исключительное право выдѣлки и продажи питей, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Бессарабской и Царства Польскаго — отмѣняется со дня введенія казенной продажи питей въ каждой губерніи. При этомъ, въ частности, какъ изложено въ особомъ примѣчаніи къ ст. I приведеннаго узаконенія, право владѣльцевъ мѣстечекъ и городовъ Бессарабской губерніи на полученіе отъ хозяевъ садовъ, разведенныхъ на помѣщичьей землѣ, десятой части урожая винограда (ст. 3

прил. II къ ст. 322 (прим.) зак. о сост., Свод. зак. т. IX, изд. 1876 г.) сохраняется на прежнемъ основаніи. Относительно же самого вознагражденія за отмѣну права пропинаціи во владѣльческихъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ (не исключая и переименованныхъ въ селенія) въ означенныхъ губерніяхъ постановлены слѣдующія правила: 1) Для выясненія правъ частныхъ лицъ и учрежденій на полученіе вознагражденія изъ казны за отмѣну права пропинаціи и исчисленія размѣровъ сего вознагражденія, въ каждой губерніи учреждается временная пропинаціонная коммисія. 2) Пропинаціонныя коммисіи (ст. 1) образуются, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, гдѣ онъ имѣется, предсѣдателя или члена окружнаго суда (по назначенію суда), управляющихъ: казенною палатою и акцизными сборами, управляющаго государственными имуществами, а въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ особыхъ управленій государственными имуществами,—лѣснаго ревизора или чиновника особыхъ порученій вѣдомства государственныхъ имуществъ, по назначенію управляющаго сими имуществами, управляющаго контрольною палатою (или одного изъ чиновъ сей палаты, по назначенію управляющаго оною,—въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ особыхъ контрольныхъ палатъ), управляющаго удѣльнымъ округомъ или другаго представителя отъ вѣдомства Императорскаго двора и удѣловъ—въ губерніяхъ, гдѣ есть удѣльныя имѣнія, непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, по назначенію губернатора, чиновника по судебной части или ревизора губернскаго акцизнаго управленія, по назначенію управляющаго акцизными сборами, и двухъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (изъ коихъ одного, пользующагося правомъ пропинаціи), приглашаемыхъ, по представленію губернатора, генералъ-губернаторомъ, а въ мѣстностяхъ, неподчиненныхъ генералъ-губернаторамъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. При отсутствіи губернатора, предсѣдательствованіе въ коммисіи возлагается на вице-губернатора, а при отсутствіи послѣд-

няго — на старшаго въ чинѣ изъ правительственныхъ членовъ коммисіи. 3) Подготовка дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію пропинаціонныхъ коммисій, и веденіе дѣлопроизводства оныхъ возлагается на состоящихъ членами коммисій чиновниковъ по судебной части или ревизоровъ губернскихъ акцизныхъ управленій. 4) Предсѣдатели пропинаціонныхъ коммисій могутъ приглашать въ засѣданія, съ правомъ совѣщательнаго голоса, постороннихъ лицъ, отъ коихъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ свѣдѣній. 5) Лица, пользующіяся правомъ пропинаціи, или ихъ уполномоченные, а также представители учрежденій, пользующихся этимъ правомъ, приглашаются въ засѣданія пропинаціонныхъ коммисій для устныхъ объясненій. Неприбытіе сихъ лицъ не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла. 6) Засѣданія пропинаціонной коммисіи считаются состоявшимися при участіи въ нихъ, кромѣ члена-дѣлопроизводителя (ст. 3), пяти членовъ, въ томъ числѣ представителя отъ судебнаго вѣдомства и еще двухъ правительственнныхъ членовъ коммисіи. 7) Дѣла рѣшаются въ пропинаціонной коммисіи по большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. 8) Пропинаціонныя коммисіи приглашаютъ публикаціями въ столичныхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ лица и учрежденія, пользующіяся правомъ пропинаціи, подать въ коммисію, не позже шести мѣсяцевъ со дня позднѣйшей публикаціи въ означенныхъ вѣдомостяхъ, заявленіе о своемъ желаніи получить вознагражденіе за отмѣну упомянутаго права. 9) Право пропинаціи признается за лицами и учрежденіями представившими: 1) доказательства въ томъ, что дѣйствительное пользованіе ихъ, или ихъ предшественниковъ, упомянутымъ правомъ началось въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской и Бессарабской до 1 января 1863 г., а въ губерніяхъ Царства Польскаго — до 28 октября (9 ноября) 1866 г., продолжалось послѣ указаннаго времени и не прекратилось ранѣе послѣднихъ десяти лѣтъ до отмѣны въ каждой губерніи права пропинаціи, или 2) документы, удостовѣряющіе за-

конную принадлежность сего права (какъ напр. купчія крѣпости, раздѣльные акты, судебныя рѣшенія, Высочайшія повелѣнія, указы Правительствующаго Сената, грамоты бывшихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, постановленія сеймовъ и т. п.), если притомъ будетъ доказано, что дѣйствительное пользованіе заявителя или его предшественниковъ, означеннымъ правомъ не прекратилось ранѣе послѣднихъ десяти лѣтъ до его отмѣны въ каждой губерніи. *Примѣчаніе.* Принадлежность права пропинаціи въ Бессарабской губерніи опредѣляется на основаніи прил. къ ст. 322 (прим.) зак. о сост. (св. зак. т. IX, изд. 1876 г.). 10) Упомянутыя въ предъидущей (9) статьѣ доказательства должны быть представлены въ пропинаціонную коммисію не позже одного года со дня означенной въ ст. 8 публикаціи. Къ тому же сроку должны быть доставлены въ коммисію свѣдѣнія о доходности пропинаціи за послѣднее пятилѣтіе до 1 января 1895 г. въ теченіе коего заявители (ст. 8) пользовались доходомъ отъ пропинаціи. Коммисіямъ предоставляется въ особо уважительныхъ случаяхъ допускать для представленія указанныхъ доказательствъ и свѣдѣній отсрочки на сроки не свыше трехъ мѣсяцевъ, а также назначать сроки для представленія дополнительныхъ доказательствъ и свѣдѣній. 11) Лица и учрежденія, не заявившія пропинаціонной коммисіи въ означенный въ ст. 8 срокъ о своемъ желаніи получить вознагражденіе за отмѣну права пропинаціи, или не представившія въ теченіе установленныхъ ст. 10 сроковъ доказательствъ пользованія симъ правомъ и свѣдѣній о доходности пропинаціи, лишаются права на упомянутое вознагражденіе. 12) Пропинаціоннымъ коммисіямъ предоставляется принимать всѣ мѣры, которыя онѣ признаютъ необходимыми для провѣрки представленныхъ доказательствъ и свѣдѣній (ст. 10), и обращаться для полученія справокъ непосредственно въ нотаріальныя, судебныя и административныя учрежденія. 13) По каждому заявленію о желаніи получить вознагражденіе за отмѣну права пропинаціи, пропинаціонная коммисія входитъ въ разрѣшеніе вопроса о томъ, удовлетворяютъ ли представленныя доказательства требова-

ніямъ, установленнымъ ст. 9 для признанія за заявителями права пропинаціи, и, если признаетъ за ними сіе право, то установляетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ среднюю чистую доходность пропинаціи. 14) Для установленія средней чистой доходности пропинаціи (ст 13), служатъ кромѣ представленныхъ заявителями свѣдѣній о ея доходности (ст. 10), заключенные до 1 декабря 1892 г. арендные договоры, если въ нихъ точно опредѣлена арендная плата собственно за пользованіе пропинаціей, и если коммисія не встрѣтитъ сомнѣній въ томъ, что договоры сіи дѣйствительно заключены до указаннаго срока, а при отсутствіи такихъ договоровъ—всѣ свѣдѣнія и данныя, которыя, по мнѣнію коммисіи, могутъ удостовѣрить размѣръ пропинаціоннаго дохода. 15) Средняя чистая доходность пропинаціи опредѣляется за послѣднее до 1 января 1895 г. пятилѣтіе, въ теченіе коего заявители, согласно представленнымъ ими (ст. 10) и провѣреннымъ коммисіей даннымъ, пользовались доходомъ отъ пропинаціи. 16) Изъ пропинаціоннаго дохода тѣхъ владѣльцевъ городовъ и посадовъ губерній Царства Польскаго, которые, въ силу ст. 10 Высочайшаго указа 28 октября (9 ноября) 1866 г., принимали участіе въ издержкахъ на содержаніе администраціи и на общественное благоустройство, исключаются, при опредѣленіи средней чистой доходности пропинаціи, суммы, расходуемыя ими на указанную потребность. 17) Для опредѣленія размѣра вознагражденія, причитающагося каждому отдѣльному заявителю за отмѣну права пропинаціи, исчисленная на основаніи ст. 14—16 средняя чистая доходность пропинаціи помножается на двадцать. 18) По каждому дѣлу о вознагражденіи за отмѣну права пропинаціи составляется особый журналъ, въ теченіе одного мѣсяца со дня состоявшагося постановленія коммисіи объ опредѣленіи размѣра сего вознагражденія. Въ журналѣ излагается постановленіе коммисіи въ окончательной формѣ, съ означеніемъ дня, когда постановленіе состоялось, личнаго состава присутствія коммисіи, всѣхъ доказательствъ, представленныхъ заявителемъ, соображеній, въ силу коихъ представленныя доказательства

приняты или отвергнуты, окончательнаго вывода и законовъ, на коихъ онъ основанъ. 19) Копія постановленія пропинаціонной коммисіи вручается чрезъ полицію, заявителю. Въ случаѣ несогласія его съ постановленіемъ коммисіи, ему предоставляется доставить по оному свои объясненія губернатору въ теченіе мѣсячнаго срока со дня врученія ему упомянутой копіи. 20) Журналъ пропинаціонной коммисіи вмѣстѣ съ дѣломъ, всѣми документами и особыми мнѣніями членовъ, а также заключеніемъ коммисіи по объясненіямъ заявителя, если они поданы въ установленный ст. 19 срокъ, представляется, не позже двухъ недѣль со дня истеченія сего срока, чрезъ генералъ-губернатора, а въ мѣстностяхъ, не подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ, непосредственно, на утвержденіе Министра Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. 21) Жалобы на постановленія Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 20) приносятся въ трехмѣсячный срокъ, со дня объявленія постановленія заявителю, въ Правительствующій Сенатъ, по 1-му департаменту, чрезъ Министерство Финансовъ. 22) По вступленіи въ законную силу постановленій Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 20), вознагражденіе за отмѣну права пропинаціи производится, иии посредствомъ уплаты наличными деньгами, или выдачею четырехпроцентныхъ рентъ, по усмотрѣнію Министра Финансовъ, въ назначенный имъ, Министромъ, срокъ. Въ случаѣ возникновенія спора о правѣ полученія заявителемъ вознагражденія за отмѣну права пропинаціи и вообще, когда это вознагражденіе не можетъ быть ему выдано по законнымъ причинамъ, относительно порядка уплаты онаго примѣняются ст. 589 зак. гражд. (св. зак. т. X ч. 1, по прод. 1895 г.) и ст. 25 постановленія совѣта управленія Царства Польскаго $^6/_{18}$ іюня 1852 г., по принадлежности. 23) На подлежащую выдачѣ сумму вознагражденія за отмѣну права пропинаціи начисляются проценты въ размѣрѣ четырехъ на сто со дня отмѣны упомянутаго права въ каждой губерніи по день уплаты вознагражденія (ст. 22). 24) Прошенія и всякія другія бумаги по дѣламъ объ обмѣнѣ права

пропинаціи и о вознагражденіи за отмѣну сего права, подаваемыя въ присутственныя мѣста и должностнымъ лицамъ, а также выдаваемыя означенными мѣстами и лицами, освобождаются отъ гербоваго сбора. 25) Опредѣленіе времени образованія пропинаціонныхъ коммисій, общее руководство ихъ занятіями, изданіе на сей предметъ инструкцій и разъясненіе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній при разсмотрѣніи дѣлъ объ отмѣнѣ и выкупѣ права пропинаціи предоставляется Министру Финансовъ, по соглашенію, въ подлежащихъ случаяхъ, съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи. Вмѣстѣ съ изданіемъ сихъ правилъ, Министру Финансовъ предоставлено разработать и представить, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія о вознагражденіи за потерю дохода отъ пропинаціи въ сельскихъ мѣстностяхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, вслѣдствіе установленія тамъ казенной продажи питей съ такимъ разсчетомъ, чтобы означенныя предположенія могли получить утвержденіе ко времени введенія упомянутой продажи въ названныхъ губерніяхъ. Въ измѣненіе же и дополненіе подлежащихъ статей положенія о казенной продажѣ питей (прил. I къ ст. 416 (прим. 4) уст. акц. сб., св. зак. т. V по прод. 1895 г.) постановлено, что при открытіи означенныхъ въ ст. 22 и 23 сего положенія заведеній въ чертѣ владѣльческихъ мѣстечекъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской и Бессарабской на земляхъ, находящихся въ вѣчно-чиншевомъ владѣніи, требуется согласіе владѣльцевъ усадебъ, которыя не обязаны испрашивать на то дозволенія собственника земли. Расходы по дѣлопроизводству пропинаціонныхъ коммисій и на выдачу наградъ тѣмъ изъ членовъ сихъ коммисій, дѣятельность которыхъ будетъ способствовать успѣшному окончанію дѣлъ объ отмѣнѣ права пропинаціи, отнесены къ 1896 г. на кредитъ, ассигнованный по ст. 6 § 10 дѣйствующей статьи департамента неокладныхъ сборовъ на непредвидѣнные расходы по казенной продажѣ питей въ восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Въ отноше-

нія же Царства Польскаго Министру Финансовъ точно также предоставлено по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, войти въ соображеніе вопроса о предоставленіи городамъ и посадамъ губерній Царства Польскаго средствъ къ покрытію тѣхъ расходовъ на содержаніе городской администраціи и на общественное благоустройство, которые, до отмѣны права пропинаціи, лежали на обязанности владѣльцевъ сихъ городовъ и посадовъ, и предположенія свои по сему предмету внести на утвержденіе установленнымъ порядкомъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли быть приведены въ дѣйствіе съ 1 января 1898 года.

Весьма важнымъ является также состоявшееся 6 мая 1896 г. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія (собр. узак. и расп. прав. 1896 г. № 78, ст. 846, стр. 2825). А именно, въ видахъ содѣйствію развитію сельскаго хозяйства, разрѣшена времеменно, на три года, выдача ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ: I. *Общія постановленія.* 1) Для выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія образуется особый капиталъ, причисляемый къ спеціальнымъ средствамъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Капиталъ этотъ пополняется: а) процентами роста и погашенія по выданнымъ ссудамъ и б) ежегодными ассигнованіями изъ средствъ государственнаго казначейства 2) Завѣдываніе операціею выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія сосредоточивается въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по отдѣлу сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. 3) Выдача ссудъ разрѣшается Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по предварительномъ обсужденіи дѣла въ совѣтѣ министра, при участіи въ немъ, съ правомъ голоса, представителей отъ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по одному отъ каждаго вѣдомства. Дѣлопроизводство въ совѣтѣ по дѣламъ о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія возлагается на отдѣлъ сельской эко-

номіи и сельско-хозяйственной статистики. 4) Порядокъ производства операціи выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, а также счетоводства и отчетности по оной, опредѣляется инструкціею, утверждаемою министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, а въ отношеніи счетоводства и отчетности и съ государственнымъ контролеромъ. 5) Годовой отчетъ по операціи выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія сообщается министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ государственному контролеру, а затѣмъ съ заключеніемъ послѣдняго представляется ко времени разсмотрѣнія смѣтъ въ Государственный Совѣтъ. 6) Ссуды выдаются: а) на осушительныя, обводнительныя и оросительныя работы, а также на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ и б) на разведеніе плодовыхъ садовъ и виноградниковъ. *Примѣчаніе.* Введеніе операціи выдачи ссудъ на указанныя въ сей статьѣ улучшенія по отдѣльнымъ мѣстностямъ и родамъ сихъ улучшеній разрѣшается министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, а въ случаѣ выдачи ссудъ земствамъ или чрезъ посредство земскихъ учрежденій и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. О распоряженіяхъ своихъ по сему предмету, а равно и по предметамъ, упомянутымъ въ ст. 13, прим. къ ст. 17 и ст. 22 министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ представляетъ Правительствующему Сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе. 7) Ссуды выдаются лишь при условіи предварительнаго выясненія производительности предположенной затраты и надзора за употребленіемъ ссуды согласно назначенію. 8) Если предпринимаемое заемщикомъ улучшеніе представляетъ значеніе для цѣлой мѣстности, или если производствомъ работъ на частныхъ земляхъ можетъ быть облегчено или удешевлено выполненіемъ такихъ же работъ на сосѣднихъ казенныхъ земляхъ, то министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставляется относить часть стоимости работъ на отпускаемые въ распоряженіе министерства спеціальные кредиты (на осушеніе, оро-

шеніе и т. п.). 9) Выполненіе работъ по улучшеніямъ, указаннымъ въ п. *а* ст. 6, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такія же работы производятся на казенныхъ земляхъ, можетъ, по ходатайствамъ заемщиковъ быть производимо министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, чрезъ спеціальныя экспедиціи и состоящихъ въ его вѣдомствѣ техниковъ. Въ этомъ случаѣ расходы на техническій надзоръ за производствомъ работъ относятся на кредиты, отпускаемые въ распоряженіе министерства, расходы же по составленію плана и смѣты работъ по предпринимаемому улучшенію относятся на счетъ заемщика. 10) Ссуды выдаются: а) земствамъ, для производства указанныхъ въ п. *а* ст. 6 улучшеній, имѣющихъ значеніе для цѣлой губерніи или уѣзда; б) отдѣльнымъ землевладѣльцамъ, и в) сельскимъ обществамъ. 11) Ссуды земствамъ (п. *а* ст. 10) выдаются въ размѣрѣ и на условіяхъ, опредѣляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по взаимному соглашенію министровъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. 12) Ссуды отдѣльнымъ землевладѣльцамъ и сельскимъ обществамъ (п.п. *б* и *в* ст. 10) выдаются или непосредственно съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, или чрезъ посредство земскихъ учрежденій. II. *О ссудахъ, выдаваемыхъ непосредственно съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ.* 13) Ссуды выдаются на сроки, наибольшая продолжительность коихъ, не свыше двадцати лѣтъ, опредѣляется для каждаго рода улучшеній министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, и въ размѣрѣ, не превышающемъ трехъ четвертей стоимости улучшенія. 14) По выданнымъ ссудамъ заемщики уплачиваютъ за истекшее время четыре процента роста и погашенія, соразмѣрное сроку ссуды. 15) Ссуда можетъ быть обезпечена имѣніемъ, въ коемъ вводится улучшеніе, а также другимъ недвижимымъ имуществомъ (землями и строеніями) или процентными бумагами, принимаемыми въ обезпеченіе исправности казенныхъ подрядовъ и поставокъ (ст. 44 и 77 пол.

каз. подр. и пост., св. зак. т. X ч. 1, изд. 1887 г. и по прод. 1895 г.). Недвижимыя имущества, не могущія приносить дохода, въ залогъ не принимаются. По ссудамъ на улучшенія указанныя въ п. *б* ст. 6, недвижимое имущество принимается въ обезпеченіе ссуды лишь въ размѣрѣ не свыше семидесяти пяти процентовъ его стоимости. *Примѣчаніе 1.* Стоимость представляемаго въ обезпеченіе недвижимаго имущества опредѣляется на основаніи нормальныхъ и спеціальныхъ оцѣнокъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, крестьянскаго поземельнаго банка и другихъ кредитныхъ учрежденій, оцѣнокъ для безмезднаго перехода имуществъ и вообще на основаніи имѣющихся о семъ имуществѣ свѣдѣній. *Примѣчаніе 2.* Принятыя въ залогъ строенія должны быть страхуемы заемщикомъ въ суммѣ не ниже оцѣнки. Въ случаѣ пожара, страховое вознагражденіе обращается въ уплату долга по ссудѣ или выдается заемщику, сразу или по частямъ, если онъ обяжется употребить его на возобновленіе сгорѣвшихъ строеній. 16) Ссуды, выдаваемыя сельскимъ обществамъ, обезпечиваются или принадлежащею обществамъ землею внѣ крестьянскаго надѣла, или же мирскимъ приговоромъ о взаимномъ другъ за друга ручательствѣ членовъ общества. 17) Желающій получить ссуду подаетъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ заявленіе съ приложеніемъ: а) описанія имѣнія, въ которомъ предполагается производство улучшенія, и существующаго въ этомъ имѣніи хозяйства; б) описанія предпринимаемаго улучшенія съ означеніемъ срока, на который ссуда испрашивается, и времени, въ теченіе коего улучшеніе можетъ быть осуществлено; в) плана и смѣты предположенныхъ работъ; г) свѣдѣній о запрещеніяхъ, лежащихъ на представляемомъ въ обезпеченіе ссуды имуществѣ, а равно о размѣрѣ ежегодныхъ, слѣдующихъ съ онаго, платежей; д) копій дѣйствующихъ контрактовъ по сдачѣ сего имущества въ аренду; е) копіи оцѣночной описи имущества или спеціальной оцѣнки (если оно заложено въ кредитномъ учрежденіи по такой оцѣнкѣ) и вообще документовъ, потребныхъ для опредѣленія стоимости

имущества, и ж) въ случаѣ обезпеченія испрашиваемой ссуды процентными бумагами, означенія рода и суммы сихъ бумагъ. *Примѣчаніе.* По ходатайству желающаго получить ссуду, означенные въ п. *в* сей статьѣ планъ и смѣта работъ составляются чинами министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, за плату по таксѣ, установляемой министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. 18) Въ случаѣ необходимости, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ можетъ произвести осмотръ на мѣстѣ чрезъ своихъ чиновъ или спеціалистовъ для выясненія производительности затраты на улучшеніе, а также распорядиться повѣркою на мѣстѣ или пересоставленіемъ плана работъ. Потребные для сего рабочіе доставляются желающимъ получить ссуду или нанимаются на его счетъ. 19) По признаніи ходатайства о выдачѣ ссуды уважительнымъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ объявляетъ желающему получить ссуды: а) размѣръ ссуды, въ зависимости отъ стоимости предположеннаго улучшенія; б) послѣдовательность выполненія плана работъ и сроки выдачи ссуды, въ зависимости отъ выполненія сего плана; в) размѣръ и способъ участія заемщика въ расходахъ на производство улучшенія; г) срокъ ссуды, установляемый сообразно съ особенностями и свойствами улучшенія и мѣстными условіями, въ предѣлахъ, указанныхъ въ ст. 13; д) время, съ коего должно начаться теченіе срочныхъ платежей, и е) размѣръ годовыхъ платежей по ссудѣ и сроки ихъ взноса. 20) Желающій воспользоваться ссудою на установленныхъ условіяхъ (ст. 19) долженъ представить: а) залоговое свидѣтельство на имущество, поступающее въ обезпеченіе ссуды; б) залоговую подписку по установляемой министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ формѣ; в) сумму, необходимую для наложенія на имущество, поступающее въ обезпеченіе ссуды, запрещенія и снятія его; г) доказательства застрахованія строеній, входящихъ въ оцѣнку означеннаго имущества, и д) процентныя бумаги, буде заемщикъ желаетъ обезпечить оными ссуду, согласно ст. 15. Въ случаѣ, указанномъ въ

ст. 16, представляется мірской приговоръ, составленный порядкомъ, указаннымъ въ п.п. 3 и 4 ст. 29 и прим. къ ст. 30 уст. оброчн. (св. зак. т. VIII ч. 1, изд. 1893 г.). 21) По разрѣшеніи выдачи ссуды, на обезпечивающее оную недвижимое имущество налагается запрещеніе въ размѣрѣ разрѣшенной къ выдачѣ суммы, а представленныя въ закладъ процентныя бумаги отдаются на храненіе въ мѣстныя казначейства или учрежденія государственнаго банка на счетъ заемщика. 22) Заемщики обязаны вносить платежи по ссудамъ въ мѣстныя казначейства въ сроки, установляемыя министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ сообразно съ мѣстными условіями. 23) Если по утвержденному плану работъ производство улучшенія разсчитано болѣе чѣмъ на одинъ годъ, то взносъ платежей по ссудѣ начинается съ окончанія работъ, причемъ съ этого времени исчисляется и срокъ ссуды (ст. 13). Проценты роста за время до окончанія работъ причисляются къ капитальному долгу. 24) Платежи не внесенные заемщикомъ въ установленные сроки, считаются въ недоимкѣ, и по нимъ взыскивается пеня: въ первые шесть мѣсяцевъ по ½%, а въ послѣдующія—по 1% за каждый просроченный мѣсяцъ. 25) Если недоимка не будетъ пополнена въ теченіе одного года, то министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ распоряжается о взысканіи долга по ссудѣ съ процентами, пенями и произведенными за счетъ заемщика расходами. 26) Взысканіе долга (ст. 25) производится посредствомъ продажи обезпечивающаго ссуду недвижимаго имущества съ публичнаго торга по правиламъ, установленнымъ для государственнаго дворянскаго земельнаго банка (прил. къ ст. 68 разд. VI уст. кред., св. зак. т. XI ч. 2, изд. 1893 г.) или крестьянскаго поземельнаго банка (прил. къ ст. 95 выс. утв., 27 ноября 1895 г., уст. крест. поз. банка), или посредствомъ продажи представленныхъ въ закладъ процентныхъ бумагъ чрезъ биржеваго маклера или мѣстное учрежденіе государственнаго банка, а если ссуда обезпечена взаимнымъ другъ за друга ручательствомъ членовъ сельскаго общества согласно

ст. 425 и 427 пол. о взыск. гражд. (св. зак. т. XVI, ч. 2, изд. 1892 г.). 27) Если недоимка образовалась вслѣдствіе неурожая, падежа скота, градобитія и другихъ тому подобныхъ бѣдствій, засвидѣтельствованныхъ чинами министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, земскимъ начальникомъ или полиціею, то, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, пеня можетъ быть сложена и уплата недоимки отсрочена на годъ или разсрочена на три года. 28) Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ наблюдаетъ за выполненіемъ принятыхъ на себя заемщикомъ обязательствъ при содѣйствіи лицъ, указанныхъ въ ст. 18. Въ случаѣ замѣченнаго промедленія въ ходѣ работъ, неправильностей въ ихъ производствѣ, несогласія съ утвержденнымъ планомъ, недоброкачественности матеріаловъ, неисправности въ ремонтѣ и т. п., упомянутыя лица даютъ заемщику надлежащія указанія, при неисполненіи коихъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ можетъ сдѣлать распоряженіе о производствѣ потребныхъ исправленій на счетъ заемщика или о прекращеніи дальнѣйшаго отпуска ссуды. Вызванный такимъ распоряженіемъ расходъ вносится въ ближайшій окладъ причитающихся съ заемщика платежей. 29) Если неисполненіе принятыхъ заемщикомъ на себя обязательствъ произошло по обстоятельствамъ, отъ воли его независящимъ, то возвратъ произведеннаго за его счетъ расхода (ст. 28) можетъ быть, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, разсроченъ на нѣсколько лѣтъ, безъ начисленія процентовъ. Если же эти обязательства были неисполнены по винѣ заемщика и отъ сихъ упущеній можетъ послѣдовать уничтоженіе самаго улучшенія, то отъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ зависитъ предъявить требованіе о возвратѣ ссуды до срока, съ начисленіемъ процентовъ за время пользованія ссудою (ст. 14). 30) Если произведенныя работы оказались недостигшими цѣли по причинамъ, отъ воли заемщика независящимъ, то послѣдній, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, можетъ быть освобожденъ отъ обязан-

ности поддерживать улучшеніе, но съ него не снимается обязательство взноса срочныхъ платежей по ссудѣ въ установленные сроки до полнаго его погашенія. 31) Имѣніе, въ коемъ вводится улучшеніе, можетъ быть отчуждено съ переводомъ долга по ссудѣ, вполнѣ или частью, на новаго пріобрѣтателя, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. III. *О ссудахъ, выдаваемыхъ чрезъ посредство земскихъ учрежденій.* 32) Ходатайство земскихъ собраній объ отпускѣ суммъ изъ капитала, означеннаго въ ст. 1, для выдачи, чрезъ посредство земскихъ учрежденій, ссудъ на сельскохозяйственныя улучшенія отдѣльнымъ землевладѣльцамъ или сельскимъ обществамъ разрѣшаются по взаимному соглашенію министровъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, съ указаніемъ при томъ условій отвѣтственности земствъ за отпущенныя суммы. 33) Земскія управы при выдачѣ упомянутыхъ въ предъидущей (32) статьѣ ссудъ руководствуются одобреннымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемымъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, планомъ дѣйствій, въ коемъ въ точности указываются: а) родъ улучшеній, для коихъ выдаются ссуды (ст. 6); б) высшіе размѣры и сроки ссудъ, въ предѣлахъ, указанныхъ въ ст. 13; в) порядокъ надзора за выполненіемъ принятыхъ заемщиками на себя обязательствъ; г) порядокъ счетоводства и отчетности по выданнымъ ссудамъ, и д) условія, при коихъ ссуда можетъ выдаваться на руки заемщику. *Примѣчаніе.* При обсужденіи сего плана въ земскомъ собраніи присутствуетъ представитель министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. 34) Относительно способовъ и порядка обезпеченія ссудъ и мѣръ взысканія недоимокъ по онымъ примѣняются правила, установленныя для ссудъ, выдаваемыхъ непосредственно съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ ст. 15, 16, 20, 21, 24—27 и 31. 35) Земскія управы представляютъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ отчеты и свѣдѣнія по выданнымъ ссудамъ.—Не-

зависимо отъ сего постановлено, что прошенія и другія бумаги, означенныя въ п. 1 ст. 8 уст. пошл. (св. зак. т. V, изд. 1883 г.), а также разрѣшительныя бумаги по дѣламъ о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія (отд. I), освобождается отъ платежа гербоваго сбора. Залоговыя же подписки, представляемыя для полученія означенныхъ ссудъ, оплачиваются простымъ гербовымъ сборомъ въ восемьдесятъ копѣекъ за каждый листъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ внесенный къ условному отпуску въ § 21 дѣйствующей смѣты департамента земледѣлія съ отдѣлами сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики и земельныхъ улучшеній, кредитъ пятьсотъ тысячъ рублей на выдачу ссудъ на сельскохозяйственныя улучшенія разрѣшено расходовать по назначенію. При этомъ временно, на три года, учреждены въ составѣ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ двѣ новыя должности помощника дѣлопроизводителя, съ правами и преимуществами, присвоенными такимъ же должностямъ по Высочайше утвержденному, 21 марта 1894 г., штату министерства (собр. узак. и расп. прав. 1894 г. № 44, ст. 356), и одну должность бухгалтера, съ присвоеніемъ ей оклада содержанія въ 2400 руб. въ годъ (въ томъ числѣ 1280 руб. жалованья, 640 руб. столовыхъ и 480 руб. квартирныхъ), VII класса по чинопроизводству, VII разряда по шитью на мундирѣ и IV разряда по пенсіи, а одному изъ старшихъ дѣлопроизводителей названнаго отдѣла назначено за завѣдываніе дѣлами по выдачѣ ссудъ на сельскохозяйственныя улучшенія, добавочное жалованье въ размѣрѣ 600 р. въ годъ. Вызываемый этими мѣрами новый расходъ, въ количествѣ пяти тысячъ восьмисотъ рублей въ годъ, вносится, начиная съ 1897 г., въ подлежащія подраздѣленія смѣты департамента земледѣлія; въ текущемъ же году расходъ этотъ, а равно издержки на командировки и дѣлопроизводство по дѣламъ о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, отнесены на вышеупомянутый кредитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министру земледѣлія и государ-

ственныхъ имуществъ предоставлено: 1) входить ежегодно ко времени разсмотрѣнія смѣтъ съ представленіями въ Государственный Совѣтъ о размѣрѣ кредитовъ, потребныхъ на пополненіе указаннаго въ ст. 1 отд. I капитала, а также на командировки, дѣлопроизводство и другіе расходы по дѣламъ о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія; 2) подвергнуть соображенію вопросъ о томъ, на какія сельскохозяйственныя улучшенія, кромѣ указанныхъ въ ст. 6 отд. I, представлялось бы полезнымъ и удобнымъ выдавать ссуды и на какихъ именно основаніяхъ, и предположенія свои по сему предмету, по надлежащемъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношеніи, внести на утвержденіе установленнымъ порядкомъ, и 3) ко времени истеченія трехлѣтняго срока дѣйствія постановленныхъ въ отд. I правилъ войти съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ о дальнѣйшемъ сохраненіи ихъ въ силѣ и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя окажутся въ оныхъ необходимыми сообразно указаніямъ опыта.

ХРОНИКА ГРАЖДАНСКАГО СУДА.

1) Условія сохраненія законной силы заочнаго рѣшенія, по 735 ст. уст. гражд. суд.; 2) о допустимости свидѣтельскихъ показаній въ разъясненіе письменныхъ договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ; 3) погасительная давность по спорамъ о законности рожденія (ст. 1350—1351 уст. гражд. суд.).

I. Требуется ли по ст. 735 уст. гражд. суд., для сохраненія силы заочнаго рѣшенія долѣе трехъ лѣтъ, только такая просьба истца объ исполненіи рѣшенія, которая выражаетъ приступъ съ его стороны къ дѣйствительному исполненію заочнаго рѣшенія, или же требуется закономъ еще и полученіе отвѣтчикомъ извѣщенія объ этомъ,—повѣстки объ исполненіи? Вопросъ этотъ подробно обсуждался Правительствующимъ Сенатомъ, по разъясненію котораго буквальный смыслъ ст. 735 уст. гражд. суд. не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что закономъ требуется только, чтобы „истецъ просилъ объ исполненіи заочнаго рѣшенія", для сохраненія силы заочнаго рѣшенія и долѣе трехъ лѣтъ; ни о какихъ другихъ дополнительныхъ къ этому условіяхъ ни ст. 735, ни другія статьи уст. гражд. суд. не упоминаютъ. Если бы и признать, что въ ст. 735 уст. гражд. суд., какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, недостаточно ясно опредѣлено, что именно законъ подразумѣваетъ подъ „просьбою истца объ исполненіи заочнаго рѣшенія" и когда, при какихъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ признать такую просьбу заявленною въ надлежащемъ порядкѣ и достаточно оформленною, то при сопоста-

вленіи ст. 735 съ тѣми статьями уст. гражд. суд., въ которыхъ опредѣляется порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній, а въ числѣ ихъ и заочныхъ, съ несомнѣнностью выясняется, что, въ виду возложенія всѣхъ дѣйствій по исполненію рѣшеній на судебныхъ приставовъ того судебнаго округа, въ коемъ дѣйствія сіи должны быть совершены (ст. 937 уст. гражд. суд.), и въ виду указаннаго въ ст. 926, 938 и 939 уст. гражд. суд. порядка исходатайствованія взыскателемъ исполнительнаго листа и передачи его судебному приставу, подъ указанною въ ст. 735 уст. гражд. суд. просьбою истца объ исполненіи заочнаго рѣшенія слѣдуетъ понимать просьбу истца о выдачѣ ему судомъ исполнительнаго листа, просьбу истца о назначеніи предсѣдателемъ суда судебнаго пристава и передачу исполнительнаго листа судебному приставу, назначенному для исполненія. Только съ передачею исполнительнаго листа судебному приставу, назначенному для приведенія изложенаго въ исполнительномъ листѣ рѣшенія въ исполненіе, можно, съ точки зрѣнія закона, считать заявленіе просьбы объ исполненіи рѣшенія законченнымъ. Засимъ уже отъ судебнаго пристава зависитъ, приступая къ исполненію рѣшенія (ст. 942), сообщить отвѣтчику лично или по мѣсту его пребыванія (ст. 942 и 942[1]) повѣстку объ исполненіи; въ этомъ дѣйствіи судебнаго пристава взыскатель не участвуетъ, и оно составляетъ уже послѣдствіе просьбы его объ исполненіи рѣшенія. Такимъ образомъ въ порядкѣ общаго понудительнаго способа исполненія рѣшенія, слѣдуетъ поставленный выше вопросъ разрѣшить въ томъ смыслѣ, что, *по ст. 735 уст. гражд. суд., для сохраненія силы заочнаго рѣшенія долѣе трехъ лѣтъ требуется такая просьба объ исполненіи этого рѣшенія, которая заканчивается передачею отъ взыскателя исполнительнаго листа по этому рѣшенію судебному приставу для производства взысканія, но не требуется еще и врученіе судебнымъ приставомъ отвѣтчику повѣстки объ исполненіи, отъ взыскателя независящее.* Такое толкованіе ст. 735 уст. гражд. суд. подтверждается и разъясненіями Правительствующаго Сената, по граждан-

скому кассаціоному департаменту, сдѣланными по нѣкоторымъ дѣламъ, гдѣ уже возникали сомнѣнія при примѣненіи сего закона. Такъ изъ рѣшенія гражд. касс. деп. 1880 г. за № 298 видно разъясненіе Правительствующаго Сената, что „одно заявленіе желанія о приведеніи рѣшенія въ исполненіе, выраженное въ просьбѣ о выдачѣ исполнительнаго листа и назначеніи судебнаго пристава, не удовлетворяетъ требованію ст. 735 уст. гражд. суд.; въ силу этого закона необходимо, чтобы просьба объ исполненіи рѣшенія была заявлена въ установленномъ на то порядкѣ, т. е. съ указаніемъ всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ дѣлается возможнымъ исполненіе,— что дѣлается лишь у судебнаго пристава“, въ томъ же рѣшеніи Правительствующаго Сената установлено, что по ст. 735 уст. гражд. суд., „всякое заочное рѣшеніе, т. е. и состоявшееся въ отношеніи отвѣтчика, коего мѣстожительство неизвѣстно, теряетъ силу, буде объ исполненіи онаго истецъ не просилъ въ теченіи трехъ лѣтъ, т. е. не передалъ полученнаго исполнительнаго листа судебному приставу“, при этомъ Правительствующій Сенатъ, въ данномъ рѣшеніи, ничего не говоритъ о необходимости извѣщенія отвѣтчика повѣсткою объ исполненіи. Тотъ же взглядъ на ст. 735 уст. гражд. суд. высказанъ и въ рѣшеніи гражд. касс. деп. 1883 г. № 129. Приведенное въ разъясненіе истиннаго значенія ст. 735 уст. гражд. суд. нисколько не ослабляется соображеніями, приведенными въ рѣшеніяхъ гражд. касс. деп. 1885 г. №№ 21 и 80 и 1886 г. № 10. Всѣ эти три рѣшенія имѣли въ виду особенные случаи, къ которымъ ст. 735 уст. гражд. суд. прямаго примѣненія не имѣла. Въ первомъ изъ этихъ трехъ рѣшеній (1885 г. № 21) Правительствующій Сенатъ, подтверждая прежнее указаніе на значеніе ст. 735 уст. гражд. суд., разъяснилъ, что обращеніе истца съ полученнымъ отъ суда исполнительнымъ листомъ къ судебному пристававу составляетъ необходимое условіе, для сохраненія заочнымъ рѣшеніемъ силы долѣе трехъ лѣтъ только въ случаѣ надобности въ *понудительномъ* исполненіи заочнаго рѣшенія; „что же касается *добровольнаго* удовлетворенія произ-

веденнаго отвѣтчикомъ по предъявленному ему взыскателемъ исполнительному листу, то такое удовлетвореніе само по себѣ уже указываетъ на то, что отвѣтчикъ былъ поставленъ въ извѣстность о состоявшемся противъ него заочномъ рѣшеніи, а потому нѣтъ основанія признавать заочное рѣшеніе, въ силу ст. 735, недѣйствительнымъ потому только, что взыскатель въ теченіи трехъ лѣтъ не обращался къ судебному приставу съ просьбою объ исполненіи рѣшенія, сила коего достаточно ограждается уже добровольнымъ, хотя и частичнымъ исполненіемъ его самимъ отвѣтчикомъ". Въ рѣшеніи гражд. касс. деп. 1885 г. № 80 разсматривался вопросъ о томъ: надпись, сдѣланная судебнымъ приставомъ на исполнительномъ листѣ, что онъ былъ представленъ для обращенія взысканія на имущество должника и возвращенъ обратно взыскателю потому, что мѣстожительство отвѣтчика не розыскано, прерываетъ ли теченіе общаго давностнаго срока погашающаго силу судебнаго рѣшенія, вслѣдствіе необращенія его къ исполненію въ теченіе десяти лѣтъ? Правительствующій Сенатъ помимо ст. 735 уст. гражд. суд., разрѣшилъ этотъ вопросъ на основаніи ст. 9 уст. гражд. суд. и общаго смысла законовъ о состязательномъ судопроизводствѣ и разъяснилъ, что одно представленіе взыскателемъ исполнительнаго листа судебному приставу для обращенія взысканія на отвѣтчика, съ указаніемъ его жительства, должно быть признано именно такимъ дѣйствіемъ, которое прерываетъ земскую давность; и въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть никакого значенія то обстоятельство, что отвѣтчика въ указанномъ мѣстѣ жительства не оказалось. Однако, при этомъ Правительствующій Сенатъ объяснилъ, что къ разбираемому имъ вопросу ст. 735 уст. гражд. суд., имѣющая въ виду исполненіе заочныхъ рѣшеній, отношенія не имѣетъ. Въ рѣшеніи 1886 г. № 10 признано, что представленіе взыскателемъ исполнительнаго листа по заочному рѣшенію, помимо судебнаго пристава, въ опекунское управленіе, учрежденное для завѣдыванія всѣми имущественными дѣлами должника и передача за тѣмъ исполнительнаго листа должнику, который представилъ его въ учрежденное по его

дѣламъ послѣ того конкурсное управленіе—не могутъ не быть признаны дѣйствіями, согласно ст. 735 уст. гражд. суд., ограждающими силу заочнаго рѣшенія. Если въ послѣдне-приведенныхъ трехъ рѣшеніяхъ и имѣются указанія на то, что ст. 735 имѣетъ также цѣлью и постановленіе отвѣтчика въ извѣстность о состоявшемся заочномъ рѣшеніи, то эти указанія вызывались дѣйствовавшими въ то время законами объ объявленіи заочныхъ рѣшеній; нынѣ же послѣ изданія закона 12 іюля 1890 г., вошедшаго въ уст. гражд. суд. изд. 1892 г., указанія эти, насколько они касаются ст. 735 уст. гражд. суд. не имѣютъ значенія (рѣш. гражд. касс. деп. 1896 г. № 59).

II. Въ одномъ изъ послѣднихъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената разсматривался весьма важный въ практическомъ отношеніи вопросъ о допустимости свидѣтельскихъ показаній въ разъясненіе письменныхъ договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ. Обстоятельства дѣла, по которому послѣдовало означенное разъясненіе, заключаются въ слѣдующемъ: по договору 19 января 1882 г., явленному 20 того же января у нотаріуса, помѣщикъ Владиславъ Гутовскій отдалъ Ивану Григоровичу и Адаму Бобровскому въ арендное содержаніе 43 дес. земли, въ возвращенной Гутовскому отъ казны Войшторганской пущѣ, въ застѣнкѣ „Свирнялы“, срокомъ на 24 года, съ платою по 25 руб. въ годъ; за первый годъ аренда уплачена при подписаніи договора, а за слѣдующіе годы она должна вноситься ежегодно 23 апрѣля, за годъ впередъ. Изъ подписи на договорѣ, засвидѣтельствованной нотаріусомъ 20 января 1882 г., видно, что за всѣ 23 года арендная сумма 575 руб. Гутовскимъ съ арендаторовъ получена. Въ февралѣ 1887 г. земля въ урочищѣ Войшторганы, вслѣдствіе указа Правительствующаго Сената, была отобрана отъ Гутовскаго и передана казнѣ. 18 марта 1887 г. Виленско-Ковенское управленіе государственными имуществами объявило Григоровичу и Бобровскому, что оно сдѣлку ихъ съ Гутовскимъ отрицаетъ и не принимаетъ къ исполненію. 28 апрѣля 1887 г. Бобровскій съ 3-мъ Троксимъ лѣсничимъ Алексѣевымъ заключилъ условіе о

взятіи въ аренду на 1887 г. 22 дес. 300 кв. саж. изъ земли, отошедшей въ казну отъ Гутовскаго; за пользованіе землей, безъ права производить на ней озимый посѣвъ въ 1887 году, Бобровскій тогда же уплатилъ 18 руб. 90 коп. Условіе это подписано Бобровскимъ и лѣсничимъ Алексѣевымъ. Того же 28 апрѣля и такого же содержанія заключили съ лѣсничимъ и подписали арендное условіе Иванъ Григоровичъ и братья его: Викентій, Францъ, Александръ и Антонъ. 4 апрѣля 1891 года Иванъ Григоровичъ и Адамъ Бобровскій предъявили въ Виленскомъ окружномъ судѣ искъ къ Виленско-Ковенскому управленію государственными имуществами за то, что оно арендованную ими по условію съ Гутовскимъ землю, на торгахъ 15 октября 1890 г., отдало Бонашкевичу и, считая договоръ свой съ Гутовскимъ отъ 19 января 1882 г. обязательнымъ для казны, просили судъ признать за ними право на арендное содержаніе 43 дес. въ застѣнкѣ Свирнялы, по договору съ Гутовскимъ, срокомъ по 23 апрѣля 1906 года, а произведенные управленіемъ государственными имуществами торги признать недѣйствительными. Отвѣтчикъ противъ иска возражалъ, что истцы не могутъ требовать исполненія казной договора ихъ съ Гутовскимъ, ибо таковой, на основаніи 1547 ст. 1 ч. X т., потерялъ силу и дѣйствіе вслѣдствіе того, что истцы отступились отъ этого договора въ цѣломъ его составѣ и дальнѣйшее пользованіе участкомъ земли происходило на основаніи особыхъ условій и соглашеній съ управленіемъ государственными имуществами; что договоръ истцовъ съ Гутовскимъ заключенъ съ цѣлію обезцѣненія имѣнія, въ подтвержденіе чего ссылался на экспертизу. А такъ какъ истцы продолжали пользоваться землей, то отвѣтчикъ предъявилъ къ нимъ встрѣчный искъ объ отобраніи отъ нихъ земли, о сносѣ съ нея ихъ построекъ и о взысканіи убытковъ за провладѣніе. Истцы въ возраженіи и въ апелляціонной жалобѣ указывали на то, что договоръ, заключенный ими съ Гутовскимъ, владѣвшимъ землей безспорно и добросовѣстно, удовлетворялъ требованію 1691 ст. 1 ч. X т.; что отъ своихъ правъ по этому договору они не отказыва-

лись, ибо отказъ долженъ былъ быть выраженъ участвовавшими въ договорѣ лицами точно и опредѣленно въ письменной формѣ. Условіе съ лѣсничимъ на 1887 г., не отмѣняя прежняго договора, заключено было во избѣжаніе насилія со стороны лѣсной стражи и изъ опасенія потерять состояніе и урожай; это условіе истцы согласились подписать лишь вслѣдствіе объясненій лѣсничаго, что этимъ они обязываются только вносить арендную плату не Гутовскому, а въ депозитъ управленія государственными имуществами, въ подтвержденіе чего сослались на свидѣтелей, почему въ сдѣлкѣ съ лѣсничимъ не было съ ихъ стороны доброй воли и 1547 ст. 1 ч. X т. къ ней непримѣнима. Кромѣ того просители заявляли палатѣ ходатайство о пріостановленіи сего дѣла по 2 п. 571 ст. уст. гражд. суд., въ виду производящагося дѣла о размежеваніи Войштортанской пущи по спору между казной и Гутовскимъ. Виленская *судебная палата*, сообразивъ словесный смыслъ условій отъ 28 апрѣля 1887 г. съ основаніями, вызвавшими ихъ совершеніе, пришла къ заключенію, что условія тѣ имѣли цѣлію замѣнить прежде существовавшій арендный договоръ отъ 19 января 1882 г., который, вслѣдствіе такой замѣны, долженъ считаться прекращеннымъ; что одностороннее или обоюдное отреченіе отъ правъ по договору, по смыслу 1545 и 1547 ст. 1 ч. X т., могло быть выражено не только подписью на договорѣ, но всякими иными способами, въ томъ числѣ совершеніемъ особаго акта и замѣною прежняго договора новымъ; что ходатайство истцовъ о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что условія ихъ съ лѣсничимъ не были результатомъ свободнаго ихъ согласія, за силою 409 ст. уст. гражд. суд., не можетъ быть уважено, ибо свидѣтельскія показанія, въ разъясненіе письменныхъ договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, не допускаются, что дѣло о размежеваніи тѣсной связи съ настоящимъ дѣломъ не имѣетъ. Почему судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда объ отказѣ въ первоначальномъ искѣ и объ удовлетвореніи встрѣчнаго иска. Въ *кассаціонной жалобѣ* истцы указывали на на-

рушеніе судебною палатою: а) 1539 ст. 1 ч. X т. при истолкованіи смысла заключенныхъ ими съ лѣсничимъ условій не по намѣренію и доброй совѣсти и въ явное съ ними противорѣчіе; б) 409 и 410 ст. уст. гражд. суд., по силѣ коихъ могутъ быть разъясняемы свидѣтельскими показаніями обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія совершеніе домашнихъ договоровъ, къ числу коихъ относятся условія ихъ съ лѣсничимъ, и в) 2 пун. 571 ст. уст. гражд. суд. къ отношеніи непріостановленія дѣла. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, правительствующій сенатъ (1896 г. № 63) призналъ неуважительнымъ указаніе просителей на отказъ палаты въ пріостановленіи дѣла и на нарушеніе симъ 2 п. 571 ст. уст. гражд. суд., ибо палата, на основаніи обстоятельствъ настоящаго дѣла, установила, что оно не имѣетъ тѣсной связи съ дѣломъ о размежеваніи Войшторганской пущи между казною и Гутовскимъ. Этотъ выводъ палаты, какъ относящійся къ существу дѣла, кассаціонной повѣркѣ не подлежитъ (ст. 5 учр. суд. уст.). Обращаясь къ обсужденію указанія просителей на устраненіе судебною палатою ссылки ихъ на свидѣтельскія показанія, правительствующій сенатъ нашелъ, что заключеніе свое по сему предмету палата основала на томъ, что, по силѣ 409 ст. уст. гражд. суд., свидѣтельскія показанія въ разъясненіе письменныхъ договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ не допускаются. Такое заключеніе не можетъ быть признано правильнымъ. По точному и совокупному смыслу 409 и 410 ст. уст. гражд. суд. и по многочисленнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената (рѣш. 1867 г. №№ 122, 124, 1876 г. № 572, 1884 г. № 15, 1888 г. № 97 и др.), свидѣтельскія показанія не допускаются лишь въ опроверженіе содержанія актовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ. Что касается домашнихъ актовъ всякаго рода, то обстоятельства, предшествовавшія имъ и сопровождавшія ихъ совершеніе, а равно несоотвѣтствіе содержанія домашнихъ актовъ дѣйствительности, могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями. По настоящему дѣлу просители ссыла-

лись на свидѣтелей, въ разъясненіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе ими 28 апрѣля 1887 г. съ лѣсничимъ условій и причины, послужившей поводомъ для ихъ совершенія. Такимъ образомъ допустимость или недопустимость въ данномъ случаѣ свидѣтельскихъ показаній зависѣла не отъ того, что условія имѣли своимъ предметомъ наемъ недвижимаго имѣнія, а отъ порядка ихъ совершенія, т. е. слѣдуетъ ли означенныя условія считать актами, совершенными установленнымъ порядкомъ, или актами домашними. Подъ упоминаемыми въ 410 ст. документами, совершенными или засвидѣтельствованными установленнымъ порядкомъ, разумѣются акты, явленные у нотаріусовъ и записанные въ нотаріальныя книги; акты же, вовсе неявленные или имѣющіе на себѣ засвидѣтельствованіе нотаріусомъ только подлинности подписи лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ, считаются актами домашними (рѣш. 1874 г. № 662 и 1875 г. № 993 и др.). Таково общее правило. Что касается, въ частности, заключенія договоровъ на отдачу въ содержаніе казенныхъ имѣній, то оно, согласно 1709 ст. 1 ч. X т., производится, на основаніи особыхъ правилъ, изложенныхъ въ 1 ч. VIII т. уст. оброчн. (изд. 1893 г.). По силѣ 18 и 51 ст. сего устава, казенныя имѣнія отдаются въ содержаніе съ торговъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ положеніи о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (прил. къ 1 ч. X т.); а при неуспѣшности торговъ остаются въ хозяйственномъ управленіи казны посредствомъ одного изъ подвѣдомственныхъ управленію государственными имуществами чиновъ. По ст. 127, 133 и 134 о каз. подр. и пост., заключаемые казною договоры подписываются обѣими договаривающимися сторонами, разумѣя со стороны казны перваго члена или начальника мѣста, заключающаго договоръ; а если договоръ заключается не цѣлымъ присутственнымъ мѣстомъ, а коммисіонеромъ, то онъ предъявляется къ засвидѣтельствованію установленнымъ порядкомъ. По ст. 180 и 181, дозволяется вмѣсто контрактовъ брать подписки, которымъ законъ придаетъ значеніе договоровъ въ томъ случаѣ, когда онѣ даны на торгахъ, или вслѣд-

ствіе торговъ (ст. 114 и 115), или когда подписка дана безъ торговъ, на различныя мелочныя надобности, съ условіемъ явки этой послѣдней подписки, гдѣ слѣдуетъ. Такимъ образомъ и по этимъ спеціальнымъ правиламъ могутъ считаться совершенными установленнымъ порядкомъ и нетребующими нотаріальной явки договоры, заключенные отъ имени цѣлаго присутственнаго мѣста и подписанные начальникомъ или главнымъ членомъ онаго, а также подписки, взятыя сими мѣстами отъ контрагентовъ. Если же договоры совершаются или подписки берутся не цѣлымъ присутственнымъ мѣстомъ, а коммисіонеромъ онаго или однимъ изъ должностныхъ лицъ, подвѣдомыхъ присутственному мѣсту, не состоящимъ его представителемъ и не имѣющимъ особаго на то уполномочія, то таковые акты требуютъ нотаріальнаго засвидѣтельствованія, въ противномъ случаѣ должны считаться актами домашними. Изъ настоящаго дѣла видно, что условія, заключенныя Бобровскимъ и Григоровичемъ 28 апрѣля 1887 г. съ третьимъ Трокскимъ лѣсничимъ на аренду казенной земли и подписанныя сторонами, не имѣютъ на себѣ никакого засвидѣтельствованія; почему, согласно съ вышеприведенными соображеніями, они должны считаться актами домашними и, какъ таковые, могутъ быть оспариваемы въ своемъ содержаніи свидѣтельскими показаніями. Признавая посему, что судебная палата неправильно отказала просителямъ въ допросѣ указанныхъ ими свидѣтелей и не входя въ обсужденіе ссылки просителей на нарушеніе судебною палатою 1539 ст. 1 ч. X т., правительствующій сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Виленской судебной палаты, по нарушенію 409 ст. уст. гражд. суд., отмѣнить и дѣло, для новаго разсмотрѣнія, передать въ другой департаментъ той же судебной палаты.

III. Согласно ст. ст. 1350—1351 уст. гр. суд. дѣло о незаконности рожденія можетъ быть начато въ годовой срокъ со времени рожденія младенца, при чемъ срокъ этотъ считается со дня, въ который мужъ узналъ о рожденіи младенца, признаваемаго имъ за незаконнаго, въ такомъ только случаѣ, когда жена его нашла средство скрывать отъ него

рожденіе младенца. Постановленія эти были, между прочимъ, разъяснены правительствующимъ сенатомъ по слѣдующему поводу: подпоручикъ Нилъ Вердеревскій предъявилъ въ Московскомъ окружномъ судѣ искъ къ женѣ своей Степанидѣ Вердеревской о признаніи незаконнорожденнымъ сына ея Григорія, рожденнаго 25 января 1878 года; при этомъ въ исковомъ прошеніи не было вовсе сказано о привлеченіи Вердеревской къ отвѣту въ качествѣ представительницы правъ ея сына: Судебная палата, по опредѣленію 22 августа 1890 года, оставила искъ, безъ разсмотрѣнія по существу, за непредъявленіемъ его къ Григорію Вердеревскому. По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго истца дѣло восходило на разсмотрѣніе гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, который въ рѣшеніи, изложенномъ въ указѣ отъ 27 ноября 1891 года, опредѣлилъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Вердеревскаго оставить безъ послѣдствій. Затѣмъ Степанида Вердеревская предъявила въ Рязанскомъ окружномъ судѣ 21 мая 1892 года къ мужу своему Нилу Вердеревскому искъ о взысканіи съ него 2000 руб., израсходованныхъ ею на содержаніе сына ихъ Григорія и объ обязаніи отвѣтчика на будущее время къ выдачѣ на воспитаніе и содержаніе означеннаго сына, Григорія, по 75 руб. въ мѣсяцъ, впредь до совершеннолѣтія. Отвѣтчикъ Нилъ Вердеревскій 15 іюля того же 1892 года предъявилъ къ истицѣ и ея сыну Григорію встрѣчный искъ о признаніи послѣдняго незаконнорожденнымъ сыномъ Степаниды Вердеревской. Окружный судъ, рѣшеніемъ 29 апрѣля 1893 года, во встрѣчномъ искѣ Вердеревскому отказалъ, а по первоначальному иску Степаниды Вердеревой обязалъ отвѣтчика выдавать женѣ своей на обученіе и содержаніе сына Григорія ежемѣсячно по 62 руб. съ 21 мая 1892 года по день совершеннолѣтія и, кромѣ того, постановилъ взыскать съ отвѣтчика 2000 руб., израсходованныхъ истицею на содержаніе сына. Въ апелляціонной жалобѣ, повѣренный отвѣтчика, между прочимъ, просилъ о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе обстоятельствъ, касающихся до встрѣчнаго иска. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло

судебная палата нашла, что разрѣшеніе первоначальнаго иска Вердеревской находится въ тѣсной связи съ встрѣчнымъ искомъ отвѣтчика Нила Вердеревскаго о признаніи сына истицы Григорія незаконнорожденнымъ, такъ какъ въ случаѣ удовлетворенія встрѣчнаго иска падаетъ первоначальное требованіе истицы; искъ этотъ, какъ видно изъ дѣла, основанъ на томъ, что Григорій Вердеревскій родился отъ Степаниды Вердеревской въ 1878 году, между тѣмъ какъ отвѣтчикъ, по его объясненію, вступивъ въ бракъ съ Степанидою Вердеревскою въ 1867 году, въ слѣдующемъ 1868 году 23 декабря далъ ей отдѣльный видъ на жительство и съ того времени не имѣлъ съ нею брачнаго сожитія. Окружный судъ отказалъ въ искѣ потому, что таковой предъявленъ по истеченіи срока, указаннаго въ 1350 ст. уст. гр. суд., и доводы апеллятора противъ этой части рѣшенія суда сводятся къ тому положенію, что судъ не имѣлъ права возбуждать вопроса о пропускѣ срока въ виду того, что этого вопроса не возбуждала отвѣтчица по встрѣчному иску и что, наконецъ, годовой срокъ на предъявленіе исковъ, согласно 1351 ст. уст. гр. суд., исчисляется съ того времени, когда мужъ узналъ о рожденіи младенца; съ этого же времени годичный срокъ апелляторомъ не пропущенъ, такъ какъ только въ августѣ 1889 года онъ узналъ о рожденіи женою его сына Григорія и въ декабрѣ того же года предъявилъ искъ о признаніи сына отвѣтчицы незаконнорожденнымъ. Но оба эти довода апеллятора не заслуживаютъ уваженія: указаніе на невозбужденіе отвѣтчицею вопроса о пропускѣ срока лишено правильнаго основанія потому, что, какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія 29 апрѣля 1892 года, Вердеревская, возражая противъ встрѣчнаго иска, указала на то, что искъ этотъ не подлежитъ удовлетворенію потому, что мужъ ея до настоящаго времени признавалъ сына ея законнорожденнымъ и только послѣ предъявленія къ нему иска о выдачѣ содержанія возбудилъ вопросъ о его законности, а также указаніе по существу представляетъ возраженіе о несвоевременности предъявленія иска и обязывало судъ, согласно 1350 и 1351 ст. уст. гр. суд., войти въ обсуж-

деніе этого возраженія. Затѣмъ заключеніе суда, что срокъ на предъявленіе иска Вердеревскимъ пропущенъ, представляется правильнымъ потому, что если даже признать, согласно объясненію апеллятора, что ему сдѣлалось извѣстнымъ рожденіе женою его сына Григорія только въ августѣ 1889 года, то и въ такомъ случаѣ предъявленный 15 іюля 1892 года, въ формѣ встрѣчнаго, искъ о признаніи сына Григорія незаконнорожденнымъ долженъ быть признанъ предъявленнымъ по истеченіи годоваго срока, указаннаго въ 1351 ст. уст. гр. суд., и потому неподлежащимъ удовлетворенію; указаніе же отвѣтчика на то, что въ декабрѣ 1889 года имъ былъ предъявленъ искъ о признаніи сына его жены Грегорія незаконнорожденнымъ, что производство по этому иску не прекращено, а оставлено безъ разсмотрѣнія и таковое постановленіе должно быть признано прерывающимъ давность, не заслуживаетъ уваженія потому, что, какъ видно изъ представленной къ дѣлу копіи рѣшенія судебной палаты 22 августа 1890 года, искъ Вердеревскаго былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія потому, что онъ не былъ предъявленъ къ несовершеннолѣтнему Григорію Вердеревскому, а, при такомъ положеніи, производство по такому иску не могло прерывать теченія давности, потому что таковая прерывается только искомъ, предъявленнымъ къ надлежащему отвѣтчику (ст. 694 т. X ч. 1); въ данномъ же случаѣ, какъ выше указано, къ малолѣтнему Григорію Вердеревскому не было предъявлено иска. Такимъ образомъ, въ силу изложенныхъ соображеній, встрѣчный искъ Вердеревскаго о признаніи сына его жены Григорія незаконнорожденнымъ не можетъ подлежать удовлетворенію и согласное съ симъ выводомъ рѣшеніе окружнаго суда подлежитъ утвержденію. Переходя, за тѣмъ, къ обсужденію первоначальнаго иска Степаниды Вердеревской, судебная палата нашла, что требованіе ея слагается изъ двухъ частей: въ первой она ходатайствуетъ о взысканіи съ мужа 2000 руб., израсходованныхъ на содержаніе сына за время отъ его рожденія до предъявленія иска и во второй— объ обязаніи на будущее время мужа ея выдавать на со-

держаніе и обученіе сына по 75 руб. въ мѣсяцъ. Первая часть исковаго требованія, по мнѣнію палаты, не подлежитъ удовлетворенію, за силою 366 ст. уст. гр. суд., потому, что истица ничѣмъ не доказала производства ею расходовъ на содержаніе сына въ указанномъ размѣрѣ, между тѣмъ изъ дѣла видно, что отвѣтчикъ Вердеревскій ежемѣсячно выдаетъ своей женѣ на содержаніе 25 руб. и что, такимъ образомъ, отвѣтчица не была лишена вовсе средствъ къ содержанію себя и малолѣтняго сына; въ настоящее время когда сынъ Вердеревскихъ, Григорій, достигъ такого возраста, когда ему необходимо дать образованіе, на обязанности отвѣтчика, какъ отца несовершеннолѣтняго, лежитъ дать средства на его воспитаніе и въ этой части исковое требованіе Вердеревской подлежитъ удовлетворенію. Но заслуживаетъ уваженія и возраженіе отвѣтчика противъ размѣра присужденной судомъ выдачи. На основаніи 172 ст. X т. 1 ч. родители обязаны давать своимъ дѣтямъ содержаніе и воспитаніе сообразно своему состоянію, т. е. средствамъ. Если принять въ соображеніе, что имущество отвѣтчика заключается въ недвижимости, оцѣненной въ 84.260 руб., что изъ этой стоимости долженъ быть исключенъ долгъ по залогу имѣнія въ дворянскомъ банкѣ въ 59.400 руб. и, такимъ образомъ, стоимость имѣнія опредѣлится въ суммѣ 24.860 руб. и что кромѣ срочныхъ платежей въ банкъ, 3415 р. 50 к., отвѣтчикъ долженъ платить еще всѣ лежащія на имѣніи повинности и уплачиваетъ на содержаніе жены 25 р. въ мѣсяцъ, то слѣдуетъ признать, что отвѣтчикъ, по своимъ средствамъ, можетъ удѣлять на воспитаніе своего сына не болѣе 25 руб. ежемѣсячно, или 300 р. въ годъ и только въ этой суммѣ признать искъ Вердеревской подлежащимъ удовлетворенію. По этимъ соображеніямъ и руководствуясь 774, 868, 870 ст. уст. гражд. суд., московская судебная палата, рѣшеніемъ 28 сентября 1893 г., постановила: въ измѣненіе рѣшенія окружнаго суда, по первоначальному иску, обязать отвѣтчика Нила Николаевича Вердеревскаго выдавать женѣ своей, Степанидѣ Трифоновнѣ Вердеревской, на содержаніе сына ихъ, Григорія,

ежемѣсячно съ 21 мая 1892 г. по 25 руб. по день его совершеннолѣтія, а въ остальныхъ требованіяхъ истицѣ отказать; рѣшеніе же окружнаго суда по встрѣчному иску утвердить. Въ *кассаціонной жалобѣ*, повѣренный отвѣтчика Вердеревскаго, присяжный повѣренный Шефферлингъ, объяснилъ, что положеніе, которое лежитъ въ основаніи встрѣчнаго иска заключается въ томъ, что рѣшеніе, которымъ предоставлено истцу начать искъ вновь, прерываетъ давность. Судебная палата устраняетъ это указаніемъ, что давность прерывается только искомъ, предъявленнымъ къ надлежащему отвѣтчику. Но такое толкованіе палаты противорѣчитъ началамъ, установленнымъ рѣшеніями Правительствующаго Сената 1872 г. №№ 548 и 915. Иски, предъявленные къ надлежащему отвѣтчику, обыкновенно и оставляются безъ разсмотрѣнія, оставленіе же безъ разсмотрѣнія иска, несомнѣнно, предоставляетъ сторонѣ право начать искъ вновь слѣдовательно, если правильно толкованіе, что рѣшеніе, которымъ предоставлено истцу начать искъ, вновь, прерываетъ давность, то необходимо признать, вопреки мнѣнію палаты, что оно должно имѣть преимущественно мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ оставленъ безъ разсмотрѣнія за предъявленіемъ его къ надлежащему отвѣтчику. Примѣненіе 694 ст. X т. 1 ч. въ указанномъ льготномъ смыслѣ въ особенности важно и правильно къ срокамъ, установленнымъ 1350 и 1351 ст. уст. гражд. суд., то есть въ дѣлахъ о незаконности рожденія, когда устанавливаются за лицомъ права, имѣющія громадное значеніе не только для него самого, но и для родителя, оспаривающаго законность рожденія ребенка. Ограничивать смыслъ 694 ст. въ приведенномъ ея толкованіи было бы неправильно и потому, что буквальныя выраженія закона, употребленныя въ 1350 и 1351 ст. уст. гражд. суд., не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что законодатель не имѣлъ въ виду строго формальныя правила о предъявленіи исковъ, такъ какъ въ указанныхъ статьяхъ говорится не о предъявленіи иска, а о начатіи дѣла. Употребленіе именно такого выраженія указываетъ на то, что законъ считаетъ необходимымъ тре-

бовать въ установленный срокъ обнаруженія предъ судебною властью намѣренія данцаго лица открыть споръ о незаконности ребенка, заявленія объ открытіи такого спора и только. Предполагать, что законъ идетъ дальше и лишаетъ данное лицо права доказывать незаконность ребенка, имъ не признаваемаго, только потому, что при веденіи дѣла допущены тѣ или другія формальныя погрѣшности, напр., какъ въ данномъ случаѣ, ошибка повѣреннаго, имѣвшая послѣдствіемъ оставленіе иска безъ разсмотрѣнія—врядъ ли будетъ согласно съ истиннымъ смысломъ ст. 1350 и 1351 уст. гражд. суд. Находя, вслѣдствіе изложеннаго, что палата, отказавъ отвѣтчику во встрѣчномъ искѣ и не допросивъ указанныхъ свидѣтелей, нарушила ст. 694 т. X ч. 1, 1350, 1351 и 369 уст. гражд. суд., повѣренный Вердеревскаго просилъ рѣшеніе Московской судебной палаты отмѣнить. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ (1896 г. № 57) нашелъ кассаціонную жалобу незаслуживающею уваженія; указываемыя жалобщикомъ разъясненія Правительствующаго Сената о томъ, что судебное рѣшеніе, коимъ *предоставлено истцу начать искъ вновь*, прерываетъ давность, не могутъ имѣть никакого примѣненія къ настоящему дѣлу, ибо опредѣленіемъ Московской судебной палаты 22 августа 1890 г., объ оставленіи иска Нила Вердеревскаго безъ разсмотрѣнія за необращеніемъ его къ надлежащему отвѣтчику, вовсе *не предоставлено* истцу *начать искъ вновь*. Такого же положенія, будто давность прерывается и искомъ, предъявленнымъ къ *ненадлежащему отвѣтчику*, Правительствующій Сенатъ никогда не высказывалъ. Напротивъ не подлежитъ сомнѣнію, что подобный искъ давности *не* прерываетъ, ибо надлежащій отвѣтчикъ къ тому спору *вовсе не привлекался* и, слѣдовательно, *по отношенію къ нему*, искъ тотъ представляется споромъ, до него *вовсе не касавшимся*. Утвержденіе жалобщика, будто указанный въ ст. 1350 уст. гражд. суд. срокъ прерывается уже одимъ обнаруженіемъ передъ судебною властью *намѣренія* отца открыть споръ о незаконнорожденности ребенка, представляется также лишеннымъ правиль-

наго основанія: употребленное въ названной, а равно и въ ст. 1351, выраженіе „начать *дѣло*" не можетъ быть понимаемо иначе, какъ равнозначущее выраженію „предъявить *искъ*", ибо какъ сказано въ ст. 1346, „дѣла" о законности рожденія производятся на общемъ основаніи и, слѣдовательно, могутъ „начинаться" въ судѣ не иначе, какъ предъявленіемъ иска, и, конечно, къ *надлежащему отвѣтчику*. Давностный срокъ къ спорамъ противъ законности рожденія не только не можетъ быть примѣняемъ въ „льготномъ смыслѣ", какъ желаетъ проситель—а, напротивъ, долженъ быть примѣняемъ съ особою строгостью, ибо какъ это разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣлу Михайловой, въ рѣшеніи 15 апрѣля 1892 г. (№ 33), сроки и другія ограниченія въ порядкѣ предъявленія споровъ противъ законности рожденія обусловливаются особенностями того предмета, къ которому они относятся: „установляя упомянутныя ограниченія и условія, законъ имѣлъ въ виду, прежде всего, интересъ тѣхъ лицъ, чье положеніе могло бы пострадать отъ признанія рожденія незаконнымъ, а не тѣхъ, кои заинтересованы, въ такомъ признаніи", а также и для устраненія неосновательныхъ исковъ о незаконности рожденія. Правительствующій Сенатъ считалъ не лишнимъ остановиться и на вопросѣ о томъ: вправѣ ли отецъ, *пропустивъ срокъ для спора* противъ *законности рожденія* его женою ребенка, заявлять такой споръ въ видѣ *возраженія* противъ иска жены о содержаніи того ребенка? По общему правилу, давность погашаетъ только иски, но не *возраженія*, такъ что, напримѣръ, лицо, пропустившее давностный срокъ для *иска объ уничтоженіи какого либо акта*, не лишено права, противъ основаннаго на томъ актѣ иска, *ссылаться на недѣйствительность* акта. Но начало это не можетъ имѣть примѣненія къ спорамъ о законности рожденія, ибо по ясному смыслу дѣйствующихъ по сему предмету законовъ, споры противъ законности рожденія *безусловно* ограничены опредѣленымъ срокомъ и по истеченіи сего срока не могутъ быть заявляемы *ни въ какой* формѣ, ни въ видѣ иска,

ни въ видѣ возраженія. Согласно изложенному, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Вердеревскаго, согласно ст. 793 уст. гражд. суд., оставить безъ послѣдствій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Б. Киддъ. *Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Переводъ съ англійскаго.* Спб. 1897 г. [1]).

Книга г. Кидда, надѣлавшая въ Англіи и Германіи столько шуму, есть прежде всего крикъ разочарованія и отчаянія человѣка конца XIX в., сознавшаго безпомощность, если не разума, то современной науки въ дѣлѣ разрѣшенія грандіозныхъ проблемъ, предстоящихъ намъ въ ближайшемъ будущемъ. По мнѣнію г. Друммонда [2]) г. Киддъ и ищетъ ультрараціональной санкціи для этики лишь потому, что не могъ найти ея ни въ разумѣ, ни въ самой природѣ. Но въ то же время, какъ человѣкъ конца XIX в., онъ— сторонникъ общихъ принциповъ дарвинизма и притомъ въ рѣзкой и односторонней Вейсмановской [3]) ихъ формѣ. Такимъ образомъ у г. Кидда получилась слѣдующая оригинальная и своеобразная концепція.

Подборъ и соперничество необходимы и, чѣмъ они рѣзче и сильнѣе, тѣмъ сильнѣе прогрессируетъ видъ. Но человѣкъ въ эту міровую и вѣковую картину вноситъ двѣ новыя силы: свой разумъ и свою способность совмѣстной дѣятельности въ организованныхъ

[1]) Подробнѣе объ этой книгѣ говорится въ превосходной статьѣ г. Михайловскаго „Литература и жизнь“ (Р. Б., 96 г., V и VI). Онъ же снабдилъ предисловіемъ и переводъ книги.

[2]) См. Друммонда „Прогрессъ и эволюція человѣка“—книгу тоже недавно вышедшую въ русскомъ переводѣ.

[3]) Не даромъ г. Вейсманъ снабдилъ эту книгу своимъ предисловіемъ.

обществахъ. Однако, самоопредѣленіе индивидовъ, ихъ разумъ въ соціальномъ организмѣ играетъ только разлагающую и отрицательную роль, положительно же нормируетъ и санкціонируетъ соціальное поведеніе только религія. И заслуга христіанства состоитъ въ томъ, что оно внесло въ исторію новую этическую систему прирожденнаго равенства всѣхъ людей и братской любви, снабдивъ ее вдобавокъ силой сверхъ-разумнаго фактора. Католицизмъ было направилъ христіанство на ложную дорогу, но реформація возвратила послѣднее къ его чистому источнику. Отсюда „неустанная и спокойная“ (sic!) эволюція странъ протестантскихъ (особенно Англіи), тогда какъ въ странахъ католическихъ (особенно во Франціи) видимъ постоянные судоржные революціонные взрывы. Съ этой же точки зрѣнія г. Киддъ осуждаетъ и соціализмъ, такъ какъ онъ стремится отмѣнить личное соревнованіе и жизненную конкуренцію, тогда какъ совершающійся процессъ эволюціи стремится лишь къ тому, чтобы ввести въ борьбу всѣхъ людей на равныхъ условіяхъ, допуская самое свободное изощреніе силъ въ обществѣ и оставляя самое широкое поле для развитія способностей и индивидуальностей каждаго человѣка.

Но въ этихъ построеніяхъ не знаешь чего болѣе: истины или плевелъ. Весьма важна попытка г. Кидда обосновать развитіе человѣческаго общества на тѣхъ же принципахъ, которые по современному ученію біологіи лежатъ въ основаніи развитія органическихъ формъ вообще. Не менѣе важно то, что г. Киддъ выдвигаетъ религіозный факторъ историческихъ событій, которымъ до сихъ поръ пренебрегали. Но зачѣмъ было придавать этому фактору такую же узкую и одностороннюю окраску и первенствующую роль, какъ это до сихъ поръ дѣлали съ экономическимъ факторомъ?

Также и общественности по мнѣнію г. Михайловскаго г. Киддъ придаетъ произвольное, слабо мотивированное и одностороннее освѣщеніе, хотя онъ и признаетъ ея огромное значеніе. По мнѣнію же г. Друммонда г. Киддъ вовсе не видитъ и такихъ важныхъ процессовъ самой природы, какъ борьба за жизнь другихъ. Наконецъ, картину развитія европейской (точнѣе „западной“, что впрочемъ подчеркивается и въ самой книгѣ) цивилизаціи изобрѣтаетъ г. Киддъ тоже очень грубо и прямолинейно, не принимая во вниманіе ни сложной пестроты общественныхъ союзовъ, ни географическаго, расоваго и экономическаго факторовъ историческихъ событій. Съ

этой точки зрѣнія и съ соціализмомъ не такъ то легко будетъ раздѣлаться, какъ это думаетъ г. Киддъ.

Важнѣе общественное значеніе книги, намѣчаемое г. Михайловскимъ въ предисловіи къ ней. Именно, она говоритъ о кризисѣ, переживаемомъ въ настоящее время западною цивилизаціею, и будитъ критическую мысль въ читателяхъ. Поэтому, хотя она сама лишь порожденіе нашей смутной и переходной эпохи и лишь оригинально комбинируетъ противоположные, противорѣчивые и въ концѣ концовъ непримиримые элементы современной духовной жизни, все же переводить ее на русскій языкъ стоило, а потому не можемъ не привѣтствовать этого перевода, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ умѣло и снабженъ многочисленными пояснительными редакціонными примѣчаніями.

С. Ш.

В. Ф. Залѣскій. *Власть и право. Философія объективнаго права.* Казань. 1897. Стр. 297+XXII.

Пр. Залѣскій, по спеціальности политико-экономъ [1]), „преподавая“, какъ самъ говоритъ въ предисловіи [2]): „по порученію его сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія, съ 15 января 1895 года, энциклопедію и исторію философіи права въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, не могъ не увлечься этими въ высшей степени интересными предметами“..... Плодомъ усиленныхъ занятій ими является настоящая книга. Насколько эти занятія были усиленны, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что авторъ въ теченіе одного года и десяти мѣсяцевъ успѣлъ изучить 308 сочиненій на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и италіанскомъ, въ томъ числѣ 52 журнальныхъ статьи и 256 монографій, изъ коихъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ томахъ [3])..... Но при этомъ авторъ всетаки проситъ снисхожденія за неполноту литературы [4]).

Задачу своего труда пр. Залѣскій опредѣляетъ слѣдующимъ

[1]) Магистерская диссертація г. Залѣскаго—„Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ“ I. Ученіе о цѣнности. Два выпуска 1893 г.

[2]) Предисловіе, стр. 3.

[3]) Указатель цитированныхъ сочиненій, стр. I—XXII.

[4]) Предисловіе, стр. 4—5.

образомъ [1]): „мнѣ хочется въ общихъ чертахъ характеризовать Іеринговское движеніе въ области философіи права и показать, какъ постепенно новая, утилитарно-эволюціонная теорія права приходитъ на смѣну теоріи исторической школы". Авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на три части: въ первой, вступительной, онъ разсматриваетъ утилитарную мораль и ея недостатки, утилитарно-эволюціонную мораль и мораль неодарвинизма [2]). Въ историко-критической части пр. Залѣскій разбираетъ ученіе юристовъ, начиная съ Савиньи до нашихъ дней [3]) и, наконецъ, въ третьей, историко-догматической части даетъ собственные выводы [4]).

Прежде всего замѣтимъ, что намъ представляется не вполнѣ яснымъ, почему именно авторъ свою вступительную часть ex abrupto начинаетъ съ Бентама. Правда, онъ бѣгло замѣчаетъ въ предисловіи [5]), что „иному принципу, не принципу свободной воли, а принципу пользы суждено сдѣлаться прочнымъ базисомъ для построенія незыблемаго зданія философіи права", но эта фраза не доказательство, да и свободная воля и польза не однѣ могутъ быть основаніями права.

Далѣе, разъ начавъ съ утилитаризма, пр. Залѣскій вмѣсто того, чтобы высказать свою точку зрѣнія на существо нравственности и исходя изъ нея критиковать противныя ученія, подробно разсматриваетъ никакого значенія неимѣющія для него теоріи о возникновеніи нравственныхъ понятій. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что первымъ вопросомъ, какой долженъ явиться у изслѣдователя этики, будетъ, какъ понимать нравственность: субъективно, т. е. признавать нравственнымъ то, что человѣку пріятно, или объективно, т. е. то, что *должно* быть человѣку пріятно? Если бы г. Залѣскій началъ съ этого, и призналъ бы, вмѣстѣ съ Р. Іерингомъ [6]), ученію котораго онъ слѣдуетъ [7]), вторую теорію болѣе правильной, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ двухъ словахъ опровергъ бы и ученіе утилитаризма.

Затѣмъ, позволимъ себѣ еще замѣтить, что постоянно употреб-

---

[1]) Предисловіе, стр. 3.
[2]) Стр. 9—57.
[3]) Стр. 61—227.
[4]) Стр. 231—297.
[5]) Стр. 4.
[6]) „Историко-общественныя основы этики". Рус. пер. В. И. Гессена. Спб. 1896 г.
[7]) Стр. 123—124.

ляя терминъ эволюціонизмъ, эволюціонный, авторъ не опредѣляетъ, что онъ подъ нимъ разумѣетъ. Порою онъ, очевидно, говоритъ лишь объ историчности явленій, напр., указывая на эволюціонную теорію Анаксимандра [1]), то, наоборотъ, употребляетъ слово эволюція въ тѣсномъ смыслѣ Дарвинова ученія [2]). Выяснить вопросъ, между тѣмъ, было необходимо, ибо въ то время, когда нельзя, конечно, спорить противъ теоріи развитія вообще, теорія спеціально Дарвиновскаго развитія встрѣчаетъ въ настоящее время весьма серьезную критику [3]).

Обращаясь, засимъ, къ историко-критической части изслѣдованія пр. Залѣскаго [4]), скажемъ, что онъ напрасно оправдывается въ томъ, что онъ оставляетъ безъ разбора ученія метафизиковъ о естественномъ правѣ, „такъ какъ ошибочность и устарѣлость всѣхъ этихъ воззрѣній достаточно въ наукѣ установлена“ [5]). Ограничивать свое изслѣдованіе извѣстными рамками—право автора. Между тѣмъ подобныя оправданія требуютъ доказательства, тѣмъ болѣе, что намъ представляется полемика юристовъ съ „метафизиками“ о существѣ права плодомъ недоразумѣнія: юристы говорятъ о правѣ, какъ нормахъ дѣйствительной жизни, а ихъ противники говорятъ объ идеѣ права. Первые разсматриваютъ процессъ историческаго развитія въ *данномъ* обществѣ правосознанія, другіе имѣютъ въ виду мѣсто права въ общей системѣ ученія объ основныхъ началахъ. Если тѣ и другіе переходятъ въ области другъ друга, то очевидно получается совершенное смѣшеніе понятій. Изслѣдованіе теорій права пр. Залѣскій начинаетъ съ Савиньи. Онъ очень ясно передаетъ, какъ его теорію, такъ и ученіе Пухты и другихъ послѣдователей, дополнителей и развивателей теорій исторической школы. Далѣе сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ критикахъ этихъ ученій и подробно останавливается на теоріяхъ Іеринга. Не можемъ не отмѣтить прекрасную формулировку общихъ взглядовъ Іеринга, сдѣланную авторомъ [6]).

---

[1]) Предисловіе, стр. 3.

[2]) Стр. 30.

[3]) См., напр., I. Tarde „Les tramsformations du droit“ Paris 1894, p. 8 599, а также весма серьезное изслѣдованіе ученика-Вирхова, Ranke „Der Mensch“, которое какъ то мало знакомо русской публикѣ.

[4]) Собственно говоря съ этой части оно и начинается, такъ какъ вступительная часть не имѣетъ никакой связи ни со второй, ни съ третьей.

[5]) Стр. 61.

[6]) Стр. 122—123.

Вторую часть авторъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ взглядовъ какъ новѣйшихъ сторонниковъ исторической школы, такъ и послѣдователей Іеринга, и, наконецъ, юридическихъ теорій французскихъ и русскихъ ученыхъ.

Собственнымъ воззрѣніямъ пр. Залѣскаго посвящена третья часть. Авторъ послѣдователь Іеринга. „Право", говоритъ онъ [1]: „есть общественный порядокъ представляющій собою охрану, со стороны общества, интересовъ какъ отдѣльныхъ лицъ и группъ индивидуумовъ, такъ и всего общества въ цѣломъ". Критикуя различныя теоріи, пр. Залѣскій приходитъ къ совершенно справедливому, по нашему мнѣнію, заключенію, что право представляетъ собою этическій минимумъ. „Сліяніе этихъ двухъ областей—морали и права—и есть тотъ идеалъ, къ которому мы стремимся" [2]). При этомъ авторъ совершенно справедливо указываетъ, что какъ и нравственность, такъ и право равно обладаютъ большою внутреннею принудительною силою, что же касается до внѣшней, то и по отношенію къ нравственности таковую нельзя отвергать, и въ правѣ внѣшнее принужденіе не является необходимою составною частью [3]).

Этимъ мы кончаемъ наши замѣчанія на книгу пр. Залѣскаго. Будучи весьма справедливою по своимъ выводамъ, она должна быть признана полезною и по богатству сообщаемыхъ въ ней литературныхъ указаній. Нельзя только не пожалѣть, что автору пришла въ голову несчастная мысль написать вступительную часть, положительно портящую впечатлѣніе. Но, впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Залѣскій [4]), „не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ".

Н. Дебольскій.

П. Новгородцевъ. *Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.* Москва. 1896 г.

Юристы господствовавшей до сихъ поръ въ нѣмецкой наукѣ исторической школы за послѣднее время очень повредили себѣ

---

[1]) Стр. 231.
[2]) Стр. 297.
[3]) Стр. 281.
[4]) Стр. 123.

неудачей, постигшей ихъ въ дѣлѣ составленія новаго германскаго гражданскаго кодекса [1]). Но наша юридическая наука есть лишь сколокъ съ нѣмецкой, что и заставляетъ опасаться, чтобъ и у насъ не повторилось того же при предстоящей реформѣ нашего не только гражданскаго, но и уголовнаго и судебнаго права, а потому пересмотръ вновь основъ этой школы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, предпринятый г. Новгородцевымъ, является весьма кстати и вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ жизни. Удачно и изученіе имъ основъ исторической школы въ связи съ доктриною естественнаго права, такъ какъ побѣда надъ фантастическими утвержденіями послѣдней [2]) доставила господство историческому направленію (по удачному выраженію г. Новгородцева) въ наукѣ, пренебреженіе же этого направленія тѣмъ, что составляетъ вѣчно живую сущность естественнаго права [3]), и обусловливаетъ теперешнее критическое состояніе его.

Затѣмъ, что касается плана книги г. Новгородцева, то сначала онъ думалъ изучить вообще реакцію противъ естественнаго права въ нѣмецкой литературѣ XIX в., но затѣмъ ограничился изученіемъ лишь судебъ исторической школы. Такимъ образомъ въ теперешнемъ своемъ видѣ книга распадается на три части: генезисъ исторической школы (стр. 24—80), основы ея (стр. 81—115) и судьба (стр. 116—216). Послѣдняя часть книги и составляетъ центръ работы г. Новгородцева, особенно же важна въ этой части глава VIII (стр. 168—216), дающая первый опытъ связной характеристики новаго теченія, утверждающагося на развалинахъ исторической школы. Но въ предисловіи самъ г. Новгородцевъ жалуется на трудности въ выборкѣ и группировкѣ матеріала для послѣдней

---

[1]) См. на этотъ счетъ рѣчь А. Менгера „Ueber die socialen Aufgaben der Rechtswissenschaft"; кстати съ А. Менгеромъ у г. Новгородцева много общаго, но почему то о Менгерѣ онъ вовсе не говоритъ въ своей книгѣ.

[2]) Таковыми г. Новгородцевъ считаетъ ученіе о произвольномъ установленіи права, предположеніе возможности найти систему нормъ, одинаково пригодныхъ для всѣхъ временъ и народовъ, и стремленіе придавать субъективнымъ правовымъ идеаламъ непосредственное юридическое значеніе (стр. 2).

[3]) По мнѣнію г. Новгородцева эта сущность естественнаго права состоитъ въ стремленіи къ изслѣдованію коренныхъ основъ права (стр. 6; см. также на этотъ счетъ введеніе къ „Лекціямъ по общей теоріи права" проф. Коркунова, изд. 1886 г.) и въ протестѣ личнаго нравственнаго сознанія противъ отжившихъ свой вѣкъ установленій (стр. 18). И напрасно еще въ 1892 г. г. Бергбомъ увлекся борьбой съ этой сущностью (стр. 212). Взгляды же проф. Коркунова по этому вопросу („Лекціи", стр. 89—93) тоже нѣсколько устарѣли уже.

части. Намъ же кажется и вообще весь планъ его книги довольно неудачнымъ. Такъ, напр., § 2-ой восьмой главы ея („философія положительнаго права", стр. 189—216) и введеніе („общее опредѣленіе естественнаго права", стр. 1—22) надо было бы выдѣлить въ особый отдѣлъ, дополнивъ и развивъ его, конечно, причемъ этотъ отдѣлъ распался бы на двѣ главы: 1) стремленіе человѣка къ обобщенному знанію, 2) соотношеніе права съ нравственностью. А то теперь эти вопросы (очень существенные къ тому же для г. Новгородцева) блуждаютъ по всей книгѣ, какъ неприкаянные, попадаясь тамъ, гдѣ имъ вовсе не слѣдуетъ быть, и внося только путаницу въ изложеніе. Такъ же и часть вторую книги г. Новгородцева не лучше ли было бы для ясности же и отчетливости изложенія соединить съ третьею въ одинъ отдѣлъ, разбивъ и его на двѣ главы: 1) вопросъ о происхожденіи и развитіи права, 2) вопросъ о формахъ образованія его? Генезисъ же и внѣшніе судьбы исторической школы составили бы тогда третій отдѣлъ книги.

Разсмотримъ теперь взгляды г. Новгородцева на всѣ эти вопросы, начиная съ того, что по вполнѣ правильному его мнѣнію историческая школа Савиньи была подготовлена главнымъ образомъ общимъ развитіемъ въ то время историческаго духа, вызваннымъ реакціей и научной и консервативной противъ господствовавшихъ тогда воззрѣній и наиболѣе ярко выразившимся въ геттингенской школѣ, главнымъ представителемъ коей былъ Гуго [1]).

---

[1]) Вопросъ объ отношеніи Гуго къ Савиньи и Пухтѣ (стр. 39—52) до сихъ поръ еще не выясненъ (стр. 25), а потому страницы, посвященныя Гуго, однѣ изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ г. Новгородцева. Именно, нѣмецкая литература считаетъ Гуго лишь критическимъ предшественникомъ исторической школы, Мейеръ и проф. Коркуновъ основателемъ ея (стр. 97). Тоже Новгородцевъ считаетъ Гуго въ противоположность Савиньи представителемъ совсѣмъ особой теоріи, отвергавшей связь права съ нравственностью, совсѣмъ устраняя этимъ вопросъ о нравственномъ оправданіи права. Общаго же между Гуго и Савиньи лишь то, что оба они проникнуты тенденціями практическаго консерватизма (стр. 81), хотя и тутъ для Гуго главное укрѣпленіе авторитета власти, а для Савиньи естественное теченіе жизни. Относительно же дальнѣйшей судьбы ученія Гуго у г. Новгородцева есть маленькое противорѣчіе (б. м. кажущееся только), именно на стр. 217 онъ говоритъ, что „теорія Гуго противорѣчила общему сознанію и не могла получить распространеніе". А на стр. 69 оказывается у него наоборотъ, что раннее историческое направленіе (до сихъ поръ еще не достаточно характеризованное въ литературѣ) примыкаетъ отчасти именно къ геттингенской школѣ, отчасти же къ элегантной юриспруденціи.

Затѣмъ сущностью исторической школы г. Новгородцевъ признаетъ идеализацію ею правообразованія и оправданіе его самыми условіями органическаго изъ безличнаго народнаго духа происхожденія юридическихъ нормъ и закономѣрнаго развитія ихъ въ силу закона внутренней необходимости съ полнымъ устраненіемъ участія человѣческой воли изъ историческаго процесса (84—86). Но и самъ Савиньи позднѣе [1]) (94) признаетъ, что естественный ходъ исторіи не исключаетъ ни случайныхъ аномалій, ни временныхъ задержекъ, ни внутреннихъ противорѣчій. А, если это такъ, то критическое отношеніе къ исторіи и признаніе необходимости личнаго вмѣшательства въ ея процессы вытекаютъ отсюда сами собою (98). Пухта [2]) (104—115) тоже подъ вліяніемъ идеалистической философіи въ концѣ концовъ понялъ историческій процессъ, какъ сочетаніе моментовъ свободы и необходимости (107), а права всѣхъ народовъ, какъ моменты единаго движенія (110). Но окончательно ниспровергъ органическую доктрину происхожденія права лишь Іерингъ [3]) (131—167). Историческая теорія его не консервативная, какъ у Савиньи, но прогрессивная (135). Для Савиньи исторія continuirliche Entwicklung, для Іеринга ewiges Werden (133). Оправдываетъ юридическіе нормы Іерингъ лишь соотвѣтствіемъ ихъ духу и запросамъ современности. Во главу же угла онъ въ „Духѣ римскаго права“ ставитъ само опредѣленіе личности (162), а въ „Цѣли въ правѣ“

---

[1]) Очень важно это различеніе г. Новгородцевымъ разныхъ стадій въ развитіи мыслей Савиньи и Пухты (стр. 114). И странно, что послѣдователи ихъ приняли ихъ болѣе ранніе, а не позднѣйшіе взгляды. Впрочемъ, по мнѣнію г. Новгородцева и раньше Іеринга критическая мысль работала и готовила сѣмена дальнѣйшаго развитія (стр. 115—130). Важны здѣсь и замѣчанія г. Новгородцева на счетъ Гегеля и гегеліанства, дополненіемъ къ которымъ можетъ служить § 27 „Исторіи философіи права“ пр. Коркунова. Кстати послѣдняя книга представляетъ собою странное смѣшеніе исторіи философіи права съ исторіею правовѣдѣнія, не говоря уже объ опечаткахъ и необработанности книги.

[2]) На стр. 105 этой главы интересная полемика г. Новгородцева съ проф. *Муромцевымъ* на счетъ того, что самораскрытіе народнаго духа не исключаетъ еще понятія процесса.

[3]) Глава о немъ одна изъ лучшихъ главъ книги. Жаль только что г. Новгородцевъ не принялъ во вниманіе здѣсь взглядовъ проф. *Дювернуа*, одного изъ убѣжденныхъ и лучшихъ у насъ противниковъ теорій Іеринга. Такъ же кое что новое объ Іерингѣ даетъ и § 30 „Ист. фил. пр.“ пр. Коркунова.—Любопытно у г. Новгородцева на стр. 152 и замѣчаніе на счетъ опредѣленія общества, даваемаго проф. Коркуновымъ.

уже общее благо (165). Но телеологическая теорія его, являясь законнымъ протестомъ противъ ученій о непроизвольности историческаго развитія, ударилась въ другую крайность, слишкомъ подчеркнувъ идею человѣческаго творчества (160). Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи права по мнѣнію г. Новгородцева и Іерингомъ не рѣшенъ окончательно. По мнѣнію же проф. Коркунова („Лекціи по общей теоріи права") возникновеніе права обусловлено сознательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ поведенія, какъ обязательныхъ, содержаніе которыхъ дается однако безсознательно сложившимися обыкновеніями (109). А развитіе права по его мнѣнію представляетъ борьбу стараго, безсознательно установившагося, права съ новымъ, сознательно вырабатываемымъ (112).

Перейдемъ теперь къ самой слабой сторонѣ юридической школы, къ ея неопредѣленному понятію формъ образованія положительнаго права, получившемуся благодаря смѣшенію ею вопросовъ о формальной и матеріальной основѣ происхожденія юридическихъ нормъ (169). Такъ, Савиньи отождествляетъ право съ народнымъ правосознаніемъ (100) и такимъ образомъ, противопоставляя исторически данное право произволу правителей, какъ бы возвращается къ доктринамъ естественнаго права (102). Пухта же, хотя и прибѣгаетъ къ фикціи согласія закона, изданнаго надлежащимъ порядкомъ, съ общею волею (113), но важно здѣсь не это, а то, что ужъ онъ признаетъ законодательство дѣйствующимъ лишь вслѣдствіе формы его выраженія. Именно, по мнѣнію пр. Коркунова („Лекціи", 278), законъ есть всякая устаповляемая государственною властью юридическая норма. Такъ было дѣло съ закономъ, но и относительно обычнаго права—этой твердыни исторической школы еще до Іеринга было брошено представленіе Савиньи, будто бы можетъ существовать право, не получившее практической реализаціи и дѣйствительное въ силу одного своего присутствія въ народномъ духѣ (129). Затѣмъ Адикесъ вполнѣ правильно и относительно обычныхъ нормъ [1]) (171) замѣнилъ моментъ народнаго убѣжденія моментомъ

---

[1]) Относительно обычнаго права г. Новгородцевъ вообще примыкаетъ къ *В. И. Сергѣевичу*, считающему основой обычнаго права его примѣненіе (стр. 178 и 186), и оппонируетъ проф. Коркунову, считающему такой основой обычнаго права его общность (стр. 178 и 188). Жаль только, что онъ не разсмотрѣлъ и видоизмѣненія ученія объ обычномъ правѣ исторической школы, дѣлаемаго г. *Рудневымъ* въ его книгѣ „О духовныхъ завѣщаніяхъ".

продолжительнаго примѣненія ихъ, хотя отчасти онъ самъ уронилъ свое дѣло, включивъ въ число источниковъ права и субъективный разумъ (174), тогда какъ и прекращается дѣйствіе обычнаго права тоже въ силу чисто формальныхъ моментовъ (177). Наконецъ, Цительманъ отбросилъ совсѣмъ идею общенароднаго убѣжденія и такимъ образомъ порвалъ окончательно традиціи исторической школы (183). Слѣдовательно, по мнѣнію г. Новгородцева, теперь можно считать уже общепринятымъ въ наукѣ, что „только выливаясь въ законченныя формы обычая или закона, юридическія положенія получаютъ свою обязательную силу. Эти внѣшнія формы объектированія правовыхъ нормъ и являются поэтому основою ихъ дѣйствія“ (187). Пандекты Регельсбергера и даютъ намъ образцовое изложеніе новаго ученія объ источникахъ права (189).

Разсмотримъ въ заключеніе и § 2-ой восьмой главы книги, самый важный въ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ самый неудачный, представляющій, какъ мы уже говорили, очень скомканный обломокъ не написаннаго отдѣла ея. Насколько мы могли понять этотъ §-фъ, дѣло идетъ въ немъ о томъ, что для удовлетворенія вѣчно живущей въ человѣчествѣ жажды къ обобщенному знанію Меркель и Бергбомъ взамѣнъ старой разрушенной философіи права стремятся теперь построить новую философію (положительнаго!) права, только конечно въ духѣ новаго научнаго теченія, а не стараго. Такимъ образомъ отличительными чертами этого новаго направленія являются признаніе необходимости отправляться отъ изученія дѣйствительнаго права, отрицаніе дуализма юридическаго созерцанія и противодѣйствіе логическому пониманію права (207—208). Особенно же рѣзко выступаетъ противъ двойственности въ пониманіи права Бергбомъ, черезчуръ впрочемъ увлекаясь формальнымъ моментомъ (212). Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ Меркель и Бергбомъ и не идеализируютъ существующаго и не отрицаютъ связи права съ нравственностью (191 и 208). Вѣдь дуализма жизненной дѣйствительности съ нравственнымъ сознаніемъ, а слѣдовательно и идеалистическихъ началъ тоже никогда и ничѣмъ искоренить нельзя. Можно и должно только строго различать идеальное и положительное (216).

Таково вкратцѣ содержаніе интересной книги г. Новгородцева, далеко не исчерпанное нами притомъ. Очень интересною и благодарною работою былъ бы и подробный разборъ ея частностей. Но къ сожалѣнію, наша рецензія и безъ того затянулась. Поэтому замѣтимъ лишь въ заключеніе, что не смотря на нѣкоторые мелкіе промахи

и погрѣшности, въ общемъ работа г. Новгородцева одно изъ выдающихся явленій нашей небогатой литературы по юриспруденціи. Богатство содержанія книги, знаніе авторомъ литературы предмета [1]), спокойный и безпристрастный тонъ его, блестящая аргументація, осторожность въ выводахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новизна и оригинальность его взглядовъ, а также приведеніе имъ въ связь съ жизнью изучаемыхъ доктринъ все это выгодно отличаетъ книгу г. Новгородцева. Нельзя не пожелать, чтобъ такія книги выходили почаще.

С. Шумаковъ.

Н. С. Суворовъ. *Гражданскій бракъ.* Спб. 1896 г. Второе дополн. изд. Стр. 152. Цѣна 80 коп.

Въ небольшой брошюрѣ проф. Суворова излагается исторія развитія гражданскаго брака и нынѣшнее его состояніе въ различныхъ государствахъ. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ исторію заключенія брака христіанской Римской имперіи и на Западѣ въ средніе вѣка, предпосылая этому очеркъ брака римскаго въ древности. Непосредственными причинами, вызвавшими къ жизни гражданскій бракъ, какъ институтъ, признаются, обыкновенно, образованіе множества религіозныхъ направленій и сектъ со времени реформаціи, и, во-вторыхъ, философія естественнаго права. Несмотря на то, что во Франціи почва была болѣе подготовлена для введенія гражданскаго брака, однако, впервые онъ появляется, въ качествѣ брака законнаго, въ Голландскихъ Штатахъ и затѣмъ въ Англіи. Именно, гражданскій бракъ, въ качествѣ законнаго, съ занесеніемъ его въ особую оффиціальную метрическую книгу, былъ введенъ въ 1580 г. сначала въ двухъ голландскихъ штатахъ, а въ 1656 г. уже распространяется на всѣ Нидерланды. Въ Англіи, на основаніи закона 1653 г., изданномъ при Кромвелѣ, духовенство совершенно было устранено отъ участія въ заключеніи брака. Однако, кромвелевскій законъ не доставилъ себѣ популярности

[1]) Только насъ, признаться, удивило немного преклоненіе г. Новгородцева чуть не на каждомъ шагу передъ проф. *Чичеринымъ*. Сколько намъ помнится, проф. *Бершадскій* обвиняетъ послѣдняго въ невыдержанности отправной точки зрѣнія и пристрастности критики, проф. *Карѣевъ* въ четвертованіи и понятій и мысли читателя, наконецъ, проф. *Коркуновъ* въ топтаніи на мѣстѣ („Ист. фил. пр"., стр. 244).

среди массы всего населенія. Впослѣдствіи, при реставраціи Стюартовъ, онъ, не будучи формально отмѣненнымъ, оставался безъ примѣненія.

Далѣе, авторъ указываетъ на причину появленія во Франціи такъ назыв. „пустынныхъ браковъ“ (mariages du desert) и приводитъ въ хронологической послѣдовательности законодательства, касающіяся регламентированія брачнаго союза. Въ главѣ III штудируется гражданскій бракъ по Code civil и другимъ законодательствамъ, въ основы которыхъ были положены принципы французскаго кодекса, а въ слѣдующей, т. е. IV-ой, главѣ профессоръ останавливаетъ вниманіе читателя на законахъ, касающихся гражданскаго брака, примѣняемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Норвегіи и въ Австріи.

Послѣдняя глава посвящена исторіи гражданскаго брака въ Россіи. Здѣсь авторъ пытается доказать, что гражданскій бракъ, во-1-хъ, не свойственъ русскому народу и, во-2-хъ, признаетъ его вредность. Для подтвержденія своихъ положеній проф. пользуется мнѣніями, высказанными по этому поводу, К. П. Побѣдоносцевымъ и Т. И. Филипповымъ. Кромѣ того, авторъ приводитъ „одно цѣнное историческое указаніе“ въ пользу церковнаго вѣнчанія, какъ не только наилучшей и достойнѣйшей формы вступленія въ бракъ, но и какъ вполнѣ соотвѣтствующей русскому народному сознанію и русскому юридическому быту. Именно, русскіе сектанты, какъ старовѣрческаго, такъ и раціоналистическаго направленія, по отдѣленіи отъ церкви, сохранили въ себѣ непреодолимое стремленіе къ религіозной формѣ заключенія брака. Относительно же безпоповцевъ проф. Суворовъ говоритъ, что съ пресѣченіемъ до-никоновскаго священства, часть раскольниковъ пришла къ заключенію, что священство уже не существуетъ болѣе на землѣ и не можетъ существовать, такъ какъ погибла истинная церковь, а слѣдовательно не можетъ существовать и брака. „На сколько приверженнымъ нужно быть къ церковному вѣнчанію, замѣчаетъ проф., черезъ священника, чтобы въ виду невозможности имѣть священника, отказаться отъ самаго брака и дойти до чудовищныхъ выводовъ изъ этого отказа“ (стр. 112—113). Примѣръ этотъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удаченъ. То, что безпоповцы не желали вѣнчаться у никоніанскихъ священниковъ доказываетъ не „приверженность“ ихъ „къ церковному вѣнчанію“, а указываетъ только, что они являются противниками „вѣры никоновской“,

безпоповецъ не обратится къ православному священнику ни за одной требой—будь это вѣнчаніе, крестины, похороны и проч.

Православный для безпоповца тоже, что еврей или магометанинъ. Вотъ, если бы безпоповцы не признавали за православнымъ духовенствомъ только права совершать таинство брака и за совершеніемъ всѣхъ остальныхъ таинствъ обращались бы къ нему, тогда бы, конечно, можно было это уклоненіе признать за особую „приверженность“ къ церковному вѣнчанію. Далѣе, авторъ приводитъ описаніе обряда, совершаемаго при вѣнчаніи, сектантами раціоналистическаго направленія, именно каликовцами (соединеніе безпоповщины съ малоканствомъ и штундизмомъ); здѣсь женихъ, во время пѣнія божественныхъ (!) пѣсенъ и подходящихъ псалмовъ, незамѣтно уводитъ невѣсту въ свой домъ; послѣ же того какъ гостями обнаруживается отсутствіе молодыхъ, они поздравляютъ отца невѣсты съ новобрачными. Мы въ этомъ примѣрѣ не усматриваемъ „приверженности“ къ „церковному вѣнчанію“. Обрядность эта есть ничто иное, какъ пережитокъ (survival) умыканія извѣстнаго почти всему міру. Примѣръ же штундистовъ, у которыхъ старшій братъ общества совершаетъ браки, причемъ читаются во время радѣнья молитвы и Евангеліе, тоже никоимъ образомъ не могутъ подтверждать гипотезы высокопочитаемаго профессора. Если же авторъ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что при подобныхъ бракахъ совершаются извѣстныя церемоніи quasi—религіознаго характера, то приписывать это слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, не стремленію сектантовъ сакрифицировать бракъ, а ихъ невѣжеству. Вотъ, если бы въ Россіи былъ введенъ обязательный гражданскій бракъ, а сектанты все же бы вѣнчались по своимъ обрядамъ, тогда еще можно бы говорить о приверженности ихъ къ „церковному браку“. Гражданскій бракъ существуетъ у насъ въ Россіи и обязательность его распространяется на раскольниковъ. Авторъ приводитъ законъ Петра I отъ 24 марта 1719 г., затѣмъ указываетъ на положеніе раскольниковъ при Екатеринѣ II, говоритъ коротко о гоненіяхъ на нихъ въ 50-тыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и наконецъ останавливается на законѣ 19 апрѣля 1874 года. При указаніи на то, что факультативный гражданскій бракъ возможенъ былъ бы въ Россіи (стр. 124), авторъ приводитъ соображенія въ пользу того обстоятельства, что обязательный гражданскій бракъ для раскольниковъ является до нѣкоторой степени несправедливостью (стр. 126). Проф., пожалуй, идетъ здѣсь

противъ своей же гипотезы, такъ какъ признаетъ необходимость введенія факультативнаго гражданскаго брака. Именно, во-1-хъ, авторъ уничтожаетъ этимъ аргументацію К. П. Побѣдоносцева, и во-2-хъ, умаляетъ значеніе „приверженности“ русскаго народа „къ церковному вѣнчанію“. Заключительныя слова проф. Суворова, какъ намъ кажется, лучше всего уяснятъ, находитъ-ли возможность авторъ стать на сторону противниковъ гражданскаго брака. Такъ, онъ пишетъ, что государство должно поддерживать религіозное начало, въ отношеніи къ однимъ бракамъ, придавая ему государственно-законную санкцію, въ отношеніи же другихъ браковъ, государство, напротивъ, „должно отрѣшиться отъ религіознаго начала и регулировать браки своими гражданскими нормами“ (стр. 125).

Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ, что брошюра профессора Суворова написана чрезвычайно живо и читается съ большимъ интересомъ.

Н. Ретвихъ.

Н. Мартыновъ. *Узаконеніе и усыновленіе дѣтей (Законъ 12 марта 1891 г.) съ разъясненіями и образцами бумагъ.* Спб. 1896 г. Стр. 46.

Брачное право, какъ бы въ опроверженіе словъ Мейера, разработывается нынѣ не только канонистами, но и юристами. Въ 90-хъ годахъ появилось въ печати очень много сочиненій по разбираемому нами вопросу; отмѣтимъ только монографіи Носенко, Боровиковскаго, Шматкова, Юрасовскаго и др. Потребность въ такого рода сочиненіяхъ очень настоятельна въ виду законодательныхъ нововведеній въ области семейнаго права и въ виду крайне неудовлетворительной разработки этого института нашими авторитетнѣйшими цивилистами въ ихъ объемистыхъ курсахъ гражданскаго права. Въ данномъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ сдѣлать оговорку въ пользу новыхъ курсовъ проф. Дювернуа и Шершеневича (1896 г.), а также въ пользу Анненкова и Васьковскаго, которые, согласно предварительно предначертанной программѣ, не могли или не должны были детально разбирать отдѣльныхъ вопросовъ. Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду К. П. Побѣдоносцева, который посвятилъ довольно много мѣста анализу даннаго вопроса (т. II

142—166 ст. изд. 1896 г.), а между тѣмъ какъ будто игнорируетъ въ новомъ изданіи законъ 12 марта 1891 г. И такъ, г. Побѣдоносцевъ ни однимъ словомъ не обмолвилъ вопроса о томъ, что разумѣетъ новый законъ подъ словомъ „прелюбодѣяніе“ т. е. 2 п. 132 ст. 1 ч. X т. (ср. Мартыновъ, стр. 5—7).

Засимъ на стр. 161 г. Побѣдоносцевъ не упомянулъ рѣшенія гражд. кассац. департ. сената 1895 г. № 17, въ силу котораго дѣти раскольниковъ и иностранцевъ вполнѣ подходятъ подъ дѣйствіе 144[1] ст. 1 ч. X т., т. е. узаконяются бракомъ родителей наравнѣ съ дѣтьми лицъ христіанскихъ исповѣданій (ср. Мартыновъ, 15 стр.).

На 208 стр. г. Побѣдоносцевъ не оговорилъ, что примѣненіе 150 ст. возможно только въ случаяхъ нормальнаго состоянія брачнаго союза, т. е. такъ, какъ это разумѣетъ законъ 106 и 107 ст. 1 ч. X т. Означенная выше статья никакого отношенія имѣть не можетъ въ случаѣ фактической разлуки супруговъ, когда бракъ ихъ существуетъ по одному лишь имени (Мартыновъ, стр. 18. Шматковъ, стр. 147). Напротивъ того, въ маленькой книжкѣ г. Мартынова нѣтъ почти пробѣловъ въ области изслѣдуемаго вопроса, другими словами говоря, г. Мартыновымъ детально разработаны два цивилистическіе вопроса. Поэтому, желая, напр., вчинать искъ о непризнаніи дитяти, конечно, лучше обращаться тогда за совѣтомъ и справками не къ г. Мартынову, а къ вышеуказаннымъ руководствамъ, напр., къ г. Юрасовскому.

Несмотря на полноту содержанія и у г. Мартынова замѣчаются пробѣлы по нѣкоторымъ животрепещущимъ вопросамъ.

Напр., въ разъясненіяхъ ко 2-му пункту 132 статьи или 144[1] г. Мартынову слѣдовало оговорить одинъ случай или одно послѣдствіе преступной связи родителей. Дѣло въ томъ, если бракъ разрѣшается по диспенсаціи для лицъ, находящихся въ родствѣ, и эти лица до брака прижили дѣтей, то такія дѣти нѐ узаконяются, ибо они равнымъ образомъ произошли отъ преступной связи, хотя даже впослѣдствіи на бракъ дана диспенсація епархіальной власти.

Въ виду чрезвычайно краткой давности (6 мѣсяцевъ) для опроверженія законности ребенка, рожденнаго по истеченіи 306 дней, положеніе бывшаго мужа и всей семьи представляется просто комичнымъ: 1°. по буквальному смыслу ст. 131 1 ч. X т. приходится признать законными дѣтей, рожденныхъ спустя 10—15 лѣтъ послѣ смерти мужа или черезъ годъ послѣ окончанія развода (ср. Шершеневичъ, ст. 595 Учебника русск. гражд. права 1896 г.).

Засимъ на стр. 15 въ разъясненіе ст. 148 1 ч. X т. г. Мартыновъ установилъ отличіе между усыновленными и узаконенными дѣтьми, между тѣмъ не сдѣлалъ этого по отношеніи къ законнымъ и узаконеннымъ дѣтямъ, хотя на этомъ различіи зиждутся важныя юридическія послѣдствія. Между законностью и узаконеніемъ существуетъ то различіе, что узаконеніе не имѣетъ обратнаго дѣйствія: оно вводитъ узаконенное дитя въ семейство только съ момента брака, а не со времени его рожденія. Въ виду этого узаконенное дитя не можетъ наслѣдовать въ наслѣдствахъ, открывшихся до вступленія его родителей въ бракъ, такъ что обще начало: nasciturus jam pro nato habetur, cum d. e. c. d.—въ данномъ случаѣ не имѣетъ примѣненія.

Зд. Корсакъ.

Schweizerisches Civilgesetzbuch.—Code civil suisse. Vorentwurf.—Avant-projet. 1896 г.

Послѣднею новинкою въ литературѣ гражданской кодификаціи представляется недоконченный проектъ гражданскаго уложенія для швейцарскаго союза. Умѣніе швейцарцевъ находить въ кодификаціи примиряющія постановленія, органически связанныя съ предъидущимъ развитіемъ ихъ необыкновенно разнообразнаго законодательства, достаточно доказано ихъ удачными опытами въ этой области, а именно: извѣстнымъ союзнымъ закономъ объ обязательствахъ, отъ 14 іюня 1881 года, союзнымъ закономъ о долговомъ взысканіи и конкурсномъ производствѣ отъ 11 апрѣля 1889 года и проектомъ союзнаго швейцарскаго уголовнаго уложенія, выработаннымъ въ октябрѣ 1893 года.

Съ ноября 1893 года швейцарское союзное правительство приступило къ ускоренному осуществленію давно назрѣвшаго плана выработки обще-швейцарскаго гражданскаго уложенія. Первоначальное составленіе проектовъ и общее руководство работъ принялъ на себя выдающійся швейцарскій цивилистъ проф. *Евгеній Губеръ*. Нынѣ доставленные намъ проекты, еще не опубликованные во всеобщее свѣдѣніе, въ виду предстоящихъ еще передѣлокъ, но отпечатанные въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ—достойны уже въ этой формѣ любознательнаго вниманія русскихъ

цивилистовъ. Послѣдній изъ нихъ помѣченъ 5-мъ декабря 1896 года. Разработаны пока только *„право лицъ“*, *„право семейное“* и *„наслѣдственное право“*, въ видѣ двухъ томовъ, съ мотивами при слѣдующихъ заглавіяхъ:

а) *„Personen-und Familienrecht“—„Droit des personnes et de la famille“*, и

б) *„Das Erbrecht.—Les successions“*.

Проекты напечатаны, какъ водится въ Швейцаріи—одновременно по-французски и по-нѣмецки. Въ скоромъ времени выйдетъ послѣдній томъ *„о вещныхъ правахъ“*.

Мы надѣемся имѣть случай дать подробный отзывъ объ этихъ проектахъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Журнала Юридическаго Общества“.

А. Башмаковъ.

Краевскій. *Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ.* Спб., 1897 г., 97 страницъ, ц. 50 к.

Авторъ касается въ своей брошюрѣ самаго нерва современнаго гражданскаго процесса, состязательнаго начала, и прежде всего останавливается на вопросѣ, что хорошаго, по истеченіи 30-ти лѣтней дѣятельности судебныхъ уставовъ, принесъ этотъ совершенно новый способъ разсмотрѣнія тяжбъ (стр. 4)? Изъ самой постановки вопроса читатель предугадаетъ, конечно, что отвѣтъ послѣдуетъ весьма неблагопріятный.

Я не стану повторять содержанія всей брошюры, а остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея:

I. По мнѣнію автора, „словесныя пренія сторонъ, хотя и получили у насъ особое развитіе, но для нихъ не создалось никакой типичной формы“ (стр. 5). Отсюда полная яко-бы неравноправность сторонъ: „одолѣваетъ та, которая сильнѣе“ (стр. 5—8, 29), причемъ „отъ содержательности и убѣдительности доводовъ той или другой стороны зависитъ удача или неудача въ дѣлѣ“ (стр. 11).

На это можно возразить, что по своей основной мысли состязательное начало не могло выработать какую либо строго-опредѣленную форму, что обѣ стороны въ процессѣ равноправны и въ ихъ

рукахъ всѣ данныя для защиты своихъ интересовъ; затѣмъ, согласно ст. 338 и 693 уст. гр. суд.. руководство словесными состязаніями, обсужденіе и постановленіе рѣшеній закономъ возложены на предсѣдателя и судей. Судьи не настолько пассивны, чтобы не принимать никакого участія въ дѣлѣ только подъ вліяніемъ постоянной угрозы кассаціи ихъ рѣшеній. Приводимые авторомъ на стр. 43—47 примѣры изъ кассаціонной практики вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что сенатъ имѣетъ ввиду урѣзать только дѣятельность суда, и оттуда не вытекаетъ трудность примѣненія къ дѣйствительности принциповъ состязательнаго начала (ст. 43), ибо неустойчивость и измѣнчивость такихъ кассаціонныхъ рѣшеній будетъ понятна, если припомнить массу поступающихъ въ сенатъ дѣлъ, которыя нерѣдко именно вслѣдствіе своей многочисленности рѣшаются спѣшно, безъ достаточной обдуманности, лишь во избѣжаніе одного—медленности производства.

II. Далѣе, по заявленію автора, „судебныя пренія, не всегда полезныя для самихъ сторонъ, всегда вредны для правосудія затяжкою въ движеніи процесса, помѣхами въ общемъ ходѣ судебныхъ дѣлъ и тягостнымъ вліяніемъ на судей“ (стр. 18). „Въ нихъ корень принципіальнаго недружелюбія магистратуры къ сторонамъ и ея представителямъ“ (стр. 23).

„Судъ этотъ быстро превратился въ потѣшное зрѣлище, куда ломился народъ, какъ на даровой спектакль, добиваясь послушать, какъ пикируются между собой адвокаты“ (стр. 58).

Я полагаю, что вредъ судебныхъ преній преувеличенъ. Если бываютъ примѣры неправильныхъ рѣшеній и многосложныхъ объясненій присяжныхъ повѣренныхъ, если нерѣдко говорится лишнее, если, наконецъ, дѣйствительно существуютъ острыя отношенія между магистратурой и сторонами, то вѣдь изъ этихъ примѣрныхъ случаевъ неосновательно дѣлать такое широкое обобщеніе о негодности состязательнаго начала сторонъ и о судѣ, какъ простомъ балаганѣ; несправедливо утверждать, что состязательный методъ въ раскрытіи судебной истины есть методъ безусловно ложный (стр. 29). Достаточную оцѣнку этого метода можно найти въ трудахъ нашихъ ученыхъ: Малышева (Курсъ гр. судопр., т. I, Спб., 1874 г.), проф. Гольмстена (Юридич. изслѣдованія. Спб., 1894 г.).

III. Наконецъ, „стороны берутъ на себя не только выясненіе фактическихъ данныхъ, но и полную разработку юридической его

стороны“ (стр. 14). По мнѣнію автора, послѣдствіемъ такого порядка являлись: „страсть къ сутяжничеству“ (стр. 60), „необычайное развитіе фиктивныхъ сдѣлокъ (стр. 62) и фиктивныхъ исковъ“ (стр. 64).

На мѣсто отрицательной критики авторъ ставитъ положительную, а именно: признавая существующій порядокъ несовершеннымъ, онъ предлагаетъ въ смыслѣ корректива къ нему перенести свойство состязательности и на судъ (стр. 69). Къ чести автора слѣдуетъ сказать, что онъ не приближается къ старому слѣдственному порядку, такъ какъ не лишаетъ сторонъ права приводить юридическія основанія своихъ требованій, а лишь отрицаетъ за ними право поучать въ чемъ бы то ни было судъ (стр. 70), однимъ словомъ авторъ стремится къ совмѣстной дѣятельности суда и тяжущихся (стр. 51) въ гражданскомъ процессѣ.

Предоставляю на судъ каждаго эти мысли автора. Не соглашаясь съ авторомъ въ принципѣ въ ложности состязательнаго метода, я не отрицаю, что всякій человѣческій институтъ имѣетъ свои слабыя стороны и, конечно, не потому, чтобы въ данномъ случаѣ таковъ былъ самъ институтъ, а потому, что сами люди дѣлаютъ его такимъ.

Въ виду интереснаго вопроса, затрогиваемаго въ брошюрѣ и доступной ея цѣны, можно пожелать автору распространенія его книги среди юристовъ, содержаніе которой можетъ заставить, если не согласиться, то подумать о многомъ.

М. Дурасовъ.

Albérie Rolin. *Principes du droit international privé et applications aux diverses matières du Code Civil.* Paris. 1897. 818+615+573 стр., 3 тома.

Появленіе книги г. Rolin, заглавіе которой мы выписали выше, составляетъ очень интересный фактъ, наводящій на много серьезныхъ размышленій. Мы имѣемъ предъ собою обширный трактатъ въ *двѣ тысячи* слишкомъ страницъ,—трактатъ написанный большимъ знатокомъ дѣла и, вообще, авторитетнымъ ученымъ, составившимъ себѣ полезную репутацію въ области науки международнаго права,—трактатъ, разработанный подробно, весьма добросовѣстно и, повидимому, не очень поспѣшно,—трактатъ, являющійся во всеоружіи тѣхъ замѣчательныхъ успѣховъ, которые сдѣланы

наукой международнаго частнаго права за последніе 10—15 лѣтъ,— и, при всемъ томъ, трактатъ, который оставляетъ читателя весьма неудовлетвореннымъ. Подобный фактъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли бы указать въ самыхъ общихъ чертахъ—чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно объяснить то недостаточно цѣлостное впечатлѣніе, которое производитъ на читателя этотъ добросовѣстный трудъ первокласснаго ученаго.

Вникнувъ, насколько это было въ нашихъ силахъ и разумѣніи, въ содержаніе работы г. Rolin,—мы пришли къ заключенію, что наиболѣе неблагопріятнымъ образомъ повліялъ на нее тотъ *методъ*, котораго придерживался бельгійскій профессоръ.

Въ этомъ отношеніи онъ является послѣдовательнымъ сторонникомъ господствующей нынѣ школы частнаго международнаго права, занимающейся почти исключительно вопросами о рѣшеніи такъ называемыхъ „конфликтовъ", *conflits des lirs*: предполагается юридическое отношеніе, къ которому могутъ быть примѣнены законодательныя нормы различныхъ государствъ,—и затѣмъ рѣшается вопросъ, которому изъ эвентуально приложимыхъ законодательствъ нужно отдать предпочтеніе („La compétence respective des législations des divers Etats en ce qui concerne les rapports de droit privé", опредѣленіе самого г. Rolin, I, 12).

Какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько различныхъ ученій, на которыя подраздѣляется указанная господствующая школа; каждое изъ нихъ различно рѣшаетъ поставленный выше вопросъ. Наиболѣе рельефными являются двѣ группы такихъ ученій. Отличительный признакъ первой изъ нихъ заключается въ томъ, что ея послѣдователи даютъ какой-нибудь общій критерій, допуская затѣмъ болѣе или менѣе многочисленныя отъ него отступленія. Сюда относится, во-первыхъ, такъ называемая *англоамериканская* школа, кладущая въ основаніе своего ученія признакъ территоріальнаго дѣйствія закона. Во-вторыхъ, *итальянская* школа, какъ бы это сопоставленіе ни показалось страннымъ, напр., покойному Лорану, итальянская школа исходитъ изъ противоположенаго тезиса, совершенно, по нашему мнѣнію, еретическаго, а именно, что понятіе территоріи есть понятіе nulli momenti для ученія объ обязательной силѣ закона. Оба эти ученія допускаютъ, какъ мы уже замѣтили, многочисленныя исключенія.

Вторая группа отличается тѣмъ, что она не даетъ никакого общаго принципа, а рѣшаетъ каждый встрѣтившійся случай на

основаніи соотвѣтственно-скомбинированныхъ соображеній, облеченныхъ *въ болѣе или менѣе* объективную форму разсужденій о томъ, чего требуетъ въ данномъ случаѣ духъ закона, die Natur der Sachen, der Sitz des Rechtsverhältnisses и т. д. Мы нарочно подчеркиваемъ слова „въ болѣе или менѣе объективную форму“—ибо мы хотимъ напомнить, что въ наше время уже никто не повѣритъ Бару, когда онъ старается доказать, что Natur der Sachen, есть объективный принципъ (Lehrbuch, 19 anm. 3). Въ настоящее время всякій сознаетъ, что всѣ указанные принципы представляютъ ту форму, въ которую выливается, въ лучшемъ случаѣ, несознательный субъективизмъ автора. *Субъективизмъ* есть наиболѣе характеристичный признакъ разбираемой второй группы ученій, въ которой все дѣло сводится къ тому, что авторъ беретъ данное ему юридическое отношеніе и затѣмъ доказываетъ, какой законъ, *по его мнѣнію*, долженъ быть примѣненъ опредѣленнымъ судомъ. Доказательство облекается въ форму разсужденій о томъ, чего требуетъ въ данномъ случаѣ природа вещей, цѣль института, l'interet de la validitè du rapport и т. п.; читатель же ясно представляетъ себѣ, что природа вещей (а слѣдовательно, и результатъ доказательства) можетъ явиться совсѣмъ иною подъ перомъ другого автора,—что интересъ сохраненія юридическаго отношенія если, опять таки, вопросъ субъективный, не поддающійся апріорному рѣшенію.

Если приведенная вторая группа отличается отъ первой отсутствіемъ руководящаго, общаго принципа,—то тѣ обѣ совершенно схожи въ отношеніи субъективизма, котораго въ первой группѣ нисколько не меньше, чѣмъ во второй. Ни для кого вѣдь не секретъ, какимъ гибкимъ и пластичнымъ становится понятіе *ordre public* въ рукахъ, хотя бы, того же Лорана,—и какое сильное вліяніе на практическое приложеніе этого принципа оказали, напримѣръ, антиклерикальныя тенденціи великаго бельгійскаго писателя.

Ни одинъ изъ указанныхъ отличительныхъ признаковъ не чуждъ работѣ г. Rolin. Мы уже указали выше, какъ онъ понимаетъ свою задачу, отмѣтивъ, что изслѣдованіе свое онъ посвящаетъ исключительно разсмотрѣнію „конфликтовъ“. Правда, въ своемъ опредѣленіи частнаго международнаго права онъ упоминаетъ еще о „règles qui régissent les droits des étranger“ (I, 12)—но, къ сожалѣнію, нигдѣ въ своей работѣ къ подробному разсмотрѣнію этого „права иностранцевъ“ не обращается: даже ученіе о національности изложено у него вратцѣ, между прочимъ. Всѣ кон-

фликты г. Rolin рѣшаетъ по образцу *второй* изъ указанныхъ школъ, онъ придаетъ очень мало значенія національному закону, или, по крайней мѣрѣ, не придаетъ ему того принципіальнаго характера, который онъ имѣетъ у итальянской школы; г. Rolin говоритъ, и даже очень часто о *lois d'ordre public*, но этотъ терминъ имѣетъ у него уже нѣсколько другой смыслъ. Не выражая никакого основнаго принципа, г. Rolin долженъ разматривать каждое юридическое отношеніе по отдѣльности и рѣшать вопросъ о примѣнимости того или другого закона на основаніи чисто *субъективныхъ* соображеній.

Такимъ образомъ, г. Rolin рѣшаетъ въ своей работѣ *конфликты* законовъ, *не выставляя* никакого основнаго принципа, а руководясь чисто *субъективными* мотивами. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько данныхъ въ развитіе каждаго изъ трехъ указанныхъ положеній.

Работа г. Rolin посвящена *конфликтамъ*. Вопросъ этотъ имѣетъ свою несомнѣнную важность, но намъ кажется, что трактатъ о конфликтахъ можетъ быть плодотворнымъ только при соблюденіи двухъ условій, на которыя г. Rolin, повидимому, не обратилъ должнаго вниманія. Первымъ условіемъ является слѣдующее: разбирая конфликты, необходимо знать прежде всего, въ чемъ эти конфликты могутъ заключаться; необходимо знать, въ чемъ иностранныя законодательства отличаются отъ положеній даннаго національнаго кодекса, дабы предвидѣть, на какомъ вопросѣ они *могутъ* столкнуться. Мы знаемъ, напр., г. Weiss придерживается въ своемъ *Traité* именно этого метода: по каждому вопросу онъ даетъ краткое обозрѣніе главныхъ европейскихъ законодательствъ и затѣмъ, на основаніи этого положительнаго матеріала, ясно и отчетливо конструируетъ возможные конфликты. Г. Rolin поступаетъ иначе: онъ прямо противополагаетъ изученіе международнаго частнаго права—изученію науки сравнительнаго законовѣдѣнія и, затѣмъ сославшись на то, что „le present ouvrage n'est point une étude de législation comparée“ (II, 79, note 1), старается по возможности избѣгать положительнаго иностраннаго матеріала (въ крайне рѣдкихъ случаяхъ онъ вкратцѣ резюмируетъ соотвѣтствующія мѣста изъ Weiss'а). Вмѣсто положительнаго матеріала онъ оперируетъ, такъ сказать, съ гипотезами; обыкновенный его пріемъ можетъ быть формулированъ слѣдующими его же словоми: „Nous ne savons si d'autres législations contiennent encore aujourd'hui une pareille exception aux principes

généraux. Mais nous n'en avons pas moins à examiner rapidement quelle est son autorité" (III, 255). „A supposer"—говоритъ онъ (III, 6); или: nous ne connaissons aucun pays où il en soit ainsi" (III, 375)—и несмотря на то мы должны разсмотрѣть конфликтъ; или: „ce qui *peut etre* le cas d'après certaines legislations" (II, 98); или: „*supposons* que cette prescription soit inconnue" (I, 543). Очень не рѣдко г. Rolin разсматриваетъ конфликты французскаго кодекса съ такими иностранными нормами, которыя онъ самъ называетъ impossibles, invraisemblables (напр.: II 63, 217, 320). Наконецъ, мы замѣтили нѣсколько ошибокъ: въ двухъ случаяхъ г. Rolin приписываетъ русскому законодательству совершенно несуществующія постановленія (I, 543: предположимъ, что въ Россіи существуетъ двухъ лѣтняя прескрипція для докторскаго гонорара; ср. II 140).—Еще менѣе простительны ошибки относительно французскаго права, о которомъ, повидимому не трудно имѣть точныя свѣдѣнія. На стр. I, 254 г. Rolin утверждаетъ, что французъ теряетъ національность „par l'établissement à l'étranger sans esprit de retours;—напр. I, 588 предполагаетъ не рѣшеннымъ такой вопросъ о національности незаконнаго ребенка, на который имѣется совершенно ясный отвѣтъ въ новой редакціи art. 8, § 1 Code Civil;—на стр. I, 639 забываетъ упомянуть въ числѣ исключеній art. 12, § 3 Code Civil, и т. д. Всѣ подобныя рѣшенія конфликтовъ внѣ положительныхъ данныхъ, очевидно, не могутъ быть плодотворными [1]).

Второе условіе, соблюденіе котораго мы считаемъ необходимымъ для того, чтобы трактатъ о конфликтахъ имѣлъ научную цѣнность можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: конфликты, *уже рѣшенные* договорами или законами, должны служить исходною точкой опоры для всего изложенія; ни въ какомъ случаѣ невозможно ихъ игнорировать. Г. Rolin держится по этому вопросу другого мнѣнія. Онъ различаетъ два случая. Конфликтъ можетъ быть рѣшенъ такимъ образомъ, что договаривающіяся стороны опредѣляютъ „общее право", примѣнимое въ случаѣ конфликта, опредѣляютъ не формальный принципъ примѣненія того или дру-

---

[1]) Въ книгѣ г. Rolin много непослѣдовательностей. Вотъ напримѣръ, какъ онъ самъ осуждаетъ указанный методъ въ своемъ *вступленіи* (I, 128): „S'occuper du droit international privé sous avoir des notions au moins générales des différences qui existent entre les lois des divers pays, c'est s'agiter dans le vide, c'est se condamner à rester dans l'ignorance des véritables diffikultés". Какъ жаль, что это прекрасное намѣреніе осталось не исполненнымъ!

го національнаго права, а матеріальную норму, такъ сказать, интернаціональнаго права; примѣръ—конвенція 14 октября 1890 г. о желѣзнодорожныхъ грузахъ. Такого рода рѣшеніе конфликтовъ, по мнѣнію г. Rolin, есть вопросъ, лежащій совершенно внѣ рамокъ науки международнаго частнаго права (хотя, очевидно, это есть *одинъ изъ возможныхъ способовъ рѣшать конфликты*!). „Cette convention, говоритъ онъ (III, 261), substitue en effet, pour toutes les parties contractantes, l'unité de droit à la diversité des legislations. Elle supprime (!) par conséquent, dans la mesure où elle est applicable, les questions de droit international privé. Nous n'avons donc pas à nous en occuper specialement ici". Мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ согласиться съ такимъ *узкимъ* пониманіемъ задачъ частнаго международнаго права. Совершеннымъ молчаніемъ обходитъ г. Rolin, по тѣмъ же причинамъ, и литературную конвенцію 9 сентября 1886 года и промышленную 20 марта 1883 г. Во вторую категорію г. Rolin ставитъ тѣ рѣшенія, которыя даютъ именно формальный принципъ („примѣняй такой то законъ"). Эти рѣшенія уже несомнѣнно входятъ въ поставленныя имъ рамки; нужно признать, что онъ дѣйствительно удѣляетъ имъ нѣкоторое вниманіе. Но въ какомъ маломъ количествѣ! О франко-бельгійской конвенціи 30 іюля 1891 года (конфликты при натурализаціи) не сказано ни слова. Правила, принятыя германскимъ гражданскимъ уложеніемъ, указываются вскользь (II, 99. 194 и др.) по проектамъ. Постановленія Гаагскихъ конференцій и института международнаго права, имѣющія столь несомнѣнное доктринальное значеніе, приводятся почти безъ комментаріевъ и анализа. Все это весьма недостаточно. Къ тому же, читателя страшно поражаетъ, напримѣръ, примѣчаніе 1 на стр. 123 (томъ I), въ коемъ приведены по вопросу о заключеніи брака постановленія *первой* гаагской конференціи, причемъ на стр. (125 примѣч. 1) прибавлено: „dans sa 2-me session en 1894 la conférence de la Hage a adopté d'intéressantes résolutions relativement aux effets du mariage etc". По нашему мнѣнію, читатель можетъ требовать нѣсколько большаго отъ изданія помѣченнаго 1897-мъ годомъ [1]).

Мы указали выше какъ на второй отличительный признакъ,—

[1]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что во второмъ и третьемъ томѣ г. Rolin цитируетъ Гаагскія резолюціи уже по 1894-му году. Но тогда, къ чему же этотъ отрывокъ въ первомъ томѣ?

на отсутствіе въ его книгѣ общаго руководящаго принципа. Всякое юридическое отношеніе должно быть по мнѣнію г. Rolin предметомъ особаго спеціально *этому* отношенію посвященнаго обсужденія. Передъ судомъ науки международнаго частнаго права всякое юридическое отношеніе является самоцѣльнымъ явленіемъ, подлежащимъ разсмотрѣнію независимо отъ другихъ. Г. Rolin не только не старается обобщать свои выводы, но наоборотъ, стремится подлежащіе его обсужденію вопросы раздробить на возможно болѣе независимыя другъ отъ друга части. Согласно оглавленію, книга г. Rolin раздѣляется на 67 titres (нѣкоторые изъ нихъ носятъ между прочимъ странные заголовки; напр., III, titre 19. „De quelques dispositions particulières"). Но вникая въ сущность дѣла, можно придти къ заключенію, что, въ концѣ концовъ, книга г. Rolin раздѣлена на гораздо большее число самостоятельныхъ отдѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ. Каждый „артикль" гражданскаго кодекса трактуется по очереди и совершенно независимо отъ другихъ: получается 2281 диссертація о всѣхъ тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, которыя предусмотрѣны кодексомъ Наполеона. Болѣе крупныя подраздѣленія заимствованы опять таки изъ того же Code Civil, откуда и проистекаютъ, напримѣръ, тѣ странные заголовки, одинъ изъ которыхъ приведенъ нами выше. Подобная система, можетъ быть, очень удобна въ практическомъ отношеніи: судья, мало опытный въ вопросахъ науки международнаго частнаго права, дѣйствительно легко найдетъ въ этой, такъ сказать, справочной книжкѣ [1]) требуемое ему рѣшеніе. Но остаются открытыми вопросы: въ этомъ ли заключается идеалъ научнаго трактата? Возможно ли взять даже наилучшую кодификаціонную систему за образецъ системы научной? Не приносится ли въ жертву удобствъ розыскиванія—единство изложенія и т. д. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что *читать* книгу, изложенную по подобный системѣ,— очень трудно, въ особенности въ виду слѣдующаго обстоятельства: каждый вопросъ излагается г. Rolin не только постатейно, но еще и *дважды* (вкратцѣ въ томѣ I, и подробно въ томѣ II или III). Чувствуя невозможность ограничиться изложеніемъ статей Code Civil, г. Rolin посвятилъ весь первый томъ тому, что онъ называетъ

---

[1]) Мы отсылаемъ читателя къ тѣмъ многочисленнымъ страницамъ книги г. Rolin, на которыхъ на каждой трактуется *по отдѣльности* о 4—18 артиклахъ второстепенной важности; изложеніе получаетъ совершенный видъ перечня статей. См., напримѣръ, II 302, 308, 317, 428; III 123, 248, 248, 249 и т. д.

„principes généraux“ (второй и третій томы трактують объ „applications“). Но что же онъ излагаетъ подъ этимъ заголовкомъ? На ряду съ такими вопросами, которые, дѣйствительно, можно назвать „общими принципами“, понятіе ordre public, законы о формѣ актовъ, вопросы, относящіеся къ примѣненію иностраннаго закона (доказыванія, кассація), національность, домициль; пропущены: принципъ автономій, акты in fraudem legis и т. п.)—г. Rolin трактуетъ въ томъ же первомъ томѣ: loi qui régit les biens,—les successions,—les conventions,—la capacité и т. д. Неминуемымъ слѣдствіемъ подобной системы является убѣжденіе читателя, что, напримѣръ, изложеніе вопроса о quasi—контрактахъ является ненужнымъ или въ титулѣ XXII третьяго тома, или въ титулѣ VIII перваго тома, ибо и тамъ и тутъ говорится почти одно и тоже. Подобная двойственность, проходитъ, между тѣмъ, черезъ весь трактатъ: не мудрено, что чтеніе его является столь утомительнымъ.

Отсутствіе единства въ системѣ вліяетъ, конечно, и на самую сущность изложенія. Мы уже сказали выше, что г. Rolin не выставляетъ никакого общаго принципа. Было бы слишкомъ длинно доказывать это положеніе по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ. Мы приведемъ здѣсь только нѣсколько данныхъ относительно опредѣленія право—и дѣеспособности, этого кореннаго вопроса въ итальянской школѣ. Г. Rolin и по этому вопросу не даетъ общаго рѣшенія, предпочитая трактовать всякую модификацію отдѣльно отъ другихъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ, что l'état et la capacité des personnes (въ смыслѣ исключительно *дѣеспособности*) должны быть опредѣляемы по національному закону, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда недѣеспособный иностранецъ введетъ своего контрагента въ заблужденіе (I, 244) но: вопросъ о томъ, какое значеніе можетъ имѣть для контрагента недѣеспособность иностранца, вытекающая изъ иностраннаго судебнаго рѣшенія, есть вопросъ *факта*, „tout dépendroit des cirsonstances“ (II, 230). Затѣмъ, capacité опредѣляется: по lex loci actus (II, 362 III, 31), по національному закону *другого* контрагента (II 295, 366, 363), по національному закону мужа (для жены другой національности: II, 454), по lex domicilii (I, 258; III, 105), по loi qui régit la fonction (? II, 202; III, 187, 189), и т. д.).

Нѣтъ единства у г. Rolin даже по такому простому и, кажется, уже рѣшенному вопросу: домициль или національность опредѣляетъ дѣеспособность лица. Въ общемъ, г. Rolin отдаетъ предпочтеніе

національности. Однако, по его мнѣнію, дѣеспособность англичанина, домицилированнаго въ Бельгіи, должна опредѣляться не по національному закону, а по lex domicilii. Г. Rolin доказываетъ это странное положеніе слѣдующимъ образомъ: для опредѣленія дѣеспособности этого англичанина нужно обратиться къ его національному закону; но національный законъ предписываетъ опредѣлять дѣеспособность по lex domicilii, т. е. самъ отсылаетъ къ бельгійскому закону; поэтому, не нужно быть „plus catholique que le Pape" и настаивать на примѣненіи національнаго закона вопреки его собственнымъ постановленіямъ (I, 259, 657). Разсужденіе это основано на очевидной логической ошибкѣ. Бельгійскій судья имѣетъ въ изложенномъ казусѣ два эвентуально примѣнимыхъ закона: англійскій и бельгійскій. Соотвѣтственная норма международнаго частнаго права, дѣйствующаго въ Бельгіи, предписываетъ ему примѣнить постановленія національнаго закона о дѣеспособности. Англійскія теоріи международнаго частнаго права не имѣютъ къ данному вопросу никакого отношенія. Формальная норма международнаго частнаго права („примѣненъ такой то законъ") должно отсылать къ какой-нибудь матеріальной нормѣ („дѣеспособенъ тотъ, кто имѣетъ 21 годъ отъ роду"), но никакъ не къ формальной же нормѣ, дѣйствующей въ другомъ государствѣ. Ибо въ противномъ случаѣ мы никогда не выйдемъ изъ заколдованнаго круга: Бельгійскій законъ предписываетъ примѣнять англійскія нормы; но по англійскому праву дѣеспособность опредѣленія по lex domicilii; *по* lex domicilii (бельгійскій законъ) отсылаетъ къ закону національному и т. д. безъ конца. Примѣняя на практикѣ разбираемое положеніе, г. Rolin приходитъ, конечно, къ страннымъ результатамъ и очень часто вносить въ указанное ученіе значительныя поправки, совсѣмъ измѣняющія смыслъ основнаго положенія (см. напр. II, 47).

Третьимъ отличительнымъ признакомъ работы г. Rolin мы указали ея *субъективизмъ*. Вполнѣ естественно, что авторъ, который не имѣетъ никакого руководящаго, общаго принципа,—долженъ руководиться личными вкусами и воззрѣніями, случайными симпатіями къ одному и антипатіями къ другому институту. Доказываніе же облекается въ весьма гибкую форму разсужденія: „*очевидно*, что данный институтъ относится къ числу lois d'ordre public, и слѣдовательно, примѣняется ко всѣмъ отношеніямъ, подлежащимъ разсмотрѣнію бельгійскаго суда". Почему очевидно? кому очевидно?

остается не рѣшеннымъ, и это несомнѣнное petitio principii побѣдоносно проходитъ черезъ весь трактатъ.

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ для того, чтобы показать, какъ случайны бываютъ иногда рѣшенія г. Rolin. Всѣ законы d'ordre public затрогиваютъ высшіе интересы морали и справедливости. Всякій изъ насъ имѣетъ право предположить, что онъ имѣетъ нѣкоторое понятіе и о морали, и о справедливости. Между тѣмъ, можно быть увѣреннымъ, что во многихъ конкретныхъ случаяхъ мнѣніе всякаго изъ насъ не совпадетъ съ мнѣніемъ г. Rolin. Вотъ примѣры. Г. Rolin разбираетъ, между прочимъ, слѣдующіе институты: 1-е причины, на основаніи которыхъ можно просить о назначеніи опекуна совершеннолѣтнему (II 233), 2-е легальная ипотека замужней женщины на имущество мужа (II 238), 3-е право первородства при наслѣдованіи (II, 299), 4-е право принять наслѣдство cum beneficio inventarii (II, 301), 5-е запрещеніе дареній между супругами (II, 454), 6-е запрещеніе аматоцизма. Очень возможно, что всякій непредубѣжденный человѣкъ, котораго бы попросили указать lois d'ordre public въ шести указанныхъ случаяхъ—призналъ бы, что всѣ пять послѣднихъ примѣровъ имѣютъ довольно тѣсную связь съ вопросами морали. Въ изложеніи г. Rolin дѣло представляется совсѣмъ не такимъ: *только первый* случай относится къ lois d'ordre public, постановленія же первородства, аматоцизмъ и т. д. не имѣютъ отношенія къ высшимъ вопросамъ справедливости. И мы напрасно бы стали искать объясненія такимъ страннымъ выводамъ. „En somme tout dépend des circonstances“ (II, 230), говоритъ намъ г. Rolin. Кто же оцѣниваетъ эти „circonstances“?—Очевидно, самъ авторъ. Оцѣниваетъ, руководясь личными воззрѣніями и, слѣдовательно, заранѣе оградивъ себя отъ всякой критики: „Sic volo, sic jubeo“.

Конечно, очень не трудно писать книги по этой методѣ, которую мы позволили себѣ назвать субъективною. Однако, примѣненіе ея на практикѣ сопряжено также и съ нѣкоторыми неудобствами. Невозможно написать три тома въ 2000 страницъ настолько быстро, чтобы быть гарантированнымъ отъ всякихъ перемѣнъ въ личномъ настроеніи. То что намъ кажется допустимымъ сегодня, можетъ показаться весьма несимпатичнымъ—завтра. А между тѣмъ въ системѣ г. Rolin отъ того или другого настроенія автора часто зависитъ то или другое рѣшеніе. Отсюда—масса противорѣчій.

Мы не будемъ утомлять читателя длиннымъ перечисленіемъ, но

отмѣтимъ, всетаки, нѣсколько примѣровъ. На стр. 165 (II) сказано, что усыновленіе требуетъ соотвѣтствующей дѣеспособности (по національному закону) какъ усыновителя, такъ и усыновляемаго; на стр. 167 (II) сказано, что дѣеспособность усыновляемаго не есть необходимый элементъ. Къ статьѣ 1282 с. с. примѣняется lex loci contractus на стр. 37 (III),—и національный законъ сторонъ на стр. 576 (II). Предѣльная высота договореннаго роста по обязательствамъ опредѣляется по lex loci contractus на стр. 491 (I) и „loi du lieu où le prêt doit être utilisé“ на стр. 512 (II). Мы предлагаемъ еще сравнить I, 154 и I, 185; I, 359 и I, 367; II, 540 и III, 65; I, 458 и I, 548 и т. д.

Въ общемъ, г. Rolin добросовѣстно исполнилъ поставленную имъ задачу. Къ сожалѣнію, нужно признать, что задача эта была въ значительной степени неосуществимою. Сказать *a priori*, какой институтъ будетъ противорѣчить „aux moeurs et aux habitudes“ (II, 201) данной страны—невозможно. Въ крайнемъ случаѣ, можно дать примѣрное перечисленіе. Г. Rolin захотѣлъ исчерпать этотъ вопросъ: неудача, постигшая его, лежала въ самой сущности дѣла, въ самой постановкѣ вопроса, въ которой онъ слишкомъ увлекся ученіемъ господствующей нынѣ школы частнаго международнаго права. Не въ краткой журнальной замѣткѣ, конечно, можно изложить, какая метода можетъ оказаться, по нашему мнѣнію, болѣе плодотворною чѣмъ та, которую избралъ г. Rolin. Мы считали бы свою цѣль вполнѣ достигнутою, если бы настоящая замѣтка могла показать, что эта послѣдняя, господствующая нынѣ, метода—можетъ иногда привести къ очень сомнительнымъ результатамъ.

А. Пиленко.

В. В. Быховскій. *Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія.* Москва. 1897 г. 68 стр.

Авторъ названной брошюры, изложивъ въ общихъ чертахъ мотивы гуманнаго отношенія къ животнымъ (1—15 стр.) въ интересахъ смягченія человѣческихъ нравовъ, улучшенія человѣческой морали и проч., предпосылаетъ вопросу о жестокомъ обращеніи съ животными въ дѣйствующемъ законодательствѣ историческую справку о тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось 43[1] ст.

въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, подвергающая виновныхъ въ причиненіи домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій денежному взысканію не свыше 10 рублей.

Эта часть труда, обнимающая отъ 15—37 стр. въ брошюрѣ, представляетъ огромный практическій интересъ, какъ необходимый комментарій къ уразумѣнію текста вышеупомянутый 43[1] ст. устава, гдѣ выраженіе „напрасныя мученія“ слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ истязаній и побоевъ, но и въ значеніи чрезмѣрнаго напряженія силъ животнаго; въ послѣднемъ случаѣ должны быть приняты во вниманіе такія обстоятельства, какъ, напр., погода въ данное время, вліяющая на пути сообщенія и проч.

Далѣе авторъ переходитъ къ проекту новаго уголовнаго уложенія (стр. 48), 294 ст. коего гласитъ: „Виновный въ публичномъ причиненіи напрасныхъ мученій домашнимъ животнымъ наказывается денежной пенею не свыше 25 руб.“. Эта статья выраженіемъ „въ публичномъ причиненіи“ вноситъ большую неясность въ терминологію и можетъ возбудить на практикѣ важныя недоразумѣнія, такъ какъ, въ дѣйствительности, ограничиваетъ дѣйствіе закона на случаи непубличнаго мученія животныхъ.

Поэтому авторъ совершенно послѣдовательно настаиваетъ на необходимости выкинуть изъ этой статьи слово „публичный“ (стр. 51). Далѣе, авторомъ проектируется:

1) Предоставить судьямъ право замѣнять денежный штрафъ арестомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ случаѣ, если бы изъ дѣла оказалось, что денежный штрафъ не будетъ достаточнымъ наказаніемъ для лица состоятельнаго, для рецедива и друг. (стр. 52).

2) Предоставить членамъ Общества Покровительства животнымъ право вчинать искъ въ судебныхъ инстанціяхъ непосредственно отъ себя, безъ участія администраціи (стр. 55).

3) Распространить эти правила не только на домашнихъ, но и на дикихъ животныхъ, которые уже во власти человѣка (изъ объяснит. записки, стр. 63).

и 4) Расширить понятіе „жестокое обращеніе“ и на случаи пассивной дѣятельности (стр. 65), напр., оставленіе животнаго безъ корма, безъ леченія.

Такимъ мѣрамъ можно искренно посочувствовать, ибо, если педагогика на первомъ планѣ ставитъ заботу—не давать проявляться въ ребенкѣ звѣрскимъ инстинктамъ, то народу, лишенному возможности правильнаго воспитанія, не педагогика, а законъ дол-

женъ диктовать, какія дѣйствія онъ считаетъ предосудительными и нетерпимыми въ обществѣ во имя идеаловъ правды, справедливости и гуманнаго обращенія ко всему живому..

Мысль автора выражена въ брошюрѣ чрезвычайно рельефно и удобопонятно для каждаго грамотнаго, такъ что желательно, чтобы брошюра эта была занесена въ школьныя библіотеки, народныя читальни и проч.; къ тому же цѣнность ея весьма доступна каждому, всего 30 коп.; издана она на хорошей бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ, но съ нѣкоторыми опечатками (страница 6, строка 3 сверху; стр. 9, стр. 5 снизу; стр. 44, стр. 7 сверху; стр. 47, стр. 2 снизу; стр. 48, стр. 2 снизу).

М. Дурасовъ.

В. Чумиковъ. *Современные нѣмецкіе университеты.* **Спб. 1897 г.**

Брошюрка г. Чумикова представляетъ изъ себя дѣльную, хотя къ сожалѣнію и очень краткую и съ невѣрнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ (напр., вопроса о высшемъ богословскомъ образованіи), компиляцію книги В. Лексиса „Die deutschen Univetsitäten“ и является какъ нельзя болѣе кстати въ виду недавнихъ студенческихъ безпорядковъ въ Москвѣ и вызванной ими полемики въ нашей печати на счетъ желательныхъ реформъ въ нашей университетской организаціи.

Нѣмецкіе университеты послужили прототипомъ русскихъ, между тѣмъ въ первыхъ никогда (по крайней мѣрѣ теперь) не бываетъ студенческихъ безпорядковъ, въ послѣднихъ же они составляютъ заурядное явленіе; въ Германіи научная жизнь кипитъ ключомъ, у насъ какъ разъ на оборотъ,—хотя университетскій курсъ у насъ сложнѣе и продолжительнѣе, да и получить ученую степень у насъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ Германіи; нѣмецкіе университеты наконецъ являются маяками науки и истины для общества, наши же одинокими оазисами. Такое отличіе нѣмецкихъ университетовъ отъ русскихъ г. Чумиковъ и объясняетъ свободой, предоставленной въ первыхъ индивидуальности студентовъ и профессоровъ, корпоративнымъ строемъ нѣмецкихъ университетовъ и тѣсной связью профессоровъ съ студентами въ нихъ, съ одной стороны, и между обществомъ и университетомъ въ Германіи, съ другой [1]).

[1]) Но значеніе, напр., спеціализація въ дѣлѣ процвѣтанія нѣмецкой университетской жизни г. Чумиковъ, кажется, сильно преувеличиваетъ.

Мы же, перенимая несущественныя и даже устарѣлыя (въ родѣ гонорарной системы) мелочи нѣмецкой университетской жизни для нашихъ университетовъ, главные основы ихъ процвѣтанія и силы и просмотрѣли. Отсюда и всѣ наши университетскіе неурядицы. Поэтому мы вмѣстѣ съ кн. С. Н. Трубецкимъ прежде всего желаемъ для русскихъ университетовъ корпоративной и автономной организаціи профессорской коллегіи и академической организаціи студенчества въ нихъ, причемъ конечно между профессорами и студентами должна быть тѣсная связь. Также необходимо и предоставленіе нашимъ университетамъ извѣстной научной свободы. Тогда только у насъ студенты перестанутъ „дѣлать" политику. Тогда же поднимется и уровень нашей университетской науки и ея служителей, сильно понизившійся за послѣднее время (за немногими исключеніями конечно).

Для установленія же связи университетовъ съ обществомъ тоже необходимой для правильной университетской жизни самымъ лучшимъ было бы, если бы и наши университеты примкнули къ движенію „university Extension", зачатки котораго мы уже видимъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, хотя пока и безъ всякой связи съ университетами [1]). Желательно было бы для той же цѣли и возможно болѣе широкая гласность въ университетскихъ дѣлахъ.

Наконецъ нельзя не обратить еще вниманія и на одну сторону дѣла, оставленную г. Чумиковымъ въ тѣни. Именно, нѣмецкая университетская жизнь консервативна и устойчива, у насъ же одинъ уставъ быстро смѣняетъ другой, да и при одномъ и томъ же уставѣ возможна быстрая смѣна различныхъ строевъ жизни въ университетахъ. А все это не можетъ не поселить въ нашихъ студентахъ жажды къ перемѣнамъ и увѣренности въ легкости ихъ совершенія, тогда какъ сама нѣмецкая университетская жизнь служитъ студенту хорошей школой незыблемости и устойчивости существующаго строя.

Таковы наши взгляды на основныя идеи брошюры г. Чумикова. Что же касается частностей ея, то она говоритъ о бытѣ и жизни нѣмецкихъ студентовъ, о преподавательскомъ составѣ германскихъ университетовъ и о способѣ и условіяхъ преподаванія въ нихъ, а обо всемъ этомъ русская публика мало до сихъ поръ знала.

[1]) Если и участвуютъ въ этомъ движеніи и у насъ профессора, то не какъ члены университета, а какъ частныя лица.

Поэтому не можемъ не пожелать возможно большаго распространенія брошюркѣ г. Чумикова. Жаль только, что цѣна за нея авторомъ назначена несообразно высокая.

С. Ш.

Е. Е. Уилльямсъ. *Торжество германской промышленности. Переводъ съ англійскаго В. Ляпидевской, съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго.*

Сочиненіе Вилльямса, затрогивающее одинъ изъ вопросовъ—„злобы дня"—промышленной конкуренціи, заслуживаетъ прочтенія. Авторъ приковываетъ вниманіе читателя не только выборомъ темы, но и живымъ, яснымъ, полнымъ фактическихъ указаній изложеніемъ успѣха, достигнутаго германской промышленностью. Успѣхи эти коснулись многихъ отраслей промышленности, въ которыхъ Англія долгое время не имѣла соперниковъ; въ послѣднее десятилѣтіе многое измѣнилось, и нѣмецкая промышленность стала отбивать у англичанъ рынокъ внутри ихъ страны, ввозя туда предметы нѣмецкаго производства! Авторъ, рисуя положеніе англичанина, который куда ни повернется, видитъ предметы нѣмецкаго производства, доходитъ до нѣкотораго преувеличенія, но представленныя имъ данныя во всякомъ случаѣ поучительны. Какъ оказывается въ 1895 г. Германія ввезла въ Англію: полотняныхъ издѣлій на 91 т. фун. стерл., бумажныхъ издѣлій на 536 т. фун. стерл., перчатокъ на 27 т. фун. стерл., шерстяныхъ издѣлій на 1.016 т. фун. стерл., игрушекъ на 459 т. фун. стерл., музыкальныхъ издѣлій на 459 т. фун. стерл. и т. д. Въ общемъ ввозъ издѣлій германской промышленности съ 1883 г., когда они составляли 16.629 т. фун. стерл., повысился до 21.632 т. фун. стерл., т. е. увеличился на 30%. Подробно разбирая успѣхи, достигнутые нѣмцами въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, авторъ указываетъ и причины ихъ успѣха, заключающіяся въ настойчивости, приспособляемости ко вкусамъ потребителей, достоинствѣ нѣмецкаго рабочаго и „живой прогрессивности нѣмцевъ, составляющей блестящій контрастъ съ нашей консервативной неподвижностью" (25 стр.). Для прегражденія дальнѣйшаго доступа товаровъ нѣмецкой предпріимчивости и дальнѣйшаго ослабленія англійской промышленности, авторъ рекомендуетъ переходъ отъ системы свободной торговли къ равноправной (doutdes), субсидированію перевозокъ товара, переустройству

консульской части, развитію техническихъ знаній и, наконецъ, индивидуальной предпріимчивости. Не представляя научнаго, основательнаго трактата, а живой памфлетъ—книжка г. Виллъямса поучительна.

В. Судейкинъ.

Генри Джорджъ. *Прогрессъ и бѣдность. Изслѣдованіе промышленныхъ застоевъ и бѣдности, ростущей вмѣстѣ съ ростомъ богатства. Средство избавленія. Перев. съ англійск. С. Д. Николаева, провѣренный И. И. Туганъ-Барановскимъ.* Спб. 1896 г. Цѣна 2 р.

Русская публика уже давно знакома съ теоріями Джорджа по многочисленнымъ изложеніямъ ихъ въ различныхъ курсахъ политической экономіи и въ отдѣльныхъ статьяхъ и монографіяхъ.

Въ настоящее время ей представляется случай познакомиться съ подлиннымъ трудомъ Джорджа, вышедшемъ на русскомъ языкѣ.

Задачи даннаго труда очень обширны. Указать причину бѣдности, „ростущей вмѣстѣ съ богатствомъ", выяснить зависимость ея отъ направленія матерьяльнаго прогресса внѣ взглядовъ и установившихся мнѣній современныхъ авторитетовъ экономической мысли, и указать наконецъ то должное направленіе, которое должна принять экономическая наука для выясненія „средства избавленія"—все это составляетъ очень широкую и очень тяжелую программу для изслѣдованія.

Джорджъ, какъ и другой знаменитый экономистъ нашего времени, началъ не съ изслѣдованія какихъ либо отдѣльныхъ экономическихъ понятій, но съ общей критики политической экономіи.

Въ этой именно части его изслѣдованіе должно возбудить серьезное вниманіе.

„Я предлагаю, говоритъ онъ, отыскать законъ, который связываетъ бѣдность съ прогрессомъ и увеличиваетъ нужду съ ростомъ богатства; и я полагаю, что въ объясненіи этого парадокса мы найдемъ объясненіе тѣхъ часто повторяющихся періодовъ промышленнаго и коммерческаго застоя, которые кажутся намъ столь необъяснимыми, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ ихъ отношенія къ общимъ явленіямъ".

Проблема его распадается на двѣ части.

Первая, которую авторъ называетъ *статикою* проблемы, ставитъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: почему, не смотря на сильно возрастающую производительность труда, заработная плата *не повышается*?

Во второй части или *динамикѣ* проблемы авторъ идетъ далѣе. Онъ замѣчаетъ, что плата не только *не повышается* съ ростомъ производительной силы, но что, наоборотъ, происходитъ относительное *пониженіе*, и вопросъ ставится уже относительно установленнаго факта, что *заработная плата*, *не смотря на ростъ производительныхъ силъ*, *постоянно стремится къ минимуму*, *при которомъ возможно лишь голое существованіе*.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ сразу наталкиваетъ автора на опредѣленіе взаимодѣйствія трехъ основныхъ экономическихъ факторовъ (трудъ, капиталъ, земля). Существующее въ наукѣ опредѣленіе онъ находитъ неправильнымъ.

Основная ошибка современной политической экономіи заключается по его мнѣнію въ неправильномъ опредѣленіи *источника* заработной платы, а слѣдовательно и ея дальнѣйшаго отношенія къ проценту, капиталу и рентѣ. „Заработная плата, говоритъ онъ, берется не изъ капитала, а берется на дѣлѣ *изъ продукта того труда*, *за который она выплачивается*“ (стр. 15).

Эта поправка имѣетъ громадное значеніе. Если принять ее всецѣло въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ ее Джорджъ, приводя, прибавимъ, весьма и весьма вѣскіе доводы и доказательства, то придется сразу отрѣшиться отъ двухъ основныхъ теоремъ отношенія труда и капитала, а именно, во-первыхъ, что трудъ можетъ быть занятъ только въ размѣрахъ накопленнаго капитала, и вовторыхъ, что процентъ въ своей зависимости отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ капитала долженъ находиться къ заработной платѣ въ обратномъ отношеніи (подымаясь, когда онъ падаетъ, и наоборотъ).

Отрѣшившись отъ первой упомянутой нами теоремы, Джорджъ сразу приблизился къ объясненію своей проблемы. Такъ какъ если заработная плата берется не изъ капитала, а изъ продукта труда, и если такимъ образомъ несостоятельна вся теорія отношенія между трудомъ и капиталомъ, то „заработная плата не можетъ уменьшаться отъ увеличенія числа работниковъ, а напротивъ того, должна бы быть *при равенствѣ прочихъ условій* тѣмъ выше, чѣмъ

больше число работниковъ, такъ какъ производительность труда, очевидно возрастаетъ съ увеличеніемъ числа работниковъ".

На самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Наоборотъ, мы видимъ, что съ конкурренціей рабочихъ, съ превышеніемъ предложенія труда надъ спросомъ заработная плата падаетъ, что законъ зависимости заработной платы отъ состоянія рынка труда, если можно такъ выразиться, какъ будто бы правиленъ. Но по мнѣнію Джорджа это далеко не такъ. Подчеркивая особенно оговорку *„при равенствѣ прочихъ условій"*, Джорджъ именно и указываетъ на то, что слѣдуетъ прослѣдить вліяніе прочихъ условій и искать разъясненія его проблемы тамъ, гдѣ до сихъ поръ, благодаря существующимъ теоріямъ, создалась какъ бы туманная завѣса, закрывающая истинное положеніе вещей или дающая только неясныя силуэтныя очертанія. Прежде всего подымается обычное въ данномъ случаѣ возраженіе, которое тотчасъ же приводится на возможность привлеченія всѣхъ производительныхъ силъ къ труду, а именно *„не стремятся ли производительныя силы природы ослабѣвать при возрастаніи на нихъ требованій со стороны увеличивающагося населенія?* „Это возраженіе заставляетъ Джорджа обратиться къ опроверженію такъ называемаго закона о народонаселеніи Мальтуса. Страницы, посвященныя этому опроверженію, принадлежатъ безспорно къ числу лучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Раньше всего останавливается Джорджъ на причинахъ, по которымъ эта теорія, цѣликомъ построенная на самыхъ парадоксальныхъ расчетахъ и выкладкахъ, имѣла столь незаслуженный успѣхъ въ наукѣ и въ жизни. „Цѣлью опыта, говоритъ онъ, было оправдать существующее неравенство, сваливъ отвѣтственность за него съ человѣческихъ учрежденій на законы Творца" (стр. 72). Такая теорія была необходима для командующихъ классовъ, встревоженныхъ рѣзкимъ выраженіемъ недовѣрія къ существующему строю, проявленнымъ французской революціей. Онъ послѣдовательно проводитъ данную мысль, разсматривая положеніе Индіи и Ирландіи—какъ разъ тѣхъ двухъ странъ, на которыя такъ любятъ ссылаться приверженцы теоріи Мальтуса, и доказываетъ, что причиною бѣдности въ данномъ случаѣ были исключительно вопіющія несовершенства соціальнаго строя (эксплоататорская дѣятельность англичанъ).

Основнымъ возраженіемъ противъ теоріи Мальтуса является то положеніе Джорджа, по которому онъ противополагаетъ законъ размноженія человѣка закону размноженія другихъ животныхъ.

Въ то время, какъ размноженіе другихъ животныхъ зависитъ отъ умноженія пищи, увеличеніе народонаселенія отъ этой причины не зависитъ. Оно вызываетъ увеличеніе количества пищи, какъ слѣдствіе, такъ какъ *человѣкъ болѣе производитъ, чѣмъ въ состояніи потребить.* Затѣмъ неизвѣстенъ законъ дальнѣйшаго размноженія человѣчества. Вводить его въ рамки существующихъ фактовъ равносильно той ошибкѣ, по которой ребенокъ, вдвое увеличившійся въ вѣсѣ съ рожденія до восьми мѣсяцевъ, долженъ былъ бы къ 30 годамъ вѣсить 175.716.339.548 тоннъ. Основнаго закона народонаселенія вывести нельзя, но за то можно вывести законъ потребленія, который во всякомъ случаѣ будетъ, какъ это утверждаетъ Джорджъ, гласитъ, что *„при любомъ состояніи цивилизаціи большее количество народа можетъ въ совокупности лучше продовольствоваться, чѣмъ меньшее“*.

Окончивъ съ первымъ возраженіемъ Джорджъ изслѣдуетъ далѣе причины, отклонившія по его мнѣнію движеніе производства и заработной платы съ того пути, по которому они должны были бы слѣдовать сообразно матерьяльному прогрессу.

Тутъ онъ послѣ подробнаго разбора законовъ заработной платы процента и ренты приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ и вноситъ слѣдующія поправки въ существующія опредѣленія политической экономіи.

Обычное выраженіе.	*Истинное выраженіе.*
Рента зависитъ отъ предѣла культуры, подымаясь, когда онъ падаетъ и падая, когда онъ подымается.	Тоже самое.
Заработная плата зависитъ отъ отношенія между числомъ работниковъ и количествомъ капитала, предназначеннаго для найма ихъ.	*Заработная плата* зависитъ отъ предѣла культуры, падая, когда онъ падаетъ и подымаясь, когда онъ подымается.
Процентъ зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ капитала или, какъ говорятъ о прибыли, отъ заработной платы (или стоимости труда), подымаясь, когда заработная пла-	*Процентъ* (его отношеніе къ заработной платѣ опредѣляется зависящей отъ труда способностію къ приросту, свойственной капиталу) зависитъ отъ предѣла культуры, падая, когда онъ па-

та падаетъ и падая, когда заработная плата подымается. даетъ и подымаясь когда онъ подымается.

Такимъ образомъ въ томъ соотношеніи трехъ основныхъ понятій, опредѣленіе котораго даетъ Джорджъ, всѣ они сводятся къ закону предѣловъ культуры т. е. къ закону ренты.

Изъ этого онъ выводитъ основное положеніе своей проблемы, что если *заработная плата не возрастаетъ съ ростомъ производительной силы, то это зависитъ отъ роста ренты* или же, иначе говоря, что продукты всякаго увеличенія роста производительности труда переходятъ на собственниковъ земель, увеличивая ренту.

Причину этого переложенія продуктовъ труда видитъ онъ главнымъ образомъ въ томъ, что рента растетъ отнюдь не пропорціонально росту производительности труда. Ростъ ея прогрессируетъ, такъ какъ въ немъ заключается не только наличность настоящаго спроса на землю, увеличившагося съ возросшей производительностью, но и спекуляція вслѣдствіе разсчета на дальнѣйшее возрастаніе спроса въ будущемъ.

Такимъ образомъ то, что прежде старались объяснить цѣлою системою различныхъ сложныхъ и неясныхъ теорій превышенія предложенія труда надъ спросомъ, ограниченія приложенія труда размѣрами капитала, фонда заработной платы, перепроизводства и перепотребленія объясняется довольно просто и ясно изложенною теоріей.

Усовершенствованія, которыя увеличиваютъ производительную способность труда и капитала, не увеличиваютъ ихъ вознагражденія. Всѣ плоды матеріальнаго прогресса переходятъ на собственниковъ земель, оставляя первымъ, которые должны были бы гармонично идти рука объ руку, ту голую кость, изъ за которой создается „конфликтъ между капиталомъ и трудомъ", и львиная часть которой остается, конечно, за капиталомъ.

„Кому въ какое либо время принадлежитъ земля говоритъ извѣстное изреченіе браминовъ прошлаго вѣка, тому принадлежатъ и плоды ея. Бѣлые зонтики и слоны, безумные отъ гордости, суть цвѣты жалованной грамоты на землю".

Вторая часть книги занимается средствомъ избавленія. Раньше всего разбирается авторъ въ тѣхъ средствахъ, которыя обыкновенно предлагаются существующими либеральными и государственно-соціальными системами, и доказываетъ, что всѣ онѣ не могутъ достичь своей цѣли, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ,

обращая вниманіе на внѣшнія проявленія соціальной болѣзни, не касаются ея корня.

Эпиграфомъ къ этой части ставитъ онъ извѣстное изреченіе Милля о томъ, что „когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительное дѣйствіе, и вовсе не производятъ никакого дѣйствія“.

Такъ онъ доказываетъ, что большая экономія въ правительственныхъ расходахъ, возвышеніе уровня образованія и бережливости въ рабочемъ классѣ, стачки, кооперація труда и капитала, правительственное руководство и вмѣшательство и, наконецъ, даже болѣе равномѣрное распредѣленіе земли не могутъ уничтожить въ корнѣ зла.

Всѣ эти вопросы имѣютъ конечно свое значеніе, и правильное разрѣшеніе ихъ окажетъ извѣстное вліяніе на народное хозяйство. Но они не измѣнятъ важнѣйшаго источника соціальнаго неустройства, они не устранятъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ труда, монополія на львиную часть которыхъ постоянно останется за собственниками земли, почти независимо отъ того, будетъ ли этихъ собственниковъ больше или меньше.

Истинное же средство избавленія заключается по мнѣнію автора въ націонализаціи земли.

Необходимость изъятія земли изъ частнаго права собственности вытекаетъ изъ самаго понятія собственности. Въ основу этого мнѣнія кладутся Джорджемъ два положенія. „Во-первыхъ“, не существуетъ никакого другаго права, изъ котораго могло бы быть выведено право на исключительное владѣніе предметомъ, кромѣ права человѣка на самого себя. „Во-вторыхъ“ „право собственности, вытекающее изъ труда,—исключаетъ возможность всякаго другого права собственности“.

Право на исключительное владѣніе какимъ либо продуктомъ человѣческаго труда безспорно, черезъ сколько бы рукъ этотъ продуктъ ни прошелъ. Точно также не отрицаетъ авторъ и права на тѣ земельныя улучшенія, которыя являются продуктомъ человѣческаго труда, т. е. права на цѣнность улучшеній. Но этимъ отнюдь не создается права на самую землю, такъ какъ признаніе таковаго права есть отрицаніе естественнаго права прочихъ лицъ— „есть неправда, которая *должна* проявиться въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства“ (стр. 258).

Размѣры нашей рецензіи не позволяютъ намъ подробно останавливаться на тѣхъ путяхъ, которыми Джорджъ считаетъ возможнымъ совершить національзацію земель. Выкупъ земель государствомъ за опредѣленное вознагражденіе считаетъ онъ несправедливостью, насильственное отобраніе ихъ или конфискацію опаснымъ и совершенно ненужнымъ потрясеніемъ тѣхъ основъ, которыя слишкомъ крѣпко вошли въ плоть и кровь существующаго общественнаго устройства.

Его мысль сводится къ тому, чтобы государство, оставляя неприкосновеннымъ право собственности на землю, отобрало бы ренту, путемъ установленія соотвѣтственнаго поземельнаго налога. Съ введеніемъ этого налога государство достигло бы двухъ цѣлей. Вопервыхъ, можно было бы упразднить всѣ остальные налоги и освободить такимъ образомъ потребленіе и производство отъ той тягости, которая теперь наиболѣе ихъ стѣсняетъ. Во-вторыхъ, что наиболѣе важно, съ отобраніемъ ренты пало бы естественнымъ образомъ владѣніе землею безъ непосредственной ея обработки, и такимъ образомъ къ землѣ получили бы естественный доступъ (безъ спекулятивнаго повышенія цѣны) тѣ, кто прилагалъ бы къ ней трудъ.

Рента бы въ видѣ удовлетворенія различныхъ общественныхъ потребностей возвращалась всему обществу, которое, такимъ образомъ, и явилось бы верховнымъ обладателемъ всѣхъ земель, оставляя за номинальными ихъ собственниками (такъ какъ право собственности de jure все таки осталось бы) лишь только то, что въ римскомъ правѣ называлось *nudum jus*, т. е. голое формальное право безъ матеріальной подкладки.

Съ точки зрѣнія финансовой этотъ налогъ является по мнѣнію Джорджа наиболѣе удобнымъ какъ для государства, такъ и для общества. Онъ сильно упрощаетъ государственный механизмъ, поддается наиболѣе точному опредѣленію, равномѣренъ, а главнымъ образомъ, „налоги на земельную цѣнность не только не задерживаютъ производства, какъ прочіе налоги, но стремятся увеличиватъ производство, уничтожая спекулятивную ренту“ (стр. 312).

Это есть по мнѣнію Джорджа единственный путь къ избавленію современнаго общества отъ гнетущей его болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный путь къ спасенію цивилизаціи.

Господствующая теорія прогресса, какъ результата неизмѣнныхъ законовъ, неизбѣжныхъ и вѣчныхъ, двигающихъ впередъ

человѣчество не можетъ объяснить цѣлаго ряда историческихъ явленій (стр. 363).

Она допускаетъ, утверждаетъ Джорджъ, извѣстную неточность, которую онъ и старается исправить своею формулою. Побудителями къ прогрессу, по его мнѣнію, являются желанія, присущія физической и интеллектуальной человѣческой природѣ; условія же общественнаго прогресса состоятъ въ *ассоціаціи и равенствѣ*.

Этимъ объясняется движеніе и развитіе новой цивилизаціи. На развалинахъ римской имперіи выдвинулись двѣ силы: распаденіе концентраціи на множество мелкихъ центровъ, причиненное наплывомъ германскихъ народностей и христіанство. Новѣйшая исторія показываетъ тоже самое. Наиболѣе яркимъ выразителемъ поступательнаго движенія человѣчества явился девятнадцатый вѣкъ— какъ разъ вѣкъ начавшійся деклараціей свободы, равенства и братства, и ознаменовавшійся борьбою за эти начала, приведшей къ образованію новыхъ политическихъ формъ.

Но неравенство политическое замѣнилось неравенствомъ гораздо болѣе тяжелымъ и опаснымъ—неравенствомъ экономическимъ.

Цивилизація пришла, по мнѣнію Джорджа, къ критическому моменту. Отъ того, будетъ ли принято предлагаемое имъ средство къ уничтоженію указанныхъ имъ анти-прогрессивныхъ началъ, зависитъ дальнѣйшій ходъ нашей культуры.

Пойдетъ ли она далѣе по блестящему пути своего развитія или погибнетъ, какъ погибали до нея многія культуры древнихъ міровъ—это есть вопросъ, зависящій отъ того, поймутъ ли люди, что законъ прогресса не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, „какъ закономъ нравственности и справедливости“ (стр. 397).

„Цивилизованный міръ ждетъ какого то великаго движенія. Или это будетъ прыжокъ кверху, который откроетъ путь къ успѣхамъ, о какихъ мы и не мечтали или это будетъ движеніе внизъ, которое вернетъ насъ къ началу варварства“ (стр. 410).

Такова проблема соціальной жизни. За ея грандіозными задачами скрывается еще дѣятельность отдѣльныхъ единицъ, тѣхъ мелкихъ пигмеевъ, которые въ своей совокупности и составляютъ движеніе міровое.

Надо, слѣдовательно, еще выяснить руководящіе принципы ихъ дѣятельности, надо выяснить проблему индивидуальной жизни.

Этому вопросу посвящаетъ Джорджъ послѣднія странички своей книги. Онъ нападаетъ на господствующія теперь матеріалистическія

воззрѣнія на жизнь, старающіяся видѣть въ ней исключительное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, и вносить въ нее необходимость нѣкоторыхъ мистическихъ началъ.

Положительныя идеи Джорджа представляютъ собою въ сущности много утопическаго. Его „средство избавленія" гораздо слабѣе первой части, гдѣ изслѣдуются „причины" соціальныхъ бѣдствій. Но вопросъ о націонализаціи земель пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе; и у насъ, гдѣ государство, благодаря безнадежной задолженности ему большинства владѣльческихъ земель и огромнымъ государственнымъ имуществамъ, можетъ оказаться владѣльцемъ большей части площади всей земли вообще,—этотъ вопросъ требуетъ внимательнаго изученія. Поэтому мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этого труда Джорджа на русскомъ языкѣ и желаемъ ему широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что и переводъ сдѣланъ сравнительно не дурно, и цѣна по объему книги недорога.

О. Вертъ.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Новый трактатъ по византійскому праву.

(*В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Спб. 1897 г.*).

Изслѣдованіе г. Грибовскаго посвящено выясненію общихъ началъ двухъ вопросовъ византійскаго государственнаго права — о народѣ и власти. Какъ говоритъ самъ авторъ (пред., стр. XXI), „назначеніе его труда не самостоятельное, но служебное", такъ какъ онъ представляетъ изъ себя только первую часть изслѣдованія по весьма важному предмету выясненія русско-византійскихъ заимствованій въ области государственныхъ учрежденій. О вліяніи византійскаго права на русское было не разъ говорено въ литературѣ, какъ старой, такъ и новѣйшей, были даже дѣланы попытки выясненія степени этого вліянія, но въ виду малой разработанности византійскаго права, не всѣ попытки были удачны, и названный вопросъ попрежнему нужно считать открытымъ. Въ виду подобнаго положенія вещей, г. Грибовскій, не предрѣшая вопроса о степени византійскаго вліянія въ области древне-русскаго государственнаго быта, задался цѣлью прежде всего изучить строй политическихъ и общественныхъ отношеній Византіи и выяснить его основныя начала. Задача его была не изъ легкихъ, въ виду указанной выше слабой разработанности византійскихъ государственныхъ порядковъ. Не говоря уже о русской литературѣ, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей и пяти главъ въ изслѣдованіи проф. Скабалановича „Византійское государство и церковь въ XI в.",

ничего не имѣется, даже на Западѣ византійское государственное право представлено самымъ ничтожнымъ количествомъ монографій, притомъ или обнимающимъ собою частные вопросы государственнаго быта Византіи, какъ, напр., труды Пайяра [1]) и Гаске [2]), или касающимся только одной эпохи, какъ, напр., трудъ Диля [3]). Такимъ образомъ изслѣдованіе г. Грибовскаго представляетъ собою *первую* попытку выясненія началъ политическаго и общественнаго строя Византіи отъ образованія Восточной Римской имперіи до завоеванія ея крестоносцами.

I.

Изслѣдованіе состоитъ изъ предисловія и трехъ отдѣловъ: I. Общія начала, II. Населеніе и III. Власть. Въ предисловіи авторъ пытается дать подробную мотивировку выбору имъ своей темы, а также попутно указываетъ и на литературу вопроса. Съ нѣкоторыми мнѣніями,высказанными здѣсь г. Грибовскимъ, однако, трудно согласиться. Такъ, различая понятіе рецепціи отъ заимствованія, авторъ говоритъ, что первая „обладаетъ свойствомъ наиболѣе легкой различаемости“ (стр. VI), причемъ способами познанія ея являются сличеніе текстовъ памятниковъ и обоснованіе данныхъ филологіи и исторіи. Въ другомъ положеніи находится выясненіе заимствованія. „Сличеніе текстовъ тутъ не имѣетъ мѣста, частныя данныя филологіи или исторіи получаютъ лишь вспомогательное значеніе. Перевѣсъ (?) передается на сторону общихъ началъ, общихъ выводовъ, особой чуткости и пониманія жизненныхъ отношеній“. Невольно возникаетъ вопросъ, какими же способами тогда можно познать заимствованіе? Вѣдь и „общія начала“ и „общіе выводы“ должны же быть обоснованы данными источниковъ, должны быть отвлечены отъ того фактическаго матеріала, который въ изобиліи дается путемъ изученія исторіи и филологіи. Иначе эти „начала“ и выводы рискуютъ быть фантазіями, ничего общаго съ наукою не имѣющими. Впрочемъ, и самъ г. Грибовскій на стр. XI видимо отказывается отъ выставленнаго имъ положенія, такъ какъ, говоря о заимствованіяхъ византійскаго права (*не* о рецепціи) древнею Русью, ссылается на *договоры* съ греками, справедливо видя въ

---

[1]) Histoire de la transmission du pouvoir imperial à Rome et à Constantinople.

[2]) De l'autorité imperiale en matiere réligieuse à Byzance.

[3]) Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne.

сопоставленіи текста ихъ съ византійскими памятниками источникъ познанія названныхъ заимствованій.

Говоря объ изученіи вліянія Византіи въ сферѣ древнерусскаго государственнаго права, авторъ указываетъ на трудность изученія этого вопроса, такъ какъ „въ то время какъ почти всѣ отрасли права такъ или иначе закрѣпляются въ своихъ положеніяхъ въ законодательныхъ, ясно осязаемыхъ, текстахъ, государственное право *все* зиждется на неписанномъ обычаѣ.... и тѣмъ самымъ препятствуетъ удобству изслѣдованія“ (стр. XV). Едвали можно принять и это положеніе автора. Конечно, многія стороны государственнаго быта народа получаютъ свою регламентацію только въ нормахъ обычнаго права, но чтобы *весь* строй политическихъ и общественныхъ отношеній опредѣлялся исключительно этими нормами и не зналъ никакой законодательной регламентаціи, этого утверждать нельзя. „Всѣ исторически сложившіяся конституціи, говоритъ г. Грибовскій, всегда были неписанными.... Документальный, непосредственно-юридическій матеріалъ въ нихъ обыкновенно отсутствуетъ“. Типичнымъ образцомъ подобныхъ конституцій является англійская, которая, какъ извѣстно, до сихъ поръ не писана (въ смыслѣ извѣстной хартіи, раздѣленной на статьи), однако, „документальнаго“, „юридическаго“ матеріала, касающагося разныхъ сторонъ государственнаго быта, всегда въ Англіи было довольно. Стоитъ вспомнить только такіе законодательные акты, какъ Великую хартію, знаменитый статутъ De tallagio non concedendo, Habeas corpus act, петицію о правахъ и много другихъ. Такимъ образомъ, даже въ Англіи, несмотря на отсутствіе въ ней писанной конституціи, имѣется цѣлый рядъ въ полномъ смыслѣ этого слова основныхъ конституціонныхъ законовъ. Въ древней Руси мы также встрѣчаемъ не мало законодательныхъ актовъ, касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ государственнаго быта (для примѣра приведемъ договоры князей съ населеніемъ, эти наши sui generis основные законы—регламентировавшіе отношенія между представителемъ верховной власти—княземъ и населеніемъ), хотя, конечно, очень много сторонъ въ древнерусскомъ государственномъ укладѣ опредѣлялись нормами обычнаго права.

II.

Въ первомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія, озаглавленномъ „Общими началами“, г. Грибовскій, приступая къ изученію Визан-

тійскаго государства, старается прежде всего выяснить понятіе государства вообще. Авторъ не является сторонникомъ ни одной изъ существующихъ теорій по этому вопросу и подвергаетъ ихъ подробной критикѣ. Выясняя недостатки формальнаго опредѣленія государства, г. Грибовскій останавливается на ученіи о признакахъ государства, каковыми, какъ извѣстно, считаются: территорія, населеніе и верховная власть. По мнѣнію автора, эти признаки „отвлечены путемъ чисто внѣшняго наблюденія и притомъ у государственныхъ союзовъ лишь новѣйшаго времени", почему современное ученіе о признакахъ государства не имѣетъ „общаго значенія въ отношеніи всѣхъ исторически-смѣнявшихся типовъ государства" (стр. 2—3). Однако, доводы автора въ пользу этого мнѣнія намъ кажутся мало убѣдительными. Такъ, доказывая, что признакъ территоріи не примѣнимъ къ прежнимъ государствамъ, авторъ ссылается на тотъ фактъ, что въ древности многія государства (напр., русскія княжества, Римъ, Карѳагенъ, Византія) „очень часто не были въ состояніи точно очертить границы своихъ владѣній", тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, границы сплошь и рядомъ находились въ состояніи движенія (стр. 3—4). Но говоря такимъ образомъ, авторъ забываетъ, что территорія, какъ признакъ государства, имѣетъ значеніе независимо отъ того, опредѣлены ли ея границы или нѣтъ, теряются ли онѣ въ пескахъ пустыни (какъ это еще недавно было съ русскою границею въ центральной Азіи), или обозначены особыми знаками. Значеніе территоріи въ указанномъ смыслѣ опредѣляется наличностью той связи, которая существуетъ между нею и живущимъ на ней населеніемъ, благодаря которой мы можемъ говорить объ *осѣдлости* населенія. Вотъ почему утвержденіе г. Грибовскаго, что „толкуя территорію слишкомъ распространительно, мы должны будемъ подвести подъ понятіе государства и орды татаръ, вандаловъ, лонгобардовъ, вестготовъ, всегда имѣвшихъ подъ ногами территоріальную точку опоры", совершенно неправильно, такъ какъ орда, въ качествѣ примитивной формы общенія людей, *кочующихъ*, а не осѣдлыхъ, никогда не можетъ быть названа государствомъ.

Точно также утвержденіе автора, будто признакъ населенія не приложимъ къ прежнимъ государствамъ, потому что въ древности „населеніе въ полномъ своемъ составѣ пребывало на извѣстной территоріи какъ бы въ состояніи временнаго случайнаго подданства и всякую минуту въ полномъ же составѣ могло покинуть ее по

усмотрѣнію", причемъ дѣлается ссылка на право отъѣзда служилыхъ людей и право ухода крестьянъ въ древне-русскихъ княжествахъ (стр. 4), также едва ли правильно. Дѣло въ томъ, что какъ служилые люди, такъ въ особенности крестьяне были поставлены въ такія условія, при которыхъ они далеко не могли „во всякую минуту" покинуть, а тѣмъ болѣе „въ полномъ составѣ" территорію своего княжества. Крестьянинъ въ дѣйствительности могъ уйти только въ томъ случаѣ, если онъ выполнилъ всѣ свои условія по арендѣ земли, изложенныя въ порядной грамотѣ, т. е. выполнилъ свои повинности предъ землевладѣльцемъ, уплатилъ ему пожилое, вернулъ подмогу и долгъ, если таковой былъ, и проч., такъ какъ въ противномъ случаѣ ему угрожалъ искъ съ перспективою отдачи въ рабство землевладѣльцу. Что касается до права отъѣзда служилыхъ людей, то и имъ далеко не всегда было возможно воспользоваться „во всякую минуту" уже по одному тому, что князья постоянно реагировали противъ этого права. В. И. Сергѣевичъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что „князья допускали отказъ въ такомъ только случаѣ, когда отъѣзжавшій переходилъ къ князю, съ которымъ они находились въ союзѣ единенія и любви". Всѣ тѣ гарантіи имуществъ отъѣзжавшихъ слугъ, которыя мы встрѣчаемъ въ древности, имѣются только въ мирныхъ договорахъ князей. „Изъ этого надо заключить, говоритъ почтенный ученый, что если князья не состоятъ въ мирѣ, то и гарантіи эти не имѣютъ мѣста" [1]).

Что касается до третьяго признака—власти, какъ представителя „монополіи единаго носителя принужденія", то г. Грибовскій утверждаетъ, что такое воззрѣніе на власть рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ политическими формами феодальнаго строя (стр. 4). Между тѣмъ, если мы обратимся къ изученію сборниковъ феодальнаго права, напр., французскихъ coutumes, іерусалимскихъ ассизовъ, итальянскаго памятника Liber feodorum, то увидимъ, что съ формальной стороны власть государя—сюзерена обладала всѣми

---

[1]) Сергѣевичъ. Русскія Юридическія Древности, т. I, стр. 311. Точно также служилые люди, бывшіе кормленщиками, согласно междукняжескимъ договорамъ, могли, по отъѣздѣ, получить новыя кормленія только въ томъ случаѣ, если удовлетворили всѣ возникшія изъ ихъ отъѣзда законныя требованія (Тамъ же, стр. 338), что опять таки являлось большимъ препятствіемъ къ пользованію правомъ отъѣзда „во всякую минуту".

аттрибутами принужденія [1]). Прежде всего всѣ вассалы считались „его людьми". „Devenio homo vester", говорилъ каждый изъ нихъ, становясь предъ сюзереномъ на колѣни съ обнаженной головой и принося ему *присягу* въ вѣрности. Сюзеренъ давалъ вассалу ленъ съ правомъ вотчинной юстиціи и администраціи въ немъ, причемъ вассалъ обязывался цѣлымъ рядомъ повинностей въ пользу сюзерена, за неисполненіе которыхъ ленъ могъ быть отобранъ обратно [2]). Съ формальной стороны сюзерены имѣли весьма существенныя права: всѣ вассалы находились въ ихъ власти, причемъ сюзеренъ каралъ нарушителей мира. Онъ имѣлъ право на опеку надъ семьею умершаго вассала, выдавалъ его дочерей замужъ и т. п. Конечно, на практикѣ очень часто случалось, что сюзеренъ былъ слабѣе даже каждаго своего вассала въ отдѣльности (напр., первые Капетинги во Франціи), но съ формальной стороны онъ являлся представителемъ власти въ полномъ смыслѣ этого слова.

Говоря о формально-юридической теоріи государства, г. Грибовскій, какъ кажется, впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе. Такъ, на стр. 7 онъ говоритъ, что эта теорія обязана своимъ возникновеніемъ вліянію римскаго права. Представители ея, будучи „скованы по рукамъ и по ногамъ системою римской юриспруденціи", не могутъ, говоритъ авторъ, „отрѣшиться отъ пріемовъ мышленія, завѣщанныхъ римскими юристами и въ государствѣ видятъ прежде всего гражданскій институтъ—юридическую личность" или юридическое отношеніе. И вдругъ на стр. 34 оказывается, что „формально-юридическая теорія государства несомнѣнно есть отзвукъ идей коммунизма, перенесенныхъ въ область государственнаго права и политики"! Что же общаго между римскимъ правомъ съ выдвинутымъ имъ принципомъ крайняго индивидуализма, съ одной стороны, и съ коммунизмомъ, съ другой?

Г. Грибовскій задается цѣлью конструировать свое опредѣленіе государства, для чего прежде всего выясняетъ происхожденіе этой формы человѣческаго общенія, а затѣмъ уже даетъ ей опредѣле-

---

[1]) По феодальному праву см. Luchaire, Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens, 1891, а также недавно переведенное на русскій языкъ изслѣдованіе Додю Исторія монархическихъ учрежденій въ Латиноіерусалимскомъ королевствѣ (Спб., 1897 г.).

[2]) По іерусалимскимъ асизамъ существовало до 12 поводовъ конфискаціи лена (Додю, указ. соч., стр. 236).

ніе. Резюмируемъ вкратцѣ воззрѣнія автора на происхожденіе государства. „Образцы первыхъ человѣческихъ соединеній зиждутся на извѣстномъ соотношеніи подобныхъ другъ другу, даже равныхъ интересовъ... Съ теченіемъ времени однородность первобытныхъ соединеній нарушается согласно тому мировому закону эволюціи, по которому все существующее идетъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному... Обособленіе и неизмѣнно сопутствующее ему различіе въ размѣрахъ собственности приводитъ въ столкновеніе групповые и индивидуальные интересы. Столкновеніе въ свою очередь ведетъ къ борьбѣ; борьба къ замиренію на извѣстныхъ условіяхъ и къ установленію новыхъ общественныхъ отношеній... Въ силу врожденнаго стремленія личности къ подчиненію себѣ подобныхъ, расширенію собственнаго интереса на счетъ чужаго, и въ новыхъ общественныхъ условіяхъ возникаетъ неравенство, болѣе сильные подчиняютъ себѣ болѣе слабыхъ или замиряются съ ними на правахъ во столько разъ болѣе значительныхъ, во сколько силы первыхъ значительнѣе силъ вторыхъ“ (стр. 20—22). Мы привели только вкратцѣ воззрѣнія автора на происхожденіе государства но уже изъ этого отрывка видно, что онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ Гумпловича, хотя въ конечныхъ своихъ выводахъ и расходится съ нимъ [1]). По опредѣленію г. Грибовскаго, государство является системою равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ на почвѣ культурно-бытоваго единства. Авторъ полагаетъ, что предлагаемое имъ опредѣленіе „приложимо къ извѣстному общественному состоянію всѣхъ временъ и народовъ“. Подъ это понятіе, по его мнѣнію, подойдутъ римская республика и парламентарная Англія, монархическая Россія и деспотическая Турція (стр. 24). Съ этимъ, однако, очень трудно согласиться, такъ какъ,

---

[1]) Полемизируя съ Гумпловичемъ, г. Грибовскій, впрочемъ, не совсѣмъ точно передаетъ его опредѣленіе государства. Такъ, въ передачѣ г. Грибовскаго, Гумпловичъ смотритъ на государство, какъ на „организованное господство людей надъ людьми *на благо человѣчества*“ (стр. 28). Между тѣмъ подобное опредѣленіе мы встрѣчаемъ у Гумпловича въ его раннихъ трудахъ, напр., въ „Philosophisches Staatsrecht“ (стр. 16). Во всѣхъ же своихъ позднѣйшихъ работахъ, напр., „Der Rassenkampf“ и „Grundriss der Sociologie“, Гумпловичъ уже опредѣляетъ государство только какъ организованное господство меньшинства надъ большинствомъ, отвергая всякую цѣлесообразность у подобнаго господства (см. стр. 116 его „Sociologie“). Такимъ образомъ возраженіе г. Грибовскаго противъ „признака благополучія человѣчества“ въ опредѣленіи государства Гумпловичемъ въ сущности направлены противъ того, отъ чего отказался самъ Гумпловичъ.

напротивъ, основной недостатокъ опредѣленія г. Грибовскаго заключается въ томъ, что къ массѣ государствъ и въ прошломъ, и въ настоящее время оно совершенно не подходитъ. Г. Грибовскій упоминаетъ о Турціи. Намъ кажется, что болѣе неудачнаго примѣра трудно было привести. Въ Турціи, гдѣ многомилліонная христіанская райя лишена всякихъ правъ, гдѣ возможны такія массовыя избіенія христіанъ, какія еще недавно были къ ужасу цивилизованной Европы конца вѣка, ни о какой системѣ равновѣсія интересовъ населяющихъ ее народностей конечно и говорить невозможно. Чѣмъ же вызываются безконечныя возстанія подвластныхъ Турціи племенъ, какъ не желаніемъ добиться этого равновѣсія; о чемъ хлопочатъ великія державы, предлагая Блистательной Портѣ одинъ проектъ за другимъ, какъ не о насажденіи того же равновѣсія? Само собою разумѣется, что и „культурно-бытоваго единства" нѣтъ среди подданныхъ султана въ виду полнѣйшаго несходства между мусульманской и христіанской культурою, между Евангеліемъ и Кораномъ. Въ такомъ же положеніи находятся и многія другія азіатскія государства. Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что и къ прежнимъ государствамъ оно не подойдетъ. Ни древнегреческія государства съ ихъ безчисленными рабами, крѣпостными (илотами), гражданами, лишенными политическихъ правъ (періойками, метойками и др.), ни Римъ, проводившій рѣзкую границу между римскимъ гражданиномъ и всѣмъ остальнымъ населеніемъ, ни феодальныя государства съ ихъ рыцарствомъ, горожанами и крестьянами, ни позднѣйшія государства съ крѣпостнымъ правомъ не подойдутъ подъ это опредѣленіе. Не подойдетъ подъ него и Византія. Вотъ что пишетъ самъ г. Грибовскій на стр. 137 своего труда: „соблюдая равновѣсіе интересовъ исповѣдныхъ, Комнены упустили изъ вида экономическіе и племенные". „Правительство Комненовъ, читаемъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 138), отказало народу въ представительствѣ интереса экономическаго и племеннаго". А вотъ что мы находимъ на стр. 224: „Византійскіе императоры римской школы всецѣло переходили на сторону одной какой нибудь народной партіи и попирали всѣ другія. Въ этомъ отношеніи не различаются между собой Юліанъ, Анастасій, Зенонъ, Юстиніанъ, Маврикій, Ираклій и мн. др.". Итакъ и въ Византіи встрѣчаются цѣлыя эпохи, когда не было равновѣсія интересовъ индивидуальныхъ и общественныхъ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы въ это время тамъ не было государства. Вообще опре-

дѣленіе послѣдняго, выставляемаго г. Грибовскимъ, имѣетъ скорѣе значеніе для будущаго, указывая на извѣстный идеалъ, къ которому государства должны стремиться...

Точно также и опредѣленіе правительства, встрѣчающееся въ книгѣ г. Грибовскаго, скорѣе указываетъ на тотъ идеалъ, къ которому должны стремиться правительства, чѣмъ на современное положеніе вещей. „Среди группъ, говоритъ г. Грибовскій, представляющихъ самостоятельные интересы, имѣется группа, преслѣдующая цѣль соразмѣрнаго служенія *всѣмъ* законнымъ интересамъ. Эта нынче совершенно обособленная группа есть правительство. Въ исторіи же понятіе правительства обыкновенно сливалось съ понятіемъ правящаго или правящихъ классовъ" (стр. 283). Мы думаемъ, что и теперь во многихъ государствахъ „понятіе правительства сливается съ понятіемъ правящаго класса". Возьмемъ для примѣра демократическую Францію съ ея suffrage universel. Что мы тамъ видимъ? Господство партійнаго правительства, т. е. господство той партіи, которая въ борьбѣ за власть съ другими партіями, оказалась побѣдительницею, обезпечивъ себѣ большинство въ палатѣ. Такимъ образомъ современное французское правительство не представляетъ изъ себя обособленной группы, напротивъ, тѣсно сливается съ одной или нѣсколькими группами и, какъ показываютъ факты, прежде всего заботится объ осуществленіи *своихъ* партійныхъ интересовъ, т. е. интересовъ одной или нѣсколькихъ общественныхъ группъ. Во Франціи мы вполнѣ встрѣчаемъ фактъ существованія „правящихъ классовъ". Таковыми являются общественныя группы, принадлежащія къ буржуазіи. Не даромъ же остатки прежняго дворянства въ лицѣ разныхъ монархическихъ партій и рабочіе въ лицѣ соціалистовъ всевозможныхъ фракцій постоянно находятся въ оппозиціи. Если мы обратимся къ другимъ западно-европейскимъ государствамъ и къ американскимъ республикамъ, то и здѣсь увидимъ господство партійнаго правительства и наличность правящихъ классовъ или даже племенъ, какъ, напр., въ Австро-Венгріи. Такимъ образомъ опредѣленіе г. Грибовскаго совершенно не подходитъ къ огромному большинству современныхъ правительствъ.

III.

Глава о государствѣ является вводною въ изслѣдованіи, такъ какъ поставленную себѣ задачу авторъ начинаетъ разрѣшать только

со второй главы, посвященной характеристикѣ романизма и эллинизма, съ точки зрѣнія борьбы которыхъ онъ и разсматриваетъ политическую исторію Византіи отъ Константина Великаго до латинскаго завоеванія. Можно, конечно, не соглашаться съ нимъ въ его характеристикахъ романизма и эллинизма, можно находить, что онъ слишкомъ сгущаетъ краски, говоря о первомъ, и въ розовомъ свѣтѣ смотритъ на второй, но нельзя не признать оригинальности воззрѣній автора и его попытокъ освѣтить многія темныя стороны политической исторіи Византіи. Дѣйствительно, характеристики романизма и эллинизма не могутъ быть приняты. Онѣ и мало обоснованы, и очень односторонни. Съ точки зрѣнія автора, романизмъ есть зло, эллинизмъ добро. „Римъ, читаемъ у него, презиралъ торговлю, промышленность, земледѣліе, науку, искусство“ (стр. 36). А вотъ свойства, прилагаемыя имъ къ романизму,—коварство, бездушіе, формализмъ, сухость и насиліе (стр. 68). Наконецъ, вотъ пріемы романизма: невидимое соглядатайство, вѣроломство, двуличіе, безчеловѣчная мстительность (стр. 82). Историкъ, ставящій себѣ задачею историческую правду и стремящійся объективно изучать событія прошлаго, конечно, никогда не согласится съ подобною характеристикою. Онъ скажетъ, что и Римъ не презиралъ земледѣлія, да и не могъ его презирать, потому что римляне всегда были земледѣльческимъ народомъ. Онъ сошлется на свидѣтельство грека Кинеаса, бывшаго посломъ въ Римѣ царя эпирскаго Пирра, по словамъ котораго земледѣліе, скотоводство, плодоводство и виноградарство процвѣтали у Римлянъ. Онъ припомнитъ и слова Кинеаса объ особенномъ способѣ воздѣлыванія винограда, присущаго только римлянамъ („я уже знаю, пишетъ Кинеасъ, достоинство итальянскаго вина и не удивляюсь, что за это лоза пользуется въ Италіи такимъ высокимъ положеніемъ“). Затѣмъ ему придетъ на память легенда о Цинцинатѣ, которая не могла возникнуть у народа, презирающаго земледѣліе. Наконецъ, онъ вспомнитъ и о знаменитомъ трактатѣ Катона о земледѣліи, трактатѣ, почти цѣликомъ дошедшимъ до насъ. Все это факты, прямо опровергающіе положеніе г. Грибовскаго. Что касается до презрѣнія римлянъ къ торговлѣ и промышленности, то и таковое не подтверждается историческими данными. Объективный историкъ вспомнитъ о громадномъ торговомъ значеніи гавани Рима—Остіи, онъ вспомнитъ, что уже вначалѣ республиканскаго періода богатые римскіе землевладѣльцы заводили свои суда, которыя сперва плавали по Тибру, а

затѣмъ стали выходить и въ море и т. п. Конечно, римляне никогда не были такимъ торговымъ народомъ, какъ финикіяне, карѳагеняне или греки, но чтобы они презирали торговлю, этого утверждать мы не можемъ. Точно также напрасно обвиняетъ г. Грибовскій гражданъ вѣчнаго города въ презрѣніи къ искусству и наукѣ. Намъ опять напрашивается на память свидѣтельство Кинеаса объ архитектурѣ и инженерномъ искусствѣ древняго Рима. Мы вспоминаемъ, какъ былъ удивленъ этотъ греческій посолъ при видѣ римскихъ храмовъ, водопроводовъ, укрѣпленій, каменныхъ дорогъ и т. п. Одна изъ послѣднихъ (Via Appia) сохранилась до нашихъ дней и до сихъ поръ вызываетъ удивленіе туристовъ. Правда, искусство Рима имѣло по преимуществу утилитарный характеръ, но въ презрѣніи у него никогда не было. Мы не говоримъ уже о наукѣ. Юридическая, историческая и точныя науки имѣли въ огромномъ количествѣ своихъ представителей въ Римѣ, что, конечно, всѣмъ хорошо извѣстно.

Насколько несправедливъ г. Грибовскій къ романизму, настолько же, думается намъ, онъ пристрастенъ къ эллинизму, слѣдуя въ этомъ за аѳинскимъ ученымъ Папарригопуло, авторомъ, хотя и хорошаго, но очень тенденціознаго, труда „Histoire de la civilisation hellénique". Вотъ какъ характеризуется эллинизмъ Папарригопуло и вслѣдъ за нимъ г. Грибовскимъ: „увѣренность въ своихъ силахъ, гуманность, индивидуализмъ, способный, однако, подчиняться единоличной власти, крѣпость семейнаго начала, высокое положеніе женщины въ семьѣ, крѣпость узъ дружбы, гостепріимство, мягкость рабства, уваженіе къ знанію, искусству, уму и таланту, предпріимчивость, трудолюбіе, стойкость, развитое самоуправленіе и художественность духовной природы" (стр. 40 и 41). Итакъ, эллинизмъ есть добро въ отличіе отъ романизма —зла. Намъ нѣтъ возможности подробно разобрать всѣ указанныя свойства эллинизма. Но остановимся на нѣкоторыхъ.

Авторъ не разъ говоритъ о мягкости рабства въ древней Греціи. „Еще въ глубокой древности, читаемъ мы у него, рабы въ семьѣ грека въ гомерическій періодъ находились на положеніи младшихъ членовъ рода... Иначе смотрѣли на невольника римляне, видѣвшіе въ немъ только вещь и болѣе ничего" (стр. 84). Можетъ быть, въ гомерическій періодъ оно такъ и было. Но въ болѣе позднюю эпоху рабы въ Греціи также трактовались, какъ вещь, и положеніе ихъ было очень тяжелое. Прежде всего количество ихъ было

весьма велико. Такъ, въ 309 г. въ Аттикѣ насчитывалось 400 тысячъ рабовъ при 21 тысячи гражданъ, въ Коринѳѣ 470 тысячъ и т. д. Затѣмъ рабъ считался объектомъ правъ, такъ такъ съ нимъ были разрѣшены собственнику всѣ сдѣлки, допущенныя въ сферѣ гражданскаго оборота, т. е. его можно было продать, обмѣнять, подарить, заложить, завѣщать и т. п. Онъ и назывался вещью, а именно σῶμα ἀνδρεῖον или γυναικεῖον т. е. *тѣло* мужское или женское. Мало того, въ то время, какъ въ Римѣ рабы могли получать образованіе, почему тамъ встрѣчаются и ученые рабы, въ Греціи это было строго воспрещено. Кромѣ рабовъ, въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ были еще крѣпостные, напр., илоты (ихъ было до 200 тысячъ), положеніе которыхъ также представляло собою мало привлекательнаго; недаромъ же они постоянно возставали и ихъ приходилось усмирять крайне суровыми мѣрами [1]). Далѣе, г. Грибовскій указываетъ на высокое положеніе женщины въ семьѣ. Но рядомъ съ этимъ необходимо имѣть въ виду, что древне-греческая женщина всегда считалась на положеніи несовершеннолѣтней, почему и была вѣчно въ подъопечномъ положеніи то у отца, то у брата, то у мужа, то даже у сына! Такимъ образомъ, дѣеспособность ея была крайне ограничена [2]). Затѣмъ г. Грибовскій указываетъ на сознаніе у грековъ общенароднаго единства, на способность подчиняться единоличной власти. Конечно, подобная способность не разъ проявлялась греками, но рядомъ съ нею мы встрѣчаемъ и вѣчныя междуусобицы, постоянную взаимную борьбу, изъ которыхъ одна пелопонесская война чего стоитъ. Наконецъ, г. Грибовскій отмѣчаетъ крѣпость семейнаго начала, но, съ другой стороны, объективный историкъ, долженъ отмѣтить и процвѣтаніе гетеризма и т. д. Мы, конечно, готовы преклониться предъ древнегреческой цивилизацiей, но будемъ и справедливы: рядомъ съ Леонидомъ и Ѳемистокломъ Греція дала намъ и Герострата.

IV.

Излагая политическую исторію Византіи съ точки зрѣнія борьбы романизма и эллинизма, г. Грибовскій посвящаетъ цѣлую главу иконоборческому движенію, причемъ выставляетъ иконопочитателей

---

[1]) Беремъ эти свѣдѣнія изъ почтеннаго труда В. В. Латышева „Очеркъ греческихъ древностей", т. I, стр. 192 и др.

[2]) Припомнимъ кстати слова Телемака, сказанныя имъ *своей матери* Пенелопѣ, характеризующія то „высокое положеніе" женщины въ семьѣ, о которомъ говоритъ г. Грибовскій: „Удались, занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, пряжей, тканьемъ .... говорить же не женское дѣло".

западниками, представителями началъ романизма, а иконоборцевъ— націоналистами, представителями началъ эллинизма. Обоготвореніе иконъ, съ точки зрѣнія автора, было порожденіемъ иноземнаго, западнаго вліянія. Мало того, это обоготвореніе „выродилось въ слѣпой безсмысленный фанатизмъ", благодаря „стараніямъ западнической партіи", основывавшей на немъ „свое презрѣнное благополучіе" (стр. 99 и 100). Намъ кажется, что и это положеніе мало обосновано. Крайности иконопочитанія въ смыслѣ обоготворенія иконъ встрѣчались и встрѣчаются вездѣ, завися исключительно отъ степени народнаго образованія. Съ такими же крайностями мы встрѣчаемся теперь и въ нашей крестьянской средѣ (да и только-ли въ крестьянской?), происходящими исключительно вслѣдствіе некультурности этой послѣдней, такъ какъ ни о какихъ западническихъ вліяніяхъ въ примѣненіи къ этой средѣ говорить, конечно, не приходится.

Г. Грибовскій, говоря объ иконоборческомъ движеніи постоянно ссылается на Папарригопуло. Между тѣмъ воззрѣнія аѳинскаго ученаго далеко не во всемъ сходятся съ воззрѣніями г. Грибовскаго. Относясь къ иконоборческому движенію съ большимъ сочувствіемъ, признавая за нимъ вполнѣ реформаторскій характеръ, Папарригопуло, правда, указываетъ на то, что главные дѣятели его вышли изъ азіатскихъ владѣній Византіи и что въ восточныхъ провинціяхъ имперіи это движеніе вызвало гораздо больше сочувствія, чѣмъ въ западныхъ, но въ то же время нигдѣ не говоритъ, чтобы иконопочитатели были представителями западнической партіи. Напротивъ, онъ прямо связываетъ возникновеніе крайностей иконопочитанія съ невѣжествомъ низшихъ классовъ населенія или, какъ онъ выражается, толпы (la foule). „Le vulgaire, говоритъ онъ, n'ayant pas l'esprit et le coeur formés par une éducation libérale, est ordinairement impuissant à comprendre le culte autrement qu'entouré de symboles et d'emblèmes" [1]).

Ссылаясь на Папарригопуло, г. Грибовскій въ разсматриваемой главѣ совершенно забываетъ о существованіи того ученаго, къ воззрѣніямъ котораго онъ въ сущности и примыкаетъ. Мы говоримъ о проф. Успенскомъ. Вотъ что читаемъ въ его „Очеркахъ по исторіи византійской образованности": „противоположность принциповъ православія и иконоборчества можетъ становиться осяза-

---

[1]) Histoire de la civilisation hellénique, p. 191—192.

тельной: одно начало—западное европейское, другое—восточное азiатское. Иконоборческая эпоха представляетъ эпизодъ культурной борьбы между западомъ и востокомъ“ [1]).

V.

Второй отдѣлъ изслѣдованiя посвященъ вопросу о населенiи. Здѣсь авторъ говоритъ объ юридическомъ положенiи высшаго сословiя, горожанъ, крестьянъ и остальныхъ классовъ населенiя. Въ особенности подробно изложено положенiе крестьянъ. Въ этомъ же отдѣлѣ онъ касается отношенiй, существовавшихъ между народомъ и властью, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинцiяхъ, причемъ обращаетъ особенное вниманiе на участiе различныхъ сословiй въ дѣлѣ избранiя императоровъ. Въ русской литературѣ вопросъ объ отношенiи населенiя и власти въ Византiи *впервые* столь подробно разработанъ. Нѣкоторые выводы автора вызываютъ, однако, немало возраженiй.

Прежде всего въ глаза бросается одно противорѣчiе, касающееся муниципiй. А именно на стр. 186 г. Грибовскiй говоритъ, что „существованiе муниципальнаго права въ римской имперiи ничуть не противорѣчило ея централизацiи и крайнему абсолютизму“. „Нѣтъ сомнѣнiя, читаемъ далѣе (стр. 187), что самоуправленiе не могло быть опаснымъ ни для кровныхъ римскихъ императоровъ, ни для ихъ византiйскихъ наслѣдниковъ“. Въ виду этого, авторъ недоумѣваетъ, почему Левъ Мудрый „счелъ опаснымъ для самодержавiя бытiе старыхъ муниципальныхъ учрежденiй“. Открываемъ, однако, стр. 191 и вотъ что читаемъ тамъ: провинцiальное населенiе „всѣми силами старалось выдѣлиться изъ общихъ рамокъ государственной жизни; провинцiалы то признавали, то не признавали константинопольскихъ императоровъ, насильственными мѣрами рекомендовали столицѣ своихъ избранниковъ, сопротивлялись законнымъ распоряженiямъ центральнаго правительства, не принимали имъ назначаемыхъ губернаторовъ, входили въ дипломатическiя сношенiя съ иноземными государями, поносили своихъ“. Теперь становится понятнымъ, почему Левъ Мудрый считалъ муниципальную свободу опасной для самодержавiя. Однако, съ дру-

---

[1]) Очерки по исторiи византiйской образованности, стр. 65. Должны сознаться, что это положенiе почтеннаго ученаго, высказанное имъ вскользь, кажется намъ также совершенно необоснованнымъ.

гой стороны, какъ согласить сказанное на стр. 191 со сказаннымъ раньше на стр. 186 и 187?

Г. Грибовскій во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія признаетъ, что въ Византіи у народа существовало право возстанія. Мало того, на стр. 204 онъ даже проводитъ „параллель“ между народомъ англійскимъ и населеніемъ Византіи, ссылаясь на Великую хартію. По мнѣнію г. Грибовскаго, горожане Византіи „сознавали право протеста даже въ большей степени нежели англо-саксонцы“. Обратимся къ разсмотрѣнію этого вопроса. Право возстанія существовало повсемѣстно въ западной Европѣ, гдѣ оно получило свою регламентацію въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ памятниковъ. Стоитъ вспомнить такіе акты, какъ нѣмецкіе Freicheitsbriefe, дававшіеся государями земскимъ чинамъ (Landstände) и между прочими привилегіями признававшіе за ними Unionsrecht и Viderstandsrecht, испанскіе законы Partidas, 15-ый законъ 2-ой книги которыхъ гласитъ: „тотъ будетъ считаться измѣнникомъ по отношенію къ народу, кто, видя противозаконные поступки короля, не окажетъ ему сопротивленія не только словомъ, но и дѣломъ“, а также привиллегію союзовъ 1283 г., наконецъ, англійскую Великую хартію вольностей и венгерскую Золотую Буллу. Всѣ эти акты прямо санкціонируютъ право вооруженнаго сопротивленія королю [1]). Вотъ что гласитъ вторая половина 31 статьи Буллы: „Если мы (король) пожелали бы дѣйствовать вопреки этому нашему постановленію (Буллѣ), то, на основаніи этой хартіи (вслѣдствіе чего подобный поступокъ не будетъ считаться государственной измѣной), разрѣшается теперь и на будущее время, какъ всѣмъ, такъ и каждому въ отдѣльности противодѣйствовать и противостоять намъ и нашимъ наслѣдникамъ“ (resistendi et contradicendi) [2]). Было ли что-либо подобное въ Византіи? Нѣтъ, не только не было, но было какъ разъ наоборотъ, такъ какъ всѣ законодательные акты Греко-восточной имперіи не только не разрѣшаютъ возстанія, но смотрятъ на него, какъ на одно изъ тягчайшихъ преступленій, караемыхъ смертною казнью

---

[1]) Подробности см. въ *моемъ* изслѣдованіи „Земскіе соборы древней Руси сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями“. Спб. 1885 г.

[2]) Szalai, Geschichte Ungarns, I B, S. 361; Krainer, Die ursprüngliche Staatsverfassung Ungarns, S. 277.

и конфискаціей имущества. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между юстиніановымъ законодательствомъ и, Эклогою, Прохирономъ, Эпаногогою и Василиками. Правда, Эклога смягчаетъ наказаніе за государственную измѣну (въ томъ числѣ и возстаніе), предписывая карать за нея, чѣмъ государь укажетъ, но, конечно, также трактуетъ ее, какъ дѣяніе неправомѣрное [1]). Наконецъ, церковь считала возстаніе отступничествомъ (апостасіей) и подвергала возставшихъ анаѳемѣ [2]). Такимъ образомъ ни о какомъ правѣ возстанія въ примѣненіи къ Византіи не можетъ быть рѣчи. Г. Грибовскій впалъ въ указанную ошибку потому, что сдѣлалъ неправильное обобщеніе. Изъ цѣлаго ряда „фактовъ" возстанія, въ изобиліи имѣвшихъ мѣсто въ византійской исторіи, онъ сдѣлалъ заключеніе о „правѣ" возстанія. Но вѣдь дѣлая подобныя обобщенія, мы можемъ договориться до самыхъ произвольныхъ положеній. Такъ, добрая половина византійскихъ императоровъ окончила свою жизнь насильственнымъ образомъ [3]), изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что народъ въ Византіи пользовался „правомъ" присуждать своихъ императоровъ къ смертной казни! Между тѣмъ и къ такому выводу можно придти, слѣдуя примѣру автора.

По тѣмъ же мотивамъ, по которымъ нельзя согласиться съ г. Грибовскимъ относительно права возстанія, необходимо отвергнуть и его увѣреніе, будто въ Византіи существовало „признанное право низведенія императора съ престола" (стр. 245). Авторъ, къ сожалѣнію не говоритъ, когда и кѣмъ это право было „признано", почему его положеніе является вполнѣ голословнымъ. Даже въ феодальной Европѣ, во время господства права возстанія, право низложенія короля нигдѣ не признавалось. Такъ, согласно ст. 49 Capitula, утвержденныхъ Іоанномъ Беземельнымъ вмѣстѣ съ Великой хартіей, а также согласно ст. 61 этой послѣдней за баронами было признано право, въ случаѣ нарушенія хартіи, секвестровать королевскіе замки и земли, но *не касаться личности короля, королевы и ихъ дѣтей* [4]). Въ другихъ государствахъ точно также право низложе-

[1]) См. Цахаріэ, Geschichte des grieches-römischen Rechts, т. III.

[2]) Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 134.

[3]) Итогъ императоровъ, трагически лишившихся престола, отъ Аркадія до Магомета II подведенъ у Sobatier, Monnaies bizantines. См. Скабалановича, ук. с., стр. 134.

[4]) Stubbs, Select Charters, 290 и слѣд.

нія короля не принадлежало сословіямъ [1]). Само собою разумѣется, что и въ Византіи не было ничего подобнаго. По крайней мѣрѣ, насколько намъ извѣстно, византійское законодательство никогда не санкціонировало подобнаго права, да и г. Грибовскій не приводитъ въ пользу своего мнѣнія ни одного законодательнаго акта [2]).

Разсматривая доли участія различныхъ сословій въ дѣлѣ избранія императора, г. Грибовскій утверждаетъ, что сенату принадлежало „право назначенія кандидата въ императоры". Впрочемъ, по признанію автора, „это правило не всегда строго охранялось" (стр. 252). Константинопольскій сенатъ былъ наслѣдникомъ римскаго сената, а между тѣмъ въ Римѣ право избранія императора принадлежало сенату. Уже второй римскій императоръ (Тиверій) явился избранникомъ сената [3]). И въ первый же годъ его царствованія коммиціи были лишены своего права избирать всѣхъ тѣхъ магистратовъ, которыхъ они еще избирали, причемъ это право перешло къ сенату, какъ къ представителю римскаго народа. „Тогда впервые, говоритъ Тацитъ, коммиціи были перенесены съ поля (Марсова) къ сенаторамъ" [4]). Съ этого времени сенатъ избиралъ императоровъ путемъ изданія senatus consulta, которыми передавалъ избранникамъ полномочія, принадлежавшія императорской власти, т. е. imperium, potestas tribunicia, званіе проконсула, верховнаго жреца и проч. Формально за все время существованія

---

[1]) Такъ, по іерусалимскимъ ассизамъ, также признававшимъ право возстанія („если случится, что король поступаетъ въ чемъ нибудь противъ своей клятвы, гласитъ глава XXVI книги ассизовъ суда горожанъ, то этого не должны терпѣть ни его вассалы, ни народъ"), однимъ изъ поводовъ конфискаціи лена считалось поднятіе оружія противъ личности сюзерана (Додю, указ. соч., стр. 163 и 236).

[2]) Въ Римѣ въ періодъ принципата, слѣдовательно, до Діоклетіана, право низложенія императора существовало и принадлежало сенату, причемъ сопровождалось уголовнымъ преслѣдованіемъ. Впрочемъ, на практикѣ оно свелось къ сужденію объ императорѣ послѣ его смерти, результатомъ чего являлось или damnatio memoriae и rescissio actorum или же consecratio, т. е. предписаніе воздавать покойному императору божескія почести. См. Виллемсъ, Римское госуд. право, вып. II, стр. 488 (русск. перев. Бодянскаго).

[3]) См. прекрасный трудъ Paillard'a „Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople". Здѣсь приведены, между прочимъ, слѣдующія слова Тиверія, сказанныя имъ въ сенатѣ: „Я уже неоднократно говорилъ, господа сенаторы (Patres conscripti), что хорошій государь, которому Вы передали такую обширную и неограниченную власть, долженъ быть слугою сената. Вы мои господа, самые справедливые и самые добрые господа" (стр. 35).

[4]) Виллемсъ, указ. соч., вып. II, стр. 516, Paillard, указ. соч., стр. 36.

Римской имперіи сенатъ сохранялъ за собою это право, хотя фактически огромная масса императоровъ была провозглашена войскомъ (преторіанцами или провинціальными легіонами). Но, какъ справедливо замѣчаетъ Виллемсъ, „вмѣшательство арміи въ провозглашеніи императора было узурпаціей власти и ни въ какомъ случаѣ не было столь же законнымъ актомъ, какъ посредничество сената“ [1]). Дѣйствительно, всѣ императоры, провозглашенные войскомъ, всегда требовали, чтобы этотъ фактъ былъ санкціонированъ сенатомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Гальба, отказывались именоваться императорами до тѣхъ поръ, пока сенатъ не издавалъ соотвѣтствующихъ senatus consulta и не переносилъ на нихъ всѣ полномочія императорской власти. Даже въ концѣ императорской эпохи всѣ императоры разсматривались избранниками сената, и онъ при началѣ каждаго царствованія неизмѣнно издавалъ свои senatus consulta и такимъ образомъ легализировалъ факты избранія войскомъ или назначенія императоровъ разными германскими вождями, что, какъ извѣстно, стало практиковаться въ послѣднее время существованія Западной Римской имперіи. Много любопытныхъ данныхъ по этому вопросу собрано въ сочиненіи Paillard'а.

Итакъ, съ точки зрѣнія римскихъ традицій, до извѣстной степени, конечно, имѣвшихъ значеніе и для Византіи, сенату принадлежало не право выставлять кандидатовъ въ императоры, но право избирать послѣднихъ.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію византійской исторіи, то увидимъ, что и здѣсь сенатъ игралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ избранія императоровъ. По справедливому замѣчанію Paillard'а, въ продолженіи полутораста лѣтъ (съ середины V по конецъ VI ст.) Константинополь подчиняется императорамъ, обязаннымъ своею властью главнымъ образомъ сенату. „Durant toute cette période, говоритъ Paillard, il est à peine question du peuple et de l'armée“ [2]). Да и впослѣдствіи сенатъ постоянно играетъ роль въ дѣлѣ избранія императоровъ, хотя раздѣляетъ свое право вмѣстѣ съ народомъ, что, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ римскимъ тра-

---

[1]) Стр. 486. Впрочемъ, Моммсенъ держится противоположнаго мнѣнія; см. его II т., стр. 813.

[2]) Paillard, указ. соч., стр. 426. „Сенатъ въ этотъ періодъ, читаемъ у него на стр. 435, находится въ апогеѣ своего величія. Народъ и армія, которые его любятъ или боятся, слѣдуютъ за нимъ. Императоры его опасаются и ему льстятъ. Престола можно достигнуть не иначе, какъ пройдя черезъ сенатъ“.

диціямъ, такъ какъ и въ Римѣ сенату принадлежало право избирать императоровъ, въ качествѣ представителя народа, унаслѣдовавшаго указанное право отъ коммицій. Самъ г. Грибовскій приводитъ не мало примѣровъ избранія императоровъ сенатомъ, почему и вынужденъ оговориться, что правило о выставленіи имъ кандидатовъ въ императоры не всегда строго соблюдалось. Не лучше ли признать дѣло такъ, какъ оно и было въ дѣйствительности, а именно, что сенату принадлежало право вмѣстѣ съ народомъ избирать императоровъ, съ чѣмъ согласны и римскія традиціи и византійская практика. Конечно, были случаи, когда это право узурпировалось (какъ и въ Римѣ), но среди того безчисленнаго количества революцій, государственныхъ переворотовъ и военныхъ пронунціаменто, которые мы встрѣчаемъ въ исторіи Византіи, подобный фактъ вполнѣ понятенъ.

По мнѣнію г. Грибовскаго, не только сенату, но и *войску* принадлежало право выставленія кандидата въ императоры (стр. 279). Однако, и это мнѣніе нельзя принять. Конечно, въ византійской исторіи было не мало фактовъ, когда войско и выставляло кандидатовъ и даже избирало императоровъ, но на основаніи ихъ нельзя дѣлать заключеніе о правѣ. Вѣдь и у насъ въ XVIII ст. бывали подобные примѣры (стоитъ вспомнить Елизавету Петровну и Екатерину II), однако, нельзя же утверждать, что въ Россіи одно время войску принадлежало право избирать государей! Точно также не было этого права и у войска въ Византіи. Факты же военныхъ пронунціаменто остаются фактами и болѣе ничѣмъ. Напротивъ, разсматривая подобные перевороты, мы видимъ что даже само войско признавало только за народомъ и сенатомъ право избирать государей. Такъ, при избраніи Фоки, Ираклія, Льва Армянина и Вотаніата, войско или флотъ, провозгласившіе ихъ императорами, дойдя до Константинополя, покорно останавливались у его стѣнъ и ожидали результата голосованія населенія столицы, причемъ сами императоры, обязанные престоломъ войску, только послѣ подобнаго голосованія, рѣшались присваивать себѣ внѣшніе аттрибуты власти. Ясно, что войску не принадлежало никакихъ правъ въ дѣлѣ избранія императоровъ, съ чѣмъ вполнѣ согласно и свидѣтельство Никиты Хоніата, приводимое г. Грибовскимъ, но недостаточно имъ оцѣненное (стр. 276).

VI.

Послѣдній отдѣлъ изслѣдованія посвященъ вопросу о власти, причемъ опять таки необходимо отмѣтить, что до сихъ поръ этотъ вопросъ въ нашей литературѣ столь подробно разработанъ не былъ. Авторъ выясняетъ древнегреческія воззрѣнія на правительство, говоритъ о различіи теорій византійскаго и римскаго имперіализма, причемъ знакомитъ читателя съ цѣлымъ рядомъ литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразилась точка зрѣнія византійскихъ грековъ на власть государя, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ полною и всестороннею картиною юридическаго положенія императора, анализируя послѣднее со стороны правъ и обязанностей государя, соотношеній власти царя и патріарха и порядка преемства престола. Конечно, и здѣсь можно сдѣлать автору не мало возраженій. Такъ, онъ систематически умаляетъ значеніе завѣщательнаго начала въ дѣлѣ преемства византійскаго престола, выставляя постоянно во всей своей работѣ на первый планъ избирательное начало. Между тѣмъ завѣщательное начало, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣло въ Византіи огромное значеніе и не только не меньшее, но даже большее, чѣмъ избирательное, уже по одному тому, что назначеніе себѣ преемника царствующимъ государемъ было нормальнымъ порядкомъ, избраніе же государя народомъ практиковалось только въ исключительныхъ случаяхъ. Какъ извѣстно, завѣщательное начало выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, а именно: въ формѣ устнаго назначенія себѣ преемника, въ формѣ духовнаго завѣщанія, усыновленія, пріобщенія къ власти, т. е. избранія себѣ въ соправители, въ формѣ избранія своего мужа императоромъ и т. д. По подсчету Пайара [1]), изъ 82 императоровъ только 29 были избраны, остальные же 53 обязаны престоломъ назначенію своихъ предшественниковъ. Назначеніе себѣ преемника считалось не только правомъ, но и обязанностью государей. Вотъ что говорилъ одинъ изъ византійскихъ императоровъ (Тиверій II) въ присутствіи сената и синода: „еще недостаточно, что государь долженъ заботиться объ интересахъ государства. Трудность заключается въ его передачѣ. *Обязанность* государя назначить себѣ преемника, котораго онъ долженъ избрать изъ наиболѣе добродѣтельныхъ и способныхъ людей“ [2]). Такимъ образомъ въ дѣлѣ преемства престола

[1]) Стр. 370.

[2]) Paillard, p. 370.

выдающуюся роль играла воля царствующаго государя, а затѣмъ уже санкція со стороны сената и народа, которая, однако, имѣла мѣсто далеко не всегда.

Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ г. Грибовскій противополагаетъ теоріи римскаго и византійскаго имперіализма. „Отвлеченному уму восточнаго грека, византійцу, говоритъ онъ (стр. 298), конечно, роднѣе былъ идеалъ не царя защитника, праведнаго судьи, земнаго Бога, но царя представителя божественной мудрости, служителя добра по призванію, высшаго сановника государства". Если мы противополагаемъ что либо, то, конечно, нѣчто противоположное другъ другу. Между тѣмъ, въ противоположеніи г. Грибовскаго этого именно и нѣтъ. Нельзя же видѣть противоположныя черты въ „царѣ защитникѣ" и „праведномъ судьѣ", съ одной стороны, и въ „представителѣ божественной мудрости" и „служителѣ добра по призванію", съ другой стороны. Ясно, что царь—„служитель добра по призванію" будетъ въ то же время и „царемъ защитникомъ", и „праведнымъ судьею". Въ своемъ противоположеніи г. Грибовскій употребляетъ терминъ „земной богъ", каковымъ, по его мнѣнію, является римскій императоръ, совершенно забывая, что этотъ терминъ греческаго происхожденія и примѣнялся греками къ своимъ императорамъ. Вотъ что читаемъ мы въ „Совѣтахъ византійскаго боярина XI вѣка", приводимыхъ г. Грибовскимъ на стр. 317: „Богъ возвысилъ тебя на царскій престолъ и по своей благодати сдѣлалъ тебя, какъ это говорится, земнымъ богомъ— дѣлать и творить, что хочешь". Та же мысль находится и въ „Царскомъ свиткѣ" дьякона Агапита, а именно: „тѣлесной природой государь равенъ всякому человѣку, но властью и саномъ уподобляется высшему повелителю Господу. Поэтому самому монарху, какъ Богу, не приличествуетъ быть гнѣвнымъ" (стр. 305). Наконецъ, самъ же г. Грибовскій констатируетъ, что „въ XII ст., какъ и въ IV, неизвѣстный панегеристъ неизмѣнно провозглашалъ, что царство земное есть отраженіе царства небеснаго, и что императоръ самъ образъ Божій" (стр. 348). Что византійцы склонны были смотрѣть на императора, какъ на земнаго бога, на это указываютъ и другіе факты. Достаточно вспомнить о тѣхъ эпитетахъ, которые прилагались къ императору и указывали на его святость и божественность. „Et reversi Bari, читаемъ мы въ одномъ памятникѣ, приводимомъ проф. Скабалановичемъ [1]), ad laudem dedit

[1]) Указанное сочиненіе, стр. 145.

sancto imperatori Constantino Monomacho". „Domino Romano Diogenio *sanctissimo*", читаемъ въ другомъ. Наконецъ, императору отдавалось почитаніе *богоравное* (ἰσόθεος), выражавшееся въ поклоненіи и въ славословіяхъ [1]).

На стр. 318 г. Грибовскій говоритъ, что изъ приводимыхъ имъ памятниковъ „можно прекрасно уяснить всю разницу между идеаломъ монарха, завѣщаннаго Римомъ, и тѣмъ, который сложился на византійской почвѣ. Надо ли повторять, что эти идеалы были настолько же *противоположны* другъ другу, насколько кореннымъ образомъ расходились культуры запада и востока". Признаемся, мы никакой „разницы" не могли себѣ уяснить и ничего „противоположнаго" въ этихъ идеалахъ не нашли. Но обратимся къ памятникамъ. Такъ, дьяконъ Агапитъ рисуетъ слѣдующій идеалъ монарха: государь долженъ вниметелано обсуждать каждое дѣло и выбирать въ помощники достойныхъ людей, быть кроткимъ, справедливымъ, милостивымъ, ровнымъ въ отношеніи всѣхъ, не слушать льстецовъ, довѣрять людямъ, смѣло говорящимъ правду, не нарушать законовъ (стр. 308). „Не внимай ложнымъ доносчикамъ", читаемъ въ одномъ памятникѣ. „Благодѣянія твои пусть будутъ обдуманы и пусть ихъ получатъ люди достойные". „Будь отцомъ для всѣхъ". „Пріобрѣти четыре добродѣтели: духовное мужество, справедливость, цѣломудріе и разсудительность", читаемъ въ другихъ (стр. 317). Характерными чертами идеала монарха, по мнѣнію г. Грибовскаго, въ произведеніяхъ различныхъ византійскихъ авторовъ являются: „безстрастіе, самоотверженіе, высшая справедливость, добродѣтельность, мудрость" (стр. 302). Спрашивается, что же во всемъ изложенномъ специфически греческаго, и неужели римляне не подписались бы подъ всѣми этими памятниками? Неужели, по мнѣнію римлянъ, императоръ долженъ обладать „противоположными" качествами и свойствами, т. е. не долженъ внимательно обсуждать каждое дѣло, не выбирать себѣ въ помощники достойныхъ людей, быть злымъ, несправедливымъ, слушать льстецовъ и т. п.? Напротивъ, мы можемъ указать на цѣлую плеяду римскихъ императоровъ, вполнѣ подходившихъ подъ вышеочерченный идеалъ. Стоитъ вспомнить имена Веспасіана, Тита, Траяна, Адріана, Антонина Пія, Марка Аврелія, Авреліана и др., чтобы убѣдиться въ истинности только что сказаннаго

---

[1]) Скабалановичъ, указ. соч., стр. 145.

А много ли еще византійскихъ императоровъ подойдетъ подъ этотъ идеалъ?

Заканчивая свой отзывъ о работѣ г. Грибовскаго, мы считаемъ необходимымъ опять повторить, что она является у насъ *первою* попыткою изучить и освѣтить основныя начала византійскаго государственнаго права, причемъ путь, избранный авторомъ, былъ далеко нелегкій, въ виду слабой разработки предмета. Не смотря на это, г. Грибовскій справился со своею темою, причемъ выказалъ умѣніе оріентироваться среди того обширнаго матеріала, надъ которымъ ему пришлось оперировать, и способность къ широкимъ выводамъ и обобщеніямъ. Трудъ его во многихъ своихъ частяхъ вполнѣ самостоятельная работа. Авторъ не только исчерпалъ всю имѣющуюся по его предмету русскую и иностранную историческую и историко-юридическую литературу (за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ сочиненій), но и постарался обосновать свои выводы данными первоисточниковъ, какъ юридическихъ, такъ и историческихъ. Изъ первыхъ имъ обслѣдованы всѣ, начиная съ Кодекса и Василикъ и заканчивая Эклогою, Прохирономъ, Νόμος γεωργικός, новеллами, и Эпанагогою. Выясненію значенія послѣдней, какъ источника права, у него посвященъ даже цѣлый параграфъ (2 гл. XVIII) въ 25 страницъ. Что касается до вторыхъ, то имъ исчерпано содержаніе очень многихъ хроникъ и сказаній современниковъ.

Не можемъ также не обратить вниманія и на внѣшность работы. Правда, иной разъ авторъ черезъ чуръ страстно обсуждаетъ тотъ или иной вопросъ, а иногда и впадаетъ въ нѣкоторый пафосъ, но въ общемъ работа написана очень хорошимъ литературнымъ стилемъ, что также должно быть отмѣчено, какъ одно изъ ея достоинствъ.

Проф. В. Латкинъ.

Объ участіи духовныхъ лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

(По поводу преподаванія законовѣдѣнія въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ).

Въ качествѣ члена одного изъ окружныхъ судовъ западной Россіи намъ пришлось въ теченіе пяти лѣтъ принимать участіе въ разсмотрѣніи ряда гражданскихъ дѣлъ, въ которыхъ такъ или иначе проявлялось участіе духовенства. Особенно обратили наше

вниманіе съ общественно-правовой точки зрѣнія—во-первыхъ, тѣ дѣла, въ которыхъ духовныя лица выступали на судѣ по представительству, т. е. въ качествѣ уполномоченныхъ тѣхъ или другихъ духовныхъ учрежденій, и, во-вторыхъ, тѣ дѣла, въ которыхъ духовныя лица проявляли свое участіе косвенно, т, е. когда они принимали участіе въ составленіи бумагъ или документовъ, поступившихъ въ судъ по дѣламъ крестьянъ.

I.

Остановимся первоначально на тѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, въ которыхъ духовныя лица выступаютъ въ качествѣ уполномоченныхъ.

Въ производствѣ суда, о которомъ идетъ рѣчь, въ теченіе пятилѣтія съ 1891 по 1895 годъ включительно было среднимъ числомъ ежегодно 22 гражданскихъ дѣла духовныхъ установленій. Эта цифра свидѣтельствуетъ—съ одной стороны о томъ, что число гражданскихъ дѣлъ духовныхъ установленій, относимыхъ по закону (1282 ст. уст. гражд. суд.) къ разряду казенныхъ, можетъ быть въ судахъ значительно, а съ другой, такъ какъ очень рѣдкія изъ нихъ ведутся не священниками (насколько припомнимъ за означенное пятилѣтіе—не болѣе 8 дѣлъ велись присяжными и частными повѣренными и одно церковнымъ старостой—крестьяниномъ), о томъ, что участіе духовныхъ лицъ въ веденіи гражданскихъ дѣлъ можетъ быть довольно большое. Въ трехъ четвертяхъ просмотрѣнныхъ нами дѣлъ духовныя установленія выступали въ качествѣ истцовъ и только въ $^1/_4$ части въ качествѣ отвѣтчиковъ. Стоимость исковъ колебалась между 200—1000 рублями, но были дѣла въ 3000, 5000 и одно въ 20000 рублей. Своимъ предметомъ имѣли тѣ дѣла—изъятіе изъ владѣнія арендной земли, споры о правѣ собственности на недвижимость и о чиншевой землѣ, сложеніе аннуатъ, вознагражденіе за убытки, споръ о правѣ на рыбную ловлю, возвратъ церковныхъ денегъ и частные вопросы. Не менѣе половины этихъ дѣлъ были очень сложны по своему существу, вызывали не мало принципіальныхъ вопросовъ, съ которыми не всякій и опытный адвокатъ могъ бы справиться, такъ какъ приходилось имѣть дѣло со старинными документами, съ Литовскимъ статутомъ и др. старыми законами, и даже такихъ, которые неизвѣстны нашей кассаціонной практикѣ. И вотъ по такого рода дѣламъ выступаетъ въ качествѣ уполномоченнаго духовной консисторіи сельскій священникъ, за немногими исключеніями впервые

берущійся за изложеніе исковаго прошенія или отвѣтной бумаги. Обыкновенно гражданскія дѣла духовныхъ установленій возникали такъ. Мѣстный священникъ или благочинный (по дѣламъ монастырей старшее монашествующее лицо) доноситъ епархіальному начальству, что нужно начать въ судѣ то или другое гражданское дѣло, и духовная консисторія шлетъ ему указъ на веденіе дѣла. Понятно, что такой уполномоченный духовной консисторіи, не получившій никакого указанія на то, какъ ему взяться за дѣло, какъ и на что вести его (земельныя дѣла въ западныхъ губерніяхъ почти всегда вызываютъ значительные процессуальные расходы) старается свести все дѣло или къ нравственнымъ положеніямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ споръ о захватѣ церковной недвижимости, или къ простымъ логическимъ разсужденіямъ, не представляя при этомъ не только юридическихъ доводовъ, но часто даже и самыхъ доказательствъ.

Трудно понять человѣку, не бывшему въ положеніи судьи, въ какомъ иногда невозможномъ положеніи находится судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится разрѣшать дѣло, не выясненное тяжущимися вслѣдствіе непредставленія ими надлежащихъ доказательствъ, и когда со стороны самого суда исчерпаны всѣ доступныя для него по закону средства для выясненія дѣла. Въ особенности это сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда уполномоченные просятъ разсмотрѣть при такихъ условіяхъ дѣло „безъ ихъ бытности". Правда, часто не лучше идетъ дѣло и тогда, когда выступаетъ по дѣлу уполномоченный священникъ, и преимущественно тогда, когда противникомъ его является еврей, очень скоро усваивающій юридическія тонкости, или адвокатъ изъ неразборчивыхъ, пользующійся неопытностью противника для того, чтобы спутать его. Больно судьѣ, уважающему церковь, видѣть представителя ея смущеннаго и безпомощнаго на глазахъ публики, отъ судей лишь ожидающаго себѣ помощи. Но несмотря однако на неудовлетворительныя качества уполномоченныхъ, большинство гражданскихъ дѣлъ духовныхъ установленій и въ особенности тѣхъ, гдѣ они являются истцами, оканчиваются въ пользу нихъ. Дѣло же въ томъ, что, чтобы тамъ ни говорили, всякій непосредственно знакомый съ судейской практикой, хорошо знаетъ, что судьи въ большинствѣ случаевъ къ казеннымъ дѣламъ относятся съ большою осторожностью, понимая хорошо, что „казна-то матушка" ни въ чемъ неповинна, если ея интересы отстаиваются неопытными людьми,

а потому принимають всѣ доступныя для нихъ по закону мѣры къ тому, чтобы такія казенныя дѣла, которыя не лишены юридической почвы, были обслѣдованы съ возможной полнотой. Въ настоящее время признано всѣми и въ особенности судьями-практиками, что защита казенныхъ дѣлъ на судѣ вообще ведется неудовлетворительно. При чемъ два извѣстныхъ юриста Н. И. Барковскій и К. П. Змирловъ по вопросу о порядкѣ защиты казенныхъ дѣлъ на судѣ высказали два совершенно противоположныхъ взгляда [1]). Первый высказался за необходимость учрежденія объединенной защиты для веденія всѣхъ казенныхъ дѣлъ на судѣ, а второй не видитъ необходимости въ измѣненіи существующаго порядка защиты казенныхъ дѣлъ на судѣ, считая лишь полезнымъ въ видахъ упорядоченія этой защиты установить то правило, чтобы казна вела свои дѣла на судѣ чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ газетахъ же было извѣстіе, что во всѣхъ судебныхъ округахъ предполагается установить, по примѣру существующей въ округѣ варшавской судебной палаты прокураторіи, учрежденія, на которыя будетъ возложена защита интересовъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ. Мы полагаемъ, что существенною и главною частью въ вопросѣ о положеніи казенныхъ дѣлъ на судѣ слѣдуетъ считать не столько способъ и порядокъ защиты ихъ, сколько самую постановку этихъ дѣлъ на судѣ. А для лучшей постановки гражданскихъ казенныхъ дѣлъ на судѣ, какъ справедливо замѣчаетъ К. П. Змирловъ (Жур. М. Ю. кн. V—1896 г. стр. 268), да и всякихъ другихъ, добавимъ мы, нужно поскорѣе улучшить матеріальные гражданскіе законы, упрочить наше землевладѣніе, упорядочить дѣятельность мѣстныхъ органовъ казенныхъ управленій по вступленію ихъ въ юридическія сдѣлки и затѣмъ, конечно, исправить замѣченные судебною практикою недостатки въ нашихъ процессуальныхъ законахъ. Необходимое же улучшеніе защиты казенныхъ дѣлъ можетъ зависѣть только отъ самихъ казенныхъ установленій, какъ непосредственно въ этомъ заинтересованныхъ, путемъ ли выбора себѣ постояннаго повѣреннаго изъ присяжныхъ повѣренныхъ (какъ это заведено въ Черниговской епархіи) или учрежденія въ составѣ своемъ особыхъ судебныхъ чиновниковъ, могущихъ въ случаѣ надобности вести дѣла своего учрежденія на судѣ.

---

[1]) Журн. Мин. Юст. за 1896 г. № I, стр. 1—79, № III, стр. 129—178, № IV, стр. 293—307 и № V, стр. 247—273.

Въ томъ судѣ, про практику котораго мы говоримъ, были въ производствѣ въ теченіе пятилѣтія съ 1891 по 1895 годъ включительно дѣла слѣдующихъ вѣдомствъ: 1—православнаго духовнаго вѣдомства, 2—министерства внутреннихъ дѣлъ (въ числѣ коихъ преобладали однообразныя и простыя дѣла по искамъ генералъ-губернатора о признаніи недѣйствительными арендныхъ договоровъ, заключенныхъ въ обходъ ограничительныхъ законовъ, и римско-католической духовной коллегіи объ аннуатахъ и другихъ подуховныхъ суммахъ), 3—министерства земледѣлія, 4—министерства путей сообщенія, 5—министерства финансовъ, 6—военнаго, 7—удѣльнаго вѣдомства и 8—министерства народнаго просвѣщенія (вѣдомства расположены въ убывающей прогрессіи производившихся дѣлъ). Съ совершенной полнотой и обстоятельностью были поставлены дѣла римско-католической духовной коллегіи и министерства земледѣлія, не смотря на сложность тѣхъ и другихъ, а подготовленнымъ защитникомъ выступалъ представитель министерства земледѣлія, чиновникъ особыхъ порученій мѣстнаго управленія государственными имуществами. Самыми же неудовлетворительными защитниками, почти по каждому дѣлу, были представители православныхъ духовныхъ установленій. О дѣлахъ министерства путей сообщенія ничего не говоримъ, такъ какъ они всегда велись и ведутся опытными присяжными повѣренными. Выигрывались у всѣхъ вѣдомствъ преимущественно тѣ дѣла, гдѣ казна выступала истцомъ, а проигрывались тѣ, гдѣ она выступала отвѣтчикомъ. Такой же результатъ, какъ намъ извѣстно, имѣли казенныя дѣла въ Петербургскомъ окружномъ судѣ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ въ 80-хъ годахъ. Объясняется это тѣмъ, что частными лицами предъявлялись къ казнѣ иски, хотя нерѣдко и значительные по цѣнности, но большею частію достовѣрные, ибо вызывались они главнымъ образомъ тѣми или другими неправильными дѣйствіями агентовъ казны [1]). Имѣя это въ виду, мы думаемъ, что полезность учрежденія у насъ объединенной защиты, содержаніе органовъ которой будетъ стоить очень дорого, подлежитъ большому сомнѣнію. Въ особенности это будетъ невыгодно, если расходъ по содержанію казенныхъ защитниковъ падетъ на вѣдомства пропорціонально количеству производящихся

---

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ м—ва юстиціи казна проигрываетъ $^1/_3$ своихъ дѣлъ въ судахъ, а выигрываетъ $^2/_3$.

въ судѣ дѣлъ каждаго, для православнаго духовнаго вѣдомства, у котораго дѣлъ въ судахъ довольно много, а между тѣмъ по цѣнности они не значительны (средняя цѣна этихъ исковъ по извѣстнымъ намъ дѣламъ была—500 рублей).

Не можемъ не обратить особеннаго вниманія на достойную подражанія практику, усвоенную римско-католической духовною коллегіею въ веденіи своихъ дѣлъ, которыя, какъ мы сказали выше, за немногими исключеніями довольно сложныя, а цѣна исковъ въ нихъ въ указанное пятилѣтіе колебалась между 800—7000 рублей. Когда римско-католическая духовная коллегія или консисторія выступала въ судѣ въ качествѣ истца или отвѣтчика, то какъ исковыя, такъ и прочія состязательныя бумаги по дѣламъ ея были изложены съ примѣрной обстоятельностью и полнотой, съ приведеніемъ надлежащихъ юридическихъ доводовъ и безъ примѣси разсужденій, юридическаго значенія не имѣющихъ, съ представленіемъ надлежащихъ доказательствъ и съ должной оцѣнкой всего приводимаго противною стороною. Объяснялось же это очень просто, ибо изъ дѣлъ было видно, что всѣ поступавшія въ судъ бумаги были составлены въ Петербургѣ, въ центральномъ учрежденіи, компетентными лицами и присылались для представленія въ судъ мѣстному уполномоченному ксендзу чрезъ консисторію, въ уполномочіи которой къ тому же было изложено все то, что онъ долженъ былъ поддерживать на судѣ. Изъ дѣлъ р. к. духовной коллегіи судьи выносили то впечатлѣніе, что начаты они послѣ строго обдуманнаго рѣшенія въ необходимости и полезности веденія ихъ въ судѣ. Обыкновенно ксендзъ-уполномоченный просилъ разсмотрѣть дѣло въ его отсутствіи и на судоговореніе не являлся, а если и являлся, то поддерживалъ лишь поданныя по дѣлу письменныя объясненія. Любопытно отмѣтить также тотъ фактъ, что по дѣламъ римско-католической духовной коллегіи рѣшенія окружнаго суда утверждались и высшею инстанціею, т. е. судебною палатою. Благопріятный исходъ большинства дѣлъ, которыя римско-католическая духовная коллегія вела въ качествѣ истца, убѣждаетъ насъ въ томъ, что усвоенная ею практика веденія гражданскихъ дѣлъ, не вызывающая къ тому же особенныхъ для казны расходовъ, имѣетъ свое разумное основаніе.

Будетъ-ли однако учреждена объединенная защита казенныхъ дѣлъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ инниціатива въ возбужденіи гражданскихъ дѣлъ духовныхъ установленій будетъ всегда исходить

отъ духовныхъ лицъ, а уже въ виду одного этого мы полагаемъ, что имъ необходимо имѣть общія свѣдѣнія по законовѣдѣнію.

II.

Что касается до косвеннаго участія духовныхъ лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ, то оно выражалось преимущественно въ составленіи ими духовныхъ завѣщаній крестьянамъ, частію въ дачѣ имъ совѣтовъ и изрѣдка въ составленіи имъ же бумагъ по исковымъ дѣламъ.

Крестьяне западныхъ губерній, большіе любители составленія духовныхъ завѣщаній относительно своего имущества и того, чтобы ихъ дѣла, касающіяся земель, разсматривались общими судебными мѣстами, по безграмотству или малограмотству своему почти всегда обращаются съ просьбой по этому предмету къ своему священнику. Оно и понятно. Вѣдь и доселѣ, да, вѣроятно, и въ будущемъ, пока русскій народъ будетъ держаться православной вѣры, а священники будутъ держать себя соотвѣтственно занимаемому ими положенію, они будутъ первыми совѣтниками своего прихожанина-крестьянина; даже въ западномъ краѣ, гдѣ еврейство связало крестьянина по рукамъ и по ногамъ, гдѣ крестьянинъ (да и не онъ одинъ) безъ еврея не можетъ ступить почти ни одного шага, приходится встрѣчаться съ поразительными случаями вліянія священниковъ на крестьянъ. Это бытовой фактъ, съ которымъ нельзя не считаться всякому, кому приходится обсуждать интересы русскаго крестьянства.

Удовлетворяя просьбѣ своего духовнаго сына-крестьянина, священникъ, весьма естественно, составляетъ и большею частію самъ пишетъ ему духовное завѣщаніе, не зная, конечно, про существованіе 1048, 1049, 1053 ст. т. X ч. 1., при чемъ для вящшей крѣпости къ своей подписи прилагаетъ церковную печать. Такія завѣщанія въ значительномъ количествѣ представляются въ судъ для утвержденія и въ нихъ оказывается, что—одни, писанные со словъ неграмотнаго завѣщателя, подписаны только двумя грамотными свидѣтелями, другія, имѣя подписи трехъ свидѣтелей, не имѣютъ подписи того, кто писалъ завѣщаніе (переписчика) или рукоприкладчика, третьи имѣютъ на себѣ только подписи переписчика, рукоприкладчика и одного лишь грамотнаго свидѣтеля, въ четвертыхъ переписчикомъ, рукоприкладчикомъ и свидѣтелемъ является одно и то-же лицо и т. п. Бывали даже случаи, что

представлялись въ судъ къ утвержденію выданныя причтомъ удостовѣренія о томъ, какъ извѣстный крестьянинъ распорядился на случай смерти своимъ имуществомъ, т. е. документы, заключающіе въ себѣ лишь указаніе на извѣстный фактъ, бывшій въ присутствіи удостовѣряющихъ, а не выраженіе воли завѣщателя, которая по закону (923 ст. т. X ч. 1) можетъ быть изложена только въ актѣ, составленномъ съ соблюденіемъ требованій, указанныхъ въ 1045—1056 ст. т. X ч. 1. Суду, конечно, въ виду такихъ формальныхъ недостатковъ приходится оставлять завѣщанія не утвержденными, что съ одной стороны идетъ въ разрѣзъ съ распоряженіемъ умершаго собственника относительно своего имущества и крайне невыгодно отражается на интересахъ назначенныхъ имъ наслѣдниковъ, а съ другой подрываетъ въ крестьянинѣ довѣріе и уваженіе какъ къ суду, такъ и къ духовному лицу.

Даваемые священниками крестьянамъ совѣты по другимъ гражданскимъ дѣламъ еще чаще бываютъ неудовлетворительны.

Преподаваніе законовѣдѣнія будущимъ нашимъ пастырямъ безъ сомнѣнія въ значительной степени—съ одной стороны облегчило-бы имъ выполненіе вызываемой самимъ складомъ русской крестьянской жизни роли совѣтчика и по дѣламъ гражданскимъ, а съ другой избавило-бы нашего крестьянина отъ необходимости обращаться къ разнымъ подпольнымъ адвокатамъ.

III.

Въ 1896 году въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ виду практическаго опыта предположено ввести въ курсъ всѣхъ духовныхъ семинарій „преподаваніе общихъ медицинскихъ познаній“.

Всякій, знакомый практически съ одной стороны съ условіями жизни нашего крестьянства, составляющаго преобладающій и основной элементъ въ русскомъ народѣ, а съ другой съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ среди него духовные пастыри, не можетъ не пожелать, чтобы сказанное предположеніе поскорѣе проведено было въ жизнь и преподаваніе общихъ медицинскихъ познаній было введено въ программу не только духовныхъ семинарій, но и епархіальныхъ женскихъ училищъ [1]). Дѣло въ томъ, что если даже во многихъ земскихъ губерніяхъ медицинскихъ силъ не

[1]) Примѣру Полоцкаго женскаго духовнаго училища, гдѣ такое преподаваніе введено съ 1894 г., полезно послѣдовать и другимъ.

хватаетъ, то еще въ болѣе тягостномъ въ этомъ отношеніи положеніи находятся губерніи не земскія, а ужъ о сибирскихъ и имъ подобныхъ нечего и говорить. Смѣемъ думать, что это такая истина, противъ которой никто спорить не станетъ. Конечно, всякому понятно, что духовенство чрезъ то, что въ курсъ его учебныхъ заведеній введено будетъ преподаваніе медицины, медиками не сдѣлается, но вѣдь и дѣло не въ этомъ. Важно то—во 1-хъ, что духовенство, получивъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ общія понятія по медицинѣ, вслѣдствіе этого будетъ имѣть возможность вносить по этому предмету здравыя понятія въ темную крестьянскую массу и этимъ способствовать тому, чтобы она проникласъ уваженіемъ и довѣріемъ (а не побивать камнями) къ тѣмъ труженникамъ, которые, не щадя себя, идутъ къ ней бороться съ ея „болѣстями", т. е. къ медикамъ, а во 2-хъ, что духовенство такъ или иначе во многихъ случаяхъ при легкихъ, обыденныхъ заболѣваніяхъ будетъ имѣть возможность оказывать и реальную помощь, когда врача достать нельзя, или когда нуженъ простой совѣтъ понимающаго человѣка, могущій нерѣдко предупредить серьезный вредъ для здоровья. Кому приходилось бывать въ разныхъ мѣстностяхъ России и присмотрѣться къ сельской жизни, тотъ не могъ не замѣтить, что и теперь нѣкоторые батюшки и матушки занимаются съ пользой для близкихъ медициной. Вызывается это чисто житейской необходимостью. Преобладаетъ у нихъ, какъ наиболѣе удобная для примѣненія и доступная по цѣнѣ, гомеопатія. Для успѣха же среди нихъ аллопатіи нужно, чтобы были изданы удобныя практическія руководства по гигіенѣ и медицинѣ и главное недорогія, а затѣмъ составлены были возможно полныя и также недорогія аптечки изъ тѣхъ лекарствъ, которыя могутъ быть даваемы безъ рецепта врача. Лучше всего, если бы за это взялось какое-нибудь медицинское общество. А съ какими неподдѣльными расположеніемъ и благодарностью относятся крестьяне къ тѣмъ батюшкамъ и матушкамъ, которые оказываютъ доступную для нихъ медицинскую помощь крестьянамъ, можетъ судить только тотъ, кто слышалъ объ этомъ непосредственно изъ устъ самихъ крестьянъ.

Если практическій опытъ убѣдилъ высшую духовную власть въ несомнѣнной полезности для будущихъ пастырей общихъ познаній по медицинѣ, то позволяемъ себѣ думать, на основаніи выше приведенныхъ данныхъ, что она признаетъ не менѣе, если даже не болѣе, полезнымъ для будущихъ пастырей обладаніе общими свѣ-

дѣніями по законовѣдѣнію. Стоитъ только для полнаго убѣжденія въ этомъ припомнить, въ какія разнообразныя отношенія приходится духовнымъ лицамъ вступать вслѣдствіе многочисленныхъ лежащихъ на нихъ обязанностей съ разными учрежденіями и лицами.

Не странно-ли, что русское юношество, оканчивающее курсы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и получающее въ нихъ много свѣдѣній, существеннаго значенія для жизни не имѣющихъ, не можетъ познакомиться въ нихъ (за немногими исключеніями) съ тѣми началами, которыми опредѣляется наша государственная, правовая и общественная жизнь и на которыя каждый изъ насъ, вступая въ нее, неизбѣжно наталкивается,—не можетъ узнать того, какъ и чѣмъ руководится тотъ народъ и то общество, среди которыхъ оно должно жить и дѣйствовать, и чѣмъ при этомъ оно само должно руководствоваться. Упущеніе изъ программы учебныхъ заведеній такого нужнаго предмета, какъ законовѣдѣніе, есть какая то иронія надъ тѣми изложенными въ основныхъ законахъ (ст. 62 изд. 1892 г.) положеніемъ, которое гласитъ: „никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона". Между тѣмъ значеніе этого положенія дѣйствующаго закона весьма важно. Оно указываетъ, что безъ закона никто обойтись не можетъ и дѣйствительно не обходится. Разъ это такъ, то обладаніе общими познаніями по законовѣдѣнію для каждаго гражданина безусловно необходимо. Въ государственной школѣ должны царить и принципы государственные. А, такъ какъ послѣдніе изложены въ законахъ, на основаніи которыхъ государство управляется, то и почерпнуты они могутъ быть лишь изъ нихъ же. Русскихъ людей часто и справедливо упрекаютъ въ отсутствіи у нихъ уваженія къ законамъ. Но гдѣ же они научатся уважать ихъ, когда въ школахъ ихъ довольно подробно знакомятъ и съ тѣми законами, среди которыхъ жили и дѣйствовали и греки и римляне и пр., но не даютъ даже совсѣмъ понятія о тѣхъ правилахъ государственной, правовой и общественной жизни, среди которыхъ они сами должны жить и дѣйствовать и которыя опредѣляютъ такъ или иначе порядокъ ихъ повседневной жизни. Ужели можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ широкомъ воспитательномъ значеніи преподаванія учащимся общихъ началъ, изложенныхъ въ законахъ, заключающихъ въ себѣ помимо юридическихъ опредѣленій также и циклъ нравственныхъ понятій?!

Военно-учебное вѣдомство, принимающее всѣ мѣры къ тому,

чтобы лучше приспособить программы своихъ учебныхъ заведеній къ требованіямъ жизни, уже приняло это во вниманіе и ввело съ 1895 года во всѣхъ нихъ преподаваніе законовѣдѣнія [1]).

Мы думаетъ, что недалеко то время, когда преподаваніе общихъ познаній по законовѣдѣнію сдѣлается обязательнымъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ [2]).

Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе будетъ поставлено преподаваніе предметовъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ въ связи съ требованіями и условіями жизни нашихъ пастырей, тѣмъ болѣе они принесутъ пользы своему народу.

К. Высоцкій.

Обычное право.

Въ половинѣ прошлаго года, въ небольшомъ губернскомъ городѣ вышла книга, хотя и обратившая на себя вниманіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, но вызвавшая только относительно коротенькія замѣтки о себѣ. А между тѣмъ это, по истинѣ, замѣчательная книга, составляющая выдающееся явленіе въ нашей научной литературѣ и заслуживающая исключительнаго вниманія къ себѣ. Называется она — *Обычное право* и принадлежитъ перу Е. Якушкина, издавшему ее въ видѣ втораго выпуска „матеріаловъ для библіографіи обычнаго права“. Появленіе ея, въ виду происходящаго теперь пересмотра крестьянскаго положенія, нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ, а интересъ, возбуждаемый ею — огромнымъ. Этихъ причинъ, надѣемся, совершенно достаточно, чтобы остановиться на ней съ нѣкоторой подробностью.

Первый выпускъ этого изданія вышелъ болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ и сдѣлался большой рѣдкостью, но отсутствіе его не мѣшаетъ пользоваться вторымъ выпускомъ, отличающимся исключительной полнотой свѣдѣній и обнимающихъ собой до 2400 книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей и замѣтокъ, появившихся въ печати съ 1876 по 1889 г. включительно. Не ограничиваясь только

---

[1]) Собр. узакон. и расп. прав. 1895 г. № 34, стр. 206.

[2]) Въ нѣкоторыхъ мужскихъ гимназіяхъ законовѣдѣніе нѣкогда преподавалось. Такъ, въ Тульской гимназіи его преподавалъ извѣстный цивилистъ, проф. С. В. Пахманъ.

перечисленіемъ этихъ книгъ и статей, г. Якушкинъ не рѣдко знакомитъ съ ними читателей по наиболѣе характернымъ выдержкамъ или печатаетъ краткій и обстоятельный пересказъ ихъ. Такъ какъ трудъ его снабженъ, при этомъ, прекраснымъ систематическимъ указателемъ, дающимъ полный и всесторонній конспектъ обычнаго права, и превосходно составленнымъ введеніемъ, въ которомъ набросанъ общій сводъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ по обычному праву съ критическимъ анализомъ отдѣльныхъ мнѣній по спорнымъ вопросамъ его, то книга почтеннаго автора пріобрѣтаетъ значеніе не только остова обширнаго курса, но и руководства для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ нашихъ знаній о юридическихъ воззрѣніяхъ русскаго народа. Серьезное изученіе быта послѣдняго, стремленіе понять основы его жизни и вѣковые устои совершенно неосуществимы теперь безъ помощи труда г. Якушкина, являющагося едвали не самымъ капитальнымъ и важнымъ печатнымъ произведеніемъ Россіи за девяностые годы текущаго столѣтія. Переходимъ теперь къ ознакомленію нашихъ читателей съ главнѣйшими частями этого замѣчательнаго труда и попытаемся попутно дать хоть нѣкоторое представленіе о тѣхъ матеріалахъ по обычному праву, которыми располагаетъ наша литература.

Первый отдѣлъ книги г. Якушкина сообщаетъ библіографическіе матеріалы, уясняющіе общее значеніе обычнаго права, его литературу, терминологію, символику, програмы. Затѣмъ идутъ печатные матеріалы о пословицахъ. Третій отдѣлъ обнимаетъ литературу объ управленіи, часть которой, касающаяся дореформеннаго быта, очень невелика, несмотря на ея важное значеніе. „До 1861 г.—говоритъ авторъ—во многихъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ нѣкоторыя стороны крестьянскаго управленія вырабатывались самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства помѣщиковъ. Составъ схода, его власть, порядокъ рѣшенія на немъ дѣлъ опредѣлялись свободно образовавшимися обычаями. Обычаи эти были иногда такъ тверды, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, перешедшихъ въ казну до 1861 г., сохранялись очень долго нѣкоторыя особенности управленія, хотя на эти имѣнія распространены были общія правила волостнаго и сельскаго управленія государственныхъ крестьянъ. Такъ, напр., въ с. Кимрѣ, Корчевскаго уѣзда, перешедшемъ въ казну въ 1846 г., составъ схода и порядокъ рѣшенія на немъ дѣлъ значительно отличались отъ суще-

ствовавшихъ у другихъ государственныхъ крестьянъ. Въ волостномъ сходѣ участвовали не только выборные, но и всѣ бывшія должностныя лица, какъ бы давно не окончили они свою службу. Всякій вопросъ обсуждался первоначально этими послѣдними; они составляли какъ бы коммисію, заключеніе которой вносилось на обсужденіе выборныхъ.... Порядокъ обсужденія дѣлъ на сходѣ былъ образцовый". Важность собранія свѣдѣній объ управленіи въ такихъ отдѣльныхъ уголкахъ, гдѣ крестьянскій бытъ сложился и развился свободно, безъ помѣщичьей и чиновничьей опеки, сознавалась давно. Въ 1859 г. И. С. Аксаковъ и А. И. Кошелевъ хотѣли послать П. И. Якушкина въ нѣкоторыя мѣстности Ярославской, Владимірской и Вологодской губ. съ порученіемъ собрать свѣдѣнія о крестьянскомъ самоуправленіи и хозяйствѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ, населеніе которыхъ сохранило много самобытности. Но предположеніе это встрѣтило неожиданное препятствіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, которое исходатайствовало особое воспрещеніе редакторамъ газетъ и журналовъ посылать кого бы то ни было для собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ. Благодаря этому запрещенію, русская наука лишилась весьма цѣнныхъ свѣдѣній, такъ какъ „воспоминанія о бывшихъ порядкахъ управленія мало по малу изглаживались у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ настоящее время представляется совершенно невозможнымъ собрать точныя объ нихъ свѣдѣнія". По этой причинѣ литература о крестьянскомъ самоуправленіи относится преимущественно ко времени послѣ 1861 г. Она касается какъ общихъ взглядовъ народа на власть, такъ и крестьянскаго самоуправленія, волостнаго и сельскаго вообще, а въ частности: волостнаго и сельскаго схода и состава ихъ, выбора должностныхъ лицъ, значенія громады и безусловнаго повиновенія ей, участія на сходѣ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, значенія міроѣдовъ, составленія приговоровъ такихъ важныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ сходомъ, какъ удаленіе вредныхъ членовъ изъ общества, пріемъ въ общество постороннихъ лицъ, помощь нуждающимся членамъ общества, огражденіе малолѣтнихъ отъ истязаній ихъ родителями и мн. др. Въ области раскладки повинностей, наша литература даетъ указанія на мірскіе сборы, доходы и расходы, на раздѣлы и передѣлы земли, скидку и накидку надѣловъ, общественныя запашки, общественныя работы, братчины, кануны, проводы и т. п. Затѣмъ есть немногочисленныя литературныя указанія на отношеніе міра

къ приходскому причту, на положеніе въ общинѣ бездѣтныхъ вдовъ и бобылокъ, на вмѣшательство общины въ семейныя и брачныя дѣла, на взаимопомощь, на слѣды родоваго быта въ великорусской общинѣ, на измѣненія въ общинномъ строѣ послѣ реформы 1861 г. и мн. др. Въ томъ же и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ сообщаются свѣдѣнія о самоуправленіи у казаковъ и о нѣкоторыхъ особыхъ видахъ управленія, напр., у сектантовъ. Лучшимъ сочиненіемъ по крестьянскому самоуправленію авторъ считаетъ книгу Н. Астырева „Въ волостныхъ писаряхъ". Но въ общемъ онъ находитъ, что нѣкоторыя стороны крестьянскаго самоуправленія изслѣдованы еще мало и что болѣе подробное изученіе ихъ „имѣетъ въ настоящее время большую практическую важность". До сихъ поръ продолжается путаница въ понятіяхъ о сельскомъ управленіи, объясняемая недостатками самаго закона. Извѣстно, напр., что по предположенію редакціонныхъ коммисій каждая поземельная община должна была составлять отдѣльное сельское общество. Сообразно съ этимъ коммисіи составили и проектировали статьи положенія, опредѣляющія предметы вѣдѣнія сельскихъ сходовъ. Между тѣмъ по самому положенію 19 февраля и по нѣкоторымъ послѣдующимъ узаконеніямъ, сельскія общества могли составляться изъ разнопомѣстныхъ крестьянъ, несвязанныхъ между собой поземельной общиной, причемъ однако предметы вѣдѣнія сходовъ ихъ остались почти тѣ же, что были проектированы редакціонными коммисіями. Благодаря этому на практикѣ получилось, что „сходъ общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ селеній, не владѣющихъ землей сообща, долженъ рѣшать такія дѣла, которыя, по существу ихъ, подлежатъ рѣшенію только поземельной общины. Таковы, напр., дѣла о разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ, затрогивающія интересы не всего сельскаго общества, а только той части его, которая отвѣчаетъ круговой порукой за членовъ раздѣляющейся семьи, таковы дѣла о раздѣлѣ общинной земли, о раскладкѣ денежныхъ сборовъ.... Такой недостатокъ закона имѣлъ вредныя практическія послѣдствія", которыя крайне необходимо устранить законодательнымъ же путемъ. Затѣмъ, г. Якушкинъ, изучая литературу предмета, обращаетъ вниманіе на такіе случаи, когда отдѣльнымъ селеніямъ, входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ, представляется крайняя надобность заарендовать или пріобрѣсти сосѣднюю землю, примыкающую, напримѣръ, къ крестьянскимъ усадьбамъ и крайне стѣсняющую выпасъ скота, птицы

и т. п. По существующимъ законамъ, пріобрѣтать имущество могутъ только сельскія общества, а не отдѣльныя селенія ихъ составляющія. „Поэтому селеніе, покупая землю, не можетъ совершить купчую крѣпость на свое имя. Земля покупается всѣмъ селеніемъ, но покупщикомъ въ купчемъ актѣ значится или товарищество домохозяевъ, или еще чаще только домохозяинъ, на честность котораго селеніе наиболѣе полагается. Такіе акты нерѣдко вызываютъ тяжбы, и иногда селеніе лишается земли, за которую уплатило деньги“. Поэтому признаніе юридической самостоятельности отдѣльныхъ селеній представляется совершенно необходимымъ,—что обстоятельно доказано Н. Дружининымъ въ статьѣ его „Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія“.

Очень интереснымъ является вопросъ о власти міра надъ отдѣльными членами общества, но къ сожалѣнію, свѣдѣній въ литературѣ о немъ немного. Положеніе 19 февраля допускаетъ рядъ обязательныхъ постановленій сельскаго схода, касающихся общиннаго хозяйства, которымъ, разумѣется, подчиняются всѣ крестьяне. Таковы постановленія объ измѣненіи системы полеводства, о времени выпуска въ поля скота, уборки хлѣбовъ и т. п. Но подъ вліяніемъ обычаевъ, существующихъ изстари, сходы очень часто повышаютъ компетенцію, установленную для нихъ закономъ. „Они не только назначаютъ опредѣленное наказаніе за неисполненіе ихъ обязательныхъ постановленій, но и самыя постановленія ихъ часто касаются предметовъ, вовсе не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію“. Къ числу такихъ принадлежатъ, напр., рѣшенія сходовъ, опредѣляющія размѣръ арендной и поденной платы при наймѣ земли у помѣщиковъ и при работѣ у нихъ, запрещенія членамъ общества пускать къ себѣ въ домъ крестьянина, считавшагося опаснымъ, постановленія объ обложеніи порочныхъ людей особымъ налогомъ и мн. др. Литературные источники не уясняютъ намъ насколько строго исполняются такія постановленія и приносятся ли на нихъ какія либо жалобы.

Гораздо полнѣе разработанъ вопросъ о крестьянскомъ судѣ. Литература о немъ въ четверо больше литературы о крестьянскомъ самоуправленіи и отличается отъ послѣдней большей детальностью и обстоятельностью. Въ ней не мало данныхъ объ исторіи крестьянскаго суда, о волостномъ и станичномъ судѣ, о судопроизводствѣ въ нихъ, о самосудѣ, о сельскихъ судахъ и видахъ ихъ.

Вопросъ о послѣднихъ разработанъ, впрочемъ, слабѣе другихъ. Большое значеніе имѣетъ самосудъ. „Нѣкоторые вовсе не признаютъ за нимъ судебнаго значенія и смотрятъ на него какъ на преступленіе, какимъ признаетъ его и законъ. У крестьянъ иной на него взглядъ: въ ихъ глазахъ самосудная расправа есть дѣло необходимое и справедливое. Самосудъ существуетъ у насъ не только какъ остатокъ первобытной у всѣхъ народовъ формы суда, онъ вызывается и условіями современной жизни, особенно недостатками слѣдственной части. Съ улучшеніемъ ея и съ установленіемъ менѣе формальнаго отношенія суда къ уголовнымъ дѣламъ, случаи самосуда значительно сокращаются". Такъ, въ Ярославской губ. вслѣдъ за открытіемъ окружныхъ судовъ, примѣненіе самосуда дѣлается все рѣже и рѣже. Въ Сибирѣ же, гдѣ дѣйствуетъ дореформенный судъ, самосудная расправа встрѣчается чуть ли не ежедневно. „Самосудъ примѣняется главнымъ образомъ къ тѣмъ преступленіямъ, которыя, по мнѣнію крестьянъ, трудно преслѣдовать существующимъ судебнымъ порядкомъ. Такъ, напр., всего чаще бываетъ самосудная расправа надъ конокрадами и почти никогда не бываетъ самосуда надъ убійцами, хотя крестьяне считаютъ убійство самымъ тяжкимъ и самымъ возмутительнымъ преступленіемъ". Собственно о волостныхъ судахъ литература очень велика. Сочиненія, касающіяся ихъ, особенно умножились послѣ изданія „трудовъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ". Очерки по обычному праву П. Березанскаго, К. Чепурнаго, И. Шрага, П. Скоробогатаго, В. Птицына и др. заключаютъ въ себѣ разработку богатаго матеріала, заключающагося въ этихъ „трудахъ". На основаніи ихъ же составленъ И. Г. Оршанскимъ блестящій очеркъ обычнаго права подъ заглавіемъ „Народный судъ и народное право", а также сочиненія С. В. Пахмана „Обычное гражданское право въ Россіи", В. Ф. Мухина „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ", М. В. Духовскаго „Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ" и др. Означенные труды коммисіи служили и до сихъ поръ служатъ главнымъ матеріаломъ для многихъ сочиненій по обычному праву, а потому весьма цѣннымъ является указаніе г. Якушкина, что въ виду нѣкоторыхъ особенностей, принятаго въ нихъ изложенія рѣшеній судовъ, ими надлежитъ пользоваться умѣло и осторожно.

Болѣе 1200 статей, очерковъ и замѣтокъ, отмѣченныхъ у г. Якушкина, посвящено гражданскому праву въ главнѣйшихъ его

частяхъ. Здѣсь есть статьи по семейному праву (брачному союзу, союзу родителей и дѣтей и союзу членовъ семьи), по опекѣ и попечительству, по праву наслѣдственному, по правамъ вещнымъ, сдѣлкамъ и обязательствамъ. Изъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ общій обзоръ современнаго русскаго обычнаго гражданскаго права, г. Якушкинъ особенно отмѣчаетъ очеркъ И. Г. Оршанскаго „Народный судъ и народное право", который считаетъ полнымъ содержанія и блестящимъ по изложенію, и затѣмъ работу С. В. Пахмана „Обычное гражданское право въ Россіи". Въ послѣднемъ, впрочемъ, вслѣдствіе указанныхъ имъ „недостатковъ въ пріемахъ изслѣдованія, картина русскаго обычнаго гражданскаго права, изображенная С. В. Пахманомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, несходна съ дѣйствительностью. Тѣ отдѣлы его сочиненія, которые основаны на рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, представляютъ очеркъ не столько обычнаго права, сколько судебной волостной практики, которая иногда является выраженіемъ юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній, а иногда находится въ прямомъ съ ними противорѣчіи". По отдѣльнымъ частямъ гражданскаго обычнаго права, авторъ останавливается на многихъ работахъ. Такъ, по семейному обычному праву, онъ отмѣчаетъ, кромѣ указанныхъ, еще изслѣдованія Ѳ. Барыкова, Н. В. Калачева, П. С. Ефименко, П. А. Матвѣева, В. Ф. Мухина и др. Одни изъ этихъ изслѣдователей находятъ, что крестьянство видитъ въ семьѣ „не только личный союзъ родства, но рабочій, хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обстоятельствъ"; семья, по ихъ мнѣнію, „кровная артель". „Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частью не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи, подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ", т. е. на основаніи трудоваго начала. По воззрѣніямъ другихъ, народъ видитъ въ семьѣ по преимуществу кровный союзъ. „Все семейное имущество принадлежитъ отцу семейства на правѣ собственности. Существующія ограниченія права отца распоряжаться этимъ имуществомъ обусловливаются общностью хозяйства и связанными съ этимъ фактомъ интересами всѣхъ членовъ семьи и самой общины". Самъ г. Якушкинъ примиряетъ эти крайности. Онъ основательно говоритъ, что „на значеніе семьи,

какъ кровнаго союза, указываетъ происхожденіе ея членовъ отъ общаго родоначальника и власть отца главы семейства", но „кровная семья есть, въ тоже время, и хозяйственный союзъ. Семейное имущество составляетъ семейную собственность, глава семьи носитъ названіе домохозяина. Въ семьѣ, состоящей изъ родителей и дѣтей, отцу принадлежитъ, по народному возрѣнію, безусловная власть надъ всѣми членами семьи, поэтому онъ можетъ почти совершенно произвольно распоряжаться семейнымъ имуществомъ. Это и даетъ поводъ нѣкоторымъ утверждать, что семейное имущество составляетъ личную собственность отца семейства. Если ограниченія отца въ его хозяйственныхъ распоряженіяхъ и даже полное устраненіе его отъ хозяйства могутъ быть объяснены интересами общины или семьи, то выдѣлъ имущества сыновьямъ, помимо воли отца, можетъ быть объясненъ только существованіемъ семейной собственности. Есть цѣлый рядъ рѣшеній волостныхъ судовъ о выдѣлѣ имущества сыну при несогласіи на то отца". Съ этой точки зрѣнія очень просто разрѣшается и спорный вопросъ о правѣ наслѣдованія. „Такъ какъ семья есть не только родственный, но и хозяйственный союзъ, то основаніемъ права наслѣдованія послѣ отца—главы семьи являются какъ начало кровнаго родства, такъ и трудовое начало. Первымъ изъ нихъ опредѣляется право родственныхъ членовъ семьи на семейное имущество или его долю, при чемъ право это, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, ограничивается трудовымъ началомъ. Вторымъ изъ нихъ опредѣляются наслѣдственныя права принятыхъ въ семью членовъ. Раздѣлъ семейнаго имущества между родственниками, при всякомъ составѣ семьи, происходитъ, по выраженію крестьянъ, *по отцамъ*, т. е. сыновья умершаго получаютъ причитающуюся ему долю. При этомъ не принимается въ разсчетъ трудъ, употребляемый каждымъ изъ сыновей въ пользу семьи: малолѣтній, не способный къ труду, получаетъ такую же долю, какъ и его братья, наживавшіе семейное имущество. Это правило существуетъ повсемѣстно у русскихъ крестьянъ, къ какому бы племени они не принадлежали. Не смотря на это, нельзя совершенно отрицать значенія трудоваго начала при раздѣлѣ имущества между родственниками. Каждый членъ семьи, способный трудиться, долженъ, по народному возрѣнію, употребить свой трудъ на пользу семьи; только исполнившій эту обязанность имѣетъ право на долю семейнаго имущества. У великорусскихъ крестьянъ, членъ семьи, отлучающійся на заработки, и

6*

въ теченіе долгаго времени (5—10 лѣтъ) не доставляющій въ домъ денегъ, получаетъ при раздѣлѣ семейнаго имущества меньшую долю противъ своихъ братьевъ, или даже вовсе не получаетъ никакой доли". По вопросу о наслѣдованіи незаконнорожденныхъ и усыновленныхъ въ литературѣ встрѣчается немного свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что усыновленіе постороннихъ, какъ рожденныхъ въ бракѣ, такъ и незаконныхъ, совершается теперь при посредствѣ приписки къ семейству. Въ прежнее время усыновленіе сопровождалось извѣстной обрядностью, напр., *привѣнчаніемъ*. Но теперь незаконнорожденные пріобрѣтаютъ права на наслѣдство отъ своего отца только черезъ свое участіе въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества. Въ одномъ только случаѣ незаконнорожденные наслѣдуютъ послѣ отца, хотя бы они не были приписаны къ его семьѣ и по малолѣтству неспособны были-бы къ труду, а именно, когда отецъ прижилъ ихъ съ любовницей, долго жившей съ нимъ въ домѣ и дѣлившей его труды и когда законная жена умершаго и его дѣти не вступаются въ наслѣдство. Затѣмъ, незаконныя сыновья получаютъ часть наслѣдственнаго имущества, соотвѣтствующую числу лѣтъ, прожитыхъ ихъ матерью въ домѣ ихъ отца. „Въ составъ семьи входятъ иногда незаконнорожденные, отецъ которыхъ не принадлежитъ къ той семьѣ, въ которой они родились. Они не имѣютъ права наслѣдовать послѣ главы своей семьи, пока, по достиженіи рабочаго возраста, не примутъ участія въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества; только личный трудъ ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (5—10 л.) въ пользу семьи даетъ имъ право на наслѣдство. Но они безусловно наслѣдуютъ матери, даже въ томъ случаѣ, если у нея есть законныя дѣти. Неприписанные къ семьѣ пріемыши, пасынки и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ зятья-влазни наслѣдуютъ, по обычаю, на основаніи трудоваго начала, т. е. вслѣдствіе участія ихъ въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества". Затѣмъ трудовое начало въ наслѣдованіи сказалось въ фактѣ, когда любовница получала имущество умершаго своего сожителя, съ которымъ долго жила и участвовала въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества.

Но не въ одномъ только наслѣдованіи имѣетъ значеніе трудовое начало. О юридическомъ значеніи труда высказаны были два различныя мнѣнія. Извѣстная г-жа А. Я. Ефименко, заявившая себя цѣлымъ рядомъ превосходныхъ работъ по обычному праву, говоритъ, что крестьяне, въ ожиданіи черняго передѣла, высказы-

ваютъ возрѣніе, по которому земля должна принадлежать тѣмъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ. Если послѣдній вложенъ въ землю отдѣльнымъ членомъ общины, то община уважаетъ права его. Такъ, на сѣверѣ Россіи лѣсныя пространства, расчищенныя отдѣльными лицами, остаются въ ихъ пользованіи до тѣхъ поръ, пока трудъ затраченный владѣльцемъ ея неокупится вполнѣ. „Свой коренной взглядъ на трудъ, какъ на основу собственности—говоритъ неутомимая изслѣдовательница—крестьянство вполнѣ послѣдовательно проводитъ и на продукты земли". Поэтому въ ихъ средѣ существуетъ различное отношеніе къ тѣмъ продуктамъ, которые производятся трудомъ человѣка и къ тѣмъ, которые даетъ земля безъ участія человѣка. Покража скошеннаго сѣна или хлѣба является въ глазахъ крестьянъ большимъ преступленіемъ, тогда какъ пользованіе лѣсомъ, котораго никто не ростилъ или другими естественными произведеніями почвы, въ которыхъ человѣкъ не участвовалъ своимъ трудомъ, почти не возмущаетъ у нихъ чувства справедливости. Нѣкто А. Х. Гольмстенъ возражаетъ противъ такихъ положеній. По его мнѣнію, если въ народѣ встрѣчается взглядъ на землю какъ на предметъ, не подлежащій пріобрѣтенію въ безусловную собственность, то вовсе не потому, что она является не продуктомъ труда, „а потому, что крестьяне какъ прежде только пользовались ею, такъ и теперь продолжаютъ ею только пользоваться". Съ утвержденія на Руси княжеской власти, земля для крестьянъ стала чужой (княжеской, помѣщичьей, и т. д.) и осталась таковой по нынѣ (общинной). Въ московскій періодъ тоже крестьяне сидѣли на землѣ, которая имъ не принадлежала. Въ послѣдующее время не произошло существенныхъ измѣненій въ крестьянскомъ землевладѣніи, такъ какъ законодательство наше почти исключительно касалось землевладѣнія высшихъ классовъ общества—вотчинъ и помѣстій. На фактъ, приведенный г-жей Ефименко, о томъ, что община не сразу присоединяетъ къ своимъ землямъ лѣсной участокъ, расчищенный домохозяиномъ, а только послѣ того какъ окупится трудъ его, г. Гольмстенъ тоже возражаетъ. „Не трудъ, неокупающійся самъ по себѣ, говоритъ онъ, заставляетъ общину не сразу присоединять эту землю къ своей; не уваженіе къ труду здѣсь видно, а то, что община, ради своихъ фискальныхъ цѣлей, считаетъ это присоединеніе преждевременнымъ, потому что присоединяя ее, она должна обложить присоединенный клочекъ земли податью. Съ какой же стати, съ чего требовать съ

крестьянина эту подать, когда земля ничего еще ему не приноситъ, еще не окупилась? Это временное право его исключительно и лично пользоваться землею, предоставляется не ради того только, что онъ трудился, а что земля не доведена еще до того, чтобы быть способной выносить подати". Неуваженіе къ праву собственности на лѣсъ, по словамъ того же автора, объясняется неустойчивостью нашего законодательства, которое то считало лѣсъ общимъ достояніемъ, то карало, даже смертной казнью, за порубки его. Что касается легенды о черномъ передѣлѣ или „о случномъ часѣ, то въ немъ, говоритъ тотъ же авторъ, одинъ только смыслъ: экономическое положеніе крестьянъ плохо; въ увеличеніи надѣла крестьяне видятъ свой экономическій, такъ сказать, идеалъ". Разсматривая эти противоположныя мнѣнія, г. Якушкинъ справедливо отмѣчаетъ не точность историческихъ справокъ о крестьянскомъ землевладѣніи, сдѣланныхъ А. Х. Гольмстеномъ. Крестьяне сидѣли на чужой землѣ не всегда и не вездѣ; законодательство о землевладѣніи касалось не только высшихъ сословій, но и крестьянъ. Право пріобрѣтать землю было предоставлено еще при Екатеринѣ II; помѣщичьи крестьяне тоже могли покупать землю и до 1861 г., хотя и съ согласія помѣщиковъ; послѣ же реформы они пріобрѣли относительно купли-продажи тѣ же права, что и другія сословія. „Нельзя согласиться также и съ тѣмъ, продолжаетъ г. Якушкинъ, что общинное владѣніе имѣло вліяніе на образованіе у крестьянъ понятія о земельной собственности. Совершенно такое же понятіе имѣютъ и крестьяне, земля у которыхъ находится въ подворномъ владѣніи или въ личной собственности. Какое бы впрочемъ ни было происхожденіе взгляда крестьянъ на землю, какъ на предметъ, на который нельзя имѣть право собственности, въ настоящемъ вопросѣ важны не историческія причины, вызвавшія этотъ взглядъ, а тѣ народныя понятія, которыя лежатъ въ его основаніи. Они отчасти высказываются и въ ожиданіи чернаго передѣла или случнаго часа, когда землею будутъ пользоваться только трудящіеся и вполнѣ выражаются въ отношеніи народа къ такимъ произрастеніямъ, которыя даетъ земля безъ участія человѣческаго труда. Всѣмъ извѣстно, что самовольныя порубки не считаются крестьянами за преступленіе или даже за грѣхъ. Законодательство менѣе всего повинно въ такомъ взглядѣ, такъ какъ оно если и колебалось въ признаніи неприкосновенности лѣсовъ, то лишь относительно казенныхъ; частные же лѣса были предоставлены въ полную собствен-

ность ихъ владѣльцевъ. Къ тому же, по народнымъ понятіямъ, не только дерево, но и все что ростетъ на землѣ безъ затраты труда, составляетъ божій даръ, предназначенный на пользу всему человѣчеству. Что касается оснований, по которымъ община не сразу присваиваетъ себѣ участки расчищенные изъ подъ лѣса, то они, по мнѣнію г. Якушкина, не имѣютъ никакого отношенія къ фискальнымъ дѣламъ, такъ какъ на сѣверѣ всѣ платежи расскладываются не по землѣ, а по душамъ. „Еслибы община присоединила расчищенный участокъ къ своимъ землямъ, идущимъ въ передѣлъ, то черезъ это увеличился бы нѣсколько надѣлъ каждаго двора, но сборы съ каждвго изъ нихъ остались бы тѣ же самые. Община оставляетъ извѣстное время расчищенные участки во владѣніи частнаго лица, приложившаго къ нимъ свой трудъ, несомнѣнно изъ уваженія къ употребленному труду, чтобы дать крестьянину возможность воспользоваться плодами его труда, дать время, чтобы трудъ окупился". Всѣми этими замѣчаніями г. Якушкинъ съ достаточной опредѣленностью уясняетъ старый споръ между лицами, видящими въ народныхъ возрѣніяхъ на собственность послѣдовательное проведеніе трудоваго начала и ихъ противниками. Не надо быть только предубѣжденнымъ человѣкомъ, чтобы усмотрѣть въ многочисленныхъ фактахъ народной жизни, то рѣшающее значеніе, которое придаютъ крестьяне труду. Авторъ разсматриваемой книги пользовался впрочемъ не всѣми литературными источниками по вещному праву, обзоръ которыхъ войдетъ, по его сообщенію, въ слѣдующій выпускъ „Обычнаго права". Въ него же будутъ включены и статьи посвященныя теоретическому и фактическому изученію формъ земельнаго владѣнія и пользованія.

Изъ сочиненій, касающихся разнообразныхъ видовъ договоровъ, наибольшее число посвящено артелямъ. „Общее изслѣдованіе русскихъ артелей" принадлежитъ А. А. Исаеву („Артели въ Россіи"). Южно-русскія артели очень подробно изслѣдованы Ѳ. Щербиною, который первый указалъ на неосновательность мнѣнія тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что малоруссы являются представителями крайняго индивидуализма. Что касается до исторіи артелей, то въ литературѣ давно уже былъ отмѣченъ ихъ первоначальный родовой характеръ; но съ особенной подробностью эта мысль развита въ прекрасной статьѣ Ѳ. Остроумова „По поводу изученія русскихъ артелей" („Дѣло" 1882 г. № 9). Ѳ. Щербина, въ своемъ

сочиненіи „Южно-русскія артели“, относитъ къ артелямъ или общинно-артельнымъ формамъ «толоку» (помочи). Несмотря на малое сходство толоки съ артелью, очень вѣроятно, что толока есть видоизмѣненный артельный трудъ. Нѣкоторое основаніе къ такому заключенію даетъ сходство „круговыхъ помочей“ съ родовыми артелями русскихъ инородцевъ, у которыхъ родовое владѣніе угодьями перешло въ семейное владѣніе“. Литература объ артеляхъ отмѣчаетъ крайне интересныя и крайне разнообразныя формы ихъ. Объ артеляхъ рыболовныхъ, охотничьихъ, земледѣльческихъ, плотничьихъ, извозныхъ, биржевыхъ, таможенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ имѣются десятки сообщеній и статей. Немало ихъ объ артеляхъ для ловли морскаго звѣря, для производства сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, для нагрузки и разгрузки судовъ, объ артеляхъ лоцмановъ, столяровъ, шерстобитовъ, смолокуровъ, пильщиковъ, каменщиковъ, лодочниковъ, нищихъ, конокрадовъ и др. Въ общемъ мы насчитали въ книгѣ г. Якушкина сто отдѣльныхъ профессій, работники которыхъ соединяются между собой въ артели. Но кромѣ ихъ литературные источники указываютъ на многіе десятки различныхъ видовъ товариществъ, напр., товариществъ кустарей для постройки мастерскихъ, мельниковъ для постройки и эксплоатаціи мельницъ, для покупки или найма земли, для производства земледѣльческихъ работъ, для пріобрѣтенія сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (молотилокъ) и пользованія ими, для взаимной помощи и многихъ другихъ. Къ числу товариществъ необходимо отнести также церковныя и цеховыя братства, парубoтства и многочисленные виды складчинъ. Одного бѣглаго обзора литературы объ артеляхъ совершенно достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству распространенное мнѣніе нашихъ доморощенныхъ марксистовъ о томъ, что русскія артели и артельный трудъ небольше какъ мифъ.

Размѣрами настоящей замѣтки мы лишены возможности коснуться литературы обязательственнаго обычнаго права и обстоятельно разсмотренной г. Якушкинымъ литературы брачнаго права, представляющей большой интересъ. Но чтобы покончить съ гражданскимъ правомъ, мы упомянемъ еще объ опекѣ у крестьянъ. Свѣдѣнія по этому вопросу, сообщаемыя изслѣдователями обычнаго права, показываютъ, что у крестьянъ не выработано никакихъ твердыхъ обычаевъ относительно опеки. Это объясняется сравнительной рѣдкостью случаевъ, когда опека дѣлается неизбѣжной и

не можетъ быть замѣнена другими видами попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Если послѣдніе принадлежатъ къ семьѣ, во главѣ которой стоитъ одинъ изъ ихъ родственниковъ, то опека обыкновенно совсѣмъ не назначается, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда оставшійся одинокимъ на хозяйствѣ сирота въ силахъ самъ вести его. При этомъ обращается вниманіе не на возрастъ сироты, а на его качества. Лично г. Якушкинъ зналъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ случай, когда мальчикъ, круглый сирота, не достигши еще пятнадцатилѣтняго возраста, управлялъ самостоятельно хозяйствомъ, владѣлъ отцовскимъ надѣломъ, уплачивалъ исправно повинности и участвовалъ въ сходѣ, какъ домохозяинъ. Когда въ бѣдной семьѣ вымираютъ всѣ взрослые и остаются только маленькія дѣти, требующія призрѣнія, то ихъ обыкновенно берутъ на воспитаніе ихъ родственники или постороннія лица, но съ согласія общества. Такимъ воспитателямъ передается въ безотчетное распоряженіе и все имущество сиротъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда круглые сироты остаются послѣ зажиточныхъ родителей, общества не соглашаются на отдачу ихъ кому либо на воспитаніе, а назначаютъ опеку, которая, вслѣдствіе отсутствія твердо установившихся обычаевъ, рѣдко бываетъ удовлетворительной.

Въ литературѣ по уголовному обычному праву обращаютъ на себя вниманіе указанія на нѣкоторые виды наказаній, повидимому, весьма древняго происхожденія. Таковы *напой* и *пострамленіе*. Первый назначается сельскимъ судомъ и заключается въ выставкѣ вина, которое выпивается судьями, потерпѣвшимъ и обвиненнымъ. „Такая общая выпивка вина,—говоритъ г. Якушкинъ вѣроятно, означала первоначально договоръ о примиреніи, имѣла значеніе литокъ или магарыча, безъ которыхъ и въ настоящее время не заключается, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, никакой сдѣлки. На такое значеніе напоя указываетъ и то, что участіе сторонъ въ питьѣ вина считается, при напоѣ, необходимымъ. Въ одномъ случаѣ, когда обвиненная въ кражѣ женщина отказалась пить вино, купленное на ея деньги, то къ ней было примѣнено посрамительное наказаніе. И въ настоящее время, при окончательномъ примиреніи по дѣламъ о тяжкихъ оскорбленіяхъ, обиженный и обидчикъ обыкновенно пьютъ вмѣстѣ вино, купленное послѣднимъ“. Намъ извѣстно, что на Кавказѣ такимъ же образомъ происходитъ примиреніе при кровной мести. Поэтому хотя напой самъ по себѣ грубый и дикій обычай, но по отношенію къ мщенію онъ является

уже продуктомъ смягченія нравовъ. Въ качествѣ переживанія онъ сохранился до нѣкоторой степени и у насъ, но несомнѣнно долженъ исчезнуть подъ вліяніемъ образованія и смягченія нравовъ. Не менѣе древнимъ нужно признать обычай посрамительныхъ наказаній. Чаще всего они примѣняются по отношенію къ вору, когда его поймаютъ съ поличнымъ или когда украденную вещь найдутъ у него при обыскѣ. Въ такихъ случаяхъ вещь эту привязываютъ на шею вору и въ такомъ видѣ проводятъ его, въ сопровожденіи издѣвающейся надъ нимъ толпы, въ волостное правленіе. Обычай этотъ очень древній и мы имѣемъ указанія въ памятникахъ письменности о примѣненіи его еще въ XVI-мъ вѣкѣ. Иногда посрамленіе выражается въ формѣ тѣлеснаго наказанія розгами. Всѣ виды посрамленій считаются наказаніями чрезвычайно жестокими, внушающими къ себѣ сильнѣйшій страхъ, приводящій иногда осужденныхъ къ попыткамъ на самоубійство. Встрѣчаясь изрѣдка въ народѣ, какъ переживаніе и наслѣдіе болѣе грубыхъ и суровыхъ временъ, эти виды наказанія несомнѣнно исчезаютъ по мѣрѣ смягченія нравовъ и развитія образованія. Поэтому большую нравственную отвѣтственность берутъ на себя тѣ дѣятели, которые стремятся не къ ускоренію этого процесса смягченія нравовъ, а къ искусственному задерживанію его путемъ узаконенія такихъ жестокихъ посрамленій, какъ наказаніе розгами. Не узаконять и водворять нужно это наслѣдіе варварскихъ законовъ татарской старины, а напротивъ того всячески искоренять и уничтожать даже воспоминаніе о немъ. Самъ народъ сознаетъ это вполнѣ. Въ „Трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ" встрѣчаются слѣдующіе отзывы крестьянъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ: „лучше насъ отъ побоевъ отвести"—говорятъ они—„побоями можно человѣка погубить, пора совсѣмъ отъ розогъ освободить". „Розги можно бы было совсѣмъ отмѣнить: худого человѣка не исправишь, а хорошаго, пожалуй, испортишь". „Тѣлесное наказаніе—говоритъ съ своей стороны г. Якушкинъ—какъ и всякое посрамительное, несомнѣнно понижаетъ нравственный уровень народа. Нравственные интересы народа требуютъ полной, безусловной отмѣны этого наказанія".

Особенности обычнаго уголовнаго права выяснены въ статьяхъ А. Ѳ. Кистяковскаго и И. Г. Оршанскаго. „По мнѣнію этихъ писателей, у народа сохранилось первобытное воззрѣніе, въ силу котораго преступленіе есть главнымъ образомъ, если неисключительно

нарушеніе интересовъ и правъ потерпѣвшаго лица, а не всего общества. По народнымъ возрѣніямъ, воровство такое-же частное дѣло, какъ обида, допускающее примиреніе. Подобно всѣмъ первобытнымъ системамъ права, наше обычное право отличается еще тѣмъ, что оно допускаетъ въ значительной мѣрѣ самоуправленіе съ преступниками. Мѣра наказанія вору часто опредѣляется самимъ потерпѣвшимъ. Законъ и обычай несходны и въ разрѣшеніи вопроса о предѣлахъ гражданской и уголовной неправды: нарушеніе договора при извѣстныхъ условіяхъ считается, по обычаю, преступнымъ, такъ напр., наказывается нежеланіе уплатить долгъ, если къ тому есть средства. Особенность обычнаго права составляютъ: назначеніе наказанія „глядя по человѣку“ и отвѣтственность родителей за проступки дѣтей и мужа за проступки жены“. Уголовное обычное право не рѣдко расходится съ офиціальнымъ во взглядахъ на тяжесть того или другого преступленія и даже на вопросъ о преступности нѣкоторыхъ дѣяній. Такъ напр., покушеніе на изнасилованіе женщины или дѣвушки считается только личной обидой, тогда какъ по закону оно составляетъ тяжкое уголовное преступленіе, непрекращаемое даже примиреніемъ сторонъ. Отказъ отъ брака тоже считается, по обычному праву, личной обидой, тогда какъ, по закону, такой отказъ не наказуемъ. Многія уголовныя дѣла считаются маловажными, а потому разсматриваются въ волостныхъ судахъ вопреки закону.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ отдѣловъ обычнаго права, книга г. Якушкина даетъ указаніе литературы по торговому праву и по обычному праву инородцевъ. Послѣдній отдѣлъ онъ предполагаетъ разработать въ отдѣльномъ выпускѣ своего труда. Такой же отдѣльный выпускъ составитъ библіографическій обзоръ матеріаловъ о способахъ земельнаго владѣнія и пользованія у русскихъ. Наконецъ, авторъ обѣщаетъ переиздать первый выпускъ своего замѣчательнаго труда. Такимъ образомъ работа г. Якушкина, являющаяся и теперь рѣдкимъ по своимъ достоинствамъ сочиненіемъ, обѣщаетъ быть колосальнѣйшимъ произведеніемъ, заслуживающимъ глубокой признательности русскаго общества.

Не смотря на то, что изученіе обычнаго права далеко еще не закончено, а по нѣкоторымъ отдѣламъ едва начато, представляется возможнымъ и теперь намѣтить тѣ вѣковѣчные устои народной жизни, которыми, можно сказать, живетъ и дышетъ нашъ народъ. Въ области управленія такимъ устоемъ является *широкая*

земщина, въ значительной мѣрѣ не укладывающаяся въ узкія рамки офиціальнаго самоуправленія. Мы видѣли какъ далеко распространяетъ крестьянскій людъ свою компетенцію, какъ не ограничиваясь функціями, указанными ему закономъ, стремится онъ сплотиться для борьбы съ вредными общественными элементами, обязывая для этого своихъ членовъ не имѣть никакого дѣла съ порочными людьми, облагая послѣднихъ особыми сборами, какъ принимаетъ онъ мѣры въ предотвращеніе эксплоатаціи своихъ членовъ при наймѣ ихъ на поденную работу, при арендѣ земли и т. п. Въ области суда міръ признаетъ свои права гораздо шире, чѣмъ указаны они закономъ. Онъ не избѣгаетъ рѣшенія многихъ уголовныхъ дѣлъ и имѣетъ тенденцію дѣйствовать въ духѣ примиренія. Принимая на себя судебныя функціи, вопреки закону, крестьянскій міръ восполняетъ тѣмъ нерѣдко недостатки офиціальнаго суда и водворяетъ правосудіе тамъ, гдѣ оно отсутствуетъ. Въ виду этого стѣсненіе міра въ его компетенціи и въ его широкихъ земскихъ стремленіяхъ только препятствуетъ водворенію въ крестьянской средѣ порядка и мѣшаетъ естественному развитію народа на его національныхъ началахъ, исконне въ немъ воспитавшихся и сплотившихъ его въ громадное государство. Въ области гражданскаго права и особенно экономическихъ отношеній важнѣйшими устоями народной жизни необходимо признать *трудовое и общинно-артельное начала*, играющія такую крупную роль въ народныхъ воззрѣніяхъ и въ дѣйствительности. Цѣлый рядъ правовыхъ отношеній, начиная съ семейныхъ и кончая отношеніями къ собственности, сложился у народа подъ вліяніемъ этихъ началъ. Подъ ихъ воздѣйствіемъ создавалось народное міровоззрѣніе и вырабатывались соціальные идеалы, ради которыхъ крестьянство безропотно цѣлые вѣка несло на пользу государственнаго строенія неизмѣримо великое и трудное свое тягло. Не видѣть и не признавать этихъ началъ—значитъ не только не понимать народнаго духа, но и сознательно закрывать глаза на жизнь; не считаться же съ ними въ нашей внутренней политикѣ—значитъ подвергать опасности и тяжкимъ испытаніямъ дальнѣйшія историческія судьбы государства. Народъ, выбитый насильственно, искусственно созданнымъ по чужимъ образамъ законодательствомъ, дѣлается мало способнымъ къ высшей культурѣ и постепенно растлѣвается постояннымъ противорѣчіемъ между правовыми условіями жизни и своими идеалами. Такой народъ, по выраженію Токвиля, никогда не

будетъ великимъ народомъ, въ средѣ его никогда не окажется великихъ граждан, а общій уровень сердецъ и умовъ въ немъ никогда не перестанетъ понижаться. Поэтому огромную отвѣтственность принимаютъ на себя тѣ дѣятели, которые, не сообразуясь съ устоями народной жизни и игнорируя ихъ, направляютъ народъ на невѣдомые и чуждые его духу пути, ведущіе въ концѣ концовъ къ упадку и даже къ гибели всей націи. Безнаказанно ломать народной жизни и народнаго міровоззрѣнія невозможно. Напротивъ того, его вѣковые устои требуютъ неусыпнаго, бережливаго отношенія къ себѣ и той чуткости, которая даетъ возможность своевременно подмѣтить и удалить препятствія, задерживающія развитіе и ростъ высшихъ народныхъ идеаловъ, и устранить тѣ переживанія въ обычномъ правѣ, которыя сами начинаютъ тяготить населеніе. Въ виду этого постоянное и настойчивое наблюденіе народной жизни и чуткое отношеніе ко всѣмъ движеніямъ въ ней—является неизмѣнной обязанностью всѣхъ мыслящихъ людей, не безразлично относящихся къ общественнымъ интересамъ. Изучать народъ, уразумѣть устои его жизни, проникнуться высшими идеалами его и, по мѣрѣ силъ своихъ, направлять согласно съ ними общественную мысль и дѣятельность,—вотъ великая и по истинѣ славная задача, открывающаяся передъ нашей интеллигенціей,—и лучшій завѣтъ русской молодежи.

М. Слобожанинъ.

Защита промышленной собственности иностранцевъ въ Россіи.

Въ заинтересованныхъ кругахъ Парижа въ настоящее время много поговариваютъ о международной дипломатической конференціи, имѣющей собраться въ Брюсселѣ въ концѣ 1897 или въ началѣ 1898 года. Эта конференція займется пересмотромъ извѣстной конвенціи Союза для защиты промышленной собственности, заключенной въ Парижѣ $^{20}/_{8}$ марта 1883 года („Convention de l' Union pour la protection de la propriété industrielle"). Какъ извѣстно, конвенція эта, подписанная 14 лѣтъ тому назадъ очень небольшимъ количествомъ государствъ, простираетъ въ настоящее время свое дѣйствіе,—въ силу многочисленныхъ послѣдующихъ присое-

диненій—на территоріи слѣдующихъ государствъ [1]): Бельгія, Бразилія, Данія, Доминиканская республика, Испанія съ колоніями, Соединенные Штаты Сѣв. Америки, Франція съ колоніями, Великобританія съ Куинслэндомъ и Новой Зеландіей, Италія, Норвегія, Голландія съ колоніями, Португалія, Сербія, Швеція, Швейцарія и Тунисъ. Такимъ образомъ, въ этомъ спискѣ можно указать на три главныхъ пробѣла: въ немъ не достаетъ Россіи, Германіи и Австро-Венгріи, для того чтобы союзъ обнялъ всѣ главнѣйшія государства Европы и Америки. Говорятъ, что ко времени собранія вышеуказанной конференціи въ Брюсселѣ Австро-Венгрія и Германія примкнутъ къ союзу. Такъ можно судить, по крайней мѣрѣ, изъ того, что новый австрійскій законъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія, принятый верхнею палатою въ засѣданіи 21 ноября прошлаго года, былъ редактированъ со спеціальною цѣлью сдѣлать возможнымъ присоединеніе Австро-Венгріи къ союзу. Что же касается Германіи, то, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ берлинскаго „Verein zum Schutz des gewerblichen Eigenthums", присоединеніе ея къ Союзу есть, повидимому, дѣло недалекаго будущаго, ибо въ послѣднее время Рейхстагъ получаетъ въ значительномъ количествѣ петиціи отъ различныхъ промышленныхъ ассоціацій, почти единогласно требующихъ, чтобы правительство не оставляло долѣе Германію внѣ союза, имѣющаго принести ея производителямъ большія выгоды [2]). Въ томъ же направленіи высказался и послѣдній австро-германскій конгрессъ промышленной собственности, собранной указаннымъ Verein'омъ въ Берлинѣ 12 и 13 октября 1896 года и высказавшійся принципіально *за идею* [3]) международнаго союза и конвенціи 20 марта 1883 (относительно *частностей* этой послѣдней были сдѣланы возраженія и пожеланія измѣненій, согласно докладамъ инженера Fehlert и Dr. Deutsch). Мы не можемъ не отмѣтить, наконецъ, рѣшительнаго движенія въ пользу союза 20 марта 1883, которое будетъ дано общественному мнѣнію въ Германіи и Австро-Венгріи тою „Association internationale pour

---

[1]) По списку, опубликованному 1-го января 1897 г. въ журалѣ «Propriété Industrielle», 1897, стр. 1.

[2]) Одна изъ послѣднихъ такихъ петицій, поданная «обществомъ для защиты интересовъ химиковъ-промышленниковъ» въ прошломъ году, подробно разобрана въ «Propriété Industrielle». 1896, pp. 37 ss

[3]) См. «Gewerblicher Rechtsschutz und Urkeberrecht» 1896, s. 340.

le développement de la protection de la propriété industrielle“, надъ устройствомъ которой нынѣ дѣятельно работаетъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ не безъизвѣстный въ области промышленной собственности Dr. Osterrieth, редакторъ журнала „Gewerblicher Rechtsschutz“. Эта ассоціація, обезпечившая себѣ въ настоящее время значительное число членовъ въ большинствѣ государствъ Европы и Америки, будетъ имѣть первою своею задачею (проектъ статутовъ, ст. 1, § 3)—работать надъ расширеніемъ предѣловъ союза 1883 года. И одинъ тотъ фактъ, что инициатива этого общества исходитъ изъ Германіи,—уже достаточно свидѣтельствуетъ намъ о положеніи вопроса въ этой странѣ.

Въ виду всего этого, можно опасаться, что въ самомъ недалекомъ будущемъ внѣ союза промышленной собственности останется одна только Россія;—что одна только Россія не будетъ имѣть возможности принять активное участіе въ конференціи, о которой мы упомянули выше, и на которой можно было бы добиться измѣненія тѣхъ немногихъ постановленій Парижской конвенціи, которыя могутъ быть недостаточно выгодны для промышленниковъ нашего отечества.

Въ настоящей замѣткѣ, конечно, невозможно обсудить во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о томъ, выгодно или нѣтъ для Россіи то выжидательное положеніе, котораго она до сихъ поръ держалась. Намъ хотѣлось бы только выяснить юридическую сторону дѣла, ибо, какъ намъ кажется, многія возраженія противъ присоединенія къ союзу 1883 года проистекаютъ изъ невполнѣ яснаго представленія о томъ, что такое представляетъ изъ себя этотъ союзъ, какія права дастъ онъ нашимъ производителямъ, и какія обязанности возложитъ на наше правительство.

Какъ извѣстно, структура конвенціи 20 марта 1883 г. весьма проста. Она раздѣляется на двѣ части: въ первой проводится принципъ уравненія правъ иностранцевъ и мѣстныхъ подданныхъ относительно всѣхъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя признаны въ каждомъ данномъ государствѣ мѣстными законами о промышленной собственности (ст. 2 конвенціи); во второй—указываются спеціальныя нормы, облегчающія иностранцамъ возможность пользоваться внѣ предѣловъ ихъ родины защитой для ихъ торговыхъ знаковъ, фабричныхъ рисунковъ и изобрѣтеній.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что конвенція 20 марта 1883 года не возложитъ на Россію обязанности признавать за ино-

странцами какія нибудь особенныя, чрезвычайныя права. Мы позволимъ себѣ пойти дальше и утверждать, что указанная конвенція не обезпечитъ въ Россіи иностранцамъ *рѣшительно никакого расширенія ихъ правъ* за тѣ предѣлы, которые нынѣ опредѣлены въ нашихъ законахъ или существующихъ конвенціяхъ и декларацiяхъ. Для того, чтобы доказать это положеніе, мы вкратцѣ разсмотримъ, поочереди, главныя статьи конвенціи 20 марта 1883 г.

Уравненіе правъ иностранцевъ и русскихъ подданныхъ въ отношеніи преимуществъ, гарантированныхъ законами о промышленной собственности (ст. 2 и 3 конвенціи), есть принципъ, признанный Россіей относительно привилегій на изобрѣтенія—въ статьѣ 2 закона 20 мая 1896, а относительно торговыхъ знаковъ—въ 14 декларацiяхъ и конвенціяхъ, заключенныхъ Россіей съ главнѣйшими государствами Европы. Вообще этотъ принципъ въ настоящее время начинаетъ завоевывать себѣ такое значеніе въ области современнаго правосознанія, что наврядъ ли найдется какой-нибудь серьезный юристъ, который бы вооружился противъ него.

Въ статьѣ 4-ой конвенціи всякій промышленникъ, подавшій въ одномъ изъ государствъ союза прошеніе о гарантированіи ему исключительнаго права на знакъ, рисунокъ или изобрѣтеніе, имѣетъ преимущество предъ всѣми другими лицами заявлять въ остальныхъ государствахъ тотъ же знакъ, рисунокъ или изобрѣтеніе. Это преимущественное право погашается, если оно не было осуществлено въ теченіе 6 мѣсяцевъ для привилегій, и 3 мѣсяцевъ—для знаковъ и рисунковъ. Статья 4-ая есть одна изъ наиболѣе важныхъ во всей конвенціи. Она была вызвана желаніемъ ослабить дѣйствіе тѣхъ законодательствъ, которыя ставятъ слишкомъ строгія требованія для такъ называемой *новизны* изобрѣтенія. Какъ извѣстно, напримѣръ, ст. 31 французскаго закона 5 іюля 1844 года признаетъ недѣйствительною всякую привилегію на изобрѣтеніе, которое, въ моментъ ея выдачи, было уже опубликовано гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ; прямымъ слѣдствіемъ такого постановленія дѣла была невозможность брать привилегіи во Франціи на такія изобрѣтенія, которыя предварительно были привилегированы за-границей (и, слѣдовательно, отчасти тамъ опубликованы въ офиціальныхъ описаніяхъ); благодаря постановленію статьи 31, Франція *de facto* лишала права брать привилегіи—всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые, естественно, желали предварительно обезпечить себѣ привилегію на родинѣ. Статья 4-ая конвенціи 20 марта

1883 уничтожила это ненормальное положеніе дѣла, постановивъ, что въ теченіе 6 мѣсяцевъ, слѣдующихъ за представленіемъ прошенія,—данное изобрѣтеніе будетъ—во всѣхъ государствахъ союза—считаться какъ бы еще не опубликованнымъ. Постановленіе это расширило въ значительной степени права иностранцевъ во Франціи. Какое значеніе можетъ оно имѣть для иностранцевъ въ Россіи? Мы позволяемъ себѣ думать, что уже теперь, до присоединенія къ союзу, Россія гарантируетъ всѣмъ иностранцамъ больше правъ, чѣмъ статья 4-ая конвенціи. Въ самомъ дѣлѣ. Понятіе новизны изобрѣтенія конструируется нашимъ правомъ совсѣмъ не такъ абсолютно, какъ во Франціи и другихъ странахъ, подражавшихъ ея закону 5 іюля 1844 года. Согласно ст. 4, 6, нашего закона 20 мая 1896 года, не считаются *новыми*—изобрѣтенія, „привилегированныя уже въ Россіи или получившія примѣненіе безъ привилегіи, или же описанныя *въ литературѣ* съ достаточною для воспроизведенія ихъ подробностью", а также (ст. 4, г.) „извѣстныя за границей и тамъ *не привилегированныя* или привилегированныя на другое имя и не переуступленныя въ исключительное пользованіе лицу, испрашивающему на нихъ привилегію въ Россіи". Изъ двухъ приведенныхъ текстовъ видно, что въ Россіи законъ относится къ иностранцамъ много снисходительнѣе чѣмъ во Франціи: а именно, промышленникъ—нѣмецъ, взявшій на свое изобрѣтеніе патентъ въ Германіи, не можетъ получить привилегіи во Франціи, ибо ему укажутъ на описаніе, опубликованное Patentamt'омъ и уничтожающее новизну изобрѣтенія; но тотъ же промышленникъ *можетъ* получить привилегію въ Россіи, ибо ни одинъ изъ указанныхъ двухъ параграфовъ статьи 4-ой не приложимъ къ данному случаю; изобрѣтеніе, опубликованное только въ тѣхъ предѣлахъ, которые необходимы для полученія патента въ какомъ нибудь иностранномъ государствѣ,—не считается въ Россіи описаннымъ „*въ литературѣ*" (ст. 4, 6) и, слѣдовательно, признается новымъ (ср. ст. 16 закона 20 мая 1896 г., а также § 7 въ министерской инструкціи 25 іюня 1896 года). Въ виду всего этого, указанный германскій промышленникъ уже и въ настоящее время имѣетъ въ Россіи всѣ тѣ права, которыя во Франціи онъ могъ бы получить только въ силу статьи 4-ой конвенціи 20 марта 1883 года. Въ данномъ отношеніи, повторяемъ, иностранцы не пріобрѣтутъ въ Россіи по конвенціи 20 марта 1883 г. больше правъ, чѣмъ сколько они имѣютъ въ настоящее время. Мы оставляемъ пока въ сто-

ронѣ вопросъ о томъ, не будетъ ли полезна указанная ст. 4-я напримѣръ, *русскимъ* изобрѣтателямъ во Франціи.

Слѣдующая, *пятая* статья конвенціи постановлена, опять таки, противъ Франціи. Она постановляетъ, что привилегіи, выданныя въ предѣлахъ союза, не будутъ объявляемы недѣйствительными только потому, что ихъ собственники будутъ ввозить въ то государство, гдѣ они получили привилегію,—предметы схожіе съ привилегированными и изготовленные въ *другихъ* государствахъ. Это постановленіе направлено противъ статьи 32,3° французскаго закона 5 іюля 1844 г., безусловно запрещающей подобный ввозъ. Франція должна была поступиться этимъ постановленіемъ своего закона (единственнымъ въ своемъ родѣ!)—ибо то было слишкомъ невыгодно для другихъ договаривающихся сторонъ. Въ виду того, что русскій законъ не знаетъ подобнаго запрещенія,—статья 5-я, опять таки, не расширитъ правъ иностранцевъ, какъ она не расширила ихъ въ Англіи, Италіи, Соединенныхъ Штатахъ и т. д. При этомъ замѣтимъ, что параграфъ второй разбираемой статьи спеціально оговариваетъ сохраненіе въ силѣ всѣхъ постановленій, какія издадутъ договаривающіяся стороны относительно *эксплоатаціи* изобрѣтеній *обязательно* въ предѣлахъ ихъ территорій. Такимъ образомъ, постановленіе ст. 24 русскаго закона осталось бы въ силѣ и послѣ присоединенія Россіи къ союзу: всякій иностранецъ остался бы обязаннымъ приводить въ дѣйствіе на русской территоріи изобрѣтенія, привилегированныя въ Россіи,—въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ.

Слѣдующія четыре статьи конвенціи (6—9) трактуютъ о защитѣ торговыхъ клеймъ и торговыхъ фирмъ; кромѣ одного постановленія статьи 6-й, которое потребуетъ незначительнаго измѣненія русскаго законодательства о торговыхъ знакахъ и къ которому мы вернемся нѣсколько ниже,—всѣ остальныя нормы, установляемыя указанными четырьмя статьями, уже и нынѣ извѣстны русскому законодательству. Торговый знакъ долженъ быть внесенъ въ спеціальный регистръ во всякой странѣ, въ которой промышленникъ ищетъ защиты (ст. 6, § 1 конвенціи, ср. ст. 4 русскаго закона 26 февраля 1896 года); ходатайство можетъ быть отклонено, если знакъ будетъ признанъ противорѣчащимъ требованіямъ нравственности (ст. 6, § 4 конвенціи, ср. ст. 3, § 1 и 8, § 1 русскаго закона); торговыя клейма могутъ быть накладываемы на всѣ товары безъ исключенія (ст. 7 конвенціи, ср. ст. 1 русскаго закона); торговая фирма пользуется защитой безъ внесенія въ регистръ (ст. 8 кон-

венціи, ср. ст. 5 русскаго закона); статья 9-я конвенціи относится къ процедурѣ преслѣдованія поддѣланныхъ знаковъ. Такимъ образомъ, уже и въ настоящее время подданные 14 государствъ, заключившихъ съ Россiей конвенціи о защитѣ промышленной собственности—пользуются относительно торговыхъ знаковъ всѣми тѣми правами, которыя регулируются статьями 6—9 конвенціи 20 марта 1883 г. Нѣкоторое расширеніе этихъ правъ нужно видѣть только въ постановленіи статьи 6-й, § 1, согласно которому всякое государство обязывается принимать къ регистраціи всѣ знаки, уже зарегистрированные законнымъ порядкомъ въ ихъ странѣ происхожденія. Такимъ образомъ, можетъ оказаться, что департаменту торговли и мануфактуръ придется внести въ регистръ иностранный знакъ, невполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, выставленнымъ для знаковъ *русскихъ* въ статьяхъ 6 и 8 закона 26 февраля. Въ этомъ отношеніи—и, кажется, только въ *этомъ*—права иностранцевъ будутъ, дѣйствительно, нѣсколько расширены присоединеніемъ Россіи къ союзу. Но мы замѣтимъ тотчасъ же, что уже и нынѣ, въ силу примѣчанія къ ст. 6-й нашего закона, министръ финансовъ можетъ давать разрѣшенія регистрировать знаки, не удовлетворяющіе требованіямъ русскаго закона, а по трактату съ Франціей 20 марта 1874 г., разъясненному въ нотахъ 16 іюня 1878 г. и 14 января 1880 г., департаментъ торговли и мануфактуръ даже *обязанъ* принимать всѣ французскіе знаки, заявленные законнымъ образомъ во Франціи, т. е. также и тѣ, которые совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ русскаго закона. Разъ подобное исключеніе допущено для французскихъ подданныхъ—мы думаемъ, что это можетъ быть легко распространено и на другія націи.

Послѣдняя статья конвенціи 20 марта 1883 года, которая относится къ матеріальному праву—есть статья 10-я, трактующая о ложныхъ указаніяхъ мѣстъ происхожденія продукта, то есть о такомъ институтѣ, который предусмотрѣнъ въ Россіи *implicité* статьями I, 3 § 2 и III, 2 закона 26-го февраля 1896 года.

Въ виду всего сказаннаго, мы можемъ вывести заключеніе, что, благодаря либеральности нашего законодательства о промышленной собственности, иностранцы уже и нынѣ пользуются въ Россіи всѣми тѣми правами, признанія которыхъ они добились съ такимъ трудомъ, напримѣръ, во Франціи. Повторяемъ: для *иностранцевъ* вопросъ о присоединеніи Россіи къ союзу 1883 года представляетъ очень

мало практическаго интереса. Противники присоединенія Россіи къ союзу 1883 года очень часто пользуются слѣдующаго рода аргументомъ: „уже въ настоящее время число привилегій, выданныхъ въ Россіи иностранцамъ, составляетъ 80% общаго числа; что же будетъ послѣ присоединенія Россіи къ союзу, когда мы облегчимъ иностранцамъ полученіе привилегій?“ Послѣ приведенныхъ выше сопоставленій, отвѣтъ на эту „quaestio rhetorica“ формулируется самъ собой. Союзъ ничего иностранцамъ не „облегчитъ“; указанные 80% и послѣ присоединенія къ союзу не повысятся; впослѣдствіи они, конечно, будутъ постепенно падать,—но падать будутъ они не потому, что мы станемъ преслѣдовать иностранцевъ, а потому, что мы будемъ обращать больше вниманія на техническое образованіе русскаго народа.

Такова одна сторона дѣла. Не нужно, однако, забывать, что вопросъ объ иностранцахъ въ Россіи еще не предрѣшаетъ вопроса о *русскихъ за границей*. Указывая на приведенные выше 80%-овъ, противники присоединенія къ союзу, обыкновенно забываютъ посчитать число привилегій, выдаваемыхъ русскимъ изобрѣтателямъ внѣ Россіи;—забываютъ поставить вопросъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь повысить это число, во многихъ государствахъ не достигающее даже десятка въ годъ. Намъ кажется, что становясь на эту точку зрѣнія—необходимо признать присоединеніе Россіи къ союзу 1883 года весьма желательнымъ. Всякій русскій изобрѣтатель, естественно, беретъ прежде всего привилегію въ Россіи; изобрѣтеніе его оказывается удачнымъ—онъ хотѣлъ бы взять привилегію и за границей; къ сожалѣнію оказывается, что во многихъ государствахъ всякій путь къ защитѣ ему уже отрѣзанъ, ибо онъ уже опубликовалъ свое изобрѣтеніе, которое перестало, такимъ образомъ, быть *новымъ*. Вотъ тутъ то и могла бы прійти ему на помощь статья 4-я конвенціи 20 марта 1883 года, дающая ему 6 мѣсяцевъ на размышленіе и опыты.

Возьмемъ другой примѣръ. Какимъ нибудь способомъ русскому промышленнику удалось взять привилегію во Франціи. Согласно драконовскимъ постановленіямъ законодательства, дѣйствующаго въ этой странѣ, указанный промышленникъ не можетъ ввезти во Францію ни одного экземпляра своего изобрѣтенія, хотя бы для того, чтобы ознакомить съ нимъ публику или фабрикантовъ. Всякое предварительное зондированіе рынка, такимъ образомъ, абсолютно исключается: изобрѣтатель долженъ рисковать иногда очень серьез-

ными затратами для устройства самостоятельной эксплоатаціи изобрѣтенія во Франціи, находясь въ полномъ невѣдѣніи, приметъ ли еще французскій рынокъ новый привилегированный продуктъ. Статья 5-я конвенціи 20 марта 1883 г. помогла бы русскому промышленнику и въ этомъ отношеніи, ибо дозволила бы ему ввозить русскіе фабрикаты почти два года, обязуя его только къ концу этого срока организовать эксплоатацію во Франціи.

Что касается защиты торговыхъ знаковъ и фирмъ, то и въ этомъ отношеніи присоединеніе Россіи къ союзу могло бы быть только полезнымъ. Мы отмѣтимъ, напримѣръ, что существующія конвенціи и деклараціи ничего не говорятъ о *фирмахъ*; если русскіе суды, какъ мы еще недавно видѣли примѣръ, защищаютъ иностранныя фирмы отъ всякихъ посягательствъ и внѣ договорнаго права,—то это еще не доказываетъ, что *русскія* фирмы всегда найдутъ заграницей столь же либеральную защиту. Принципъ взаимности, такимъ образомъ, можетъ быть нарушенъ—и только присоединеніе къ союзу въ состояніи строго оформить его регулярное примѣненіе. Къ тому же, и защита торговыхъ *знаковъ*, въ томъ видѣ, какъ то регламентировано болѣе чѣмъ дюжиной различныхъ конвенцій—оставляетъ желать весьма многаго. Конвенціи эти, составляемыя въ разное время и подъ вліяніемъ разныхъ причинъ,—представляютъ такую пестроту и, часто, такую неясность и краткость,—что даже наиболѣе опытному судьѣ будетъ въ большинствѣ случаевъ невозможно рѣшить, что онѣ защищаютъ и чего онѣ требуютъ. Намъ казалось бы, что замѣна всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ дипломатическихъ актовъ одною конвенціей 20 марта 1883 года, выработанною двумя коммисіями спеціалистовъ и разъясненною цѣлою серіей судебныхъ рѣшеній и авторитетныхъ научныхъ трактатовъ [1])—внесло бы много желаннаго свѣта въ эту темную и незивѣданную область.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать еще одно, послѣднее, замѣчаніе. Согласно статьѣ 199 прим. 1, устава о промышленности, св. зак. томъ XI ч. 2,—иностранцы имѣютъ право заявлять фабричные рисунки и модели на общемъ основаніи съ русскими подданными. Между тѣмъ мы знаемъ, что за границей такая заявка для ино-

---

[1]) См. напримѣръ, опубликованную въ концѣ декабря 1896 года деканомъ парижскихъ адвокатовъ, E. Pouillet, книгу: „La Convention d'Union internationale etc. Paris, Marchall et Billard, 1896".

странцевъ, а слѣдовательно въ томъ числѣ и для русскихъ—обставлена очень часто значительными стѣсненіями. Намъ казалось бы, что и въ этомъ отношеніи присоединеніе Россіи къ союзу 1883 года могло бы только возстановить ту взаимность, о которой часто забываютъ наши законы, щедрою рукою раздавая иностранцамъ всякія выгоды и преимущества.

Не во имя абстрактныхъ принциповъ международнаго права, но во имя самыхъ законныхъ интересовъ русскихъ промышленниковъ и изобрѣтателей—мы считаемъ присоединеніе Россіи къ „союзу для защиты промышленной собственности"—весьма и весьма желательнымъ.

Въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, уже давно высказываются въ Россіи много болѣе авторитетные голоса, чѣмъ нашъ. Насколько намъ извѣстно, напримѣръ, присоединеніе къ союзу 1883 года было признано необходимымъ спеціальною коммисіею, собранною въ 1883 году, по приглашенію министра финансовъ, совѣтомъ Императорскаго русскаго техническаго общества. Въ самое послѣднее время идея присоединенія къ союзу была, въ принципѣ, вполнѣ одобрена въ 2-хъ объяснительныхъ запискахъ, представленныхъ министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ въ качествѣ мотивовъ для новыхъ законовъ о привилегіяхъ и о торговыхъ клеймахъ [1]).

Несмотря на эти принципіальныя пожеланія, дѣло нынѣ совсѣмъ, кажется, не двигается, а между тѣмъ время идетъ и идетъ, и Россія легко можетъ упустить удобный моментъ, не успѣвъ вступить въ союзъ до будущей брюссельской конференціи и лишивъ себя права прислать представителей на это собраніе. Результаты современнаго положенія дѣла мало замѣтны, ибо, не заключая кричащихъ несправедливостей, они сводятся для нашихъ промышленниковъ къ легкимъ придиркамъ, отказомъ въ защитѣ, неудобствомъ и стѣсненіемъ. Но не забудемъ и того, что и эти мелочи, постоянно суммируясь, въ концѣ концовъ могутъ дать такую величину, которая заставитъ пожалѣть о потерянномъ для защиты нашихъ интересовъ времени......

А. Пиленко.

---

[1]) См., напримѣръ, дѣло министерства финансовъ по департаменту торговли и мануфактуръ, № 5939, стр. 54.

По вопросу объ обезпеченіи исковъ въ волостныхъ судахъ.

Одинъ уѣздный съѣздъ сообщилъ пензенскому губернскому присутствію, что закономъ 12-го іюля 1889 г. не предусмотрѣно обезпеченія исковъ, подсудныхъ волостному суду, а между тѣмъ заинтересованныя лица не рѣдко обращаются по этому предмету къ земскимъ начальникамъ, которымъ также не предоставлено обезпечивать такіе иски. Находя разрѣшеніе возбужденнаго вопроса крайне важнымъ и полезнымъ для истцовъ по дѣламъ волостной юстиціи, уѣздный съѣздъ просилъ губернское присутствіе войти съ надлежащимъ представленіемъ по этому предмету въ министерство внутреннихъ дѣлъ, другими словами: нынѣ возникаетъ вопросъ о восполненіи существующаго пробѣла въ законодательствѣ путемъ соотвѣтствующаго требованіямъ жизни постановленія. Если законъ допускаетъ обезпеченіе исковъ по дѣламъ мировой юстиціи и подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, то почему же, съ точки зрѣнія уѣзднаго съѣзда, не допустить обезпеченіе исковъ и по дѣламъ волостной юстиціи, какъ скоро волостные суды нынѣ уже возведены изъ положенія волостной расправы на степень низшихъ судовъ Россійской Имперіи?

Губернское присутствіе циркулярнымъ предложеніемъ отъ 12 декабря 1896 г. затребовало отъ подвѣдомственныхъ ему уѣздныхъ съѣздовъ доставленія по содержанію возбужденнаго вопроса мотивированнаго заключенія, а также и свѣдѣнія: были ли въ практикѣ съѣзда и земскихъ начальниковъ случаи возбужденія ходатайствъ объ обезпеченіи исковъ.

Намъ пока еще неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ высказались уѣздные съѣзды по возбужденному вопросу, но съ своей стороны считаю нелишнимъ высказать нѣсколько замѣчаній.

Несомнѣнно, что во временныхъ правилахъ для волостныхъ судовъ, какъ и въ правилахъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, имѣется множество пробѣловъ, очень существенныхъ и важныхъ. Уклоняясь отъ подробной регламентаціи процессуальныхъ формъ и обрядовъ, законодатель, по всей вѣроятности, желалъ или надѣялся, что сама жизнь и судебная практика выработаютъ наиболѣе подходящіе къ сельскому быту обряды и формы судопроизводства. Дѣйствительно, здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь должны быть краткость, ясность, простота и дешевизна, хотя бы и во вниманіе къ относительной малоцѣнности исковъ, къ весьма сла-

бому пониманію en masse почти безграмотнымъ населеніемъ юридическихъ формальностей, отсутствію консультацій и помощи со стороны адвокатовъ, неимѣнію вообще досуга и охоты судиться при страдныхъ полевыхъ и другихъ работахъ и при бѣдности населенія, обремененнаго податями. И тѣмъ не менѣе, какъ скоро намъ указываютъ на пробѣлы въ самомъ законѣ, мы весьма не прочь показать свою бумажную дѣятельность и вспомнить старину, любезное нашему сердцу многописаніе, въ которомъ будто бы заключается наше спасеніе, и навязать сельскому населенію довольно-таки мудреный даже для патентованныхъ юристовъ процессуальный порядокъ... Но не слѣдуетъ упускать изъ вида: сколько разныхъ юридическихъ вопросовъ возникло бы у насъ по дѣламъ волостной юстиціи, какъ скоро мы ввели бы длиннѣйшую процедуру обезпеченія исковъ? И какіе юристы будутъ разрѣшать ихъ?—Земскіе начальники?—когда они дѣйствуютъ единолично въ качествѣ администраторовъ, надзирателей за отправленіемъ правосудія въ волостныхъ судахъ или же когда они, измѣнивъ по мѣрѣ требованія свою физіономію на подобіе двуликаго Януса, засѣдаютъ уже въ качествѣ судей въ коллегіи, образуя большинство, въ уѣздномъ съѣздѣ? И кто будетъ накладывать арестъ на движимость или запрещеніе на недвижимость съ составленіемъ дорого оплачиваемыхъ для сего публикацій—запретительныхъ статей? Уже не возьметъ ли на себя такую роль судебнаго пристава и старшаго нотаріуса малограмотный, а то и вовсе безграмотный волостной старшина вкупѣ съ волостнымъ писаремъ въ качествѣ сельскаго юрисконсульта?

Я рѣшительно высказываюсь противъ предполагаемаго введенія въ законодательство процедуры обезпеченія исковъ по дѣламъ волостной юстиціи, помимо вышеприведенныхъ возникающихъ для насъ недоумѣній, даже и потому, что лишь незначительная часть крестьянскаго имущества, говоря вообще, можетъ быть отчуждаема путемъ взысканія: развѣ только несостоящая въ надѣлѣ и лично принадлежащая крестьянину земля (а такихъ счастливцевъ-собственниковъ очень мало) и такая движимость, отчужденіе которой не можетъ разстроить крестьянскаго хозяйства; но и подъ эту рубрику можетъ быть подведена, по отзыву мѣстнаго волостнаго старшины или сельскаго старосты, чуть ли не всякая крестьянская движимость.

И въ самомъ дѣлѣ: если вводить процедуру обезпеченія исковъ

въ волостную юстицію, то предстояло бы руководствоваться уставомъ гражданскаго судопроизводства, статьями объ обезпеченіи исковъ по дѣламъ мировой юстиціи (ст. 125—128 по прод. 1890 г.), а по 126 ст. уст. гражд. суд. обезпеченіе такихъ исковъ производится по правиламъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, означеннымъ въ 590—652[2] ст. А въ этихъ правилахъ существуетъ, напримѣръ, 616 статья, трактующая о наложеніи запрещеній, для чего по 617 ст. требуется полтора рубля, да столько же на будущее снятіе запрещенія,—и все это по искамъ на самую ничтожную сумму. Наложеніе же ареста на движимость производится по правиламъ, указаннымъ въ 968—979 ст. уст. гражд. суд. Принятіе волостнымъ судомъ другихъ способовъ обезпеченія исковъ, напримѣръ: поручительство (ст. 641) и отобраніе подписки о невыѣздѣ (ст. 652[1]), хотя-бы отвѣтчику и необходимо было отлучиться для заработковъ и уплаты податей, помимо своей сложности, могло бы привести и къ явнымъ юридическимъ несообразностямъ и несправедливости, ибо по 639 ст. за уклоненіе отъ дачи отзыва, а равно и росписки, о коей упомянуто въ 631 ст., виновные подвергаются, по опредѣленію суда, штрафу отъ 10 до 100 руб., а между тѣмъ и самые иски въ волостномъ судѣ не рѣдко предъявляются на сумму даже меньшую, чѣмъ 10 руб. По 10 п. 973 ст. уст. гражд. суд., ни въ какомъ случаѣ не подвергается аресту движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а подъ дѣйствіе 974 ст., исчисляющей предметы, которые могутъ подлежать аресту только за неимѣніемъ другого имущества, можетъ быть подведено чуть-ли не всякое крестьянское имущество: земледѣльческія орудія, инструменты, рабочій и домашній скотъ, запасы зерноваго хлѣба, сѣна, соломы и проч. Для чего-же послѣ всего этого осложнять и запутывать волостное судопроизводство еще вновь измышляемыми правилами объ обезпеченіи исковъ?

В. Волжинъ.

Ст. 968 уст. угол. суд.

Созданная въ 1864 году, эта статья закона менѣе чѣмъ въ четверть вѣка успѣла подвергнуться неоднократнымъ измѣненіямъ, дополниться примѣчаніемъ и вообще измѣниться до того, что стала нынѣ неузнаваемой. Новая ея физіономія, повидимому, вполнѣ удовлетворяетъ въ настоящее время самые требовательные вкусы, судя по крайней мѣрѣ по тому, что трудящаяся надъ перестройкою судебныхъ уставовъ коммисія намѣрена, кажется, сохранить ее и впредь въ существующей ея редакціи. Къ этому заключенію мы приходимъ исключительно на томъ основаніи, что въ числѣ вопросовъ III-го отдѣла коммисіи, въ коихъ намѣчены статьи устава угол. суд., относительно которыхъ предполагается реформа, ст. 968 не упомянута. Очень жаль, если это такъ.

Первоначально ст. 968 у. у. с. была редактирована вотъ какъ „время, проведенное, по вступленіи приговора въ законную силу, *въ тюремномъ заключеніи* лицами, присужденными къ содержанію въ арестантскихъ ротахъ, въ крѣпости, въ рабочемъ или смирительномъ домѣ, зачисляется въ опредѣленный приговоромъ срокъ содержанія".

Въ періодъ времени съ 1869-го по 1882-ой годъ законодатель убѣдился въ томъ, что правило, выраженное въ ст. 968, нѣсколько строго, такъ какъ оно не обнимаетъ всѣхъ случаевъ, когда приговоренные къ лишенію свободы проводятъ въ тюрьмѣ время со дня вступленія приговора въ законную силу до дня обращенія его къ исполненію или дѣйствительнаго начала отбыванія положенной имъ кары. Положимъ, что особой бѣды въ этомъ не было для приговореннаго къ каторжнымъ работамъ, но каково было не въ зачетъ отсиживать въ тюрьмѣ тому, кто присужденъ только къ аресту, и вотъ въ результатѣ ст. 968 приняла въ апрѣлѣ 1882 года слѣдующую редакцію: „время, проведенное, по вступленіи приговора въ законную силу, *въ тюремномъ заключеніи* лицами, присужденными къ *каторжнымъ работамъ* или же къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, въ крѣпости, въ рабочемъ или смирительномъ домѣ, въ *тюрьмѣ* или *подъ арестомъ*, зачи-

сляется въ опредѣленный приговоромъ срокъ содержанія". Примѣчаніе-же дополнило этотъ перечень, въ которомъ не хватаетъ только монастыря, присоединеніемъ нахожденія арестанта въ пути по случаю пересылокъ его изъ мѣста въ мѣсто.

Недолго однако просуществовала ст. 968 въ этой редакціи и въ 1887 году она подверглась уже значительной переработкѣ и только „примѣчаніе" къ ней осталось въ силѣ. Въ новѣйшей, нынѣ существующей по закону 1887 г., редакціи эта статья не столько измѣнена, сколько дополнена.

Измѣненіе введено незначительное, какъ видно изъ подчеркиваемыхъ нами словъ новѣйшей слѣдующей редакція: „время, проведенное по вступленіи приговора въ законную силу, *подъ стражею* лицами, присужденными къ каторжнымъ работамъ, или къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, въ крѣпости, въ тюрьмѣ или подъ арестомъ [1]), засчитывается въ срокъ заключенія". Вотъ и все. За то статья эта дополнена слѣдующими новыми постановленіями: 1) „если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, то ему засчитывается въ срокъ заключенія и время, проведенное подъ стражею послѣ провозглашенія приговора" и 2) „лицамъ, не состоявшимъ подъ предварительнымъ арестомъ, срокъ заключенія считается со дня задержанія ихъ для исполненія приговора, а бѣжавшимъ изъ подъ стражи до отбытія опредѣленнаго имъ судомъ наказанія срокъ заключенія исчисляется со дня новаго задержанія ихъ для исполненія приговора".

Мы рѣшительно ничего не можетъ возразить противъ основательности и справедливости втораго дополненія во всемъ его объемѣ, но первое дополненіе вызываетъ весьма существенныя замѣчанія. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе несущественное, чисто редакціонное относительно этого дополненія, а именно: дополненіе это начинается словами „если *приговоръ* не былъ обжалованъ *подсудимымъ*...." Слово „подсудимымъ" здѣсь не у мѣста и очевидно должно быть замѣнено либо словами „осужденнымъ" или „обвиненнымъ" либо словомъ „приговореннымъ", но первыя предпочтительнѣе во избѣжаніе близкаго сосѣдства словъ „приговоръ" и „приговоренный". Оно и понятно: если надъ подсудимымъ состоялся приговоръ и

---

[1]) Заключеніе въ рабочемъ и въ смирительномъ домѣ отмѣнено.

онъ его не обжаловалъ, онъ перестаетъ быть подсудимымъ и обращается въ осужденнаго, въ обвиненнаго, и только тотъ осужденный остается подсудимымъ, который обжаловалъ приговоръ; первое же дополненіе ст. 968 говоритъ о такомъ приговоренномъ, который не принесъ жалобы на рѣшеніе суда и считается отбывающимъ наказаніе (если онъ арестованъ) съ момента провозглашенія резолюціи.

Существенное замѣчаніе, которое должно быть сдѣлано по поводу перваго дополненія ст. 968 заключается въ слѣдующемъ: дополненіе это предоставляетъ льготу и иногда значительную только тому, кто безмолвно подчинился вынесенному ему приговору, каковымъ бы этотъ послѣдній ни оказался.

Съ этой точки зрѣнія дополненіе сіе не заслуживаетъ сочувствія, ибо оно какъ бы стремится къ тому, чтобы убѣдить осужденнаго, что ему выгоднѣе подчиниться даже неправильному приговору. Такіе приговоры несомнѣнно бываютъ и очень нерѣдко, и можно себѣ представить такой случай: кто либо приговоренъ къ каторжнымъ работамъ по ошибкѣ суда вмѣсто того, чтобы быть осужденнымъ въ арестантскія отдѣленія; справедливо негодуя на такое наказаніе свыше мѣры содѣяннаго, обвиненный жалуется и добивается отмѣны неправильнаго приговора, но за такую его строптивость, ему законъ не засчитываетъ содержаніе подъ стражею, проведенное со дня объявленія ему отмѣненнаго приговора, которое иногда можетъ длиться нѣсколько мѣсяцевъ! Явленіе это крайне нежелательное и мы не можемъ не присоединиться къ мнѣнію г. Трегубова [1]), говорящаго, что въ такихъ случаяхъ несправедливость формальной правды слишкомъ рельефна.

Какъ и г. Трегубовъ, мы тоже не можемъ понять, почему при обжалованіи приговора, если жалоба будетъ признана уважительной и приговоръ отмѣненъ, срокъ наказанія долженъ считаться со времени провозглашенія новой резолюціи.

Вслѣдствіе этого мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что первое дополненіе ст. 968 не изложено хотя бы такъ: „если приговоръ не былъ обжалованъ обвиненнымъ или и былъ обжалованъ, но основательно и потому отмѣненъ, то ему засчитывается въ срокъ

---

[1]) Ж. М. Ю. № 2 1897 г. Хроника; стр. 242.

заключенія и время, проведенное подъ стражею послѣ провозглашенія приговора".

Аналогичное въ сущности правило содержится въ ст. 800 уст. гражд. судопр., говорящей, что при просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ палатъ представляется залогъ въ 100 рублей, который, если жалоба оставлена безъ уваженія, обращается въ казну, а по жалобѣ основательной, возвращается собственнику. Тутъ законодатель не наказываетъ того, кто жалуется правильно и не считая возможнымъ бить праваго человѣка въ гражданскомъ дѣлѣ, только по карману, законъ въ уголовномъ дѣлѣ не стѣсняется отягчать участь осужденнаго, подвергая его болѣе продолжительному лишенію такого блага, какъ свобода!

Вотъ то первое существенное замѣчаніе, которое мы имѣли сдѣлать по поводу ст. 968 уст. уг. суд., но не этому, указанному г. Трегубовымъ и нами, недостатку этой статьи придавали мы значеніе, когда, въ началѣ этихъ строкъ высказывали сожалѣніе относительно того, что этой статьѣ закона суждено повидимому перейти in integrum въ будущій уставъ угол. судопроизводства,—мы идемъ далѣе: мы проектируемъ полную замѣну ст. 968 слѣдующимъ постановленіемъ: „время, проведенное осужденнымъ къ лишенію свободы, подъ стражею въ видѣ ли предварительнаго заключенія или по провозглашеніи приговора и до вступленія его въ законную силу, засчитывается въ срокъ заключенія". Второе дополненіе ст. 968 и примѣчаніе къ ней могутъ быть оставлены въ силѣ.

Проектируемое нами измѣненіе вызывается, какъ намъ кажется, во-первыхъ, абсолютною справедливостью, такъ какъ нельзя же не считать наказаніемъ и предварительнаго заключенія, хотя таковое не считается карою, переносимою обвиненнымъ и, во-вторыхъ, тѣмъ, на что ясно указываютъ тѣ вердикты присяжныхъ, которые обѣляютъ уличеннаго вора только потому, что послѣдній нѣсколько мѣсяцевъ, а то и годъ высидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи окончанія предварительнаго слѣдствія и наступленія дня, когда онъ предстанетъ на судъ. Присяжные, а это factum notorium, зачастую засчитываютъ подсудимому этотъ предварительный арестъ, но не всѣ присяжные такъ поступаютъ, а отсюда получается нѣкоторое нарушеніе справедливости при сопоставленіи кары, переносимой двумя родственными другъ другу преступниками. Если иные присяжные засчитываютъ подсудимому предварительный арестъ въ на-

казаніе и тѣмъ нарушаютъ правду, то, для предупрежденія такихъ случаевъ, для уравненія всѣхъ подсудимыхъ, думается намъ, самъ законъ долженъ считаться съ этимъ явленіемъ и съ своей стороны всѣмъ безразлично засчитывать въ наказаніе каждый день, въ который подсудимый лишенъ былъ свободы.

К. Дворжицкій.

Въ мартовской книжкѣ „Журнала Юридическаго Общества" въ статьѣ г. Дена: „Къ вопросу о прямомъ обложеніи" вкрались слѣдующія опечатки:

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать*:
Стр. 112, строка 25 св. Такимъ образомъ,	Обращаясь прежде всего къ подоходному налогу,
Стр. 123, строка 16 св. сроки способовъ	сроки, способы,
Стр. 125, строка 14 св. статья	скарба
Стр. 126, строка 18 св. исключительномъ	психическомъ
Стр. 132, строка 11 снизу недвижимое	движимое
Стр. 138, строка 12 св. на предметы	на движимые предметы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЬ“

въ 1897 году.

Съ 1-го ноября 1896 года начался

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСКУССТВА И ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

За 18 рублей

подписчики „НОВИ“ получатъ въ теченіе 1897 подписного года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи безъ какихъ-либо доплатъ за преміи ихъ пересылку и проч., слѣдующія **семь изданій:**

1) БОЛЬШУЮ, ВПОЛНѢ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ, БЕЗЦЕНЗУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ п. з. „ЛУЧЪ“

Съ 1-го ноября текущаго года мы издаемъ для подписчиковъ „Нови“ газету, въ видѣ большого ежедневнаго органа печати, подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, подъ редакціею Вл. В. Чуйко и при участіи наиболѣе талантливыхъ силъ русской журналистики. Газета наша представляетъ собою вполнѣ независимый органъ печати, со строго выдержаннымъ направленіемъ, съ честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ провинціи. Отличительныя черты ея—животрепещущій интересъ минуты и всестороннее живое ознакомленіе читателей со всѣми явленіями въ жизни всего разносословнаго и разноплеменнаго государственнаго населенія. Задача газеты—искреннее, честное, правдивое и нелицепріятное служеніе интересамъ дорогой родины. Освѣщая правильно и безпристастно всѣ жизненныя явленія, она поможетъ подписчикамъ „Нови“ слѣдить за ходомъ текущей жизни, со всѣми ея проявленіями, со всѣми вопросами и интересами дня—какъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ, такъ и повсюду за его предѣлами. Полнотою и своевременностью свѣдѣній, сжатостью, а главное живостью изложенія и безпристрастіемъ освѣщенія фактовъ, газета удовлетворитъ самымъ строгимъ требованіямъ. Выходить она будетъ ежедневно въ семистолбцовомъ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ газетъ. Пол-

нота же и разносторонность ея программы и содержанія рѣшительно ни въ чемъ не уступаетъ содержанію и программамъ наиболѣе серьезныхъ большихъ ежедневныхъ органовъ русской печати. Такимъ образомъ, подписчикамъ „Нови" дана, наконецъ, возможность имѣть, безъ всякихъ обременительныхъ денежныхъ затратъ, **чуть не даромъ, большую, всестороннюю, живую и полную ежедневную газету**, ни въ чемъ не уступающую большимъ, дорого стоющимъ, ежедневнымъ органамъ печати.

2) 6 переплетенныхъ томовъ (т. 1 по 6) перваго полнаго собранія сочиненій

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

(П. И. Мельникова, автора романовъ „Въ лѣсахъ" и „На горахъ").

3) 6 переплетенныхъ томовъ (т. 1 по 6) новаго изданія полнаго собранія сочиненій

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(Казака Луганскаго).

4) ЖУРНАЛЪ „*НОВЬ*"

общедоступный иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій,

въ которыхъ читатели найдутъ, рядомъ съ массою образцовыхъ и художественныхъ картинъ и рисунковъ, въ высшей степени интересный матеріалъ для чтенія, какъ по беллетристикѣ, такъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ литературы.

5) ОСОБЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОТДѢЛЪ

подъ общимъ заглавіемъ

МОЗАИКА

(24 выпуска),

составляющій какъ бы самостоятельный иллюстрированный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ слѣдующія 16 рубрикъ:

1. Домашній врачъ. 2. Воспитаніе и обученіе. 3. Сельское хозяйство. 4. Друзья и любимцы изъ міра животныхъ. 5. Садъ, цвѣт-

никъ и огородъ. 6. Искусство. 7. Спортъ. 8. Военне и морское дѣло. 9. Торговля и промышленность. 10. Изобрѣтенія и открытія. 11. Культура и наука. 12. Театръ и музыка. 13. Піанистъ. 14. Модная хроника. 15. Для смѣха. 16. Библіографія.

6) ЖУРНАЛЪ **ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА**

12 ежемѣсячныхъ книжекъ особаго и совершенно самостоятельнаго иллюстрированнаго журнала, выходящаго каждое первое число мѣсяца въ объемѣ 10-ти печатныхъ листовъ.

Въ 12-ти книжкахъ этого журнала подписчики „НОВИ" найдутъ богатый выборъ новыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній выдающихся писателей, со многими иллюстраціями.

7) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ ФОРМАТА IN--FOLIO

ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ.

Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

Полное и всестороннее описаніе Россійской Имперіи. Текстъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Рисунки на деревѣ лучшихъ художниковъ.

Подъ общей редакціей сенатора *П. П. Семенова*, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ двухъ роскошныхъ переплетахъ изъ англійскаго краснаго коленкора съ богатыми золототисненіями, въ папочныхъ футлярахъ.

Въ 1897 году подписчики получатъ описаніе МАЛОРОССІИ, ПОДОЛІИ и ВОЛЫНИ.

Первое посмертное полное собраніе сочиненій **Андрея Печерскаго** будетъ состоять изъ 14-ти переплетенныхъ томовъ и новое полное собраніе сочиненій **Владиміра Даля** будетъ состоять изъ 10-ти переплетенныхъ томовъ, что составитъ всего 24 тома въ 8-ю долю листа (величина каждой книги $5^1/_2 \times 8$ кв. дюйм.), каждый томъ объемомъ въ 20—35 печатн. листовъ, т. е. въ 300—550 стран.,

составляющихъ вмѣстѣ всего около 10,000 стран. Переплеты будутъ такіе же, какъ переплеты сочиненій Писемскаго. Въ 1897 году подписчики „НОВИ“ получатъ:

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО,

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Редакція „Нови“ теперь уже принимаетъ на себя обязательство дать, *въ видѣ безплатнаго дара* въ 1898 году:

остальные 8 томовъ полнаго собранія сочиненій АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

и остальные 4 тома полнаго собранія сочиненій ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Лица, желающія теперь же обезпечить себя въ отношеніи полученія и этихъ послѣднихъ томовъ сочиненій Печерскаго и Даля, могутъ подписываться сразу на два года, т. е. на 1897 и 1898 годы. Для этого нужно выслать подписную сумму за два года, а именно: вмѣсто годичной платы въ 14 р. безъ „Ежедневной Газеты“ и въ 18 р. съ „Ежедневною Газетою“, слѣдуетъ выслать 28 или же 36 рублей, и журналъ съ газетою или безъ оной, со всѣми приложеніями и безплатными преміями, будетъ высылаться этимъ подписчикамъ въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. начиная съ 1-го ноября 1896 года по 1-е ноября 1898 года.

Кромѣ первой половины полныхъ собраній сочиненій **Андрея Печерскаго** и **Владиміра Даля**, подписчики „Нови“ получатъ, какъ и въ предыдущіе четыре года, также и въ 1897 и въ 1898 году

по двѣ новыя переплетенныя книги

КАПИТАЛЬНѢЙШАГО ИЗДАНІЯ ОПИСАНІЯ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ

(служащія продолженіемъ полученныхъ ими въ истекающемъ и въ 1893, 1894 и 1895 годахъ восьми томовъ) въ двухъ великолѣпныхъ красныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ богатыми золототисненіями въ двухъ прочныхъ папочныхъ футлярахъ. 2 книги „Живописной Россіи“, предназначенныя къ выдачѣ въ 1898 году,

будутъ заключать въ себѣ описаніе Малороссіи, Подоліи и Волыни (губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской, Черниговской и Харьковской).

XVIII (1897) подписной годъ „НОВИ" начался съ 1-го ноября 1896 года.

Редакція „НОВИ" проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, желающихъ получать журналъ и газету, начиная съ 1-го ноября безпрерывно въ 1897 подписномъ году, озаботиться заблаговременною высылкою подписныхъ денегъ, въ.виду значительнаго скопленія къ концу подписного года, т. е. къ концу декабря, адресовъ, печатаніе, корректура и провѣрка которыхъ занимаетъ очень много времени.

Годовая подписная цѣна „НОВИ" съ „ЕЖЕДНЕВНОЮ ГАЗЕТОЮ" за 1897 годъ со всѣми приложеніями, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Андрея Печерскаго, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Владиміра Даля и съ двумя новыми переплетенными книгами „Живописной Россіи" вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за преміи, ихъ пересылку и проч. **18** руб.

Годовая цѣна „НОВИ" со всѣми перечисленными преміями и приложеніями, но безъ „ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ" остается та же какъ и прежде, т. е. **14 рублей** съ пересылкою. Поэтому лица, не желающія получать большую „ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ", могутъ вносить по прежнему только 14 р. за одну „НОВЬ" со всѣми указанными выше (подъ № 2, 3, 4, 5, 6 и 7), безплатными изданіями.

Этимъ подписчикамъ „ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА" всетаки будетъ высылаться безплатно, для ознакомленія, до 1-го января 1896 года. Затѣмъ, тѣ лица, которыя будутъ вполнѣ удовлетворены газетою и пожелаютъ получать ее дальше, т. е. въ теченіе всего 1897 подписного года, доплачиваютъ всего 4 рубля.

Допускается подписка на „НОВЬ" съ разсрочкою платежа: при самой подпискѣ высылается не менѣе 5 рублей, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе 1 р. 50 к. до полной уплаты всей подписной суммы, послѣ чего и высылаются безплатныя преміи.

Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ періодическихъ изданій Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, № 21; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, № 12, иногородные подписчики благоволятъ адресовать прямо въ редакцію „НОВИ", въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 16-я линія, собств. домъ, № 5—7.

Редакторъ и издатель *Александръ Маврикіевичъ Вольфъ.*

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“ при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особое вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи.

Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти навстрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—„библіотечную коммисію“, возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммисія принимаетъ на себя устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммисія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммисіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи“ полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ „въ библіотечную коммисію“, справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммисіи (*М. Д. Орѣховъ*, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера лично и секретаремъ коммисіи (д-ръ *Мандельбергъ, В. Е.*, Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Предсѣдатель Правленія проф. *П. Лесгафтъ.*

За секретаря *Дм. Головачевъ.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

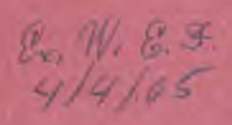
ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ въ 1897 году по той же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ и при тѣхъ же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ нынѣшнемъ году. Подробности см. на оборогѣ.

Для гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія.

Для избѣжанія недоразумѣній, редакція имѣетъ честь обратить вниманіе г. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія, что въ составъ подписнаго года входятъ лишь тѣ листы рѣшеній, которые изданы сенатскою типографіею съ 1-го января по 31-е декабря. Начальные листы какого либо года, начатые разсылкою въ концѣ года, новыми подписчиками могутъ быть пріобрѣтаемы особо, по разсчету 15 коп. за листъ.



6,

ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

КНИГА ШЕСТАЯ

ІЮНЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1897

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взымается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера выслать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р.—при переходѣ же городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса, высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученія отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіи листовъ кассаціонныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

/11

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

КНИГА ШЕСТАЯ

ІЮНЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1897

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Замѣтки и извѣстія.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

съ 18-го апрѣля по 16-е мая 1897 г.

Статьи 544—668.

Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства.

18 апрѣля № 38.

544. *О преобразованіи врачебной части въ Амурской и Приморской областяхъ и объ утвержденіи штата означенной части.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) Для завѣдыванія врачебною частью въ областяхъ Приморской и Амурской состоять: а) въ составѣ Приморскаго областнаго правленія—врачебное отдѣленіе, и б) при военномъ губернаторѣ Амурской области—врачебное управленіе.

2) Означенныя (ст. 1) установленія вѣдаютъ предметы, указанные для врачебныхъ отдѣленій губернскихъ правленій, причемъ, по Амурской области, дѣла, подлежащія разсмотрѣнію общаго присутствія губернскаго правленія, вносятся на разрѣшеніе военнаго губернатора.

3) На областнаго ветеринара Амурской области возлагаются общій по области надзоръ по ветеринарной части, производство дѣлъ, до этой части относящихся, а равно докладъ по онымъ губернатору и разъѣзды по области руководства мѣропріятіями противъ эпизоотій.

4) Относительно сельской врачебной части въ Амурской области

и въ округахъ Хабаровской и Удской, Приморской области, примѣняются правила, изложенныя въ статьяхъ 330 и 332 устава врачебнаго.

5) Расходы на содержаніе и устройство сельской врачебной части въ упомянутыхъ въ предшедшей (4) статьѣ округахъ обращаются на мѣстные областные земскіе сборы.

6) Въ Амурской области участковые сельскіе врачи и фельдшеры, при разъѣздахъ по округамъ для исполненія своихъ обязанностей, получаютъ безплатно обывательскія подводы.

II. Дѣйствующія постановленія о ветеринарной части въ Приморской области оставить въ силѣ.

III. Статьи 225 и 230 устава врачебнаго—исключить.

VI. Проектъ штата врачебныхъ установленій въ Приморской и Амурской областяхъ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе съ 1 іюля сего (1897) года.

V. Исчисленный по означенному (отд. IV) штату ежегодный расходъ, въ размѣрѣ восьмидесяти четырехъ тысячъ двухсотъ тридцати пяти рублей, отнести въ суммахъ: а) пятидесяти четырехъ тысячъ девятисотъ рублей—на средства государственнаго казначейства; б) десяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати рублей—на областные земскіе сборы Приморской области; в) тринадцати тысячъ двухсотъ двадцати рублей—на областные земскіе сборы Амурской области; г) двухъ тысячъ трехсотъ рублей—на счетъ процентнаго сбора съ гуртоваго скота; д) тысяти пятисотъ рублей—на средства города Владивостока, и е) тысячи пятисотъ рублей—на средства города Благовѣщенска.

VI. Новый, упадающій на средства государственнаго казначейства по отдѣлу V, расходъ покрыть въ текущемъ 1897 году на счетъ кредита въ двѣнадцать тысячъ шестьсотъ сорокъ восемь рублей, назначеннаго на сей предметъ къ условному отпуску по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1897 годъ, а недостающую сумму отнести на счетъ остатковъ по той же смѣтѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 10 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

545. *Объ утвержденіи устава Товарищества писчебумажной и картонной фабрикъ потомственнаго почетнаго гражданина Василія Семеновича Щеколдина.*

546. *Объ измѣненіи условій выпуска дополнительныхъ акціи Общества Александровскаго сталелитейнаго завода.*

547. *О дозволеніи свободнаго изготовленія издѣлій изъ золота въ губерніяхъ Пермской, Уфимской и Оренбургской.*

22 апрѣля № 39.

548. *Объ измѣненіи устава „Акціонернаго Общества залежей известковаго камня въ селѣ Ивановскомъ".*

549. *О принятіи подъ Августѣйшее Ея Императорскаго Величества Государыны Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительство Общество Тульскихъ врачей и содержимой имъ безплатной лѣчебницы.*

550. *Объ утвержденіи устава Московскаго Товарищества производства шелковыхъ мельничныхъ ситъ М. Дреземейера.*

551. *О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ Россійскаго Общества взаимнаго страхованія отъ падежа животныхъ.*

552. *Объ учрежденіи при Кавказскомъ Военно-Окружномъ Судѣ второй штатной должности переводчика.*

553. *Объ утвержденіи устава Кіевскаго коммерческаго училища, основаннаго Кіевскимъ Купеческимъ Обществомъ.*

554. *Объ утвержденіи устава Сельскохозяйственнаго Товарищества Землевладѣльцевъ Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.*

555. *Объ измѣненіи § 22 устава Общества Бердичевскаго водоснабженія.*

556. *О продленіи срока для образованія акціонернаго Общества посыльныхъ скороходовъ въ С.-Петербургѣ.*

25 апрѣля № 40.

557. *О деклараціи между Россіею и Испаніею о взаимномъ признаваніи мѣрительныхъ свидѣтельствъ.*

26 апрѣля № 41.

558. *Объ учрежденіи въ г. Батумѣ мужской гимназіи.*

559. *Объ утвержденіи устава учрежденія взаимной помощи рода бароновъ Бонингаузенъ-Будбергъ.*

560. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Русско-Бельгійское Общество металлическихъ издѣлій".*

561. *О расширеніи селитьбной площади гор. Симферополя.*

562. *Объ отпускѣ средствъ на спеціальное образованіе инженерныхъ войскъ и утвержденіи положенія о школахъ въ частяхъ инженерныхъ войскъ для подготовленія строевыхъ нижнихъ чиновъ къ производству въ унтеръ-офицеры.*

563. *О добавленіи въ штатъ Новгородскаго мѣстнаго лазарета одного обознаго нижняго чина и одной обозной лошади.*

564. *Объ увеличеніи штата С.-Петербургскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ.*

565. *О сокращеніи срока ношенія шинелей нѣкоторыми нижними чинами Балтійскаго флота и о выдачѣ пальто оставляющимъ службу нижнимъ чинамъ Балтійскихъ экипажей эскадры Тихаго Океана.*

566. *Объ отсрочкѣ открытія дѣйствій Управленія Государственными имуществами Иркутской губерніи.*

567. *Объ утвержденіи положенія о спеціальномъ образованіи Инженерныхъ войскъ.*

568. *Объ измѣненіи правилъ льготнаго проѣзда генераловъ, офицеровъ и военныхъ врачей по желѣзнымъ дорогамъ.*

569. *Объ утвержденіи правилъ воинскаго чинопочитанія и отданія чести отдѣльными лицами и въ составѣ командъ.*

29 апрѣля № 42.

570. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ узаконеній, касающихся распредѣленія обязанностей между уѣздными членами окружнаго суда.*

571. *Объ измѣненіи штата гербоваго казначейства, состоящаго при главномъ управленіи неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.*

572. *О нагрудныхъ знакахъ для докторовъ медицины и для врачей, имѣющихъ степень лекаря.*

573. *Объ увеличеніи основнаго капитала Перваго Общества подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи.*

574. *Объ измѣненіи устава Волынцевскаго Общества каменноугольной и горнозаводской промышленности.*

575. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Общество доменныхъ печей и фабрикъ на Ольховой въ Успенскѣ (Донецъ)".*

576. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества Лодзинской ниточной мануфактуры.*

577. *Объ утвержденіи рисунка и описанія форменной одежды учениковъ Кіевскаго коммерческаго училища.*

578. *О предоставленіи Государственному Дворянскому Земельному Банку для полученія средствъ на выдачу ссудъ въ теченіе 1897 и 1898 г. г. произвести первый выпускъ $3^1/_2$% закладныхъ листовъ на 100 милл. руб. и объ утвержденіи условій сего выпуска.*

579. *О введеніи въ дѣйствіе съ 1 января 1898 года восьми новыхъ, Высочайше утвержденныхъ 29 іюля 1896 года, флаговъ.*

580. *О мировыхъ судьяхъ въ мѣстностяхъ, поименованныхъ въ ст. 5 Высочайше утвержденныхъ 13 мая 1896 г. Временныхъ правилъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири.*

581. *О числѣ нотаріусовъ въ губерніяхъ Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской, а также въ Якутской области, и размѣрѣ залоговъ сихъ нотаріусовъ.*

582. *Объ измѣненіи устава Общества Восточно-Сибирскихъ чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ и механическихъ заводовъ.*

583. *Объ измѣненіи устава Грозненскаго нефтепромышленнаго Товарищества А. Р. Русановскій.*

584. *Объ утвержденіи устава и штата Белебеевской, Уфимскаго Губернскаго Земства, низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда.*

2 мая № 43.

585. *Объ измѣненіи порядка перехода повременныхъ изданій отъ одного лица къ другому.*

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ измѣненіи порядка перехода повременныхъ изданій отъ одного лица къ другому, полагалъ: въ видѣ временной мѣры, впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ правилъ о печати, постановить:

„Передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 117—119 Уст. Ценз".

Государь Императоръ, въ 28 день марта 1897 года, положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

586. *Объ учрежденіи двухъ лазаретовъ для увѣчныхъ питом-*

цевъ въ зданіяхъ Копорскаго и Ропшинскаго лазаретовъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома и объ утвержденіи штатовъ означенныхъ лазаретовъ.

587. *О милостяхъ и льготахъ для служащихъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи лицъ ко дню 2 мая 1897 года.*

588. *Объ учрежденіи десяти стипендій Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ столичныхъ Консерваторіяхъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества*

589. *Объ изданіи новаго положенія и штата сельскихъ школъ и пріютовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.*

590. *Объ установленіи второго старшаго оклада содержанія для учителей сельскихъ школъ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома.*

591. *О дарованіи, въ увѣковѣченіе исполняющагося 2 мая 1897 года столѣтія существованія Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, особыхъ знаковъ для ношенія на груди служащимъ въ семъ Вѣдомствѣ лицамъ.*

3 мая № 44.

592. *О дополненіи Высочайше утвержденнаго, 10 января 1889 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, пересматривающаго передачу общихъ мѣстъ заключенія области войска Донскаго въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и нѣкоторыя мѣры, сопряженныя съ симъ распоряженіемъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Высочайше утвержденное, 10 января 1889 г., мнѣніе Государственнаго Совѣта о передачѣ общихъ мѣстъ заключенія области войска Донскаго въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и о нѣкоторыхъ мѣрахъ, сопряженныхъ съ симъ распоряженіемъ (трет. полн. собр. зак., т. IX, № 5700), дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Всѣ присужденные до 1 января 1895 года денежные взысканія и штрафы, указанные въ статьѣ IV сего узаконенія, подлежатъ обращенію въ общій войсковой капиталъ Донскаго казачьяго войска“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 10 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

593. *О предоставленіи служебныхъ и пенсіонныхъ правъ лицамъ, занимающимъ учебно-воспитательныя должности по вѣдомству Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ и объ утвержденіи росписанія означенныхъ должностей.*

594. *Объ отнесеніи расходовъ на содержаніе чиновника особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ при Иркутскомъ Генералъ-Губернаторѣ на счетъ смѣты земскихъ повинностей Иркутской губерніи.*

595. *Объ учрежденіи одной новой должности члена въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ и объ упраздненіи одной такой же должности въ Костромскомъ окружномъ судѣ.*

596. *Объ учрежденіи Общества взаимной помощи горнозаводскихъ техниковъ западной горной области и объ утвержденіи устава сего Общества.*

597. *Объ утвержденіи положенія о Русскомъ Музеѣ Императора Александра III.*

598. *О формѣ обмундированія чиновъ полевыхъ казначействъ.*

599. *Объ учрежденіи въ Хуторѣ Ахтарскомъ, Темрюкскаго отдѣла, Кубанской области, должности нотаріуса.*

600. *Объ учрежденіи въ Московскомъ столичномъ судебно-мировомъ округѣ одной новой должности добавочнаго мироваго судьи.*

601. *Объ установленіи контроля надъ перевозкою въ разсыпочныя помѣщенія ящиковъ съ чаемъ, привозимымъ черезъ Иркутскую таможню и таможенныя учрежденія въ Семипалатинскомъ таможенномъ округѣ и Минусинскѣ.*

602. *Объ утвержденіи устава и штата Екатерининской низшей сельскохозяйственной школы 2-го разряда.*

603. *Объ утвержденіи устава больничной кассы для рабочихъ и служащихъ на галмейныхъ рудникахъ, арендуемыхъ отъ казны П. П. фонъ-Дервизомъ, А. А. Померанцевымъ и наслѣдниками Н. М. Шевцова.*

604. *Объ измѣненіи и дополненіи временныхъ правилъ для плаванія по внутреннимъ водянымъ путямъ.*

6 мая № 45.

605. *О горныхъ инженерахъ, зачисленныхъ по главному горному управленію.*

606. *О кредитѣ на усиленіе средствъ Главной физической обсерваторіи.*

607. *Объ учрежденіи въ селеніи Карабалтахъ, Аулiэатинскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области, православнаго церковнаго причта.*

608. *О продленіи срока дѣйствія въ Туркестанскомъ краѣ и Семирѣченской области особыхъ правилъ по табачной части.*

609. *Объ учрежденіи при Его Высочествѣ Принцѣ Александрѣ Петровичѣ Ольденбургскомъ должности секретаря.*

610. *Объ утвержденіи устава Сѣвернаго Общества целлюлознаго и писчебумажнаго производства.*

611. *О предоставленіи Попечительному Комитету Елисаветинской Клинической больницы для малолѣтнихъ дѣтей права разрѣшать собственною властью покрытіе передержекъ въ расходахъ сбереженіями по всѣмъ второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты заведенія.*

612. *Объ учрежденіи въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одной новой должности Помощника Старшаго Чиновника.*

613. *Объ измѣненіи штата Экспедиціи Церемоніальныхъ Дѣлъ.*

614. *Объ изданіи XIII Тома Третьяго Полнаго Собранія Законовъ и 1 Части XI Тома Свода Законовъ (Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій).*

Государственный Секретарь увѣдомилъ, что составленные Государственною Канцеляріею и отпечатанные въ Государственной Типографіи XIII Томъ Третьяго Полнаго Собранія Законовъ, заключающій въ себѣ узаконенія за 1893 годъ, и I часть XI Тома Свода Законовъ (Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій) всеподданнѣйше повергнуты имъ, Статсъ-Секретаремъ фонъ-Плеве, на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора.

Его Императорское Величество, соблаговоливъ принять экземпляры означенныхъ изданій, въ 9 день апрѣля 1897 г., Высочайше соизволилъ на внесеніе оныхъ въ Правительствующій Сенатъ, для обнародованія.

О таковой Монаршей волѣ Министръ Юстиціи, 24 апрѣля 1897 г., предложилъ Правительствующему Сенату, съ препровожденіемъ экземпляровъ упомянутыхъ изданій, присовокупляя, что Уставамъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій Высочайше повелѣно присвоить наименованіе изданія 1896 года.

615. *Объ учрежденіи въ С.-Петербургской Консерваторіи Импе-*

раторскаго Русскаго Музыкальнаго Общества стипендіи имени Э. Ф. Направника и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.

616. *Объ утвержденіи устава С.-Петербургскаго Общества для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности.*

617. *Объ измѣненіи устава Варшавскаго Городскаго Кредитнаго Общества.*

618. *Объ измѣненіи устава Минскаго Городскаго Кредитнаго Общества.*

619. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Лысьвенскаго горно-заводскаго Общества.*

620. *Объ измѣненіи устава Полтавскаго Земельнаго Банка.*

621. *Объ отсрочкѣ на 6 мѣсяцевъ собранія основнаго капитала „Волынцевскаго Общества каменно-угольной и горнозаводской промышленности".*

622. *Объ образованіи на западно-Сибирской желѣзной дорогѣ контрольной части для ревизіи оборотовъ эксплоатаціи этой дороги, подъ наименованіемъ „Контроль Западно-Сибирской желѣзной дороги".*

9 мая № 46.

623. *О сокращеніи льготныхъ сроковъ для дѣйствія смѣтныхъ кредитовъ.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 г. смѣтныхъ правилъ (Второе Полн. Собр. Зак. Россійск. Имп. № 38,309) постановить:

1) Крайнимъ предѣломъ дѣйствія льготнаго срока для расходовъ всѣхъ вообще вѣдомствъ, за исключеніемъ военнаго полагается, 31 марта, а для Министерства Военнаго—30 апрѣля слѣдующаго за смѣтнымъ года.

2) Право проживающихъ въ губерніяхъ и областяхъ распорядителей кредитовъ (кромѣ начальниковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ) на выдачу предписаній и обязанность мѣстныхъ кассъ на удовлетвореніе сихъ предписаній прекращаются однимъ мѣсяцемъ ранѣе общаго срока заключенія смѣтъ (31 марта слѣдующаго за смѣтнымъ года), установленнаго для всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій.

Примѣчаніе. Начальники казенныхъ желѣзныхъ дорогъ сохра-

няютъ право распоряженія эксплоатаціонными кредитами въ теченіе того-же срока, какой установленъ для центральныхъ управленій (п. 1).

II. Опредѣленный ст. 1 порядокъ закрытія смѣтныхъ кредитовъ ввести въ дѣйствіе съ 1898 года.

III. Предоставить Государственному Контролеру, совмѣстно съ Министромъ Финансовъ, не позже трехъ лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе сокращеннаго льготнаго срока, войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ установленіи новаго срока представленія Государственному Совѣту отчетовъ по исполненію государственныхъ росписей.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 24 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

624. *О дополненіи ст. 3 смѣтныхъ правилъ постановленіемъ, разрѣшающимъ причисленіе къ спеціальнымъ средствамъ пожертвованій для спеціальныхъ цѣлей, безъ испрошенія каждый разъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Ст. 3 Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 г. смѣтныхъ правилъ (Втор. Полн. Собр. Зак. Россійск. Имп. № 38309) дополнить слѣдующими постановленіями:

1) Поступающія, на основаніи послѣдовавшихъ въ установленномъ порядкѣ разрѣшеній, денежныя для опредѣленныхъ цѣлей пожертвованія причисляются къ спеціальнымъ средствамъ того вѣдомства, въ распоряженіе коего эти пожертвованія предоставлены, безъ испрошенія особаго въ законодательномъ порядкѣ Высочайшаго повелѣнія. О всѣхъ таковыхъ пожертвованіяхъ подлежащія вѣдомства обязаны немедленно сообщать Государственному Контролю.

2) Суммы, причисленныя указаннымъ (п. 1) порядкомъ къ спеціальнымъ средствамъ, вносятся въ представляемыя въ Государственный Совѣтъ подлежащими вѣдомствами смѣты означенныхъ средствъ.

II. Дѣйствіе изложенныхъ въ предшествующемъ пунктѣ сего заключенія правилъ распространить на всѣ числящіяся въ депозитахъ и не внесенныя еще въ смѣты спеціальныхъ средствъ пожертвованія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ

Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 24 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

625. *О суммахъ дополнительнаго раскладочнаго сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій по губерніямъ и областямъ на 1897 годъ и объ утвержденіи росписанія раскладочнаго сбора съ гильдейскихъ и негильдейскихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а равно и съ принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ фабрикъ и заводовъ, обложенныхъ акцизными сборами, на 1897 годъ.*

626. *О кредитѣ на оросительныя и обводнительныя работы на югѣ Россіи и на Кавказѣ и объ утвержденіи временнаго росписанія должностей и окладовъ содержанія чиновъ экспедиціи по орошенію юга Россіи.*

627. *Объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу казны съ видовъ на жительство.*

Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Всѣ выдаваемые въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, русскимъ подданнымъ паспортные документы и виды, а именно: паспортныя книжки, паспорты, плакатные паспорты, письменные виды, билеты, временныя свидѣтельства о личности, а равно и отсрочки по означеннымъ документамъ освободить отъ взиманія въ казну паспортнаго, а равно и гербоваго сборовъ.

II. Установленные положеніемъ о видахъ на жительство паспорты на три и на шесть мѣсяцевъ и безплатные билеты, а также выдаваемые на основаніи приложенія къ ст. 39 (прим.) означеннаго положенія мѣсячные и двухмѣсячные билеты, облагаемые гербовымъ сборомъ и полугодовые плакатные паспорты—отмѣнить.

III. Съ паспортныхъ книжекъ взыскивать въ пользу казны заготовительную ихъ цѣну въ размѣрѣ пятнадцати копѣекъ съ каждой книжки. Лицамъ, имѣющимъ право на полученіе безсрочныхъ безплатныхъ билетовъ, выдавать безсрочныя паспортныя книжки, безъ обложенія ихъ означенною заготовительною въ пользу казны платою.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 7 апрѣля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

628. *Объ утвержденіи устава Товарищества Виленскаго химическаго завода.*

629. *Объ утвержденіи устава Общества С.-Петербургскаго масляного завода „Астра“.*

630. *Объ устройствѣ дополнительной части Волжской вѣтви и расходахъ по постройкѣ Мытищенскаго пути и Волжской вѣтви Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.*

631. *О передачѣ казенной желѣзнодорожной вѣтви между станціями Курскъ-I, Московско-Курской желѣзной дороги и Курскъ-II (городъ) въ аренду Обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги.*

632. *Объ учрежденіи двухъ сверхштатныхъ должностей врачей при Кіевскихъ женскихъ гимназіяхъ.*

633. *Объ учрежденіи въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ Училищѣ дополнительнаго-практическаго, конторскаго и приготовительнаго классовъ и о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ уставѣ и штатѣ сего Училища.*

634. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Высочайше утвержденномъ 8 августа 1896 года положеніи о форменной одеждѣ для чиновъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

635. *Объ учебномъ сборѣ въ 1897 году въ Либавѣ, Севастополѣ и Архангельскѣ лицъ, зачисленныхъ въ запасъ флота по 64 статьѣ Устава о воинской повинности.*

636. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи дополнительнаго выпуска Восточнаго Общества товарныхъ складовъ, страхованія и транспортированія товаровъ, съ выдачею ссудъ.*

637. *О прекращеніи существованія Общества Московско-Брестской желѣзной дороги.*

638. *Объ измѣненіи устава Московскаго Купеческаго Банка.*

639. *Объ измѣненіи устава акціонернаго Общества вагоностроительныхъ и механическихъ заводовъ „Фениксъ“.*

640. *О дополненіи параграфа 2 „правилъ безплатнаго по желѣзнымъ дорогамъ проѣзда правительственныхъ должностныхъ лицъ“.*

13 мая № 47.

641. *Объ утвержденіи положенія о сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и штата оныхъ.*

642. *О введеніи въ городскихъ поселеніяхъ Кубанской области*

и Закавказья, взамѣнъ подымной подати, государственнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Взимаемую нынѣ въ г. Анапѣ, Кубанской области, и въ городскихъ поселеніяхъ Закавказья подымную подать отмѣнить съ 1 января 1898 года.

II. Ввести съ того же срока (отд. I) во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ Кубанской области и Закавказья государственный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, на основаніи ст. 32—63 уст. прям. нал. (св. зак., т. V, изд. 1893 г.) и нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Установленное прим. 1 къ ст. 36 уст. прям. нал. распредѣленіе между городскими поселеніями суммы налога, назначенной для губерніи или области, производится мѣстнымъ губернскимъ или областнымъ правленіемъ, а въ Черноморской губерніи—общимъ присутствіемъ. Въ областяхъ Дагестанской и Карсской означенное распредѣленіе производится военными губернаторами, по соглашенію съ управляющими казенными палатами, а если такого соглашенія не послѣдуетъ, то Совѣтомъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

2) Раскладка между отдѣльными недвижимыми имуществами суммы налога, слѣдующей съ каждаго городскаго поселенія, производится особыми коммисіями, образуемыми, подъ предсѣдательствомъ податнаго инспектора, изъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ подлежащаго городскаго поселенія, въ числѣ отъ двухъ до шести, и депутатовъ отъ тѣхъ вѣдомствъ, недвижимыя имущества коихъ подлежатъ налогу. Избраніе въ члены коммисіи владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и опредѣленіе ихъ числа, въ вышеозначенныхъ предѣлахъ, принадлежитъ городской думѣ или замѣняющему ее учрежденію.

Примѣчаніе. Въ городскихъ поселеніяхъ, упомянутыхъ въ ст. 133 учр. Кавк. (св. зак., т. II, по прод. 1895 г.), избраніе въ члены особыхъ коммисій владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и опредѣленіе ихъ числа въ предѣлахъ, указанныхъ въ сей (2) статьѣ, принадлежитъ мѣстнымъ городскимъ обществамъ.

3) Особыя коммисіи (ст. 2) производятъ раскладку налога между отдѣльными городскими недвижимыми имуществами по дѣйствительной ихъ стоимости, опредѣляемой коммисіями.

4) Разсмотрѣніе жалобъ на раскладку налога между отдѣль-

ными городскими недвижимыми имуществами, а также утвержденіе раскладки возлагается на губернское или областное правленіе, въ Черноморской губерніи—на общее присутствіе, въ Дагестанской и Карсской областяхъ—на военныхъ губернаторовъ, а по Закатальскому округу—на Тифлисское губернское правленіе.

5) Дѣла, означенныя въ ст. 1 и 4, разсматриваются упомянутыми въ сихъ статьяхъ учрежденіями при участіи управляющихъ казенными палатами, а въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ палатъ—при участіи податнаго инспектора губернскаго или областнаго города.

Примѣчаніе. Засѣдающій въ губернскомъ или областномъ правленіи или въ общемъ присутствіи Черноморской губерніи податной инспекторъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ учрежденіяхъ разсматриваются жалобы на раскладку налога, произведенную особою коммисіею, предсѣдателемъ которой онъ состоялъ, замѣняется другимъ податнымъ инспекторомъ, по назначенію управляющаго казенною палатою.

6) По исправленіи, въ чемъ окажется нужнымъ, и утвержденіи раскладокъ, раскладочная вѣдомость сообщается подлежащей городской управѣ или замѣняющему ее учрежденію для составленія окладныхъ листовъ и разсылки ихъ въ установленные сроки владѣльцамъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ или завѣдывающимъ оными. На городскую управу или замѣняющее ее учрежденіе возлагается пріемъ отъ плательщиковъ налога, веденіе окладныхъ книгъ и счетоводства, а также передача поступающихъ въ уплату налога суммъ въ казначейства.

7) Размѣръ издержекъ особыхъ коммисій, а также городскихъ управленій, на дѣлопроизводство и счетоводство по раскладкѣ и взиманію налога опредѣляется для каждаго городскаго поселенія Совѣтомъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Издержки сіи распредѣляются между владѣльцами облагаемыхъ имуществъ особыми коммисіями, въ дополненіе къ суммѣ налога.

8) Инструкціи особымъ коммисіямъ и городскимъ управленіямъ относительно производства оцѣнокъ, раскладки и взиманія налога, взысканія недоимокъ и веденія счетоводства издаются Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ или Военнымъ, по принадлежности, а также съ Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ.

III. Вѣдомость о суммахъ, слѣдующихъ въ 1898 году по Ку-

банской области и по Закавказью въ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, 24 марта 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

643. *Объ учрежденіи въ селеніяхъ Николаевскомъ и Надеждинскомъ, Самаркандской области, православныхъ церковныхъ причтовъ.*

644. *О назначеніи станицы Славянской мѣстопребываніемъ управленія Темрюкскаго отдѣла, Кубанской области.*

645. *Объ отпускѣ изъ суммъ губернскаго земскаго сбора Подольской губерніи кредита на устройство сельскихъ лечебныхъ заведеній.*

646. *О размѣрѣ сбора на возмѣщеніе расходовъ по надзору за страхованіемъ на трехлѣтіе съ 1 января 1897 г. по 1 января 1900 г.*

647. *Объ увеличеніи кредита на содержаніе Черноморскаго хора пѣвчихъ.*

648. *Объ утвержденіи устава Виленскаго акціонернаго общества пивоваренія „Шопенъ".*

649. *Объ учрежденіи въ принадлежащемъ Императорскому Человѣколюбивому Обществу Пріютѣ грудныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ должностей завѣдывающаго и врача съ правами государственной службы и о предоставленіи почетнымъ членамъ названнаго заведенія права ношенія мундира вѣдомства Человѣколюбиваго Общества.*

650. *Объ утвержденіи штата полицейской команды посада Турлакъ, Бессарабской губерніи.*

651. *О продленіи срока для взноса 20% строительнаго капитала Либаво-Газенпотскаго подъѣзднаго пути.*

13 мая № 48.

652. *Объ утвержденіи положенія о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.*

16 мая № 49.

653. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ составѣ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ и въ управленіи Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею.* (Указъ Правительствующаго Сената).

Признавъ за благо произвести нѣкоторыя измѣненія въ опредѣленномъ Именнымъ Указомъ и Положеніемъ 6-го мая 1894 года составѣ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ и въ управленіи Собственною Нашею Канцеляріею, Повелѣваемъ:

1) Канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ освободить отъ предсѣдательствованія въ поименованномъ Комитетѣ.

2) Предсѣдательствованіе въ семъ Комитетѣ соединить съ управленіемъ Собственною Нашею канцеляріею и вмѣстѣ съ тѣмъ переименовать Управляющаго оною въ Главноуправляющаго Нашею Канцеляріею, каковую должность отнести ко второму классу и второму же разряду по шитью на мундирѣ.

3) Главноуправляющему Собственною Нашею Канцеляріею присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ по разсматриваемымъ въ сихъ установленіяхъ дѣламъ о мѣропріятіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданской службѣ.

4) Учредить въ Канцеляріи Нашей должность Товарища Главноуправляющаго, коему состоять на правахъ Товарища Министра и быть, по должности, Членомъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, съ производствомъ ему оклада содержанія изъ казны по десяти тысячъ рублей въ годъ.

5) Должность Помощника Управляющаго Нашею Канцеляріею упразднить а для управленія дѣлами названнаго Комитета и для завѣдыванія, на правахъ Директора Департамента, Инспекторскимъ Отдѣломъ Собственной Нашей Канцеляріи образовать особую должность Управляющаго дѣлами Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, съ присвоеніемъ ей четвертаго класса и четвертаго же разряда по шитью на мундирѣ Нашей Канцеляріи и оклада содержанія изъ казны по семи тысячъ рублей въ годъ, каковой расходъ въ текущемъ году обратить на остатокъ отъ суммы ассигнованной на содержаніе по упраздняемой должности Помощника Управляющаго, а съ 1898 года вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты Нашей Канцеляріи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: „НИКОЛАЙ".

Въ Царскомъ Селѣ.
14 мая 1897 года.

654. *О земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ на 1897 годъ въ степныхъ областяхъ.*

655. *Объ измѣненіи узаконеній, касающихся взысканій за лѣсные проступки и порядка производства дѣлъ по означеннымъ нарушеніямъ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ замѣнъ статьи 20[1] устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV ч. 1, по прод. 1895 г.), а также въ измѣненіе статьи 691 устава лѣснаго (свод. зак., т. XIII ч. I, изд. 1893 г.) и статей 729 и 745 законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, (свод. зак., т. XVI, ч. II, изд. 1892 г.) и другихъ подлежащихъ узаконеній, постановить:

По дѣламъ о совершенныхъ въ казенныхъ или частныхъ лѣсахъ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ статьею 155 (по прод. 1895 г.) и пунктами 1—5 статьи 158 (по прод. 1895 г.), а равно статьями 161, 161[1] и 164 сего устава, обвиняемому, если онъ, по закону, можетъ подлежать только денежному въ пользу лѣсовладѣльца взысканію и отобранію лѣса или лѣсныхъ издѣлій (ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія), предоставляется, до постановленія приговора, прекратить производство дѣла, внесеніемъ слѣдующей въ пользу лѣсовладѣльца суммы и возвращеніемъ ему похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса или стоимости онаго. По дѣламъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 156 (по прод. 1895 г.), означенное право предоставляется обвиняемому, когда проступокъ учиненъ въ первый разъ.

II. Въ измѣненіе и дополненіи подлежащихъ статей устава лѣснаго (свод. зак., т. VIII, ч. I, изд. 1893 г.) и законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, (Св. Зак., т. XVI, ч. II, изд. 1892 г.), а также другихъ узаконеній, относительно производства дѣлъ по нарушеніямъ въ казенныхъ лѣсахъ во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, кромѣ губерній Царства Польскаго, постановить:

1) Дѣла по нарушеніямъ въ казенныхъ лѣсахъ, предусмотрѣннымъ статьями 155 (по прод. 1895 г.) и 156 (по прод. 1895 г.) и пунктами 1—5 статьи 158 (по прод. 1895 г.), а равно статьями 161, 161[1] и 164 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, ч. I, изд. 1885 г.), хотя бы обвиняемому, по закону, сверхъ денежныхъ въ пользу казны взысканій и отобра-

нія лѣса или лѣсныхъ издѣлій (ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія), угрожало наказаніе, денежное или личное,—производятся съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ (ст. 2—11).

2) На основаніи составленнаго установленнымъ порядкомъ протокола о проступкѣ, коимъ казнѣ причиненъ убытокъ на сумму не свыше пяти рублей, исчисленный по таксѣ лѣснымъ матеріаламъ, утвержденной согласно статьѣ 223 устава лѣснаго, лѣсничій постановляетъ о наложеніи на обвиняемаго слѣдующаго съ него въ пользу казны денежнаго взысканія (уст. наказ., ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія, ст. 161 и 161[1]), опредѣляя размѣръ онаго сообразно упомянутой выше таксѣ, а также объ отобраніи похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса и противозаконно заготовленныхъ изъ него издѣлій (уст. наказ., ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія, ст. 164) и, на случай невозможности сего, объ уплатѣ обвиняемымъ стоимости лѣса или издѣлій по той же таксѣ. По нарушеніямъ, коими казнѣ нанесенъ исчисленный указаннымъ выше порядкомъ убытокъ на большую, чѣмъ пять рублей, сумму, постановленіе на томъ же, опредѣленномъ выше, основаніи составляетъ управляющій мѣстными государственными имуществами, по полученіи протокола отъ лѣсничаго.

3) Постановленіе о наложеніи на обвиняемаго денежнаго взысканія должно быть изготовлено лѣсничимъ не позднѣе семи дней со дня составленія потокола, или со дня полученія его отъ подвѣдомственныхъ лѣсничему чиновъ, если при этомъ обвиняемый былъ извѣстенъ, и не позднѣе того же срока со дня обнаруженія обвиняемаго, если онъ при составленіи протокола не былъ извѣстенъ. Управляющій государственными имуществами обязанъ изготовить постановленіе о наложеніи взысканія на обвиняемаго не позднѣе семи дней по полученіи отъ лѣсничаго протокола, въ которомъ указанъ обвиняемый, и не позднѣе того же срока по полученіи донесенія лѣсничаго о обнаруженіи обвиняемаго, если онъ при составленіи протокола не былъ извѣстенъ.

4) Постановленіе (ст. 2 и 3) объявляется обвиняемому съ роспискою его на объявленіи и съ предоставленіемъ ему въ двухнедѣльный со дня объявленія срокъ заявить о своемъ согласіи подчиниться состоявшемуся о немъ постановленію. Въ случаѣ

отказа обвиняемаго расписаться въ объявленіи ему постановленія, объ этомъ дѣлается отмѣтка на самомъ объявленіи.

5) Если обвиняемый, на котораго постановленіемъ наложено взысканіе, въ теченіе двухнедѣльнаго срока со дня объявленія ему постановленія, не заявитъ о своемъ согласіи подчиниться оному, то дѣло обращается къ судебному производству въ общемъ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны.

6) Въ случаѣ согласія подчиниться постановленію (ст. 2 и 3), обвиняемый уплачиваетъ наложенное на него взысканіе или разомъ, не позднѣе двухъ мѣсяцевъ со дня изъявленія согласія, или же въ разсрочку, которая можетъ быть допущена: лѣсничимъ—не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ со времени, когда обвиняемый подчинится постановленію, а управляющимъ государственными имуществами—не болѣе одного года съ того же времени.

7) Обвиняемый, если пожелаетъ, можетъ наложенное постановленіемъ взысканіе, въ полной суммѣ или въ части, отработать на казенныхъ лѣсныхъ работахъ, при согласіи на то лѣсничаго. Выборъ работъ, а равно назначеніе времени ихъ исполненія зависитъ отъ лѣсничаго, а расчетъ по произведеннымъ, въ возмѣщеніе взысканія, работамъ можетъ быть допущенъ поденный или посдѣльный, согласно существующимъ мѣстнымъ справочнымъ цѣнамъ.

8) Если обвиняемый, изъявившій согласіе подчиниться постановленію лѣсничаго, не внесетъ въ назначенный срокъ наложеннаго на него взысканія или, при данной ему разсрочкѣ, не уплатитъ какой либо части взысканія къ опредѣленному сроку, или же, изъявивъ желаніе возмѣстить взысканіе лѣсными работами, неявиться на нихъ по приглашенію лѣсничаго, или не окончитъ ихъ, или вообще въ чемъ либо не исполнитъ принятаго на себя обязательства, то взысканіе неуплаченной или неотработанной обвиняемымъ суммы производится съ него чрезъ полицію.

9) Если обвиняемый, изъявившій согласіе подчиниться постановленію управляющаго государственными имуществами, не внесетъ въ назначенной срокъ наложеннаго на него взысканія или, при данной ему разсрочкѣ, не уплатитъ какой либо части взысканія къ опредѣленному сроку, или же, изъявивъ желаніе возмѣстить взысканіе лѣсными работами, не явится на нихъ по приглашенію лѣсничаго или не окончитъ ихъ, или вообще въ чемъ либо

не исполнитъ принятаго на себя обязательства, то управляющій государственными имуществами или дѣлаетъ распоряженіе о взысканіи неуплаченной или неотработанной обвиняемымъ суммы чрезъ полицію въ административномъ порядкѣ, или же обращаетъ дѣло къ судебному производству въ общемъ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны.

10) Дѣло о взысканіи, направленное управляющимъ государственными имуществами, согласно статьѣ 9, въ административномъ порядкѣ, не можетъ быть обращено къ судебному производству, хотя бы обвиняемый оказался впослѣдствіи несостоятельнымъ къ уплатѣ взысканія.

11) Въ случаѣ учиненія нарушенія (ст. 1) однимъ и тѣмъ же лицомъ въ третій или болѣе разъ, дѣло во всякомъ случаѣ обращается къ судебному производству.

III. Примѣчаніе 2 къ статьѣ 1 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.), изложить слѣдующимъ образомъ:

Примѣчаніе 2. Проступки, предусмотрѣнные въ статьяхъ 155 (по прод. 1895 г.), 156 (по прод. 1895 г.), 158 (по прод. 1895 г.), 159 и 161 сего устава, подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ или поврежденныхъ лѣсныхъ произведеній не превышаетъ трехсотъ рублей (ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія).

IV. Главу первую устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.), дополнить слѣдующею (18[1]) статьею:

18[1]. Дѣла по нарушеніямъ узаконеній о частныхъ лѣсахъ, указаннымъ въ статьяхъ 155 (по прод. 1995 г.) и 156 (по прод. 1895 г.) и въ пунктахъ 1—5 статьи 158 (по прод. 1895 г.), начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго лѣсовладѣльца.

V. Статьи 20 и 158[1] устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, ч. 1, по прод. 1895 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Статья 20. Проступки, означенные въ статьяхъ 18 (по прод. 1895 г.), 18[1] (отд. IV наст. узак.) и 19, не влекутъ за собою наказанія, въ случаѣ примиренія обиженнаго или потерпѣвшаго убытокъ съ виновнымъ въ проступкѣ лицомъ.

Статья 158[1]. Виновные въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ статьями 155 (по прод. 1895 г.), 156 (по прод. 1895 г.) и 158 (по прод. 1895 г.), сверхъ означенныхъ въ сихъ статьяхъ взысканій и наказаній, обязаны уплатить въ пользу казны или частнаго владѣльца лѣса, по принадлежности, двойную стоимость похищеннаго, самовольно срубленнаго, поврежденнаго или незаконно пріобрѣтеннаго лѣса или противозаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій по таксѣ, составляемой на основаніи статьи 698 устава лѣснаго. Въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ этого взысканія, они подлежатъ аресту или заключенію въ тюрьмѣ по правиламъ статьи 7 сего устава и статьи 84 уложенія о наказаніяхъ. Независимо отъ сего, похищенный или самовольно срубленный лѣсъ и противозаконно заготовленныя изъ него издѣлія отбираются и возвращаются лѣсовладѣльцу, а въ случаѣ невозможности сего—взыскивается съ виновныхъ въ пользу лѣсовладѣльца стоимость лѣса или издѣлій по указанной выше таксѣ.

VI. Примѣчаніе 2 къ ст. 33 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Примѣчаніе 2. Проступки, предусмотрѣнные въ статьяхъ 155 (по прод. 1895 г.), 156 (по прод. 1895 г.), 158 (по прод. 1895 г.), 159 и 161 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ или поврежденныхъ лѣсныхъ произведеній не превышаетъ трехсотъ рублей (уст. наказ., нал. мир. суд., ст. 158[1], измѣненная согласно отдѣлу V сего узаконенія).

VII. Отдѣленіе первое главы первой раздѣла IV устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить слѣдующею (1125[4]) статьею:

1125[4]. Дѣла по нарушеніямъ въ казенныхъ лѣсахъ, предусмотрѣннымъ статьями 155 (по прод. 1895 г.) и 156 (по прод. 1895 г.) и пунктами 1—5 статьи 158 (по прод. 1895 г.), а равно статьями 161, 161[1] и 164 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.), обращаются къ судебному производству въ общемъ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны: 1) если лицо, на которое наложено взысканіе по постановленію лѣсничаго или управляющаго государственными иму-

ществами, не заявить, въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока, о согласіи подчиниться сему постановленію; 2) если лицо, изъявившее согласіе подчиниться постановленію управляющаго государственными имуществами, не внесетъ въ назначенный срокъ наложеннаго на него взысканія или, при данной ему разсрочкѣ, не уплатитъ какой либо части взысканія къ опредѣленному сроку, а равно, изъявивъ желаніе возмѣстить взысканіе лѣсными работами, не явится на нихъ, по приглашенію лѣсничаго, или не окончитъ ихъ, или вообще въ чемъ либо не исполнитъ принятаго на себя обязательства, и если притомъ управляющій государственными имуществами не сдѣлаетъ распоряженія о взысканіи неуплаченной или неотработанной обвиняемымъ суммы чрезъ полицію въ административномъ порядкѣ, и 3) если проступокъ, предусмотрѣнный упомянутыми выше статьями устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, учиненъ однимъ и тѣмъ же лицомъ въ третій или болѣе разъ. Дѣло о взысканіи неуплаченной обвиняемымъ суммы, направленное управляющимъ государственными имуществами въ порядкѣ административномъ, не можетъ быть обращаемо къ судебному разсмотрѣнію, хотя бы обвиняемый оказался впослѣдствіи несостоятельнымъ къ уплатѣ взысканія.

VIII. Правила, содержащіяся въ отдѣлѣ II настоящаго узаконенія, примѣнить къ тѣмъ, учиненнымъ до его обнародованія, нарушеніямъ узаконеній о казенныхъ лѣсахъ, по коимъ дѣла не переданы еще въ надлежащія судебныя установленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 7 апрѣля 1897 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

656. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Луганская фабрика для производства ручныхъ инструментовъ и орудій“.*

657. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества обработки хлѣбныхъ продуктовъ на Ольгинской паровой мельницѣ въ г. Варшавѣ.*

658. *О привозѣ изъ-за границы сѣмянныхъ дрожжей для надобностей винодѣлія.*

659. *Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Германскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Акціонерное Общество для сушки дробины“.*

660. *Объ утвержденіи программы для составленія годовыхъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ.*

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ записку Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 26 февраля 1897 г., за № 239 объ установленіи новой формы общихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ о состояніи губерній, областей и градоначальствъ и объ управленіи оными, полагалъ:

Проектъ программы для составленія годовыхъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ, исправленный по замѣчаніямъ Комитета Министровъ, поднести на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Государь Императоръ на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ, а проектъ программы удостоенъ разсмотрѣнія и утвержденія Его Величества, въ С.-Петербургѣ, въ 11 день апрѣля 1897 года.

На подлинномъ написано: «Государь Императоръ разсматривалъ и Высочайше утвердить соизволилъ, въ С.-Петербургѣ, въ 11 день апрѣля 1897 года».

ПРОГРАММА.

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ГУБЕРНАТОРСКИХЪ ОТЧЕТОВЪ.

I. Всеподданнѣйшій отчетъ N Губернатора.

1) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи губерніи должно быть изъяснено въ краткомъ и связномъ очеркѣ, безъ излишнихъ цифровыхъ данныхъ и подробностей, чѣмъ именно отразился (благопріятно или неблагопріятно) отчетный годъ на различныхъ сторонахъ матеріальной, умственной и нравственной жизни губерніи, какъ-то: на народномъ здравіи, народномъ продовольствіи, хозяйствѣ или вообще экономической дѣятельности населенія, поступленіи сборовъ и исполненіи повинностей, народномъ образованіи и нравственности, на общественномъ благоустройствѣ губерніи и т. п., въ зависимости отъ естественныхъ причинъ, отъ принятыхъ Правительствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, а также отъ результатовъ и направленія дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій. Въ отчетахъ по губерніямъ пограничнымъ и приморскимъ можетъ быть упомянуто о важнѣйшихъ явленіяхъ въ заграничныхъ сношеніяхъ какъ мѣстнаго населенія, такъ и администраціи, и въ частности о замѣченныхъ въ губерніи послѣдствіяхъ новыхъ международныхъ соглашеній по части торговли, полиціи и вопросовъ о государственной границѣ.

2) Независимо отъ сего, начальнику губерніи предоставляется

указывать въ отчетѣ на важнѣйшія за отчетный годъ явленія мѣстной жизни, на факты выдающейся благотворительности или самоотверженной человѣколюбивой дѣятельности мѣстныхъ жителей и на т. п. данныя, достойныя, по общественному ихъ значенію, Высочайшаго вниманія.

3) Равнымъ образомъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ надлежитъ изъяснить важнѣйшія нужды и потребности мѣстнаго населенія и органовъ управленія и главнѣйшія мѣры, принятіе коихъ, по мнѣнію начальника губерніи, могло бы способствовать удовлетворенію означенныхъ потребностей. При изложеніи соображеній по симъ предметамъ должно быть указано, были ли сдѣланы по онымъ представленія въ подлежащія вѣдомства, а если не сдѣланы, то какія приняты мѣры къ разработкѣ вопроса на мѣстѣ, для представленія таковаго впослѣдствіи на разрѣшеніе Высшаго Правительства.

II. Приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету.

Въ приложеніи должны быть помѣщены подробно и обстоятельно разработанныя статистическія данныя, служащія подтвержденіемъ тѣхъ изложенныхъ въ отчетѣ выводовъ и предположеній начальника губерніи, которыя, по его мнѣнію заслуживаютъ особаго Монаршаго вниманія.

661. *Объ утвержденіи устава хлѣбной биржи г. Воронежа.*

662. *Объ учрежденіи должности архитектора при Кіевскихъ женскихъ гимназіяхъ.*

663. *Объ учрежденіи при Казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ должности врача-консультанта по женскимъ болѣзнямъ.*

664. *О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ, подъ Свое Августѣйшее покровительство, Россійскаго Общества сельскохозяйственнаго птицеводства.*

665. *О принятіи Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцессой Евгеніей Максиміиліановной званія Почетнаго Члена Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.*

666. *О разрѣшеніи ученикамъ Оренбургской гимназіи изъ башкиръ магометанъ Оренбургской губерніи сохранять предоставленныя имъ стипендіи и при переходѣ въ Казанскій ветеринарный институтъ.*

667. *Объ учрежденіи при общежитіи Братства Свв. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны.*

668. *О дополненіи Высочайше утвержденныхъ 4 декабря 1896 года правилъ о назначеніи на должности штурманскихъ, артиллерійскихъ и минныхъ офицеровъ на суда флота.*

ДУЭЛЬ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

I.

Дуэль представляетъ чрезвычайно оригинальное преступленіе и потому изученіе ея имѣетъ громадный интересъ какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Прототипомъ современной дуэли въ отдаленной древности служилъ такъ называемый поединокъ или единоборство, какъ средство разрѣшенія международныхъ споровъ, замѣнявшій войну (Давидъ и Голіафъ, Мстиславъ и Редедя и т. п.). Само собою разумѣется, что не было, да и не могло быть никакой отвѣтственности за такой поединокъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ желанія избѣжать чрезмѣрнаго кровопролитія, желанія, находившаго себѣ оправданіе въ народномъ правосознаніи: такіе поединки происходили съ вѣдома и согласія войскъ, а войско въ то время составлялъ весь народъ. Наряду съ международнымъ поединкомъ существовалъ и поединокъ между частными лицами въ формѣ самосуда, а затѣмъ съ появленіемъ судебной власти онъ вошелъ въ роль наиболѣе убѣдительнаго судебнаго доказательства въ уголовномъ и гражданскомъ процессѣ, воспринявъ сакральный оттѣнокъ: онъ существовалъ благодаря убѣжденію, что Божество принимаетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ, почему и надѣляетъ особою силою правую сторону. Нечего говорить, что поединокъ и въ этой формѣ оставался безнаказаннымъ: нельзя видѣть преступленія въ томъ, что само служитъ охра-

ной правомѣрнаго состоянія. Но когда мало-по-малу стала проникать въ народное правосознаніе идея объ отдѣленіи суда Божьяго отъ суда человѣческаго, когда возникла и твердо укрѣпилась мысль о томъ, что судъ человѣческій и доказательствами человѣческими долженъ пользоваться, тогда сперва церковь, а за нею и свѣтская законодательная власть стали ограничивать примѣненіе, чрезвычайно обширное, судебнаго поединка и, наконецъ, къ XVI—XVII вв. совершенно его уничтожили. Наиболѣе долго онъ удержался въ Англіи, гдѣ его слѣды встрѣчаются даже въ началѣ настоящаго столѣтія (въ 1817 г.).

Отходя въ исторію, судебный поединокъ оставилъ послѣ себя современную дуэль. Причины, вызвавшія ее къ жизни, коренились въ самомъ устройствѣ тогдашняго западно-европейскаго общества. Гордость, властолюбіе и сила феодаловъ не позволяли имъ обращаться къ законной власти, немногимъ выше ихъ самихъ стоявшей, за разрѣшеніемъ своихъ споровъ. Пренебрегая ею, феодалы обращались къ шпагѣ, какъ единственной примирительницѣ всевозможныхъ недоразумѣній между собою. Громадную услугу возникновенію дуэлей оказало неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находился тогда судебный процессъ съ его формальными доказательствами, письменностью, тайною и продолжительностью. Послѣднимъ обстоятельствомъ—необыкновенною продолжительность процесса — объясняется между прочимъ то, что вопросы чести, какъ требующія по существу своему наиболѣе скораго разрѣшенія, бывали самымъ частымъ мотивомъ дуэли. Такое происхожденіе дуэли указываетъ и на то различіе, какое существуетъ между нею и судебнымъ поединкомъ. „Въ поединкѣ, какъ судебномъ доказательствѣ, шла рѣчь о виновности сомнительной, которую нужно было доказывать, мало того, гдѣ доказательства были такъ темны, что приходилось предоставить ихъ оцѣнку всевѣдающему суду Божію; въ дуэли нашего времени нѣтъ и рѣчи о какомъ либо сомнѣніи, неизвѣстности: и обиженный и обидчикъ знаютъ весьма хорошо, кто совершилъ фактъ, кто виновникъ оскорбле-

нія. Тамъ поединокъ есть доказательство, на основаніе котораго поставляется рѣшеніе, здѣсь поединокъ есть само рѣшеніе, тамъ поединокъ есть актъ правомѣрный, входящій въ составъ судебнаго разслѣдованія спора; здѣсь—актъ самовольнаго захвата судебной власти, частная месть" (Н. С. Таганцевъ, „О преступленіяхъ противъ жизни", II, 328).

Вступивъ съ такимъ характеромъ въ жизнь, дуэль не могла остаться не только дозволеннымъ, но и уголовно-безразличнымъ дѣяніемъ: она сильно оскорбляла власть, она противорѣчила принципу свободнаго и спокойнаго существованія отдѣльныхъ лицъ, она, наконецъ, претила общественному мнѣнію, отдавая жизнь, честь и здоровье лица на произволъ болѣе сильному, болѣе ловкому его ближнему. Словомъ дуэль заключала всѣ признаки, которые характеризуютъ преступныя дѣянія. И вотъ, начиная съ XV в., законодательства выступаютъ на борьбу съ этимъ зломъ: дуэлянты по силѣ закона подвергаются смертной казни, лишаются дворянства и свободы, ихъ имущества конфискуются, эти наказанія распространяются и на дѣтей, но всѣ эти грозныя постановленія остаются мертвою буквою. Дѣло въ томъ, что дуэлянты выходили изъ среды наиболѣе сильнѣйшаго дворянства, а то было время, когда сила и справедливость было одно и то же, когда знатный могъ быть вполнѣ увѣренъ, что вредный для него законъ писанъ не для него, что законъ—его воля; сталкивались два такихъ сильныхъ—и въ результатѣ появлялась дуэль. И дѣйствительно, хотя въ то время дуэль была почти нормальнымъ явленіемъ (въ первые 8 лѣтъ царствованія Людовика XIV во Франціи дуэлей насчитывалось до 4000), но всѣ эти грозные законы почти не примѣнялись

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ такое жестокое отношеніе государства къ дуэли. Но это недоразумѣніе разрѣшается взглядомъ на нее, какъ на неувѣренность и неуваженіе дуэлянтовъ къ авторитету государственной власти, т. е. какъ на государственное преступленіе, а этотъ видъ преступленій въ эпоху развитія абсолютизма неминуемо долженъ былъ облагаться самыми тяжкими наказаніями. Основаніе такого

взгляда на дуэль лежитъ въ причинахъ, породившихъ дуэль, о которыхъ мы уже говорили. Для разсматриваемой эпохи— время феодальнаго строя и кулачнаго права—такой взглядъ былъ совершенно вѣренъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый феодалъ, ослѣпленный своею силою, считалъ унизительнымъ для себя обращаться за разрѣшеніемъ своего спора къ судьѣ. Съ людьми, ниже его стоящими, онъ раздѣлывался по собственному, благодаря его силѣ, безаппелляціонному произволу, съ равными—дуэлью. Такимъ образомъ, онъ дѣйствительно вторгался въ судебную дѣятельность, лишалъ эту дѣятельность возможности быть тѣмъ, для чего она и существовала. Но когда съ теченіемъ времени сила феодаловъ упала, когда они обратились въ помощниковъ и даже слугъ королевскихъ, а тѣмъ болѣе въ послѣдующее и настоящее время [1]), когда твердо установился принципъ равенства предъ закономъ, дуэль потеряла свой противугосударственный характеръ, хотя отголоски этого взгляда, впрочемъ, значительно смягченнаго въ части, касающейся наказанія, слышны даже и въ настоящее время. Теперь на дуэль смотрѣть прежними глазами нельзя вслѣдствіе того, что современный человѣкъ дуэлируетъ не потому, что пренебрегаетъ судебною властью или претендуетъ на роль судьи, но лишь потому, что онъ обходитъ ее, не желая въ глазахъ другихъ казаться трусомъ; въ то время феодалъ прибѣгалъ къ дуэли при всякой попытки нарушить его права; ничего подобнаго нѣтъ въ настоящей жизни. Если на современную дуэль нельзя смотрѣть какъ на государственное преступленіе, то какъ же на нее смотрѣть? Вопросъ этотъ имѣетъ тѣмъ бóльшее значеніе, что отъ того или иного разрѣшенія его зависитъ какъ самая природа дуэли, такъ и тѣ наказанія, каторыя за нее полагаются.

Существуетъ нѣсколько теорій по этому вопросу. Одной изъ нихъ придерживается Н. А. Неклюдовъ („Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права“, I); ее же

---

[1]) Надо замѣтить, что послѣ феодальной системы дуэль пріобрѣла тотъ характеръ, который замѣчается и у современной дуэли.

до извѣстной степени раздѣляетъ проф. И. Я. Фойницкій („Курсъ уголовнаго права, часть особенная"). Согласно этой теоріи дуэль есть нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія. По мнѣнію перваго ученаго дуэль есть „правильно организованная обыкновенная драка простолюдиновъ" (151 стр. и. с.). Но съ такимъ мнѣніемъ согласиться трудно. Какъ справедливо замѣчаетъ редакціонная по составленію новаго уголовнаго уложенія коммисія, такой взглядъ повлечетъ за собою назначеніе за дуэль маловажныхъ наказаній; кромѣ того, по замѣчанію той же коммисіи, дуэль по большей части лишена публичности и огласки въ моментъ ея совершенія, а между тѣмъ это условіе составляетъ одинъ изъ признаковъ наказуемыхъ нарушеній общественнаго спокойствія и тишины: не самая драка сама по себѣ наказуема по 38 ст. уст. о нак. напр., а наказуемо здѣсь нарушеніе дракою тишины и спокойствія. Къ этимъ соображеніямъ можно прибавить еще и то, что и „драка простолюдиновъ" также бываетъ иногда правильно организована; таковы, напр., такъ называемые кулачки. Добавимъ, далѣе, драка сама по себѣ наказуема только въ томъ случаѣ, если она окончилась несчастливо (смертью, увѣчьемъ и т. п.), между тѣмъ какъ дуэль съ самымъ благополучнымъ исходомъ вполнѣ правильно, какъ увидимъ впослѣдствіи, наказуема. Наконецъ, едва-ли не самое существенное различіе между дракою и дуэлью состоитъ въ томъ, что драка начинается или вслѣдствіе того, что, какъ говорится, играетъ кровь, нужно размять члены, или, если и есть результатъ какого-либо недоразумѣнія, то совершается безъ обоюднаго согласія, между тѣмъ какъ дуэль непремѣнно предполагаетъ такое согласіе.

По другой теоріи дуэль есть особый видъ самоуправства, но и съ этой теоріею согласиться также невозможно. Самоуправство есть противозаконное (помимо суда) осуществленіе или возстановленіе своего дѣйствительно существующаго или предполагаемаго юридически возможнымъ права. Какое же право осуществляетъ дуэлянтъ? Право наказанія jus puniendi? Но этимъ правомъ никто изъ частныхъ лицъ не пользуется.

Затѣмъ отожествляютъ дуэль съ самоубійствомъ на томъ основаніи, что безразлично-де самъ ли человѣкъ лишаетъ себя жизни или это сдѣлало съ его согласія стороннее лицо. Самоубійство представляетъ наиболѣе типичный образецъ сліянія субъекта съ объектомъ въ одномъ преступленіи, т. е. случай, когда субъектъ самъ, активно, наноситъ правопораженіе самому себѣ, когда дѣятельность его, являясь одностороннею, направлена исключительно на свои собственныя права; совсѣмъ не то замѣчается въ дуэли: здѣсь роль А активна постольку, поскольку онъ совершаетъ нападеніе на В, но она въ тоже время пассивна постольку, поскольку онъ отражаетъ нападеніе, наносимое ему В; далѣе, самоубійство есть самопроизвольное лишеніе себя жизни, совершаемое, напр., подъ вліяніемъ убѣжденія въ негодности своей жизни; даже самоубійство, совершаемое вслѣдствіе подстрекательства посторонняго лица, предполагаетъ желаніе самого самоубійцы лишить себя жизни, убѣжденіе въ своей нежизнеспособности и т. п.; и этого признака нѣтъ въ дуэли, гдѣ, наоборотъ, одинъ несравненно дороже цѣнитъ свою жизнь, нежели жизнь своего противника; кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на то, что согласіе самоубійцы на лишеніе его жизни другимъ лицомъ далеко не есть согласіе дуэлянта, даваемое послѣднимъ противной сторонѣ: въ первомъ случаѣ согласіе не создаетъ никакой опасности для дѣйствующаго лица; оно, такъ сказать, единолично, между тѣмъ какъ въ дуэли каждый изъ дуэлянтовъ хотя и далъ согласіе своему противнику перенести всѣ послѣдствія дуэли, отъ своего противника исходящія, но самъ принимаетъ всевозможныя мѣры для предотвращенія этихъ послѣдствій отъ себя, что составляетъ немаловажную опасность для другой стороны.

Наконецъ, говорятъ, что дуэль ничѣмъ не отличается отъ простаго убійства, нанесенія ранъ, увѣчій и т. п. (проф. Н. С. Таганцевъ, „О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву"). Противъ этого можно возразить слѣдующее, говоря словами Лохвицкаго („Курсъ русскаго уголовнаго права"): „убійство совершается безъ согласія жертвы,

изъ за угла, убійца всегда старается всевозможными измѣнническими мѣрами избѣгнуть сопротивленія жертвы; въ дуэли же представляется совершенно противное; дуэль, во-первыхъ, всегда совершается по обоюдному согласію, во-вторыхъ, дуэль, въ противоположность убійству даетъ равные шансы сражающимся: и тотъ, и другой бываютъ и нападающимъ, и защищающимся". Кромѣ того, необходимо считаться, по словамъ того же автора, съ общественнымъ мнѣніемъ, которое совершенно различно смотритъ на убійцу и на дуэлянта (стр. 560—561). Тоже самое можно сказать и относительно нанесенія ранъ или увѣчій. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что дуэль есть убійство или нанесеніе ранъ и увѣчій, совершаемое съ согласія потерпѣвшаго: во-первыхъ, въ такомъ случаѣ дуэль должна быть признана ненаказуемой, если она не окончилась смертью одного изъ противниковъ, такъ какъ согласіе убитаго на убійство не освобождаетъ по общему правилу убійцу отъ отвѣтственности, освобождая отъ нея нанесшаго при этомъ условіи раны, а во-вторыхъ, согласіе и здѣсь, какъ и при самоубійствѣ, единолично.

Итакъ, въ чемъ разница между дуэлью и родственными ей преступленіями? Во-первыхъ, въ томъ, что она совершается по обоюдному согласію, выражающемуся въ разрѣшеніи каждаго изъ дуэлянтовъ на причиненіе ему противникомъ того или инаго тѣлеснаго вреда при условіи отраженія дуэлянтомъ этого вреда и нанесенія его противнику, а во-вторыхъ, въ томъ, что она является результатомъ какого-либо недоразумѣнія, разрѣшеніе котораго при данномъ состояніи общественной морали признается едва-ли не единственно возможной борьбой заинтересованныхъ лицъ; борьба эта свидѣтельствуетъ обществу, по мнѣнію борящихся, объ ихъ готовности пожертвовать жизнью въ защиту себя или въ защиту выставляемыхъ каждымъ изъ нихъ положеній, послужившихъ основой недоразумѣнія. Этихъ двухъ признаковъ, нераздѣльныхъ съ дуэлью и стоящихъ между собою въ неразрывной связи лишены всѣ другія преступленія, почему дуэль и должна быть признана delictum sui generis.

Очевидно, что дуэлянтъ не можетъ отговариваться тѣмъ, что находился въ состояніи необходимой обороны, по той простой причинѣ, что онъ самъ вполнѣ самостоятельно сознательно и съ предвидѣньемъ послѣдствій участвовалъ въ созданіи того положенія, которое для него опасно: кромѣ того, обороняющійся только отражаетъ нападеніе, а дуэлянтъ настолько же отражаетъ его, насколько и совершаетъ.

Изъ предыдущаго изложенія легко опредѣлить и мѣсто дуэли въ системѣ преступленій. Принимая во вниманіе, что она лишена противугосударственнаго характера, что она лишена и признаковъ, характеризующихъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, что она, наконецъ, какъ бы то ни было направляется на тѣлесную неприкосновенность, необходимо признать, что она—дѣяніе, направляющееся на личныя права человѣка и вслѣдствіе этого должна быть помѣщаема въ ряду другихъ преступленій противъ личности.

Что касается числа дуэлянтовъ, то по общепринятому мнѣнію ихъ признается два. Самое названіе дуэли (французское—duel [1]), немѣцкое—zweikampf, русское—поединокъ) подтверждаетъ этотъ взглядъ. Этого же требуютъ и соображенія уголовной политики: если признать возможность дуэли между многими лицами, то отсюда легкій переходъ къ значительно смягченнымъ наказаніямъ за весьма опасныя побоища, разъ послѣднія будутъ заранѣе обусловлены. Но если одинъ поводъ составилъ нѣсколько паръ дуэлирующихся, каждая пара самостоятельно, хотя бы въ одно и тоже время и на одномъ и томъ же мѣстѣ, то будетъ столько отдѣльныхъ дуэлей, сколько и паръ. Точно также, если послѣ первой дуэли дуэлянтъ приступаетъ къ дуэли, хотя бы немедленно и по тому же поводу, съ другимъ, третьимъ и т. д., то и здѣсь будетъ столько отдѣльныхъ дуэлей, сколько противниковъ было у одного, дравшагося со всѣми.

Теперь обратимся къ анализу сложнаго вопроса о томъ,

---

[1]) Duel—duellum—duorum bellum

какое дѣйствіе совершают дуэлянты. Всѣ криминалисты высказываются за то, что бой есть необходимый элементъ этого дѣйствія, что отсутствіе боя, слѣдовательно, лишаетъ характера ея, какъ таковой. Одни изъ нихъ основываются на исторической традиціи, другіе—на филологическомъ строеніи слова. Ни то, ни другое основаніе не выдерживаетъ, по нашему мнѣнію, строгой критики. Такъ, если слѣдовать исторической традиціи, то прійдется допустить дуэль только между привилегированными классами, смотрѣть на нее, какъ на государственное преступленіе и т. п. „Не нужно забывать, говоритъ проф. Н. С. Таганцевъ, что историческая почвенность есть только одно, но не единственное условіе жизненнаго значенія закона; не нужно забывать, что историческая оцѣнка всякаго законодательнаго движенія, всякой реформы легко можетъ сдѣлаться тормазомъ народнаго развитія“ (Лекціи I, 13). Слѣдовательно, необходимо принимать во вниманіе и то, что даетъ современная жизнь. Въ свою очередь филологи говорятъ, что слова „zweikampf“ „duel“ сами заключаютъ въ себѣ понятіе боя; поэтому бой есть необходимый элементъ при дуэли. Но не должно преувеличивать и филологическаго значенія словъ. Извѣстно, что языкъ по самой природѣ своей отличается чрезвычайною консервативностью; кругъ понятій, который обнимается даннымъ словомъ въ моментъ его возникновенія, можетъ съ теченіемъ времени значительно расшириться, а самое слово тѣмъ не менѣе въ корнѣ своемъ не потерпитъ никакого измѣненія; число пріобрѣтаемыхъ человѣчествомъ понятій постоянно увеличивается въ несравненно большей пропорціи, нежели число изобрѣтаемыхъ тѣмъ же человѣчествомъ словъ; „изнасилованіе“, напр., несомнѣнно заключаетъ въ себѣ понятіе „насилія“, а теперь всѣ признаютъ, что изнасилователемъ будетъ и тотъ, кто не совершая никакого насилія надъ женщиною, а только притворившись ея мужемъ, вступитъ съ нею въ половое сношеніе, чего она искренно остерегалась; другой примѣръ: слово „убійство“ заключаетъ въ себѣ понятіе „бить“, но очевидно, что лишеніе жизни чрезъ отравленіе, хотя при немъ никакого

удара не наносится, всетаки будетъ убійство. Слѣдовательно, и здѣсь необходимо принимать во вниманіе то, что даетъ современная жизнь. А въ современной жизни встрѣчается особая дуэль, безъ боя, такъ называемая американская; кромѣ того существуетъ дуэль на пилюляхъ и т. п. Признавая бой необходимымъ элементомъ дуэли, необходимо отрицать значеніе дуэли за этими новыми явленіями. Дѣйствительно, такъ и поступаютъ сторонники боя. Одни изъ нихъ считаютъ эти явленія самоубійствомъ, или склоненіемъ къ нему, или покушеніемъ на него; изъ сказаннаго уже о самоубійствѣ можно судить, насколько вѣренъ такой взглядъ; теперь лишь добавимъ, что самоубійство въ теоріи и въ большей части современныхъ кодексовъ ненаказуемо, а потому таковою должна быть признана и американская дуэль. Другіе считаютъ ее неправильнымъ поединкомъ, но это въ концѣ-концовъ равносильно признанію ея поединкомъ. Третьи причисляютъ ее къ убійству, но и съ этимъ на основаніи сказаннаго объ убійствѣ согласиться также невозможно. Чтобъ примирить всѣ эти разногласія, остается одинъ исходъ: считать американскую и ей подобныя дуэли ничѣмъ не отличающимися отъ нормальной дуэли, другими словами: признать, что бой не есть необходимый элементъ дуэли. Въ самомъ дѣлѣ, бой въ дуэли есть не болѣе какъ средство, которое употребляется преступниками для достиженія ими своей преступной цѣли, и, какъ средство, не можетъ служить характернымъ признакомъ преступнаго дѣянія. Въ составѣ каждаго преступленія необходимую роль играетъ дѣйствіе, но нѣтъ такой необходимости и возможности для законодателя опредѣлить: какое именно дѣйствіе преступникъ долженъ совершить, какимъ средствомъ онъ долженъ воспользоваться для даннаго преступленія. Идеалъ права—нормировать дѣйствительно существующія отношенія во всей ихъ полнотѣ, а не въ частяхъ, и этимъ создавать произволъ или обходъ закона. Средство только тогда должно быть указано закономъ, когда избраніе преступникомъ именно того, а не инаго средства, служитъ основаніемъ къ усиленной отвѣтственности за тоже преступленіе.

Съ этой точки зрѣнія законодательства, упоминающія спеціально объ американской дуэли, поступаютъ вполнѣ согласно съ требованіями справедливости: этотъ видъ дуэли причиняетъ нестерпимѣйшую пытку лицу, вынувшему роковой жребій и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ легчайшую возможность противнику избѣжать правосудія—едва-ли не самый частый мотивъ при выборѣ этого способа дуэли.

Итакъ, на вопросъ: какое дѣйствіе совершаютъ дуэлянты?—категорически отвѣтить невозможно. Это вопросъ факта, безразличный для состава преступленія. Необходимо только одно: существованіе причинной связи между дѣйствіемъ противниковъ и тѣмъ послѣдствіемъ, которое произошло. Но дѣйствіе, въ чемъ бы оно ни проявилось, непремѣнно должно быть обусловлено. Этотъ признакъ—условіе относительно самаго факта дуэли и ея способа,—указывая на воспослѣдовавшее обоюдное согласіе противниковъ, предшествуетъ дѣйствію, потому что отсутствіе его дѣлаетъ дуэль не дуэлью, а нападеніемъ или принужденіемъ одного и необходимой обороной другого. Условіе, во-первыхъ, предполагаетъ обоюдное согласіе, а во-вторыхъ, должно быть свободно съ обѣихъ сторонъ. Всякое принужденіе, физическое или психическое, къ принятію того или инаго условія, можетъ быть разсматриваемо, какъ созданіе однимъ изъ противниковъ выгоднаго для себя положенія во вредъ другому, т. е. нарушеніемъ одинаковости риска или насильственнымъ нападеніемъ, съ одной стороны и необходимой обороной, съ другой. Условіе касается обыкновенно мѣста, времени и способа дуэли, можетъ быть заключено самими дуэлянтами или ихъ довѣренными лицами, можетъ быть устное или письменное—все равно. Долговременная практика выработала общій типъ условія, сила котораго при отсутствіи спеціальнаго условія, подразумѣвается сама собою [1]).

Очевидно, что дуэль, какъ продуктъ согласія, предпола-

---

[1]) См. П. А. Швейковскій: „Судъ общества офицеровъ и дуэль въ войсках Россійской арміи" (120—132).

гаетъ умыселъ. Ни неосторожность, ни случай не могутъ имѣть здѣсь мѣста, такъ какъ самое понятіе согласія устраняетъ и то и другое. Умыселъ при дуэли можетъ быть dolus praemeditatus или dolus repentinus; въ послѣднемъ случаѣ дуэль носитъ техническое названіе rencontre; но dolus impetus при дуэли невозможенъ, потому что аффектъ не даетъ лицу возможности заключить какое-либо съ другимъ лицомъ условіе. Изъ сущности дуэли вытекаетъ, что умыселъ здѣсь можетъ быть только прямой (dolus directus) и опредѣленный (dolus determinatus).

Не имѣетъ существеннаго значенія и мотивъ, порождающій дуэль. Хотя въ громадномъ большинствѣ случаевъ такимъ мотивомъ является оскорбленіе чести, но нѣтъ никакого основанія считать его единственнымъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. при признаніи, что дуэль по самому существу своему возможна лишь вслѣдствіе оскорбленія чести, представится одно изъ трехъ: или подводить дуэль, возникшую по иному поводу подъ родственныя ей преступленія, что, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, невозможно, или въ видѣ исключенія подводить и подъ дуэль въ техническомъ смыслѣ слова, или, наконецъ, признать ее ненаказуемой (nullum crimen sine lege). Напомнимъ еще разъ, что согласіе двухъ лицъ разрѣшить возникшее между ними недоразумѣніе смертью одного—основаніе, вслѣдствіе котораго дуэль должна быть признана delictum sui generis. Подобное же безразличное отношеніе должно быть и къ тому оружію, которое избираютъ дуэлисты, если рѣшили прибѣгнуть къ бою. Существуетъ мнѣніе, чтобы оружіе было смертоносно; но съ одной стороны это само собою разумѣется, а съ другой—гдѣ грань смертоносности и несмертоносности? Другіе требуютъ оружія, при которомъ возможна дистанція между противниками, но и кухонный ножъ можно привязать къ палкѣ и тѣмъ создать дистанцію. Третьи предполагаютъ оружіе благородное, но какъ быть въ томъ случаѣ, если его нѣтъ подъ рукою, при дуэли, напр., rencontre, или при неумѣніи имъ пользоваться. Поэтому всякое оружіе должно быть признано годнымъ при дуэли.

Наконецъ, дуэль по самой природѣ своей должна представлять одинаковость риска для обоихъ противниковъ. Иначе мы будемъ имѣть дѣло не съ дуэлью, а съ преступленіемъ, совершеннымъ съ согласія пострадавшаго. Это значитъ, что оба противника пользуются одними и тѣми же средствами; но въ виду того, что дуэль необходимо предполагаетъ свободное согласіе, безразлична разница въ умѣніи пользоваться избраннымъ средствомъ.

Резюмируя все, до сихъ поръ сказанное, приходимъ къ тому выводу, что дуэль есть взаимное удовлетвореніе двухъ лицъ съ равнымъ шансомъ на успѣхъ каждаго, вслѣдствіе возникшаго между ними столкновенія путемъ, который обоими ими признанъ цѣлесообразнымъ, при соблюденіи извѣстныхъ освященныхъ обычаемъ или установленныхъ на данный случай условіяхъ.

Основаніе наказуемости за такое своеобразное преступленіе лежитъ въ томъ, что каждый изъ дуэлянтовъ направляетъ свою дѣятельность на причиненіе болѣе или менѣе серьезнаго вреда своему противнику, а самъ старается предотвратить себя отъ подобнаго же вреда. Разумѣется, размѣръ отвѣтственности стоитъ въ зависимости отъ исхода дуэли.

Чтобы окончить общій обзоръ ученія о дуэли, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ того наказанія, которое полагается за дуэль. И законодательство, и теорія признаютъ, что такъ какъ дуэль въ громадномъ большинствѣ случаевъ вызывается оскорбленіемъ чести, особенная чувствительность къ чему даже желательна, такъ какъ она часто совершается подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія изъ боязни, хотя бы ложнаго страха быть обвиненнымъ въ трусости и даже подлости, такъ какъ она заключаетъ громадный и притомъ очевидный вредъ для каждаго изъ участниковъ, то наказанія за нее должны быть, во-первыхъ, снисходительны, а во-вторыхъ, непозорны; поэтому лишеніе или ограниченіе правъ въ кодексахъ, которые имѣютъ это наказаніе въ средѣ карательныхъ мѣръ, не должно фигурировать какъ наказаніе за дуэль.

II.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія относительно такого оригинальнаго преступленія, обратимся къ нашему праву и прежде всего прослѣдимъ исторію дуэли въ Россіи. И у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ поединокъ, какъ средство разрѣшенія международныхъ споровъ (Мстиславъ и Редедя). Наша древняя исторія знакома также и съ судебнымъ поединкомъ, который носилъ техническое названіе „поля", который существовалъ до конца XVI в. и который имѣлъ весьма обширное примѣненіе и значеніе; даже и свидѣтельскія показанія можно было опровергать полемъ. Но за отсутствіемъ на Руси феодальнаго строя, за раннимъ возникновеніемъ самодержавной власти, при тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между высшими и низшими, дуэль у насъ не могла явиться самостоятельно, а какъ и многое другое представляетъ предметъ заимствованія изъ западно-европейской жизни. Первые примѣры дуэли встрѣчаются въ иностранныхъ войскахъ Петра В., у которыхъ и начало учиться дуэли наше дворянство [1]). При Петрѣ же В. въ изданномъ имъ воинскомъ артикулѣ встрѣчаются и первые уголовные законы, облагающіе дуэль такими же суровыми наказаніями, съ которыми мы встрѣчались въ западной Европѣ: смертная казнь, лишеніе дворянства и свободы, конфискація и пр. слѣдовали за самый выходъ на дуэль. Всѣ эти тяжкія кары налагались на томъ основаніи, что дуэль имѣла государственно-преступный характеръ; хотя основаній для такого взгляда наша жизнь и не могла выработать, но и ничего самостоятельнаго она не могла дать въ то время, когда дуэль захватила ее почти врасплохъ. Такъ дѣло шло до 1787 г., когда Екатериной II былъ изданъ манифестъ, указавшій дуэли мѣсто въ ряду нарушеній тишины и спокойствія, а если она оканчивалась ранами, увѣчьемъ или смертью, то виновные въ этомъ

---

[1]) И до сихъ поръ въ Россіи только высшіе по рожденію или образованію классы знакомы съ этимъ преступленіемъ; крестьянство, мѣщанство и купечество, разумѣется и духовенство, знакомы съ нимъ лишь по слуху.

подвергались наказанію, какъ за умышленное причиненіе этихъ послѣдствій. Любопытно то, что въ числѣ другихъ наказаній налагался штрафъ въ пользу того судьи, чьимъ судомъ пренебрегли дуэлянты: въ дуэли видѣли между прочимъ и оскорбленіе судьи. Секунданты по этому манифесту приравнивались къ соучастникамъ. Эти же постановленія были перенесены въ сводъ законовъ 1832 г. Наконецъ, изданное въ 1845 г. дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, а равно и проектъ новаго уголовнаго уложенія, видятъ въ дуэли delictum sui generis.

Къ изложенію законоположеній о дуэли по нашему праву въ связи съ другими западно-европейскими кодексами, признающими дуэль за delictum sui generis, мы и перейдемъ [1]). Разсмотримъ составъ дуэли или „поединка" по терминологіи нашего права (1497—1512 ст. ул. о нак.).

Субъектъ. Современныя законодательства не даютъ никакихъ спеціальныхъ узаконеній о субъектѣ дуэли. Приходится поэтому дать общія указанія по этому поводу. Субъектомъ дуэли можетъ быть всякій уголовно-дѣеспособный человѣкъ, безъ различія пола и состоянія, причемъ необходимо признать возможность дуэли между мущиною и женщиною или женщинами. Прежде, какъ мы имѣли случай замѣтить при историческомъ очеркѣ, дуэлянты выходили изъ среды дворянскаго сословія; вѣроятно также, что благодаря замкнутости женщинъ въ отдаленную эпоху онѣ не выступали фактически на дуэль. Далѣе, выходя изъ теоретическихъ соображеній, необходимо признать, что дуэль возможна только между двумя лицами, но не болѣе. Вмѣняемость за дуэль обсуживается съ общей точки зрѣнія. Но при этомъ интересенъ вопросъ: какъ быть въ томъ случаѣ, если одинъ изъ противниковъ вмѣняемъ, а другой—нѣтъ? Необходимо различать два случая: 1) вмѣняемый не зналъ о невмѣняемости

---

[1]) Англійское и французское законодательства приравниваютъ дуэль къ умышленному убійству или къ такому же нанесенію увѣчій и ранъ, что тамъ карается очень строго; въ этомъ, по общему признанію, кроется причина почти полной безнаказанности дуэлянтовъ вслѣдствіе оправдательныхъ приговоровъ во Франціи

противника и 2) зналъ объ этомъ. Въ первомъ случаѣ вмѣняемый на основаніи общаго ученія о добросовѣстномъ заблужденіи отвѣчаетъ на обыкновенныхъ основаніяхъ; во второмъ же случаѣ нельзя признать наличность дуэли въ виду того, что невмѣняемый не можетъ заключить условія, этого conditio sine qua non даннаго преступленія, а потому необходимо признать, что дуэль здѣсь замѣняется или убійствомъ или покушеніемъ на него.

Оригинальной чертой нашего права является болѣе строгая наказуемость того, кто былъ виновникомъ столкновенія, послужившаго основаніемъ поединка (1498, 1503 и др.), хотя этотъ принципъ не выдержанъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, напр., онъ не встрѣчается при поединкѣ, предусмотрѣнномъ 1509 ст. Если же нельзя знать съ достовѣрностью, по словамъ закона, кто далъ поводъ къ дуэли, то усиленная отвѣтственность примѣняется къ учинившему вызовъ. При всей вѣрности и справедливости этого принципа въ теоріи, онъ, однако, не выдерживаетъ критики при практическомъ примѣненіи. Очень часто бываетъ, что понять оскорбленіе можетъ только оскорбленный, но не постороннія лица, что узнать начало ссоры нерѣдко очень трудно, почти невозможно, что также трудно и невозможно рѣшить иногда, кто вызвалъ. Изъ всего этого вытекаетъ, что фактическія обстоятельства, которыя обыкновенно не зависятъ отъ преступленія, выясненіе которыхъ весьма часто зависитъ отъ качества судей, ихъ внимательности и добросовѣстнаго исполненія служебныхъ обязанностей, значительно вліяютъ на размѣръ наказанія. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній проектъ уголовнаго уложенія отказался отъ такого различія, признавая несправедливымъ, „переносить центръ тяжести на лицъ, сдѣлавшихъ вызовъ, такъ какъ за весьма малыми исключеніями они всегда вызываются къ этому дѣйствіями противной стороны". По этой же причинѣ, надо думать, изъ западно-европейскихъ законодательствъ одно только бельгійское уложеніе отягчаетъ отвѣтственность лица, подавшаго поводъ къ вызову на дуэль (425).

Въ ученіи о субъектѣ умѣстно сдѣлать слѣдующее весьма важное замѣчаніе: теоретическія соображенія и наше право признають справедливымъ карать только того участника дуэли, который побѣдилъ своего противника, а самъ остался невредимымъ, считая потерпѣвшаго достаточно наказаннымъ фактомъ пораженія; напр., 1502 ст. наказываетъ только того, кто побѣдилъ, хотя бы побѣжденный и остался въ живыхъ, а слѣдовательно и могъ бы подлежать наказанію: въ этой статьѣ говорится о ранахъ несмертельныхъ. И только въ томъ случаѣ, если оба остались невредимыми или дуэль окончилась легкими ранами хотя бы и одного (1505), наказанію подлежатъ оба; точно также, если оба оказались серьезно потерпѣвшими, то отъ наказанія освобождаются и тотъ и другой. Проектъ уголовнаго уложенія по данному вопросу слѣдуетъ дѣйствующему праву. Аналогичныя постановленія встрѣчаются въ венгерскомъ и бельгійскомъ законодательствахъ, съ тою лишь разницею, что они освобождаютъ отъ наказанія претерпѣвшаго даже легкое поврежденіе. Наоборотъ, германское уложеніе не дѣлаетъ никакого различія между потерпѣвшимъ и тѣмъ, для кого дуэль окончилась вполнѣ благополучно.

Спеціально о субъектѣ говоритъ 396 ст. ул. о нак., которая гласитъ: „подчиненный, осмѣлившійся вызвать начальника своего на поединокъ, подвергается.....“ и далѣе: „если же однако вызовъ начальника былъ послѣдствіемъ касающагося службы дѣла или мщеніемъ за взысканіе по настоящей или прежней службѣ, то виновный въ ономъ.....“. Изъ смысла этой статьи явствуетъ, что уголовная отвѣтственность настигаетъ подчиненнаго, виновнаго въ вызовѣ на дуэль своего начальника, безотносительно къ тому, на какой почвѣ произошло столкновеніе, послужившее основаніемъ для вызова: дѣйствовали ли начальникъ и подчиненный, какъ частныя лица, за карточнымъ столомъ, напр., или были въ присутственномъ мѣстѣ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей; въ послѣднемъ случаѣ дѣяніе подчиненнаго только квалифицируется (2 ч. 396 ст.). Разсуждая теоретически,

in abstracto, 1 ч. 396 ст. слишкомъ сурова и излишня. Но ея наличность въ нашемъ уголовномъ кодексѣ является естественно-логическимъ послѣдствіемъ взгляда нашего законодательства на государственную службу, проникнутаго семейно-бюрократическимъ характеромъ. Что касается того, кто разумѣется подъ словами „подчиненный“ и „начальникъ“, то надо принять во вниманіе, что 396 ст. помѣщена въ V разд. ул. о нак. („о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной и общественной“), а потому она и относится только къ такъ называемымъ должностнымъ лицамъ; поэтому дѣйствіе ея не распространяется на лицъ частныхъ, хотя бы одинъ изъ нихъ и былъ подчиненъ другому (хозяинъ и прикащикъ). Какъ видно изъ словъ: „мщеніемъ по настоящей или прежней службѣ“, не требуется, чтобы вызывающій служилъ подъ начальствомъ вызываемаго въ моментъ вызова; но конечно это относится только ко 2 ч. 396 ст. Критикуя эту статью, Н. А. Неклюдовъ замѣтилъ, что здѣсь „законъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что подвергаетъ вызывающаго ограниченію правъ, т. е. наказанію, которое онъ самъ же призналъ несовмѣстнымъ съ дуэлью, а во-вторыхъ, въ томъ, что при отсутствіи особыхъ наказаній за поединокъ съ начальствомъ вызовъ будетъ наказываться болѣе строго, чѣмъ поединокъ, совершившійся и даже окончившійся кровопролитіемъ. Во избѣжаніе этого абсурда остается одинъ исходъ: наказывать подсудимаго за поединокъ, не различая ступени, на которой онъ остановился, ни его послѣдствій, по ст. 396 во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наказанія, опредѣляемыя общими узаконеніями о поединкѣ, будутъ легче наказаній, положенныхъ въ 396 ст. за вызовъ“ („Руководство“, стр. 162—163). Съ первымъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что подчиненный, вызывая начальника на дуэль, въ большинствѣ случаевъ, рискуетъ прежде всего потерять службу; относительно же втораго, кажется, болѣе правильнымъ мнѣніе Н. С. Таганцева („Преступленія противъ жизни“, стр. 376): „какъ скоро начальникъ согласился на вызовъ и дуэль состоялась, то уничто-

жается основаніе для усиленія наказуемости для подчиненнаго“. Нельзя признать, что въ этомъ случаѣ имѣютъ мѣсто правило о совокупности; иначе объ этомъ было бы прямо упомянуто въ законѣ, какъ въ 99 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ. Иную постановку вопроса даетъ проектъ уголовнаго уложенія. Ст. 27 его говоритъ: „виновный въ вызовѣ на поединокъ должностнаго лица по поводу отправленія имъ обязанностей службы наказывается.....“, т. е. проектъ кореннымъ образомъ измѣняетъ субъекта этого преступнаго дѣянія: имъ признается не только подчиненный, но и всякое лицо, вызвавшее служащаго вслѣдствіе столкновеній по дѣламъ службы. Замѣтимъ, что проектъ вполнѣ раціонально отступаетъ отъ послѣдовательнаго проведенія начала о семейно-бюрократическомъ взглядѣ на государственную службу, потому что многія изъ постановленій, коими регулируются отношенія между подчиненнымъ и служащимъ (III т. св. зак.), не имѣютъ юридическаго характера. Интересно, то, что проектъ, какъ увидимъ, объявляетъ ненаказуемымъ вызовъ, а ст. 27 караетъ именно за вызовъ: стало быть считается необходимымъ оградить служебную дѣятельность отъ нападокъ частныхъ лицъ; вотъ почему проектъ безусловно требуетъ мотивомъ такого вызова служебную дѣятельность должностнаго лица. За состоявшуюся дуэль отвѣтственность полагается на обыкновенныхъ основаніяхъ, такъ какъ никакихъ узаконеній объ этомъ въ проектѣ не содержится.

Спеціально о субъектѣ русское право упоминаетъ и въ 99 ст. воинскаго уст. о нак.: „за вызовъ начальника на поединокъ по дѣлу, касающемуся службы, виновный.....“; эта статья вполнѣ аналогична со 2 ч. 396 ст. 2 ч. 99 ст. представляетъ оригинальное отступленіе отъ улож. о нак. въ томъ, что караетъ начальника за принятіе вызова. Наконецъ, 3 ч. постановляетъ, что за состоявшуюся дуэль наказаніе опредѣляется по правиламъ о совокупности. Особенныя условія военной службы вызываютъ постановленіе слѣдующей 100 ст. воин. уст. о нак., согласно которой всякій младшій (а не только подчиненный) подвергается усиленной отвѣтственности,

хотя и не въ томъ размѣрѣ, какъ по 99 ст., за вызовъ на дуэль всякаго старшаго (а не только начальника), причемъ младшими признаются оберъ-офицеры въ отношеніи штабъ-офицеровъ и генераловъ, а штабъ-офицеры—въ отношеніи генераловъ.

Объектъ. Такъ какъ въ дуэли два субъекта, каждый изъ которыхъ нападаетъ на права другого, то очевидно, каждый изъ нихъ есть въ тоже время и объектъ дуэли, а потому сказанное о субъектѣ относится и къ объекту.

Дѣйствіе. Обращаясь съ вопросомъ о дѣйствіи въ дуэли къ постановленіямъ нашего права, необходимо отмѣтить, что категорически оно ничего объ этомъ не говоритъ; изъ нерѣдко же употребляемыхъ имъ выраженій: „бой", „кровопролитіе", „нанесеніе ранъ" и т. п. должно заключить, что дѣйствіемъ оно признаетъ бой между дуэлянтами, совершаемый посредствомъ оружія. Въ такомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ объ американской дуэли. Проф. И. Я. Фойницкій и Н. С. Таганцевъ предлагаютъ считать американскую дуэль за самоубійство, но изъ сказаннаго выше о различіи дуэли отъ самоубійства можно видѣть, насколько справедливо такое мнѣніе. Правильнѣе разрѣшаетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія нашего права Н. А. Неклюдовъ, который относитъ этотъ видъ дуэли къ неправильнымъ поединкамъ по ст. 1504 съ условіемъ биться на смерть; и дѣйствительно въ американской дуэли это условіе несомнѣнно существуетъ. Проектъ относительно дѣйствія при дуэли придерживается началъ дѣйствующаго уложенія. Какъ смотрятъ составители его на американскую дуэль—понять трудно. На стр. 201 объяснительной записки редакціонная коммисія говоритъ: „хотя такъ называемая американская дуэль и помѣщена въ проектъ въ настоящей главѣ (о поединкахъ), но коммисія *не* подводитъ ее подъ общее понятіе поединка, принявъ для случаевъ этого рода и совершенно особую систему взысканій", а на стр. 232 таже коммисія говоритъ иное: „какъ бы безнравственна ни была эта форма дуэли (американская), одно это условіе не даетъ основанія выдѣлить ее изъ группы дуэлей. Между этой

формой дуэли и дуэлью вообще есть одна весьма важная объединяющая ихъ черта:..... и здѣсь, и тамъ есть взаимный уговоръ, есть рискъ и весьма большой для каждаго изъ сговаривающихся". Проектъ посвящаетъ американской дуэли специальную 29 ст., объявляя наказуемымъ и покушеніе на самоубійство, считая виновнымъ не покусившагося, а его противника. Подобно русскому праву и западно-европейскія законодательства требуютъ наличности боя, какъ необходимаго элемента дуэли. Американская дуэль разсматривается тамъ различно. Такъ, по французскому праву, приравнивающему обыкновенную дуэль къ убійству, американская дуэль по аналогіи признается самоубійствомъ, а слѣдовательно дѣяніемъ уголовно безразличнымъ. Законодательства германское и бельгійское совершенно умалчиваютъ объ американской дуэли; кодексъ же венгерскій отводитъ ей специальное постановленіе (2 и 3 ч. 283 ст.) въ раздѣлѣ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ жизни; впрочемъ изъ текста статьи и изъ размѣра положеннаго оставшемуся въ живыхъ противнику наказанія должно заключить, что этотъ видъ преступленія противъ жизни относится къ дуэли. Тотъ фактъ, что венгерское уложеніе, одно изъ новѣйшихъ, и проектъ уложенія русскаго специально упоминаютъ объ американской дуэли, доказываетъ, думается, что американская дуэль есть дуэль въ техническомъ смыслѣ слова.

Всѣ законодательства безразлично относятся къ оружію и мотиву дуэли; всякій поводъ можетъ повлечь за собою дуэль, безразлично на какой почвѣ произошло столкновеніе; одни изъ законодательствъ, какъ, напр., русское (1497 ст.) и бельгійское (ст. 425) даже прямо говорятъ объ этомъ. Русское право содержитъ специальное постановленіе въ ст. 1499: тяжкое личное оскорбленіе или оскорбленіе близкихъ служитъ причиною, понижающею наказаніе за вызовъ. Что всякій поводъ можетъ повлечь за собою дуэль, по воззрѣнію нашего законодательства, видно и изъ цитированныхъ уже 2 ч. 396 ст. ул. о нак. и 99 ст. воинск. уст. о нак. Такое же единогласіе между различными законодательствами встрѣчается

и относительно условія; всѣ они требуютъ его какъ необходимаго элемента при дуэли.

Всякое условіе предполагаетъ предложеніе одного и согласіе другого. Въ отношеніи дуэли первый моментъ называется вызовомъ (письменный вызовъ носитъ спеціальное названіе картели), второй—принятіемъ вызова; можетъ случиться такъ, что второй моментъ будетъ отсутствовать. Вызовъ есть естественно обнаруженіе умысла и потому съ точки зрѣнія теоріи ненаказуемъ. Точно такое же обнаруженіе умысла составляетъ и принятіе вызова; поэтому, вообще говоря, вызовъ и принятіе его ненаказуемы. Затѣмъ, начинается составленіе того условія, которое должно опредѣлить способъ, время и мѣсто дуэли, а также попутно съ этимъ пріисканіе и приспособленіе средства (оружія, яда и т. п.); все это составляетъ ту стадію преступнаго дѣйствія, которая называется приготовленіемъ. Къ приготовительнымъ же дѣйствіямъ относится и прибытіе дуэлянтовъ на мѣсто, окончательное приспособленіе орудія (обнаженіе шпаги, заряженіе огнестрѣльнаго оружія, написаніе жеребьевыхъ билетовъ, приспособленіе яда и т. п.). И эти дѣйствія, какъ приготовительныя, ненаказуемы. Дальнѣйшую стадію дуэли составляетъ покушеніе на нее, т. е. совокупность тѣхъ дѣйствій, которыя примѣняются сторонами для воспроизведенія частичнаго состава дуэли. Въ частности, покушеніемъ на дуэль обыкновенную будетъ наличность боя, прерваннаго обстоятельствами, зависящими или независящими отъ дуэлянтовъ; покушеніемъ на дуэль съ условіемъ биться на смерть—бой, не окончившійся смертью, покушеніемъ на американскую дуэль—отсутствіе оконченнаго самоубійства и т. д. Всѣ эти дѣйствія, согласно общему ученію о покушеніи, наказуемы, за исключеніемъ добровольно прерваннаго покушенія. Наконецъ, дуэль считается совершившейся, если стороны выполнили всѣ обусловленныя заранѣе дѣйствія: дали по одному выстрѣлу, если было условлено стрѣлять только по разу и т. п. Слѣдовательно, если въ условіи не было оговорено тѣлеснаго поврежденія или смерти, то такая дуэль считается совершившейся,

разъ былъ выполненъ самый актъ поединка. Американская дуэль считается совершившейся, когда на лицо имѣется смерть одного изъ противниковъ, такъ какъ послѣдняя—conditio sine qua non американской дуэли. Наказуемость за совершившуюся дуэль находится въ зависимости отъ тѣхъ послѣдствій, которыя произошли, ибо согласно общему ученію уголовнаго права, виновный отвѣчаетъ лишь за послѣдствія имъ учиненнаго. Съ этой точки зрѣнія дуэль бываетъ: а) безъ тѣлеснаго поврежденія, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, b) съ тѣлеснымъ поврежденіемъ, смотря по тяжести послѣдняго и с) съ смертельнымъ исходомъ. Наказуемость двухъ послѣднихъ (b и с) видовъ дуэли очевидна: каждый изъ дуэлянтовъ вполнѣ сознательно направляетъ свою дѣятельность на причиненіе болѣе или менѣе серьезнаго вреда своему противнику, что̀ въ дѣйствительности и наступаетъ. Что же касается наказуемости дуэли съ самымъ благополучнымъ исходомъ, то она обусловливается отчасти большею опасностью вреда, заключающагося въ ней, отчасти борьбой съ крайне вреднымъ общественнымъ предразсудкомъ.

Наше право облагаетъ наказаніемъ всякое дѣйствіе дуэлянта, начиная съ вызова и кончая случаемъ смертельнаго исхода, и въ этомъ одна изъ его слабыхъ сторонъ.

Вызовъ (1497—1499) на дуэль карается краткосрочнымъ арестомъ (3—7 дней); если же онъ сдѣланъ лицомъ, подавшимъ первый поводъ къ ссорѣ, то это наказаніе возвышается одною или двумя степенями. Вызвавшій можетъ быть избавленъ по усмотрѣнію суда и совершенно освобожденъ отъ наказанія, если онъ а) былъ тяжко оскорбленъ или b) заступался за честь близкихъ; во всякомъ случаѣ такія обстоятельства понижаютъ наказаніе на одну степень.

Принятіе вызова. По какой то непонятной причинѣ уложеніе, облагая наказаніемъ вызвавшаго, освобождаетъ отъ таковаго принявшаго вызовъ (1502), если не послѣдовало выхода на поединокъ. Это тѣмъ болѣе странно, что законъ, признавая болѣе тяжкую вину въ бывшемъ причиною оскорбленія, ничего не говоритъ о такомъ случаѣ: вызовъ при-

нимаетъ тотъ, кто первый далъ поводъ къ ссорѣ, т. е. считаетъ и его ненаказуемымъ.

Вызовъ и принятіе вызова наказуемы, и очень тяжко, германскимъ (201) и венгерскимъ (293) уложеніями; право же бельгійское наказываетъ лишь за вызовъ, освобождая отъ отвѣтственности принявшаго таковой (423).

Приготовленіе. Приготовительныя къ дуэли дѣйствія по нашему праву ненаказуемы, т. е. говоря вѣрнѣе, въ глазахъ закона нашего отожествляется тотъ, кто вызвалъ, съ тѣмъ, кто пошелъ далѣе: окончилъ приготовленіе, но не приступилъ къ непосредственному совершенію (Н. С. Таганцевъ). На основаніи точнаго смысла 7 ст. ул. о нак. вызовъ и принятіе вызова и по нашему праву ничто иное, какъ обнаруженіе умысла. Ни одинъ изъ кодексовъ западной Европы не говоритъ о приготовленіи къ дуэли, исключая лишь венгерское уложеніе, которое въ 496 ст. опредѣляетъ наказаніе за явку на мѣсто дуэли вооруженнымъ. Такая явка, хотя съ точки зрѣнія теоріи и есть приготовленіе къ проступку, венгерскимъ уложеніемъ считается за покушеніе къ нему, такъ какъ оно въ общей части ничего не говоритъ о приготовленіи, а говоря о покушеніи, опредѣляетъ, что покушеніе на проступокъ—дуэль есть проступокъ—наказуемо лишь въ случаяхъ, въ особенной части указанныхъ (2 ч. 65 ст.).

Покушеніе. Сюда относится 1506 ст. Прежде всего необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу редакціи этой статьи, крайне темной и сбивчивой. Статья гласитъ: „если вышедшіе или уговорившіеся выйти на поединокъ примирятся и прекратятъ его, хотя и по обнаженіи и приготовленіи къ бою оружія, но безъ кровопролитія по собственному побужденію, или, слѣдуя совѣтамъ и убѣжденіямъ свидѣтелей, а не по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, то они освобождаются отъ всякаго наказанія и преслѣдованія“. Повидимому въ составѣ этой статьи играетъ роль бой, потому что кровопролитіе безъ боя немыслимо, но такъ какъ статья ничего не говоритъ объ употребленіи оружія, въ чемъ собственно и состоитъ бой, то слѣдовательно выраженіе „безъ

кровопролитія" совершенно неумѣстно. Съ другой стороны, можно предположить и противное, т. е. что пропущено выраженіе „и употребленія оружія" предъ „но безъ кровопролитія". Вѣроятно, первое предположеніе правильнѣе, потому что нашъ законъ караетъ покушеніе, прерванное добровольно, только въ томъ случаѣ, если совершенное до сего само по себѣ преступно (113), а бой хотя бы онъ окончился и безъ кровопролитія,—преступленіе (2 ч. 1502 ст.), т. е. при наличности боя, что знаменуетъ собою совершеніе поединка, его добровольное прекращеніе не можетъ устранить отвѣтственности, а можетъ вліять только на размѣръ отвѣтственности; въ данномъ же случаѣ наказаніе устраняется совершенно, слѣдовательно, боя не должно быть [1]). Если же покушеніе прекращено по обстоятельствамъ, отъ воли дуэлянтовъ независѣвшимъ, напр., если ихъ розняли насильно, то оно по прямому смыслу 1506 ст. („а не по обстоятельствамъ" etc) облагается наказаніемъ: для принявшаго вызовъ—по 1 ч. 1502, а для учинившаго вызовъ—по 1 ч. 1497 ст., такъ какъ 1506 ст. имѣетъ въ виду не только вышедшихъ, но и „уговорившихся", т. е. еще не вышедшихъ. Наконецъ, въ жизни можетъ быть такой случай: А вызываетъ В, который вызовъ принимаетъ; затѣмъ А или В, одинъ кто нибудь изъ нихъ, отказывается при условіяхъ 1506 ст. отъ дальнѣйшихъ дѣйствій: въ такомъ случаѣ отказавшійся подчиняется 1506 ст., а другой—1 ч. 1497 или 1 ч. 1502 ст., смотря по тому, онъ ли вызвалъ или его вызвали. Подобно русскому праву венгерское уложеніе въ 297 ст. предусматриваетъ случай добровольнаго отказа отъ дуэли независимо отъ времени, когда таковой отказъ воспослѣдовалъ, причемъ наказаніе дуэлянтовъ отпадаетъ. О покушеніи на дуэль, прерванномъ обстоятельствами, отъ воли дуэлянтовъ независѣвшими, съ точки

---

[1]) Н. А. Неклюдовъ утверждаетъ, что нашему праву незнакомо покушеніе при дуэли: онъ, говоря о 1506 ст., говоритъ о примиреніи. Но это очевидное недоразумѣніе: такъ какъ въ дуэли два субъекта, два врага съ совершенно противоположными цѣлями, то добровольное прекращеніе поединка, т. е. добровольно оставленное покушеніе, возможно не иначе какъ по взаимномъ примиреніи.

зрѣнія венгерскаго уложенія мы уже говорили. Бельгійское уголовное право о покушеніи на дуэль, прерванномъ добровольно, ничего не говоритъ, но если имѣть въ въ виду, что согласно 51 ст. такое покушеніе относительно всѣхъ преступленій, проступковъ и нарушеній ненаказуемо, то необходимо придти къ заключенію, что и покушеніе, о которомъ идетъ рѣчь также ненаказуемо. Покушеніе, прерванное независимо отъ воли сторонъ, бельгійскій законъ приравниваетъ во 2 ч. 426 ст. къ вызову (423). Хотя 423 ст., какъ мы видѣли, не относится къ принявшему вызовъ, но 2 ч. 426 ст. всетаки имѣетъ въ виду какъ вызвавшаго на дуэль, такъ и принявшаго такой вызовъ. Это видно изъ того, что, во первыхъ, въ началѣ статьи говорится о дуэлянтѣ, употребившемъ оружіе, что̀ конечно возможно какъ для того, такъ и для другого, а во вторыхъ, если есть основаніе различать вызвавшаго и принявшаго вызовъ при вызовѣ, то нѣтъ уже никакого основанія приводить такое различіе впослѣдствіи, когда дуэлянты приступаютъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ для осуществленія задуманной ими дуэли. Германское право не считаетъ наказуемымъ покушеніе на дуэль безъ различія, прекращено ли оно добровольно или недобровольно, и только въ 204 ст. встрѣчается постановленіе, въ силу котораго добровольное отступленіе отъ дуэли до начала ея освобождаетъ отъ отвѣтственности за вызовъ и принятіе его. Въ заключеніе ученія о покушеніи на дуэль слѣдуетъ указать на то, что добровольное прекращеніе его снимаетъ отвѣтственность съ дуэлянтовъ и за всѣ предварительныя дѣйствія: вызовъ и пр., напр., въ 1506 ст. ул. о нак. говорится: „.....освобождаются отъ *всякаго* наказанія и преслѣдованія“.

Поединокъ совершившійся (2 и 3 ч. 1497, 1498, 2 ч. 1502, 1503 и 1505 ст.). Въ статьѣ 1497 встрѣчается выраженіе: „былъ поединокъ, но окончился безъ кровопролитія“. Эти слова ясно указываютъ на то, что законъ нашъ самый актъ боя признаетъ за дуэль совершившуюся; требуетъ только, чтобы этотъ актъ былъ *оконченъ*, а не *прекращенъ*. Противное мнѣніе защищаетъ проф. И. Я. Фойницкій, который от-

носить бой безъ кровопролитія къ области покушенія (стр. 63).

A) *Поединокъ безъ кровопролитія* (2 и 3 ч. 1497, 1498, 2 ч. 1502 ст.). Первая статья имѣетъ въ виду вызвавшаго, вторая—вызвавшаго и давшаго поводъ, третья—принявшаго вызовъ.

B) *Поединокъ съ кровопролитіемъ, но безъ смертельнаго исхода* (3 ч. 1503 и 1505 ст.). Этотъ поединокъ по нашему праву распадается на два вида: а) поединокъ, окончившійся легкими ранами и в) поединокъ, окончившійся тяжкими ранами или увѣчьемъ, причемъ, надо замѣтить, законъ при дуэли не различаетъ видовъ увѣчья. Обратимся къ поединку съ легкими ранами (1505). Здѣсь можетъ быть два случая: 1) дуэлируютъ A и B; A далъ первый поводъ, вызвалъ и оба потерпѣли: A подлежитъ 1 ч. 1505 ст., B—2 ч. 1505 ст., 2) A далъ первый поводъ, вызвалъ и нанесъ легкую рану B, а самъ остался невредимъ; если придерживаться буквы закона, то отвѣтственность—одна и та же; но въ виду духа закона, въ виду того, что онъ ревниво оберегаетъ принципъ матеріальныхъ послѣдствій поединка, необходимо признать, что отвѣтственность для A та же, что и въ первомъ случаѣ, а для B—по 2 ч. 1502 ст., такъ какъ каждый отвѣчаетъ за то, что совершилъ, а такая дуэль имѣетъ два значенія: она окончилась легкими ранами, что̀ сдѣлалъ A, и окончилась безъ кровопролитія съ точки зрѣнія виновности B. Изъ этого видно, что уложеніе не освобождаетъ отъ отвѣтственности потерпѣвшаго, если ему были нанесены легкія раны. Совершенно иное оно признаетъ для поединка съ тяжкими ранами: за такой поединокъ отвѣчаетъ только нанесшій таковыя по 1503 ст. При примѣненіи этой статьи могутъ быть три случая: 1) A далъ поводъ или вызвалъ, если нельзя узнать съ достовѣрностью, кто именно далъ поводъ—1 ч. 1503 ст.; 2) A не далъ повода и былъ вызванъ—3 ч. 1503 ст., и 3) A не далъ повода, но вызвалъ—3 ч. 1503 ст., согласно Высочайше утвержденному заключенію Государственнаго Совѣта 9 іюля 1849 г. И при этомъ видѣ дуэли такъ же, какъ и при первомъ необходимо смотрѣть на то, чѣмъ окон-

чилась данная дуэль съ точки зрѣнія виновности одного противника и съ точки зрѣнія виновности другого.

C) *Поединокъ со смертельнымъ исходомъ* (1 и 2 ч. 1503 ст.). Примѣненіе этой статьи въ случаѣ причиненія смерти то же, что и въ случаѣ причиненія увѣчья или тяжкихъ ранъ.

Ближе другихъ къ дѣйствующему русскому праву въ вопросѣ о совершившейся дуэли подходитъ бельгійское уложеніе, которое также различаетъ наказуемость за совершившуюся дуэль, смотря по послѣдствіямъ, которыя отъ нея произошли. И ему также извѣстна дуэль безъ кровопролитія, съ кровопролитіемъ, смотря по тяжести поврежденій, и дуэль со смертельнымъ исходомъ. Отъ этихъ кодексовъ довольно рѣзко отличается кодексъ Германской имперіи, устанавливающій различную наказуемость за дуэль лишь со смертельнымъ исходомъ и безъ него. Наконецъ, венгерское уложеніе предусматриваетъ только случай дуэли, окончившейся кровопролитіемъ, смотря по качеству поврежденій, и случай дуэли, повлекшей смерть. О дуэли съ благополучнымъ исходомъ оно ничего не говоритъ, считая, очевидно, что за такую дуэль вполнѣ достаточно наказаніе, положенное за вызовъ и принятіе его.

Итакъ, вотъ система наказуемости за дуэль по русскому праву. Какія ея хорошія и дурныя стороны? Несомнѣнно, что самое симпатичное въ ней то, что и русскій законъ не назначаетъ ограниченія правъ при заключеніи въ крѣпость, да и самое заключеніе въ крѣпость въ общественномъ мнѣніи занимаетъ болѣе привилегированное положеніе, нежели заключеніе въ тюрьму и т. п. Далѣе, къ симпатичнымъ чертамъ можно отнести и освобожденіе отъ наказуемости того дуэлянта, который получилъ увѣчье или тяжкую рану. Затѣмъ, не менѣе симпатичнымъ является стремленіе различать наказуемость по степени, въ какой каждый изъ противниковъ участвовалъ въ созданіи дуэли. Но это стремленіе, какъ мы имѣли случай замѣтить въ ученіи о субъектѣ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ pium desiderium и не только для такого уложенія, какъ наше, казуистичность котораго

доведена до крайней степени, но и для всякаго иного. Въ частности сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по адресу нашего уложенія. Оно совершенно отожествляетъ понятія „поводъ" и „причина", какъ это можно видѣть изъ одной и той же 1503 ст., а между тѣмъ эти понятія далеко не тожественны. Представимъ такой случай: А ухаживаетъ за женою В—причина, В даетъ А вслѣдствіе этого публично пощечину—поводъ; А вызываетъ В. Допустимъ, что всѣ эти подробности обнаружены; кто изъ нихъ, А или В, болѣе виновенъ и кто менѣе? Рѣшить этотъ вопросъ нѣтъ никакой возможности. А отъ рѣшенія его судъ уклониться не имѣетъ никакого права. Быть можетъ, самымъ естественнымъ исходомъ дѣла послужитъ то, что, склонясь на формальную сторону, подвергнутъ усиленной отвѣтственности вызвавшаго. Также несостоятельна замѣна бывшаго виновникомъ поединка вызвавшимъ. Далѣе, совершенно непонятна причина, по которой уложеніе освобождаетъ отъ отвѣтственности принявшаго вызовъ, вслѣдствіе чего оно не различаетъ при состоявшемся безъ кровопролитія поединкѣ принявшаго вызовъ и не давшаго повода къ дуэли отъ принявшаго вызовъ и подавшаго такой поводъ. Наконецъ, крупнѣйшимъ недостаткомъ нашей системы является универсальная, такъ сказать, наказуемость, безъ различія ступени, на которой остановились дуэлянты. Не говоря уже о противорѣчіи уложенія, какъ слишкомъ устарѣвшаго кодекса, съ современной доктриною уголовнаго права, оно въ этомъ случаѣ противорѣчитъ и самому себѣ. Стоитъ только прочесть 111—114 ст. ул. о нак., чтобы убѣдиться, что обнаруженіе умысла и приготовленіе наказываются только въ томъ случаѣ, если совершенное приготовительное дѣйствіе само по себѣ составляетъ преступленіе, или въ томъ случаѣ, если наказуемость за это спеціально указана въ законѣ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ имѣлись въ виду только государственныя преступленія, да убійство (1457), какъ наиболѣе опасныя и потому наиболѣе ревниво преслѣдуемыя. Противъ этого нельзя возразить того, что нашъ законъ считаетъ эти явленія весьма опасными, потому что

онъ относится къ дуэли довольно снисходительно. Нельзя возразить и того, что, можетъ быть, законъ признаетъ вызовъ и пр. за delicta sui generis, потому что изъ буквальнаго смысла статей 7 и 8 вытекаетъ совершенно противное. Что же касается того факта, что большинство законодательствъ, какъ мы видѣли, караетъ вызовъ и принятіе его, то въ этомъ, весьма возможно, слышатся отголоски того воззрѣнія въ исторіи, когда въ дуэли видѣли государственное преступленіе. Косвенное подтвержденіе этому можно видѣть въ имѣющемъ въ непродолжительномъ времени вступить въ дѣйствіе новомъ русскомъ уголовномъ уложеніи, которое отказалось отъ мысли карать вызовъ и принятіе его.

Проектъ уголовнаго уложенія вообще представляетъ поразительную противоположность дѣйствующему праву. Такъ, онъ объявляетъ ненаказуемыми обнаруженіе умысла и дѣйствія приготовительныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакціонная коммисія признаетъ наказуемымъ покушеніе, которымъ она считаетъ „явку дуэлянтовъ на мѣсто и всю дальнѣйшую дѣятельность до момента скрещенія оружія и размѣна выстрѣловъ, т. е. приготовленіе оружія къ бою, занятіе дуэлянтами назначеннаго мѣста, обнаженіе оружія, нацѣливаніе и т. д.“ (стр. 218), причемъ предполагается, что самый поединокъ не состоялся помимо воли дуэлянтовъ. Такой смыслъ и имѣетъ 2 ч. 23 ст. Что касается поединка состоявшагося, то и здѣсь проектъ значительно расходится съ дѣйствующимъ уложеніемъ, объявляя равнозначущимъ поединокъ безъ кровопролитія и поединокъ съ нанесеніемъ легкихъ ранъ и увѣчій по 1 ч. 23 ст., причемъ оба дуэлянта наказываются одинаково, безотносительно къ тому, оба ли они потерпѣли или одинъ изъ нихъ. Что легкое увѣчье въ противоположность дѣйствующему праву относится къ 1 ч. 23 ст. видно изъ словъ ст. 24: „тяжкое поврежденіе“, а поврежденіе, какъ понятіе родовое, обнимаетъ собою и рану, и увѣчье. Ст. 24 освобождаетъ отъ наказанія получившаго тяжкое увѣчье и наказываетъ только нанесшаго таковое („виновный“, а не „виновные“). Наконецъ, ст. 25 относится къ случаю лишенія жизни на пое-

динкѣ. Система проекта можетъ вызвать только то замѣчаніе, что нѣкоторыя дѣйствія дуэлянтовъ, относимыя имъ къ области покушенія, въ сущности составляютъ приготовленіе. Было бы правильнѣе отнести начало покушенія къ тому моменту, когда противники непосредственно приступаютъ къ началу боя: берутъ въ руки оружіе, скрещиваютъ его, прицѣливаются и т. п.; при этомъ надо замѣтить, что наказуемость за совершившуюся дуэль настигаетъ обоихъ противниковъ, хотя бы одинъ активнаго участія и не успѣлъ принять, напр., онъ стоялъ подъ выстрѣломъ.

Квалифицированные виды дуэли. Ми видѣли, что условіе составляетъ необходимый элементъ дуэли. Оно имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что отъ его характера зависитъ квалификація дуэли. Нормальною дуэль считается лишь въ томъ случаѣ, если условіе опредѣлило только тѣ дѣйствія, которыя должны выполнить противники, съ соблюденіемъ обыкновенныхъ обрядностей и предоставленіемъ исхода дуэли естественному ея ходу. Поэтому подъ понятіе нормальной дуэли не подойдетъ дуэль съ условіемъ биться на смерть и дуэль безъ секундантовъ. Оба эти случая вызываютъ усиленіе отвѣтственности, такъ такъ и тотъ, и другой указываютъ на крайнюю степень вражды, существующей между сторонами, лишаютъ возможности болѣе благополучнаго исхода и т. д. О первомъ изъ этихъ видовъ дуэли наше право говоритъ въ 1504 ст. Въ составѣ этого преступленія уложеніе требуетъ слѣдующихъ двухъ дополнительныхъ элементовъ: 1) условія биться на смерть и 2) наличности смерти или смертельнаго поврежденія. Проанализируемъ оба элемента: 1) условіе биться на смерть можетъ быть высказано категорически или подразумѣваться („Герой нашего времени“, дуэль Печорина съ Грушницкимъ); сюда же относится, какъ мы видѣли, и американская дуэль. Условіе это, какъ видно изъ словъ закона, должно быть обозначено или подразумѣваемо при вызовѣ или до момента покушенія и принято противною стороною. 2) Требуется наличность смерти или смертельнаго поврежденія, а потому при отсутствіи этого признака будетъ лишь покуше-

ніе на преступленіе, предусмотрѣнное 1504 ст. Наказуемость каждаго изъ дуэлянтовъ видоизмѣняется, смотря по тому, кто изъ нихъ предложилъ это условіе, причемъ предложившій подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а принявшій это условіе—заключенію въ крѣпость на время отъ 6 л. 8 м. до 10 л. Представляется совершенно непонятнымъ, почему законъ измѣняетъ своему правилу не подвергать дуэлянта лишенію правъ состоянія. Преступленіе, правда, важно и серьезно, но во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія общественной морали рискъ жизнью для своего удовлетворенія заслуживаетъ вниманія.

Второй видъ квалифицированной дуэли—дуэль безъ секундантовъ или свидѣтелей (1509 ст.). Основаніе квалификаціи—роль этихъ лицъ, которая часто весьма спасительна и о которой подробно будетъ сказано ниже въ ученіи объ участникахъ дуэли. Здѣсь замѣтимъ только, что понятіе „свидѣтель" шире понятія „секундантъ" и потому представляется вопросъ: разумѣетъ ли наше право въ ст. 1509 только секунданта въ техническомъ смыслѣ этого слова или и всякаго свидѣтеля? Повидимому отвѣтить надо отрицательно, такъ какъ хотя законъ и употребляетъ терминъ „свидѣтель", но это есть переводъ слова „секундантъ": „секундантъ" (свидѣтель)—такъ постоянно говоритъ законъ. Но съ этимъ толкованіемъ согласиться трудно, ибо въ такомъ случаѣ отпадаетъ и самое основаніе квалификаціи: роль секунданта во время и на мѣстѣ дуэли съ большимъ удобствомъ можетъ выполнить и не секундантъ, а всякое стороннее лицо, иногда даже не будучи уполномочено на то сторонами. На томъ же основаніи не требуется и нѣсколькихъ свидѣтелей: и присутствіе одного достаточно для признанія дуэли обыкновенною, а не квалифицированною. Правильнѣе было бы назвать эту дуэль не дуэлью безъ секундантовъ, а дуэлью наединѣ или съ глазу на глазъ. Говоря объ этомъ преступленіи уложеніе измѣняетъ самому себѣ въ классификаціи послѣдствій: оно отожествляетъ виновныхъ въ смерти противника и тяжкой, но несмертельной раны, разумѣется и увѣчья (въ предыдущихъ статьяхъ

тяжкая рана и увѣчье равносильны), а во вторыхъ, виновнаго въ нанесеніи легкихъ ранъ съ виновнымъ въ поединкѣ безъ кровопролитія. Естественный, логическій выводъ изъ 1509 ст. состоитъ въ томъ, что для ея примѣненія требуется актъ боя съ послѣдствіями или безъ послѣдствій—все равно. Поэтому, если боя не было, то примѣняются тѣ статьи уложенія, которыя караютъ за приготовленіе или покушеніе, т. е. другими словами, при предварительной дѣятельности дуэлянтовъ отсутствіе свидѣтелей не имѣетъ значенія. Наконецъ, отвѣтственность каждаго изъ дуэлянтовъ находится въ зависимости, какъ и при дуэли съ условіемъ биться на смерть, отъ того, кто изъ нихъ предложилъ и кто только принялъ предложеніе выйти на дуэль безъ свидѣтелей.

Проектъ (2, 25 и 26 ст.), будучи тождественъ съ дѣйствующимъ уложеніемъ въ основаніяхъ квалификаціи, расходится съ нимъ въ тѣхъ наказаніяхъ, которыя онъ назначаетъ за квалифицированные виды дуэли: онъ, во-1-хъ, не присоединяетъ въ видѣ добавочнаго наказанія лишенія правъ, а во-2-хъ, болѣе снисходительно смотритъ на такія преступленія, карая за нихъ крѣпостью, а не поселеніемъ. Новое постановленіе проекта сравнительно съ уложеніемъ представляетъ случай, если дуэлянты условились биться на смертъ безъ секундантовъ; при смертельномъ исходѣ виновный подлежитъ поселенію, впрочемъ также безъ лишенія правъ. По дѣйствующему праву въ этомъ случаѣ примѣняются правила о совокупности.

Оба квалифицированные вида дуэли усвоены, кромѣ русскаго права, еще и правомъ германскимъ (206 ст.), причемъ послѣднее идетъ нѣсколько дальше русскаго уложенія, признавая необходимымъ подвергать усиленной отвѣтственности даже за составленіе такого условія—биться на смерть,—т. е. квалифицируетъ и покушеніе, и приготовленіе.

Поединокъ измѣнническій. Условіе, какъ существеннѣйшій элементъ дуэли, имѣетъ еще и то значеніе, что намѣренное измѣненіе его однимъ изъ дуэлянтовъ съ цѣлью причиненія вреда другому лишаетъ дуэль ея привилегирован-

наго значенія и низводитъ ее на болѣе низкую ступень. Такое измѣненіе условія непремѣнно должно имѣть въ виду причиненіе вреда противнику, а не простое обезопасеніе себя. Подобное обезопасеніе можно считать дѣяніемъ безнравственнымъ, гнуснымъ, но далеко не преступнымъ. Но если одинъ изъ дуэлянтовъ, благодаря обезопасившему его средству, воспользуется этимъ во вредъ другому, то очевидно, такое дѣйствіе должно усилить его отвѣтственность; напр., А, зная, что надѣтая на него кольчуга помѣшаетъ противнику убить его или нанести ему рану, воспользуется этимъ для болѣе энергичнаго нападенія на другаго и причинитъ послѣднему, благодаря именно этому обстоятельству, вредъ, чего по трусости, неумѣнію и т. п. не могъ бы сдѣлать, не предохранивъ себя кольчугою. Поединокъ, совершившійся при такомъ намѣренномъ измѣненіи условія съ цѣлью причиненія вреда другому противнику, называется измѣнническимъ. Юридическое его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ перестаетъ быть поединкомъ, какъ delictum sui generis, и приравнивается или къ предумышленному убійству, нанесенію ранъ и увѣчій или къ покушенію на это, смотря по тому, на что направленъ умыселъ этого дуэлянта. Для понятія измѣнническаго поединка необходимо, чтобы измѣненіе условія произошло, но въ какой моментъ поединка—это безразлично. Дуэль, какъ мы видѣли, предполагаетъ одинаковость риска; о какой же одинаковости можно говорить въ подобныхъ случаяхъ? Измѣнническій поединокъ лишается привилегированнаго положенія дуэли и съ точки зрѣнія нашего уложенія (1510 ст.), которое приравниваетъ его къ убійству съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или къ нанесенію тяжкой раны или увѣчья съ такимъ же намѣреніемъ, а если поединокъ происходилъ безъ свидѣтелей, то даже—къ убійству съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, совершенному въ засадѣ. Эти постановленія нашего уложенія представляютъ замѣчательную юридическую логику. Уложеніе отказывается даже отъ примѣрнаго, такъ излюбленнаго имъ перечисленія способовъ измѣны; ничего не говоритъ оно и о времени измѣны, раньше ли

дуэли дуэлянтъ измѣнилъ условіе или въ самый моментъ ея. Безразлично также, самъ-ли виновный создалъ измѣну или воспользовался для этого услугами другихъ лицъ. Требуется только одно—умышленность. Это требованіе логически вытекаетъ изъ всѣхъ трехъ санкцій 1510 ст. Такъ какъ уложеніе для примѣненія этой статьи требуетъ наличность смерти, тяжкой раны или увѣчья, то поединокъ, окончившійся лишь легкими ранами, измѣнническимъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго русскаго права быть не можетъ; онъ признается или обыкновенною дуэлью, если умыселъ направленъ на причиненіе именно легкой раны, или покушеніемъ на измѣнническій поединокъ, если намѣреніе дуэлянта направлено на причиненіе смерти, тяжкой раны или такого же увѣчья. Затѣмъ, для примѣненія той же статьи необходима, конечно, причинная связь между измѣною и послѣдствіемъ. Нечего и говорить, что противникъ измѣнившаго условіе дуэлянта, имѣетъ право, замѣтивъ это, въ свою очередь также измѣнить условіе, на основаніи правилъ о необходимой оборонѣ.

Проектъ (ст. 30) отличается отъ уложенія въ постановленіи объ измѣнническомъ поединкѣ только тѣмъ, что признаетъ возможность измѣны и при дуэли, окончившейся легкими ранами или безъ кровопролитія.

Постановленія объ измѣнническомъ поединкѣ, совершенно аналогичныя съ постановленіями по этому вопросу русскаго права, содержатся въ венгерскомъ и германскомъ кодексахъ; сходство между первымъ изъ нихъ и нашимъ уложеніемъ простирается даже до того, что венгерское уложеніе признаетъ возможность измѣнническаго поединка только въ случаѣ, если дуэль окончилась тяжкими поврежденіями или смертью одного изъ противниковъ. Хотя бельгійское уложеніе и не упоминаетъ объ измѣнническомъ поединкѣ, но если имѣть въ виду сказанное о характерѣ и значеніи этого рода поединка, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что и здѣсь также такой поединокъ долженъ быть приравненъ къ умышленному убійству. Это такъ естественно, такъ вытекаетъ изъ самаго понятія дуэли, какъ delictum'a sui generis, что практика бельгій-

скихъ судовъ всегда и неизмѣнно слѣдовала такому началу. А если такъ, то не представляется ли излишнимъ специальное узаконеніе объ измѣнническомъ поединкѣ въ тѣхъ законодательствахъ, которыя, какъ, напр., наше, не дѣлаютъ никакого различія между наказуемостью за измѣнническій поединокъ и умышленнымъ убійствомъ, нанесеніемъ ранъ, увѣчій и пр.?

Рецидивъ. Наконецъ, 3 ч. 1497 ст. говоритъ о рецидивѣ; наказаніе за дуэль безъ кровопролитія повышается: арестъ отъ 3 нед. до 3 мѣс. доходитъ до заключенія въ крѣпости отъ 2 до 4 мѣс. Существуютъ, такъ сказать, спеціалисты, а иногда и ремесленники, по дуэльной части (бреттеры); люди эти, пользуясь тѣмъ, что отъ вызова на дуэль отказываться не принято, часто по самымъ незначительнымъ поводамъ, а иногда и сами, нарочно устраивая такіе поводы, вызываютъ и, если ихъ вызовъ принятъ, то никогда обыкновенно не останавливаются на этомъ, а доводятъ дѣло до конца. Такіе люди крайне опасны именно тѣмъ, что они играютъ на предразсудкѣ, на стремленіи человѣка, свойственномъ каждому, не выходить изъ общепринятыхъ въ данной средѣ условій, хотя бы эти условія и не совпадали съ его убѣжденіями, какъ единицы (вѣдь въ сущности надо быть героемъ, чтобы отказаться отъ вызова); опасность такихъ субъектовъ увеличивается еще отъ того, что они не прочь всюду и всегда позорить своего противника только на томъ основаніи, что тотъ отказался. Борьба государственной власти противъ такихъ лицъ должна быть какъ можно репрессивнѣе. Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, вызвана 3 ч. 1497 ст. Не понятно только, почему о рецидивѣ законъ умолчалъ при другихъ случаяхъ дуэли. Хотя проектъ уголовнаго уложенія ничего не говоритъ о рецидивѣ при дуэли, но конечно къ данному случаю имѣютъ примѣненіе тѣ постановленія его о рецидивѣ, которыя изложены въ общей части. Изъ западноевропейскихъ законодательствъ о рецидивѣ говоритъ бельгійское уложеніе (433 ст.) и должно сознаться съ точки зрѣнія техники кодификаціи совершенно напрасно, такъ какъ 433 ст.

есть чуть-ли не буквальное повторение 56 ст. общей части, гдѣ говорится о рецидивѣ за проступокъ вообще.

III.

Какъ въ другихъ вопросахъ, такъ и въ вопросѣ о соучастіи видна особая характерность дуэли, какъ delictum'a sui generis. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ другихъ преступленіяхъ соучастіе является обстоятельствомъ, свидѣтельствующемъ о большей опасности отъ преступниковъ, въ дуэли мы замѣчаемъ совершенно противоположное. Здѣсь участіе другихъ лицъ, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о готовности дуэлянтовъ подвергнуть свою преступную дѣятельность контролю постороннихъ лицъ. Затѣмъ, въ то время, какъ въ другихъ случаяхъ, соучастники такъ или иначе, активно или пассивно, направляютъ свою дѣятельность на выполненіе общими усиліями преступныхъ замысловъ, соучастники дуэлянтовъ, хотя и не всѣ, не принимаютъ никакого участія въ выполненіи того, что входитъ въ составъ дуэли. Далѣе, на нѣкоторыхъ соучастниковъ въ дуэли исторія и современный обычай возлагаютъ обязанность предложенія дуэлянтамъ не доводить дѣла до конца, чего мы совершенно не находимъ въ роли другихъ соучастниковъ. Все это не позволяетъ сослаться на общее ученіе о соучастіи, а требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія соучастія при дуэли.

Соучастниковъ при дуэли можно разбить на слѣдующія шесть группъ: 1) передатчики вызова (картельщики или картельтрегеры), 2) секунданты, 3) врачи, 4) посторонніе свидѣтели, 5) подстрекатели и 6) упрекающіе за отказъ или прекращеніе дуэли. Разсмотримъ каждую изъ этихъ группъ отдѣльно.

1) *Передатчики вызова.* Роль ихъ состоитъ въ передачѣ письменнаго или устнаго вызова. Разумѣется, отъ нихъ требуется знаніе того, что они передаютъ; поэтому, если лицо несетъ записку о вызовѣ, но съ содержаніемъ ея незнакомо, то оно не подойдетъ подъ эту категорію, но съ другой стороны отъ нихъ не требуется знанія подробностей вызова, не

вліяющихъ на измѣненіе состава преступленія, напр., мотива. Такъ какъ вызовъ и принятіе его составляютъ обнаруженіе умысла, дѣяніе, съ теоретической точки зрѣнія, ненаказуемое, то очевидна ненаказуемость и передатчиковъ вызова.

2) *Секунданты*. Ихъ роль слагается изъ двухъ моментовъ: во-первыхъ, они по порученію дуэлянтовъ составляютъ условіе дуэли, а во-вторыхъ, они же присутствуютъ при дуэли. И то, и другое имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Такъ, они какъ посторонніе и потому болѣе безпристрастные составители условія могутъ придать болѣе легкій характеръ этому условію, нежели сами дуэлянты; разлучая противниковъ до момента дуэли, они тѣмъ самымъ препятствуютъ возникновенію между ними новой ссоры, способной ухудшить условіе и исходъ дуэли. Какъ посторонніе и потому сравнительно съ дуэлянтами болѣе спокойные зрители, они гораздо легче могутъ слѣдить за точнымъ выполненіемъ условія, слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ противниковъ не придалъ дуэли измѣнническаго характера и т. д. Кромѣ того, по исторической традиціи и современному обычаю они предлагаютъ дуэлянтамъ прекратить ссору и нерѣдко случается, что эта ихъ дѣятельность имѣетъ успѣхъ; наконецъ, при отсутствіи врача они могутъ подать необходимую на первый разъ помощь пострадавшему и такимъ образомъ предотвратить слишкомъ плачевный исходъ дуэли. Словомъ, они — тѣ друзья-примирители спорящихъ, присутствіе которыхъ не только не преступно, но даже полезно. А если такъ, то нѣтъ и не можетъ быть никакого raison d'être для ихъ наказуемости. Самое отсутствіе ихъ квалифицируетъ, какъ мы видѣли дуэль (дуэль безъ секундантовъ). Въ пользу ихъ ненаказуемости говорятъ и соображенія уголовной политики. Въ самомъ дѣлѣ, очень многіе, весьма по своему характеру и личнымъ отношеніямъ къ дуэлянтамъ пригодные для роли секундантовъ, могутъ въ виду грозящаго наказанія отказаться отъ такой дѣятельности. Но эта безнаказанность не абсолютна: если они завѣдомо допустятъ измѣненіе условія, будутъ еще болѣе разжигать ссору дуэлянтовъ, дабы тѣ не примирились,

словомъ, если они не будутъ на высотѣ своей задачи, то отпадаетъ и самое основанiе ихъ безнаказанности.

3) *Врачи.* Еще очевиднѣе безнаказанность врачей, приглашенныхъ на мѣсто заранѣе для оказанія помощи дуэлянту, который окажется пострадавшимъ (о наказуемости врача, приглашеннаго послѣ дуэли, не можетъ быть и рѣчи). Только что высказанное соображенiе уголовной политики имѣетъ еще бóльшее значенiе по отношенiю къ врачамъ. Конечно, подъ врачемъ слѣдуетъ разумѣть и доктора хирургiи и простаго знахаря, словомъ всякаго, чье знанiе и опытность могутъ оказать, по мнѣнiю пригласившихъ, помощь пострадавшему.

4) *Посторонніе свидѣтели.* Этимъ терминомъ обозначаются: a) всѣ тѣ лица, которыя своими средствами помогали дуэлянтамъ для воспроизведенія послѣдними преступнаго дѣянія: кучеръ, привезшiй на мѣсто, давшiй оружiе, предложившiй принадлежащее ему мѣсто и т. п., b) случайные прохожiе и c) недоносители. Относительно постороннихъ свидѣтелей надо замѣтить, что они, являясь соучастниками при дуэли, ничѣмъ не отличаются отъ соучастниковъ вообще. Первая ихъ группа—пособники—должны отвѣчать на общемъ основанiи, послѣдняя—недоносители—съ точки зрѣнiя теорiи—ненаказуемы. Что же касается второй категорiи—случайныхъ прохожихъ—то ихъ дѣятельность можетъ выразиться двояко: a) они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для предотвращенiя дуэли и этимъ самымъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; b) они не сдѣлали этого, а или удалились (въ такомъ случаѣ они—недоносители, если было время и возможность донести), или остались простыми зрителями; относительно послѣднихъ надо замѣтить слѣдующее: они—не соучастники, такъ какъ всякое соучастiе необходимо предполагаетъ общность воли, т. е. желанiе того результата, къ которому стремится непосредственный дѣятель; но такъ какъ въ дуэли два субъекта, а слѣдовательно и двѣ дiаметрально-противоположныя преступныя воли, то случайный прохожiй очевидно не можетъ имѣть этой общности воли, ибо воля движется только въ одномъ направленiи. Не могутъ

быть они признаны и тѣми, кто, видя погибающаго, не оказываетъ помощи для спасенія, ибо дуэлянтъ (погибающій) самъ создалъ съ предвидѣніемъ послѣдствій опасное для себя состояніе и самъ же, имѣя къ тому полную возможность, не выходитъ изъ такого состоянія. Поэтому, необходимо признать безотвѣтственность простыхъ зрителей.

5) *Подстрекатели.* Совершенно иная дѣятельность подстрекателей къ дуэли. Подъ ними разумѣются лица, которыя по тѣмъ или инымъ видамъ побуждаютъ другихъ предложить или принять вызовъ, а также и тѣ, которые побудили когольбо оскорбить третье лице для созданія дуэли между двумя послѣдними. Такъ какъ они—авторы преступленія, такъ какъ безъ ихъ дѣятельности дуэль не произошла бы, то поэтому они должны быть отвѣтственны и наказуемы. Для этого требуется только, чтобы ихъ дѣятельность стояла въ причинной связи съ дуэлью. Вообще говоря, дѣятельность подстрекателя къ дуэли ничѣмъ не отличается отъ таковой ко всякому иному преступному дѣянію; другими словами, общее ученіе о подстрекательствѣ имѣетъ и при подстрекательствѣ къ дуэли полное примѣненіе. Но все-же оно вызываетъ слѣдующее спеціальное замѣчаніе: подстрекатель здѣсь можетъ дѣйствовать, во-первыхъ, на то лицо, которое само оскорбило или было оскорблено, и во-вторыхъ, будучи самъ оскорбителемъ или оскорбленнымъ, подстрекатель побуждаетъ другаго заступиться за себя. Это различіе оказываетъ вліяніе на размѣръ наказуемости, причемъ въ первомъ случаѣ можно удовольствоваться общими правилами о мѣрѣ наказанія за подстрекательство, во второмъ же случаѣ этого сдѣлать нельзя, въ виду-ли того состоянія, напр., болѣзни, въ которомъ находился подстрекатель и которое помѣшало ему самому выйти на дуэль, или въ виду тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между подстрекателемъ и подстрекнутымъ, т. е. совершенно-ли посторонніе они другъ другу лица, или же связаны между собою тѣми или иными узами родства, свойства, дружбы и пр.; если эта связь, что вопросъ факта, была не только внѣшняя, но и внутренняя, то подстрекатель, не освобождаясь отъ

наказанія, значительно смягчаетъ свою вину, слѣдовательно, во второмъ случаѣ законъ долженъ указать нѣсколько наказаній, предоставивъ примѣненіе одного изъ нихъ къ данному случаю суду.

6) Наконецъ, послѣдняя группа лицъ, причастныхъ къ дуэли: это—упрекающіе за отказъ или прекращеніе дуэли противниковъ. Если такая ихъ дѣятельность повлечетъ за собою дуэль, то они подстрекатели, хотя косвенные или даже неосторожные; въ противномъ же случаѣ они совершаютъ то, что называется оскорбленіемъ чести, обидою и т. п.

Изъ этого очерка видно, что и соучастіе при дуэли есть соучастіе sui generis.

Дѣйствующее уложеніе наряду съ признаніемъ отвѣтственности дуэлянтовъ, безотносительно къ ступени, на которой они остановились, объявляетъ наказуемыми и всѣхъ (почти) соучастниковъ, безотносительно къ той роли, какую они играютъ.

1) *Передатчики вызова* (1501 ст.) Уложеніе такъ характеризуетъ ихъ: „тѣ, которые завѣдомо принесутъ вызовъ на поединокъ“. Они освобождаются отъ наказанія, если приложатъ всѣ возможныя для нихъ старанія примирить дуэлянтовъ или же какимъ-либо инымъ способомъ предотвратятъ послѣдствія. Наказуемость ихъ, слѣдовательно, обусловливается фактомъ положительнымъ (передача вызова) и отрицательнымъ (непринятіе мѣръ къ предотвращенію поединка), т. е. уложеніе придаетъ ихъ дѣятельности чрезвычайно смѣшанный характеръ: они и пособники, и попустители, и недоносители. Не этимъ-ли смѣшеніемъ вызывается и примѣненіе къ нимъ того же наказанія, которому подвергается и тотъ, кто вызвалъ? Изъ смысла 1501 ст. видно, что, во-первыхъ, передатчики вызова освобождаются отъ отвѣтственности, когда попытка ихъ предотвратить поединокъ увѣнчалась успѣхомъ. Здѣсь интересенъ вопросъ, который возбужденъ Н. А. Неклюдовымъ: въ чемъ должна состоять ихъ попытка? Должны-ли удовольствоваться предложеніемъ примириться, или при безуспѣшности такого предложенія должны принять болѣе энер-

гичныя мѣры: разлучить дуэлянтовъ, донести до свѣдѣнія властей и т. п.? Конечно, не можетъ быть объ отвѣтственности и рѣчи, коль скоро они, обойдя первое средство, обратились прямо ко второму. Н. А. Неклюдовъ полагаетъ, что достаточно одной попытки къ примиренію. Основаніе такого взгляда (ссылка на обсужденіе этой статьи въ Государственномъ Совѣтѣ) можно подтвердить и простымъ филологическимъ замѣчаніемъ: частица *„или же“* означаетъ выборъ того или другаго. Во-вторыхъ, передатчики вызова освобождаются отъ отвѣтственности, когда поединка не воспослѣдовало и помимо ихъ попытки; это видно изъ словъ статьи „послѣдствій вызова“, единственное же послѣдствіе вызова—есть поединокъ. Если такъ, то, въ третьихъ, отвѣтственность ихъ начинается съ момента окончанія дуэли.

2) *Секунданты* (1507, 4 ч. 1510 и 3 ч. 1504). На нихъ Уложеніе возлагаетъ обязанность прекратить ссору (1506, 1507), признаетъ за ними возможность составленія условія и допускаетъ ихъ присутствовать при дуэли съ цѣлью наблюденія за правильнымъ ея теченіемъ (1509 и 1510); словомъ, Уложеніе въ этомъ вопросѣ совершенно сходно съ теоріею и тѣмъ не менѣе облагаетъ секундантовъ наказаніемъ, освобождая отъ него только при условіи, если они употребили всевозможныя средства убѣжденія (для нихъ, слѣдовательно, совершенно не требуется принятіе болѣе дѣйствительныхъ мѣръ), безразлично къ тому, удачна ли была ихъ попытка или нѣтъ. Совершенно непонятно, почему законъ установилъ такую привилегію для секундантовъ сравнительно съ передатчиками вызова, тѣмъ болѣе, что роль первыхъ значительнѣе роли послѣднихъ. Размѣръ наказуемости зависитъ отъ матеріальныхъ послѣдствій поединка; различаются два случая: a) дуэль съ смертельнымъ исходомъ и b) дуэль безъ смертельнаго исхода. Почему законъ различаетъ только два случая? Въ чемъ оправданіе такому различію? Въ чемъ вина секундантовъ, что одинъ изъ противниковъ хорошо стрѣляетъ, знакомъ съ фехтованіемъ, а другой—нѣтъ?

Секундантство квалифицированное. Сюда относятся: а)

секунданты, допустившіе условіе биться на смерть (3 ч. 1504), т. е. согласившіеся быть секундантами при такомъ условіи или не уговаривавшіе дуэлянтовъ отклонить это условіе, какъ это видно изъ буквальнаго смысла закона, а тѣмъ болѣе предложившіе это условіе. Такъ какъ для общаго примѣненія 1504 ст. требуется смертельный исходъ дуэли, то отсюда слѣдуетъ, что и секунданты такого рода подвергаются усиленной отвѣтственности только въ случаѣ наличности смерти одного изъ дуэлянтовъ. b) Секунданты, участвовавшіе въ измѣнѣ (1510). Это участіе можетъ выразиться или физически, или интеллектуально. Наказуемость ихъ равна наказуемости самихъ дуэлянтовъ. Если вспомнить, что измѣнническій поединокъ есть убійство, то не правильнѣе было бы отвѣтственность такихъ секундантовъ обсуживать съ общей точки зрѣнія соучастія при преступленіи?

3) *Врачи* по прямому смыслу примѣчанія къ 1507 ст. ненаказуемы, даже если были приглашены заранѣе.

4) *Посторонніе свидѣтели* (1511). Подъ ними уложеніе разумѣетъ лицъ, случайно присутствовавшихъ при поединкѣ, и возлагаетъ на нихъ обязанность примиренія противниковъ, хотя бы послѣдніе были для нихъ совершенно посторонніе люди, вслѣдствіе чего предложеніе примириться для свидѣтелей можетъ быть и рискованно; они подвергаются церковному покаянію, если дуэль имѣла исходомъ смерть или тяжкую рану (и увѣчье). Они наказываются (ст. 1511 ссылается на 1521 ст.) на томъ основаніи, что оставляютъ человѣка безъ помощи въ опасности, а потому необходимо признать, что отвѣтственность съ нихъ снимается въ случаѣ, если вмѣшательство представляло для нихъ самихъ явную опасность.

5) *Подстрекатели* (1500 и 1512). Уложеніе раздѣляетъ понятіе подстрекательства къ дуэли на слѣдующіе виды: а) умышленное возбужденіе къ поединку (1 ч. 1500 ст.), в) умышленное побужденіе кого-либо къ нанесенію оскорбленія третьему лицу съ цѣлью дать поводъ къ поединку (2 ч. 1500 ст.) и с) упреки или оскорбленіе отказавшагося отъ вызова или остановившагося на вызовѣ, если такое оскорбленіе повлечетъ за

собою поединокъ. Первый изъ этихъ видовъ представляетъ подстрекательство прямое, послѣдній косвенное; третій—имѣетъ смѣшанный характеръ. Надо думать, что при второмъ видѣ подстрекательства требуется предвидѣніе виновнымъ тѣхъ послѣдствій (поединка), которыя могутъ быть вызваны его дѣйствіями: подстрекательства неосторожнаго наше право незнаетъ. Всѣ три вида подстрекательства наказуемы одинаково и наказуемы, кромѣ того, при томъ общемъ условіи, чтобы поединокъ дѣйствительно состоялся. Говоря о подстрекательствѣ, уложеніе стоитъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія, нежели въ законоположеніяхъ о секундантахъ: не признаетъ различія въ наказуемости по матеріальнымъ послѣдствіямъ поединка, хотя здѣсь возможно и нѣкоторое сомнѣніе: въ 1 ч. 1500 ст. встрѣчается выраженіе: „смотря по обстоятельствамъ дѣла"; не обозначаетъ ли оно обстоятельствъ 1507 ст.? Равномѣрность наказанія за подстрекательство—одна изъ слабыхъ сторонъ уложенія, потому что и съ субъективной и съ объективной стороны эти три вида подстрекательства далеко не равнозначущи. Хотя всѣ подстрекатели имѣютъ одинаковую цѣль, но пути, по которымъ они идутъ къ достиженію своей цѣли далеко различны: одинъ (а) дѣйствуетъ прямо, другой (с) въ видахъ созданія поединка совершаетъ по пути еще одно преступленіе—оскорбленіе, являясь непосредственнымъ субъектомъ его, а третій (в)—въ тѣхъ же видахъ побуждаетъ подстрекаемаго совершить преступленіе подъ третьимъ лицомъ; несомнѣнно, слѣдовательно, что болѣе виновенъ подстрекатель в, менѣе—с, еще менѣе—а. Далѣе, совершенно понятно недоумѣніе Н. А. Неклюдова, „почему законъ ограничивается въ 1512 ст. однимъ отказавшимся отъ вызова и не распространяетъ того же самаго постановленія на упреки или оскорбленіе вызвавшаго, но отказавшагося отъ послѣдствій; подводить же этотъ случай подъ первый видъ подстрекателей (1 ч. 1500 ст.) невозможно" (стр. 171).

6) Наконецъ, 2 ч. 1512 ст. предвидитъ случай, когда отъ упрека или оскорбленія за невыходъ или прекращеніе поединка его не воспослѣдовало, т. е. когда у упрекающаго или

оскорбляющаго не было намѣренія устранить поединокъ. Такой именно смыслъ и имѣетъ эта статья, ибо при наличности такого намѣренія будетъ подстрекательство, наказуемое лишь при условіи совершенія преступнаго дѣянія: покушенія на подстрекательство нѣтъ. Строго говоря, 2 ч. 1512 ст. совершенно излишня, такъ какъ въ статьяхъ объ оскорбленіи чести (уст. о нак. ст. 130 и слѣд.) о мотивахъ ничего не говорится, а потому данный случай вполнѣ подходитъ подъ дѣйствіе этихъ статей. Самъ законъ приравниваетъ такое дѣяніе къ оскорбленію чести, какъ это видно изъ санкціи статьи.

Чтобы окончить изложеніе дѣйствующаго законодательства о соучастіи при дуэли, скажемъ нѣсколько словъ о соединеніи въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ соучастниковъ, на сколько этотъ вопросъ усвоенъ уложеніемъ; въ противномъ случаѣ имѣетъ примѣненіе 152 ст.: картельщикъ и подстрекатель, карательщикъ и секундантъ. Замѣтимъ, что случайный свидѣтель фактически не можетъ принять и еще какой-нибудь роли. 1508 ст. говоритъ о соединеніи въ одномъ лицѣ секунданта и подстрекателя, распространяя при этомъ понятіе подстрекателя: „въ побужденіи къ начатію, продолженію или возобновленію поединка“. Что касается врача, принявшаго и другую роль, то онъ, конечно, отвѣчаетъ только за послѣднее.

Изъ специальности законовъ о соучастіи при дуэли вытекаетъ безотвѣтственность всѣхъ другихъ знакомыхъ уложенію соучастниковъ.

Какъ можно видѣть изъ изложенія законоположеній о соучастникахъ при дуэли, законоположенія эти носятъ случайный, отрывочный характеръ. Отдѣльныя статьи не согласованы ни другъ съ другомъ, ни съ общими узаконеніями о дуэли. Наказуемость секундантовъ, напр., стоитъ въ зависимости отъ матеріальныхъ послѣдствій поединка, и то не вполнѣ; и въ то же время этотъ принципъ устраненъ при опредѣленіи отвѣтственности подстрекателей, тогда какъ ужъ если признать необходимымъ для нѣкоторыхъ соучастниковъ значеніе матеріальныхъ послѣдствій дуэли, то послѣдовательнѣе было бы подвести подъ эту групу подстрекателей, безъ участія

котораго ни поединка, ни послѣдствій его не было бы. Далѣе, можно указать на то, что уложеніе не разчленяетъ подстрекательства на отдѣльные виды, хотя такое разчлененіе имъ усвоено для секундантовъ: очевидно, что вина подстрекателя къ квалифицированной дуэли несравненно выше вины подстрекателя къ дуэли обыкновенной. Мы уже не говоримъ о принципѣ, принятомъ закономъ и не находящемъ себѣ оправданія въ условіяхъ современной жизни, наказуемости всѣхъ соучастниковъ. Прежде, когда дуэль была однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій, посягавшемъ на неприкосновенность государственной власти, можно было карать и всѣхъ, такъ или иначе причастныхъ къ дуэли, но теперь съ такимъ взглядомъ примириться невозможно.

Вотъ почему постановленія проекта уголовнаго уложенія о соучастникахъ при дуэли стоятъ несравненно выше дѣйствующаго права. Согласно проекту (28 ст.) освобождаются отъ всякой отвѣтственности передатчики вызова, секунданты, врачи и иныя лица, способствовавшія поединку. Изъ всѣхъ соучастниковъ, проектъ караетъ только подстрекателей, но и ихъ только въ томъ случаѣ, если они подстрекали прямо, а не косвенно; исходъ дуэли для наказуемости подстрекателей безразличенъ, требуется только одно: дуэль дѣйствительно должна стоять въ причинной связи съ подстрекательствомъ.

Стоя выше дѣйствующаго русскаго права, проектъ оставляетъ позади себя по данному вопросу и современныя западноевропейскія законодательства, постановленія которыхъ о соучастіи при дуэли могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ: 1) картельщики наказуемы лишь германскимъ уложеніемъ, которое не признаетъ за ними вины лишь тогда, когда они серьезно старались воспрепятствовать дуэли или когда дуэль не состоялась вслѣдствіе примиренія. 2) Секунданты наказуемы венгерскимъ кодексомъ, устраняющимъ ихъ наказаніе, если они примиряли дуэлянтовъ; ихъ отвѣтственность увеличивается при участіи въ измѣнническомъ поединкѣ, когда они наказуемы на основаніи общихъ правилъ объ участникахъ; уложеніе бельгійское признаетъ ихъ отвѣтственными

только при дуэли, окончившейся ранами или смертельнымъ исходомъ. 3 и 4) Врачи и посторонніе свидѣтели всюду освобождены отъ наказанія. 5) Подстрекатели, наоборотъ, наказуемы всѣми тремя кодексами: венгерскимъ во всякомъ случаѣ, кромѣ впрочемъ примиренія дуэлянтовъ: было ли подстрекательство прямое или косвенное, произошла ли дуэль или ея не произошло не по винѣ дуэлянтовъ; германскимъ— лишь въ случаѣ, если дуэль дѣйствительно состоялась, а бельгійское право въ послѣднемъ случаѣ увеличиваетъ нормальное за подстрекательство наказаніе. Наконецъ, 6) подобно русскому праву, законодательства венгерское и бельгійское устанавливаютъ отвѣтственность и тѣхъ, кто укоряетъ за невыходъ на дуэль, грозя не вышедшему своимъ презрѣніемъ.

IV.

13 мая 1894 г. были Высочайше утверждены „Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ", примѣняемыя нынѣ въ военно-сухопутномъ и военно-морскомъ вѣдомствахъ. „Правила" эти изданы, какъ видно изъ статьи оффиціальнаго органа военнаго министерства „Русскаго Инвалида", „съ цѣлью повышенія общаго уровня понятій о чести въ офицерской средѣ". Указаніе этой спеціальной цѣли должно служить однимъ изъ руководящихъ началъ при примѣненіи новыхъ „правилъ": они касаются лишь случаевъ, когда возникшая ссора имѣла свою подкладкою оскорбленіе чести. Другимъ руководящимъ началомъ должно служить то соображеніе, что съ изданіемъ „правилъ" общіе законы о дуэли не утратили своего значенія, которое ими лишь значительно ослаблено въ своей безусловности, а потому „правила" должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ.

Сущность ихъ сводится къ слѣдующему. Оскорбленіе чести, роняющее достоинство офицерскаго званія, нанесенное офицеромъ офицеру или постороннимъ лицомъ, передается на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ, начальника части, экипажнаго командира или начальника команды, гдѣ служитъ оскорбленный (1 ст.). Здѣсь говорится не о всякомъ оскорбленіи,

а лишь объ оскорбленіи, роняющемъ достоинство офицера, какъ таковаго [1]), а потому органъ, на разсмотрѣніе котораго передано дѣло, долженъ прежде всего опредѣлить свойство оскорбленія. Ничего руководящаго для опредѣленія этого свойства „правила“ не даютъ, выходя изъ того соображенія, что здравый смыслъ и тактъ въ связи съ установившимися обычаями подскажутъ, какъ поступить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ такою постановкою вопроса необходимо согласиться по самому свойству предмета; но, съ другой стороны, предоставленіе разрѣшенія дѣла усмотрѣнію отдѣльнаго лица (начальника или командира) можетъ повлечь за собою противорѣчивыя разрѣшенія вполнѣ аналогичныхъ случаевъ. Опасность такого умолчанія, далѣе, невыгодна и для постороннихъ офицерской корпораціи лицъ. Вотъ почему вполнѣ справедливымъ представляется мнѣніе, высказанное въ „Вѣстникѣ Европы“ („Изъ общественной хроники“, 1894 г. іюль и сентябрь), что судъ общества офицеровъ или замѣняющая его единоличная власть, какъ установленіе постоянное, съ опредѣленнымъ составомъ (135 ст. дисципл. уст.), некомпетентно быть судьею въ такомъ деликатномъ вопросѣ, какъ опредѣленіе свойства оскорбленія, что поэтому желательно было бы замѣнить его посредниками, выбираемыми заинтересованными сторонами, причемъ, въ случаѣ участія въ дѣлѣ посторонняго лица, къ такому посредничеству слѣдовало бы привлечь и элементъ невоенный. Если судъ общества офицеровъ признаетъ оскорбленіе, дѣйствительно роняющимъ достоинство офицерскаго званія, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ примиреніе допустимымъ, то принимаетъ мѣры къ примиренію (2 ст.). И здѣсь точно также „Правила“ не опредѣляютъ, чѣмъ же собственно судъ долженъ руководствоваться, а главное совершенно умалчиваютъ, въ чемъ состоятъ мѣры къ примиренію:

---

[1]) Оскорбленіе офицера, нанесенное ему при исполненіи служебныхъ обязанностей или по поводу такого исполненія, какъ преступленіе совершенно иного рода (противъ порядка управленія), очевидно, не можетъ быть предметомъ обсужденія суда общества офицеровъ или органовъ, его замѣняющихъ.

достаточно-ли для этого одного предложенія примириться или слѣдуетъ принять болѣе сильныя мѣры: развести ссорящихся и отдать ихъ подъ присмотръ, доколѣ примирятся (259 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест.). Послѣдній вопросъ, имѣющій, какъ увидимъ, существенное значеніе для дальнѣйшаго движенія дѣла, не можетъ, думается, быть предоставленъ усмотрѣнію суда, а потому и долженъ быть такъ или иначе разрѣшенъ „Правилами“. Ключъ къ разрѣшенію его находится въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою признаніе примиренія возможнымъ. Послѣдствія эти состоятъ въ томъ, что, если, не смотря на такое постановленіе, состоится дуэль, то она выходитъ изъ того привилегированнаго положенія, въ которое дуэль поставлена „Правилами“. Такой выводъ мы основываемъ на томъ соображеніи, что „Правила“ допускаютъ только ограничительное толкованіе. Хотя въ приказѣ г. военнаго министра отъ 21 мая 1894 г. за № 119 и говорится, что по точному смыслу примѣчанія къ 553 ст. воен.-суд. уст. въ опредѣленномъ имъ порядкѣ подлежатъ направленію и разсмотрѣнію *всѣ* слѣдственныя дѣла о дуэляхъ въ офицерской средѣ, хотя бы и состоявшихся и помимо суда общества офицеровъ, а, слѣдовательно, безъ всякаго съ его стороны постановленія по поводу ссоры, вызвавшей дуэль, но съ такимъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Обязательность этого приказа, какъ и всякаго административнаго распоряженія, простирается лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не противорѣчитъ закону [1]), а въ законѣ (прим. къ 553 ст.) прямо сказано, что „слѣдственное производство о поединкѣ ..... препровождается ..... *вмѣстѣ съ бывшими по данному случаю постановленіями судовъ общества офицеровъ* ....“, т. е., здѣсь говорится о случаяхъ дуэлей, которые предварительно обсуждались судами общества офицеровъ. Вотъ почему, имѣя кромѣ того въ виду обязательность для офицера постановленія этого суда, приходимъ къ заключенію, что поединокъ,

---

[1]) Замѣтимъ, что „Правила“, будучи Высочайше утверждены, имѣютъ силу закона.

состоявшійся вопреки постановленію о примиреніи, по почину подчиненнаго суду офицера, есть преступленіе безъ всякихъ исключеній, а, слѣдовательно, на обязанности начальства такого офицера лежитъ и предупрежденіе его указанными въ законѣ средствами. Другое постановленіе суда общества офицеровъ можетъ заключаться въ признаніи, что „поединокъ является единственно приличнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера“ (2 ст.). Для послѣдняго подчиненіе такому постановленію также безусловно обязательно: если (4 ст.) въ теченіе двухъ недѣль по объявленіи рѣшенія поединокъ не состоится [1]), то отказавшійся офицеръ, буде не подастъ прошенія объ отставкѣ, увольняется отъ службы безъ прошенія; надо, впрочемъ, добавить, что такое увольненіе возможно только тогда, когда съ постановленіемъ суда согласится и власть, коей принадлежитъ право увольненія. Разумѣется, такія постановленія обязательны лишь для оскорбленнаго офицера, но не для оскорбившаго, хотя бы онъ и принадлежалъ къ тому же полку или къ той же части, что и оскорбленный. Это явствуетъ какъ изъ духа „Правилъ“, такъ и изъ буквальнаго смысла 1 ст. ихъ. Наконецъ, судъ общества офицеровъ въ случаѣ рѣшенія объ окончаніи ссоры дуэлью оказываетъ вліяніе на секундантовъ въ томъ смыслѣ, чтобы условія дуэли соотвѣтствовали обстоятельствамъ даннаго случая (3 ст.). Эта статья вызываетъ три слѣдующихъ замѣчанія: во-первыхъ, секунданты и здѣсь согласно общему правилу избираются самими дуэлянтами; во-вторыхъ, вліяніе, оказываемое на нихъ судомъ скорѣе нравственное, нежели юридическое: никакихъ послѣдствій для неподчинившихся этому вліянію секундантовъ „Правила“ не содержатъ, да и самое слово „вліяніе“ далеко неюридическій терминъ, и въ-третьихъ отвѣтственность секундантовъ зависитъ отъ дальнѣйшаго разрѣшенія дѣла о самихъ дуэлянтахъ. Слѣдствіе о состоявшейся при такихъ условіяхъ дуэли препровождается

---

[1]) Редакціонный, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ 4 ст., пропускъ: слѣдовало бы сказать: „поединокъ не состоится по винѣ офицера“.

съ заключеніемъ прокурорскаго надзора подлежащему начальнику, отъ котораго вмѣстѣ съ постановленіями суда общества офицеровъ, представляются по командѣ военному министру для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору тѣхъ изъ дѣлъ, которымъ не будетъ признано возможнымъ дать движеніе въ установленномъ судебномъ порядкѣ (6 ст.), т. е., военный министръ, въ случаѣ несогласія съ постановленіями суда общества офицеровъ о необходимости дуэли, направляетъ дѣло къ судебному разсмотрѣнію, которое, конечно, можетъ окончиться наказаніемъ офицера за исполненіе имъ законнаго требованія законной власти; если военный министръ согласится съ постановленіями суда общества офицеровъ, то испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе дѣла; при участіи въ дѣлѣ посторонняго лица военный министръ входитъ въ соглашеніе съ министромъ юстиціи; непрекращеніе дѣла Высочайшею властью обращаетъ его къ судебному разсмотрѣнію. Высочайшее прекращеніе въ этомъ случаѣ не есть помилованіе, если бы было такъ, то не для чего было бы и создавать новыя „Правила“; достаточно было бы изданія хотя бы циркулярнаго предложенія судамъ о возбужденіи ходатайствъ о помилованіи въ надлежащихъ случаяхъ, чѣмъ самостоятельность суда не была бы подавлена: такія предложенія только обратили бы вниманіе судовъ при рѣшеніи дѣлъ о дуэляхъ; оно не есть, далѣе, помилованіе и потому, что вопросъ о помилованіи возбуждается или судомъ при рѣшеніи дѣла по существу или по непосредственному усмотрѣнію Его Величества. Оно есть спеціальный къ данному случаю законъ, опредѣляющій, что дѣйствія дуэлянтовъ ненаказуемы не въ силу „уваженія къ облегченію участи подсудимаго“, а въ силу отсутствія въ дѣяніи дуэлянтовъ состава преступленія: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ прекращеніемъ дѣла признается, что дѣяніе оскорбленнаго офицера направлено на огражденіе охраняемой закономъ, закономъ же установленнымъ способомъ, защиты воинской чести: нельзя видѣть преступнаго дѣянія въ защитѣ правоохраняемаго интереса законнымъ способомъ.

Отчасти такое положеніе вещей не ново въ уголовномъ правѣ: убійство, напр., вообще говоря, есть преступленіе, но при наличности извѣстныхъ условій оно теряетъ свойственный ему преступный характеръ: таковы, напр., будутъ случаи убійства, предусмотрѣнные 1471 ст. улож. о нак., роль палача при приведеніи въ исполненіе приговора о смертной казни и т. п. И тѣмъ не менѣе „Правила 13 мая 1894 г." вносятъ совершенно новое начало въ уголовное право. Дѣло въ томъ, что всякое дѣяніе инкриминируется или не инкриминируется въ моментъ его совершенія; между тѣмъ дуэль съ участіемъ офицера, состоявшаяся согласно постановленію суда общества офицеровъ, можетъ быть будетъ преступленіемъ, а можетъ быть и нѣтъ. Все зависитъ отъ окончательнаго разрѣшенія вопроса о свойствѣ оскорбленія, нанесеннаго офицеру. Такое нововведеніе противорѣчитъ одному изъ самыхъ основныхъ принциповъ уголовнаго права, принциповъ, признаваемыхъ всѣми современными законодательствами и въ частности русскимъ правомъ: всякое уголовно-наказуемое дѣяніе есть таковое безусловно; нельзя объявить дѣяніе наказуемымъ лишь при наступленіи извѣстнаго условія, стоящаго къ тому же внѣ дѣятельности его учинившаго. Наказать офицера, вышедшаго на дуэль вслѣдствіе приказанія, исходящаго отъ начальства на основаніи предоставленной послѣднему закономъ власти, приказанія, которое впослѣдствіи не будетъ одобрено высшею властью, почти все равно, что признать обратную силу уголовнаго закона. Принципъ уголовнаго права, о которомъ идетъ рѣчь, далеко не есть фикція; поэтому и противорѣчіе такому принципу не есть только нарушеніе требованій юридической логики, а существенное нарушеніе идеи справедливости. Мало того, офицеръ, лицо служащее, можетъ подвергнуться наказанію за исполненіе законнаго требованія законной власти, неподчиненіе которому грозитъ виновному высшимъ дисциплинарнымъ взысканіемъ— увольненіемъ отъ службы безъ прошенія. Этимъ „Правила" противорѣчатъ другому принципу: нѣтъ преступленія въ дѣяніи, совершеніе коего предписано самимъ закономъ. И этотъ

принципъ равнымъ образомъ запечатлѣнъ справедливостью и необходимостью. Положеніе такого офицера сдѣлается, по истинѣ, трагическимъ, если онъ былъ готовъ примириться со своимъ противникомъ, а судъ общества офицеровъ постановилъ, что дуэль есть „единственно приличное средство удовлетворенія оскорбленной чести“. Представимъ такой примѣръ: судъ общества офицеровъ постановляетъ о дуэли; секунданты, находясь подъ „вліяніемъ“ этого суда постановляютъ, что дуэль должна быть съ условіемъ биться на смерть; въ такомъ случаѣ офицеру предстоитъ или увольненіе отъ службы или, если не воспослѣдуетъ прекращеніе дѣла, лишеніе всѣхъ правъ состоянія (а слѣдовательно и права продолжать службу) и ссылка въ Сибирь на поселеніе. Примѣръ не требуетъ комментаріевъ. Наконецъ, офицеръ подвергается усиленному наказанію за то, что совершилъ дѣяніе въ такой формѣ, которая ему, такъ сказать, насильно навязана, какъ это видно на только что приведенномъ примѣрѣ.

Но недостатки „Правилъ“ не ограничиваются этимъ. Не говоря уже о неполнотѣ ихъ, на которую мы имѣли случай нѣсколько разъ указывать, о томъ, что въ нихъ встрѣчаются негодныя въ законѣ выраженія, напр.: „единственно приличное средство“, „вліяніе“, они во многомъ не согласованы съ 1497—1512 ст. улож. о нак., съ которыми, очевидно, какъ составляющія ихъ часть, должны быть въ полной гармоніи. Такъ, они противорѣчатъ самому понятію дуэли, замѣняя добровольное согласіе сторонъ тяжкимъ принужденіемъ для одной изъ нихъ; устанавливаютъ новое оригинальное понятіе умысла при дуэли, признавая таковымъ не свободное въ юридическомъ смыслѣ воли изъявленіе дѣятеля, а нѣчто, внѣ воли его стоящее; далѣе уложеніе различаетъ отвѣтственность дуэлянтовъ, смотря потому, кто далъ первый поводъ къ ссорѣ, а если нельзя этого узнать съ достовѣрностью, то различается отвѣтственность вызвавшаго отъ принявшаго вызовъ; офицеръ же, принужденный къ дуэли, въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, долженъ быть признанъ формально вызвавшимъ; „Правила“, наконецъ, противорѣчатъ

1506 ст., запрещая окончить дѣло примиреніемъ, хотя бы оно было предложено противникомъ офицера, свободно вышедшимъ на дуэль.

Почти совершенно анологичныя узаконенія встрѣчаются въ германскомъ правѣ (законъ 2 мая 1874 г.), послужившія, вѣроятно, образцомъ для „Правилъ". По закону 1891 г. запрещена дуэль семейнымъ офицерамъ и тѣмъ, которые трижды дрались на дуэли. И по германскому праву дуэль, состоявшаяся вслѣдствіе опредѣленія суда чести, можетъ окончиться осужденіемъ.

И такъ, „Правила" 13 мая 1894 г. противорѣчатъ и доктринѣ и положительному уголовному праву. Поэтому, надо думать, что они и не будутъ имѣть особенно частаго примѣненія; въ первое время по изданіи ихъ было опубликовано два-три случая ихъ примѣненія; теперь они примѣняются, кажется, еще рѣже. Но быть можетъ, ratio legis настолько существенна и необходима, что ничего иного и не оставалось, какъ издать „Правила" въ ихъ настоящемъ видѣ. Такого ratio было, какъ мы видѣли, стремленіе повысить общій уровень понятій о чести въ офицерской средѣ: офицеръ долженъ смыть кровью нанесенное ему оскорбленіе, а потому ему и должно предоставить возможность такой защиты. Прежде всего представляется вопросъ: одни-ли офицеры нуждаются въ этомъ? Развѣ нѣтъ другихъ сословій и профессій, кромѣ военныхъ, гдѣ можетъ показаться желательнымъ предоставленіе защиты чести такимъ же сильнымъ средствомъ? напр., видный государственный дѣятель, судья, педагогъ-воспитатель и др. не нуждаются-ли въ такомъ разрѣшеніи даже болѣе, нежели офицеры? Или офицерамъ первымъ предоставлено то, что впослѣдствіи будетъ предоставлено и другимъ? Но не о распространеніи дуэлей („Правила" отчасти направлены и на это) слѣдуетъ заботиться, а напротивъ, нужно озаботиться о скорѣйшемъ искорененіи этого предразсудка. Если оскорбленіе нанесено тому, кто далъ поводъ къ оскорбленію, то не лучше-ли, не честнѣе-ли оскорбленному извиниться передъ оскорбившимъ, не заключается ли въ этомъ еще болѣе

гражданскаго мужества, нежели въ выходѣ на дуэль, да къ тому же по предписанію начальства? Если же, наоборотъ, оскорбляетъ тотъ, кто далъ и первый поводъ къ ссорѣ, то по отношенію къ такому противнику, какъ недостойному имени порядочнаго человѣка, всего лучше будетъ молчаливое презрѣніе, какъ со стороны оскорбленнаго, такъ и со стороны всѣхъ третьихъ лицъ [1]). Правда, это—идеалъ, но вѣдь идеалъ на то и существуетъ, чтобы къ нему стремиться всѣми силами. Что же касается бреттеровъ, то борьбу съ ними должно вести на почвѣ уголовнаго закона изданіемъ спеціальныхъ постановленій. Наконецъ, оскорбленіе чести довольно часто вызывается недоразумѣніемъ. Если такъ, то не цѣлесообразнѣе-ли, не прибѣгая къ дуэли, поискать разрѣшенія этого недоразумѣнія инымъ путемъ, напр., путемъ обращенія къ судамъ чести? Имѣя въ виду, далѣе, что дуэль можетъ окончиться крайне несчастливо, что, слѣдовательно, этотъ предразсудокъ и крайне опасенъ, признавая, что нѣтъ никакого различія между оскорбленіемъ офицера и человѣка, принадлежащаго ко всякой иной корпораціи, мы относимъ все сейчасъ сказанное и къ случаямъ дуэлей въ офицерской средѣ. Къ этому добавимъ, что истинно храбрый офицеръ не долженъ и нуждаться въ поддержаніи „воинственнаго духа, пренебреженія къ опасности, готовности рисковать и жертвовать жизнью"; дуэль же, будучи явленіемъ рѣдкимъ, не можетъ особенно усилить этихъ необходимыхъ качествъ воина, на усиленіе которыхъ направлено и военное воспитаніе и

[1]) „Мы объявляемъ, говорится въ декларація англійской королевы Викторіи 1844 г., наше полное одобреніе поведенію тѣхъ, которые, имѣвъ несчастье нанести другимъ оскорбленіе, рѣшаются откровенно объясниться и извиниться, равно какъ и поведенію тѣхъ, которые, имѣвъ несчастье получить обиду, дружелюбно соглашаются на принятіе извиненія. Если же кто откажется дать или принять объясненіе или извиненіе, то дѣло должно быть передано на рѣшеніе командира полка или коменданта, и мы объявляемъ избавленными отъ всякаго упрека въ безчестіи, отъ всякаго невыгоднаго мнѣнія всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые будутъ расположены сдѣлать или принять извиненіе, откажутся отъ дуэли, потому что въ такомъ случаѣ они поступаютъ, какъ прилично честнымъ людямъ и воинамъ, покорнымъ дисциплинѣ".

военная дисциплина. Русскаго солдата (нижняго чина) нельзя упрекнуть въ недостаткѣ или слабомъ развитіи этихъ качествъ, а между тѣмъ онъ никогда, не считая нижнихъ чиновъ изъ высшихъ сословій, не выходитъ на дуэль.

Въ нашей жизни, даже и среди военныхъ, дуэль развита не особенно сильно: въ громадномъ большинствѣ случаевъ оскорбленія чести разрѣшаются инымъ путемъ, даже несудебнымъ, не вызывая за то никакихъ нареканій общества на поссорившихся. Надо надѣяться, что „Правила“ 13 мая 1894 г. не измѣнятъ установившагося порядка вещей. Мы уже не говоримъ, что по ученію христіанской религіи дуэль считается такимъ же тяжкимъ грѣхомъ, какъ и убійство, что она совершенно не мирится съ идеею христіанской любви и прощенія, а потому глубоко вѣрующій офицеръ принужденъ будетъ выйти въ отставку не изъ страха предъ опасностью, которая ему предстоитъ съ выходомъ на дуэль (хотя кличка труса, можетъ быть, и останется за нимъ), а изъ страха совершить тяжкій грѣхъ. Такая коллизія закона съ религіею врядъ-ли желательна.

Н. Грошевой.

О СИМУЛЯТИВНЫХЪ СДѢЛКАХЪ.

I.

Необходимымъ условіемъ дѣйствительности сдѣлокъ является наличность свободно выраженной воли, направленной къ достиженію цѣли, которую стороны имѣли въ виду. Но можетъ случиться, что контрагенты, желая скрыть истинное свое намѣреніе, умышленно облекаютъ преслѣдуемую ими цѣль въ такую сдѣлку, которая по содержанію своему не соотвѣтствуетъ свойству юридическихъ отношеній, созданныхъ волей сторонъ. Такія сдѣлки, содержаніе коихъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному намѣренію сторонъ, иными словами, сдѣлки, въ которыхъ стороны скрыли свое истинное намѣреніе, замѣнивъ его вымышленнымъ называются симулятивными сдѣлками. Заключеніемъ таковыхъ сдѣлокъ контрагенты стремятся осуществить ту цѣль, къ достиженію которой, по справедливому замѣчанію Мейера, ведутъ другія юридическія дѣйствія. Дѣйствительно, стороны прибѣгаютъ къ совершенію симулятивныхъ сдѣлокъ для достиженія такихъ юридическихъ послѣдствій, которыя отнюдь не вытекаютъ изъ содержанія сдѣлки, воплотившей въ себѣ юридическія отношенія сторонъ; вѣрнымъ же отраженіемъ истиннаго характера возникшихъ отношеній служитъ другая, скрытая подъ этимъ внѣшнимъ покровомъ, сдѣлка, заключающая въ себѣ ту цѣль, которая руководила сторонами, вступившими въ соотвѣтственныя юридическія отношенія. Такіе случаи прикрытія одной сдѣлки

другой совершаются по доброй волѣ сторонъ, безъ всякаго внѣшняго вліянія, въ виду чего взглядъ сената, будто бы опороченіе симулятивныхъ сдѣлокъ подтверждается ст. 1528 за отсутствіемъ въ нихъ соглашенія сторонъ правиленъ лишь по стольку, по скольку рѣчь идетъ о внѣшнихъ, прикрывающихъ основную цѣль, сдѣлкахъ, не касаясь скрытой сдѣлки, содержащей въ себѣ истинное намѣреніе контрагентовъ. Такимъ образомъ, въ симулятивныхъ сдѣлкахъ мы сталкиваемся, собственно говоря, съ двумя сдѣлками, изъ коихъ одна, какъ не заключающая въ себѣ соглашенія сторонъ, должна быть признана недѣйствительной, а другая, какъ удовлетворяющая требованіямъ закона, за исключеніемъ несоотвѣтствія между содержаніемъ и ея формой, можетъ быть отнесена къ числу дѣйствительныхъ сдѣлокъ при томъ условіи, если такое несоотвѣтствіе нами будетъ признано неимѣющимъ никакого вліянія на характеръ скрытой сдѣлки. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что ученіе о симулятивныхъ сдѣлкахъ должно быть построено на анализѣ понятія о цѣли, которую стороны имѣли въ виду, а не на опредѣленіи понятія о волѣ, какъ думаютъ нѣкоторые юристы, ибо мотивомъ къ совершенію симулятивныхъ сдѣлокъ служитъ желаніе прикрыть цѣль, достиженіе которой стороны имѣли въ виду. Опредѣливъ юридическую природу симулятивныхъ сдѣлокъ, мы переходимъ къ вопросу о томъ, имѣетъ ли форма сдѣлки столь существенное значеніе, что несоотвѣтствіе ея съ содержаніемъ парализуетъ юридическую силу сдѣлки, удовлетворяющей во всемъ остальномъ предписаніямъ закона о дѣйствительности юридическихъ актовъ. Вопросъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ симулятивными сдѣлками и разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ окажетъ вліяніе на значеніе этихъ сдѣлокъ, такъ какъ скрытыя основныя юридическія дѣйствія сторонъ содержатъ въ себѣ всѣ существенные моменты законной сдѣлки, за исключеніемъ соотвѣтственной содержанію ея формы. Доктрина по этому вопросу высказалась въ томъ смыслѣ, что форма сдѣлки не можетъ оказать столь сильнаго вліянія на ея содержаніе, чтобы признать таковую сдѣлку, снабженную

всѣми требуемыми закономъ условіями, лишенной юридической силы и значенія. Согласно установленному въ доктринѣ началу, скрытая сдѣлка, не смотря на несоотвѣтствіе въ ней между формой и содержаніемъ, считается дѣйствительной, разъ она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ законной сдѣлки. Взглядъ этотъ раздѣляется и законодательствами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, хотя многіе юристы приводятъ соображенія и въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса. Они утверждаютъ, что 1) законъ считаетъ предписанную имъ форму для совершенія сдѣлокъ весьма важнымъ условіемъ дѣйствительности ихъ. Нарушенія формальностей, замѣчаютъ они, нерѣдко влечетъ за собою недѣйствительность сдѣлки, въ особенности по отношенію къ таковымъ, которыя совершаются при торжественной обстановкѣ, во 2) допущеніе симулятивныхъ сдѣлокъ вызоветъ массу злоупотребленій, такъ какъ стороны нерѣдко прибѣгаютъ къ нимъ для прикрытія дѣйствій, основанныхъ на обманѣ. Отличіе симулятивныхъ сдѣлокъ отъ обманныхъ дѣйствій состоитъ въ томъ, что дѣйствія послѣдняго рода совершаются лишь одной стороной безъ вѣдома другой, въ симулятивныхъ же сдѣлкахъ, къ обману прибѣгаютъ обѣ стороны, съ общаго согласія. Но, противъ приведенныхъ соображеній нельзя не замѣтить слѣдующее: право, регулируя взаимныя отношенія гражданъ, должно имѣть главной своей цѣлью обезпеченіе твердости гражданскаго порядка. Сдѣлки, въ которыя вступаютъ граждане, должны обладать прочностью, дѣлающей невозможнымъ частое ихъ опороченіе, такъ какъ частое признаніе сдѣлокъ ничтожными можетъ поколебать устои гражданскаго порядка, поселяетъ въ контрагентахъ страхъ и неувѣренность въ незыблемости заключенныхъ ими сдѣлокъ, что неминуемо вредно отразится на гражданскомъ оборотѣ. Поэтому, въ видахъ предупрежденія случаевъ частаго опороченія сдѣлокъ, законодатель считаетъ возможнымъ допустить отступленіе отъ предписаній закона, касающихся облеченія сдѣлки въ соотвѣтствующую форму, разъ въ остальномъ сдѣлка удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ законныхъ юридическихъ дѣйствій. Но, помимо этого сообра-

женія, мы въ пользу утвердительнаго разрѣшенія постановленнаго вопроса, можемъ указать на ту цѣль, которая руководитъ законодателемъ при санкціи той или иной сдѣлки. При установленіи нормъ права, законодатель не имѣетъ цѣлью произвольно стѣснять свободу гражданъ и лишь имѣетъ въ виду охраненіе ихъ интересовъ и предупрежденіе отъ посягательствъ на правовой порядокъ. Вотъ почему законъ, при анализѣ юридической сдѣлки, прежде всего старается уловить истинный смыслъ ея, проникнуть, такъ сказать, въ нутро сдѣлки, чтобы убѣдиться, не заключается ли въ ней нарушенія законовъ или интересовъ гражданъ; если, послѣ тщательнаго изслѣдованія существа сдѣлки, оказывается, что въ ней нѣтъ ничего преступнаго или противонравственнаго, то законъ находитъ возможнымъ признать ее дѣйствительной даже въ тѣхъ случаяхъ, когда форма данной сдѣлки не соотвѣтствуетъ ея содержанію, ибо, съ точки зрѣнія законодателя, неважно, какую квалификацію стороны придали сдѣлкѣ, разъ осуществленіе выраженнаго въ ней намѣренія не противорѣчитъ ни законамъ ни интересамъ 3-ихъ лицъ. Законодатель не стѣсняетъ сторонъ выборомъ способовъ выраженія дозволеннаго имъ намѣренія и сосредоточиваетъ свое вниманіе на внутреннемъ смыслѣ сдѣлки, на ея ratio. Изъ вышеприведеннаго слѣдуетъ, что поставленный вопросъ о силѣ скрытыхъ сдѣлокъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, т. е., скрытыя сдѣлки, по-елику въ нихъ не содержится преступная цѣль, признаются дѣйствительными и такимъ образомъ внѣшняя, прикрывающая ихъ сдѣлка не оказываетъ отрицательнаго вліянія на скрытыя сдѣлки. Указавъ только—что на отсутствіе въ симулятивныхъ сдѣлкахъ [1]) разрушительныхъ началъ по отношенію къ скрытой основной сдѣлкѣ, мы здѣсь можемъ отмѣтить, что прикрывающія сдѣлки не могутъ вліять на скрытыя сдѣлки и въ противоположномъ смыслѣ, т. е., обнаруженный дефектъ скрытой сдѣлки не можетъ быть восполненъ наличностью недостающаго условія во внѣшней

---

[1]) Т. е., внѣшнихъ, прикрывающихъ сдѣлкахъ.

прикрывающей сдѣлкѣ. Такъ, напримѣръ, если сдѣлка о дареніи, скрытая подъ формой купли-продажи, заключена между лицами, коимъ воспрещено совершать сдѣлки о дареніи, но дозволены сдѣлки купли-продажи, то мы здѣсь не заключаемъ ни сдѣлки дарственной, ни сдѣлкч о куплѣ-продажѣ, такъ какъ для дѣйствительности сдѣлки купли-продажи отсутствуетъ серьезное намѣреніе сторонъ, а признанію дѣйствительной сдѣлки дарственной препятствуетъ тотъ дефектъ, что она заключена между лицами, неимѣющими права совершать сдѣлки о дареніи. При такомъ взглядѣ на внѣшнія прикрывающія сдѣлки, какъ неоказывающія никакого вліянія на основныя скрытыя сдѣлки, слѣдуетъ придти къ заключенію, что о признаніи дѣйствительными скрытыхъ сдѣлокъ можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда эти послѣднія сами по себѣ удовлетворяютъ условіямъ, требуемымъ закономъ для дѣйствительности сдѣлокъ вообще, а въ случаѣ обнаруженія какого-либо дефекта, онѣ теряютъ свою юридическую силу.

Подобное, если можно выразиться, обезличеніе прикрывающихъ сдѣлокъ по отношенію къ основнымъ сдѣлкамъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что сдѣлки прикрывающія не могутъ служить самостоятельнымъ видомъ сдѣлокъ и не имѣютъ самостоятельнаго юридическаго значенія; нельзя установить дѣленіе юридическихъ сдѣлокъ на сдѣлки, которыя могутъ подлежать симуляціи и на несимулированныя, ибо симуляція можетъ быть примѣнима ко всевозможнымъ юридическимъ сдѣлкамъ. Правда, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ договоръ о бракѣ составляетъ исключеніе изъ общаго правила о примѣненіи симуляціи ко всѣмъ сдѣлкамъ; но исключеніе это не приложимо къ нашему законодательству, гдѣ институтъ о бракѣ носитъ религіозный отпечатокъ, а не гражданско-правовой. Будучи лишены самостоятельной роли, прикрывающія внѣшнія сдѣлки не производятъ никакихъ измѣненій въ правовыхъ сферахъ контрагентовъ, такъ что заключеніе симулярныхъ сдѣлокъ, не прикрывающихъ собою серьезнаго намѣренія сторонъ, представляется актомъ юридически безразличнымъ. Къ такимъ случаямъ примѣнима

формула римскихъ юристовъ nihil agitur, aliquid simulatur, (въ противоположность правилу aliquid agitur, aliquid simulatur— къ случаямъ симуляціи серьезныхъ сдѣлокъ). Такимъ образомъ, особую разновидность симулятивныхъ сдѣлокъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыя совершаются съ цѣлью прикрыть отсутствіе дѣйствительнаго соглашенія сторонъ, не имѣвшихъ въ виду вызвать какія-либо юридическія послѣдствія въ ихъ правовыхъ сферахъ. Хотя сдѣлки эти, съ юридической точки зрѣнія, не имѣютъ никакого значенія, однако, стороны часто прибѣгаютъ къ нимъ „въ минуту жизни трудную". Такъ, напримѣръ, лицо, желающее скрыть свое имущество отъ взысканій кредиторовъ, переукрѣпляетъ свое имущество на имя 3-хъ лицъ. Подобныя сдѣлки законъ объявляетъ недѣйствительными, за отсутствіемъ въ нихъ серьезной цѣли. Сдѣлки послѣдняго рода не слѣдуетъ смѣшивать съ серьезными юридическими дѣйствіями совершаемыми съ цѣлью нанести ущербъ интересамъ третьихъ лицъ; напр., я продаю домъ свой, стоимость котораго равняется 100.000, за 30.000 и получаю въ дѣйствительности деньги; здѣсь имѣемъ серьезную сдѣлку; когда же я продаю этотъ домъ за извѣстную сумму и, не получивъ денегъ, имѣю лишь контръ-росписку о фиктивности того договора; тогда мы уже имѣемъ дѣло съ симулятивными сдѣлками. Установить какія-либо теоретическія начала, на основаніи коихъ возможно было бы отличить оба вида этихъ сдѣлокъ, представляется труднымъ и поэтому вопросъ этотъ, какъ quaestio facti, долженъ быть разрѣшенъ практическимъ путемъ по соображеніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ обстоятельствами дѣла. Между тѣмъ, демаркаціонную линію между обоими видами сдѣлокъ весьма важно установить по соображеніямъ двоякаго рода: 1) на лицо, опорочивающее сдѣлку серьезнаго характера законъ, въ случаѣ несостоятельности, возлагаетъ обязанность доказать, что сдѣлка эта создала или увеличивала его неоплатность, между тѣмъ въ случаяхъ оспариванія сдѣлки фиктивной, законъ освобождаетъ отъ таковой обязанности, 2) опорочивать сдѣлки 1-го рода вправѣ лишь тѣ лица, которыя вступили въ юридическія

отношенія съ даннымъ лицомъ до заключенія симъ послѣднимъ сдѣлки, причинившей ущербъ его интересамъ, напротивъ, при оспариваніи сдѣлокъ втораго рода—право опровերженія этихъ сдѣлокъ не поставлено закономъ въ зависимость отъ времени возникновеній претензій опорочивающаго: таковымъ правомъ пользуется всякій, чьимъ интересамъ наноситъ сдѣлка вредъ. Различіе это, нечуждое и нашей кассац. практики Правит. Сената (см. ниже) вытекаетъ изъ свойства тѣхъ исковъ, которыми ограждаются права 3-хъ лицъ; основаніемъ иска, при опорочиваніи серьезныхъ сдѣлокъ, направленныхъ къ нанесенію ущерба интересамъ 3-хъ лицъ, служитъ право послѣднихъ обращать взысканіе на имущество должника; если имущество послѣдняго уменьшилось, чѣмъ причиняется ущербъ лицу, вступившему въ отношенія съ отчуждающимъ, то кредитору сего послѣдняго лишь тогда предоставляется право иска, когда онъ докажетъ неоплатность его должника и возникновенія его претензій до отчужденія имущества. Между тѣмъ, основаніемъ иска, при опорочиваніи сдѣлки симулятивной является то общее правило, въ силу котораго право оспариванія подобныхъ сдѣлокъ принадлежитъ всякому, чьи интересы пострадали, независимо отъ времени возникновенія его притязаній, ибо законъ не можетъ отнять право опорочивать симулятивныя сдѣлки, разъ они наносятъ вредъ третьему лицу, согласно вышеприведенному правилу, что сдѣлки сего рода терпимы закономъ, поелику въ нихъ не содержится посягательство на интересы третьяго лица; въ разсматриваемомъ случаѣ, сдѣлка нанесла ущербъ кредитору и потому она подлежитъ опороченію. Воззрѣніе на фиктивныя сдѣлки, какъ на разновидность симулятивныхъ сдѣлокъ не раздѣляется нашей литературой (см. Мейера и записки Новор. унив. за 1880-82 г.) гдѣ проводится различіе между симуляціей и фикціей. Ошибочность взгляда, на различіе между симулятивными и фиктивными сдѣлками слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что сторонники его слишкомъ ограничиваютъ сферу примѣненія симуляціи, допуская ее лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны желаютъ прикрыть одну сдѣлку другой. Между тѣмъ какъ, въ дѣй-

ствительности, возможны случаи симуляціи при отсутствіи намѣренія сторонъ создать какія либо юридическія отношенія, т. е., заключеніе фиктивныхъ сдѣлокъ. Справедливость приводимаго взгляда подтверждается ученіемъ французскихъ юристовъ Dallor, Laurent, и др. Кромѣ фиктивныхъ сдѣлокъ, какъ разновидности симулятивныхъ, къ категоріи послѣднихъ слѣдуетъ отнести и сдѣлки съ подставными лицами. Этотъ видъ симуляціи встрѣчается весьма часто и предусмотрѣнъ и нашимъ законодательствомъ (п. 4 ст. 1529). Сдѣлки съ подставными лицами совершаются нерѣдко съ цѣлью обхода закона: лицо, лишенное права пріобрѣтать недвижимость, вынуждено покупать недвижимость на имя подставнаго лица; оставаясь, въ дѣйствительности, собственникомъ купленной земли, онъ всѣ операціи производитъ отъ имени того лица, которое, такъ сказать, дало ему свою фирму, такъ что de jure считается собственникомъ подставное лицо, а, de facto,—настоящій собственникъ, коему закономъ воспрещено пріобрѣтать имущество. Всѣ юридическія дѣйствія, совершаемыя подставнымъ лицомъ, имѣютъ юридическую силу лишь при томъ условіи, если то лицо, чьимъ имуществомъ оно распоряжается, имѣло право пріобрѣтать его, ибо, согласно правилу nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse haberet, подставное лицо, получивъ право распоряженія имуществомъ, отъ противозаконнаго собственника, не пріобрѣло никакой власти надъ имуществомъ, фактически ему не принадлежащимъ, а лишь купленнымъ на его имя, такъ какъ таковое право пріобрѣтенія имущества принадлежитъ только подставному лицу, каковымъ преимуществомъ и воспользовался фактическій собственникъ. Но, въ данномъ случаѣ фактическій собственникъ былъ лишенъ права совершать сдѣлку о пріобрѣтеніи имущества и потому прибѣгнулъ къ симуляціи, вслѣдствіе чего и сдѣлки, заключаемыя подставнымъ лицомъ съ посторонними лишены юридической силы и признаются недѣйствительными. Но, взглядъ этотъ не раздѣляется многими юристами, которые предлагаютъ рѣшить этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что признаніе сдѣлки ничтожной до-

пускается при mala fides обѣихъ сторонъ; буде же лицо, вступившее въ сдѣлку съ подставнымъ лицомъ находилось bona fide, то опровержение сдѣлки не должно имѣть мѣста (этого взгляда придерживается и практика наша).

Но, взгляду этому можно противопоставить слѣдующія возраженія:

1) Норма права, объясняющая ничтожными разсматриваемыя сдѣлки, относится къ публичному праву и потому, какъ затрогивающая интересы общества, должна быть охраняема весьма строго законодателемъ, ставящимъ блага всего общества выше благъ отдѣльныхъ лицъ. Обязанность законодателя—быть вѣрнымъ стражемъ интересовъ своихъ подданныхъ и содѣйствовать раскрытію дефектовъ всякой сдѣлки, совершенной въ нарушеніе установленныхъ имъ нормъ и торжеству правды и справедливости.

Въ виду этого законодатель не можетъ поставить вопросъ о дѣйствительности сдѣлки въ зависимость отъ трудно уловимаго признака, какъ bona fides.

2) Понятіе bona fides et mala fides нелегко поддаются разграниченію и весьма трудно доказать наличность злаго умысла, по отвлеченности этого понятія.

3) Во многихъ случаяхъ вещи виндицируются, не смотря на bona fides контрагентовъ (vindicatio имущества проданнаго наслѣдникомъ по закону до отысканія завѣщанія).

4) Безусловное признаніе разсматриваемыхъ сдѣлокъ сократитъ случаи нарушенія нормъ и предоставитъ широкій просторъ принципу законности, чѣмъ будетъ обезпечена твердость гражданскаго порядка. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что по признаніи симулятивной сдѣлки недѣйствительной, всѣ послѣдующіе акты, проистекающіе изъ нея, лишаются юридической силы и считаются ничтожными, независимо отъ того, находились ли контрагенты in bona fide или нѣтъ, причемъ это безусловное опороченіе симулятивныхъ сдѣлокъ нами допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушаемая норма относится къ области публичнаго права. Напротивъ, при частноправномъ характерѣ нормы, подвергшейся нарушенію, слѣ-

дуетъ признать симулятивныя сдѣлки со всѣми проистекающими изъ нихъ актами дѣйствительными при наличности bona fides контрагента, ограничивая лишь таковое вліяніе bona fides тѣми случаями, когда оспариваніе исходитъ отъ контрагентовъ сдѣлки; въ остальномъ же bona fides не должна оказать никакого вліянія на опороченіе сдѣлки. Поэтому, вполнѣ правильно разрѣшилъ французскій судъ одно дѣло въ томъ смыслѣ, что закладная, выданная сыномъ на имущество, купленное на его имя, но за счетъ его отца, должна быть признана недѣйствительной, не взирая на bona fides его кредитора, что вполнѣ согласуется съ принципомъ, выраженнымъ въ изреченіи: resoluto jure cedentis, resolvitur jus accipientis. Съ высказаннымъ мнѣніемъ многіе не соглашаются и устанавливаютъ то правило, что, при bona fides третьихъ лицъ, въ случаѣ оспариванія этихъ сдѣлокъ ихъ контрагентами, возникшія между ними юридическія отношенія должны остаться въ силѣ, ибо третьи лица не знали о симулятивномъ характерѣ первоначальной сдѣлки и были введены въ заблужденіе стороной, которой былъ извѣстенъ характеръ первоначальной сдѣлки, какъ, напримѣръ, въ вышеприведенномъ казусѣ сынъ зналъ о томъ, что имущество, которое на его имя пріобрѣтено, ему въ дѣйствительности не принадлежитъ, между тѣмъ какъ кредитору это обстоятельство не было извѣстно.

Говоря о недѣйствительности симулятивныхъ сдѣлокъ, слѣдуетъ указать на то, что недѣйствительность эта имѣетъ абсолютный характеръ, такъ что опороченная сдѣлка приводитъ контрагентовъ въ то состояніе, въ которомъ они находились раньше, до заключенія сдѣлки. Такое свойство недѣйствительности симулятивныхъ сдѣлокъ обусловливается тѣмъ, что, съ точки зрѣнія закона, подобныя сдѣлки признаются, какъ будто несуществовавшими и, за отсутствіемъ въ нихъ условій дѣйствительности, не создаютъ накакого юридическаго послѣдствія, никакого обязательства; если бы ихъ недѣйствительность имѣла характеръ относительный, то онѣ оказали бы какое либо вліяніе на правовую сферу сторонъ и третьихъ лицъ, такъ какъ права, пріобрѣтенныя третьими лицами до оспариванія

остаются въ силѣ, равнымъ образомъ и стороны, при относительной недѣйствительности сдѣлокъ, могутъ предъявить искъ о понесенныхъ убыткахъ, и тому подобное, что не встрѣчается при абсолютной недѣйствительности сдѣлокъ. Въ связи съ вопросомъ о недѣйствительности симулятивныхъ сдѣлокъ находится вопросъ о томъ, можетъ ли сторона, исполнившая сдѣлку, оказавшуюся впослѣдствіи недѣйствительной, требовить возвращенія переданнаго по этой сдѣлкѣ. Вопросъ этотъ слѣдуетъ разрѣшить въ томъ смыслѣ, что сторона, исполнившая симулятивную сдѣлку, объявленную впослѣдствіи недѣйствительной, можетъ потребовать всегда обратно выданнаго ею, ибо нельзя обогащаться на чужой счетъ и удерживать имущество, перешедшее отъ одного къ другому на незаконномъ основаніи. Это правило не допускаетъ исключеній и примѣняется ко всѣмъ симулятивнымъ сдѣлкамъ, независимо отъ того, находились ли контрагенты in mala fide и bona fide. Многіе юристы не раздѣляютъ этого взгляда, находя, что нужно допустить изъятіе изъ этого общаго правила въ тѣхъ случаяхъ, когда одна сторона дѣйствовала mala fides, чтобы такимъ образомъ, въ наказаніе лишить ее того, что ею уже было выдано или сдѣлано. Это исключеніе не можетъ быть принято потому, что, какъ выше было указано, различіе между bona и mala fides не имѣетъ значенія, а, съ другой стороны, допущеніе исключенія противорѣчило бы закону, объявляющему таковую сдѣлку неимѣющей никакого вліянія на правовую сферу контрагентовъ, такъ какъ допущеніе противоположнаго начала создало бы обратное явленіе, т. е., заключенная сдѣлка имѣла бы вліяніе на правоотношенія сторонъ, увеличивъ имущество одного контрагента той вещью, которая была передана ему другимъ, находившимся въ невѣдѣніи о свойствѣ сдѣлокъ.

Переходимъ теперь къ изслѣдованію вопроса объ особенностяхъ симулятивныхъ сдѣлокъ съ точки зрѣнія процессуальнаго права. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что, по общему правилу, simulatio non praesumitur и потому должна быть доказана тѣмъ лицомъ, которое на нее ссылается, согласно изре-

ченію is qui dicit probat. При этомъ встрѣчаются такіе случаи, когда лицо, доказавшее симулятивность сдѣлки, не ограничивается опроверженіемъ прикрывающей сдѣлки, а сверхъ того, указываетъ еще на наличность другой противозаконной сдѣлки. Въ виду этого слѣдуетъ различать: 1) тѣ случаи, когда лицо стремится не только доказать симулятивность сдѣлки, но еще утверждаетъ, что подъ прикрывающей сдѣлкой скрыта иная сдѣлка и 2) тѣ случаи, когда роль опорочивающаго сдѣлку ограничивается лишь желаніемъ его доказать симуляцію, не касаясь сущности скрытой сдѣлки. Въ 1 случаѣ—въ виду того, что воплощенная въ какомъ либо актѣ сдѣлка считается основанной на истинномъ намѣреніи сторонъ, доколѣ противное не будетъ доказано, тотъ, кто ссылается на ложность основанія и утверждаетъ, что въ основаніе сдѣлки положена иная скрытая цѣль, долженъ доказать это; во 2 случаѣ—ссылающійся на симуляцію доказываетъ лишь наличность ея, а противная сторона, утверждающая, что эта сдѣлка покоится на иномъ основаніи, не получившемъ внѣшняго выраженія въ актѣ, должна доказать скрытое основаніе, для котораго внѣшній актъ не имѣетъ никакой юридической силы. Примѣняя эти общія соображенія къ частностямъ, слѣдуетъ установить, что 1) если должникъ доказалъ ложность основанія, на которомъ строитъ свои притязанія его кредиторъ, то на сего послѣдняго и переносится обязанность доказыванія другого основанія, по которому онъ и ищетъ съ своего должника; равнымъ образомъ тоже правило примѣняется и къ сдѣлкамъ, въ которыхъ causa оторвана отъ обязательства; въ этомъ случаѣ истецъ, въ виду общаго правила, что серьезная цѣль подразумѣвается во всякомъ договорѣ, независимо отъ того, обозначена ли она или нѣтъ въ немъ, освобождается отъ обязанности доказать ея наличность, между тѣмъ какъ въ симулятивныхъ сдѣлкахъ онъ къ тому обязывается, такъ какъ общее правило о наличности серьезной цѣли во всякомъ обязательствѣ разрушено противной стороной, доказавшей симулятивный характеръ сдѣлки. Пояснимъ вышесказанное примѣромъ. Если я получилъ по дарственной записи недвижимость въ даръ, то я, въ виду

доказательной силы этого акта, освобождаюсь отъ доказыванія совершившагося факта даренія; наоборотъ, если я получилъ въ даръ недвижимость, каковой актъ былъ заключенъ въ видѣ купли-продажи, то, вслѣдствіе потери доказательной силы купчей, опороченной противной стороной, доказавшей ея симулятивность, на меня и падаетъ обязанность доказыванія наличности сдѣлки о дареніи, внѣшній актъ которой, по несоотвѣтствію его съ содержаніемъ, признанъ закономъ документомъ, лишеннымъ юридической силы. Эти особенности въ системѣ доказательствъ симулятивныхъ сдѣлокъ вытекаютъ изъ сущности и свойства ихъ; внѣшнія прикрывающія сдѣлки, покоющіяся на ложномъ основаніи, eo ipso исключаютъ существованіе серьезнаго намѣренія, этого главнаго момента законной сдѣлки и съ такимъ дефектомъ она останется до тѣхъ поръ, пока противной стороной не будетъ доказано существованіе инаго истиннаго основанія сдѣлки.

Доктрина, допуская возраженія о симулятивности сдѣлокъ, не всегда предоставляетъ сторонамъ пользоваться всѣми способами доказыванія.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать: 1) оспаривается ли сдѣлка лицами, участвующими въ нихъ, или третьими и 2) касаются ли онѣ публичнаго или частнаго права. Изъ комбинаціи обоихъ элементовъ вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) въ виду особой важности нормъ публичнаго права, симулятивныя сдѣлки, нарушающія эти нормы, могутъ быть опровергаемы всякими способами, независимо отъ того, оспариваютъ ли сдѣлку стороны или третьи лица. Напротивъ, при нарушеніи частно-правовыхъ нормъ, касающихся интересовъ отдѣльныхъ гражданъ, слѣдуетъ ограничить стороны въ выборѣ средствъ доказыванія и допустить лишь доказываніе ихъ наиболѣе надежными способами, то есть, исключить свидѣтелей и признать лишь письменные документы, какъ орудіе доказыванія симулятивности сдѣлокъ. Таково ученіе французскихъ юристовъ, отразившееся и въ законодательствѣ французскомъ. Съ этой теоріей нельзя не согласиться и не отдать ей предпочтенія предъ существующей у насъ. Въ самомъ дѣлѣ,

симулятивныя сдѣлки, совершаемыя для достиженія противозаконной цѣли, трудно доказать письменными документами, ибо стороны заключающія ее, будутъ избѣгать выдачи другъ другу письменныхъ документовъ, которые могли бы изобличить ихъ и раскрыть ихъ противозаконныя дѣйствія. Очевидно, что сторона въ интересахъ коей заключается симулятивная сдѣлка, не выдастъ другой контръ-росписки, удостовѣряющей симулятивность ихъ юридическихъ актовъ. Напримѣръ, при заключеніи сдѣлки займа съ выдачей закладной и предоставленіемъ въ пользованіи квартиры вмѣсто лихвенныхъ °°/₀₀ за капиталъ, должникъ не можетъ доказать письменно симулятивность сдѣлки о наймѣ, такъ какъ у него не имѣются никакихъ письменныхъ доказательствъ; единственный исходъ— свидѣтели; но, по нашему праву, въ виду ст. 410 свидѣтели не допускаются въ опроверженіе сдѣлокъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ. Такимъ образомъ, за невозможностью доказать симулятивность подобной сдѣлки должникъ вынужденъ будетъ терпѣть и подчиняться договору, столь невыгодному для него, если сдѣлка совершена формальнымъ порядкомъ. Напротивъ, при нарушеніи частныхъ интересовъ, стороны, если не запаслись письменными документами, удостовѣряющими симулятивность состоявшагося соглашенія, должны нести и всѣ послѣдствія, проистекающія отъ подобной небрежности къ своимъ интересамъ, ибо здѣсь одна сторона могла получить отъ другой контръ-росписку.

Вотъ тѣ общія начала, которыя мы считали нужными привести для выясненія особенностей въ доказываніи симулятивныхъ сдѣлокъ; ими мы и закончимъ теоретическую часть нашей замѣтки о симулятивныхъ сдѣлкахъ и перейдемъ къ законодательствамъ, дабы уяснить практическую сторону нашего вопроса, насколько она отразилась въ законодательныхъ актахъ цивилизованныхъ народовъ.

II.

Въ римскомъ правѣ мы находимъ рядъ узаконеній, подтверждающихъ изложенное выше ученіе о симулятивныхъ

сдѣлкахъ. Ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ источниковъ римскаго права: in contractibus rei veritas potius quam scriptura perspici debet. 2) Plus valere quod agitur quam quod simulatur. По поводу частнаго случая заключенія сдѣлки о закладѣ подъ видомъ купли-продажи римскіе юристы замѣчаютъ: Emptione pignoris causa facta, non quod scriptum, sed quod gestum est inspicitur. Относительно тѣхъ случаевъ, когда симуляція употребляется съ цѣлью заключенія несерьезной сдѣлки, законъ выражается такъ: contractus imaginarii etiam in emptionibus juris vinculum non obtinent; римское право предусматриваетъ случаи подстановки лица: si quis gestum a se alium egisse scribi fecerit, plus actum quam scriptum valet. Приведенныя нами положенія о значеніи и силѣ симулятивныхъ сдѣлокъ относятся къ тому періоду римской юриспруденціи, когда ratio закона ставилась выше буквы его, когда свойство юридическихъ отношеній опредѣлялось ихъ внутреннимъ смысломъ, когда толкованіе закона основывалось на его raison d'être, однимъ словомъ, когда римское право вышло изъ состоянія младенчества и вступило въ періодъ полной зрѣлости своего развитія. Да иначе и быть не могло.

На первыхъ ступеняхъ развитія каждаго народа, въ юридическомъ быту форма сдѣлки преобладаетъ надъ внутреннимъ содержаніемъ ея; мало того, внутренній смыслъ совершенно остается въ пренебреженіи и даже самимъ закономъ устанавливается à priori извѣстная форма, въ которую облекаются всевозможныя сдѣлки, несоотвѣтствующія ей по многоразличію своего содержанія.

Такъ было у Римлянъ, гдѣ существовавшее mancipatu per aes ex librum обнимавшее всевозможныя сдѣлки, тоже самое встрѣчаемъ и у германцевъ и др. нар.

На основаніи вышеизложеннаго, слѣдуетъ придти къ заключенію, что основныя начала о симулятивныхъ сдѣлкахъ были нечужды римскому праву, которое обсуждало сдѣлку по ея внутреннему смыслу и не обращало вниманія на ту классификацію, какую примѣняли стороны къ возникшимъ отношеніямъ. Тѣ же начала мы находимъ и во французскомъ правѣ.

Въ Code civil мы по интересующему насъ предмету находимъ слѣдующую статью: 1131. L'obligation sans cause, ou sur une fausse cause ou sur une cause illicite ne peut avoir aucun effet. Изъ сопоставленія этой статьи со ст. 1108 Code Civil вытекаютъ положенія, что 1) существенной частью всякой сдѣлки является наличность causa и 2) если сдѣлка основана на незаконной цѣли, или, въ которой цѣль отсутствуетъ, или наконецъ представляется ложной, т. е., несоотвѣтствующей дѣйствительности должна быть признана недѣйствительной. Мы не будемъ останавливаться на разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ французскихъ юристовъ о сущности понятія cause одни изъ нихъ—Touillier—подъ cause разумѣютъ мотивъ, побуждающій лицо совершить какую либо сдѣлку; Par la cause le code entend le motif, qui détermine à faire... Другіе отождествляютъ cause съ объектомъ сдѣлки, что не можетъ быть принято, такъ какъ законъ объектъ и cause считаетъ самостоятельными моментами сдѣлки (ст. 1108 C. N.) и ограничимся указаніемъ на господствующій взглядъ на cause который сводится къ слѣдующему: cause не бываетъ однородной во всѣхъ сдѣлкахъ: въ двухстороннихъ сдѣлкахъ она заключается во взаимномъ предоставленіи выгодъ, въ одностороннихъ—въ желаніи одной стороны изъ благоволенія къ другой принести что либо въ даръ, или наконецъ, cause можетъ содержаться въ предыдущемъ обязательствѣ, и тогда cause является какъ бы оторванной отъ своего обязательства (ст. 568 X т. 1 ч.). Отъ столь краткаго опредѣленія сущности cause мы перейдемъ къ вопросу о вліяніи fausse cause на обязательство, съ точки зрѣнія французскаго законодательства. Fausse cause встрѣчается въ немъ въ двухъ случаяхъ: 1) Когда стороны предполагаютъ о существованіи cause, которая въ дѣйствительности не существуетъ (случай ошибки) (напримѣръ, страхую свой домъ, который наканунѣ сгорѣлъ, о чемъ мнѣ извѣстно) или 2) когда стороны сознаютъ, что cause отсутствуетъ, тѣмъ не менѣе они облекаютъ ее въ сдѣлку. Въ 1 случаѣ сдѣлка недѣйствительна, ибо cause существуетъ въ воображеніи контрагентовъ, но объективно она не существуетъ. Во второмъ случаѣ—когда сдѣлка съ fausse cause

можетъ прикрывать собою другую сдѣлку съ vraie cause, скрытая сдѣлка, содержащая въ себѣ дѣйствительное намѣреніе, должна быть признана дѣйствительной, ибо законъ лишь требуетъ наличности vraie cause и даже разрѣшаетъ не обозначать ее въ сдѣлкѣ, что подтверждается ст. 1132, гласящей: la convention n'est pas moins valable, quoique la cause ne suit pas exprimée.

Французскіе юристы, анализируя ст. 1131, подводятъ подъ нее лишь тѣ случаи, когда стороны заключаютъ сдѣлки, основанныя на противозаконной цѣли или незаключающія въ себѣ никакой цѣли, или, наконецъ, когда стороны, при совершеніи сдѣлки, ошиблись въ существованіи cause; случаи же заключенія симулятивныхъ сдѣлокъ они исключаютъ изъ подъ дѣйствія этой статьи и объявляютъ таковыя сдѣлки дѣйствительными, такъ какъ въ нихъ существуетъ vraie cause, только невыраженная въ сдѣлкѣ, что закономъ допускается. Возьмемъ теперь примѣры изъ практики французскаго кассаціоннаго суда: 1) Мужчина выдалъ обязательство мужу женщины, съ которой онъ былъ найденъ tête à tête въ 12 ч. ночи въ квартирѣ послѣдняго. Когда мужъ предъявилъ къ взысканію это обязательство, адультеръ сослался на незаконную цѣль возникновенія ея. Судъ, принимая во вниманіе, что полученіе мужемъ того обязательства могло служить для послѣдняго вознагражденіемъ за нанесенную обиду, что закономъ не воспрещается, призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. 2) Французскимъ судомъ допускается заключеніе сдѣлки о закладѣ подъ видомъ купли-продажи. 3) Дареніе можетъ быть совершено подъ видомъ купли-продажи. 4) Судъ нашелъ, что дареніе, совершенное изъ чувства благоволенія къ одаряемому, причемъ актъ дарственный былъ снабженъ оговоркой о цѣломъ рядѣ обязательствъ, возложенныхъ на одареннаго и составляющихъ эквивалентъ сдѣланнаго ему дара—таковой дарственный актъ не дареніемъ, а мѣной. 5) Судъ призналъ недѣйствительной нотаріальную сдѣлку, устанавливающую какія либо выгоды въ пользу редактировавшаго содержаніе ея черезъ подставное лицо. Такимъ образомъ, въ рѣшеніяхъ суда по вопросу о силѣ симулятивныхъ сдѣлокъ мы не встрѣчаемъ разнорѣчій и противоположныхъ взглядовъ,

каковые, впрочемъ ,кажущіеся можно найти въ рѣшеніяхъ суда по вопросу о способахъ доказыванія симулятивныхъ сдѣлокъ. Въ однихъ рѣшеніяхъ кассаціонный судъ лишилъ сторонъ права ссылаться на simulatio, какъ на основаніе къ опороченію сдѣлки и не призналъ за должникомъ своего зятя права сослаться на simulatio сдѣлки, имѣвшей своей цѣлью одарить свою дочь. Но, по смыслу этого и другихъ рѣшеній, отступленія отъ обще-принятаго правила о допустимости ссылки на симуляцію, отнюдь не противорѣчитъ закону, такъ какъ въ этихъ рѣшеніяхъ разсматривались тѣ случаи, когда для доказыванія требовались письменные документы, которыхъ не могли представить стороны. Далѣе, кассаціонный судъ допустилъ оспариваніе симулятивныхъ сдѣлокъ всѣми способами по отношенію къ третьимъ лицамъ. Такъ, напр., кассаціонный судъ призналъ за кредиторомъ право требовать недѣйствительности сдѣлки, которая занесена въ ипотечную книгу во избѣжаніе платежа долговъ. Отмѣченное выше кажущееся отступленіе французскаго кассаціоннаго суда отъ обще-принятаго правила, разрѣшающаго всякому опорочивать сдѣлку на основаніи simulatio, относится лишь къ случаямъ законной симуляціи, т. е., когда стороны прикрываютъ одну законную сдѣлку другой законной же. Но, иногда случается, что стороны стремятся скрыть подъ видомъ внѣшней законной сдѣлки противозаконную цѣль, въ каковыхъ случаяхъ судъ не стѣсняетъ никого выборомъ способовъ доказыванія и ссылкой сторонъ на наличность dolus'a, такъ онъ разрѣшилъ доказываніе лихвенныхъ процентовъ свидѣтельскими показаніями, наличности подстановки лица признаніемъ ипотеки, сдѣланной сыномъ на имущество, купленное на его имя, но за счетъ отца его. Все вышесказанное свидѣтельствуетъ о томъ, что и французскому праву, какъ и римскому, не чужды основныя начала о simulatio, и что эти же начала находятъ себѣ отраженіе и въ кассаціонной практикѣ французскаго суда и въ ученыхъ трактатахъ римскихъ юристовъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны отмѣтить, что, напротивъ, русская литература и практика Правительствующаго Сената скудны

свѣдѣніями по интересующему насъ предмету. Изъ имѣющихся сочиненій о симулятивныхъ сдѣлкахъ мы остановимся на рефератѣ Березкина: о симулятивныхъ договорахъ. Сущность этого реферата сводится къ слѣдующему: во всякомъ договорѣ существенное значеніе имѣетъ истинная воля сторонъ, а не та форма, въ которую стороны облекли свою волю, такъ что, при коллизіи формы съ содержаніемъ, преимущество слѣдуетъ отдать содержанію предъ формой. Справедливость этого положенія по отношенію къ нашему законодательству референтъ подкрѣпляетъ ст. 1536, 1539 и 1538. Противъ выводовъ докладчика, между прочимъ, возражалъ г. Малининъ, который указалъ на неполноту и несостоятельность ихъ ссылкой, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ что, если мы, согласно 1538 ст. пользуясь буквальными выраженіями сдѣлки, приступимъ къ анализу истиннаго разума ея, мы не можемъ найти въ сдѣлкѣ инаго смысла, кромѣ того, который явствуетъ изъ буквальнаго ея смысла, такъ, напримѣръ, продолжаетъ оппонентъ, если буквальный смыслъ договора указываетъ на сдѣлку о куплѣ-продажѣ, то какой можетъ быть раскрытъ другой разумъ сдѣлки. Гораздо правильнѣе, по мнѣнію оппонента, предположить, что здѣсь имѣемъ дѣло съ двойственностью воли, съ одной стороны, скрытая, съ другой—явная. Извѣстно, что для дѣйствительности договора требуется наличность воли и соотвѣтствующее ея изъявленіе. Въ разсматриваемомъ же случаѣ (т. е., при симуляціи) оба элемента не встрѣчаются, а появляются врозь: то существуетъ волеизъявленіе, то является истинная воля безъ надлежащей формы. Поэтому, по мнѣнію Малинина, весь вопросъ сводится къ оцѣнкѣ значенія формы укрѣпленія актовъ; при этомъ оппонентъ находитъ невозможнымъ допустить симуляціи по отношенію къ актамъ крѣпостнымъ, вслѣдствіе ихъ непререкаемости.

Приведенныя возраженія г. Малинина на нашъ взглядъ не имѣютъ существеннаго практическаго значенія и отличіе ихъ отъ мнѣнія референта есть чисто теоретическое, что подтверждается тѣми выводами, къ коимъ пришелъ оппонентъ.

И референтъ, и г. Малининъ приходятъ къ тому заключенію, что, при рѣшеніи вопроса о силѣ симулятивныхъ сдѣлокъ, мы сталкиваемся съ понятіями о значеніи формы сдѣлки для ея дѣйствительности, но съ той разницей, что докладчикъ допускаетъ симуляцію по отношенію ко всѣмъ сдѣлкамъ, оппонентъ же признаетъ возможность спора противъ симуляціи лишь тѣхъ сдѣлокъ, которыя совершаются въ установленномъ закономъ порядкѣ.

Мы полагаемъ, что возраженія г. Малинина вызваны неправильной ссылкой докладчика на ст. 1536, 1538 и 1539, приведенныя послѣднимъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что означенныя статьи не могутъ быть примѣняемы къ случаямъ совершенія симулятивныхъ сдѣлокъ, какъ справедливо указалъ другой оппонентъ г. Моргулисъ, ибо въ этихъ статьяхъ изображены правила толкованія сдѣлокъ на основаніи составныхъ частей ея, т. е., для уясненія смысла возникшихъ по данному договору отношеній, мы должны сначала обратиться къ словесному смыслу договора, а, въ случаѣ важнаго сомнѣнія, мы должны истолковать сдѣлку по намѣренію сторонъ, причемъ судъ долженъ черпать матеріалъ изъ содержанія сдѣлки, отнюдь не выходя изъ рамокъ того, что изложено въ томъ актѣ, въ которомъ воплотилась сдѣлка; этотъ взглядъ принятъ и нашимъ Сенатомъ, не допускающимъ доказыванія свидѣтельскими показаніями смысла сдѣлки, вытекающаго изъ ея содержанія. Между тѣмъ какъ въ симулярныхъ сдѣлкахъ мы, для уясненія смысла ихъ, не ограничиваемся изложеннымъ въ томъ актѣ, въ которомъ воплотился договоръ, а идемъ дальше, далеко за предѣлы формы сдѣлки, и анализируемъ всю обстановку состоявшагося соглашенія. Признавъ, такимъ образомъ, правильнымъ возраженіе Моргулиса противъ ссылки докладчика на ст. 1536, 1538 и 1539, мы, съ другой стороны, не можемъ присоединиться къ репликамъ перваго оппонента Малинина, недопускающаго ссылки на simulatio при опороченіи сдѣлокъ установленнымъ порядкомъ совершенныхъ и, напротивъ, придерживаемся того взгляда, что споръ о симу-

миціи допускается по нашимъ законамъ по отношенію ко всѣмъ сдѣлкамъ, независимо отъ формы ихъ совершенія, что подтверждается и кассаціонной практикой Сената. Въ самомъ дѣлѣ, по ст. 1528, разъясненной и Правительствующимъ Сенатомъ существенные моменты всякого договора составляютъ соглашеніе правоспособныхъ субъектовъ, предметъ и закономъ дозволенная цѣль; слѣдовательно, отсутствіе одного изъ этихъ элементовъ парализуетъ сдѣлку, независимо отъ способа ея совершенія, т. е., облечена ли она въ форму установленную закономъ или нѣтъ; и сенатъ, въ рѣшеніяхъ своихъ, призналъ возможность уничтоженія нотаріальнаго акта по его мнимости и вообще допустилъ возраженія о недѣйствительности нотаріальныхъ и крѣпостныхъ актовъ, совершенныхъ установленнымъ порядкомъ, и лишь согласно 410 ст. уст. гражд. суд. ограничилъ свободу въ выборѣ доказательствъ, исключивъ свидѣтельскія показанія. Далѣе, законъ, въ силу ст. 84 прил. къ 708, не исключаетъ возраженій и безденежности купчихъ крѣпостей и, на основаніи п. 2 ст. 1529 допускаетъ возраженія о недѣйствительности актовъ, клонящихся въ ущербъ 3-мъ лицамъ, не смотря на крѣпостную форму ихъ совершенія. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что акты, совершенные крѣпостнымъ порядкомъ, не исключаютъ возможности оспаривать ихъ на основаніи симулятивнаго ихъ характера и разница между формальными и неформальными заключается въ томъ, что стороны актовъ 1-го рода не могутъ опорочивать посредствомъ свидѣтельскихъ показаній (см. рѣш. сената 1879 г. № 318, 1875 г. № 1046, 1880 г. № 188, 1876 г. № 36, 1879 г. № 128 и др.). Исключеніе изъ способовъ доказыванія свидѣтелей объясняется, въ виду ст. 410 уст. гражд. суд., тѣмъ, что симулятивныя сдѣлки не считаются подложными, ибо онѣ совершаются съ вѣдома сторонъ и съ участіемъ воли ихъ и удостовѣряютъ волеизъявленіе ихъ на изложеніе ихъ содержанія. Взглядъ нашъ о допустимости доказательствъ о симулятивности въ крѣпостныхъ актахъ, (вопреки мнѣнію Малинина) за исключеніемъ въ крѣпостныхъ

заемныхъ письмахъ въ силу ст. 2015—и то лишь по отношенію къ сторонамъ сдѣлки,—подкрѣпимъ, сверхъ вышеприведенныхъ соображеній, разсужденіемъ нашего верховнаго суда о значеніи формы для сдѣлки вообще. Въ рѣшеніи 1879 г. № 63 мы находимъ, что договорное соглашеніе сторонъ основывается на взаимномъ ихъ соглашеніи и, что если это соглашеніе несомнѣнно состоялось и не противорѣчитъ законамъ, то оно должно быть признано дѣйствительнымъ независимо отъ того, какъ выражено и изложено соглашеніе между ними въ состоявшемся по поводу онаго актѣ. Въ другомъ рѣшеніи № 288 1878 г. сенатъ объяснилъ, что судъ не долженъ стѣсняться внѣшней формой и обсудить договоръ по внутреннему содержанію, а рѣшеніе 1 департамента и кассаціонныхъ говоритъ, что договоръ долженъ быть *всегда* опредѣляемъ по главному предмету и по существу, а не по наименованію сдѣлки. Наконецъ, оцѣнка доказательной силы той или иной формы акта изображена въ процессуальномъ правѣ, а не въ матеріальномъ; право, не смотря на заимствованія этихъ статей изъ Code Napoleon, гдѣ онѣ помѣщены въ матеріальномъ правѣ.

Признавъ несостоятельнымъ ученіе г. Малинина объ исключеніи крѣпостныхъ актовъ изъ числа тѣхъ, которые могутъ быть опорочены вслѣдствіе своей симулятивности, мы переходимъ къ возраженіямъ 2-го оппонента г. Моргулиса.

Соглашаясь вполнѣ со взглядомъ г. Моргулиса о непримѣнимости ст. 1536, 1538 и 1539 (см. выше) къ разрѣшенію нашего вопроса, мы не раздѣляемъ той части его возраженій, въ которыхъ онъ высказываетъ мнѣніе, будто бы нашимъ законамъ чужды основныя начала о дѣйствительности симулятивныхъ сдѣлокъ и утверждаемъ, что, независимо отъ указанныхъ самимъ оппонентомъ случаевъ симуляціи для прикрытія противозаконныхъ дѣйствій или для нарушенія казенныхъ интересовъ (ст. 2114), нашему закону извѣстна дѣйствительная симуляція непротивозаконнаго свойства. Попытаемся доказать нашу мысль. По ст. 568 X т. 1 ч. законъ дѣлитъ всѣ обязательства на 2 рода: обязательство, возникшее

изъ наличнаго соглашенія сторонъ и обязательство, проистекающее изъ прежде состоявшагося соглашенія. Ergo—законъ не допускаетъ возможности возникновенія обязательства, лишеннаго „causa“, т. е., совершенное сторонами безъ намѣренія создать новыя юридическія отношенія. Хотя сенатъ правильно призналъ дѣйствительнымъ обязательство, въ которомъ causa, такъ сказать, оторвана отъ договора, но необозначеніе causa въ договорѣ не равносильно, въ силу 2 ч. ст. 568, отсутствію ея. Съ другой стороны, ст. 1528 X т. 1 ч. требуетъ какъ conditio sine qua non дѣйствительности договора, наличности закономъ дозволенной цѣли и, потому, ст. 1529 объявляетъ недѣйствительной всякую сдѣлку съ противозаконной цѣлью. Изъ сопоставленія ст. 568 и 1528 и 1529, слѣдуетъ, что законъ, считая, вопреки мнѣнію сената, цѣль основнымъ моментомъ сдѣлки, признаетъ договорное обязательство пользующимся защитой его лишь тогда, когда въ немъ содержится закономъ дозволенная цѣль, причемъ законъ не требуетъ безусловнаго обозначенія ея въ самомъ актѣ. Принимая во вниманіе, что симулятивныя сдѣлки прикрываютъ серьезную цѣль сторонъ и что необозначеніе ея во внѣшней прикрывающей сдѣлкѣ, не можетъ, въ виду 2 ч. 568 ст., служить доказательствомъ совершеннаго ея отсутствія, мы приходимъ къ заключенію, что, по нашимъ законамъ, должно быть допущено признаніе симулятивныхъ сдѣлокъ сего рода дѣйствительными, каковое начало является логическимъ выводомъ изъ смысла ст. 568, 1528 и 1529. Частными случаями, подтверждающими нашъ выводъ, служатъ ст. 2014 и 2017; ст. 2014 объявляетъ ничтожнымъ заемъ, если онъ безденеженъ; слѣдовательно, если заемъ заключенъ вмѣсто другой сдѣлки— то будетъ дѣйствителенъ, ибо подъ безденежностью, согласно многочисленнымъ рѣшеніямъ сената, слѣдуетъ разумѣть отсутствіе эквивалента, т. е., фиктивности, что подтверждается ст. 2017, необъявляющей безденежными разные акты, вытекающіе изъ другого основанія. Равнымъ образомъ и сенатъ правильно призналъ небезденежными займы, заключенные вмѣсто сдѣлки о дареніи или о выдачѣ приданаго. Сюда слѣ-

дуетъ отнести и ст. 2114, гдѣ подъ роспиской сохранной скрытъ заемъ. Г. Мейеръ и г. Шимановскій, напротивъ, не видятъ здѣсь симуляціи, а считаютъ сдѣлку о поклажѣ превратившейся въ сдѣлку о займѣ въ силу самого закона. Подобный взглядъ намъ представляется неправильнымъ, ибо сфера примѣненія превращенія сдѣлокъ обнимаетъ лишь тѣ случаи, когда актъ не удовлетворяетъ условіямъ той сдѣлки, которую желали совершить стороны, но соотвѣтствуетъ условіямъ другой однородной сдѣлки; слѣдовательно—однородность сдѣлки составляетъ необходимое условіе примѣненія превращенія; такое ограниченіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что законъ, превращая одну сдѣлку въ другую, не долженъ нарушить волю сторонъ, онъ не можетъ допустить превращенія всякой сдѣлки въ другую, отличную отъ первой, которую стороны имѣли въ виду, безъ выраженія на то expressim воли сторонъ. Превращенная сдѣлка должна по существу своему быть тождественна съ превращающейся и лишь отличаться отъ сей послѣдней маловажными внѣшними признаками, соблюденіе коихъ, по той или иной причинѣ, не было возможнымъ для контрагентовъ, такъ что законъ, допуская превращеніе, убѣжденъ, въ виду односторонности сдѣлокъ, въ ненарушимости воли сторонъ. Напримѣръ, лицо, не протестовавшее вексель, имѣетъ въ рукахъ лишь заемное обязательство. Равнымъ образомъ заимодавецъ, нарушившій ст. 2036, 1 ч. X т. лишается преимуществъ, предоставленныхъ ему ст. 2039. Иное дѣло, когда стороны expressim выражаютъ свою волю въ томъ смыслѣ, что, если одна сдѣлка не получитъ санкціи закона, по той или иной причинѣ, то должна остаться въ силѣ другая сдѣлка, которую стороны также имѣли въ виду. Мейеръ видитъ здѣсь превращеніе; намъ кажется, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ не съ превращеніемъ, а съ двумя сдѣлками, изъ которыхъ послѣдняя заключается подъ суспенсивнымъ условіемъ непризнанія закономъ первой сдѣлки дѣйствительной. Что касается въ частности ст. 2114, то слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ мнѣніе сената, нежели взгляды Мейера, Цитовича, будто бы здѣсь въ силу превра-

щенія сдѣлка о поклажѣ получила значеніе сдѣлки займа, такъ какъ упомянутыя сдѣлки разнородны и стороны именно и желали совершить сдѣлку о займѣ, скрывъ ее подъ видомъ поклажи, такъ что ни законъ превратилъ ее въ заемъ, а сами контрагенты того пожелали. Равнымъ образомъ невѣренъ взглядъ Мейера, видящаго въ 991 ст. превращеніе. Точно также нельзя согласиться съ сенатомъ, относящимъ 991 ст. къ случаямъ примѣненія simulatio. 1-ый взглядъ слѣдуетъ отвергнуть потому, что ст. 991 говоритъ о разнородныхъ сдѣлкахъ, слѣдовательно, исключаетъ возможность примѣненія симуляціи, какъ выше было объяснено, а второй взглядъ, будто бы здѣсь скрывается simulatio не можетъ быть принятъ потому, что стороны облекли одну сдѣлку въ другую, по существу своему рѣзко отличающуюся отъ сдѣлки перваго рода. Дѣйствительно, даренія нельзя прикрыть завѣщаніемъ, такъ какъ актъ завѣщательный вступаетъ въ силу лишь послѣ смерти завѣщателя, между тѣмъ дарственный актъ можетъ получить немедленно свое воздѣйствіе. Обратимся теперь къ кассаціонной практикѣ сената по интересующему насъ предмету. Рѣшенія сената немногочисленны, и изъ нихъ остановимся на опредѣленіи сената объ отмѣнѣ рѣшенія Виленской судебной палаты, состоявшагося по слѣдующему дѣлу: наслѣдники г.г. Копелянскіе продали на сносъ г. Щаранскому мельницу и лѣсопильный заводъ за 54500 р. Тогда кредиторы наслѣдниковъ заявили въ исковомъ прошеніи о симулятивности этихъ договоровъ. Ковенскій окружный судъ призналъ сдѣлки недѣйствительными и постановилъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Щаранскаго по ст. 1680 угол. Виленская палата отмѣнила рѣшеніе окружнаго суда по слѣдующимъ соображеніямъ: симулятивныя сдѣлки объявляются не безусловно недѣйствительными, а признаются таковыми лишь тогда, когда они совершаются съ злымъ умысломъ вредить 3-мъ лицамъ или скрываютъ противозаконный договоръ; въ данномъ дѣлѣ злой умыселъ не доказанъ, а также истцы не ограничились деградаціей сдѣлокъ и настаиваютъ на безусловной недѣйствительности, слѣдовательно—

исковое требованіе, предъявленное въ такомъ видѣ должно быть отвергнуто. Сенатъ признавъ неправильнымъ рѣшеніе палаты въ виду того, что, вопреки свойству симулятивныхъ сдѣлокъ, не требующихъ для признанія ихъ недѣйствительными—доказательствъ о зломъ умыслѣ—палата требовала доказать такое обстоятельство, которое представляется безразличнымъ для разрѣшенія иска по основанію его симулятивности, такъ какъ, разсуждаетъ сенатъ, истцу нужно лишь доказать несоотвѣтствіе содержанія договора дѣйствительному соглашенію, независимо отъ преслѣдовавшейся ими при этомъ цѣли. Намъ представляется рѣшеніе это неполнымъ и одностороннимъ, ибо сенатъ не коснулся въ немъ вопроса о томъ, какое вліяніе оказываетъ симуляція на скрытую сдѣлку и кто долженъ доказать существованіе истиннаго намѣренія сторонъ, которое они имѣли въ виду. Вѣдь при заключеніи симулярныхъ сдѣлокъ сторонами руководили какіе либо мотивы, побудившіе ихъ облечь одну сдѣлку въ другую, такъ какъ всякая сдѣлка, какъ сознательный актъ мыслящаго человѣка, совершается для достиженія какой либо цѣли. Эту-то цѣль слѣдуетъ искать въ скрытой сдѣлкѣ, а не въ прикрывающей ее; послѣдняя, служа лишь формой, въ которой стороны воплотили свое намѣреніе, не даетъ намъ никакихъ указаній по существу состоявшагося соглашенія, за отсутствіемъ коего она и лишается юридической силы. Но, очевидно, признаніемъ ея недѣйствительной отнюдь не разрѣшается вопросъ о симулятивности, ибо остался неразрубленнымъ гордіевъ узелъ, который содержится въ скрытой сдѣлкѣ. По этимъ соображеніямъ, рѣшеніе сената остается лишь правильнымъ, поелику рѣчь идетъ о прикрывающихъ сдѣлкахъ, и истецъ добивается лишь признанія недѣйствительнымъ внѣшній юридическій актъ, не касаясь существа сдѣлки и не возбуждая вопросовъ о противозаконности цѣли, содержащейся въ скрытой сдѣлкѣ. Такимъ образомъ въ своемъ рѣшеніи сенатъ остановился на полъ-пути и не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію природы симулярныхъ сдѣлокъ. Указывая на неполноту означеннаго рѣшенія, съ другой стороны, мы не мо-

жемъ отвергнуть правильности его взгляда на нарушеніе палатой ст. 366 уст. гражд. суд., заключающееся въ томъ, что мнимость сдѣлокъ не дѣлаетъ ихъ безусловно недѣйствительными, но обязываетъ стороны, безъ иниціативы суда, доказать наличность другой сдѣлки, въ которой и должна быть низведена внѣшняя сдѣлка, такъ какъ по правиламъ состязательнаго процесса, каждому предоставляется самостоятельно ограждать свои интересы и въ случаѣ столкновенія его интересовъ съ самостоятельными правоотношеніями другого лица, то отъ сего послѣдняго зависитъ требовать отъ суда защиты своего правоотношенія. Поэтому Виленская палата, отказывая истцу въ его требованіи на томъ де основаніи, что онъ не озаботился огражденіемъ интересовъ отвѣтчика, поступила въ нарушеніе статьи 366 устава гражданскаго судопроизводства. Буде же по обстоятельствамъ дѣла, продолжаетъ сенатъ въ томъ же рѣшеніи, исковое требованіе, оказывается преувеличеннымъ или могущимъ подлежать удовлетворенію лишь подъ извѣстнымъ въ пользу отвѣтчика условіемъ, то уже отъ самого суда зависитъ присудить истцу лишь то, что ему дѣйствительно слѣдуетъ, что и надлежало въ настоящемъ случаѣ сдѣлать палатѣ, если она находила, что доказанная мнимость должна повлечь за собою лишь недѣйствительность отчужденія будто-бы Копелянскими своего имущества Щаранскому, но не уничтоженія прикрываемыхъ таковымъ мнимымъ отчужденіемъ реальныхъ долговыхъ отношеній первыхъ къ послѣднему. Къ приведеннымъ вполнѣ правильнымъ соображеніямъ Сената слѣдуетъ прибавить, что палата, по признаніи доказаннымъ симулятивность договоровъ, заключенныхъ Копелянскими съ Щаранскимъ, должна была возложить на отвѣтчика тяжесть доказыванія цѣли и характера основной скрытой сдѣлки, а не самой предвосхитить таковую обязанность и доказывать существованіе займа, что вполнѣ совпадаетъ съ особенностями доказыванія симулятивныхъ сдѣлокъ. Что же касается приведенной въ томъ же рѣшеніи ст. 1529 2 п. X т. 1 ч., имѣющей связь съ нашимъ вопросомъ, то, не вдаваясь въ подробности,

замѣтимъ, слѣдующее: мнѣніе Сената, высказанное въ многихъ рѣшеніяхъ, сводится къ тому, что кредиторы, должны, при опороченіи сдѣлокъ, учиненныхъ ихъ должникомъ, доказать, что сдѣлка эта увеличила или вызвала неоплатность его, а для пополненія отчужденнаго имущества у должника нѣтъ иного. Предъявляя подобное требованіе къ кредиторамъ, намъ кажется, что Сенатъ упустилъ изъ виду, что п. 2 ст. 1529 обнимаетъ всѣ случаи противозаконнаго способа отчужденія имущества и не обратилъ вниманія на различіе въ дѣйствіяхъ должника, имѣющихъ серьезный характеръ или симулятивный. Въ рѣшеніи своемъ 1881 г. № 24 онъ подъ 2 п. 1529 ст. подводитъ и случаи опороченія сдѣлокъ по ихъ фиктивности, требуя и въ этомъ случаѣ доказательства неоплатности должника, такимъ образомъ, считаетъ фиктивность сдѣлки однимъ изъ способовъ опороченія ея по 2 п. 1529 ст. X т. (Сенатъ разсуждаетъ, что для достиженія дѣла подложнаго укрѣпленія имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ, необходимо, чтобы договоръ клонился къ уменьшенію имущества должника, служащаго для удовлетворенія его кредиторовъ, чтобы по такому договору имущество должника было передано въ другія руки безденежно, безъ всякаго эквивалента, или по несоразмѣрно низкой цѣнѣ или чтобы договоръ былъ фиктивенъ). Эта выписка свидѣтельствуетъ о путаницѣ понятій отчужденія имущества по серьезной сдѣлкѣ или по симулятивной. Какъ бы предвидя возраженія противъ этого рѣшенія, Сенатъ въ рѣшеніи 1892 г. № 28 оговаривается, что, хотя фиктивность сдѣлки указана въ рѣшеніи 1881 г. № 24, какъ способъ опороченія сдѣлки, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что кредиторы при спорѣ о фиктивности сдѣлки обязаны доказать отсутствіе иного имущества у должника. Въ рѣшеніи отъ 1892 г. № 28 Сенатъ предоставилъ кредитору право оспаривать фиктивность сдѣлки даже въ случаяхъ, когда у должника есть другое имущество. Между тѣмъ, путаница эта можетъ быть легко разсѣяна, если мы примѣнимъ сюда высказанныя выше положенія о симулятивныхъ сдѣлкахъ. На основаніи этихъ

началъ, при примѣненіи 2 п. 1529 ст., слѣдуетъ различать, когда кредиторы оспариваютъ силу состоявшейся сдѣлки ссылкой на симулятивный ея характеръ или когда кредиторы опорочиваютъ сдѣлку, совершенную должникомъ, преслѣдующимъ серьезную цѣль. Въ первомъ случаѣ—кредиторы освобождаются отъ доказыванія наличности у должника иного имущества, такъ какъ всякое стороннее лицо, чьи права нарушены отъ заключенія симулятивныхъ слѣлокъ, пользуется возможностью оспаривать подобныя сдѣлки, которыя лишь терпимы закономъ, поелику въ нихъ не содержится преступная цѣль или нарушеніе интересовъ третьихъ лицъ. Во второмъ случаѣ—кредиторы обязаны доказать отсутствіе иного имущества у должника, такъ какъ законъ не можетъ признать безусловно недѣйствительнымъ всякое отчужденіе должника: въ противномъ случаѣ законъ стѣснялъ бы свободу распоряженія своимъ имуществомъ. Онъ лишь объявляетъ отчужденіе должникомъ недѣйствительнымъ, если кредиторъ докажетъ, что уменьшеніе имущества вызываетъ неоплатность должника, которая угрожаетъ кредитору неудовлетвореніемъ его претензій. Согласно съ этими соображеніями, мы должны признать правильнымъ рѣшенія Сената 1875 г. № 479 и 545, 1876 г. № 121, 441, 1877 г. № 264, 1878 г. № 11, 1879 г. № 348, 1881 г. № 24 и т. д., въ коихъ онъ призналъ необходимымъ доказываніе отсутствія иного имущества у должника, равнымъ образомъ и рѣшеніе его 1828 г. № 92, гдѣ онъ освободилъ отъ таковой обязанности кредитора при опороченіи сдѣлки, по которой должникъ фиктивно отчуждаетъ имущество, мотивируя свое заключеніе тѣмъ, что, въ случаѣ обращенія кредиторомъ взысканія на какое-либо имущество должника, кредиторъ встрѣтится съ фактомъ совершенія мнимой сдѣлки, то онъ вправѣ таковую сдѣлку оспаривать и требовать осуществленія своего права обратить на это имущество взысканіе, какъ на принадлежащее въ дѣйствительности должнику, такъ какъ ни должникъ, ни 3-е лицо, заключившее мнимый договоръ, не измѣнившій дѣйствительнаго положенія имущества, не могутъ возражать про-

тивъ таковаго права. Сенатъ, сверхъ того, въ подкрѣпленіе правильности своего положенія, приводитъ соображенія практическаго свойства; онъ замѣчаетъ, что если судъ уклонится отъ разрѣшенія спора по тому поводу, что у должника есть другое имущество, то взыскатель подвергнется разнымъ невыгоднымъ послѣдствіямъ (замедленію во взысканіи, напрасному платежу судебныхъ издержекъ), не смотря на то, что онъ пользовался своимъ правомъ обратить взысканіе на всякое имущество. Нельзя не замѣтить, что мотивы Сената по поводу допущенія имъ возможности опороченія сдѣлки на основаніи ея фиктивности, не взирая на существованіе другого имущества, не столь убѣдительны, чтобы могли оправдать даруемыя кредитору льготы. Отбросивъ въ сторону соображенія Сената практическаго свойства, которыя самостоятельнаго значенія имѣть не могутъ, слѣдуетъ указать на непримѣнимость взгляда Сената на сущность симулятивныхъ сдѣлокъ къ данному дѣлу. Сенатъ, какъ извѣстно, въ своемъ рѣшеніи 1891 г. № 62 остановился лишь на внѣшнихъ прикрывающихъ сдѣлкахъ, объявленныхъ за силою 1528 ст. X т. 1 ч. недѣйствительными, между тѣмъ какъ сущность фиктивныхъ сдѣлокъ, какъ разновидности симулятивныхъ сдѣлокъ, содержится въ скрытыхъ основныхъ сдѣлкахъ, а не въ прикрывающихъ, и признаніе ихъ неимѣющими юридической силы слѣдуетъ объяснить не отсутствіемъ въ нихъ дѣйствительнаго соглашенія сторонъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что стороны при заключеніи ихъ, не желали создать какія либо новыя юридическія отношенія, а лишь имѣли въ виду прикрыть отсутствіе перехода имущества. Засимъ ссылка на то, что 3-е лицо не вправѣ возражать противъ осуществленія своего права кредиторомъ, также не состоятельна, ибо и при отчужденіи имущества по 2 п. 1529 ст. третье лицо лишено возможности противопоставить свое право на оспариваемое имущество.

Наконецъ, отмѣна рѣшенія Кишиневскаго съѣзда по нарушенію имъ ст. 1528 X т. 1 ч., вслѣдствіе требованія послѣднимъ доказать отсутствіе инаго имущества у должника,

убѣждаетъ насъ въ томъ, что, по мнѣнію Сената, понятіе о фиктивности, какъ способѣ опороченія сдѣлки, совершенной съ злымъ умысломъ, предусмотрѣнномъ 2 п. 1529 ст., слѣдуетъ отличать отъ понятія фиктивныхъ сдѣлокъ вообще, опороченіе коихъ предусмотрѣно 1528 ст. Такое различіе фиктивныхъ сдѣлокъ, противорѣчащее природѣ ихъ, должно быть отвергнуто; вышеприведенное мнѣніе Сената не согласуется съ буквальныхъ смысломъ 2 п. ст. 1529 X т. 1 ч., по которой опороченіе сдѣлки фиктивной, совершенной должникомъ, принадлежитъ кредитору, не обязанному доказать существованіе инаго имущества у должника (разъ сдѣлка оспаривается на основаніи ея фиктивности), такъ какъ 2 п. 1529 ст. не различаетъ способовъ отчужденія имущества должникомъ, обращая лишь вниманіе на самый фактъ отчужденія. Сенатъ допустилъ еще одну неправильность при толкованіи 2 п. 1529 ст., заключающуюся въ томъ, что, въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ, онъ освобождаетъ отъ обязанности вообще доказывать существованіе имущества и допускаетъ покупщика съ публичнаго торга къ опороченію сдѣлки по 2 п. 1529 ст., между тѣмъ какъ, въ виду источника этой статьи, пунктъ (2) которой заимствованъ изъ банкротскаго устава, гдѣ и помѣщенъ законъ 1880 г., касающійся отношеній лицъ, связанныхъ кредитомъ, по 2 п. 1529 ст. таковымъ правомъ пользуются лишь кредиторы ($^{80}/_{208}$ $^{11}/_{78}$). Такимъ образомъ рѣшенія $^{92}/_{28}$ $^{91}/_{62}$ не могутъ считаться удовлетворительными съ точки зрѣнія теоріи права о характерѣ симулятивныхъ сдѣлокъ. Равнымъ образомъ и рѣшенія судовъ низшихъ не дальше ушли отъ своего высшаго руководителя. Такъ, напримѣръ, Ковенскій окружный судъ усмотрѣлъ слѣды преступленія въ сдѣлкѣ, заключенной Копелянскими съ Щаранскимъ о продажѣ на сносъ мельницы и завода; или Сумскій окружный судъ, по дѣлу Хрущева (Ю. В., май 1880 г.) не допустилъ производства для обнаруженія истиннаго характера сдѣлки о продажѣ родоваго имущества и о покупкѣ впослѣдствіи тѣмъ же продавцомъ, каковыя сдѣлки были совершены съ цѣлью лишить свое имущество характера родоваго.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о способахъ доказыванія симулятивныхъ сдѣлокъ по нашимъ законамъ. Вопросу этому особенно посчастливилось благодаря тому, что на разсмотрѣніе Сената поступали жалобы на рѣшенія судовъ; поэтому мы находимъ многочисленныя рѣшенія Сената, относящіяся къ процессуальной сторонѣ нашего вопроса, и нельзя не замѣтить, что взглядъ его, насколько онъ отразился въ нихъ, вполнѣ вѣренъ и соотвѣтствуетъ духу тѣхъ положеній уст. гражд. суд., которыя касаются этого вопроса. Такъ, согласно 410 ст. уст. гражд. суд., и въ виду указаннаго различія между споромъ о подлогѣ и о simulatio, Сенатъ вполнѣ правильно разсуждаетъ, что для доказыванія симулятивности закладной, по которой денегъ не получено, свидѣтельскія показанія не могутъ быть допущены ($^{128}/_{79}$). Напротивъ, въ рѣшеніи $^{126}/_{79}$, Сенатъ допустилъ на законномъ основаніи возможность доказыванія свидѣтельскими показаніями скрытаго подъ видомъ поклажи займа, такъ какъ въ ст. 2114 имѣется въ виду поклажа, совершенная домашнимъ порядкомъ. Равнымъ образомъ, въ виду того, что ст. 409—410 уст. гражд. суд. относятся лишь къ сторонамъ сдѣлки, а не къ лицамъ, неучаствующимъ въ сдѣлкѣ, Сенатъ высказалъ правильный взглядъ на допущеніе свидѣтельскихъ показаній по поводу спора о симулятивности нотаріальнаго акта, возбужденнаго неучаствующимъ въ семъ актѣ лицомъ ($^{318}/_{79}$). Таковы вкратцѣ замѣчанія о положеніяхъ нашего процессуальнаго права, получившихъ вполнѣ правильное освѣщеніе въ рѣшеніяхъ Сената, касающихся способовъ доказыванія симулятивныхъ сдѣлокъ. Въ заключеніе укажемъ на тѣ случаи, когда вопреки правилу simulatio non praesumitur, законъ прямо устанавливаетъ наличность simulatio при заключеніи сдѣлокъ; возложивъ на отвѣтчика тяжесть доказыванія отсутствія simulitio въ оспариваемыхъ сдѣлкахъ; сюда, напр., относятся ст. 553, 554 и 555, согласно коимъ Сенатъ вполнѣ правильно постановилъ ($^{129}/_{79}$ $^{117}/_{90}$), что при опроверженіи сдѣлки, по 2 п. 1529 ст., обязанность доказать безденежность акта лежитъ на конкурсѣ, отъ каковой обязанности послѣдній освобождатся при заключеній сдѣлокъ по 553 и др. статьямъ, такъ какъ кредиторъ перемѣщаетъ onus probandi на отвѣтчика.

Х. *Ривлинъ.*

НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ НАЧАЛА ВЪ СТРУКТУРѢ СОВРЕМЕННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Безчисленный рядъ протекшихъ вѣковъ оказалъ неотразимое и могущественное вліяніе на структуру современныхъ государствъ. Какъ каждый индивидуумъ со всѣми его физическими и духовными свойствами, есть въ сущности наслѣдіе прошлаго, такъ и сложныя государственныя структуры настоящаго времени есть лишь результатъ постепеннаго и послѣдовательнаго совершенствованія первоначально очень несложныхъ государственныхъ ячеекъ.

Результатомъ неравномѣрно благопріятныхъ условій прошлой жизни народовъ оказывается, однако, то, что современныя государства не стоятъ всѣ на одной ступени политической культуры, представляя, напротивъ, значительное разнообразіе. Если бы мы имѣли въ настоящее время возможность созерцать картину политическаго строя всей совокупности государствъ нашей планеты, то эта картина поразила бы насъ съ перваго взгляда своею пестротой, при болѣе же тщательномъ ея изученіи своимъ глубокимъ смысломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть поразительнѣе того факта, что, несмотря на цѣлый рядъ минувшихъ тысячелѣтій, въ теченіи которыхъ существуютъ и развиваются человѣческія общества, мы находимъ и въ настоящее время не только крайніе полюсы развитія политической структуры, начиная отъ первобытно-простѣйшихъ и кончая наиболѣе сложными, но мы можемъ констатировать и

разнообразныя промежуточныя стадіи, т. е. имѣемъ возможность, такимъ образомъ, прослѣдить приблизительно ходъ последовательнаго развитія государства отъ простѣйшей формы до наиболѣе развитой. Такимъ образомъ, то, что утрачено нами во времени, что потерялось въ глубинѣ доисторическихъ вѣковъ и никакими усиліями науки не можетъ быть возстановлено, то возмѣщается намъ въ пространствѣ, т. е., къ нашему глубокому изумленію, въ ряду разнообразныхъ политическихъ структуръ настоящаго времени мы находимъ и такія, которыя приблизительно соотвѣтствуютъ различнымъ стадіямъ развитія, пережитымъ въ теченіи вѣковъ наиболѣе совершенными политическими структурами нашего времени.

Попытаемся оріентироваться среди этихъ разнообразныхъ политическихъ формъ. При этомъ необходимо помнить, что мы имѣемъ дѣло лишь съ государственными союзами людей и что таковыми являются тѣ общественные союзы, которые имѣютъ юридически самостоятельную организацію власти. Эта послѣдняя, какъ элементъ, отличающій государственные союзы отъ всѣхъ другихъ союзовъ, и заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. Чтобы оріентироваться среди многочисленныхъ политическихъ организацій нашего времени, необходимо прежде всего классифицировать эти политическія формы. Такъ какъ власть въ общественныхъ союзахъ принадлежитъ всегда людямъ, то основаніемъ для классификаціи можетъ быть принятъ признакъ сосредоточенія этой власти въ рукахъ одного лица, нѣсколькихъ или многихъ и, наконецъ, въ рукахъ цѣлаго общества, составляющаго собою юридически независимый союзъ.

Группируя всѣ современныя государства на основаніи только что указаннаго признака, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ весьма замѣчательнымъ явленіемъ, состоящимъ въ томъ, что всѣ три группы государствъ заключаютъ въ себѣ политическія организаціи различной степени политической культуры, т. е. каждая изъ политическихъ формъ наблюдается не только у племенъ и народовъ нецивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ, но и у народовъ, гордящихся своей цивилизаціей. Отсюда далѣе съ несомнѣнною достовѣрностью слѣдуетъ, что

процессъ политической эволюціи заключается не только въ послѣдовательномъ переходѣ одной политической формы въ другую, но и въ послѣдовательномъ же переходѣ формъ данной политической структуры въ болѣе совершенныя формы той же самой структуры. Послѣднее относится, такимъ образомъ, къ внутреннимъ процессамъ развитія какой либо опредѣленной формы государственнаго союза; существо организаціи при этомъ остается неизмѣннымъ; измѣняются и совершенствуются лишь способы и формы государственной дѣятельности и внѣшнія формы организаціи государственной власти. Автократія на всѣхъ ступеняхъ развитія остается такой политической формой, въ которой государственная власть принадлежитъ одному лицу, но въ однихъ случаяхъ мы видимъ, что эта власть и осуществляется почти непосредственно ея носителемъ, при помощи нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ; въ другихъ, напротивъ, мы находимъ въ высшей степени сложную систему подчиненныхъ органовъ и властей, дѣйствующихъ отъ имени единоличнаго представителя верховной власти; аристократія и демократія на всѣхъ ступеняхъ развитія представляютъ собою политическія формы, въ которыхъ государственная власть принадлежитъ или выдающемуся меньшинству, или же всему народу, но въ однихъ случаяхъ и здѣсь и тамъ мы наблюдаемъ простѣйшія, первобытныя формы, въ другихъ встрѣчаемся съ образцами наиболѣе сложной, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе развитой и совершенной политической структуры настоящаго времени. Попытаемся объяснить все это примѣрами и указаніями на факты и явленія дѣйствительной жизни. Разсматривая политико-географическую карту нашей планеты, мы сейчасъ же наблюдаемъ въ высшей степени замѣчательное явленіе—это группировка политическихъ структуръ по полушаріямъ земли, и по частямъ свѣта. Вся Азія, Африка и восточная часть Европы характеризуются замѣчательнымъ преобладаніемъ автократическихъ формъ политической жизни. Западная Европа представляетъ выдающееся преобладаніе такъ называемыхъ конституціонно-монархическихъ формъ; Америка характеризуется демократическими формами. Такимъ образомъ

въ общемъ можно сказать, что восточное полушаріе земли болѣе монократическое, западное болѣе демократическое. Западная Европа занимаетъ, среднее положеніе между частями свѣта восточнаго и западнаго полушарія. Мы не думаемъ, что сдѣлали бы слишкомъ поспѣшный выводъ, если бы сказали, что политическая эволюція идетъ по направленію отъ востока къ западу. Указанный нами фактъ не можетъ быть дѣломъ случая; напротивъ, какъ группировка политическихъ структуръ, такъ равно и географическое ихъ направленіе и распространеніе подтверждаютъ еще разъ высказанную мысль, что образованіе и развитіе политическихъ союзовъ находится въ тѣсной зависимости отъ опредѣленныхъ естественныхъ факторовъ. Каковы эти факторы, почему въ однихъ районахъ мы находимъ преобладаніе автократическихъ формъ, въ другихъ демократическихъ, почему политическая эволюція направляется отъ востока къ западу—разъясненіе этихъ вопросовъ не входитъ въ рамки настоящаго очерка; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что вопросы эти въ наукѣ остаются еще вовсе не разработанными; въ этомъ направленіи были сдѣланы лишь очень немногія попытки, при этомъ не въ смыслѣ разъясненія законосообразности въ развитіи политическихъ структуръ, но въ отношеніи вообще культурнаго развитія народовъ, что, конечно, не одно и тоже, хотя тѣсная связь между тѣмъ и другимъ и не можетъ быть отрицаема. Остановимся теперь, въ частности, на каждой изъ самостоятельныхъ формъ политическихъ союзовъ, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ настоящее время.

Наиболѣе простую форму представляютъ автократіи; ихъ называютъ также абсолютными монархіями или неограниченными монархіями. Названіе автократіи будетъ, однако, болѣе правильнымъ, такъ какъ приложимо ко всѣмъ вообще союзамъ съ единоличными формами государственной власти, между тѣмъ, какъ съ выраженіемъ монархія мы привыкли связывать представленіе о политическихъ структурахъ съ извѣстною значительною уже степенью развитія; то же названіе, какъ извѣстно, примѣняется и къ такъ называемымъ конституціоннымъ государствамъ.

Примитивную автократическую форму политической жизни представляютъ въ настоящее время тѣ нецивилизованныя племена, во главѣ которыхъ стоятъ ихъ единоличные правители или вожди; они часто пользуются неограниченною властью надъ свободой, жизнью и собственностью своихъ подданныхъ. Въ книгѣ Герберта Спенсера—развитіе политическихъ учрежденій—посвященной всецѣло вопросу о возникновеніи и первоначальномъ развитіи примитивныхъ политическихъ формъ, мы находимъ достаточно относящихся сюда указаній; такъ, примитивныя автократическія структуры существуютъ у зулусскихъ кафровъ, у племени Фиджи, у Вазоровъ, живущихъ въ восточной Африкѣ; на основаніи государственнаго закона Дагомеевъ всѣ люди рабы короля. Надо, однако, замѣтить, что по мѣрѣ расширенія въ Африкѣ европейскихъ владѣній и вліянія, эти примитивныя формы подвергаются значительнымъ модификаціямъ, можно думать, что не пройдетъ и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ отъ этихъ формъ останутся только одни воспоминанія. Въ Азіи мы также находимъ примитивныя автократіи, стоящія, однако, уже на болѣе высокой степени развитія, нежели африканскія—таковы Афганистанъ, Бухара, Сіамъ; далѣе идутъ Персія, Корея, Китай и проч. Хотя, подобно африканскимъ государствамъ, единоличные правители пользуются и здѣсь неограниченною властью надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ, однако, существеннымъ различіемъ служитъ здѣсь весьма уже развитая система учрежденій, чрезъ которыя осуществляется верховная воля единоличнаго правителя. Въ большинствѣ случаевъ правители находятъ предѣлъ своей власти въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа и священныхъ книгахъ. Наше государство даетъ намъ, наконецъ, замѣчательный образчикъ автократической структуры съ весьма развитымъ внутреннимъ административнымъ механизмомъ, съ законодательствомъ, имѣющимъ уже длинную исторію своего развитія, съ порядкомъ управленія по законамъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ легко, такимъ образомъ, видѣть, что въ ряду современныхъ автократическихъ структуръ одни находятся въ первобытномъ со-

стоянии, таковы африканскія государства, другія вышли изъ этого состоянія и имѣютъ довольно развитую систему учрежденій—таковы азіатскія государства; наконецъ, третьи, куда относится Россія, сохраняя всецѣло природу автократіи, отличаются весьма сложною и сравнительно совершенною системой учрежденій, не уступая въ этомъ отношеніи государствамъ съ иными политическими формами.

Такое выдающееся положеніе русскаго государства можетъ быть объяснено двумя главными факторами, изъ которыхъ одинъ политико-географическій, другой—религіозный. Изъ всѣхъ восточныхъ автократій Россія занимаетъ самое западное положеніе, а выше было замѣчено, что современная политико-географическая карта свидѣтельствуетъ о развитіи политическихъ формъ въ направленіи отъ востока къ западу. Изъ всѣхъ современныхъ автократій, если не считать Черногорію и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ государствъ, Россія является единственною, въ которой господствуетъ христіанская вѣра. Эти два фактора оказали несомнѣнно могущественное вліяніе на весьма высокое развитіе всей политико-административной структуры Россіи, сравнительно съ другими государствами той же политической группы. На какой бы, однако, ступени развитія ни находились государства этой категоріи, существо автократической структуры всюду остается одно и то же и заключается въ томъ, что верховная власть принадлежитъ здѣсь одному физическому лицу. Всѣ прочіе государственные учрежденія и органы пользуются властью лишь по ясно выраженному или предполагаемому полномочію со стороны субъекта власти верховной. Такимъ путемъ осуществляется начало единства верховной власти, присущее каждой вообще политической структурѣ. Если иногда мы наблюдаемъ, въ особенности у народовъ нецивилизованныхъ, ограниченіе власти единоличнаго правителя органами или отдѣльными лицами, номинально и юридически ему подчиненными, гдѣ онъ выступаетъ, какъ бы почетнымъ правителемъ, то это служитъ яснымъ указаніемъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ автократіей, но съ аристо-

кратіей или съ олигархіей. Возможенъ и такой случай, гдѣ власть юридически принадлежитъ одному лицу, фактически другому. Такіе случаи, въ особенности, возможны тамъ, гдѣ свѣтская и духовная власть принадлежатъ различнымъ лицамъ; таково независимое государство Бутанъ, расположенное въ южной части Гиммалайскихъ горъ, гдѣ при существованіи свѣтскаго главы государства, называемаго Дебъ-Райа и духовнаго называемаго Дарма-Райа, дѣйствительная власть принадлежитъ наиболѣе могущественнымъ военачальникамъ. Тоже слѣдуетъ сказать о сосѣднемъ государствѣ Нииполъ, во главѣ котораго стоитъ король или магараджа, являющійся, однако, какъ бы почетнымъ правителемъ; въ дѣйствительности Нииполъ военная олигархія. Такихъ примѣровъ можно было бы отыскать во всѣхъ частяхъ свѣта не мало; поэтому о принадлежности каждаго даннаго государства къ той или другой политической группѣ слѣдуетъ судить не по внѣшнимъ только формамъ, но на основаніи дѣйствительнаго положенія дѣлъ.

Какими причинами обусловливается установленіе автократической структуры—этотъ вопросъ не можетъ быть объясненъ въ нѣсколькихъ словахъ; во всякомъ случаѣ, здѣсь оказываютъ свое вліяніе могущественные естественные факторы; религіозныя воззрѣнія народа, завоеванія и вообще военныя предпріятія въ связи съ выдающимися способностями и талантами отдѣльныхъ лицъ, степень культуры общества, расовой или племенной темпераментъ, географическое положеніе страны, плотность населенія, естественныя богатства мѣстности—все это и, конечно, многое другое, оказываетъ свое вліяніе на установленіе и существованіе автократическихъ структуръ, какъ впрочемъ и всѣхъ другихъ политическихъ формъ.

Вторую группу въ системѣ современныхъ государствъ представляютъ тѣ государства, въ которыхъ субъектомъ верховной власти является не одно физическое лицо, но совокупность физическихъ лицъ; въ настоящее время эту группу составляютъ такъ называемыя конституціонныя монархіи.

Существо этой политической структуры заключается въ томъ, что въ качествѣ субъекта верховной власти выступаетъ здѣсь особаго рода организація, состоящая изъ двухъ нераздѣльно связанныхъ элементовъ народнаго представительства и представителя единоличной власти. Какое бы изъ конституціонныхъ государствъ мы ни взяли, будутъ ли то обширныя имперіи въ родѣ Австро-Венгріи, Великобританіи, или маленькіе политическіе организмы въ родѣ Греціи, Люксембурга и т. п., мы всюду найдемъ два указанныхъ элемента. Такая организація можетъ быть объяснена только исторически. Какъ бы ни стремились къ созданію особой теоріи конституціонализма, онъ все же по существу своему не есть что либо придуманное, но является результатомъ историческаго процесса политической жизни европейскихъ обществъ; это одна изъ переходныхъ формъ, воплощающихъ въ себѣ начало верховной власти.

Если не всѣ, то огромное число конституціонныхъ монархій образовалось изъ автократій послѣ того какъ эти послѣдніе выполнили свою политическую миссію. Но единоличное начало не исчезло и въ новой формѣ, вошедши въ нее въ качествѣ интегральной части. Другую такую же интегральную часть составило само общество, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ. Естественно-историческое происхожденіе обоихъ элементовъ въ конституціонно-монархической структурѣ западно-европейскихъ государствъ не вызываетъ сомнѣнія. Это не исключаетъ, конечно, возможности примѣненія этой формы въ отдѣльныхъ случаяхъ и искусственнымъ путемъ, слѣдовательно, и путемъ позаимствованія; такое искусственное воспроизведеніе конституціонализма нисколько, однако, не говоритъ противъ его историческаго происхожденія; прежде чѣмъ быть кѣмъ бы то ни было позаимствованнымъ, онъ развился естественно и исторически. Не говорятъ противъ этого и позднѣйшія поправки, видоизмѣненія и улучшенія этой формы, хотя бы они и дѣлались по какимъ бы то ни было теоретическимъ соображеніямъ, существо ея не было придумано теоретически.

Обращая вновь вниманіе на современную политико-гео-

графическую карту земнаго шара, мы наблюдаемъ, что конституціонно-монархическія структуры группируются въ западной части Европы; при этомъ нельзя еще разъ не указать на то, что даже и здѣсь, сравнительно на небольшомъ территоріальномъ районѣ обнаруживается сила того положенія, что развитіе политическихъ структуръ идетъ въ направленіи отъ востока къ западу. Пруссія, Австро-Венгрія, занимающія восточную часть Западной Европы, болѣе близко стоятъ къ автократіи, нежели то можно сказать относительно Бельгіи и Англіи, занимающихъ самыя крайнія западныя части Европы. Если не считать миніатюрной автократіи Монако, то всѣ остальныя государства представляютъ плотную, неразрывную сѣть конституціонно-монархическихъ структуръ, среди которыхъ лишь Швейцарія и Франція принадлежатъ къ особой категоріи. Существо конституціонно-монархической структуры всюду, какъ замѣчено, остается одно и то же; различія отчасти формальнаго свойства, отчасти же объясняются различіями въ степени политической культуры отдѣльныхъ государствъ этой группы. Такъ, нѣкоторую формальную разницу мы находимъ въ положеніи единоличныхъ представителей монархическаго начала, о чемъ свидѣтельствуютъ уже и самые титулы ихъ или наименованія; правители стоящіе во главѣ западно-европейскихъ государствъ, называются князьями, герцогами, великими герцогами, королями и императорами. Эти титулы указываютъ до нѣкоторой степени на тотъ рангъ или мѣсто, какое занимаетъ то или другое государство въ общей системѣ западно-европейскихъ государствъ. Но въ отношеніи самой природы разсматриваемой нами политической структуры эти различія не имѣютъ, однако, ровно никакого значенія. Въ княжествѣ Лихтенштейнъ, имѣющемъ 159 кв. килом. территоріи и съ небольшимъ 9 тыс. населенія, единоличный представитель монархическаго начала съ титуломъ князя составляетъ такую же интегральную часть въ организаціи верховной власти княжества, какъ и англійская королева въ Англіи и австрійскій императоръ въ Австро-Венгріи. Какъ ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ въ этихъ двухъ имперіяхъ

волею одного народнаго представительства безъ согласія императорской власти, такъ и въ кн. Лихтенштейнъ не можетъ появиться ни одного закона помимо воли князя.

Останавливаясь на другомъ изъ элементовъ занимающей насъ теперь политической формы, такъ называемомъ народномъ представительствѣ, мы находимъ здѣсь уже болѣе существенныя различія, касающіяся самаго характера этого представительства, т. е. числа лицъ, входящихъ въ его составъ, принадлежности ихъ къ тѣмъ или другимъ общественнымъ классамъ, способа ихъ назначенія или избранія, порядка ихъ дѣятельности и т. д. Мы разумѣется, не имѣемъ никакой возможности входить въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ различій. Отмѣтимъ только наиболѣе существенныя черты.

Большинство государствъ имѣетъ, такъ называемую, двухъкамерную систему представительства, при чемъ одна изъ камеръ—нижняя является представительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова, другая—верхняя заключаетъ въ себѣ лицъ по назначенію княжеской, герцогской или королевской власти, или же лицъ, участвующихъ въ палатѣ по своему званію, или, наконецъ, даже и по избранію; первая носитъ также названіе палаты депутатовъ, палаты общинъ, палаты уполномоченныхъ; вторая—палаты господъ, палаты лордовъ, сената и проч. Уже эти названія, а въ особенности самый составъ той и другой палаты, указываютъ на ихъ существенныя различія.

Личный составъ нижней палаты зависитъ, главнымъ образомъ, отъ характера избирательной системы; въ однихъ государствахъ выборы производятся на основаніи всеобщей подачи голосовъ, въ другихъ участіе въ выборахъ обусловлено уплатою опредѣленной суммы налоговъ; послѣдняя система является господствующею, хотя она и представляетъ значительное разнообразіе, иногда почти приближаясь ко всеобщей подачѣ голосовъ, иногда же допуская къ участію въ выборахъ лицъ, лишь наиболѣе обезпеченныхъ экономически. Число избирателей даже при всеобщей подачѣ голосовъ вовсе не такъ велико, какъ объ этомъ можно было бы думать. Такъ,

на всю Германію въ 1890 году было 10 мил. избирателей въ рейхстагъ, изъ которыхъ только 7 мил. приняли участіе въ выборахъ при общемъ числѣ населенія въ 49 мил., т. е. 1/7 часть всего населенія, или изъ 100 человѣкъ принимало участіе въ выборѣ только 14. Исключая изъ общаго числа населенія дѣтей, получимъ нѣсколько болѣе благопріятную цифру. Въ Бельгіи, гдѣ установленъ незначительный цензъ, число избирателей въ томъ же году было 133 тыс., что составляетъ только 2% населенія. Гдѣ цензъ значительнѣе, тамъ отношеніе представляется еще менѣе благопріятнымъ.

Отсюда мы видимъ, что въ конституціонно-монархическихъ государствахъ только сравнительно очень небольшая часть населенія принимаетъ активное участіе въ избраніи представителей. Число этихъ послѣднихъ обыкновенно опредѣлено закономъ, а иногда, какъ въ Бельгіи, Даніи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, поставлено въ зависимость отъ числа населенія; въ Бельгіи одинъ депутатъ приходится на 40 тыс., въ Даніи одинъ на 16 тыс., населенія. Самое большее число депутатовъ имѣетъ англійская палата общинъ—670; въ Италіи 508; въ Пруссіи 433; въ Испаніи 432 и т. д. Самый маленькій парламентъ въ 12 челов. мы находимъ въ княжествѣ Рейссъ старшей линіи.

Составъ верхней палаты опредѣляется обыкновенно сословнымъ или родовымъ цензомъ; поэтому онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, имѣетъ аристократическій характеръ, за исключеніемъ немногихъ государствъ, каковы, напр., Бельгія, Норвегія, гдѣ и верхняя палата имѣетъ выборный составъ.

Существованіе двухъ палатъ объясняется также исторически. Въ предшествовавшіе періоды европейское общество характеризовалось весьма значительною сословною обособленностью; между сословіями наиболѣе выдающееся и вліятельное положеніе въ государствѣ занимало сословіе землевладѣльческое, дворянское, въ которомъ нѣкоторые дворянскіе роды успѣли настолько выдвинуться древностью своего происхожденія, знатностью и богатствомъ, что и при автократической структурѣ оказывали вліяніе на государственныя

дѣла; многіе изъ нихъ долгое время пользовались въ своихъ владѣніяхъ полною административною самостоятельностью; это, по большей части, потомки феодаловъ-рыцарей и бароновъ, владыкъ средневѣковаго строя. Не могло быть ничего проще того, что и при измѣнившейся политической формѣ они не только не утратили своего прежняго значенія, но какъ наиболѣе вліятельная часть общества, вошли въ составъ организаціи верховной власти, обособляясь, въ лицѣ по крайней мѣрѣ многихъ своихъ членовъ, въ отдѣльную коллегію или палату. Но какъ ранѣе, при автократической структурѣ, они зависѣли отъ королевской власти, такъ и теперь составъ верхней палаты находится подъ сильнымъ воздѣйствіемъ той же власти.

По существу дѣла вехняя палата служитъ представительницею консервативнаго начала въ государственной дѣятельности и не безъ основанія считается умѣряющимъ и сдерживающимъ политическимъ элементомъ. Избирательный характеръ нѣкоторыхъ верхнихъ палатъ, какъ въ Бельгіи, Норвегіи и др., есть уже результатъ позднѣйшихъ вліяній и не соотвѣтствуетъ исторически выработавшейся природѣ этого учрежденія.

Если двухъ-камерный парламентъ характеризуетъ наиболѣе крупныя государства, то большая часть мелкихъ имѣетъ одну палату; сюда относятся очень многія государства германскаго союза, а также Греція и Сербія. Почему въ мелкихъ государствахъ одна палата, понять также не трудно. Чѣмъ меньше общественная группа, тѣмъ больше въ ней единства; кромѣ того, на территоріи въ 200 или 300 квадр. километровъ трудно представить себѣ крупное землевладѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность особой политической группы для верхней палаты. Если мы представимъ себѣ кн. Лихтенштейнъ въ видѣ правильнаго четыреугольника, то одна сторона его будетъ равняться 10 верстамъ, другая 15-ти; такимъ образомъ, при желаніи можно было бы пройти это государство пѣшкомъ въ одинъ день и вдоль и поперекъ; на этомъ пространствѣ живетъ $9^1/_2$ тыс. населенія; при такихъ условіяхъ дѣло государственной организаціи и управ-

ленія очень упрощается; здѣсь не только нѣтъ надобности въ верхней палатѣ, но и одна существующая заключаетъ въ себѣ только 15 депутатовъ.

Таковы цифры и факты, дающіе хотя нѣкоторое представленіе о конституціонно-монархической структурѣ. Если мы не будемъ обращать вниманія на мелочи, на нѣкоторую, впрочемъ вполнѣ понятную, разницу въ цифрахъ, то мы убѣдимся, что современная конституціонно-монархическая структура подчинена однимъ и тѣмъ же господствующимъ началамъ; они обнаруживаются всюду: и въ отношеніяхъ между общественнымъ и монархическимъ элементами, и въ устройствѣ палатъ, и въ способахъ ихъ дѣятельности, и въ избирательныхъ системахъ, и въ правахъ и вообще положеніи депутатовъ и т. д.

Конституціонно-монархическая структура акклиматизировалась, если такъ можно выразиться, въ западной Европѣ; здѣсь нашла для себя вполнѣ благодарную почву; поэтому Западная Европа въ общемъ можетъ быть названа конституціонно-монархическою; подобно тому какъ Азія и Африка являются монархическими. Однако, какъ говорятъ, нѣтъ правила безъ исключенія; если и въ Западной Европѣ мы находимъ незначительное число автократій—Монако, Черногорія, то и въ Азіи мы встрѣчаемся съ конституціонно-монархическими организаціями. Перенесемся мысленно съ крайняго запада на крайній востокъ; здѣсь мы найдемъ, на островахъ Тихаго океана, два государства—это Японія и Тонга. Еще недавно Японія была автократіей по формѣ и олигархіей de facto; но вотъ съ 1889 года здѣсь существуетъ конституціонно-монархическое устройство. Во главѣ государства стоитъ по прежнему императоръ, на ряду съ которымъ въ организацію верховной власти вошли палата перовъ и палата представителей, организованныя по западно-европейскому образцу и имѣющія приблизительно одинаковый численный составъ.

Такое выдающееся явленіе, какъ установленіе на крайнемъ востокѣ конституціонно-монархической структуры не можетъ быть объяснено ни чѣмъ инымъ, какъ непосредствен-

нымъ западно-европейскимъ вліяніемъ; слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло прямо съ позаимствованіемъ или искусственнымъ насажденіемъ политическихъ формъ. Усиленныя стремленія японскаго правительства къ улучшеніямъ въ области мѣстнаго управленія и самоуправленія и, въ ообенности, къ поднятію уровня умственнаго развитія народа путемъ введенія обязательнаго обученія, учрежденія гимназій, университетовъ и спеціальныхъ школъ—такія мѣры могутъ послужить къ упроченію хотя бы и искусственно насажденной политической формы.

Другой подобнаго рода примѣръ даетъ намъ мало извѣстное государство Тонга, расположенное на островахъ того же названія или на островахъ Товарищества, на Тихомъ океанѣ, между 15 и 23 градусами южной широты и 173 и 177 западной долготы и населенное полинезійцами. На ряду съ королевскою властью здѣсь имѣется законодательное собраніе, половина котораго принадлежитъ къ наслѣдственной аристократіи, другая половина избирается народомъ; такимъ образомъ законодательное собраніе представляетъ какъ бы соединеніе нижней и верхней палатъ. Такое устройство мы находимъ у тѣхъ самыхъ дикарей-полинезійцевъ, про которыхъ у Спенсера въ его цитированномъ уже мною трудѣ говорится, что „наслѣдственный король или вождь ихъ считается имѣющимъ божественное происхожденіе, является потомкомъ тѣхъ главныхъ боговъ, которые когда то посѣтили острова Тонга“ Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ западноевропейскимъ вліяніемъ и искусственнымъ насажденіемъ политическихъ формъ по западно-европейскому образцу. Извѣстно, что Великобританія, Германія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки заключили съ этимъ государствомъ мирныя договоры; золотая и серебряная монета этихъ государствъ имѣетъ здѣсь одинаковую законную силу. Таковы два исключенія изъ общаго правила, на которыя мы имѣли въ виду указать.

Гдѣ бы, однако, мы ни разсматривали конституціонно-монархическую структуру, въ странахъ ли цивилизованныхъ или дикихъ, мы всюду находимъ одни и тѣ же элементы,

характеризующіе собою организацію верховной власти—это представитель монархическаго, единоличнаго начала и извѣстная совокупность представителей или, лучше сказать, уполномоченныхъ отъ различныхъ группъ населенія. Разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой формѣ и какимъ путемъ оба эти элемента сливаются воедино, образуя единый органъ верховной власти, представляетъ нѣкоторыя затрудненія. При всей видимости двухъ властей, или лучше сказать, двухъ, а иногда, и трехъ субъектовъ власти, никто, однако, не рѣшается признать двухъ или трехъ верховныхъ властей. Многіе представители нѣмецкой государственной науки признаютъ обладателемъ верховной власти представителя единоличнаго начала, все равно, будетъ ли то князь, герцогъ или король; только что способы пользованія верховною властью, по ихъ мнѣнію, ограничены народнымъ представительствомъ. Такъ какъ, однако, существо и все значеніе власти заключается именно въ пользованіи ею, и внѣ возможности такого пользованія нѣтъ и самой власти, то логическое противорѣчіе, въ которое впадаютъ многіе нѣмецкіе государствовѣды, становится совершено очевиднымъ. Признавая органомъ верховной власти короля, слѣдуетъ отвергнуть признакъ ограниченности, и тогда получается автократія; допуская признакъ ограниченности королевской власти, необходимо отвергнуть фактъ принадлежности королю верховной власти, такъ какъ послѣдняя вообще не можетъ быть юридически ограниченной, и тогда мы будемъ имѣть конституціонную монархію. Въ ней субъектомъ верховной власти является совокупность лицъ, обнимающая собою народное представительство и носителя королевской власти. Какова бы ни была въ данномъ случаѣ внѣшняя организація верховной власти, необходимо, чтобы она была проникнута характеромъ единства. Вотъ почему въ конституціонно-монархической структурѣ органомъ верховной власти служитъ упомянутая совокупность лицъ въ состояніи полнаго соглашенія ея самостоятельныхъ элементовъ. Палаты въ отдѣльности могутъ проявлять ту или другую дѣятельность; тоже самое слѣдуетъ сказать и о представителѣ единоличной власти;

но всѣ они въ этой своей роли будутъ не носителями верховной власти, но лишь органами подчиненными и уполномоченными. Отсюда слѣдуетъ, что дѣятельность органа верховной власти въ разсматриваемой нами политической формѣ, носитъ по преимуществу творческій, законодательный характеръ, что, однако, не исключаетъ возможности предпринятія и единоличныхъ административныхъ мѣръ.

Два указанныхъ элемента въ организаціи верховной власти не находятся между собою въ дѣйствительной жизни въ постоянномъ и неуклонномъ равновѣсіи. Различныя условія и обстоятельства текущей жизни могутъ создавать болѣе выгодное положеніе то для одного элемента, то для другого; отсюда колебанія, неустойчивость; при значительномъ перевѣсѣ представительнаго начала надъ единоличнымъ, конституціонно-монархическая структура превращается въ конституціонно-демократическую, при значительномъ перевѣсѣ единоличнаго начала—въ монократическую.

Переходимъ къ третьей и послѣдней группѣ въ системѣ современныхъ государствъ. Въ составъ ея входятъ всѣ, такъ называемыя, демократическія структуры. Самою распространенною изъ нихъ является представительная демократія. Существенное отличіе ея отъ конституціонно-монархическаго государства состоитъ въ томъ, что органомъ верховной власти въ ней выступаетъ, какъ извѣстно, лишь народное представительство, представитель же единоличной власти или глава государства, хотя обыкновенно и имѣется въ наличности, подъ титуломъ президента республики, но не входитъ въ качествѣ элемента въ организацію верховной власти, функціонируя лишь какъ глава исполненія, т. е. какъ высшій руководящій органъ управленія; послѣднее должно быть основано на законѣ, какъ велѣніи, исходящемъ отъ органа власти верховной. Такимъ образомъ, президентъ республики—лицо, подчиненное парламенту, хотя въ нѣкоторыхъ государствахъ онъ и пользуется правами, до извѣстной степени аналогичными съ правами конституціонныхъ монарховъ; въ другихъ,

напротивъ, онъ выступаетъ лишь въ роли высшаго должностнаго лица.

Хотя демократическія формы принято обыкновенно дѣлить на два вида—непосредственныя, гдѣ общество непосредственно выступаетъ въ качествѣ органа верховной власти, и представительныя, гдѣ въ качествѣ такого органа функціонируетъ извѣстное число уполномоченныхъ лицъ; въ дѣйствительной жизни первая форма встрѣчается лишь какъ рѣдкое исключеніе, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда государство имѣетъ очень незначительный объемъ, охватывая одну или нѣсколько общинъ, даже и въ подобныхъ случаяхъ въ качествѣ органа верховной власти выступаетъ обыкновенно не весь народъ, но лишь относительно небольшая группа лицъ.

Вновь обращая вниманіе на современную политико-географическую карту нашей планеты, мы убѣждаемся, что демократическія структуры нашли для себя наиболѣе благопріятную почву въ Америкѣ, подобно тому какъ автократическія структуры въ Азіи, а конституціонно-монархическія въ Европѣ. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что въ настоящее время въ обѣихъ Америкахъ не имѣется ни одной автократіи и даже ни одного конституціонно-монархическаго государства; обѣ онѣ сплошь покрыты представительными демократіями. Эта политическая структура встрѣчается, однако, и въ другихъ частяхъ свѣта, причемъ тѣмъ рѣже, чѣмъ дальше мы подвигаемся на востокъ; если въ Америкѣ нѣтъ ни одной автократіи, то въ Азіи, въ свою очередь, нѣтъ ни одной демократіи. Въ Африкѣ мы находимъ уже нѣсколько такихъ политическихъ структуръ; таковы: Либерія въ западной части Африки и южно-африканскія государства: республики—Оранжевая и знаменитый теперь Трансвааль. Въ Европѣ число такихъ политическихъ формъ довольно значительно; такъ въ одномъ Швейцарскомъ союзѣ ихъ 25; кромѣ того, сюда относятся: Франція, миніатюрная республика С.-Марино, окруженная со всѣхъ сторонъ итальянскими владѣніями и, наконецъ, республики города—Бременъ, Гамбургъ и Любекъ, входящія, какъ извѣстно, въ составъ

германскаго союза; но, повторяемъ, наибольшее распространеніе, при томъ съ исключеніемъ всѣхъ другихъ формъ политическаго строя, демократическія структуры нашли въ Америкѣ.

Классифицируя современныя демократіи, мы находимъ: республики города, простыя республики и республики федераціи. По существу своего устройства всѣ они, однако, одинаковы. Федеративныя республики, какъ и монархіи, представляютъ лишь союзы государствъ, имѣющихъ самобытное существованіе, но допускающіе особаго рода учрежденія въ отношеніи завѣдыванія нѣкоторыми государственными функціями, общими всѣмъ отдѣльнымъ государствамъ федераціи; эти общія учрежденія организованы такъ, что и вся федерація представляетъ изъ себя какъ бы самостоятельное государство; въ дѣйствительности, однако, она является результатомъ свободнаго соглашенія входящихъ въ нее самостоятельныхъ государствъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что вопросъ о государственномъ значеніи федерацій и объ отношеніи между федеративными учрежденіями и входящими въ составъ федерацій государствами, остается вопросомъ еще спорнымъ. Къ демократическимъ федераціямъ относятся: Швейцарія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Бразилія, Мексика, Аргентина, Венецуэлла.

По внѣшней своей формѣ демократическія структуры представляютъ большое сходство съ конституціонными монархіями; такъ, здѣсь мы находимъ обыкновенно двѣ, а иногда, и одну палату депутатовъ и затѣмъ представителя единоличной власти—президента. Одною палатой ограничиваются обыкновенно небольшія демократіи; таковы указанныя демократіи города, а также Коста-Рика, Гватемала, Гондурасъ, С.-Сальвадоръ, Оранжевая; но иногда и въ маленькихъ демократіяхъ двѣ палаты, напр., въ Трансваалѣ, Парагваѣ, Урагваѣ, Либеріи и другихъ. Если при конституціонно-монархической структурѣ двухъ-камерная система обусловливается естественно-историческими причинами, то въ

демократіяхъ это скорѣе результатъ позаимствованія. Если въ первой верхняя палата выражаетъ собою участіе въ организаціи верховной власти высшаго, естественно-исторически развившагося и обособившагося класса населенія, то въ демократіяхъ ничего подобнаго нѣтъ и верхняя палата выражаетъ лишь стремленіе общества обставить законодательную процедуру болѣе сложными формами, чтобы имѣть болѣе обстоятельные законы.

По формѣ образованія верхняя палата въ конституціонно-монархическихъ государствахъ рѣзко отличается отъ нижней палаты; напротивъ, въ демократіяхъ они ничѣмъ не отличаются; въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ основаніи образованія личнаго состава той и другой лежитъ одна и и та же избирательная система, одни и тѣ же условія. Только въ численномъ отношеніи нижняя палата обыкновенно превосходитъ верхнюю, за немногими исключеніями.

Экономическій цензъ, характеризующій выборную систему въ конституціонныхъ монархіяхъ, въ демократіяхъ встрѣчается гораздо рѣже; обыкновенно существуетъ всеобщая подача голосовъ и весьма нерѣдко требованіе грамотности. Всѣ безъ исключенія демократическія конституціи опредѣляютъ возрастъ какъ избирателей, такъ и депутатовъ, дѣлая въ этомъ отношеніи опять-таки различіе между верхнею и нижнею палатами. Замѣчательно, что возрастные minimum'ы во всѣхъ демократіяхъ, гдѣ бы мы ихъ ни взяли, въ Европѣ или Америкѣ, въ Африкѣ или на островахъ Тихаго океана, всюду приблизительно одинаковы, съ очень небольшими колебаніями; достиженіе 21 года всюду считается достаточнымъ для участія въ избраніи депутатовъ; достиженіе 25-лѣтняго возраста обыкновенно даетъ право выставить себя кандидатомъ въ депутаты и достиженіе 30-лѣтняго возраста въ большинствѣ случаевъ признается достаточнымъ, чтобы имѣть право баллотироваться въ сенаторы. Только Перу, Чили и Франція установляютъ для сенаторовъ высшій возрастъ; первая 35 лѣтъ, вторая 36 и послѣдняя даже 40.

Наиболѣе многолюдную, какъ нижнюю, такъ и верхнюю, палату имѣетъ Франція: 584 члена въ нижней и 300 въ верхней палатѣ. Наименьшій численный составъ палатъ въ Либеріи: въ верхней палатѣ 8 членовъ, въ нижней 13. Но по сравненію съ числомъ населенія почти вся разница между этими maximum'ами и minimum'ами устраняется; такъ, во Франціи одинъ депутатъ нижней палаты приходится на 65 тыс. населенія, въ Либеріи на 77 тысячъ. Однако, въ общемъ можно сказать, что чѣмъ меньше число населенія государства, тѣмъ выгоднѣе отношеніе числа членовъ нижней палаты къ общему числу населенія, и наоборотъ; это объясняется тѣмъ, что maximum и minimum числа членовъ палатъ не могутъ увеличиваться или уменьшаться безпредѣльно. Каково бы ни было число населенія, хотя бы въ 100 мил. или болѣе, неудобно, чтобы представительное собраніе состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ депутатовъ; съ другой стороны какъ бы населеніе ни было малочисленно, нельзя его представительство свести къ 2 или 3 депутатамъ; уже и показанный minimum въ 13 чел. въ Либеріи долженъ быть признанъ ничтожнымъ.

Власть исполнительная всюду принадлежитъ выборному президенту, за немногими исключеніями.

Приведенныя нами статистическія и другія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ демократическихъ структурахъ господствуютъ общія начала, обусловливаемыя, въ свою очередь, одинаковыми или однородными причинами. Въ общемъ можно сказать, что всѣ американскія и африканскія демократіи развились подъ непосредственнымъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, нашедши благопріятныя условія главнымъ образомъ въ Америкѣ. Въ основаніи большинства этихъ демократій лежитъ европейская колонизація, отвоевавшая себѣ независимость. Правящимъ классомъ являются европейцы; всѣ эти президенты республикъ, члены палатъ, министры, губернаторы, все это европейцы или потомки европейцевъ, вообще люди европейской культуры. Они ввели здѣсь хри-

стіанство и просвѣщеніе. Даже такія маленькія республики, какъ Эквадоръ, Гондурасъ, Никарагуа и почти всѣ другія не только считаютъ сотнями элементарныя школы, но имѣютъ и среднія школы и университеты. И въ то же время въ этихъ демократіяхъ живутъ десятки и сотни тысячъ дикарей, не имѣющихъ никакого понятія о цивилизаціи; таковы индѣйцы, негры, метисы, полинезійцы и др. Такъ, по даннымъ, заслуживающимъ довѣрія, въ Боливіи на 2 мил. населенія 1 мил. индѣйцевъ; въ Эквадорѣ на 1 мил. населенія 870 тыс. индѣйцевъ; въ Гватемалѣ на $1^1/_2$ мил. 900 тыс.; въ Либеріи изъ одного милліона населенія большинство африканцы; въ Оранжевой республикѣ изъ 207 тыс. 130 тыс. негровъ и т. д. Туземцы аборигены, будутъ ли то негры или индѣйцы, едва ли могутъ принимать хотя какое либо участіе въ этихъ демократическихъ организаціяхъ. Имъ отведены территоріи, на которыхъ они и живутъ по началамъ своего обычнаго права, подчиняясь въ политическомъ отношеніи организованной европейцами власти. Пройдутъ еще нѣсколько столѣтій и первобытный человѣкъ исчезнетъ съ лица земли въ неравной борьбѣ за существованіе съ культурнымъ человѣкомъ.

Припоминая все сказанное и дѣлая общую и краткую характеристику структуры современнаго государства, мы приходимъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: 1) всѣ современныя государства по ихъ организаціи принадлежатъ къ тремъ типамъ: монократическому, конституціонно-монархическому и демократическому; 2) политическая эволюція выражается не только въ переходѣ одного типа въ другой, но и въ переходѣ отъ одной формы къ другой болѣе совершенной того же типа; 3) политико-географическая карта нашей планеты доказываетъ, что современное развитіе политическихъ формъ идетъ въ направленіи отъ востока къ западу; наконецъ, 4) совершенствованіе политическихъ структуръ подчинено началу законосообразности. Если одни общежитія пошли въ дѣлѣ своей политической организаціи далѣе другихъ, если на ряду съ наиболѣе совершенными политическими

формами нашего времени мы находимъ и простѣйшія, первобытныя формы, то это не дѣло случая, это не дѣло даже доброй воли людей, но здѣсь проявляется только то же великое начало естественной законосообразности, которое даетъ себя чувствовать во всѣхъ вообще явленіяхъ міровой жизни.

Проф. В. Ивановскій.

ХРОНИКА ГРАЖДАНСКАГО СУДА.

(О правѣ казны на предъявленіе предпринимателю, послѣ выдачи ему окончательнаго разсчета по подряду и возвращенія залога, дополнительнаго разсчета по одной изъ операцій, входившей въ составъ подряда, но въ окончательномъ разсчетѣ не упомянутой).

На основаніи ст. 204 пол. о казен. подр. и пост. „по окончаніи поставки или подряда, выдается немедленно въ копіи разсчетъ лицу, принявшему на себя сію обязанность съ казною, или его повѣренному, которымъ, въ случаѣ неудовольствія, дозволяется подавать объясненія и приносить жалобы порядкомъ, опредѣленнымъ въ законахъ судопроизводства гражданскаго". До выдачи окончательнаго разсчета, никакіе споры по подряду не подлежатъ разсмотрѣнію суда, и лишь послѣ указаннаго момента контрагентъ казны въ правѣ обратиться въ судъ съ искомъ и, при томъ, не въ тѣхъ только случаяхъ, когда истецъ заявляетъ требованія, вытекающія изъ разсчета, безъ оспариванія этого послѣдняго, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ иска служитъ указаніе на неправильность самаго составленія окончательнаго разсчета. Что касается этого послѣдняго, то предъявленіе его предпринимателю не лишаетъ, впослѣдствіи, казны права предъявить ему, даже и послѣ возвращенія залога, дополнительный разсчетъ по одной изъ операцій, входившей въ составъ договора подряда, но не упомянутой въ окончательномъ разсчетѣ. Возможность такого дополнительнаго раз-

счета, однако, отвергается иногда контрагентами казны, но едва ли по основательнымъ соображеніямъ, какъ о томъ можно судить изъ нижеслѣдующаго практическаго случая, недавно восходившаго на разсмотрѣніе правительствующаго сената. Въ іюнѣ 1878 г. окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ Одесскаго военнаго округа заключенъ контрактъ съ Одесскою главною конторою русскаго общества пароходства и торговли на перевозку артиллерійскихъ тяжестей въ навигацію 1878 г. изъ всѣхъ пунктовъ во всѣ порты Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ пароходы, транспорты и баржи русскаго общества совершаютъ рейсы на основаніи нормальныхъ кондицій. По ст. 17 этихъ кондицій „за потерю груза общество отвѣчаетъ по стоимости его казнѣ; но это не относится къ потерѣ, происшедшей отъ молніи, шторма, урагана и т. п. случаевъ, зависящихъ отъ воли Божіей: въ этихъ случаяхъ общество не подлежитъ отвѣтственности, по представленіи о томъ узаконенныхъ удостовѣреній“. „По ст. 22 тѣхъ же кондицій, въ случаѣ гибели парохода отъ воли Божіей: (шторма, урагана, молніи и т. п.) казна теряетъ грузъ, а общество причитающуюся ему плату за бывшій на томъ пароходѣ или иномъ судиѣ грузъ и затѣмъ никакихъ претензій съ обѣихъ сторонъ не имѣть“. Согласно договору 16 октября 1878 г. былъ отправленъ на шкунѣ „Гусь“ изъ г. Николаева въ г. Поти артиллерійскій грузъ вѣсомъ 21.322 пуд., съ сопровождавшею его военною командою, этотъ грузъ былъ въ гор. Одессѣ перегруженъ на паровую шкуну „Воробей“ и 30-го октября, по пути въ г. Поти, вблизи гор. Сухума, при сильномъ вѣтрѣ и большой зыби утонулъ, вслѣдствіе перелома шкуны „Воробей“, шедшей на буксирѣ парохода „Чихачевъ“. Затѣмъ по „исполненнымъ“, согласно условіямъ договора, въ навигацію 1878 г. перевозкамъ разнаго казеннаго имущества, окружное артиллерійское управленіе выдало главной конторѣ разсчетъ, на который въ 1879 г. контора изъявила удовольствіе и разсчетъ по „исполненнымъ“ перевозкамъ былъ оконченъ. Послѣ того 6 марта 1887 г. окружное артиллерійское управленіе объявило конторѣ обще-

ства „дополнительный“ разсчетъ по грузу, принятому къ перевозкѣ 16 октября 1878 г. въ г. Николаевѣ и утонувшему, со шкуной „Воробей“, 30-го октября того же года, съ требованіемъ объ уплатѣ стоимости погибшаго груза въ суммѣ 237.658 р. 96½ к. На этотъ разсчетъ общество пароходства представило свои объясненія, по разсмотрѣніи которыхъ артиллерійское управленіе объявило 21 сентября 1888 г. свое окончательное, по означенному разсчету, заключеніе, назначивъ четырехнедѣльный срокъ на уплату вышеозначенной денежной суммы, каковая и взыскана съ общества административнымъ порядкомъ. Тогда повѣренный общества пароходства и торговли, присяжный повѣренный Лавинскій, предъявилъ 28 февраля 1889 г. въ Одесскомъ окружномъ судѣ къ окружному артиллерійскому управленію искъ, утверждая, что по договору подряда отъ 14 іюня 1878 г. разсчетъ между артиллерійскимъ управленіемъ и обществомъ пароходства совершенно оконченъ въ 1878 г., залогъ возвращенъ и самый договоръ прекратился, почему артиллерійское вѣдомство на предъявленіе новаго разсчета права не имѣетъ и претензія казны къ подрядчику за убытки, независимо разсчета по договору, можетъ лишь составлять предметъ особаго иска на общемъ основаніи; обращеніе же на русское общество отвѣтственности за убытки, понесенные, вслѣдствіе гибели груза при крушеніи шкуны „Воробей“, по существу неправильно, въ виду того, что шкуна эта потонула съ грузомъ отъ шторма, т. е. непреодолимой силы. На этихъ основаніяхъ повѣренный общества просилъ окружный судъ: разсчетъ Одесскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, объявленный главной конторѣ Русскаго общества 6 марта 1887 г. съ окончательнымъ заключеніемъ управленія 21 сентября 1887 г., признать неправильнымъ и освободить общество отъ отвѣтственности и взысканія по тому разсчету. Одесскій окружный судъ рѣшеніемъ, состоявшимся 10/18 октября 1889 г., опредѣлилъ въ пользу Русскаго общества пароходства и торговли взыскать съ казны, въ лицѣ Одесскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, 237.658 р. 96 ½ к. съ процентами съ

21 сентября 1888 г. по день удовлетворенія, а также издержки по производству дѣла въ суммѣ 3.176 р. 7 к. По апелляціонной жалобѣ уполномоченнаго казны, *судебная палата нашла*, что по содержанію жалобы и объясненій повѣренныхъ сторонъ слѣдуетъ войти въ разсмотрѣніе слѣдующихъ воросовъ: 1) вправѣ ли было Одесское окружное артиллерійское управленіе, выдавъ 22 марта 1879 г., Русскому обществу пароходства и торговли окончательный разсчетъ по исполненнымъ перевозкамъ разнаго казеннаго имущества, по контракту отъ 14 іюня 1878 г., и, возвративъ залогъ, выдать 6 марта 1887 г. новый разсчетъ, названный дополнительнымъ, по перевозкѣ казеннаго имущества на шкунѣ „Воробей"; 2) имѣло ли артиллерійское управленіе законное основаніе взыскать административнымъ порядкомъ съ Русскаго общества пароходства и торговли убытки, понесенные имъ, вслѣдствіе гибели казеннаго имущества, перевозившагося на шкунѣ „Воробей", или же оно должно было отыскивать эти убытки въ исковомъ порядкѣ, на общемъ основаніи; 3) должно ли Русское общество пароходства и торговли нести отвѣтственность за гибель казеннаго имущества, потонувшаго вмѣстѣ съ шкуною „Воробей", и 4) если оно должно нести эту отвѣтственность, то правильно ли артиллерійское управленіе опредѣлило размѣръ этихъ убытковъ. Останавливаясь на первомъ вопросѣ, судебнаая палата нашла, что какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіи былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій и указовъ относительно договоровъ съ казною о подрядѣ и поставкѣ и во всемъ этомъ законодательствѣ выражается постоянная заботливость объ огражденіи казеннаго интереса отъ убытковъ и злоупотребленій. Такъ, въ Высочайше утвержденномъ 17 октября 1830 г. положеніи объ обязательствахъ, заключаемыхъ между казною и частными людьми по подрядамъ, поставкамъ, въ § 161 сказано, что поставщики и подрядчики могутъ представлять доказательства о законныхъ причинахъ, воспрепятствовавшихъ имъ къ исполненію въ срокъ обязанности, въ теченіе мѣсяца и послѣ договорнаго срока, далѣе же сего доказатель-

ство о причинахъ просрочки не пріемлется. Въ §§ 162—165 излагаются законныя причины, освобождающія отъ взысканія лицъ, вступившихъ въ обязательство съ казною и въ § 166 говорится, что освобожденіе отъ взысканій можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго начальства того казеннаго мѣста, коимъ заключенъ былъ договоръ. Правило о томъ, что освобожденіе отъ взысканій можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго начальства, проходитъ и чрезъ всѣ дальнѣйшіе законодательные акты. Это правило вошло и въ сводъ законовъ гражданскихъ (219 ст. полож. о казен. подрядахъ и поставкахъ изд. 1887 г., 1991 ст. X т. 1 ч. изд. 1857 г.). И такъ для того, чтобы подрядчикъ могъ и имѣлъ основаніе и право считать себя свободнымъ отъ отвѣтствености за гибель въ пути казеннаго имущества необходимо, чтобы на то послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства. Въ данномъ случаѣ такого разрѣшенія не было; напротивъ, изъ обстоятельствъ дѣла видно, что журналомъ военнаго совѣта 24 февраля 1882 г. предоставлено было Одесскому военному окружному начальству сообщить правленію общества содержаніе заключенія товарища генералъ-фельдцейхмейстера о предположенномъ взысканіи съ общества за погибшій грузъ во время крушенія шкуны „Воробей" и объ этомъ окружное артиллерійское управленіе объявило главной конторѣ общества отношеніемъ отъ 7-го апрѣля 1882 г. № 3339. Въ разсчетѣ, который былъ предъявленъ обществу пароходства и торговли 22 марта 1879 г., ни единымъ словомъ не упоминается о перевозочной операціи того казеннаго груза, который погибъ съ шкуною „Воробей", между тѣмъ, согласно 203 ст. полож. о каз. подряд. и поставк. (1975 ст. по изд. 1857 г.), веденіе разсчета продолжается и въ случаѣ неисправности подрядчика, а слѣдовательно, если бы подрядчикъ, Русское общество пароходства и торговли, былъ освобожденъ отъ отвѣтственности за погибшій казенный грузъ, то объ этомъ обстоятельствѣ неминуемо должно было быть упомянуто въ предъявленномъ разсчетѣ. Содержаніе разсчета, предъявленнаго 22 марта

1879 г., указываетъ, что этотъ разсчетъ не обнималъ собою перевозочной операціи казеннаго имущества на шкунѣ „Воробей“ и что эта операція была исключена изъ сего разсчета, ибо этотъ разсчетъ, по содержанію своему, относится лишь къ исполненнымъ перевозкамъ, перевозка же казеннаго имущества на шкунѣ „Воробей“ не была исполнена и употребленное въ предъявленномъ разчетѣ выраженіе „разсчетъ оконченъ“ не давало Русскому обществу пароходства и торговли основанія считать покончеными всѣ счеты за погибшій казенный грузъ, такъ какъ въ предъявленномъ разсчетѣ ни слова не говорится о перевозочной операціи погибшаго груза и, слѣдовательно, означенное выраженіе естественно относилось къ тѣмъ перевозочнымъ операціямъ, о коихъ говорится въ предъявленномъ разсчетѣ, кои составляютъ предметъ разсчета и кои исполнены согласно договору. Правда, по 204 ст. пол. о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (1976 ст. по изд. 1857 г.), разсчетъ долженъ быть выданъ по окончаніи подряда, но законъ допускаетъ (202 ст. пол. о каз. подр. и пост., 1974 ст. по изд. 1857 г.) ликвидаціи счетовъ и за извѣстную часть поставленныхъ вещей или исполненныхъ работъ, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе по договору опредѣлено особыми сроками относительно отдѣльныхъ частей подряда или поставки и выдачи изъ нихъ денегъ. Уполномоченный казны заявилъ, что выдѣленіе счетовъ по перевозочной операціи казеннаго имущества на шкунѣ „Воробей“ изъ общаго разсчета по остальнымъ перевозкамъ, исполненнымъ по договору 14 іюня 1878 г., въ особый отдѣльный разсчетъ было сдѣлано на томъ основаніи, что казна считала и несправедливымъ и не выгоднымъ, и убыточнымъ для подрядчика задерживать сведеніе счетовъ по перевозочнымъ операціямъ, строго уже и точно опредѣлившимся, до выясненія вопроса, по какимъ причинамъ погибъ казенный грузъ на шкунѣ „Воробей“ и можно ли возложить на Русское общество пароходства и торговли отвѣтственность за погибшій грузъ, а при отвѣтственности Русскаго общества пароходства и торговли за погибшій грузъ и до соображенія точныхъ и

опредѣленныхъ свѣдѣній о стоимости погибшаго груза. Такимъ образомъ, по объясненію представителя казны, выдѣленіе счетовъ по перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей“ въ особый отдѣльный разсчетъ послѣдовало въ силу особыхъ условій и прежде всего въ интересахъ и выгодѣ подрядчика. Такое примѣненіе артиллерійскимъ управленіемъ, по аналогіи къ данному случаю, правила, изложеннаго въ 202 ст., не составляетъ такого обстоятельства, въ силу коего, по закону, артиллрійское вѣдомство съ одной стороны лишилось бы права требовать возмѣщенія административнымъ порядкомъ убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе гибели казеннаго имущества на шкунѣ „Воробей“, а Русское общество пароходства и торговли съ другой стороны пріобрѣло бы право на освобожденіе отъ отвѣтственности за гибель казеннаго имущества. Что какъ Русское общество пароходства и торговли, такъ и артиллерійское вѣдомство не признавали разсчетъ, предъявленный 22 марта 1879 г., объемлющимъ перевозочную операцію казеннаго щества на шкунѣ „Воробей“, а, напротивъ, считали эту операцію выдѣленною изъ того разсчета; это доказывается слѣдующими данными: директоръ Русскаго общества пароходства и торговли, отвѣчая 5 іюня 1882 г. за № 374 на отношеніе окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 7 апрѣля 1882 г. за № 3339 съ увѣдомленіемъ о предположенномъ, согласно журналамъ военнаго совѣта 24 февраля 1882 г., взысканіи съ общества за погибшій грузъ во время крушенія шкуны „Воробей“, не защищался тѣмъ, что всѣ счеты по контракту 14 іюня 1878 г., послѣ предъявленія разсчета отъ 22 марта 1879 г., уже покончены и ликвидированы, а доказывалъ лишь невинность Русскаго общества въ гибели казеннаго груза, утверждая, что результатами предварительнаго слѣдствія, возбужденнаго по требованію артиллерійскаго вѣдомства, и основаннымъ на этихъ результатахъ постановленіемъ окружнаго суда признано, что шкуна „Воробей“ погибла отъ непреодолимой силы. Въ дальнѣйшей перепискѣ съ окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ главная контора Русскаго общества пароходства и торговли тоже не утверждаетъ,

что всѣ разсчеты по контракту 14 іюня 1878 г. уже покончены, а доказываетъ лишь свою невиновность въ гибели казеннаго имущества. По объясненію представителя казны, не отвергнутому истоцмъ, Русское общество пароходства и торговли предъявляло, въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г., въ Одесскомъ окружномъ судѣ, искъ къ артиллерійскому управленію о взысканіи 5912 р. 60 к. фрахта за перевозку погибшаго на шкунѣ „Воробей" казеннаго имущества. Такое предъявленіе иска было бы немыслимымъ и ясно лишеннымъ основанія, если бы Русское общество признавало что всѣ счеты по перевозкѣ на шкунѣ „Воробей" уже покончены разсчетомъ, выданнымъ 22 марта 1879 г. Это предъявленіе иска ясно доказываетъ, что Русское общество понимало разсчетъ, выданный 22 марта 1879 г., необъемлющимъ перевозку на шкунѣ „Воробей", что окружное артиллерійское управленіе смотрѣло на разсчетъ, выданный 22 марта 1879 г., какъ на необъемлющій собою перевозку на шкунѣ „Воробей", это очевидно изъ того, что вслѣдъ за изъявленіемъ 24 мая 1879 г. Русскимъ обществомъ пароходства и торговли удовольствія на разсчетъ, предъявленный 22 марта 1879 г., артиллерійское управленіе 29 того же мая обратилось съ ходатайствомъ къ прокурору Одесской судебной палаты о производствѣ слѣдствія о причинѣ гибели шкуны „Воробей", находя, что только формальное слѣдствіе можетъ категорически разъяснить, есть ли несчатный случай со шкуною „Воробей" результатъ нераспорядительности Русскаго общества пароходства и торговли или причины, породившія несчастіе, должны быть отнесены къ волѣ Божіей и, сообразно сему, подлежитъ ли общество отвѣтственности и обязано ли оно уплатить артиллерійскому вѣдомству тѣ убытки, какіе произошли отъ потери артиллерійскаго груза на шкунѣ „Воробей". Всѣ эти данныя указываютъ, что, какъ Русское общество пароходства и торговли, такъ и артиллерійское управленіе смотрѣли на расчетъ, выданный 22 марта 1879 г., какъ на необъемлющій собою перевозочную операцію на шкунѣ „Воробей" и признавали, что эта перевозочная операція исключена изъ того разсчета

и счеты по ней еще не сведены и не покончены. Да и не могли иначе думать обѣ стороны, ибо разрѣшенія высшаго начальства объ освобожденіи Русскаго общества пароходства и торговли отъ отвѣтственности за погибшій казенный грузъ не послѣдовало. Такъ какъ счеты казны съ подрядчикомъ заканчиваются выдачею подрядчику окончательнаго разсчета (204 и 202 ст. полож. о каз. подр. и постав.), то, при выдѣленіи счетовъ по перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей", окружное артиллерійское управленіе имѣло полное право выдать 6 марта 1887 г. Русскому обществу пароходства и торговли окончательный разсчетъ по перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей", не смотря на то, что 22 марта 1879 г. былъ выданъ окончательный разсчетъ, касающійся всѣхъ остальныхъ перевозочныхъ операцій въ навигацію 1878 г. по договору отъ 14 іюня 1878 г. и залогъ былъ возвращенъ. Разсчетъ, выданный 6 марта 1887 г. могъ быть названъ дополнительнымъ въ томъ лишь смыслѣ, что онъ относился къ одной изъ перевозочныхъ операцій, вытекающей изъ того же договора, въ силу коего совершены были перевозочныя операціи, вошедшія въ составъ разсчета, выданнаго 22 марта 1879 г., но онъ ни въ чемъ не измѣнялъ и не дополнялъ тѣхъ счетовъ, которые изложены въ разсчетѣ отъ 22 марта 1879 г. и которые съ выдачею этого разсчета должны считаться поконченными и ликвидированными. Выдѣленіе счетовъ, относящихся до перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей", не могло создать для Русскаго общества пароходства и торговли никакихъ правъ, на основаніи коихъ, въ силу одного только этого выдѣленія счетовъ, оно должно бы быть признано свободнымъ отъ отвѣтственности за погибшій казенный грузъ, такое выдѣленіе создало для Русскаго общества одно лишь право на предъявленіе къ казнѣ иска судебнымъ порядкомъ, на основаніи 1302 ст. уст. гражд. суд., со времени выдачи послѣдняго окончательнаго разсчета по всѣмъ перевозочнымъ операціямъ, вытекающимъ изъ договора 14 іюня 1878 г. Въ силу изложенныхъ соображеній, судебная палата нашла, что первый вопросъ,

поставленный на обсужденіе долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Переходя затѣмъ ко второму вопросу судебная палата находитъ, что по своду законовъ 1857 г. судебное разсмотрѣніе спорныхъ дѣлъ, возникающихъ по договорамъ подряда и поставки съ казною, не могло вовсе имѣть мѣста. Такое разсмотрѣніе этихъ дѣлъ допущено лишь уставомъ 20 ноября 1864 г. и то съ особымъ ограниченіемъ, указаннымъ въ ст. 1301. Но и съ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ взысканіе казенныхъ убытковъ по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною, на основаніи 108—118 ст. 2 ч. X т. зак. о суд. и взыск. гражд. изд. 1876 г. (439—451 ст. полож. о взыск. гражд. XVI т. св. зак. ч. 2 изд. 1892 г.), производится порядкомъ, для исполнительныхъ дѣлъ установленнымъ, чрезъ посредство полиціи. 1300, 1301 и слѣд. ст. уст. гражд. суд. не измѣняютъ этого порядка, а даютъ контрагентамъ казны право оспаривать правильность окончательнаго разсчета и вообще законность послѣдовавшихъ распоряженій казенныхъ управленій, приведеніе коихъ въ исполненіе даже не останавливается, доколѣ не послѣдуетъ судебнаго рѣшенія (2 п. 1306 ст. уст. гражд. суд). Окружное артиллеріиское управленіе, признавъ, по собраннымъ имъ даннымъ, что казенный грузъ, перевозившійся на шкунѣ „Воробей", погибъ не отъ непреодолимой силы, а по винѣ Русскаго общества пароходства и торговли, имѣло полное и законное основаніе взыскать съ общества убытки, происшедшіе отъ этой гибели, административнымъ порядкомъ, не прибѣгая къ посредству и содѣйствію суда. Возраженіе повѣреннаго истца о томъ, что артиллерійское управленіе могло отыскивать убытки, происшедшіе отъ гибели казеннаго имущества, только судебнымъ порядкомъ, на общемъ основаніи, не вытекаетъ изъ законныхъ положеній и явно неосновательно. Такимъ образомъ и второй вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Отъ какихъ же причинъ послѣдовала гибель шкуны „Воробей" и перевозившагося на ней казеннаго имущества и правильно ли артиллерійское управленіе возложило отвѣтственность за гибель казеннаго имущества

на Русское общество пароходства и торговли? Для выясненія дѣйствительныхъ и истинныхъ причинъ гибели шкуны „Воробей“ съ артиллерійскимъ грузомъ были произведены двѣ экспертизы: одна въ административномъ порядкѣ, по ходатайству главнаго артиллерійскаго управленія чрезъ коммисію, назначенную по распоряженію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, другая—въ судебномъ порядкѣ, по опредѣленію Одесской судебной палаты. Обѣ экспертизы дали одинъ и тотъ же выводъ: шкуна „Воробей“ погибла не отъ непреодолимой силы, а она, по своимъ качествамъ, неспособна была къ морскому плаванію въ осеннее время и выполнить ту задачу, которая на нее была возложена. Первая экспертиза говоритъ, что ни чертежъ, ни спецификація, ни машины, ни количество грузовъ, ни время года, ни мѣстность не давали гарантій за благополучное плаваніе этой баржи (шкуны „Воробей“) и поэтому переломившись, она исполнила только то, чего отъ нея слѣдовало ожидать; если же она не переломилась раньше то только потому, что ей къ тому не представлялось случая. И вторая экспертиза говоритъ, что плаваніе этой шкуны въ осеннее время и при данной нагрузкѣ было сопряжено съ большимъ рискомъ и при томъ настолько значительнымъ, что шкуну „Воробей“ слѣдуетъ считать для подобнаго плаванія непригодною; она погибла отъ того, что размѣры частей корпуса, по преимуществу продольныя связи, были недостаточно прочны для сопротивленія тѣмъ напряженіямъ, какія приходится испытывать мореходному судну во время значительной зыби и вѣтра; кромѣ того шкуна эта, прослуживши около 10 лѣтъ, уже не могла быть столь же прочною, какъ раньше. Установленные экспертизами выводы, взаимно подтверждая правильность ихъ, представляются вполнѣ убѣдительными и разъясняющими истинныя причины крушенія шкуны „Воробей“ съ артиллерійскимъ грузомъ. Что гибель этой шкуны произошла не отъ непреодолимой силы, это доказывается и другими данными, на основаніи которыхъ эксперты, допрошенные, по опредѣленію судебной палаты, пришли къ заключенію, что ни сильнаго шторма, ни урагана

не было, но вѣтеръ былъ оченъ крѣпкій, которому можно дать названіе и умѣреннаго шторма. Свидѣтельскія показанія лицъ, находившихся на шкунѣ Воробей и спасшихся отъ гибели, а также лицъ находившихся на пароходѣ „Чихачевъ", буксировавшемъ шкуну „Воробей", также, приводятъ къ заключенію, что ни шторма, ни урагана не было. По § 17 нормальныхъ кондицій № 1, за потерю груза общество отвѣчаетъ по стоимости его за исключеніемъ потери, происшедшей отъ шторма урагана и вообще случаевъ, зависящихъ отъ воли Божіей. Въ данномъ случаѣ, причиною потери груза не была непреодолимая сила, а таковою причиною была небрежность общества, рѣшившагося перевозить казенный грузъ на суднѣ, которое, какъ установила экспертиза, по своимъ качествамъ не было способно къ морскому плаванію и плаваніе этого судна въ осеннее время и при данной нагрузкѣ было сопряжено съ большимъ рискомъ. Указаніе повѣреннаго истца на то, что по патенту выданному 7 іюня 1869 г., шкуна (паровая баржа) „Воробей" имѣла право плавать по Черному, Азовскому и Мраморному морямъ не далѣе Дарданеллъ, нисколько не доказываетъ, что она годна была исполнить ту задачу, которая на нее была возложена,—перевезти, въ октябрѣ 1878 г. изъ Одессы въ Поти артиллерійскій грузъ, ибо патентъ, въ силу 138 и 144 ст. уст. торг. XI т. 2 ч. свод. зак. изд. 1893 г., служитъ лишь удостовѣреніемъ въ русской національности и въ правѣ онаго поднять русскій купеческій флагъ, другого же значенія онъ неимѣетъ. Согласно 144—147 ст. уст. торг. патентъ выдается таможнею, а таможня не можетъ удостовѣрить технической способности судна къ плаванію, да и патентъ на плаваніе подъ русскимъ флагомъ, согласно прилож. къ ст. 139, выдается на то лишь время, пока судно не придетъ въ негодность и ветхость. Прочность и годность судна устанавливается, согласно 121 ст. того же устава, посредствомъ особаго удостовѣренія, выдаваемаго по освидѣтельствованіи построеннаго судна. Но ни это удостовѣреніе, ни патентъ не могутъ освободить хозяина судна отъ отвѣтственности за прочность и годность судна,

такъ какъ эта отвѣтственность вовсе не поставлена въ зависимость отъ упомянутыхъ документовъ. Такимъ образомъ, на основаніи § 17 нормальныхъ кондицій и согласно 683 ст. X т. 1 ч., 9 ст. уст. гражд. суд. и разъясненіямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената 1880 г. № 87, 1882 г. № 22, 1884 г. № 59, 1887 г. №№ 68 и 69 и 1888 г. № 65, на Русское общество пароходства и торговли должна быть возложена отвѣтственность за убытки, причиненные казнѣ гибелью на шкунѣ „Воробей" артиллерійскаго груза, происшедшею вслѣдствіе небрежности и неосмотрительности Русскаго общества. На основаніи изложенныхъ соображеній, судебная палата пришла къ заключенію, что искъ Русскаго общества пароходства и торговли къ казнѣ, въ лицѣ Одесскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, какъ совершенно неосновательный, не можетъ подлежать удовлетворенію и въ этомъ искѣ должно быть отказано съ возложеніемъ на истца издержекъ всего производства, а рѣшеніе Одесскаго окружнаго суда отъ $^{10}/_{18}$ октября 1889 г. должно быть отмѣнено. Въ принесенной Правительствующему Сенату на это рѣшеніе *кассаціонной жалобѣ* повѣренный правленія общества пароходства и торговли, ходатайствуя объ отмѣнѣ рѣшенія Одесской судебной палаты, объясняетъ: 1) палата, признавая правильнымъ и законнымъ, что артиллерійское управленіе имѣло полное право выдать 6 марта 1887 г. Русскому обществу пароходства и торговли окончательный разсчетъ по перевозочной операціи на шкунѣ Воробей, несмотря на то что 22 марта 1879 г. былъ выданъ окончательный разсчетъ, касающійся всѣхъ остальныхъ перевозочныхъ операцій по договору отъ 14 іюня 1878 г., и залогъ былъ возвращенъ, нарушила 201, 202 и 204 ст. полож. о казен. подр. и пост. X т. 1 ч.; 108 и 109 ст. X т. 2 ч. и 1301, 1302, 1303 и 1306 ст. уст. гражд. суд. По прямому смыслу этихъ статей закона, по окончаніи подряда выдается подрядчику окончательный разсчетъ, который, въ отношеніи правъ казны, приводится въ немедленное исполненіе; на неправильное составленіе разсчета, а равно и на

всѣ дѣйствія казенныхъ управленій, какъ во время исполненія договора, такъ и послѣ окончанія онаго, контрагенту предоставляется или жаловаться по начальству въ порядкѣ, указанномъ 1301 статьею, или предъявить къ казнѣ судебнымъ порядкомъ искъ, какъ о причитающихся ему суммахъ, такъ и объ убыткахъ, причиненныхъ ему неправильными дѣйствіями, медленностью или бездѣйствіемъ казенныхъ управленій въ установленные 1303 ст. сроки. Такимъ образомъ выдача казною подрядчику окончательнаго разсчета имѣетъ значеніе ликвидаціи всѣхъ отношеній по договору. Въ силу этой ликвидаціи казнѣ присвоиваются тѣ только права, которыя установлены ею, собственною властью, въ разсчетѣ и которыя немедленно и безъ всякой остановки приводятся ею въ исполненіе. Правъ на измѣненіе, дополненіе разсчета, увеличеніе суммъ, причитающихся казнѣ съ подрядчика и т. п., казнѣ не предоставляется, за исключеніемъ случая обнаруженія главными управленіями, или контролемъ, невѣрностей, или ошибокъ, въ оконченныхъ казенными управленіями разсчетахъ (ст. 1309 уст. гражд. суд. и 110 и послѣд. статьи X т. ч. II); но этотъ послѣдній случай въ настоящемъ дѣлѣ мѣста не имѣетъ, что установлено судебною палатою, признавшею, что второй разсчетъ ни въ чемъ не измѣнялъ и не дополнялъ перваго, а имѣлъ вполнѣ самостоятельное значеніе. 2) Въ удостовѣреніе того, что самимъ закономъ допускается многократность окончательныхъ разсчетовъ по одному договору подряда, судебная палата ссылается на 202 ст. полож. о казен. подр. и пост. и считаетъ возможнымъ примѣнить ее по аналогіи къ настоящему дѣлу. Въ означенной статьѣ установлено, что въ разсчетныхъ тетрадяхъ по каждому договору открывается особый разсчетъ и если договоръ заключенъ на нѣсколько лѣтъ, но поставка вещей или выполненіе работъ назначены были въономъ опредѣлительными сроками, то окончательный разсчетъ производится по симъ срокамъ, какъ бы по каждому изъ оныхъ былъ заключенъ договоръ отдѣльный. Здѣсь очевидно многократность разсчетовъ обусловливается многократностью опредѣлительныхъ сроковъ,

слѣдовательно по аналогіи съ настоящимъ договоромъ имѣющимъ одинъ срокъ, слѣдуетъ заключить, что и разсчетъ долженъ быть одинъ. Изъ этого уже видно, что палатою допущено неправильное толкованіе 202 ст. Неправильность примѣненія палатою этой статьи заключается въ томъ, что статьею этою вовсе не устанавливается и для договоровъ, опредѣленныхъ многими сроками, выдачи многихъ окончательныхъ разсчетовъ, каковая выдача имѣла мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ, какъ это и установлено палатою. Здѣсь сказано, что окончательный разсчетъ производится по срокамъ, но вовсе не сказано, что подрядчику выдается нѣсколько окончательныхъ разсчетовъ, слѣдовательно и здѣсь, на основаніи буквальнаго смысла закона, слѣдуетъ заключить, что окончательный разсчетъ, производимый въ казенномъ управленіи по опредѣлительнымъ срокамъ, выдается подрядчику на общемъ основаніи одинъ, по окончаніи срока подряда. Въ этомъ смыслѣ разъяснена 202 ст. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи за 1879 г. № 242, въ каковомъ рѣшеніи признано, что и въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 202 ст., окончательный разсчетъ выдается подрядчику одинъ по окончаніи подряда и съ этимъ разсчетомъ связаны и права подрядчика на предъявленіе къ казнѣ исковъ. 3) Главное изъ приведенныхъ палатою соображеній о правильности раздвоенія разсчета состоитъ въ томъ, что казенное управленіе, по мнѣнію палаты, поставлено было въ необходимость выдѣленія изъ разсчета 1879 г. перевозки на шкунѣ „Воробей“, за неимѣніемъ отъ высшаго начальства, согласно требованію 219 ст. полож. о каз. подр. и пост., разрѣшенія на освобожденіе подрядчика отъ отвѣтственности. Въ рѣшеніи Правительствующаго Сената за 1892 г. № 57 разъяснено, что разсчетъ, выданный по окончаніи подряда, съ освобожденіемъ залоговъ и названный окончательнымъ, не теряетъ своего характера, если бы и оказалось, что положеніе этого разсчета и не были утверждены въ установленномъ порядкѣ высшимъ начальствомъ. Изъ этого разъясненія, да изъ смысла 217 и 219 ст. слѣдуетъ, что утвержденіе высшаго начальства есть дѣло внутреннее казенныхъ управле-

ній, за дѣятельностію которыхъ подрядчикъ никакого права контроля не имѣетъ и слѣдовательно, получая окончательный разсчетъ и свои залоги, не вправѣ дѣлать какихъ либо предположеній о возможности учиненія казеннымъ управленіемъ въ своемъ дѣлопроизводствѣ какихъ либо упущеній, если управленіемъ въ отношеніи къ нему исполнено все, что установлено закономъ. Но кромѣ того признаніемъ, что въ настоящемъ случаѣ требовалось по закону разрѣшеніе высшаго начальства, палата нарушила 208 ст. п. 3 и 215—219 ст. полож. о каз. подр. и пост. По прямому смыслу этихъ статей, подрядчикъ, при перевозкахъ за утраченное и поврежденное въ пути, отвѣчаетъ лишь тогда, если таковую отвѣтственность принялъ на себя по договору. Но отъ этой отвѣтственности (падающей на подрядчика по договору) онъ можетъ быть освобожденъ (ст. 215) по законнымъ причинамъ (ст. 216 и 218), но не прежде, какъ причины эти будутъ приняты въ уваженіе верховнымъ или высшимъ начальствомъ (ст. 217 и 219). Въ настоящемъ случаѣ, что явствуетъ и изъ рѣшенія судебной палаты, дѣло идетъ не о сложеніи съ подрядчика отвѣтственности, падающей на него по договору, по причинамъ законнымъ, для чего требуется уваженіе начальства, но о невозложеніи на подрядчика такой отвѣтственности, которая, по причинамъ, обусловленнымъ договоромъ (§§ 17 и 22 кондицій), и по самому договору на него не падаетъ, а, слѣдовательно, для признанія его неотвѣтственности требуется не уваженіе начальства, но примѣненіе, согласно 178 ст., силы договора. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла Правительствующій, Сенатъ нашелъ (рѣш. 1896 г. № 89), что принесенная на рѣшеніе Одесской судебной палаты кассаціонная жалоба возбуждаетъ вопросъ о томъ: *въ правѣ ли казна, выдавъ подрядчику окончательный разсчетъ по договору подряда и возвративъ залоги, предъявить ему затѣмъ дополнительный разсчетъ по одной изъ операцій, входившей въ составъ договора подряда, но о которомъ въ первомъ окончательномъ разсчетѣ не упомянуто?* Обращаясь для разрѣшенія сего вопроса къ дѣйствующимъ узаконеніямъ, оказывается, что закономъ не установлена форма, въ которой,

по ст. 204 полож. о каз. подр. и пост., долженъ быть выдаваемъ окончательный разсчетъ, но изъ сопоставленія ст. 201—204 полож. о каз. подр. и пост., какъ это въ своихъ рѣшеніяхъ призналъ и Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1877 г. № 94, 1892 г. № 57 и др.), въ разсчетѣ окончательномъ должны быть подведены итоги и сдѣланы выводы по *всему подряду*. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что если выдается казною окончательный разсчетъ по операціямъ исполненнымъ но не по всѣмъ операціямъ составлявшимъ предметъ договора подряда, то это не можетъ лишать казну права выдать впослѣдствіи дополнительный окончательный разсчетъ по операціямъ, не входившимъ въ первый разсчетъ, такъ какъ первый разсчетъ не можетъ почитаться окончательнымъ по операціямъ неисполненнымъ и по которымъ въ этомъ разсчетѣ не содержится никакихъ итоговъ и выводовъ. Признавать, какъ это утверждаетъ уполномоченный правленія общества пароходства и торговли, что казна за выдачею 22 марта 1879 г. окончательнаго разсчета по операціямъ, исполненнымъ со стороны общества, лишена уже была права выдать впослѣдствіи, 6 марта 1887 г., обществу разсчетъ по операціи неисполненной и которая вовсе въ первый разсчетъ не входила потому, что требовала предварительно разсчета и подробнаго изслѣдованія, значило бы ставить казну въ положеніе худшее сравнительно съ тѣмъ, въ какое поставленъ частный контрагентъ, не лишенный права предварительно окончательной расплаты по договору удостовѣриться въ томъ, по сколько договоръ другого договорившеюся стороною исполненъ. Противное сему толкованіе было бы обременительно и для подрядчика, такъ какъ въ договорахъ, обнимающихъ нѣсколько операцій, онъ лишался бы права получить разсчетъ по операціямъ исполненнымъ и безспорнымъ потому только, что въ числѣ операцій, обнимаемыхъ договоромъ, оказались нѣкоторыя, требующія продолжительнаго изслѣдованія. Такое толкованіе ни въ чемъ не противорѣчитъ и рѣшенію Правительствующаго Сената 1879 г. за № 242, на которое ссылается повѣренный общества въ подтвержденіе того, что и въ случаѣ,

предусмотрѣнномъ статьею 202, окончательный разсчетъ выдается подрядчику одинъ, по окончаніи подряда. Такимъ образомъ судебная палата, установивъ, на основаніи обстоятельствъ дѣла, выводъ изъ котораго всецѣло принадлежитъ суду, рѣшающему дѣло по существу, что какъ Русское общество пароходства и торговли, такъ и артиллерійское управленіе смотрѣли на разсчетъ, выданный 22 марта 1879 г., какъ на необъемлющій собою перевозочную операцію на шкунѣ „Воробей", каковая операція исключена изъ того разсчета, правильно и безъ нарушенія положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ признала, что, при выдѣленіи счетовъ по перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей" изъ разсчета 22 марта 1879 г., артиллерійское управленіе имѣло полное право выдать 6 марта 1887 г. Русскому обществу окончательный разсчетъ по перевозочной операціи на шкунѣ „Воробей", не смотря на то, что 22 марта 1879 г. былъ выданъ окончательный разсчетъ, касавшійся всѣхъ остальныхъ исполненныхъ операцій въ навигацію 1878 г. Обвиняя судебную палату въ нарушеніи 208 ст. п. 3 и 215—219 полож. о каз. подр. и пост., повѣренный Русскаго общества утверждаетъ, что настоящее дѣло шло не о сложеніи съ подрядчика отвѣтственности, падающей на него по договору, но о невозложеніи на подрядчика такой отвѣтственности, которая по причинамъ, обусловленнымъ договоромъ (§§ 17 и 22 кондицій), и по самому договору на него не падаетъ. Но это объясненіе повѣреннаго Русскаго общества лишено всякаго основанія, ибо именно по §§ 17 и 22 кондицій общество приняло на себя отвѣтственность за потерю принятаго къ перевозкѣ груза по стоимости его казнѣ, за исключеніемъ гибели, происшедшей отъ молніи, шторма, урагана, и тому подобныхъ случаевъ, зависящихъ отъ воли Божіей. А такъ какъ рѣшеніемъ палаты, основаннымъ на фактической сторонѣ дѣла, показаніяхъ экспертовъ и свидѣтелей, выводы изъ которыхъ всецѣло принадлежатъ суду, рѣшающему дѣло по существу, установлено, что шкуна „Воробей" съ находившимся на ней грузомъ и командой погибла не отъ молніи, шторма или урагана, а вслѣдствіе

небрежности и неосмотрительности общества, отправившаго казенный грузъ на суднѣ, по своимъ качествамъ не способномъ къ морскому плаванію и плаваніе на которомъ въ осеннее время и при данной нагрузкѣ было сопряжено съ рискомъ, то палата вполнѣ правильно и согласно § 17 кондицій и 683 ст. X т. 1 ч. признала Русское общество отвѣтственнымъ за убытки, причиненные казнѣ гибелью на шкунѣ „Воробей" артиллерійскаго груза. На основаніи изложенныхъ соображеній, не усматривая въ рѣшеніи Одесской судебной палаты, постановленномъ $^{19}/_{20}$ декабря 1895 г. по иску правленія Русскаго общества пароходства и торговли съ окружнаго артиллерійскаго управленія 244.788 р. 33 к., какихъ либо нарушеній закона, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: просьбу повѣреннаго правленія Русскаго общества пароходства и торговли, за силою ст. 793 уст. гражд. суд., оставить безъ послѣдствій.

ХРОНИКА УГОЛОВНАГО СУДА.

О порядкѣ производства предварительнаго слѣдствія по преступленіямъ, совершеннымъ русско-подданными на территоріи Персіи или Турціи.

1896 года января 9-го дня Тифлисская судебная палата, по 1-му уголовному департаменту, слушала дѣло по апелляціоннымъ отзывамъ подсудимыхъ Федора Семенова Куклика и Гатцера Асланбекова Гагаева на приговоръ Бакинскаго окружнаго суда, отъ $^{30}/_{31}$ мая и 1 іюня 1894 года. Означеннымъ приговоромъ подсудимые: крестьянинъ с. Цей Нузольскаго прихода, Владикавказскаго округа, Терской области Гатцеръ Асланбековъ Гагаевъ, 33 лѣтъ, и запасный рядовой 76-го пѣхотнаго Кубинскаго полка изъ крестьянъ Федоръ Семеновъ Кукликъ 36 лѣтъ признаны виновными въ томъ, что по предварительному уговору между собою, въ среднихъ числахъ ноября мѣсяца 1892 г. въ Персіи, по дорогѣ между городами Казвиномъ и Зенджаномъ, напавъ открыто силою и съ оружіемъ на Персидскую денежную почту, слѣдовавшую изъ г. Тегерана, и подъ угрозою лишить жизни лицъ, сопровождавшихъ оную, похитили деньгами и цѣнными посылками всего на сумму около 10,375 руб. и сверхъ того,—Гатцера Гагаева виновнымъ въ томъ, что 25 марта 1886 г. въ укрѣпленіи Мервъ, Закаспійской области, въ состояніи раздраженія, однако же умышленно, выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ жизни Сигнахскаго жителя Сергѣя Саруханова и, на осно-

ваніи 2 ч. 1455, 149, 7 степ. 19, 1630, 5 степень, 19, 1632, 4 степень 19, 134, 135, 6 степень 19 и 152 ст. улож. о нак. приговорилъ—подсудимыхъ Гатцера Асланбекова Гагаева и Федора Семенова Куклика къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ: Гагаева, по совокупности совершенныхъ преступленій, на двѣнадцать лѣтъ, а Куклика—на семь лѣтъ, съ послѣдствіями по 25 ст. улож. съ возложеніемъ на нихъ же судебныхъ по дѣлу издержекъ; подсудимаго же крестьянина Михаила Егорова Чобикова по дѣлу объ ограбленіи Персидской почты окружный судъ призналъ не виновнымъ и по суду оправданнымъ. При этомъ судомъ постановлено: на удовлетвореніе гражданскаго иска взыскать съ осужденныхъ Гатцера Гагаева и Федора Куклика, поровну и съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью, десять тысячъ триста семьдесять пять рублей въ пользу Персидскаго Министерства почтъ.

По дѣлу объ убійствѣ Саруханова окружный судъ нашелъ, что изъ прочитанныхъ показаній: Саруханова, Андрея Гумнева и Хестанова, съ одной стороны, актомъ медицинскаго вскрытія,—съ другой, вполнѣ установленъ фактъ, что 25 марта 1886 г. Сергѣй Саруханов выстрѣлами изъ револьвера получилъ въ грудную полость и спину раны, отъ коихъ 18 апрѣля умеръ, причемъ, раны признаны врачемъ тяжкими, опасными для жизни. Эти выстрѣлы произведены были осетиномъ Александромъ Алексѣевымъ Гагаевымъ почти въ упоръ въ Саруханова, вслѣдствіе отказа послѣдняго дать бурдючекъ и названія имъ подсудимаго педерастомъ. Допрошенные на судѣ свидѣтели, очевидцы означеннаго событія Ивановъ, Ильенко и Дехтяревъ показали, что при нихъ былъ убитъ Сарухановъ выстрѣлами изъ револьвера человѣкомъ молодымъ, съ пробивающимися усами, и который, по удостовѣренію первыхъ двухъ свидѣтелей, несомнѣнно предъявляемый имъ подсудимый Гагаевъ, за исключеніемъ увеличенія усовъ и общей возмужалости, измѣнившійся въ общемъ въ теченіи восьми лѣтъ; по показанію Дехтярева, подсудимый Гагаевъ очень похожъ на стрѣлявшаго

9*

въ Саруханова 8 лѣтъ тому назадъ человѣка. Хотя на судѣ свидѣтель Константинъ Гутневъ заявилъ, что подсудимый Гагаевъ совершенно не похожъ на человѣка, стрѣлявшаго въ Саруханова, но на слѣдствіи онъ же въ предъявленной ему фотографической карточкѣ подсудимаго Гагаева призналъ подсудимаго за стрѣлявшаго въ Саруханова и объясненіе его, что тогда онъ подписалъ показаніе, не читая его, судъ призналъ искусственнымъ, рѣзко противорѣчащимъ показаніямъ означенныхъ выше трехъ свидѣтелей, узнавшихъ въ подсудимомъ Гагаевѣ убійцу Саруханова; кромѣ тождества личности подсудимаго Гагаева съ убійцей Саруханова виновность устанавливается тождествомъ почерка подсудимаго Гагаева съ почеркомъ убійцы Саруханова. Наконецъ въ показаніи Куклика, данномъ старшему драгоману Русской миссіи въ Тегеранѣ Григоровичу въ декабрѣ 1892 г., сдѣлано указаніе, что подсудимый Гагаевъ говорилъ ему о томъ, что лѣтъ восемь тому назадъ въ Мервѣ онъ убилъ человѣка и бѣжалъ въ Персію. Совокупность означенныхъ данныхъ привела окружный судъ къ убѣжденію въ тождествѣ подсудимаго Гатцера Гагаева съ Александромъ Гагаевымъ, убійцей Саруханова. Изъ справки причта Нузольскаго прихода видно, что Гатцеръ Алексѣй Асланбековъ Гагаевъ родился 23 марта 1862 г. и, слѣдовательно, 25 марта 1886 г. имѣлъ отъ роду 24 года. Преступное дѣяніе подсудимаго Гагаева по дѣлу объ убійствѣ Саруханова, по мнѣнію суда, вполнѣ подходитъ подъ 2 ч. 1455 ст. улож., ибо установлено, что произведенные подсудимымъ въ Саруханова выстрѣлы послѣдовали въ состояніи запальчивости и раздраженія, вызванными отказомъ Саруханова дать бурдюкъ и названіемъ подсудимаго педерастомъ: однако, производя сіи выстрѣлы, Гагаевъ сознавалъ, что посягаетъ на жизнь другого и, слѣдовательно, дѣйствовалъ умышленно. При обсужденіи вопроса о виновности подсудимыхъ Гагаева и Куклика, по дѣлу о разбойномъ ограбленіи Персидской почты, окружный судъ призналъ за доказательный матеріалъ показанія свидѣтелей, хотя и не явившихся въ судъ, но данныя по 175 ст. улож. о наказ. Императорской Россійской миссіи

въ Тегеранѣ. Персидская денежная почта, вышедшая изъ Тегерана въ понедѣльникъ вечеромъ, а изъ Казвина рано утромъ въ четвергъ, между 12—16 ноября 1892 г. (а по предположенію Императорской миссіи въ ночь съ 14-го на 15-ое по выѣздѣ изъ селенія Сіяхъ-Девина послѣ заката солнца, въ двухъ съ половиною „парсахахъ" разстоянія оттуда, подверглась разбойному нападенію четырехъ вооруженныхъ всадниковъ, которые подъ угрозою убійства открыто похитили съ почтовыхъ лошадей тринадцать мѣшковъ съ корреспонденціей и съ Персидскими серебряными кранами на общую сумму 3445 тумановъ и, связавъ сопровождавшихъ почту двухъ чапаровъ и хитростью удаливъ курьера (карасурана), навьючили деньги на почтовыхъ лошадей и съ ними скрылись по направленію къ Зенджану. Подробныя показанія Керимъ-Хана драгоману Россійской миссіи въ Тегеранѣ о томъ, какъ ему удалось сначала подслушать разговоръ подсудимыхъ, а затѣмъ хитростью добиться сознанія ихъ, касаются всѣхъ даже мелкихъ обстоятельствъ дѣла и заслуживаютъ, по мнѣнію окружнаго суда, довѣрія; хотя желая подорвать значеніе этихъ показаній, Гагаевъ и Кукликъ указываютъ на произведенныя, будто бы, Керимъ-Ханомъ, съ цѣлью вынудить эти показанія, угрозы, но эти послѣднія заявленія подсудимыхъ окружный судъ находитъ совершенно бездоказательными. Вполнѣ доказано отсутствіе близкихъ отношеній со стороны Керимъ-Хана къ Кукліку, между тѣмъ, свидѣтель Керимъ-Ханъ съ особенною подробностью возстановляетъ показаніе именно этого подсудимаго, а не Гагаева, о коемъ онъ вообще говоритъ лишь вскользь. Въ отношеніи подсудимаго Кукліка, по мнѣнію окружнаго суда, уликами въ совершеніи приписываемаго дѣянія являются собственныя его объясненія Керимъ-Хану, вполнѣ согласныя съ обстоятельствами дѣла и которыя удостовѣряются свидѣтелемъ Керимъ-Ханомъ и, затѣмъ, показаніями, данными самимъ Кукликомъ старшему драгоману Русской миссіи въ Тегеранѣ Григоровичу, а потому, судъ совершенно уже не довѣряетъ сдѣланнымъ Кукликомъ на судѣ увѣреніямъ, что онъ свои точ-

ныя и мелочныя показанія давалъ въ Россійской миссіи, дѣйствуя подъ вліяніемъ угрозъ Керимъ-Хана—и новое объясненіе Куклика о переговорахъ относительно пріобрѣтенія для него гостинницы „Кавказъ“ является совершенно неправдоподобнымъ и не вытекающимъ изъ имъ же самимъ удостовѣряемыхъ отношеній его къ Гагаеву и къ Керимъ-Хану; равнымъ образомъ, и ссылка Куклика на невозможность совершить преступленіе вслѣдствіе нахожденія во время ограбленія почты не на мѣстѣ преступленія, а въ Тегеранѣ, не доказана и опровергается показаніями свидѣтелей Рахили и отзывомъ миссіи отъ 14 іюля. Хотя подсудимый Гагаевъ объяснилъ на судѣ, что переданныя Чобикову 1000 тумановъ онъ заработалъ большимъ барышомъ, занимаясь подрядами и поставками, но изъ показаній Касымъ-Хана Гусейнова и Орлова видно лишь, что Гагаевъ дѣйствительно занимался поставками, но нельзя сдѣлать заключеніе, чтобъ Гагаевъ былъ крупнымъ поставщикомъ и это не устраняетъ значеніе, въ смыслѣ улики, внезапной передачи Гагаевымъ, казачьему шорнику Чобикову, будто бы для размѣна на базарѣ, на русскія кредитныя деньги 1000 тумановъ. Очевидно явилась причина внезапной передачи для Гагаева Чобикову, а это не соотвѣтствуетъ положенію крупнаго поставщика, который, если былъ бы таковымъ, могъ бы безъ боязни, лично сдѣлать обмѣнъ денегъ въ банкѣ, а не на базарѣ и долгъ въ 150 тумановъ Мешади Гусейну, конечно, не имѣлъ бы какого либо значенія. Ясно, что передавая деньги Чобикову для размѣна, Гагаевъ желалъ отъ себя устранить поличное, опасаясь обнаруженія тогда источника и происхожденія сихъ денегъ. Указаніе Гагаева о невозможности совершить преступленіе, такъ какъ 16 ноября онъ былъ въ Тегеранѣ, ничѣмъ не доказано, съ одной стороны, а во вторыхъ, и при доказанности, это обстоятельство не имѣетъ значенія, ибо день ограбленія почты съ точностью не установленъ и является голословнымъ заявленіе Гагаева, что до 16 ноября онъ не могъ отлучаться изъ Тегерана, будучи боленъ, вслѣдствіе укуса ядовитыхъ клоповъ. Свидѣтели защиты Голивковъ, Ка-

сымъ-Ханъ-Гусейновъ, Пономаревъ, Федоренко и Нестеренко дали неодобрительные отзывы о подсудимыхъ и жена Несторіанца Рахиль пояснила, что 16 ноября 1892 г. у нея въ домѣ Гагаевъ и Кукликъ не были, изъ показаній Макинцева видно, что письмо Гагаева онъ получилъ не 16 ноября 1892 г., а въ декабрѣ, при чемъ это письмо было написано Гагаевымъ съ цѣлью доказать свое отсутствіе съ мѣста преступленія 16 ноября, т. е. во время ограбленія почты. Окружный судъ призналъ: а) что показаніемъ Керимъ-Хана возстановляется полная картина событія ограбленія почты, со словъ Гагаева и Куклика, при чемъ, эти лица сознались ему въ непосредственномъ совершеніи этого преступленія по взаимному уговору; б) дано было также подробное и согласное съ обстоятельствами дѣла показаніе Куклика старшему драгоману Императорской миссіи въ Тегеранѣ Григоровичу, въ коемъ Кукликъ вновь повторилъ все то, что отъ него слышалъ и Керимъ-Ханъ, при чемъ позднѣйшее стремленіе, по доставленіи въ Россію для суда, Куклика умалить, или вовсе уничтожить значеніе своего первоначальнаго показанія, ссылкой на то, что, давая его, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ угрозъ Керимъ-Хана, не можетъ быть принято во вниманіе, какъ въ виду значенія мѣста, гдѣ отбиралось показаніе и потому, что ссылка его на свидѣтеля кучера миссіи Ефима Жернова о переданныхъ Жерновымъ ему, будто бы, угрозахъ Керимъ-Хана, въ показаніи Жернова отвергнута; неправдоподобно вновь данное подсудимымъ Кукликомъ на судѣ показаніе, какъ по поводу цѣли и обстановки покупки или снятія для него Гагаевымъ гостинницы „Кавказъ“ и вообще отношеній его къ Гагаеву, такъ и объясненіе въ измѣненіе перваго своего показанія, даннаго будто бы подъ угрозою Керимъ-Хана; г) является полное несоотвѣтствіе съ истиной и вторичное показаніе Куклика, данное слѣдователю Пресницкому, какъ относительно причины дачи перваго показанія чиновнику миссіи Григоровичу, такъ и того обстоятельства, что передъ событіемъ и во время его онъ, Кукликъ, никуда изъ Тегерана не отлучался; д)

показанія Гагаева, данныя при слѣдствіи уже въ Батумѣ и повторенныя въ общихъ чертахъ на судѣ, служатъ не въ пользу этого подсудимаго, ибо они 1) въ отношеніи обстановки, при коей произошли переговоры о пріобрѣтеніи гостиницы „Кавказъ“ для Куклика, неправдоподобны, 2) относительно неотлучки изъ Тагерана 16 ноября и раньше, частью не доказаны, а частью опровергнуты свидѣтельскими показаніями, а по поводу законнаго обладанія значительной суммой денегъ не подтверждены слѣдственнымъ матеріаломъ, изъ коего видно, что Гагаевъ могъ имѣть развѣ небольшія суммы и, вообще, крупными подрядами не занимался; е) внезапная передача для обмѣна на русскія деньги 1000 тумановъ Чобикову, въ смыслѣ мотивовъ этой передачи, съ одной стороны, и обстановка ея, съ другой, прямо указываетъ, что Гагаевъ, сознавая незаконное происхожденіе денегъ, принималъ мѣры обезопасить себя отъ подозрѣній; ж) обстоятельства, при коихъ было писано Гагаевымъ переданное Макинцеву письмо, прямо указываютъ на желаніе Гагаева вымышленнымъ документомъ доказать свое присутствіе въ Тегеранѣ 16 ноября 1892 г. Совокупность изложенныхъ данныхъ привела окружный судъ къ убѣжденію въ виновности Гагаева и Куклика въ томъ, что они, по предварительному между собою соглашенію и дѣйствуя въ качествѣ сообщниковъ непосредственно совершившихъ преступленіе, въ соучастіи съ двумя, не обнаруженными слѣдствіемъ, лицами открытою силою и угрожая бывшимъ съ ними оружіемъ лишить жизни лицъ, сопровождавшихъ почту, похитили Персидскую денежную почту, на проѣзжей дорогѣ между городами Зенджаномъ и Казвиномъ, ночью, въ числахъ между 12 и 16 ноября 1892 г., т. е. въ совершеніи дѣянія предусмотрѣннаго 1630 и 1632 ст. улож. о нак.

Въ апелляціонныхъ отзывахъ своихъ подсудимые Кукликъ и Гагаевъ, по обвиненію ихъ въ ограбленіи Персидской почты, заявляютъ, прежде всего, что судъ неправильно основалъ свой приговоръ на показаніи Керимъ-Хана Искандера оглы, который, хотя и числится

Сарминомъ 1-го класса въ Тегеранѣ, но въ дѣйствительности онъ есть разбойникъ Керимъ, бѣжавшій изъ Россіи въ Персію, которому, поэтому, довѣрять нельзя. Подсудимый Кукликъ заявляетъ, что онъ сдѣлалъ сознаніе и оговоръ Гагаева предъ Персидскимъ правительствомъ, драгоманомъ Россійской имперіи въ Тегеранѣ по неразвитію и неопытности и у Григоровича на допросѣ былъ точно автоматъ, дѣйствовавшій по приказанію и изъ боязни Керима, что онъ Кукликъ съ 1 ноября по 15 декабря находился безотлучно въ Тегеранѣ, что подтвердилъ содержатель гостинницы „Кавказа“ Абдулъ-Бекъ Богдановъ, а слѣдовательно, не могъ совершить ограбленіе почты, и кучеръ миссіи Жерновъ не подтвердилъ его ссылку изъ боязни Керима, а Касымъ-Ханъ Гусейнъ подтвердилъ, что онъ, свидѣтель, не отлучался въ теченіе всего ноября мѣсяца 1892 г. изъ Тегерана. Подсудимый Кукликъ, между прочимъ, проситъ оправдать его и по тѣмъ даннымъ и доказательствамъ, которыя указываются въ палатѣ другимъ подсудимымъ Гагаевымъ. Подсудимый Гагаевъ въ своихъ апелляціонныхъ отзывахъ заявляетъ, что хотя приговоръ окружнаго суда основанъ: а) на показаніи Керимъ-Хана Искандеръ оглы, б) на предварительномъ первоначальномъ показаніи Федора Куклика и в) внезапной передачѣ имъ, Гагаевымъ, 1000 персидскихъ тумановъ Михаилу Чобикову, новсѣэти данныя не заслуживаютъ уваженія, ибо Керимъ Ханъ не заслуживаетъ довѣрія и показанія его не подтвердились, онъ желалъ освободить отъ подозрѣнія своего брата и показанію брата его Асада не слѣдуетъ довѣрять, что касается до показанія Куклика драгоману русскаго посольства Григоровичу, то таковое показаніе голословно, ибо, если бы онъ 8 ноября 1892 г. въ гостинницѣ „Кавказъ“ и спрашивалъ „не имѣетъ ли кто порученій въ гор. Казвинъ?“, то долженъ бы былъ назвать всѣхъ тѣхъ лицъ, которые были въ то время въ гостинницѣ, если бы 9 января 1892 г. онъ Гагаевъ выѣхалъ съ нимъ изъ Тегерана и встрѣтился съ двумя персіянами, то онъ долженъ былъ бы знать, кто они такіе, и онъ, Гагаевъ, не могъ бы говорить съ этими лицами

на языкѣ непонятномъ для Куклика. Указанный же Кукликомъ свидѣтель капельмейстеръ Шахской музыки Лемеръ показалъ, что онъ встрѣтилъ служащаго въ казачьей бригадѣ, по дорогѣ къ Тегерану не 14, а 24 ноября „и его Гагаева вовсе не встрѣчалъ“. Почему Кукликъ не указалъ кого онъ съ Гагаевымъ встрѣтилъ и гдѣ остановился въ Казвинѣ 14-го и 15 ноября? Хотя Кукликъ указалъ, что по пріѣздѣ, 16 ноября въ с. Сіогъ-Девинъ, они ѣли баранью головку, пили чай и кормили лошадей и онъ Гагаевъ выдавалъ себя за чиновника миссіи и лазилъ на крышу смотрѣть, не подъѣзжаетъ ли почта и содержатель караванъ сарая Таги Мамедъ Реди оглы „хотя это обстоятельство и подтвердилъ въ точности“, но однако объяснилъ, что на крышу лазилъ изображавшій чиновника, но не призналъ его, Гагаева, по предъявленіи ему. Мѣшковъ съ деньгами отнято было у почталіона не 13, какъ показалъ Кукликъ, а 14, какъ показалъ почталіонъ, и на сумму болѣе 3000 тумановъ. Свидѣтель Радимъ Бэкъ удостовѣрилъ 24 февраля 1892 г., что онъ Гагаевъ съ 20 сентября по 4 декабря 1892 г. не отлучался изъ квартиры; содержатель гостинницы „Кавказъ“ Богдановъ удостовѣрилъ, въ присутствіи его, Гагаева, въ Тегеранѣ требованіемъ провизіи по запискамъ 15 и 17 ноября 1892 г., а свидѣтель Макинцевъ записку, отъ 16 ноября и Мешади Гусейнъ уплату, сдѣланную 16 ноября 1892 г. имъ Гагаевымъ, а свидѣтель Касумъ-Ханъ Гусейновъ безотлучное пребываніе его, Гагаева, въ Тегеранѣ въ теченіе всего ноября и изъ почталіоновъ его, Гагаева, „никто не обозналъ“ за грабителя. Онъ, Гагаевъ, имѣлъ средства, такъ какъ былъ поставщикомъ казачьей бригады. Ссора въ гостинницѣ „Кавказъ“ произошла между нимъ и Кукликомъ потому, что послѣдній позволилъ бранить русское правительство и онъ, Гагаевъ, за это ударилъ Куклика, что подтвердилъ и урядникъ Нестеренко. Доказательствомъ того, что онъ, Гагаевъ, не могъ отлучаться съ 20 октября по 24 декабря 1892 г. изъ своей квартиры въ Тегеранѣ можетъ служить заключеніе врача, данное уже въ 1893 г. въ г. Баку, что онъ не могъ ѣздить въ ноябрѣ 1892 г. Вообще, въ своемъ

апелляціонномъ отзывѣ, подсудимый Гагаевъ указываетъ не только на свидѣтелей, которые вызывались въ окружный судъ, но и на тѣхъ, которые не вызывались, а главнымъ образомъ на показанія данныя Кукликомъ, почталіонами Мешади-Хабибъ бекъ Азизъ, Магометъ-Тара Верды оглы, Чапарамъ Абдула Мешади Мирзы оглы и другимъ, которые допрошены были драгоманомъ Россійской миссіи въ Тегеранѣ Григоровичемъ, при возникновеніи настоящаго дѣла въ Тегеранѣ. Что касается до обвиненія подсудимаго Гагаева въ убійствѣ Саруханова, то онъ заявляетъ, что поэтому долженъ быть привлеченъ совершившій это убійство житель с. Алгирь Владикавказскаго округа, Терской области, Александръ Алексѣевъ Гагаевъ, а онъ житель с. Цей, Гациръ Асламбековъ Гагаевъ, житель того же округа и области, что хотя Ивановъ и Дегтяревъ признали его за того Гагаева, который убилъ Саруханова, но предпочтеніе надо отдать показанію свидѣтеля Гутнева на судѣ, не признавшаго его, Гагаева, за убійцу Саруханова, и что оно Гагаевъ, ко дню засѣданія въ палатѣ, представитъ письменное доказательство, что тотъ Гагаевъ, который убилъ Саруханова, есть никто какъ Маргоевъ, скрывающійся въ Персіи. По просьбѣ Гагаева были вызваны въ палату, для удостовѣренія, что будто бы онъ не тотъ Гагаевъ, который совершилъ убійство Саруханова,—свидѣтели Дзалаевъ, Динбековъ, Теръ Ованесовъ и Гутневъ и, кромѣ того, два эксперта для сличенія почерка Колчинъ и Захаровъ, и кромѣ того по опредѣленію палаты, вызывались Коншинъ и Григоровичъ и по просьбѣ подсудимаго Гагаева—дьяконъ Утмелидзе. Оба подсудимые въ апелляціонныхъ отзывахъ просятъ приговоръ окружнаго суда отмѣнить и признать по суду оправданными. Изъ числа вызванныхъ въ судебное засѣданіе палаты, по просьбѣ подсудимаго Гагаева, свидѣтелей житель сел. Цей Александръ Динбековъ долженъ былъ удостовѣрить, какъ сказано въ апелляціонномъ отзывѣ, то обстоятельство, что подсудимый Гагаевъ выѣхалъ изъ г. Владикавказа только 10 октября 1892 г. а, слѣдовательно, тотъ Гагаевъ, который обвинялся въ кражѣ верблюдовъ въ Красноводскѣ въ октябрѣ

1882 года и убійствѣ Саруханова въ Мервѣ 25 марта 1886 г. есть не подсудимый, а другой Гагаевъ. Но означенный свидѣтель Динбековъ въ палатѣ заявилъ только, что подсудимый есть уроженецъ сел. Цей, родители коего переѣхали въ сел. Алагиръ, что прозваніе по обычаю этого Гагаева было Гациръ, христіанское же имя его не знаетъ, отецъ его Асланбекъ Гагаевъ, и что онъ, подсудимый, уѣхалъ съ родины лѣтъ 15 тому назадъ, но точно опредѣлить въ которомъ именно это году было, онъ свидѣтель не можетъ. Свидѣтель Андрей Гутневъ объяснилъ, въ палатѣ, что хотя онъ и былъ въ Мервѣ, во время убійства Саруханова, но мало зналъ того Гагаева, который совершилъ означенное убійство и потому не можетъ сказать по предъявленіи подсудимаго Гагаева на судѣ, этотъ ли самый Гагаевъ совершилъ убійство Саруханова, что у того Гагаева было пятно на щекѣ. Свидѣтель Коншинъ далъ уклончивое показаніе, что онъ не можетъ въ предъявленномъ ему подсудимомъ Гагаевѣ припомнить и признать—тотъ-ли самый Гагаевъ былъ у него на службѣ въ 1881 г. и котораго онъ бралъ на поруки по какому то уголовному дѣлу. Что касается до свидѣтеля Теръ-Ованесова, то свидѣтель этотъ объяснилъ, что предъявленный ему подсудимый Гагаевъ, есть то самое лицо, которое проживало великимъ постомъ 1886 г. въ одной съ нимъ гостинницѣ въ г. Баку, и, передъ выѣздомъ, заложило ему свой серебряный кинжалъ, но при томъ добавилъ, что онъ, прежде чѣмъ дать объ этомъ свѣдѣнія въ полицію, былъ у Гагаева въ тюрьмѣ, чтобъ удостовѣриться въ личности Гагаева—есть-ли у него рубецъ на щекѣ. Вызванные по просьбѣ Гагаева эксперты Колчинъ и Захаровъ положительно удостовѣрили, что подписи подсудимаго по дѣлу убійства Саруханова и о кражѣ верблюдовъ Гагаева и подписи Гагаева на протоколахъ допроса его у драгомана Григоровича въ Персіи и у судебнаго слѣдователя Пресницкаго, подъ протоколами объ ограбленіи персидской почты, тождественны какъ въ отношеніи очертаній буквъ, связи ихъ, такъ и наклоновъ буквъ, и сдѣланы одной и той же рукой

при чемъ, обращаетъ на себя вниманіе подпись Гатцера Гагаева подъ первымъ въ Россіи, въ г. Баку, протоколомъ допроса слѣдователемъ Преницкимъ, эта подпись хотя и сдѣлана одной и той же рукой, какъ всѣ прочія, но съ особой разстановкой буквъ и связи ихъ. Дьяконъ Утмелидзе удостовѣрилъ на вопросы защитника подсудимаго дурную репутацію Керимъ Хана, и то, что онъ считалъ Гагаева лицомъ, имѣющимъ достатки. Во время судебныхъ преній товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе и просилъ утвердить приговоръ окружнаго суда. Защитникъ подсудимаго Гагаева находилъ, что слѣдствіе по настоящему дѣлу въ предѣлахъ Персіи велось чинами Русскаго посольства въ Персіи, не согласно съ требованіями судеб. уст., а поэтому и на основаніи 175 ст. улож. о нак. и ссылаясь на рѣшеніе угол. кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, по дѣлу Машада Косиръ Машада Али оглы 13 сентября 1873 г. № 658, онъ защитникъ, полагаетъ, что весь слѣдственный матеріалъ, добытый въ Персіи, не можетъ служить матеріаломъ для преданія суду и приговора и, по его мнѣнію, слѣдствіе объ ограбленіи персидской почты должно было быть произведено Персидскими судебными властями. По обстоятельствамъ дѣла защитникъ поддерживалъ доводы апелляціоннаго отзыва Гагаева съ тѣмъ, что, если подсудимый будетъ признанъ за лице, совершившее убійство Саруханова, то просилъ уменьшить наказаніе подсудимому. Судебная палата, выслушавъ пренія сторонъ и сообразивъ оныя съ обстоятельствами дѣла, находитъ, что по настоящему дѣлу соблюдена была 175 ст. улож. о наказ. и что указаніе защитникомъ подсудимаго на рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, отъ 13 сентября 1873 г. № 658, вовсе не служитъ подкрѣпленіемъ доводовъ его о томъ, что предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу должно было быть произведено мѣстными персидскими властями, ибо на основаніи 2 ч. 175 ст. улож. о нак., хотя дѣятельность Россійскихъ властей начинается лишь по окончаніи слѣдствія въ Персіи, когда подсудимый вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ

отсылается къ начальству ближайшихъ пограничныхъ губерній, но слѣдственное производство о русско-подданныхъ въ Персіи лежитъ на обязанности русской миссіи, въ видѣ права выговореннаго Россіей съ персидскимъ правительствомъ, и какъ разъяснено въ указанномъ рѣшеніи Сената, Русскія миссіи и консульства въ Персіи не имѣютъ возможности исполнять всѣ тѣ дѣйствія, которыя предписаны суд. уст. для производства предварительнаго слѣдствія въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Высочайшемъ указѣ, при обнародованіи судебныхъ уставовъ и въ послѣдующихъ послѣ того правительственныхъ распоряженіяхъ „о порядкѣ введенія онаго въ дѣйствіе", нигдѣ не указано, чтобъ уставъ этотъ могъ имѣть силу внѣ предѣловъ Россійской имперіи. По настоящему дѣлу Россійскому посланнику въ Тегеранѣ переданы были Персидскимъ правительствомъ трое русско-подданныхъ, изъ коихъ одинъ сознался и оговорилъ своего товарища въ ограбленіи персидской почты, а другой былъ задержанъ въ тотъ моментъ, когда старался уѣхать изъ Персіи съ частью похищенныхъ денегъ, а Россійскимъ посломъ въ Тегеранѣ возложено было на старшаго драгомана посольства Григоровича разслѣдованіе сего дѣла и привлеченіе къ допросу не только подсудимыхъ, но и другихъ постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, старшій драгоманъ дѣйствовалъ, согласно 175 ст. улож. о нак. и разъясненіемъ сената, совершенно правильно. Если бы все обвиненіе было построено на одномъ показаніи Керимъ Хана, то конечно нельзя было придти къ полному убѣжденію о виновности подсудимыхъ, но Керимъ Ханъ являлся въ данномъ случаѣ, какъ бы полицейскимъ агентомъ, подслушавшимъ и развѣдавшимъ кто и какъ совершилъ ограбленіе персидской почты. Какъ Гагаевъ, такъ и Керимъ Ханъ, оба лица, бѣжавшія изъ Россіи, скрывавшіяся отъ уголовнаго преслѣдованія—Гагаевъ скрылся по убійству Саруханова въ Персію и проживалъ въ Тегеранѣ, по собственному его объясненію у Керимъ Хана и отъ него перешелъ на квартиру Рагимъ-бека, на котораго и ссылается какъ на лицо удостовѣрившее, что съ 20 ноября по 4 декабря 1892 г. онъ,

Гагаевъ, будучи боленъ отъ укуса азіатскихъ клоповъ, не отлучался изъ дому. Поэтому, весьма естественно, Кукликъ, узнавши, что Гагаевъ собирается ѣхать изъ Персіи, не уплативъ ему, Куклику, слѣдуемой доли отъ грабежа персидской почты, пошелъ не къ властямъ посовѣтоваться, просить помощи, а къ такому лицу, какъ Керимъ Ханъ. Ясно, что Кукликъ не могъ обратиться ни къ кому съ такимъ удобствомъ, какъ къ Керимъ-Хану, который друженъ былъ съ Гагаевымъ и зналъ обычай дѣлежа въ подобныхъ случаяхъ и къ этому побуждало Куклика и то обстоятельство, что имѣлось подозрѣніе въ Тегеранѣ,—не совершили ли ограбленіе почты люди, близкіе Керимъ-Хану. Эту послѣднюю причину не скрылъ Кукликъ и сознаваясь драгоману Григоровичу. Керимъ-Ханъ, воспользовавшись случаемъ, распросилъ Куклика и Гагаева, которымъ не было надобности скрываться предъ нимъ, а затѣмъ выдалъ этихъ лицъ своему начальству и первому министру при Шахѣ. Такимъ образомъ, указаніе подсудимыхъ въ настоящее время, на дурную репутацію Керимъ-Хана не можетъ служить къ ослабленію уликъ по дѣлу. Имѣетъ существенное значеніе и то, что даже въ Россіи у судебнаго слѣдователя Кукликъ и Гагаевъ не отрицали, какъ занесено въ обвинительный актъ, что Кукликъ сознался въ участіи съ Гагаевымъ въ ограбленіи почты первому министру въ Персіи, и въ посольствѣ драгоману Григоровичу, но только онъ старается нынѣ объяснить, что это сознаніе было вынуждено. Самыя условія и обстановка, при которыхъ совершено было это сознаніе подтверждается показаніемъ Керимъ-Хана и служитъ ручательствомъ ихъ вѣрности. Если обратиться къ соображенію доводовъ, какая изъ причинъ побудила Куклика сначала обратиться къ Кериму, а затѣмъ сдѣлать сознаніе Григоровичу, то очевидно, что не та, о которой заявилъ Кукликъ въ Россіи, т. е., что долгъ въ 17 тумановъ Гагаева Куклику довелъ послѣдняго до того, что онъ сдѣлалъ заявленіе о себѣ и о Гагаевѣ а также не дурной отзывъ о русскомъ правительствѣ въ трактирѣ „Кавказъ“, въ г. Тегеранѣ. Причиною тому былъ отказъ Гогаева въ выдачѣ

Куклику части добычи, какъ это заявилъ Кукликъ первоначально. Свидѣтель Нестеренко тоже не подтвердилъ ссылку на него Гагаева, объяснивъ, что, когда уже началась ссора между Кукликомъ и Гагаевымъ въ трактирѣ „Кавказъ", то тогда только Кукликъ дурно отозвался о русскомъ правительствѣ, за что и получилъ ударъ отъ Нестеренко. Изъ прочитаннаго въ судебномъ засѣданіи палаты присяжнаго показанія старшаго драгомана Императорской Миссіи въ Тегеранѣ статскаго совѣтника Григоровича, допрошеннаго по опредѣленію палаты и просьбѣ подсудимыхъ, видно, что онъ, по приказанію Русскаго посланника въ Персіи, производилъ разслѣдованіе настоящаго дѣла и допросъ въ Тегеранѣ и что имъ были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ русско-подданные: Гатцеръ Асламбековъ Гагаевъ, Федоръ Семеновъ Кукликъ и Михаилъ Егоровъ Чобиковъ. Допросы производились Григоровичемъ безъ присутствія посторонних лицъ, при секретарѣ миссіи Филипьевѣ и аташэ при миссіи Вольфѣ и только по окончаніи слѣдствія была произведена очная ставка Куклика съ сартиномъ 1 класса Керимомъ Искандеръ оглы; что по самому тону и немедленному отвѣту на предложенные вопросы Куклику, при его допросѣ, нужно заключить, что онъ Кукликъ говорилъ Григорьевичу именно то, что видѣлъ самолично, показанія являлись чистосердечными и безусловно подтверждались фактами и были, насколько могъ судить Григоровичъ, совершенно самостоятельными. Въ промежуткахъ допросовъ Куклика содержали въ миссіи подъ строгимъ надворомъ, за карауломъ, и къ Куклику никто не допускался. Самъ Кукликъ не могъ отлучаться и Керимъ никакихъ сношеній ни посредственно, ни не посредственно имѣть съ Кукликомъ тогда не могъ. Въ апелляціонномъ отзывѣ подсудимый Гагаевъ, подробно разбирая показаніе Куклика драгоману Григоровичу старается данными, указанными въ этомъ показаніи, доказать, что показаніе это голословно и есть вымышленное сознаніе и оговоръ лица не бывшаго на мѣстѣ преступленія, а потому, представляется палатѣ необходимымъ войти въ оцѣнку

этихъ доводовъ подсудимаго. Кукличу, какъ выше сказано, предлагались вопросы Григоровичемъ неожиданно о самыхъ мелкихъ подробностяхъ и обстановкѣ происшествія,—и вотъ онъ, Кукликъ, объяснилъ не только часы выѣзда и прибытія его и Гагаева въ извѣстныя мѣста, по дорогѣ къ ограбленію, но и такія подробности, что именно было усмотрѣно по дорогѣ, какъ ѣхали, описаніе дороги, гдѣ лежала павшая лошадь, гдѣ останавливались и что дѣлали, что ѣли дорогой, какъ былъ одѣтъ Гагаевъ и съ особенной подробностью описалъ, какъ нагоняла ихъ почта, какъ подъѣзжалъ къ нимъ сначала конвойный, сопровождавшій почту, какъ почта ихъ обгоняла, какъ конвойный оставилъ почту и какъ они приступили къ ограбленію почты,—и все это въ подробностяхъ подтверждалось позднѣе допрошенными почтальономъ Мешади Хабибъ-Бекъ Азисъ оглы, его помощникомъ Магомедомъ Тара-Верды и всадникомъ Абдула-Машади Мирзы оглы. Даже такія подробности, какъ то, что, при приближеніи почты, Гагаевъ надѣлъ башлыкъ, будучи въ буркѣ съ ружьемъ, а передъ тѣмъ они пили водку, въ показаніяхъ лицъ, сопровождавшихъ почту, подтвердились, ибо почтальонъ показалъ и конвойный удостовѣрилъ, что одинъ изъ четырехъ грабителей былъ въ буркѣ, башлыкѣ, въ сапогахъ и съ ружьемъ, и что первый изъ этихъ свидѣтелей объяснилъ, что, совершивъ ограбленіе почты, грабители выпили по нѣсколько рюмокъ водки. Кукликъ объяснялъ, что Гагаевъ выдавалъ себя за чиновника миссіи и это обстоятельство подтвердилось свидѣтелемъ Таги Мешади Дадде оглы и, кромѣ того, указалъ на такую подробность, что когда они ѣхали обратно послѣ грабежа съ мѣшками Персидской серебряной монеты и въ подушкѣ сѣдла Гагаева было то же похищенное серебро, то хозяинъ караванъ-сарая Валазъ Заде Абдулъ Азизъ, давая корму лошадямъ, обратилъ вниманіе на особенную тяжесть сѣдла, но Гагаевъ объяснилъ, что въ сѣдлѣ у него зашиты патроны для казачьей батареи. Что же касается подробностей пребыванія Гагаева и Куклика на пути къ ограбленію почты въ

домѣ Таги Мешади въ Сіяхъ-Девитъ, какъ ѣли баранью голову, какъ влѣзали на крышу смотрѣть, не ѣдетъ ли почта, то эту подробность объясненную Kукликомъ Григоровичу, подтвердилъ не только Таги Мешади, но и самъ подсудимый Гагаевъ въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ. Подсудимый Гагаевъ старался доказать невѣрность показаній Куклика тѣмъ, что онъ объяснилъ, что ограбили и дѣлили 13 мѣшковъ съ персидскимъ серебромъ, а ограблено было 15 мѣшковъ съ деньгами, но нельзя не обратить вниманія на то, что изъ списка ограбленной почты видно, что въ 12 мѣшкахъ было 250 тумановъ въ каждомъ и 13-й мѣшокъ въ 280 тумановъ слѣдовательно 13 мѣшковъ болѣе тяжелаго вѣса по 2550 золотниковъ и болѣе каждый, а потому, очевидно, эти болѣе тяжелые мѣшки и бросились въ глаза Куклику, который не принималъ участія въ самомъ вскрытіи почтовыхъ вьюковъ; два же остальныхъ мѣшка съ деньгами были сравнительно небольшія, въ 15 и 150 тумановъ, и Кукликъ могъ ихъ не замѣтить. Даже такое обстоятельство, указанное Kукликомъ, что Гагаевъ говорилъ съ двумя неразысканными соучастниками грабежа и съ Чобиковымъ на непонятномъ для Куклика языкѣ, въ связи съ показаніями лицъ, сопровождавшихъ почту что грабители говорили для нихъ на непонятномъ языкѣ, является весьма характерною правдоподобною подробностью, ибо Гагаевъ и Чобиковъ горцы Терской области, говорящіе по осетински, по татарски и на другихъ горскихъ языкахъ, не понятныхъ Куклику, уроженцу Западной Россіи, а во время грабежа Кукликъ могъ говорить съ Гагаевымъ по русски, т. е. на языкѣ непонятномъ для почтальоновъ, конвойнаго изъ персіянъ. Возраженіе Гагаева, что капельмейстеръ шахской музыки Лемеръ, на котораго Кукликъ указалъ какъ на лицо, встрѣченное имъ и Гагаевымъ не далеко отъ Тегерана, не призналъ его за встрѣченное имъ въ дорогѣ лицо, не заслуживаетъ уваженія, ибо Гагаевъ не былъ предъявленъ Лемеру и тѣмъ не менѣе Кукликъ на Лемера указалъ и Лемеръ подтвердилъ, что видѣлъ въ пути на станціи Кишлагъ

русскаго въ фуражкѣ и большихъ сапогахъ и самъ Гагаевъ у Григоровича не отрицалъ этой встрѣчи, поясняя, что таковая была 13 ноября 1892 года, когда онъ ѣздилъ изъ Тегерана въ Мерабъ. Гагаевъ и Кукликъ въ своихъ апелляціонныхъ отзывахъ стараются доказать свое alibi въ Тегеранѣ указаніемъ 1-й на своего домохозяина Рогимъ Бека Хаджи Наби Оглы и на Мешади Гусейна и оба на Касума-Ханъ Гусейнъ, но показаніе Рогимъ Бека Григоровичу не заслуживаетъ довѣрія такъ какъ онъ объясняетъ, что Гагаевъ съ 20-го октября по 4 декабря ежедневно возвращался домой на квартиру, какъ больной, лечившійся у неразысканнаго еврея доктора отъ укушенія азіатскихъ клоповъ, а между тѣмъ, тому же Григоровичу самъ Гагаевъ объяснилъ, что онъ ѣздилъ изъ Тегерана съ братомъ Керимъ Хана Асадулай въ Насыръ Абатъ за два мѣсяца до допроса и, какъ выше сказано, 13 ноября, когда встрѣтилъ Лемера въ деревнѣ Мерабъ. Указаніе Гагаева и Чобикова на содержателя гостинницы „Кавказъ" не заслуживаетъ довѣрія, не только по доводамъ, указаннымъ въ приговорѣ суда, но и потому, что хозяинъ этой гостинницы принималъ близкое участіе въ дѣлѣ и братъ его взялся достать отцу Гагаева вещи его даже послѣ того, какъ Чобикова задержали и онъ былъ возвращенъ въ Тегеранъ съ 2000 руб. и алмазной брошкой, которые онъ спѣшилъ увезти изъ Тегерана какъ только узналъ о задержаніи Гагаева и Чобикова. На сколько спѣшилъ онъ уѣхать и увезти деньги и вещи Гагаева и Чобикова,—какъ плоды преступленія, видно изъ того, что въ день отъѣзда изъ Тегерана оставилъ дьякону Утмелидзе сумку съ вещами и 140 тумановъ, обѣщавъ вечеромъ зайти и взять ее, но уѣхалъ, не взявши этихъ вещей, и не сдѣлалъ о нихъ распоряженія. Указаніе Гагаева на заключеніе врача, отъ 7 апрѣля 1893 г., осматривавшаго его въ Батумѣ, что онъ Гагаевъ не могъ, будто, ѣздить верхомъ въ ноябрѣ 1892 г., незаслуживаетъ уваженія, ибо врачъ высказался не положительно, заявивъ, что не представляется возможнымъ опредѣлить происхожденіе язвъ и рубцовъ, и от-

нося ихъ происхожденіе къ 5—6—2—3 мѣсяцамъ до освидѣтельствованія и поясняя, что когда язвы были на ягодицахъ „едва ли Гагаевъ могъ ѣздить верхомъ“. Относительно свидѣтеля Макинцева нельзя не согласиться съ доводами окружнаго суда, такъ какъ въ письмѣ къ нему подсудимый Гагаевъ очевидно старался создать свое alibi. Свидѣтели указанные подсудимыми, Фридрихъ Гармсенъ и Кисымъ Ханъ Гусейнъ не подтвердили ссылки на нихъ подсудимыхъ, ибо первый показалъ, что онъ Керима и Гагаева зналъ за людей съ дурной репутаціей, дружили между собою и что Гагаевъ поддѣлывалъ документы по поставкѣ каменнаго угля, что онъ, свидѣтель, встрѣчалъ Гагаева въ Тегеранѣ въ ноябрѣ 1892 г., но какого числа не упомнитъ, а второй свидѣтель объяснилъ тоже о дурной репутаціи Гагаева и что Гагаевъ взялъ у него 30 тумановъ, обѣщаясь поставить уголь, но этого неисполнилъ, остался должникомъ и что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1892 г. встрѣчалъ Куклика въ Тегеранѣ, но когда не упомнитъ. Что касается до средствъ Гагаева, то ничѣмъ не доказано, чтобы онъ обладалъ такими суммами, что могъ давать для размѣна 1500 тумановъ, т. е. около 4500 руб. шорнику Чобикову, ибо онъ не былъ поставщикомъ казачьей бригады, а состоялъ частнымъ образомъ, при урядникѣ Чаткѣ фуражиромъ. Самая плата за квартиру Рагимъ-беку Гагаевымъ по одному туману въ мѣсяцъ указывала на незначительныя средства Гагаева, а изъ объясненія дьякона Утмелидзе нельзя придти къ выводу объ особой состоятельности Гагаева. У Гагаева былъ отобранъ чекъ банка на 25 тумановъ, а слѣдовательно, если бы 1500 тумановъ, добытыхъ честнымъ путемъ, ему надо было бы размѣнять на русскія деньги, то онъ несомнѣнно обратился бы въ банкъ, а не привозилъ бы вечеромъ, не заѣзжая къ себѣ на квартиру, въ 6 тяжелыхъ мѣшкахъ персидское серебро простому шорнику Чобикову, прося его постепенно мѣнять таковое на базарахъ на русскія деньги. Самый этотъ фактъ, въ связи съ тѣмъ, что почтальонъ Мешади Чабибъ Азизъ оглы, даже въ толпѣ предъявленныхъ ему драгоманомъ Григоровичемъ лицъ, призналъ

именно Гагаева за похожаго на одного изъ грабителей почты, достаточно изобличаетъ Гагаева и Чобикова, въ связи съ прочими обстоятельствами дѣла, въ ограбленіи ими персидской почты. Что касается до убійства 25 марта 1886 г. въ укрѣпл. Мервѣ Сигнахскаго жителя Сергѣя Егорова Саруханова осетиномъ жителемъ с. Цей, Владикавказскаго округа Терской области, называвшаго себя Александромъ Алексѣевымъ Гагаевымъ, то таковое совершено было на глазахъ Константина Гутнева, штабсъ-капитана Иванова, поручика Владиміра Ильенко и штабсъ капитана Константина Дегтерева. Изъ показаній свидѣтелей на судѣ и прочитанныхъ на судѣ показаній Саруханова и Хестанова, что когда Сарухановъ назвалъ браннымъ словомъ Гагаева, то Гагаевъ ударилъ Саруханова ногайкой. Сарухановъ вырвалъ у Гагаева ногайку, но Гагаевъ произвелъ одинъ выстрѣлъ въ Саруханова въ грудь, а второй въ спину, въ то время, когда Сарухановъ хотѣлъ скрыться отъ Гагаева въ лавку. Подсудимый по настоящему дѣлу заявляетъ, что убилъ Саруханова житель с. Алгиръ Владикавказскаго округа Александръ Алексѣевъ, Гацыръ Асламбековъ Гагаевъ, а онъ житель Владикавказскаго округа с. Цей и что свидѣтель Константинъ Гутневъ не призналъ въ немъ того Гагаева, который убилъ Саруханова. Изъ дѣла видно во 1-хъ, что убійца Саруханова называлъ себя жит. Цей, во 2-хъ, хотя свидѣтель Константинъ Гутневъ въ окружномъ судѣ заявилъ, что настоящій подсудимый Гагаевъ не похожъ на Гагаева убійцу Саруханова, но при слѣдствіи, по предъявленіи ему фотографической карточки настоящаго подсудимаго, онъ заявилъ „я хорошо узнаю убійцу Саруханова Александра Гагаева"; на судѣ Гутневъ показалъ, что настоящій подсудимый Гагаевъ не похожъ на Гагаева—убійцу Саруханова, потому что тому Гагаеву было въ то время около 28 лѣтъ, но это опровергается дѣломъ, изъ коего видно, что убійца Саруханова показывалъ себѣ въ 1886 г. 22 года и онъ же по дѣлу въ кражѣ верблюдовъ въ 1882 г. показывалъ себѣ 20 л. и по дѣлу объ убійствѣ Саруханова на запросъ военнаго слѣдо-

вателя приставъ 3 уч. Владикавказскаго округа увѣдомилъ, что называющій себя Александромъ Алексѣевымъ Гагаевымъ есть житель с. Цей, Нузольскаго прихода 3 уч. Владикавказскаго округа, а изъ метрической справки видно, что подсудимый родился 23 марта 1862 г., а слѣдовательно ему было въ 1882 г. дѣйствительно 20 л. и представляется невѣроятнымъ объясненіе Константина Гутнева на судѣ, что онъ подписалъ показаніе у слѣдователя безъ прочтенія онаго, т. е. что судебный слѣдователь ложно внесъ въ протоколъ его показанія. Свидѣтели Ивановъ и Ильенко на судѣ признали подсудимаго Гагаева вполнѣ схожимъ съ убійцей Саруханова, какъ равно и свидѣтель Дехтяревъ призналъ подсудимаго Гагаева, „очень похожимъ" на убійцу Саруханова, но кромѣ того, по словамъ подсудимаго и по дѣлу видно, что называвшій себя Александромъ Гагаевымъ по дѣлу объ убійствѣ Саруханова, есть то самое лицо, которое въ октябрѣ 1882 г. обвинялось въ кражѣ лошадей и верблюдовъ въ Красноводскѣ, а бывшіе свидѣтели по этому дѣлу Егоръ Карасевъ и Александръ Гукасовъ удостовѣрили по предъявленіи имъ фотографической карточки настоящаго подсудимаго съ называвшимъ себя Александромъ Гагаевымъ, а второй прямо заявилъ, что „это есть тотъ самый" Александръ Гагаевъ, который обвинялся въ похищеніи двухъ лошадей у Егора Карасева. Хотя подсудимый въ дѣйствительности есть Алексѣй Асламбековъ сынъ Гагаева жит. с. Цей 3 уч. Владикавказскаго округа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю осетинъ, у него кромѣ христіанскаго имени есть не христіанское имя Гацеръ, и изъ дѣла видно, что онъ самъ себя именовалъ и Александромъ, такъ онъ назывался въ персіи по словамъ дьякона Утмелидзе и въ протоколѣ при допросѣ его драгоманомъ Григоровичемъ заявилъ, что на родинѣ зовутъ его Александромъ, а въ Тегеранѣ Тамуръ Ханомъ, и только при допросѣ Гагаева судебнымъ слѣдователемъ въ г. Баку, очевидно, въ виду того, что его допрашивали и по убійству Саруханова, сталъ онъ утверждать, что онъ Гацiръ Асламбековъ Гагаевъ, и никогда не назывался Александромъ

Гагаевымъ. Хотя настоящій подсудимый родился въ с. Цей, но родители его переѣхали въ с. Алагиръ, а потому, онъ именовалъ себя изъ с. Цей. Въ окружномъ судѣ, и въ палатѣ, по просьбѣ подсудимыхъ, экспертизою почерка настоящаго Гагаева удостовѣрено тождество настоящаго подсудимаго Гагаева съ тѣмъ Гагаевымъ, который совершилъ убійство Саруханова, сознался, а затѣмъ скрылся. Характернымъ является въ смыслѣ улики то, что настоящій подсудимый Гагаевъ, по доставленіи его въ гор. Баку, на первомъ протоколѣ допроса, когда узналъ, что онъ вторично привлекается по дѣлу Саруханова, сталъ писать свою подпись нѣсколько иначе, чѣмъ раньше писалъ. Наконецъ, откуда бы зналъ Кукликъ, передавая разсказъ Гагаева драгоману Григоровичу въ персіи объ убійствѣ въ Мервѣ, происшедшемъ въ 1886 г., еслибъ ему объ этомъ не разсказалъ бы самъ Гагаевъ, хвастаясь передъ соучастникомъ своимъ по ограбленію почты. Въ виду вышеизложеннаго, слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что подсудимый Гагаевъ есть тотъ самый Гагаевъ, который совершилъ убійство Саруханова и показаніе Теръ-Ованесова, дававшаго объясненія послѣ свиданія съ Гагаевымъ въ тюрьмѣ о томъ, что этотъ подсудимый великимъ постомъ 1886 г. жилъ съ нимъ въ г. Баку, не заслуживаетъ довѣрія. Что же касается до наказанія, опредѣленнаго судомъ подсудимому Гагаеву за убійство Саруханова, то дѣяніе это подведено подъ 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. и по 149 ст. избрано наказаніе нормальное по 7 ст. 19 ст. въ средней мѣрѣ. На основаніи всего вышеизложеннаго, оказывается, что окружный судъ правильно призналъ подсудимыхъ Гагаева и Куклика виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя они совершили, и Гагаеву назначилъ наказаніе по совокупности и правильно приговорилъ подсудимыхъ къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ; гражданскій же искъ, по обстоятельствамъ дѣла, въ виду отсутствія возраженій о размѣрѣ гражданскаго иска со стороны подсудимыхъ подлежитъ удовлетворенію въ размѣрѣ, указанномъ окружнымъ судомъ, а потому и на основаніи 892 ст. уст. угол. суд., судебная

палата опредѣляетъ: утвердить приговоръ Бакинскаго окружнаго суда о подсудимыхъ Гагаевѣ и Кукликѣ, оставивъ апелляціонные отзывы ихъ безъ послѣдствій.

На этотъ приговоръ была принесена защитникомъ подсудимыхъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго М. О. Грузенбергомъ кассаціонная жалоба, въ которой указывается на нарушенія 175 ст. улож. и 626, 878, 249 ст. уст. угол. суд. Вслѣдствіе заявленія извѣстнаго кавказскаго разбойника, бѣжавшаго изъ предѣловъ Россіи въ Персію, Керимъ-Хана, сдѣланнаго имъ персидскимъ властямъ, что разбойное нападеніе на персидскую почту, въ предѣлахъ Персіи, между городами Казвиномъ и Зенджаномъ, въ среднихъ числахъ ноября 1892 г., совершено русскими подданными Гатцеромъ Гагаевымъ и Федоромъ Кукликомъ, старшій драгоманъ Императорской Россійской миссіи въ Тегеранѣ Григоровичъ произвелъ, по порученію посланника Русскаго въ Тегеранѣ, разслѣдованіе и допросилъ причастныхъ къ дѣлу лицъ. Показанія какъ обвиняемыхъ Куклика и Гагаева, такъ равно и Керима были записаны старшимъ драгоманомъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, безъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ судопроизводства. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ старшій драгоманъ дѣйствовалъ путемъ дознанія, а не на правахъ слѣдователя, и добытый имъ матеріалъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться слѣдственнымъ. За силою 175 ст. улож., при совершеніи русскимъ подданнымъ въ предѣлахъ Персіи преступленія, влекущаго за собой болѣе строгое наказаніе, чѣмъ тюремное заключеніе, предварительное слѣдствіе производится установленнымъ порядкомъ, т. е. какъ это разъяснено правительствующимъ сенатомъ въ его рѣшеніи въ 1873 г. за № 658 по д. Машади-Насыръ-Машади-Али оглы, порядкомъ, установленнымъ въ Персіи, именно, персидскими властями, при участіи дипломатическаго агента Русской миссіи. Производство же предварительнаго слѣдствія собственною властью по названнымъ выше преступленіямъ, дипломатическимъ агентомъ, по нашему за-

кону, вовсе не предоставлено, какъ это видно изъ буквальнаго смысла 175 ст. улож. и изъ 249 ст. уст. угол. суд., изъ которой вытекаетъ, что наше законодательство не признаетъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ особымъ органомъ предварительнаго слѣдствія. По сему, въ настоящемъ дѣлѣ, предметъ котораго составляетъ преступное дѣяніе, караемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы, старшій драгоманъ и не могъ произвести собственно предварительнаго слѣдствія. Если же это такъ и если дѣйствія старшаго драгомана, заключающіяся въ первоначальномъ допросѣ Куклика, Керима и Гагаева, не суть слѣдственныя и допросы, имъ произведенныя, не имѣютъ силы и значенія допросовъ обвиняемыхъ и свидѣтелей, производимыхъ установленными органами слѣдственной власти и съ соблюденіемъ установленныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія правилъ, то протоколы этихъ допросовъ, за силою 626 ст. уст. угол. суд., не могли быть прочитаны на судѣ (рѣш. угол. кас. деп. 1869 г. № 564, 1868 г. № 191 и др.). Между тѣмъ, окружный судъ, вопреки 626 ст. уст. угол. суд. и не взирая на протестъ защитника подсудимаго Гагаева, прочиталъ показаніе неявившагося въ судъ свидѣтеля Керимъ-Хана, данное имъ старшему драгоману при производствѣ дознанія и, сверхъ того, воспользовался, какъ главной уликой, показаніемъ обвиняемаго Куклика, даннымъ тому же старшему драгоману, при тѣхъ же условіяхъ, причемъ, на этомъ показаніи обвиняемаго Куклика основанъ обвинительный приговоръ суда, какъ это видно изъ изложенныхъ въ немъ мотивовъ. Едва ли представляется надобность доказывать, что окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія пользоваться, какъ главною уликою, составляющею caput et fundamentum обвинительнаго приговора, показаніемъ обвиняемаго Куклика, даннаго имъ при дознаніи, отвергнутаго имъ же при допросѣ у судебнаго слѣдователя и на судѣ, какъ вынужденнаго подъ вліяніемъ угрозъ Керима, желавшаго, какъ это установлено свидѣтельскими показаніями, посредствомъ принятія Кукли-

комъ на себя вины избавить отъ отвѣтственности брата своего, заподозрѣннаго въ ограбленіи почты. Судебная палата, на разсмотрѣніе которой это дѣло поступило въ апелляціонномъ порядкѣ, должна была исправить указанныя нарушенія суда и уже во всякомъ случаѣ, въ виду 878 ст. уст. угол. суд., не повторять ихъ, между тѣмъ, судебная палата, вопреки моему протесту, какъ защитника, точно также какъ и окружный судъ, огласила въ докладѣ первоначальное показаніе Керима, данное имъ старшему драгоману Григоровичу и воспользовалась показаніемъ обвиняемаго Куклика, даннаго имъ тому же старшему драгоману, принявъ это показаніе за основаніе обвинительнаго приговора. Въ объясненіе сего палата излагаетъ, что, по ея мнѣнію, старшій драгоманъ при первоначальномъ допросѣ Куклика, Керима и другихъ дѣйствовалъ не путемъ дознанія, а на правахъ слѣдователя, ибо слѣдственное производство о русско-подданныхъ въ Персіи лежитъ на обязанности русской миссіи. Но такое толкованіе 175 ст. улож. не согласно съ ея истиннымъ смысломъ и прямо противорѣчитъ рѣшенію уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 1873 г. за № 658. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано правильнымъ мнѣніе палаты, что по дѣламъ подобнымъ настоящему, предварительное слѣдствіе должно производиться русскими дипломатическими агентами безъ соблюденія правилъ уст. угол. суд. Въ упомянутомъ рѣшеніи правительствующій сенатъ призналъ, что нельзя требовать соблюденія правилъ нашего судопроизводства при производствѣ предварительнаго слѣдствія персидскими властями, для которыхъ наши законы необязательны; при производствѣ же слѣдствія русскими властями, очевидно, для нихъ должно быть обязательно русскіе законы. Вотъ почему признаніе палатою первоначальныхъ дѣйствій старшаго драгомана слѣдственными во всякомъ случаѣ не согласно съ закономъ. Одно изъ двухъ: если по 175 ст. улож. предварительное слѣдствіе по дѣламъ, подобнымъ настоящему, должно производиться порядкомъ установленнымъ въ Персіи, какъ это разъяснилъ правительствую-

щій сенатъ, то всѣ протоколы первоначальныхъ допросовъ старшаго драгомана не суть акты предварительнаго слѣдствія, не могутъ быть прочитаны на судѣ; если же предварительное слѣдствіе должно производиться порядкомъ установленнымъ въ Россіи, то тѣ же протоколы не могутъ считаться актами предварительнаго слѣдствія, и прочтенію на судѣ не подлежатъ, ибо при первоначальномъ допросѣ Керима, Куклика Гагаева и др. не соблюдено ни одно изъ требованій уст. угол. суд. и все производство старшаго драгомана есть сплошное нарушеніе 249—261 ст., 288—296, ст. 376—414 ст., 433—453 ст. и 576—509 ст. Сама же судебная палата въ своемъ опредѣленіи отъ 8 октября 1894 г. признала, что первоначальные протоколы допросовъ старшаго драгомана, какъ не облеченные въ форму судебныхъ протоколовъ, не могутъ быть оглашены на судѣ. Какимъ же образомъ судебная палата впослѣдствіи признала за ними силу и значеніе слѣдственныхъ актовъ и огласила ихъ. Ст. 175 улож. говоритъ о производствѣ слѣдствія установленнымъ порядкомъ; слѣдовательно, нуженъ же хоть какой нибудь порядокъ, либо персидскій, либо русскій. Протоколы же первоначальныхъ допросовъ, составленные старшимъ драгоманомъ, не отвѣчаютъ ни русскому, ни персидскому порядку. Въ виду же 175 ст. улож., рѣш. сената 1873 г. № 658, слѣдуетъ признать, что подъ установленнымъ порядкомъ разумѣется порядокъ, установленный въ Персіи. Указанныя выше нарушенія законовъ относятся не только къ дѣлу объ ограбленіи почты, но также и къ дѣлу по обвиненію Гагаева въ убійствѣ Саруханова, ибо тѣ же первональныя показанія Керима и Куклика у старшаго драгомана являются уликами и по сему послѣднему обвиненію—въ нарушеніе 766 и 892 ст. уст. угол. суд. Судебная палата не обсудила главнѣйшихъ доводовъ апелляціонныхъ отзывовъ подсудимыхъ. Послѣдніе въ своихъ отзывахъ указывали, что сопоставленіе показаній Керима обнаруживаетъ вопіющія противорѣчія между собою и по этому подрываетъ ихъ достовѣрность, точно также

сопоставленіе показанія Куклика съ показаніями Керима и со всѣми обстоятельствами дѣла убѣждаетъ, что Кукликъ вовсе не былъ на мѣстѣ ограбленія и участія въ этомъ преступленіи не принималъ, что признаніе его неправдоподобно и по содержанію своему обнаруживаетъ, что Кукликъ, признаваясь по наущенію Керима, показывалъ съ его словъ. Палата все эти доводы апелляторовъ оставила безъ обсужденія и вовсе не вошла въ разсмотрѣніе этихъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, основавъ такимъ образомъ свой приговоръ не на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, вопреки требованію 766 ст. уст. уг. суд.

По изложеннымъ основаніямъ защитникъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ состоявшагося приговора палаты.

Настоящее дѣло восходило первоначально на разсмотрѣніе IV отдѣленія уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, постановившаго, по резолюціи 10 мая 1896 г., о препровожденіи дѣла на заключеніе министра иностранныхъ дѣлъ—по вопросу о томъ, кѣмъ должны быть произведены дознаніе и слѣдствіе по обвиненію русско-подданныхъ въ Персіи и Турціи въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказаніе строже тюремнаго заключенія, мѣстными ли персидскими и турецкими властями, или же должностными лицами Россійскихъ посольства и миссіи и, притомъ, какими именно.

Въ представленномъ по сему предмету донесеніи управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ указывалъ, что по точному смыслу ст. 8 Туркменчайскаго договора, отъ 10 февраля 1828 г., поставленный вопросъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что разсмотрѣніе дѣла должно производиться *персидской* властью, но не иначе, какъ въ присутствіи чиновника, отряжаемаго россійскими миссіею или консульствомъ. Однако, не смотря на изложенное постановленіе договора, персидскія власти до сего времени никогда не предъявляли притязаній на производство слѣдствій надъ русско-подданными даже и въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, въ коихъ право на

это должно быть признано за ними въ силу Туркменчайскаго акта. Они всегда предоставляютъ производство оныхъ русскимъ должностнымъ лицамъ и ограничиваются лишь назначеніемъ своего делегата для присутствованія при разслѣдованіи дѣла. Принимая во вниманіе, что таковой порядокъ производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ русско-подданныхъ въ Персіи установился долголѣтной практикою, было бы, по мнѣнію министерства иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ соотвѣтственнымъ понимать вторую часть ст. 175 улож. о нак., въ коей говорится, что надъ русско-подданными въ Персіи, совершившими преступленіе, за которое слѣдуетъ наказаніе строже тюремнаго заключенія, производится надлежащее слѣдствіе установленнымъ порядкомъ въ томъ смыслѣ, что слѣдственныя дѣйствія производятся чиновниками россійскихъ миссіи и консульствъ, а именно: въ миссіи—одинъ изъ секретарей или драгомановъ, а въ консульствахъ—самими консулами или секретарями-драгоманами консульствъ.

По поступленіи этого донесенія, дѣло было передано на разсмотрѣніе присутствія уголовнаго кассаціоннаго департамента. Дѣло докладывалъ сенаторъ бар. Корфъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій. Соглашаясь съ указаніемъ кассатора относительно допущеннаго при производствѣ слѣдствія отступленія отъ постановленія Туркменчайскаго договора, оберъ-прокуроръ находилъ, однако, что если персидскія власти не усматриваютъ въ этомъ нарушенія своихъ интересовъ, то тѣмъ менѣе, объ этомъ надлежитъ заботиться органамъ нашего суда; что же касается вопроса о правилахъ, коими должны руководствоваться при производствѣ предварительнаго слѣдствія чины миссіи или консульствъ, то, не указывая таковыхъ, онъ полагалъ, что внѣ территоріи

россійской имперіи уставъ уголовнаго судопроизводства не можетъ имѣть примѣненія.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу защитника Гагаева и Куклика оставить, за силою 912 ст. уст. угол. суд., безъ послѣдствій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ад. Прэнсъ. *Организація свободы и общественный долгъ. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго.* Спб. 1897 г.

A. Prins—горячій поборникъ научной терпимости и проповѣдникъ заботливыхъ предупредительныхъ мѣръ относительно угнетенныхъ и обездоленныхъ классовъ. Къ тому же онъ очень чутокъ къ новымъ явленіямъ вѣчно движущейся жизни и въ тоже время очень спокойно и трезво относится къ самымъ жгучимъ вопросамъ, волнующимъ современную Европу. Надо обратить вниманіе и на разнообразіе его дѣятельности: онъ и выдающійся общественный дѣятель Бельгіи и основатель и руководитель союза уголовнаго права и авторитетный ученый въ области соціологіи.

По переведеннымъ на русскій языкъ его брошюрамъ „Преступность и общество" и „Новыя доктрины уголовнаго права" [1]) русская публика уже имѣла случай ознакомиться съ A. Prins'омъ, какъ криминалистомъ. Переводъ книги „L'organisation de la liberté et le devoir social" [2]) знакомитъ ее съ A. Prins'омъ, какъ соціологомъ. Вопросы тутъ затронутые очень жгучи и современны: именно, политическая и экономическая неурядица, царящая въ современной Европѣ, и необезпеченность въ ней интересовъ всѣхъ гражданъ. Токвиль, Спенсеръ, Мэнъ, Сигеле видятъ корень всѣхъ золъ въ

---

[1]) См. отзывы о нихъ въ нашемъ журналѣ, 96, VIII, 30—32 и 97, I, 25—26.

[2]) Вышла въ парижѣ въ 1895 г.—тогда же появилась хорошая статья о ней Л. О. и у насъ въ „Новомъ Словѣ" (1895 г., декабрь).

верховенствѣ массъ, стоящихъ ниже уровня существующей культуры и стремящихся подчинить свободу экономическихъ отношеній регулированію ихъ государствомъ. Лѣкарствомъ Милль здѣсь считалъ равныя для всѣхъ политическія права, Гнейстъ же ставилъ тутъ на первый планъ общественный долгъ. Идеи Милля [1]) постепенно проходятъ въ жизнь, но, несмотря на всю свою симпатичность, существеннаго облегченія современной неурядицѣ не приносятъ. Вотъ A. Prins и пытается въ своей книгѣ скомбинировать и примирить идеи Милля съ идеями Гнейста и дѣлаетъ это очень оригинально и самостоятельно. Такъ, по его мнѣнію, главнымъ зломъ современной Европы является не верховенство массъ, а централизація, порожденная римскимъ правомъ [2]) и въ свою очередь породившая атомистическій индивидуализмъ. Но исконная форма европейской жизни—органическая группировка по интересамъ, а не обособленіе индивида. Вернувшись къ этой группировкѣ (хотя бы въ формѣ англійскихъ свободныхъ рабочихъ союзовъ), мы и примиримъ въ нашей жизни соціальный и индивидуальный элементы, только въ отличіе отъ средневѣковой жизни теперешняя группировка должна быть вертикальной, а не горизонтальной, открытой, а не замкнутой, не поглощающей личность, а поддерживающей и защищающей ея интересы. Затѣмъ примиреніе между свободой и властью A. Prins думаетъ достигнуть замѣной централизаціи децентрализаціей (опять таки хотя бы въ англійской ея формѣ) и наконецъ права и обязанности онъ думаетъ примирить распространеніемъ и развитіемъ духа общественности, т. е. братства, безкорыстія и любви взамѣнъ эгоизма и личнаго интереса. И уже этотъ бѣглый общій обзоръ книги показываетъ, какъ глубоко она интересна и поучительна даже для лицъ, не согласныхъ съ авторомъ. А согласиться во всемъ съ нимъ мудрено: слишкомъ уже оптимистически онъ смотритъ на жизнь и слишкомъ уже отзывается его книга кабинетомъ, хотя, какъ мы уже говорили, авторъ ея и практическій дѣятель. Къ тому же

---

[1]) См. замѣтку о нихъ въ нашемъ журналѣ, 97, II, 26—30.

[2]) Такимъ образомъ и въ западной Европѣ начинаютъ разочаровываться въ пользѣ для современной жизни римскаго права, а въ самой Германіи сокращаютъ его преподаваніе и въ это то время у насъ ставятъ его во главу нашего университетскаго юридическаго образованія, когда оно къ тому же никогда у насъ не имѣло практическаго значенія! Повторяется исторія съ классицизмомъ. См. также «Ученіе объ управленіи» *Л. Штейна*, Спб. 1874 г., стр. X.

онъ недостаточно подчеркиваетъ главное, что тутъ надо сдѣлать: это—просвѣтить массы и поднять ихъ до уровня существующей культуры, остальное все придетъ само собою послѣ этого.

Что же касается частностей книги, то особенно хороша глава 6-я, говорящая объ юридическомъ лицѣ, положеніе котораго особенно плохо въ современной Европѣ, такъ какъ ни въ какой другой области римское право столько не напутало и не извратило понятій, какъ въ этой. Крайней ѣдкостью отличается и глава 8-я, говорящая объ умственной культурѣ общества.

Переводъ довольно удовлетворителенъ, обращаетъ на себя вниманіе и предисловіе Р. Сементковскаго, выясняющее мѣсто занимаемое А. Prins'омъ въ эволюціи общеевропейской политической мысли Непріятно только дѣйствуетъ на читателя цвѣтистый и фразистый языкъ книги и множество въ ней трюизмовъ и общихъ мѣстъ, но это уже вина не столько переводчика, сколько автора.

С. Ш.

А. С. Алексѣевъ. *Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I.* Москва. 1896 г.

А. К. Филиппов. *Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ.* Москва. 1896 г.

Профессоръ государственнаго права юрьевскаго университета, А. К. Филипповъ, въ вступленіи къ первой части своего изслѣдованія „Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета“ [1]), коснулся вопроса о происхожденіи и характерѣ дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта. Хотя этотъ вопросъ, по справедливому замѣчанію автора [2]), затронутъ имъ лишь попутно, но онъ привлекъ особенное вниманіе критики, вниманіе гораздо болѣе пристальное, чѣмъ основная тема—исторія сената. Проф. Филипповъ пришелъ къ заключенію, что верховный тайный совѣтъ, возникнувъ путемъ выдѣленія изъ состава сената лицъ, несшихъ функціи министровъ, сосредоточилъ въ себѣ политическое руководительство страною, сталъ править именемъ государя и наконецъ пытался, при вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоан-

---

[1]) Рецензію объ этой книгѣ см. въ № XII Журн. Юрид. Общ. за 1895 г.

[2]) «Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ», стр. 1.

новны, закрѣпить законодательнымъ актомъ такое свое фактическое положеніе [1]). Въ свое время проф. Коркуновъ указалъ на то, что верховный тайный совѣтъ путемъ „кондикцій", предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ, стремился закрѣпить не прежнее свое положеніе какъ учрежденія, правившаго именемъ монарха, а желалъ устранить монарха, начавъ править отъ своего имени [2]). Проф. Алексѣевъ, въ своей рецензіи, заглавіе коей выше нами приведено, наоборотъ, выступаетъ въ защиту верховнаго тайнаго совѣта, упрекая проф. Филиппова въ томъ, что „онъ не хочетъ видѣть въ дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, на которыя указываютъ Корсаковъ и Щегловъ" [3]), и доказывая, что это учрежденіе было лишь совѣщательнымъ органомъ при государѣ [4]), что всѣ его дѣйстія были регламентированы [5]) и что его отношенія къ сенату и синоду не носили такого диктаторскаго характера, какъ это обыкновенно изображаютъ [6]). Не касаясь спеціальныхъ подробностей полемики между уважаемыми учеными, которые подробно разбираютъ сравнительное достоинство и достовѣрность цитируемыхъ ими источниковъ, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: проф. Филипповъ, изображая дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта, рисуетъ картину его *фактическихъ* отношеній къ другимъ учрежденіямъ государства, сообщаетъ о *фактическихъ* отношеніяхъ между собою и къ государынѣ лицъ, составлявшихъ верховный тайный совѣтъ. Проф. Алексѣевъ напираетъ, главнымъ образомъ, на юридическую природу учрежденія, на то, какъ оно представляется намъ по законамъ, коими оно было призвано къ жизни и коими направлялась его дѣятельность. Очевидно, что между двумя указанными точками зрѣнія лежитъ значительная пропасть: учрежденіе, de jure совѣщательное, могло de facto дѣйствовать самостоятельно именемъ императора [7]); совѣтъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ" могъ въ дѣйствительности явиться послушнымъ орудіемъ временщика [8]); регламентація дѣятельности совѣта нисколько не гаран-

---

[1]) «Исторія сената», стр. 9—144.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1895, сентябрь, стр. 137.

[3]) «Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верх. тайн. сов.», стр. 7.

[4]) ibid. стр. 67, 599.

[5]) ibid. стр. 69, 599.

[6]) ibid. стр. 97, 599.

[7]) А. К. Филипповъ. «Къ вопросу о верх. тайн. сов.», стр. 58.

[8]) Мнѣніе самого проф. Алексѣева, op cit. стр. 124, 594.

тируетъ фактическаго соблюденія нормы. Форма указовъ, направленныхъ противъ сената и синода, не доказываетъ ихъ происхожденія непосредственно отъ императрицы [1]). Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію, что уважаемые ученые, разбирая и детально изслѣдуя двѣ различныя стороны вопроса, хотя, безъ сомнѣнія, значительно подвинули впередъ дѣло опредѣленія истиннаго характера верховнаго тайнаго совѣта, но весьма мало могли опровергнуть другъ друга. Во всякомъ случаѣ, какъ и книга проф. Филиппова о сенатѣ, такъ и послѣдующая полемика, являются въ высшей степени интереснымъ явленіемъ въ области исторіи русскаго права XVIII в.

Н. Дебольскій.

Ѳ. Дыдынскій. *Императоръ Адріанъ. Историко-юридическое изслѣдованіе.* Варшава. 1896 г.

Въ своемъ введеніи (стр. 9—12) проф. Дыдынскій указываетъ на то, что „съ именемъ Адріана издавна соединялся рядъ важныхъ преобразованій въ области государственнаго, административнаго и частнаго римскаго права". Заслуги и важное значеніе Адріана были отмѣчены еще древними писателями, какъ Спартіаномъ (къ сожалѣнію, довольно бездарнымъ біографомъ Адріана), Діономъ Кассіемъ и Светоніемъ, а равно и учеными нашего вѣка, напримѣръ, Гиршфельдомъ, Грегоровіусомъ, Ранке, Моммсеномъ и другими.

„Гдѣ же причина того", спрашиваетъ проф. Дыдынскій, „что Адріанъ, признаваемый большинствомъ ученыхъ творцомъ столь важныхъ реформъ, вызываетъ только удивленіе, а не поклоненіе и должное уваженіе"? Причина эта, по мнѣнію проф. Дыдынскаго, кроется въ томъ, что „во всѣхъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ нововведеніяхъ трудно отыскать для господствующаго взгляда одну общую мысль, которая красною нитью проходила бы по нимъ". Нахожденіе этой красной нити, выясненіе общей мысли и цѣлей Адріановыхъ реформъ и составляетъ предметъ изслѣдованія проф. Дыдынскаго.

Самое изслѣдованіе раздѣлено авторомъ на два отдѣла: въ первомъ онъ излагаетъ политическую и административную дѣятель-

---

[1]) А. К. Филипповъ. «Къ вопросу о верх. тайн. сов.» стр. 60 прим.

ность Адріана, во второмъ касается дѣятельности законодательной. Первый отдѣлъ начинается описаніемъ путешествій императора и первыхъ его мѣропріятій по вступленіи на престолъ: уступки пріобрѣтенныхъ Траяномъ провинцій (изъ которыхъ нѣкоторыя, напримѣръ Каменистая Аравія, были оставлены подъ властью Рима), ограниченія власти намѣстниковъ и обузданія ихъ хищничества. Описаніемъ податныхъ реформъ и реорганизаціи почтоваго дѣла заканчивается первая глава. Для правильности сборовъ податей были установлены всеобщія переписи (libri censuales), а почтовое дѣло было улучшено тѣмъ, что почта стала государственнымъ учрежденіемъ и повсюду были устроены почтовыя станціи.

Глава вторая касается нѣкоторыхъ реформъ военнаго дѣла, а именно: введенія фалангoваго боеваго строя, увеличенія числа тяжеловооруженныхъ латниковъ и equites legionis, а также и введенія вооруженія по восточному образцу.

Главы 3—8 описываютъ романизацію провинцій. При этомъ надо замѣтить, что глава 4 (романизація Испаніи) возбуждаетъ нѣкоторое удивленіе, ибо въ ней говорится, что „при вступленіи на престолъ Адріана, Испанія, эта обширная страна, полная цвѣтущихъ городовъ, была уже вполнѣ романизована“..... Какое же здѣсь отношеніе къ романизаторской дѣятельности императора Адріана? Относительно Галліи проф. Дыдынскій также не берется рѣшить, что для нея сдѣлано Адріаномъ, хотя и ссылается при этомъ на мнѣніе Цумта, по которому городамъ Галліи: Эксъ (Aquae Sextiae Aix), Авеніо (Avignon), Кабиллонъ (Cabellio), Немаузъ (Nemausus, Nîmes), Аптъ (Apta Julia) и нѣкоторымъ другимъ Адріанъ даровалъ jus Latii.

Въ Британіи (глава 6) романизаторская дѣятельность Адріана выразилась въ учрежденіи военныхъ колоній (напримѣръ, Глевъ, Glevum), въ возобновленіи торговаго города Лондинія и въ дарованіи правъ римскаго гражданства муниципію Веруламію (St. Albans).

Глава седьмая подробно разсматриваетъ романизацію странъ придунайскихъ. Такъ относительно Ретіи указывается на то, что городу Винделиковъ дано римское городское право (Municipium Aelium Augustum Vindelicum). Императоръ Адріанъ самъ долго жилъ въ Мезіи, Панноніи и Дакіи, чѣмъ и объясняется его живое участіе въ судьбѣ этихъ провинцій. Въ Панноніи Адріанъ возвелъ на степень муниципій Карнунтъ (ранѣе принадлежавшій къ про-

винціи Норику), Бригецію и Аквинкъ (Aquincum-Ofen). Основалъ колоніи Мурса (Aelia Mursa-Eszeg) и Сисція (Aelia Siscia).

Разсмотрѣніемъ реформъ въ Мезіи (учрежденіе военныхъ колоній) и Дакіи (дѣленіе ея на двѣ части подъ управленіемъ преторскаго легата—legatus Augusti pro praetore) заканчивается обзоръ романизаціи провинцій придунайскихъ.

Романизація Африки и Мавританіи составляетъ содержаніе главы восьмой. Въ ней указывается, на основаніи колоній Utica, Thenae, Zama Regia, Lares и Bansa и на дарованіе муниципальнаго права городамъ Avitta, Aelium Choba и Turris Tamallenis. Характеристикѣ отношеній Адріана къ странѣ древнихъ эллиновъ проф. Дыдынскій посвящаетъ особую главу (девятую). Какъ извѣстно, Адріанъ съ большимъ уваженіемъ относился къ Греціи и снискалъ себѣ любовь всѣхъ грековъ. Онъ провелъ отличныя дороги въ Өессаліи и другихъ областяхъ, возобновилъ Олимпійскія и Немейскія игры и особенно заботился объ украшеніи Коринөа, для котораго устроилъ отличный водопроводъ.

Покончивъ съ колоніями и дѣятельностью Адріана въ провинціяхъ, проф. Дыдынскій обращается къ административной и политической дѣятельности Адріана въ самой Италіи и Римѣ. У судебныхъ магистратовъ отнята была гражданская юрисдикція и передана четыремъ сенаторамъ — консулярамъ, называвшимся judices, и имѣвшихъ своею обязанностью reddere jura. Финансовыя реформы Адріана (глава тринадцатая) основаны были на непосредственномъ взиманіи налоговъ; существовавшая до тѣхъ поръ система отдачи сборовъ въ аренду публиканамъ (publicani) была Адріаномъ признана неудобной и невыгодной для казны.

Дѣленіе казны на aerarium populi и fiscus Адріанъ сохранилъ хотя и старался придать фиску характеръ государственнаго учрежденія.

Послѣдняя глава перваго отдѣла характеризуетъ отношеніе Адріана къ сенату. Въ началѣ своего царствованія весьма дорожившій сенатомъ и вполнѣ подчинявшійся его компетенціи, впослѣдствіи Адріанъ потерялъ къ сенату довѣріе и разными способами старался подорвать его значеніе. Въ учрежденіи императорскаго совѣта (куда привлечено было преимущественно всадническое сословіе) проф. Дыдынскій видитъ одно изъ такихъ средствъ для подрыва власти сената. Этой главою кончается первый отдѣлъ изслѣдованія проф. Дыдинскаго, явно симпатизирующаго великому

императору и желающаго въ полномъ блескѣ выставить важныя его заслуги.

Первыя главы втораго отдѣла (Leges и сенатскія постановленія) касаются законодательной власти народа и сената. По мѣрѣ того, какъ у народа все болѣе терялось право законодательства, senatus consulto пріобрѣтало все большее значеніе и нерѣдко служило дополненіемъ указовъ самаго императора. Въ сенатскихъ постановленіяхъ временъ Адріана мы видимъ стремленіе древне-римское наслѣдованіе—агнатство, замѣнить наслѣдованіемъ по чисто кровному родству (cognatio). Вслѣдъ за leges и сенатскими постановленіями проф. Дыдынскій разсматриваетъ edicta magistratuum. Основной мыслью Адріановой кодификаціи было желаніе „подавить юридическое творчество преторовъ и уничтожить власть римскихъ магистратовъ съ правомъ юрисдикціи".

Разсмотрѣвъ законодательное значеніе магистратовъ, проф. Дыдынскій переходитъ къ дѣятельности самого Адріана—constitutiones principum.

Указовъ, типа edicta и decreta (приказы императора по судебному дѣлу, обязательные для аналогичныхъ случаевъ) у Адріана встрѣчается мало. Гораздо большое значеніе для характеристики законодательной дѣятельности Адріана имѣютъ его epistolae и rescripta, т. е. отвѣты императора на частные юридическіе запросы, отвѣты, имѣвшіе впрочемъ, какъ и decreta, силу обязательнаго постановленія для аналогичныхъ дѣлъ. Въ своихъ рескриптахъ Адріанъ касается всевозможныхъ сторонъ права: наслѣдственнаго права, формальной стороны юридическихъ актовъ и многаго другого. Кромѣ того желаніе защитить рабовъ отъ жестокости господъ, облегченіе участи обвиненнымъ, все это также выражается въ рескриптахъ Адріана, рисуя съ хорошей стороны симпатичныя стороны его характера.

Послѣднимъ видомъ императорскихъ указовъ являются mandata, т. е. порученія, данныя императоромъ своему чиновнику. У Гая и въ Дигестахъ подобныя mandata не имѣютъ еще характера constitutiones.

Давъ обзоръ законодательной дѣятельности Адріана, проф. Дыдынскій касается дѣятельности императорскихъ юристовъ и характеризуетъ дуализмъ двухъ школъ.

Въ заключеніи своемъ проф. Дыдынскій бѣгло очерчиваетъ личный характеръ Адріана и опровергаетъ неблагопріятные от-

зывы. По его мнѣнію показаніямъ Діона и Спартіана нельзя вполнѣ довѣрять, ибо они рисуютъ Адріана уже стараго, изнуреннаго болѣзнію и утомленнаго безпрерывными трудами. Большее значеніе имѣютъ показанія Аврелія Виктора, Вегетія и Арріана. Также и мнѣніе Юстиніана говоритъ въ пользу императора Адріана. „По смыслу нашихъ выводовъ, говоритъ проф. Дыдынскій, въ исторіи римскаго принципата этому миролюбивому императору подобаетъ, если не первое мѣсто, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ". Таково въ краткихъ словахъ содержаніе изслѣдованія профессора Дыдынскаго.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать, что трудъ г. Дыдынскаго нельзя назвать удовлетворяющимъ основной мысли самаго автора. Не общую мысль, не цѣль всѣхъ реформъ Адріана характеризуетъ онъ въ своемъ изслѣдованіи, а даетъ лишь перечень уже извѣстныхъ въ наукѣ фактовъ, изложенныхъ, притомъ, довольно сухимъ и конспективнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, если этотъ трудъ и нельзя назвать безукоризненнымъ съ той точки зрѣнія, которую выставляетъ самъ авторъ въ своемъ введеніи, то во всякомъ случаѣ изслѣдованіе проф. Дыдынскаго представляетъ собою обстоятельное и систематическое изложеніе всѣхъ реформъ императора Адріана.

Влад. Дебольскій.

Appleton. *Histoire de la compensation en droit romain* (*Annales de l'Université de Lyon*). *Paris. Masson.* 1895. IV. 564.

Институтъ зачета долговыхъ требованій представляетъ несомнѣнно большія процессуальныя удобства, а именно: 1) два процесса прекращаются однимъ и тѣмъ же судебнымъ рѣшеніемъ, 2) отдѣляя главный искъ отъ встрѣчнаго пришлось бы часто жертвовать интересами одной изъ тяжущихся сторонъ, 3) если отвѣтчикъ согласенъ уплатить по встрѣчному иску, то нѣтъ основанія разсматривать этотъ вопросъ отдѣльно, если же онъ этого не хочетъ, то было бы несправедливо лишать главнаго должника возможности добиться уменьшенія размѣра своего обязательства. Хотя компенсація нарушаетъ принципъ actor sequitur forum rei и такъ сказать узаконяетъ просрочку должника, тѣмъ не менѣе ея преимущества заставляютъ законодателя забыть ея недостатки. Исторія римской

компенсаціи представляется любопытною именно въ томъ отношеніи, что на ней легче всего прослѣдить, какъ принципы строгаго права, подъ вліяніемъ требованій гражданскаго оборота, уступаютъ мало по малу мѣсто началамъ целесообразности и справедливости. Классическими работами по этому вопросу считаются работы Дернбурга и Эйзеле; вновь появившійся трудъ французскаго ученаго Аппльтона конечно не можетъ замѣнить сочиненій его предшественниковъ, но онъ освѣщаетъ вопросъ о зачетѣ долговыхъ требованій съ новой точки зрѣнія, и это составляетъ его несомнѣнное достоинство.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ (большой томъ въ 500 слишкомъ страницъ) на 7 главъ. Въ первой главѣ онъ излагаетъ общія начала этого института въ римскомъ правѣ, главы II и III посвящены вопросу о компенсаціи при искахъ bonae fidei и stricti juris, затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію ученія о встрѣчномъ искѣ (гл. IV), излагаетъ исторію рескрипта Марка Аврелія и разногласіе въ юридической литературѣ по поводу его толкованія (гл. V—VI), наконецъ въ VII главѣ переходитъ къ разсмотрѣнію реформы этого института въ законодательствѣ Юстиніана.

Любопытно отношеніе автора къ источникамъ римскаго права. Онъ доказываетъ, что при работѣ надъ вопросомъ о компенсаціи слѣдуетъ руководствоваться главнымъ образомъ комментаріями Гая, ибо Corpus juris civilis составляетъ компиляцію изъ сочиненій прежнихъ юристовъ, которыхъ тексты вошли въ этотъ сборникъ въ сильно искаженномъ видѣ, благодаря крайней неумѣлости, небрежности и прямо невѣжеству кодификаторовъ, въ особенности Ѳеофила и Доротея. „Il faut avouer", говоритъ онъ на стр. 52, „que leur intéligence, leur science et leur attention restent bien inférieures à ce qu'on se figure habituellement. Quelquefois elles tombent au dessous de tout ce qu' on pourrait imaginer. La capacité leur manque, et en fait d'étourderie il faut s'attendre à tout..... Ni les Digestes, ni le Code, ni les Institutes ne peuvent servir de base à un travail dans le domaine de la compensation. Reste un monument celui là absolument sûr, le témoignage non altéré d'un juris consulte de l'époque formulaire, le plus clair, le plus circonspect de tous—les Commentaire de Gaius" (стр. 54). Кромѣ институцій Гая Аппльтонъ считаетъ достовѣрными еще два источника: 1) текстъ юриста Macer'a (l. 1. § 4. D. 49. 8), который оставленъ кодификаторами по ошибкѣ и поэтому не могъ быть ими интерполированъ и 2) одно мѣсто Институцій Юстиніана о рескриптѣ Марка Аврелія

(§ 30. Inst. IV 6) и то впрочемъ въ общихъ чертахъ, насколько рѣчь идетъ объ его содержаніи (стр. 316—317).

Основной принципъ римскаго формулярнаго процесса, говоритъ авторъ, состоитъ въ началѣ разъединенія исковъ, ибо ни одинъ спорный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ судьею иначе какъ на основаніи отдѣльной actio. Понятія actio не существуетъ, есть только отдѣльныя actiones, изъ которыхъ каждая составляетъ выраженіе особаго требованія. Если притязаніе истца состоитъ изъ нѣсколькихъ требованій, то онъ долженъ ихъ разъединить и возбудить столько исковъ, сколько у него притязаній. Этотъ принципъ авторъ называетъ принципомъ анализа (стр. 13—15).

Но если дѣло касается договора bonae fidei, въ особенности синаллагматическаго договора, въ которомъ могутъ быть взаимныя притязанія между договаривающимися сторонами, то компенсація допускается по отношенію требованій, возникшихъ изъ этого договора. Иначе при actiones stricti juris, гдѣ зачетъ можетъ имѣть мѣсто только въ двухъ случаяхъ: 1) если компенсація можетъ быть произведена простымъ ариѳметическимъ вычитаніемъ, напр. при операціяхъ банкировъ, 2) если несостоятельнаго должника представляетъ въ процессѣ тотъ, кому имущество послѣдняго досталось съ публичныхъ торговъ. Но въ императорское время была введена exceptio doli (l. 1 § 4 D. 49. 8), такъ что должникъ могъ всегда затянуть дѣло, ссылаясь безъ всякаго основанія на якобы принадлежащія ему требованія противъ истца. Юстиніанъ постановилъ, что встрѣчное требованіе должно составлять causa liquida, и что въ этомъ случаѣ зачетъ наступаетъ *ipso iure* (l. 14 Cod. 4 31), эти слова *ipso iure* подхватили кодификаторы и интерполировали ихъ во всѣ мѣста Дигестъ, сами не отдавая себѣ яснаго отчета въ точномъ ихъ значеніи.

Благодаря этимъ интерполяціямъ въ источникахъ получилось необъяснимое противорѣчіе. Съ одной стороны изъ комментаріевъ Гая и изъ рескрипта Марка Аврелія видно, что зачетъ имѣлъ мѣсто ope exceptionis, съ другой—юристы, современники этого императора, говорятъ о компенсаціи ipso iure. Авторъ указываетъ на крайнюю небрежность кодификаторовъ и по другимъ вопросамъ. Такъ напр. въ § 13 Inst. I 10., Ѳеофилъ указываетъ на то, что дѣти, рожденныя отъ конкубината, поступаютъ во власть отца въ случаѣ subsequens matrimonium, причемъ прибавляетъ: „quod ex aliis, si ex eodem matrimonio fuerint procreati, similiter nostra constitutio praebuit". Но вѣдь

понятно само собою, что дѣти, рожденныя отъ законнаго брака, находятся со дня рожденія во власти родителей! Другой примѣръ: въ l 24 pr. D. 13. 7., Ульпіанъ говоритъ: „et compensationem habere potest creditor si forte *pigneraticia*, vel ex alia causa cum eo agatur". Это мѣсто тоже интерполировано и притомъ весьма неудачно, ибо Ульпіанъ вначалѣ этого фрагмента говоритъ: „*et videtur finita esse pignoris obligatio*".

Переходя затѣмъ къ actiones bonae fidei, Апплетонъ указываетъ на то, что въ синаллагматическихъ договорахъ, благодаря ихъ единой, недѣлимой природѣ (quia unus contractus est l. 9 D. h. t.) зачетъ допускался всегда ex eadem causa. Здѣсь нельзя не упрекнуть автора въ томъ, что онъ посвятилъ слишкомъ мало мѣста разсмотрѣнію вопроса о юридической природѣ синаллагматическихъ договоровъ. Дѣло въ томъ что „единство и недѣлимость" синаллагматическаго договора далеко не можетъ считаться доказаннымъ. Въ литературѣ существуетъ довольно авторитетное мнѣніе, что синаллагматическіе договоры заключались раньше у Римлянъ посредствомъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга одностороннихъ стипуляцій: hanc rem mihi dare spondes? и pretium huius rei mihi dare spondes? Такимъ образомъ всякій синаллагматическій договоръ состоялъ первоначально изъ двухъ другъ отъ друга независимыхъ одностороннихъ обязательствъ; этимъ объясняется принципъ римскаго права: res in specie perit creditori. Ср. *Dernburg* Pandekten II § 20. *Bechmann* Kauf т. I стр. 593. *Fauchille* Risques dans la vente 1882. стр. 58—60. Между тѣмъ авторъ какъ будто даже не подозрѣваетъ существованія этой теоріи, по крайней мѣрѣ онъ о ней ничего не говоритъ. А между тѣмъ изъ принципа единства юридической природы синаллагматическихъ договоровъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ римскомъ правѣ компенсація ex eadem causa имѣла мѣсто всегда ope exceptionis, и что если мы въ источникахъ встрѣчаемъ указанія на то, что она имѣла мѣсто ipso iure, то эти мѣста Дигестъ несомнѣнно интерполированы. По этому врядъ ли мы можемъ согласиться съ мнѣніемъ, которое высказывается имъ въ концѣ первой главы: „Toutes les fois que dans un texte antérieur à Justinien on trouve l'expression ipso iure employée pour caractériser la manière dont la compensation s'opère, on peut être absolument certain que ces mots et ceux dont on ne peut les séparer, ont été interpolés. *On n'a pas à faire cette preuve pour chaque texte; elle est faite a priori, parceque autant il est naturel que les compila-*

teurs aient introduit ces mots, autant il est impossible que les juriconsultes classiques les aient employés (стр. 82).

У Гая зачетъ долговыхъ требованій имѣетъ мѣсто только ex eadem causa; законодательство Юстиніана знаетъ компенсацію ex dispari causa (c. 11 Cod. 4. 34). Чему приписать это нововведеніе? Господствующая теорія утверждаетъ, что рескриптъ Марка Аврелія ввелъ компенсацію exceptionis ope, что слѣдовательно судья могъ руководствоваться исключительно своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и зачитывать встрѣчныя требованія отвѣтчика, даже если они были основаны на другомъ юридическомъ отношеніи. Апплетонъ держится другого мнѣнія: введеніе компенсаціи ex dispari causa слѣдуетъ приписать уничтоженію формулярнаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, судья связанъ формулою; онъ можетъ или признать искъ или отказать въ немъ, но онъ не имѣетъ права видоизмѣнять требованіе истца. Другое дѣло магистратъ при cognitio extraordinaria; онъ не связанъ формулою и рѣшаетъ дѣло отъ начала до конца какъ in jure такъ и in judicio (стр. 91). Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что еще задолго до отмѣны формулярнаго процесса преторы стали допускать возможность компенсаціи ex dispari causa по крайней мѣрѣ въ двухъ случаяхъ: при операціяхъ банкировъ и въ случаѣ bonorum emptio. Но заслугу этого нововведенія слѣдуетъ приписать не судьямъ, а претору. Преторъ, усматривая изъ дѣла справедливость и основательность встрѣчнаго иска, могъ видоизмѣнить формулу и составить ее слѣдующимъ образомъ: „si paret Titium sibi X millia dare oportere *amplius* quam ipse Titius debet ipse“; на этомъ основаніи судья, разсматривая фактическую сторону дѣла, могъ компенсировать притязаніе истца встрѣчнымъ требованіемъ отвѣтчика. Однако же предметъ того и другого требованія долженъ быть не только одного и того же рода, но даже и качества; такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ одного мѣста Гая (IV § 64): „adeo ut quibusdam placeat non omnino vinum cum vino aut triticum cum tritico compensandum, sed ita ut eiusdem naturae et qualitatis sint“. Нѣкоторые писатели (напр., Дернбургъ, стр. 31) полагаютъ, что этотъ споръ слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда Римляне вели еще суровый образъ жизни и не умѣли различать сорта винъ, другіе (напр., Эйзеле, стр. 20) утверждаютъ, что это правило было сначала введено для обязательствъ, которыхъ предметъ составляли деньги, и что еще во времена Гая по силѣ привычки нѣкоторые буквоѣды распространяли его на другіе виды обязательствъ. Апплетонъ высказываетъ

свое мнѣніе: компенсація имѣла мѣсто, не смотря на разницу въ качествѣ, но конечно судья долженъ былъ принять во вниманіе стоимость предметовъ обязательства, а эту стоимость можно было легко узнать на основаніи рыночныхъ цѣнъ (стр. 97—98).

Что касается операцій римскихъ банкировъ, то авторъ проводитъ новую мысль, будто бы ихъ обязательства составляли нѣчто въ родѣ современныхъ текущихъ счетовъ (стр. 106): но это мнѣніе имъ не доказано, что вполнѣ понятно, ибо мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало матеріала, чтобы составить себѣ отчетливое и опредѣленное мнѣніе объ этомъ спорномъ вопросѣ.

Извѣстно, что въ римскомъ правѣ судья долженъ былъ вычесть изъ суммы, причитающейся bonorum emptor'у требованія, которыя противъ него имѣетъ отвѣтчикъ (Gai. IV § 65). Авторъ вполнѣ справедливо приписываетъ этому явленію большое вліяніе на ходъ исторіи римской компенсаціи. Въ самомъ дѣлѣ bonorum emptio есть общая ликвидація дѣлъ, прекращеніе имущественной дѣятельности несостоятельнаго должника. Слѣдовательно, приходится принимать во вниманіе требованія и обязательства всякаго рода: какъ тѣ, коимъ срокъ уже вышелъ, такъ и тѣ, на основаніи которыхъ еще нельзя возбудить иска, какъ тѣ, предметъ которыхъ составляетъ опредѣленное количество денегъ, такъ и гласящія на incertum. Поэтому авторъ вполнѣ основательно подчеркнулъ громадное значеніе института bonorum emptio для исторіи римской компенсаціи, тѣмъ болѣе что этотъ вопросъ въ литературѣ римскаго права далеко еще не разработанъ окончательно, и во всякомъ случаѣ на него никто изъ изслѣдователей не обратилъ должнаго вниманія, по крайней мѣрѣ въ области зачета денежныхъ требованій.

Тщательный разборъ обязательной компенсаціи при отношеніяхъ, возникающихъ изъ операцій римскихъ банкировъ и древняго конкурснаго производства заставилъ прійти автора къ слѣдующему заключенію. Несмотря на всѣ попытки кодификаторовъ уничтожить въ Дигестахъ всякіе слѣды прежней системы зачета, не подлежитъ сомнѣнію, что рескриптъ Марка Аврелія, изданію котораго обыкновенно приписываютъ значеніе новой эпохи въ исторіи римской компенсаціи, не могъ уничтожить основныхъ положеній прежняго порядка вещей. Объ actio cum compensatione банкировъ и actio cum deductione bonorum emptor'a говорятъ еще римскіе юристы полъ вѣка послѣ смерти этого императора; слѣдовательно его рескриптъ не могъ внести ничего новаго въ областъ

римской компенсаціи. Не отдѣльные указы, но введеніе новой, экстраординарной системы судопроизводства нанесло рѣшительный ударъ прежней системѣ зачета долговыхъ требованій (стр. 217—218). Но, продолжаетъ авторъ, за нѣсколько времени до вступленія на престолъ Александра Севера, институтъ компенсаціи получилъ нѣкоторое измѣненіе благодаря изданію нѣсколькихъ императорскихъ конституцій по вопросу о mutuae petitiones. Благодаря этимъ сепаратнымъ узаконеніямъ зачетъ долговыхъ требованій начинаетъ мало по малу уступать мѣсто встрѣчному иску, осуществляемому въ процессѣ вполнѣ самостоятельно, и сливается съ нимъ окончательно въ законодательствѣ Юстиніана. Уже въ формулярномъ процессѣ замѣтно преобладаніе начала, въ силу котораго всѣ спорные вопросы въ области одной и той же тяжбы должны быть рѣшены однимъ и тѣмъ же лицомъ (exceptio litis residuae); въ экстраординарномъ производствѣ отвѣтчикъ обязанъ представить судьѣ *всѣ* свои возраженія. Не подлежитъ сомнѣнію, что отвѣтчикъ могъ просить претора включить въ формулу его встрѣчное требованіе (quicquid ob eam causam Nm Nm Ao Ao *aut* Am Am No No dare facere re oportet ex bona fide). Судья обязанъ постановить рѣшеніе, или лучше сказать, два рѣшенія, но онъ не имѣетъ права компенсировать одинъ долгъ другимъ. Такимъ образомъ обѣ стороны получаютъ actio judicati, но та изъ нихъ, которая предъявитъ судьѣ искъ на сумму judicatum, не вычтя изъ нея, того, что съ ней причитается въ пользу отвѣтчика, дѣйствуетъ недобросовѣстно, и ее можно устранить посредствомъ exceptio doli. Dolo facit qui petit quod redditurus est (l. 8. D. 44, 4). Притомъ изъ одного мѣста Дигестъ видно, что actio judicati нельзя было предъявить въ томъ случаѣ, если судья не постановилъ еще рѣшенія по поводу встрѣчнаго иска. „Secundum sacras constitutiones, говоритъ юристъ Macer (l. 1. § 4 D. 49, 8), judicatum a me petere non possis priusquam de mea quoque petitione judicetur". Слѣдовательно, такихъ указовъ было нѣсколько, и они были всѣмъ хорошо извѣстны, если юристъ не указываетъ при какомъ императорѣ они были изданы (стр. 256). Въ этомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что очень часто въ источникахъ слова compensatio, compensare употребляются не въ техническомъ значеніи этого слова, а въ смыслѣ встрѣчнаго иска (mutua petitio) (стр. 261).

Изложивъ исторію зачета долговыхъ требованій въ actiones bonae fidei и stricti juris и указавъ на новыя начала, введенныя импе-

раторскими конституціями Александра Севера, авторъ переходитъ къ рескрипту Марка Аврелія и вполнѣ основательно задаетъ вопросъ: если дѣйствительно ex rescripto D. Marci opposita doli exceptione compensatio inducta est, какъ утверждаетъ Өеофилъ (§ 30 Just. IV § 30), то съ какой стати преемники этого императора стали бы издавать законы, о которыхъ упоминаетъ юристъ Мацеръ? Извѣстно, что очень часто императорскіе рескрипты не заключали въ себѣ никакихъ новыхъ юридическихъ или законодательныхъ нормъ, но установляли привилегію въ пользу частныхъ лицъ или же давали толкованіе уже существующихъ законовъ. Аппметонъ предполагаетъ, что рескриптъ, о которомъ говоритъ Өеофилъ, былъ изданъ въ пользу частнаго лица, противъ котораго была возбуждена actio judicati (стр. 282), и что съ того времени стали допускать зачетъ долговыхъ требованій, если предметъ ихъ составляло опредѣленное количество денегъ, но что потомъ до вступленія на престолъ Александра Севера это правило было распространено на требованія всякаго рода (стр. 289—291). Слѣдовательно, совсѣмъ напрасно говорятъ, что рескриптъ Марка Аврелія перевернулъ вверхъ дномъ систему римской компенсаціи; этотъ переворотъ совершился самъ собою подъ вліяніемъ требованій гражданскаго оборота. Если же говорить уже о законахъ, то не слѣдуетъ забывать императорскихъ конституцій, о которыхъ говоритъ Macer, между тѣмъ на нихъ раньше совсѣмъ не обращали вниманія (стр. 293).

Глава VI работы французскаго ученаго посвящена полемикѣ съ его предшественниками (Дернбургомъ, Дежардэномъ, Ветманъ-Гольвегомъ, Келлеромъ и Эйзеле) по вопросу о рескриптѣ Марка Аврелія. Въ VII главѣ онъ приступаетъ къ изложенію реформы Юстиніана. Указавъ на то, что классическая система римской компенсаціи очевидно клонилась въ пользу должника, и отмѣтивъ возможность злоупотребленій въ процессѣ, Аппметонъ комментируетъ l. 14. Cod. 4. 31 и обращаетъ вниманіе на слѣдующія новыя начала въ законодательствѣ Юстиніана по вопросу о зачетѣ долговыхъ требованій: 1) компенсаціи подлежатъ даже вещные иски (стр. 416), но такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ принципъ могъ бы привести къ перенесенію права собственности, то судья, рѣшающій дѣло, допускаетъ зачетъ только тогда, когда онъ фактически возможенъ, 2) требованія, подлежащія зачету, должны быть ясныя и опредѣленныя, т. е. компенсація допускается только тогда, если судья можетъ легко убѣдиться какъ въ ихъ существованіи,

такъ и въ ихъ размѣрѣ, 3) слова ipso jure слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что зачетъ обыкновенно имѣетъ мѣсто благодаря возбужденію встрѣчнаго иска. „La reconvention a absorbé la compensation proprement dite, voilà ce qu'il ne faut jamais perdre de vue" стр. 429).

Итакъ институтъ зачета долговыхъ требованій не имѣлъ никогда принудительнаго или обязательнаго характера, какъ, напр., компенсація въ системѣ кодекса Наполеона, которая дѣйствуетъ съ момента возникновенія встрѣчнаго требованія (за исключеніемъ случаевъ судебной компенсаціи). Но тексты римскихъ юристовъ относительно actio cum compensatione при операціяхъ банкировъ были неправильно поняты кодификаторами временъ Юстиніана, которые усмотрѣли въ нихъ указаніе на систему законнаго зачета и прибавили слова ipso iure, заимствованныя изъ конституціи Юстиніана (стр. 464). Сочиненіе Appleton'а написано живымъ и изящнымъ языкомъ, въ немъ очень часто встрѣчаются новыя оригинальныя мысли [1]), литература вопроса собрана тщательно и разработана подробно. Смѣло можно сказать, что это одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, появившихся въ послѣднее время въ литературѣ римскаго права; чтеніе ея можетъ доставить настоящее наслажденіе для всякаго юриста вообще, а въ частности для романиста.

Б. Боуффалъ.

П. Соколовъ. *Церковно-имущественное право въ Греко-Римской имперіи.* Спб. 1896 г.

Еще въ 70-хъ годахъ одинъ изслѣдователь церковно-имущественнаго права христіанъ (Poschinger) называлъ настоящую тему эпидемической: такъ много писали въ его время по этому вопросу. Кто собственникъ церковнаго имущества? Вопросу этому придавали не одинъ каноническій или гражданско-правовой интересъ, но и громадное экономическое значеніе: такая собственность цѣнится, говорилъ Helle, не только милліоны, но милліарды. Кому же должны принадлежать эти милліарды? Кого-кого только не изображали

[1]) Напр., по вопросу о просрочкѣ должника Апплетонъ высказываетъ мысль, что предложеніе компенсаціи должно имѣть тоже самое значеніе, что предложеніе исполненія (oblatio realis или verbalis) и консигнація (стр. 539); эту мысль мы напрасно стали бы искать у спеціалистовъ, писавшихъ по вопросу о просрочкѣ.

хозяевами ихъ разнообразныя „теоріи". Тридцать лѣтъ тому назадъ Гюблеромъ была предпринята сводка этихъ теорій. Изъ нея можно видѣть, что церковное имущество называли ничьимъ (res nullius), государевымъ (res principis), принадлежащимъ государству (res publica); считали собственникомъ его папу, коллегію клириковъ, приходъ, вселенскую церковь и т. д. Въ этихъ pia desideria, очевидно, сильно отражались исповѣдныя точки зрѣнія.

Но до сихъ поръ еще въ западной литературѣ, столь обильной апріорными построеніями, не было полнаго историческаго изслѣдованія темы въ начальные періоды христіанства. Также западные канонисты, естественно, мало интересовались всей исторіей вопроса въ Византіи. Заслуга г. Соколова состоитъ въ томъ, что онъ пожелалъ обнять все „церковно-имущественное право въ Греко-Римской имперіи", въ виду его практическаго значенія въ до-Петровской Россіи.

Въ такомъ обширномъ трудѣ автору приходилось касаться разнообразныхъ сторонъ. Сдѣлавъ предварительно краткое указаніе на источники и литературу, онъ открываетъ свое изслѣдованіе (1 глава) опредѣленіемъ тѣхъ объектовъ церковно-имущественнаго права, которые, согласно канонамъ, служатъ непосредственнымъ задачамъ церкви. Сюда относятся священныя мѣста, храмы, молитвенные домы, священная утварь. Другія же имущества (bona ecclesiastica), называемыя авторомъ плодоприносящими, разсматриваются имъ при разборѣ гражданскаго права. Тутъ же отмѣчаются средства защиты церковнаго имущества въ свѣтскомъ правѣ. Во время гоненій такими средствами были институты: locus religiosus, collegium funerarium (послѣднее разсматривается авторомъ въ другомъ мѣстѣ, позднѣе); со времени признанія христіанства — отчасти языческія res sacrae и особенно выдвинутый авторомъ институтъ названной имъ „модальной собственности". Въ послѣдующемъ изложеніи мы спеціально остановимся на послѣднемъ, четвертомъ способѣ защиты.

Немного говорится (глава 2) о субъектахъ церковно-имущественнаго права. Оставляя общій вопросъ о собственникѣ христіанскихъ храмовъ въ Византіи открытымъ (стр. 78), г. Соколовъ касается четырехъ отдѣльныхъ собственниковъ: епископіи, каѳолическихъ, сельскихъ церквей и монастырей. Далѣе, слѣдуетъ рѣчь (глава 3) „о правоспособности и дѣеспособности субъектовъ церковнаго имущества"; тутъ, собственно говоря, сообщаются способы пріобрѣтенія имущества церковью по различнымъ сдѣлкамъ и въ силу

закона, такъ что говорится лишь о правоспособности, а не о дѣеспособности, о которой, вѣрнѣе, рѣчь идетъ дальше (глава 5), гдѣ разсматриваются органы церковно-имущественнаго управленія и ихъ отвѣтственность (органы управленія епископіей и другими церковными учрежденіями, надзоръ за управленіемъ). Затѣмъ, обстоятельно разсматривается (глава 4) неотчуждаемость церковныхъ имуществъ; сюда входятъ вопросы: объ экспропріаціи, объ отчужденіи по договорамъ (изъ которыхъ особенно внимательно разсмотрѣнъ эмфитевтическій контрактъ съ его своеобразными особенностями въ церковной жизни), объ особо суровыхъ послѣдствіяхъ неправильнаго отчужденія (двойное взысканіе съ контрагентовъ, уголовное преслѣдованіе церковныхъ органовъ). Далѣе, говоря объ органахъ управленія, авторъ знакомитъ попутно съ ктиторскимъ правомъ Византіи, которое онъ противополагаетъ западному jus patronatus. Патронатъ есть привилегія, предоставляемая церковью строителю храма, ктиторство есть обязанность, возложенная на строителя храма (котораго авторъ признаетъ собственникомъ) въ церковныхъ интересахъ. Въ концѣ сочиненія (глава 6) изложены права въ церковныхъ имуществахъ; въ нихъ находится источникъ содержанія клириковъ со времени Юстиніана, до котораго расходы на клиръ не имѣли опредѣленнаго источника, нося на себѣ характеръ благотворительности. Заслуживаетъ вниманія рѣчь о распаденіи церковныхъ имуществъ на спеціальныя массы; изъ нихъ отдѣльно означаются клирикаты (совокупность доходовъ, принадлежащихъ клирику) и адельфаты (совокупность доходовъ, назначенныхъ на содержаніе монаха).

Такова программа сочиненія г. Соколова. Она потребовала отъ автора громаднаго труда въ виду обилія римскихъ и каноническихъ источниковъ права. Достаточно сказать, что для познанія одной Юстиніановой эпохи ему необходимо было подробно освоиться съ кодексомъ и новеллами Юстиніана.

Слѣдуетъ отдать полную справедливость большому трудолюбію автора. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, онъ нашелъ въ римскихъ источникахъ такія мѣста, которыя, по его мнѣнію, иначе освѣщаютъ положеніе вопроса. Въ настоящей рецензіи мы прежде всего и коснемся этихъ оригинальныхъ воззрѣній автора.

Какъ мы выше помянули, одно изъ средствъ защиты церковнаго имущества авторомъ усматривается въ „модальной собственности",—dominium sub modo. Авторъ впервые примѣняетъ понятіе

о римской модальной сдѣлкѣ къ охранѣ церковнаго имущества: если кто либо, положимъ, совершаетъ дареніе съ возложеніемъ на одареннаго обязанности (modus) построить храмъ, то исполненіе обязанности охраняется средствами защиты модальныхъ сдѣлокъ. A priori мысль совершенно правильна. Посмотримъ, какъ ею оперируетъ авторъ на римскихъ источникахъ.

Онъ почему то говоритъ только о *dominium sub modo*. Конечно, нерѣдко безмездными сдѣлками сообщается право собственности. Но также можно установить въ пользу церкви и пожизненное владѣніе. Еще во времена гоненій церковь существовала подъ кровомъ языческой похоронной коллегіи; а коллегіи можно было завѣщать узуфруктъ. Гай (fr. 8 D 33.2) опредѣляетъ продолжительность узуфрукта коллегіи въ 100 лѣтъ—quia is finis longuaevi hominis est. Можно допустить также модальное предоставленіе долговаго требованія (nomen).

Авторъ находитъ модальную защиту въ двухъ законахъ: Зенона и Юстиніана. Но мы совершенно расходимся съ его толкованіемъ означенныхъ законовъ. Познакомимся съ ними.

Въ законѣ Зенона (15 Cod. 1.2) говорится о томъ, что сдѣлавшій явку даренія (insinuatio donationis) имущества на имя мученика, пророка или ангела въ намѣреніи построить ему церковь, принуждается съ наслѣдниками довести до конца дѣло, хотя бы и не начатое. Авторъ не рѣшился допустить здѣсь обыкновенное дарственное обѣщаніе, потому что оно, какъ договоръ, требуетъ при совершеніи участія обоихъ контрагентовъ, между тѣмъ какъ объ одаряемомъ при явкѣ не упоминается. Онъ видитъ тутъ одностороннее обѣщаніе (pollicitatio), которое, по общему правилу, имѣетъ юридическое значеніе въ рѣдкихъ случаяхъ: когда, напримѣръ, давшій обѣщаніе приступилъ уже къ исполненію его (opus coeptum). И вотъ, г. Соколовъ уподобляетъ явку даренія въ законѣ Зенона моменту начатаго исполненія, чтобы придать юридическую силу одностороннему обѣщанію на пользу церкви. Но такое уподобленіе, сопоставляющее два чуждые другъ друга момента, черезчуръ искусственно: явка (insinuatio) образуетъ существенную часть (essentiale) заключенія сдѣлки, а исполненіе есть особый послѣдующій актъ.

Напрасно самъ авторъ лишаетъ разсматриваемую сдѣлку правового эффекта, видя въ ней pollicitatio. Тутъ рѣчь идетъ объ обыкновенномъ договорѣ даренія, для котораго, вообще, императорскія

постановленія неоднократно требовали явочнаго акта. Еще классическое право знало письменныя даренія въ пользу коллегій и учрежденій, органы которыхъ могли и не участвовать при составленіи актовъ. Ихъ согласіе само собой разумѣлось; если же они не давали его, то договоръ, естественно, не вступалъ въ силу [1]). Думается, что автору также помѣшала краткая редакція закона Зенона, которой онъ пользовался въ изданіи Кригелей. Въ болѣе пространномъ изложеніи (изданія Крюгера) упоминаются представители одаренной стороны — епископы, экономы.

Второй законъ о модальномъ дареніи на пользу церкви г. Соколовъ видитъ въ первой новеллѣ Юстиніана (Nov. 1 c. 2 § 2). Но онъ едва ли вѣрно представляетъ то отношеніе, о которомъ здѣсь говорится. По его мнѣнію, здѣсь на назначеннаго наслѣдника возлагается modus: отдать все имущество на богоугодныя цѣли; при этомъ, наслѣдникъ считается собственникомъ того учрежденія, которое онъ возводитъ на наслѣдственныя средства.

На самомъ же дѣлѣ въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о назначеніи наслѣдника sub modo, а о предоставленіи всего наслѣдства, какъ общаго отказа изъ наслѣдства (фидеикоммисса), который долженъ выдать наслѣдникъ, такъ что за нимъ и не можетъ оставаться право собственности. Завѣщатель, по данному закону Юстиніана, воленъ даже лишить наслѣдника права на четверть наслѣдства (quarta Falcidia). Этотъ законъ какъ разъ спеціально говоритъ о Фальцидіевой четверти, о которой вопросъ возникаетъ при назначеніи отказовъ изъ наслѣдства. То, что въ законѣ неточно обозначается отказоприниматель (упоминаются благочестивыя цѣли), не мѣшаетъ дѣйствительности отказовъ, ибо послѣдніе съ успѣхомъ, вообще, могутъ быть назначаемы святымъ, мученикамъ, Іисусу Христу, и т. д. Да и кромѣ того, не въ самомъ законѣ, а въ актѣ завѣщанія должна быть опредѣлена личность отказопринимателя.

Изъ сказаннаго видно, что оригинальная попытка автора приложить модальную охрану къ церковному имуществу не подтверждается закономъ Юстиніана. Также нельзя назвать доказаннымъ его

---

[1]) Вотъ, примѣръ такого даренія, взятый изъ Corpus inscriptionum latinarum (12,4393): нѣкто обязывается внести капиталъ въ кассу коллегіи ремесленниковъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ, обусловливая дѣйствительность сдѣлки согласіемъ членовъ коллегіи (—hanc voluntatem meam si modo probaveritis—). Cp. Pernice Labeo, III, 1, p. 156.

предположеніе, согласно которому тотъ, кто даетъ обѣщаніе строить церковь, по исполненіи обѣщанія становится собственникомъ ея (стр. 70). Это невѣрно, потому что исполненіе дарственнаго обѣщанія само по себѣ заключается въ перенесеніи права собственности на одареннаго; вѣдь, и смыслъ даренія состоитъ въ отчужденіи того или другого права. Если-же право собственности отчуждается, оно, значитъ, не остается за дарителемъ.

Признавая частную собственность на церковное имущество, авторъ считаетъ духовныя власти (епископовъ, церковныхъ экономовъ) лишь душеприказчиками. (стр. 62). Съ этимъ нельзя согласиться, потому что римское право не знало развитаго института душеприказчиковъ: исполнителемъ воли наслѣдодателя считался, по общему правилу, наслѣдникъ, безъ котораго не могло обойтись посмертное преемство. О душеприказчикахъ говорится, какъ объ исключительномъ явленіи въ 2 мѣстахъ: 1) fr. 88 § 1 D 32: завѣщатель поручаетъ постороннему лицу принять на себя погребеніе его тѣла; 2) l. 28 C. 1. 3: на епископа возлагается расходованіе денегъ, назначенныхъ на выкупъ плѣнныхъ. Поэтому, если нѣтъ прямаго назначенія душеприказчиковъ, нѣтъ основанія подразумѣвать этотъ институтъ, неизвѣстный римлянамъ, какъ нормальное учрежденіе.

Кромѣ юридической защиты, заимствованной изъ модальныхъ сдѣлокъ, авторъ касается еще охраны церковнаго имущества, которую оно находило подъ кровомъ вполнѣ дозволеннаго, въ языческомъ мірѣ института погребальныхъ сообществъ (collegia funeraria). При этомъ, онъ, естественно, предлагаетъ себѣ вопросъ о томъ, почему въ христіанскомъ законодательствѣ Рима не удержался взглядъ на церковь, какъ на коллегію (стр. 94). Но не всѣ объясненія его можно назвать точными и полными. Такъ, для того, чтобы указать, какимъ образомъ въ рукахъ епископа сосредоточились всѣ права („именно, путемъ утраты прочими членами коллегіи ихъ права“), авторъ приводитъ аналогію между епископатомъ и тѣмъ явленіемъ въ жизни коллегіи, о которомъ говоритъ Ульпіанъ въ fr. 7 § 2 D 3. 1. А Ульпіанъ упоминаетъ о случайномъ явленіи (si universitas ad unum redit—cum ius omnium in unum reciderit et stet nomen universitatis): когда оказывается только одинъ членъ коллегіи (т. е. когда другихъ членовъ нѣтъ вовсе), тогда все-же остается имя коллегіи. Это не значитъ, что другіе члены потеряютъ свои права. Нѣтъ, правъ они не теряютъ и если снова появятся

(напримѣръ, войдутъ въ цехъ новые ремесленники послѣ эпидеміи, поглотившей прежнихъ ремесленниковъ), то они получатъ тѣ же права. Тутъ коллегіальное начало не теряется. Другое дѣло—христіанская община: въ ней епископъ постепенно превратился въ полнаго властелина; въ ней коллегіальное начало совсѣмъ утратилось и уступило мѣсто другому началу, которое одинъ изслѣдователь, Винтерштейнъ, подробно прослѣдившій за ростомъ епископата въ первые три столѣтія, называетъ монархически іерархическимъ [1]).

Невидно, чтобъ авторъ пользовался указаннымъ сочиненіемъ. Точно также ему полезно было-бы по данному вопросу познакомиться съ трудомъ г. Кулаковскаго [2]), у котораго имѣются пропущенныя авторомъ объясненія того, почему римскія коллегіи перестали быть формой охраны христіанской общины. Когда восторжествовало христіанство, по словамъ Кулаковскаго (стр. 55), оно стало стремиться искоренить тотъ институтъ, который прикрывалъ его нѣкогда отъ преслѣдованія языческаго правительства. Гонорій издаетъ указъ (помѣщенный въ кодексѣ Өеодосія), запрещающій повсюду собираться на общественныя трапезы (convivia) для поминанія умершихъ. Это запрещеніе было сдѣлано по настоянію ревнителей христіанства, которые на соборахъ проводили рѣшенія просить императоровъ запретить convivia, соблазняющія христіанъ. Кромѣ того, подъ видомъ рвенія къ религіи, императоры прибирали въ казну имущества недозволенныхъ обществъ.

Не далась еще автору quarta Falcidia—четверть наслѣдства, на которую имѣетъ право всякій наслѣдникъ, согласно закону Фальцидія, на счетъ отказопринимателей. Авторъ не различаетъ ее отъ quarta legitima—указной четверти законной доли, на которую имѣютъ право только извѣстные ближайшіе родственники даже на счетъ наслѣдниковъ, назначенныхъ въ завѣщаніи. Кромѣ того, что въ отношеніяхъ по обѣимъ „четвертямъ наслѣдства“ существуютъ неодинаковыя субъекты съ той и другой стороны, примѣняются различныя правила исчисленія; напримѣръ въ quarta legitima засчитываются даренія при жизни наслѣдодателя, что не практикуется касательно quarta Falcidia. Неразличеніе той и другой кварты видно на стр. 162, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что отъ постриженника мо-

---

[1]) Winterstein, der Episcopat in den drei ersten Jahrhunderten, 1886.

[2]) Кулаковскій, Коллегіи древняго Рима, 1882. Этой работѣ предшествовали на русскомъ языкѣ эпиграфическіе этюды Помяловскаго.

настырь получаетъ въ собственность все имущество, „за исключеніемъ четвертой части, принадлежащей дѣтямъ, въ которую засчитываются и всѣ щедроты, полученныя ими отъ отца до постриженія". Тутъ, очевидно, не Фальцидіева четверть; между тѣмъ она, именно, таковой называется (стр. 165), чтобъ лишить преемство монастыря характера наслѣдованія (successio universalis), ибо полученіе данной четверти совершается на счетъ монастыря, который и не можетъ считаться наслѣдникомъ [1]).

Каноническому праву противополагается свѣтское законодательство Византійской имперіи. Между тѣмъ, иногда не различается греко-римское и русское право. Вотъ, два случая. На стр. 80 римскому праву приписываются родовыя имущества. Они, тамъ говорится, по римскому праву представляли массы самыхъ разнообразныхъ объектовъ, соединенныхъ въ одно юридически нераздѣльное цѣлое. Въ доказательство приводится Nov. 159, содержащая завѣщаніе нѣкоего Гіерія, который запрещаетъ наслѣдникамъ отчуждать недвижимости, обязывая оставить ихъ своимъ нисходящимъ. Распоряженіе завѣщателя было одобрено императоромъ. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ учрежденіемъ заповѣдныхъ имѣній, родоваго же имущества не знало римское право.

Въ другомъ мѣстѣ понятіе о принадлежностной вещи берется не въ римскомъ, а въ русскомъ значеніи. По канону (стр. 21) алтарь есть главная вещь, храмъ—принадлежность его, а по гражданскому праву—наоборотъ. Храмъ-же опредѣляется (стр. 26), какъ помѣщеніе для постояннаго алтаря; значитъ, съ гражданской точки зрѣнія, алтарь есть необходимая, составная часть храма,—а не принадлежность его, подъ которой римское право разумѣетъ второстепенную часть имущества (рамы, двери, ключи и т. д.). Общегражданская теорія различаетъ понятіе о составѣ смежной вещи (корабля, дома) отъ принадлежности, предназначенной на постоянное или временное служеніе при пользованіи главной вещью.

Только русскіе гражданскіе законы берутъ очень широко понятіе о принадлежности (X т. 1 ч., ст. 386—392), не отличая отъ

---

[1]) Авторъ также неправильно приписываетъ (стр. 166) смѣшеніе обѣихъ четвертей своему противнику (Hellmann, Erbrecht der Religiosen, 83). Именно, авторъ говоритъ о фальцидіевой четверти, между тѣмъ какъ Гельманъ ведетъ рѣчь о quarta legitima.

нихъ составныя части. Такимъ образомъ, и опредѣленіе г. Соколова годится не для греко-римскаго, а для русскаго гражданскаго права [1]).

Отмѣтимъ еще, что указатель литературы предмета, помѣщенный въ началѣ книги, очевидно, далеко не полонъ. По времени изданія ранней работой показано сочиненій Броуна 50-хъ годовъ. Между тѣмъ есть еще работа, разсматривающая теоріи церковнаго имущества, Эвельта, 1845 г. [2]). Послѣднимъ сочиненіемъ названъ капитальный трудъ Мейрера, 1885 г. Но и послѣ были изданы работы Вейльбехера, Винтерштейна, Стуки [3]).

Въ заключеніе скажемъ, что мы въ рецензіи касались, главнымъ образомъ, лишь одной сравнительно небольшой, хотя, конечно, существенной области работы—римскаго права. Въ этой области, припомнимъ, г. Соколовъ немало потрудился. Если ему не удавалось быть оригинальнымъ (напр., по вопросу о модальной охранѣ, частномъ собственникѣ церковнаго имущества), за то онъ иногда съ пользою занимался детальной разработкой отдѣльныхъ имущественныхъ правъ церкви. Такъ, авторъ обстоятельно изслѣдовалъ всѣ характерныя особенности церковнаго эмфитевзиса; въ послѣднемъ отношеніи сочиненіе г. Соколова выгодно отличается, напримѣръ, отъ почти одновременно появившагося труда Ферраду [4]), упустившаго изъ виду многіе источники, которыми съ успѣхомъ воспользовался нашъ авторъ.

Проф. В. Ефимовъ.

Н. Мартыновъ. *Узаконеніе и усыновленіе дѣтей* (*законъ 12 марта 1891 г.*), *съ разъясненіями и образцами бумагъ.* Спб. 1896 г. 46 стр.

Главное достоинство втораго изданія названной книжки заключается въ систематическомъ изложеніи законовъ двухъ отдѣловъ гражданскаго права: матеріальнаго (постановленія о дѣтяхъ незаконныхъ, узаконенныхъ и усыновленныхъ, стр. 3—30) и процессуальнаго (производство дѣлъ объ узаконеніи и усыновленіи, стр. 31—42), съ соотвѣтствующей краткой мотивировкой основаній къ изданію статей закона каждаго отдѣла изъ представленій министра

---

[1]) Авторъ замѣтки о диспутѣ г. Соколова (Ж. Ю. О. 1897, мартъ, стр. 84) невѣрно передалъ настоящія замѣчанія, сдѣланныя мною г. Соколову.

[2]) Evelt, die Kirche auf. d. Gebiete d. Vermögensrechts, 1845.

[3]) Weilbächer, wer ist Eigenthümer etc, 1888. Winterstein, Begriff d. Kirche im k. verm. R., 1888. Stucky, Eingenthum am Kirchengutt, 1892.

[4]) Ferradou, les biens des monastéres a Byzance, 1896.

юстиціи, мнѣній государственнаго совѣта, подходящихъ къ случаю кассаціонныхъ рѣшеній, съ указаніемъ на мнѣнія юристовъ-практиковъ по нѣкоторымъ вопросамъ (стр. 5, 33—34 и проч.) и приложенными въ концѣ книжки образцами бумагъ (стр. 42—46). При такой системѣ краткость изложенія книжки и удачныя выборки изъ указанныхъ источниковъ къ уразумѣнію текста статей дѣйствующаго законодательства по этому предмету даютъ, хотя и небольшой, но хорошо разсчитанный матеріалъ для пользованія лицамъ, непосвященнымъ въ тайны юридической науки и могущимъ смѣло оріентироваться въ этомъ руководствѣ, исключительно для нихъ и составленномъ.

М. Дурасовъ.

Н. Мартыновъ. *Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сборникъ законовъ и разъясненій, съ приложеніемъ образцовъ опекунскихъ донесеній и отчетовъ.* Спб. 1897 г. 2 изд. 164 стр.

Авторъ задался мыслью составить сборникъ законовъ для опекуновъ и поэтому собралъ въ своей книгѣ изъ разныхъ частей свода всѣ законы, касающіеся опеки и попечительства, не разграничивая, однако, научнымъ образомъ этихъ понятій: этого послѣдняго, думается мнѣ, не сдѣлалъ авторъ потому, что имѣлъ въ виду, какъ онъ указываетъ въ предисловіи, людей, не обладающихъ не только юридической подготовкой, но даже необходимыми элементарными познаніями о законахъ, нормирующихъ кругъ и предѣлы дѣятельности опекуна. Выборки изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ томовъ свода законовъ указаны авторомъ въ подлежащихъ подраздѣленіяхъ его книги.

Насколько выполнилъ авторъ свою задачу, можно видѣть изъ самой системы, принятой имъ, а именно: раздѣлъ I-ый (стр. 1—12) трактуетъ объ опекунскихъ установленіяхъ (у насъ и въ Прибалтійскихъ губ.), раздѣлъ II-ой (стр. 12—100) объ опекѣ и попечительствѣ въ порядкѣ семейственномъ (для различныхъ мѣстностей Имперіи) и раздѣлъ III-ій (стр. 100—149)—о другихъ видахъ опекъ и попечительствъ (главнымъ образомъ по положенію личности опекаемаго въ исключительныхъ случаяхъ). Въ концѣ приложены образцы опекунскихъ донесеній и отчетовъ. Здѣсь по возможности собраны всѣ необходимыя въ практикѣ свѣдѣнія для опекуновъ, а сравнительная краткость книги и хорошо составлен-

ное оглавленіе дадутъ возможность неспеціалисту внѣ всякаго сомнѣнія даже по внѣшнему знакомству съ книгой легко оріентироваться въ ней и находить отвѣты на вопросы, связанные съ практической и отвѣтственной ролью опекуна. Распространеніе такихъ сборниковъ желательно въ нашей публикѣ еще и потому, что систематическое изложеніе законовъ лучше всякихъ разсужденій знакомитъ съ требованіями закона, а такимъ знакомствомъ у насъ могутъ похвалиться пока еще очень немногіе изъ неспеціалистовъ.

М. Дурасовъ.

Чагинъ. *Правила объ устройствѣ судебной части и о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя правила о волостномъ судѣ.* Спб. 1897 г. (2-ое исправленное и дополненное изданіе).

Авторъ настоящаго сборника, бывшій уѣздный членъ С.-Петербургскаго окружнаго суда, нынѣ товарищъ предсѣдателя того-же суда, пользуется солидною репутаціею опытнаго судебнаго дѣятеля. Его сборникъ нынѣ выходитъ вторымъ изданіемъ, что служитъ лучшимъ, нагляднымъ доказательствомъ его практической пригодности. Изданныя въ немъ „правила объ устройствѣ судебной части" 12 іюля 1889 г. (собр. узак. 1889 г. № 81), „правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ" 29 декабря 1889 г. (собр. узак. 1890 г. № 3) и „временныя правила о волостномъ судѣ" 12 іюля 1889 г. (собр. узак. 1889 г. № 81)—представляются рядомъ узаконеній, не связанныхъ органически съ системою судебныхъ уставовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что задача комментатора должна, въ значительной степени, состоять въ освѣщеніи всего общаго, по существу тождественнаго изъ запаса разъяснительной юриспруденціи, созданнаго русскою жизнью и практикою сената за послѣдніе 30 лѣтъ. Такъ на дѣло посмотрѣлъ и г. Чагинъ. „Правила 29 декабря 1889 года, говоритъ онъ, хотя изданы отдѣльнымъ отъ судебныхъ уставовъ кодексомъ и въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ существенно отъ нихъ рознятся, но большинство содержащихся въ нихъ положеній не только вполнѣ соотвѣтствуютъ судебнымъ уставамъ, но даже дословно ихъ повторяютъ; поэтому судебные уставы и данныя къ нимъ прав. сенатомъ разъясненія являются необходимыми руководителями въ разрѣшеніи затрудненій, возни-

кающихъ при примѣненіи на практикѣ правилъ 29 декабря 1889 г. Независимо отъ сего авторитетное положеніе, которое занимаетъ сенатъ среди правительственныхъ учрежденій, и личный составъ его, заключающій въ себѣ выдающихся ученыхъ и практиковъ-юристовъ, не позволяютъ новымъ судебно-административнымъ дѣятелямъ оставить безъ вниманія данныя сенатомъ указанія по вопросамъ судопроизводства". Затронутый здѣсь вопросъ былъ уже въ печати предметомъ болѣе или менѣе горячихъ споровъ. Нѣкоторые органы печати проводили такой взглядъ, будто мысль законодателя состояла не въ сближеніи новаго строя съ судебными уставами, а въ отрѣшеніи новаго отъ стараго. Такой нѣсколько крайній взглядъ, кажется, проникнутъ партійностью. Онъ имѣлъ-бы еще за себя нѣкоторое основаніе при существованіи устарѣвшаго, формальнаго взгляда на силу сенатскихъ рѣшеній, распространяемой, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, на *всѣ* дѣла, а не на то лишь дѣло, по коему рѣшеніе состоялось. Но при болѣе свободномъ толкованіи значенія сенатскихъ указовъ, каковаго мнѣнія мы безусловно придерживаемся, не можетъ быть препятствія къ тому, чтобы считать всѣ сенатскіе тезисы матеріаломъ, формально-необязательнымъ, какъ для окружныхъ судовъ и мировыхъ судей, такъ и для земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ членовъ и городскихъ судей; однако, этотъ матеріалъ, формально необязательный, дѣлается обязательнымъ, по своему внутреннему, логическому качеству, коль скоро въ немъ нѣтъ противорѣчія. Это есть *для всѣхъ видовъ судебныхъ установленій* источникъ роста и сложенія юридической догмы. Кромѣ этого источника, г. Чагинъ воспользовался еще другими данными, пользованіе коими является подчасъ крайне необходимымъ на практикѣ, какъ-то циркулярами министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и циркулярными указами общихъ собраній прав. сената. Изъ этихъ циркуляровъ помѣщены въ сборникѣ соотвѣтствующія выдержки. Наконецъ, составитель снабдилъ многія мѣста личными примѣчаніями и приложилъ рядъ дополнительныхъ узаконеній, какъ-то: правила о частныхъ повѣренныхъ, о наймѣ на сельскія и фабричныя работы, а потравахъ, о счетоводствѣ и отчетности и т. д. Въ такомъ видѣ книга г. Чагина заслуживаетъ рекомендаціи, какъ весьма полезное пособіе для судебныхъ дѣятелей и для публики, имѣющей дѣло съ судебно-административными установленіями.

А. Башмаковъ.

Г. Вербловскій. *Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса.* Москва. 1896 г.

Въ настоящемъ изданіи уважаемый авторъ собралъ свои работы, разсѣянныя по различнымъ повременнымъ изданіямъ. О характерѣ работъ самъ г. Вербловскій заявляетъ въ предисловіи слѣдующее: „онѣ имѣютъ отчасти интерпретаціонный характеръ и предназначены преимущественно для юристовъ-практиковъ, знакомя ихъ съ законодательными актами и проектами новѣйшаго времени въ области гражданскаго права и процесса". Матеріальному праву посвящены семь статей изъ семнадцати, остальныя десять—процессу. Интересъ сборника очевиденъ уже изъ перечня его содержанія. Именно, авторъ говоритъ объ ипотечной системѣ, разсматриваетъ новѣйшіе проекты уставовъ вотчиннаго и опекунскаго, законъ о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ 12 марта 1891 года, нѣкоторыя контроверзы по вопросу о правѣ собственности, касается подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ, упрощеннаго и сокращеннаго судопроизводства и наконецъ дѣлаетъ обширныя замѣчанія по поводу пересмотра судебныхъ уставовъ. Отмѣтимъ, что всѣ статьи по матеріальному праву суть комментаріи дѣйствующаго гражданскаго права, построенныя на тщательномъ изученіи источниковъ права и судебной практики. Мы не видимъ здѣсь критики разбираемыхъ законоположеній и проектовъ, не видимъ одобряетъ ли или порицаетъ ихъ авторъ, но за то встрѣчаемъ тщательную разработку контроверзъ, которая является по истинѣ необходимой для юриста-практика. Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на прекрасную разработку вопроса о значеніи „данной" при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга. Г. Вербловскій доказываетъ, что вообще по русскому гражданскому праву можно различить въ куплѣ-продажѣ два момента, знакомыя и римскому праву: обязательство, какъ causa traditionis и самую traditio, установляющую всякое вещное право. При продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, покупщикъ послѣ торга получаетъ право требовать укрѣпленія имущества и правъ на доходы. Но вещныя права пріобрѣтаются по данной. Свои выводы авторъ подкрѣпляетъ ссылками на многія рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента сената. Равнымъ образомъ достойно вниманія подробное разсмотрѣніе г. Вербловскимъ закона 12 марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ. При этомъ авторъ передаетъ историческій ходъ развитія института узаконенія, замѣчаетъ, что въ существовавшемъ

до 1891 г. у насъ единственномъ видѣ легитимацій per rescriptum principis подразумѣвалось subsequens matrimonium, которое и сдѣлалось, по закону 12 марта, нормальнымъ типомъ узаконенія. Авторъ путемъ тщательно подобранныхъ цитатъ доказываетъ, что узаконеніе по этому закону имѣетъ мѣсто не только тогда, когда объ этомъ просятъ родители узаконяемаго, но и по просьбѣ его самаго и даже его наслѣдниковъ, причемъ не можетъ быть допустимо, какъ это установлено при усыновленіи, возраженіе третьихъ лицъ.

Въ интересныхъ замѣчаніяхъ своихъ по поводу пересмотра судебныхъ уставовъ г. Вербловскій касается слѣдующихъ вопросовъ: состязательнаго начала, общаго и сокращеннаго порядка, заочнаго рѣшенія и отзыва, предѣльнаго момента предъявленія доказательствъ, участія прокурора, порядка производства дѣлъ, исчисленія судомъ пошлинъ съ наслѣдства, начала письменности и коллегіальности, кассаціоннаго процесса, единоличнаго суда, права бѣдности, процессуальныхъ сроковъ, исполнительнаго производства, частныхъ жалобъ и производства дѣлъ объ узаконеніи.

Н. Дебольскій.

И. С. Игнатовскій. *Межевые акты и укрѣпленіе вотчинныхъ правъ на недвижимыя имѣнія. 2 части.* Спб. 1896 г., стр. 333.

Судебная организація прошедшихъ временъ не допускала вліянія науки на судебную дѣятельность. „Теорія и практика", говоритъ г. Шершеневичъ (Наука гражд. права въ Россіи 1893, стр. 232) „шли у насъ каждая своею дорогою, самостоятельно заботились о своемъ существованіи и чуждались другъ друга". Это печальное явленіе все болѣе уходитъ въ область исторіи, настоящее время даетъ много примѣровъ полнаго единенія науки и судебной практики. Очень много сочиненій выходитъ теперь изъ подъ пера практиковъ, занимающихъ судейское кресло, адвокатскую трибуну и даже канцелярскую должность въ вѣдомствѣ министерства юстиціи.

Къ числу такихъ ученыхъ-практиковъ принадлежитъ также авторъ настоящей книги И. С. Игнатовскій, состоящій членомъ Лубенскаго окружнаго суда. Нельзя не привѣтствовать автора за удачный выборъ темы изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ темъ по предметамъ вотчиннаго права, коихъ разработка могла бы послужить полезнымъ матеріаломъ для науки, К. П. Побѣдоносцевъ рекомендуетъ „разобрать въ подробности и изложить въ системѣ

общія начала и постановленія межевой инструкціи и дополн. къ ней указовъ по предметамъ частнаго поземельнаго права и владѣнія" (стр. 93 п. 5 Указ. и прил. къ Кур. гражд. пр. 1896 г.). Кромѣ того, въ виду ожидаемаго въ близкомъ будущемъ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ, а засимъ и введенія въ дѣйствіе проекта вотчиннаго устава, книги на разбираемую г. Игнатовскимъ тему вполнѣ достойны одобрительнаго отзыва.

Изданіе вотчиннаго устава вызвало, какъ извѣстно, большое оживленіе въ юридической литературѣ; появились многія сочиненія по вотчинно-межевому вопросу. Укажемъ только статьи гг. Ачмиславскаго (Юрид. Вѣстн. 1892 г.), Милевскаго (Журн. Мин. Юст. 2, хр.), Минцлова (Журн. Мин. Юст. 1896 г.), кн. Мещерскаго (ibid), I. Карницкаго (Журн. Мин. Юст. 1897 г.), Кузнецова (Юр. Газ. № 50), Ефимова (Журн. Юрид. Общ. 1896 г.), Лыкошина (Юр. Спб. Общ. 1896 г.) и мн. др. Къ числу указанныхъ сочиненій слѣдуетъ отнести и книгу г. Игнатовскаго, хотя объемомъ и характеромъ содержанія она рѣзко изъ нихъ выдѣляется. Авторъ, нисколько не имѣя въ виду названнаго проекта вотчиннаго устава, всецѣло посвятилъ свою монографію комментаріямъ дѣйствующаго законодательства. Его работа по интересующему вопросу представляется изслѣдованіемъ догматическимъ, въ которомъ авторъ иногда только прибѣгалъ къ методу историческому (стр. 7) главнымъ образомъ „желая оказать посильную помощь судебной практикѣ" (стр. 6). Это сочиненіе выдѣляется еще своей оригинальностью особенно при изложеніи общихъ межевыхъ законовъ, которые, въ виду неустойчивости взглядовъ на значеніе развитыхъ въ нихъ нормъ и преподанныхъ правилъ, пришлось автору разрабатывать почти заново.

Неустойчивость судебной практики сената и низшихъ судовъ авторъ объясняетъ какъ неудовлетворительностью редакціи законовъ межевыхъ, такъ, главнымъ образомъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, „что какъ въ руководящихъ рѣшеніяхъ сената, такъ и въ малочисленныхъ литературныхъ трудахъ по межевому праву недостаточно полно изслѣдованы были условія и значеніе вотчиннаго утвержденія владѣній при производствѣ различныхъ видовъ межеванія, въ ихъ детальномъ и послѣдовательномъ развитіи" (стр. 5). Поэтому, ни сенатскими рѣшеніями, ни имѣющимися литературными трудами по межевому праву не было установлено твердыхъ и руководящихъ началъ, могущихъ служить указателемъ для судебной практики при разрѣшеніи многочисленныхъ вопросовъ, возбуж-

даемыхъ примѣненіемъ законовъ межевыхъ, особенно осложняемыхъ въ соприкосновеніи съ нормами общаго права.

Въ настоящей книгѣ г. Игнатовскій попытался рѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ судебной практики—разграничить предѣлы вѣдѣнія законовъ общаго права и законовъ межевыхъ и опредѣлить условія соприкосновенія и взаимодѣйствія нормъ общаго и межеваго права, при разрѣшеніи вопроса объ установленіи и укрѣпленіи вотчинныхъ правъ на недвижимыя имѣнія.

Тѣмъ не менѣе, основная задача его труда состоитъ въ выясненіи условій соотношенія и примѣненія законовъ общихъ къ размежеванію губерній малороссійскихъ. Особенно II-я глава 1-ой части (171—230 стр.) почти всецѣло посвящена этому вопросу, хотя и другія части своего изслѣдованія авторъ иллюстрируетъ примѣрами и разборомъ направленія судебной практики малороссійскаго края. Авторъ не мало проработалъ въ Малороссіи въ качествѣ судьи и, неудивительно, онъ является компетентнымъ знатокомъ мѣстныхъ условій и судебныхъ обычаевъ.

Изложеніе дѣйствующаго межеваго права въ его вотчинномъ значеніи—составляетъ предметъ содержанія первой части сего труда, которая заключаетъ въ себѣ 3 отдѣла: 1) „о генеральномъ межеваніи“ (стр. 11—102); 2) „о спеціальномъ межеваніи“ (стр. 103—170); 3) „о размежеваніи губерній малороссійскихъ“. Затѣмъ, изложивъ постановленія дѣйствующаго межеваго права въ указанной программѣ, авторъ сдѣлалъ во 2-ой части своего труда сравнительное обозрѣніе законовъ межевыхъ и законовъ общаго права по вопросу объ установленіи и укрѣпленіи правъ на недвижимыя имѣнія, присоединивъ къ этому изложенію и очеркъ дѣятельности практики судовъ малороссійскихъ какъ въ охранительномъ, такъ и въ исковомъ порядкѣ судопроизводства (стр. 260—321), а равно и очеркъ о кадастровомъ значеніи межеванія.

Авторъ не ставитъ задачею этого изслѣдованія разсмотрѣніе вопроса соотношенія законовъ межевыхъ и общаго права во всей его широтѣ, а лишь разработалъ главнѣйшія и выдающіяся его стороны, которыя являются и доселѣ трудными и настоятельными задачами практики малороссійскихъ судовъ (стр. 322).

Поэтому 2-я часть разбираемой книги заключаетъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Общія условія соотношенія между крѣпостными и межевыми формами утвержденія вотчинныхъ правъ по своду 1857 г.

2) Измѣненія, внесенныя уставами 1864 г. нотаріальнымъ положеніемъ и направленіемъ сенатской практики по этому вопросу.

3) Практика судовъ малороссійскихъ.

4) Соотношеніе при опредѣленіи объекта вотчинныхъ правъ.

Въ качествѣ рецензента, даже въ этомъ краткомъ отзывѣ, мы не можемъ воздержаться отъ одного критическаго упрека автору въ томъ, что его сочиненіе страдаетъ недостаткомъ литературной обработки. Время „Drang und sturm“ періодовъ преминуло давно, между тѣмъ г. Игнатовскій пишетъ еще предложеніями чуть ли не въ $^1/_2$ страницы. Затѣмъ г. министръ юстиціи извѣстнымъ циркуляромъ 1895 г. положительно запретилъ составлять канцелярскія бумаги въ такомъ тяжеловѣсномъ стилѣ, какъ написана ученая монографія г. Игнатовскаго. Тѣмъ пуще въ ученомъ изслѣдованіи насъ непріятно поразилъ канцелярскій слогъ—изъ самаго крѣпкаго дуба, а языкъ—изъ древеснаго картона. Крайне также непріятно констатировать неряшливость и небрежность самого изданія книги въ типографскомъ отношеніи.

Зд. Корсакъ.

Отчетъ Костромскаго Общества Земледѣльческихъ и Ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Кострома. 1897 г. 64 стр.

Въ отчетѣ пріюта за 1896 года имѣются любопытныя статистическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что среднее число воспитанниковъ въ пріютѣ простирается въ годъ отъ 37 до 41 (стр. 4), затѣмъ выбыло изъ пріюта за годъ 10, за тотъ-же періодъ принято 12 (стр. 1); послѣдніе всѣ въ первый разъ, среди нихъ рецидивистовъ не было (стр. 6).

Изъ личной статистики поступившихъ усматривается, что наибольшее число поступленій падаетъ: а) по *возрасту*—на подростковъ отъ 12 до 13 лѣтъ и отъ 15 до 16 (всего 6), б) *по сословіямъ*—на крестьянское (10 человѣкъ), в) *по роду преступленій*—на совершившихъ простую кражу (10), е) *по семейному положенію*—на имѣющихъ отца и мать (6 воспит.), д) *по мѣсту жительства*—на уѣзды (10), г) *по занятіямъ*—на живущихъ при родителяхъ (6) Средствомъ исправленія въ пріютѣ служатъ занятія въ школѣ и работы въ мастерскихъ.

Насколько трудовую жизнь ведутъ здѣсь воспитанники, видно

нихъ слѣдующаго: занятія въ школѣ въ зимнее время продолжались—*6 часовъ* (столяры—4 часа), въ лѣтнее—1½ часа.

Работамъ въ мастерскихъ посвящалось ежедневно: въ сапожной—4 ч., въ столярной—8 ч.

Помимо занятій грамотой и въ мастерскихъ лѣтомъ велись огородныя работы (стр. 11).

За воспитанниками установленъ бдительныя надзоръ во всѣхъ отношеніяхъ, по ночамъ наблюдаютъ дядьки (стр. 9), ихъ хорошо одѣваютъ (одежда каждому обходится 118 р. 15 к.) и прекрасно кормятъ (завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ): на обѣдъ и ужинъ—черный хлѣбъ и два блюда, на завтракъ и полдникъ—одно кушанье или чай съ чернымъ хлѣбомъ, стр. 15).

Лучшимъ доказательствомъ успѣшности борьбы такихъ пріютовъ противъ злой воли малолѣтнихъ преступниковъ служитъ то, что случаевъ рецедива среди выпущенныхъ за прежніе годы было всего 3. Въ виду этого искренно пожелаемъ Обществу дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на этомъ поприщѣ, поставившему себѣ столь высокую и благородную задачу, въ выполненіи которой оно найдетъ сердечное спасибо не отъ однихъ только родителей, но и отъ самихъ исправившихся.

М. Дурасовъ.

Бутми. *Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. Переводъ М. Карова.* Москва. 1897 г.

E. Boutmy—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи англійскаго государственнаго права, крайне важной для насъ по ограниченности и естественности ея развитія. Поэтому переводъ на русскій языкъ сочиненія его „Le d'evelopperment des la constitution et de la société politique en Angleterre“ можно только привѣтствовать.

Что сказать объ этой самой книжкѣ? Въ ней живо и интересно изображается постепенная эволюція англійскаго общества и учрежденій, но лишь послѣ 1066 г., такъ какъ по странному взгляду автора англійская исторія начинается будто бы только съ этого года, тогда какъ на дѣлѣ всѣ англійскія учрежденія мы видимъ заложенными уже въ англосаксонскомъ періодѣ, и въ этомъ отношеніи Фриманъ и Гнейстъ поняли дѣло гораздо вѣрнѣе и глубже, чѣмъ E. Boutmy. Затѣмъ лучшая часть книги первая (объ Англіи XI—XV в. в.), написанная на основаніи главнымъ образомъ сочи-

ній Стеббса и важная уже потому, что современная Англія въ политическомъ отношеніи сложилась въ главныхъ своихъ чертахъ XI—XIV в. в. Слабѣе и очень сжата вторая часть (объ Англіи въ XVI и XVII в. в.) Новый же интересъ книга пріобрѣтаетъ въ третьей части (объ Англіи въ XVIII и XIX в. в.), хотя и тутъ нельзя было бы не пожелать болѣе подробнаго изложенія событій послѣ 1832 г., такъ какъ по нашему мнѣнію реформы XIX в. будутъ столь же важны для исторіи Англіи, какъ и реформы XI—XIV в.в., вѣдь именно теперь строится новая Англія демократическая на смѣну старой аристократической, да и первой англійской революціи демократическій характеръ не достаточно подчеркнуть E. Boutmy. Уменьшаетъ онъ и политическое значеніе революціи 1688 года. Но за всѣмъ тѣмъ для цѣлей самообразованія (какъ это значится въ заголовкѣ книги) издатель не могъ ничего лучшаго выбрать, чѣмъ книгу E. Boutmy по ея и научности и общедоступности.

Только къ сожалѣнію переводъ книги не совсѣмъ удовлетворителенъ и очень тяжелъ по языку. Портитъ книгу и масса опечатокъ (особенно въ иностранныхъ словахъ), не оговоренныхъ притомъ въ концѣ ея. Нѣтъ у книги даже оглавленія и руководящаго предисловія *отъ редакціи* [1]). Все это во всякой книгѣ существенные недостатки, а въ книгѣ, предназначенной для самообразованія, тѣмъ болѣе.

О. Ш.

А. Дюнанъ. *Народное законодательство въ Швейцаріи.* Спб. 1896 г. Стр. 125. Ц. 50 коп.

Э. Цейсъ. *Государственный строй Швейцарскаго Союза.* Одесса. 1897 г. Стр. 56. Ц. 25 коп.

Краткій историческій обзоръ государственныхъ установленій Швейцаріи, составленный Дюнаномъ, атташе швейцарскаго посольства въ Берлинѣ, даетъ о нихъ довольно полное представленіе. Прежде всего авторъ останавливается на мірскихъ сходахъ (Landgemeinden), именно: на ихъ происхожденіи, устройствѣ и правѣ предложенія, а затѣмъ переходитъ къ выясненію другого швейцарскаго установленія — „референдума“. Прежде слово „референ-

1) Отъ автора есть.

думъ" не то означало, что нынѣ. Въ старой Швейцаріи представители союзныхъ земель были не депутатами въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а послами, которые вели дѣла отъ имени своихъ правительствъ. Если обсуждались дѣла, относительно которыхъ у пословъ не было полномочій, то рѣшенія по нимъ принимались ad referendum—для доклада. Теперь же „референдумъ" означаетъ народное голосованіе—непосредственное участіе народа въ законодательствѣ. Для того чтобы прослѣдить развитіе референдума въ кантонахъ Граубюндена и Валлиса, авторъ останавливается на государственномъ устройствѣ ихъ. Одновременно съ существованіемъ въ Граубюнденѣ и Валлисѣ референдума, въ Бернѣ и Цюрихѣ практиковался оригинальный обычай „опросовъ народа" со стороны правительства. Однако, эти „опросы народа" не были регулированы конституціей и, слѣдовательно, не составляли народнаго права. Къ „опросамъ народа" аристократія Берна и Цюриха, стоявшая во главѣ правительства, прибѣгала лишь только въ томъ случаѣ, если хотѣла сложить съ себя всякую отвѣтственность при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, въ Бернѣ обычай установилъ три способа участія народа въ законодательствѣ: 1) каждый окружный сходъ отправлялъ въ Бернъ посольство изъ двухъ или трехъ человѣкъ; послы должны были сообщать членамъ совѣта желанія народа. 2) Правительство отправляло пословъ, которые предсѣдательствовали на окружныхъ сходахъ народа. 3) Рѣшенія сходовъ принимались безъ участія пословъ и правительства; они сообщались совѣту за надлежащей подписью съ приложеніемъ печати окружнаго префекта. Эти „опросы народа" существовали здѣсь до 21 декабря 1612 года. Въ Цюрихѣ они существовали до XVI вѣка и офиціально упоминаются въ первый разъ въ Каппельской грамотѣ отъ 9 декабря 1531 года. Въ послѣдующихъ главахъ А. Дюнанъ даетъ краткій очеркъ „Всеобщаго собранія" (Le Conseil Général) въ Женевѣ, указываетъ какое вліяніе оказала великая французская революція на народное законодательство Швейцаріи, а также вкратцѣ объясняетъ значеніе конституціоннаго референдума и исторію происхожденія и дальнѣйшаго развитія народнаго „*veto*".

Въ главѣ „Конституція и народъ" авторъ останавливается на союзной конституціи 1848 года. Здѣсь приводится и ея краткая исторія съ указаніемъ причины, почему проектъ конституціи, представленный профессоромъ Росси, не былъ принятъ контонами.

Указывая на значеніе статей, трактующихъ о народномъ законодательствѣ, Дюнанъ останавливается на ст. 112 [„пересмотръ (конституціи) производится путемъ союзнаго законодательства“], отмѣчая при этомъ ошибочность мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что ею право конституціонное приравнивается къ законодательному (стр. 55). По его мнѣнію, статья эта, напротивъ, опредѣляетъ лишь то, что союзный пересмотръ производится не какимъ либо учредительнымъ собраніемъ, а путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства: проектъ долженъ обсуждаться обѣими палатами. Если обѣ палаты согласны относительно необходимости пересмотра, то несомнѣнно, что онѣ его произведутъ надлежащимъ образомъ. Если же въ союзномъ собраніи возникнетъ разногласіе, дѣло рѣшается такимъ путемъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда пересмотра требуетъ народная инициатива.

Въ послѣдующемъ своемъ изложеніи авторъ касается конституціонной инициативы въ кантонахъ, ея голосованія и переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію референдума въ кантонахъ; здѣсь Дюнанъ послѣдовательно говоритъ о введеніи законодательнаго референдума, его видахъ и случаяхъ его примѣненія.

Всѣ вышеуказанныя главы, хотя и кратко изложены, однако на столько обстоятельны, что даютъ довольно полное представленіе о швейцарскихъ государственныхъ установленіяхъ. Жаль только, что авторъ не снабдилъ своего историческаго очерка текстомъ нынѣ дѣйствующей конституціи.

Вторая брошюра, профессора Цейса, составлена гораздо слабѣе, но за то въ ней мы находимъ текстъ конституціи. Передъ самымъ текстомъ предпослано небольшое введеніе, въ которомъ излагаются тѣ перемѣны, которыя должна была пережить Швейцарія, прежде чѣмъ добилась современнаго государственнаго строя. Здѣсь вотъ и отмѣтимъ нѣкоторыя неточности, допущенныя профессоромъ Цейсомъ по отношенію политической исторіи Швейцарскаго союза. Прежде всего, авторъ замѣчаетъ, что Швейцарцы были вынуждены отпасть отъ дома Габсбурговъ, какъ вслѣдствіе притѣсненій, такъ и вслѣдствіе того, что на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ (1495 г.) было рѣшено провозгласить обязательность постановленій имперскаго суда. Новѣйшіе изслѣдователи Коппъ, Бемеръ и Шпиттлеръ единогласно утверждаютъ, что нравственныхъ правъ Швейцарцы не имѣли. Вся эта война, изъ за которой австрій-

скій габсбургскій домъ лишился верхней Швабіи, не была войной оборонительной или изъ мести, а хищническимъ набѣгомъ [1]).

Далѣе, упоминая о вліяніи французской революціи на государственный строй Швейцаріи, авторъ говоритъ, что „прежде всего, въ 1797 году обратился къ французской директоріи Ваадтъ (кантонъ) съ просьбой о посредничествѣ Франціи, основываясь на договорѣ 1565 года, въ Лозаннѣ" (стр. 11). Дѣйствительно, въ 1797 году произошли революціонныя движенія въ Ваадтландѣ и Базелѣ, но съ просьбою о посредничествѣ обратился къ французскому правительству не кантонъ Ваадтъ, а нѣкто Оксъ, франмасонъ и иллюминатъ, богатый цеховой мастеръ въ Базелѣ. Именно, онъ въ 1798 году проектировалъ конституцію гельветической единой и нераздѣльной республики; конституцію эту онъ представилъ въ Парижѣ директоріи и ему было обѣщано провести ее силою оружія [2]).

Наконецъ, проф. Цейсъ возникновеніе посредническаго акта (Mediations-Act), проведеннаго Наполеономъ I, относитъ къ 1801 году, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ введенъ лишь въ 1803 году [3]).

Что же касается самаго изданія, то можно бы посовѣтывать издателямъ обратить вниманіе на опечатки.

Н. Ретвихъ.

Н. Н. Бѣлявскій. *Сберегательныя кассы.* Спб. 1896 г. 215 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г. Бѣлявскаго посвящена вопросу, который, несмотря на всю свою важность и на свой несомнѣнный интересъ, очень мало освѣщенъ въ русской литературѣ. Авторъ ея отнесся добросовѣстно къ своей задачѣ и сдѣлалъ попытку дать если и не всеобъемлющій научный трудъ по данному вопросу, то все-же весьма полезную по матерьялу и изложенію работу, очень недурно освѣщающую общую часть и нѣкоторыя отдѣльныя стороны ученія о сберегательныхъ кассахъ и ихъ настоящаго положенія въ Россіи и за границей. Начинаетъ авторъ съ изложенія соціально-экономическаго значенія сберегательныхъ кассъ.

---

[1]) См. Гакстгаузенъ Августъ, баронъ „Коституціонное начало, его историческое развитіе" и т. д. Спб. 1866, стр. 466—467.

[2]) Галлеръ-фонъ К. Б. „Франмасонство и его вліяніе на Швейцарію", 1840 г., стр. 44.

[3]) См. Гакстгаузенъ, loc. cit., стр. 467.

Онъ относитъ вопрасъ о кассахъ всецѣло къ вопросу о борьбѣ съ бѣдностью и приводитъ цѣлый рядъ мнѣній авторитетовъ полицейской науки, согласныхъ съ такою постановкой вопроса. Въ данномъ случаѣ, намъ кажется, авторъ слишкомъ увлекается тою ролью, которыя могутъ играть сберегательныя кассы, и не оговариваетъ одного чрезвычайно важнаго обстоятельства, что успѣхъ кассы могутъ имѣть только при наличности извѣстной зажиточности населенія. Это положеніе должно нѣсколько измѣнить отправныя точки воззрѣній на значеніе сберегательныхъ кассъ, центръ тяжести котораго намъ кажется, лежитъ болѣе въ кредитѣ (ссудо-сберегательныя товарищества), чѣмъ въ обезпеченіи кліентовъ кассы отъ бѣдности. Но не останавливаясь долго на данной главѣ, имѣющей, собственно говоря, только характеръ обширнаго введенія, мы перейдемъ къ изложенію авторомъ постановки вопроса о сберегательныхъ кассахъ въ законодательствѣ и жизни. Авторъ довольно точно и подробно излагаетъ исторію развитія сберегательныхъ кассъ въ Англіи, Пруссіи, Австро-Венгріи и Франціи, переходитъ потомъ къ бельгійскому законодательству и, наконецъ, къ сберегательнымъ кассамъ Россіи.

Излагая свой вопросъ, онъ не останавливается на мелкихъ подробностяхъ, но въ то-же время съ должнымъ вниманіемъ относится къ наиболѣе выдающимся моментамъ изъ исторіи своего предмета. Хорошо изложенъ авторомъ уставъ нашихъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ; жаль только, что онъ не оборудовалъ свое изложеніе должными статистическими данными, благодаря чему, получился значительный пробѣлъ въ критическомъ отношеніи къ вопросу; не разсмотрѣннымъ также остается вопросъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ.

Авторъ былъ поставленъ въ своей работѣ въ несовсѣмъ благопріятныя условія, частью вслѣдствіе недостатка матерьяла, частью вслѣдствіе его разбросанности и несогласованности. Но несмотря на это, онъ обнаружилъ извѣстное умѣніе обращаться съ матерьяломъ и далъ, какъ мы это уже сказали выше, если и не имѣющій научнаго значенія, то все-же весьма полезный для освѣщенія вопроса трудъ, и вдобавокъ трудъ, хорошо изложенный и легко съ интересомъ читающійся. Вредитъ много книжкѣ небрежная типографская работа. Многія опечатки сильно затрудняютъ чтеніе, ставя иногда читателя въ недоумѣніе, въ особенности при собственныхъ именахъ, о комъ, въ сущности говоря, говоритъ авторъ.

О. Вертъ.

М. Грунвальдъ. *Принудительный курсъ и возстановленіе валюты въ Италіи.* Перев. подъ редакціей А. Гурьева. Спб. 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к. 184 стр.

Появленіе книжки Грунвальда как и цѣлаго ряда другихъ изданій А. Гурьева по вопросу денежнаго обращенія было болѣе, чѣмъ своевременно.

Стремленіе освѣтить вопросъ если и не всесторонне, то во всякомъ случаѣ съ различныхъ сторонъ его сложнаго и запутаннаго состава, очень полезно и заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что идетъ оно изъ тѣхъ сферъ, отъ которыхъ рѣшеніе даннаго вопроса болѣе или менѣе зависитъ.

Грунвальдъ не вполнѣ справился съ поставленной себѣ задачей. Онъ нѣсколько односторонне взглянулъ на причины неудачи возстановленія валюты въ Италіи, мало оттѣняя значеніе связи общаго положенія народнаго хозяйства съ хозяйствомъ государственнымъ.

Вслѣдствіе этого послѣ чтенія его книжки получается впечатлѣніе, будто центръ тяжести причинъ неудачи всей данной финансовой комбинаціи лежитъ въ направленіи дѣятельности правительства и въ различныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ „Вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы путемъ соотвѣтственной экономической политики пробудить духъ предпріимчивости въ народѣ, безсмысленно тяжелымъ обложеніемъ всякаго рода дѣятельности задушили всякую инціативу въ дѣлѣ усиленія производства, создали преимущественное положеніе для лицъ, экономически болѣе сильныхъ, введя покровительственныя пошлины, поднявшія цѣну на хлѣбъ; наконецъ черезчуръ быстро и чрезмѣрно увеличили долговое бремя государства“.

Все это совершенно правильно, но только напрасно авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе воздѣйствію правительства на общее направленіе народнаго хозяйства, приписывая вліянію отдѣльныхъ мѣропріятій то, что лежитъ въ зависимости отъ общаго строя производства.

Вѣрнѣе было бы формулировать причины неудачи, лежащія въ народномъ хозяйствѣ, не направленіемъ правительственнаго воздѣйствія на послѣднее (хотя и таковое, конечно, имѣло извѣстную долю своего значенія), но несоотвѣтствіемъ *основъ* народнаго хозяйства съ вводимой реформой. Тогда неизбѣжность неудачи ре-

формы обрисовывалась бы гораздо болѣе ярко и болѣе выпукло, чѣмъ при данной постановкѣ вопроса.

Что касается общаго освѣщенія финансоваго положенія Италіи передъ и во время реформы и выясненія другихъ причинъ неудачи ея проведенія, лежащихъ во вліяніи международнаго денежнаго рынка, банковой системы и общей политики Италіи, то сдѣлано это, насколько оно можетъ быть при допущеніи основной ошибки, упомянутой нами, весьма удовлетворительно.

Книжка написана хорошо, переводъ и изданіе не оставляютъ желать ничего лучшаго, и прочтеніе ея, съ извѣстнымъ критическимъ отношеніемъ къ выводамъ, можетъ быть очень полезно, тѣмъ болѣе, что уже одна фактическая сторона по своей широкой обработкѣ достойна вниманія.

О. Вертъ.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Магистерскій диспутъ В. М. Грибовскаго.

Въ воскресенье, 30-го марта, въ актовомъ залѣ С.-Петербургскаго университета состоялся диспутъ привать-доцента сего университета В. М. Грибовскаго, представившаго для соисканія ученой степени магистра государственнаго права диссертацію подъ заглавіемъ „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ". На диспутѣ присутствовали попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, деканъ юридическаго факультета, профессора, магистранты, студенты и многочисленная публика. Изъ прочтеннаго секретаремъ факультета, ординарнымъ профессоромъ М. И. Горчаковымъ, краткаго жизнеописанія диспутанта видно, что В. М. Грибовскій родился въ 1868 г., въ Сувалкской губерніи, среднее образованіе получилъ въ Маріампольской и затѣмъ въ С.-Петербургской Введенской гимназіяхъ, высшее—на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, курсъ коего онъ окончилъ въ 1891 г. Оставленный профессоромъ В. Н. Латкинымъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ исторіи русскаго права, В. М. Грибовскій выдержалъ въ 1894 году экзаменъ на степень магистра и былъ въ 1895 году командированъ въ Парижъ, Женеву и Краковъ для ознакомленія съ западно-европейскими библіотеками. Диспутантъ, кромѣ настоящаго изслѣдованія, написалъ большое число спеціальныхъ статей и замѣтокъ, рецензій и отзывовъ въ „Журналѣ Юридическаго Общества", а также принималъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ журналахъ: „Книжки Недѣли", „Недѣля", „Русь", „Русская Школа" и

„Космополисъ", гдѣ перу его принадлежитъ рядъ публицистическихъ и беллетристическихъ статей.

Въ рѣчи, сказанной В. М. Грибовскимъ передъ диспутомъ, онъ указалъ на постоянно возрастающій въ обществѣ и въ наукѣ интересъ къ Византіи, отмѣтилъ, что для исторіи русскаго права въ особенности важно опредѣлить характеръ византійскаго государственнаго строя и византійской культуры, чтобы затѣмъ быть въ состояніи разобраться въ вопросѣ о степени заимствованія разныхъ правовыхъ институтовъ русскими отъ грековъ. Выясненію общихъ началъ Византіи и посвящена представленная диспутантомъ диссертація, главнѣйшіе выводы коей, въ видѣ тезисовъ и прочелъ В. М. Грибовскій въ заключеніе своей рѣчи. Тезисы эти слѣдующіе:

1) Сущность византійскаго государства можно опредѣлить какъ состояніе подвижнаго равновѣсія групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ, объединенныхъ на почвѣ культурно-бытоваго единства.

2) Элементы въ указанномъ смыслѣ понимаемаго государства сложились въ Византіи задолго до формальнаго раздѣленія единой римской державы на имперіи западную и восточную.

3) Важнѣйшими творческими началами въ исторіи образованія византійскаго государства были романизмъ и восточно-христіанскій эллинизмъ.

4) Борьба романизма и эллинизма вызвала къ жизни могущественныя партіи, изъ которыхъ одна можетъ быть названа западнической, охранительной, другая—эллинофильской восточно-народнической, освободительной.

5) Практически и юридически измѣнчивое, неустойчивое соотношеніе народа къ власти въ Византіи объясняется частой смѣной преобладанія въ политикѣ той или другой партіи.

6) Византія реально не обладала прочной централизаціей. Провинціи всегда тяготѣли къ децентрализаціи и самоуправленію.

7) При несовершенствахъ правительственной машины стремленіе къ самоопредѣленію постепенно выродилось въ провинціальный сепаратизмъ.

8) По ученію византійцевъ, суверинитетъ въ ихъ государствѣ принадлежалъ народу.

9) Византійскія ученія о верховной власти сложились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ соглашенія началъ христіанства съ древней философіей.

10) Народное воззрѣніе на право власти и населенія до извѣстной степени реализировались въ законѣ и обычаѣ.

11) Монархъ, какъ коронованный мудрецъ и благодѣтель, пока ставилъ цѣлью своей дѣятельности благо подданныхъ, пользовался всей полнотою какъ свѣтской, такъ и церковной, ничѣмъ не ограничиваемой власти.

12) Византія не знала одного опредѣленнаго порядка преемствъ власти, но во всѣхъ видахъ его всегда скрывала принципъ народнаго избранія правителя.

Первый официальный оппонентъ, ординарный профессоръ В. Н. Латкинъ, прежде всего указалъ на то, что трудъ В. М. Грибовскаго, дающій выводы изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ изслѣдованій, является первымъ и потому понятны тѣ трудности, которыя долженъ былъ преодолѣть молодой ученый. Онъ ознакомился съ обширною литературою и источниками вопроса и далъ нѣкоторыя соображенія по общей теоріи государственнаго права. Конечно, замѣтилъ проф. Латкинъ, диспутантъ не могъ избѣжать и недостатковъ, извиняемыхъ, впрочемъ, новизною предмета. Въ числѣ этихъ недостатковъ уважаемый оппонентъ отмѣтилъ неправильность точки зрѣнія диспутанта въ опредѣленіи способовъ познанія рецепціи и заимствованія: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимо, по мнѣнію проф. Латкина, прибѣгать къ сличенію текстовъ источниковъ. Далѣе, онъ указалъ, что ни всеобщая исторія, ни древняя, ни средняя, ни новая, ни, въ частности, Византійская, не даютъ основанія къ выводу опредѣленія государства, какъ подвижнаго равновѣсія групповыхъ и личныхъ интересовъ, на почвѣ культурно-бытоваго единства. Равнымъ образомъ, проф. Латкинъ замѣтилъ, что диспутантъ неправильно представляетъ себѣ процессъ возникновенія власти, и что въ феодальномъ суверенѣ можно подмѣтить всѣ черты, позднѣе принимаемыя за признаки государственной власти. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на пристрастное отношеніе В. М. Грибовскаго къ эллинизму, на одностороннюю характеристику романизма, несогласную съ данными исторіи и произвольность положеній касательно западническихъ и восточно-эллинскихъ тенденцій въ Византіи. Свои возраженія проф. Латкинъ кончилъ заявленіемъ, что, несмотря на указанные недостатки, онъ вполнѣ признаетъ трудъ В. М. Грибовскаго достойнымъ степени магистра.

Во время официальныхъ возраженій проф. Латкина, въ бесѣду

нѣсколько разъ вступалъ заслуженный профессоръ всеобщей исторіи, извѣстный знатокъ Византіи, В. Г. Васильевскій, указавшій, съ своей стороны, на нѣкоторые недостатки изслѣдованія В. М. Грибовскаго.

Второй оппонентъ, ординарный профессоръ церковнаго права, М. И. Горчаковъ, заявилъ, что онъ, во-первыхъ, несогласенъ съ мнѣніями диспутанта относительно достоинствъ тѣхъ или иныхъ началъ византійскаго государственнаго строя, а во-вторыхъ, указалъ на допущенные В. М. Грибовскимъ пропуски и недосмотры. Въ заключеніе же призналъ, что эти недостатки не мѣшаютъ книгѣ г. Грибовскаго быть сочиненіемъ вполнѣ заслуживающимъ ученой степени магистра государственнаго права.

В. М. Грибовскій, въ своихъ возраженіяхъ профессорамъ Латкину, Васильевскому и Горчакову, указывалъ, во-первыхъ, на спѣшность и трудность своей работы, по причинѣ чего явились нѣкоторые недосмотры, а затѣмъ, стойко защищалъ свои взгляды на эллинскій востокъ, на достоинство исаврійской династіи и доказывалъ, въ отвѣтъ на возраженія проф. Горчакова, съ книгами въ рукахъ, что онъ владѣетъ большимъ запасомъ литературныхъ пособій и знаніемъ источниковъ.

Послѣ окончанія преній, затянувшихся почти до пяти часовъ, деканъ юридическаго факультета, заслуженный ординарный профессоръ В. И. Сергѣевичъ, объявилъ, что факультетъ, выслушавъ защиту В. М. Грибовскаго, призналъ его достойнымъ степени магистра государственнаго права. Слова г. декана были встрѣчены громкими, долго несмолкавшими апплодисментами, съ коими публика провожала молодаго магистра.

N. N.

Н. А. Неклюдовъ, какъ философъ.

19 Октября 1896 г., въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія Юридическаго Общества, В. Д. Спасовичъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти Н. А. Неклюдова [1]). Въ этой рѣчи говорилось между прочимъ о философскихъ первоначалахъ Неклюдова. Г. Спасовичъ вспоминаетъ свою рецензію на „статистическіе этюды“ покойнаго, не одобряетъ детерминистическое направленіе автора и заявляетъ,

[1]) См. Жур. Юрид. Общ., 1897 г. январь.

что книга Неклюдова слаба по части основныхъ философскихъ началъ. Эти философскія первоначала, говоритъ г. Спасовичъ, составляли уязвимую часть трудовъ Неклюдова. Находя затѣмъ непонятною философію уголовнаго права, выставленную Неклюдовымъ въ 24 положеніяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ его общей части уголовнаго права, г. Спасовичъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ слабость философскихъ первоначалъ у покойнаго. „У Неклюдова былъ первоклассный умъ аналитическій, орудіе разрушенія безподобное, разлагающее все, къ чему онъ прикоснулся, діалектикъ онъ былъ могучій и противникъ чрезвычайно опасный, но именно преобладаніе этихъ способностей имѣло послѣдствіемъ, что онъ несравненно слабѣе въ сложеніи, въ созиданіи. Его эстетическая способность и творчество были несравненно слабѣе его критики. До мозга костей политикъ онъ вовсе не былъ психологъ и меньше всего годился въ интелектуальные созерцатели. Его неудержимо влекло живое дѣло и практика, такъ что ученіе, преподаваніе служили ему только развлеченіемъ и отдыхомъ“.

Приведенная выдержка показываетъ, что г. Спасовичъ приписываетъ повидимому ненадлежащее значеніе анализу и синтезу. Анализъ есть конечно разложеніе, но не есть разрушеніе. Анализъ есть выдѣленіе изъ цѣлаго элементовъ, которые являются болѣе общими, чѣмъ цѣлое. Посредствомъ анализа и слѣдующаго за нимъ обобщенія мы поднимаемся къ все болѣе и болѣе отвлеченнымъ понятіямъ. Поэтому анализъ совпадаетъ въ этомъ отнашеніи съ индукціей, которая также ведетъ къ все большимъ и большимъ обобщеніямъ. Но аналитическое свойство ума необходимо для философскаго мышленія и отличаетъ философа. Философъ—аналитикъ по преимуществу. Если же у Неклюдова былъ, какъ говоритъ г. Спасовичъ, первоклассный аналитическій умъ, то какимъ же образомъ онъ страдаетъ слабостью философскихъ началъ? Какія первоначала выставитъ мыслитель аналитикъ—это будетъ зависѣть отъ направленія его ума, отъ свойства подготовки и т. д. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсужденіе о томъ, что требуется для правильнаго усвоенія философскихъ понятій. Но нѣтъ сомнѣнія, что первая принадлежность философскаго ума есть анализъ. Знаменитые философы были сильные аналитики. Безъ напряженнаго анализа нельзя прійти къ философскимъ обобщеніямъ.

Не признавая такимъ образомъ аналитическую способность показателемъ философскаго склада ума, г. Спасовичъ такимъ пока-

зателемъ считаетъ повидимому способность синтетическую, ибо вслѣдъ за заявленіемъ объ аналитическомъ умѣ Неклюдова онъ говоритъ о его слабости въ сложеніи, въ созиданіи: эстетическая его способность и творчество были несравненно слабѣе его критики. Именуя способность синтетическую способностью эстетическою, г. Спасовичъ очевидно разумѣетъ способность поэтовъ. Что поэты обладаютъ синтетическою способностью—это совершенно вѣрно. Имѣя въ умѣ разныя отвлеченныя, общія людямъ свойства, какъ то: добродѣтель, злобу, честолюбіе, живость, лѣнь, половое влеченіе и т. д., поэтъ, путемъ синтетической операціи, путемъ комбинированія и конкретированія этихъ отвлеченностей, создаетъ типъ Чичикова или Обломова. Операція эта получила внушительное названіе творчества, хотя слово это не примѣняется къ умственнымъ операціямъ аналитиковъ, открывающихъ изъ явленій законы. Причина такого словоупотребленія скрывается должно быть въ томъ обстоятельствѣ, что поэтъ не связанъ въ орудованіи своими синтетическими пріемами, можетъ выбрать цѣлью своей умственной работы тотъ или другой типъ. Сколь ни достоинъ уваженія этотъ синтезъ, сколь ни блестящи его результаты въ высокихъ произведеніяхъ поэзіи, нужно, въ силу безпристрастія и справедливости, сказать, что синтетическіе пріемы менѣе трудны и потому должны быть цѣнимы не столь дорого, какъ пріемы аналитическіе. Легче составить цѣлое изъ элементовъ, чѣмъ разложить цѣлое на элементы; легче возвысить въ степень, чѣмъ отыскать корень; легче написать секретное письмо по составленному ключу, чѣмъ дешифрировать письмо, ключъ котораго неизвѣстенъ, т. д. Но синтетическіе пріемы даютъ и результаты менѣе важные. Синтезъ весьма сходенъ съ дедукціей, идущей отъ болѣе общаго къ болѣе частному. А мы знаемъ, какъ важны общія истины, знаменующія проникание въ глубь явленій. Поэтому субъектъ, обладающій синтетическою способностью, но слабый въ анализѣ, не есть философъ въ строгомъ смыслѣ слова, хотя и можетъ заниматься философіей и строить философскія системы. Поэтому и Неклюдовъ, на основаніи установляемыхъ г. Спасовичемъ свойствъ его умственныхъ операцій, долженъ быть признанъ имѣвшимъ качества философскаго ума. Слабость его въ синтезѣ не должна умалять этого его качества.

Но затѣмъ г. Спасовичъ говоритъ, что Неклюдовъ до мозга костей былъ политикъ, но не былъ психологъ. Я согласенъ, что

Неклюдовъ не былъ психологъ. Чтобы быть психологомъ, нужно имѣть значительную подготовку, почерпнутую изъ источниковъ. Такой подготовки Неклюдовъ не имѣлъ. Несмотря на то источникомъ права онъ выставилъ не метафизическій духъ, а психологическое начало—человѣческія потребности. Но суть не въ этомъ. Упрекая Неклюдова въ синтетической слабости, г. Спасовичъ аттестуетъ его политикомъ, судьей. Г. Спасовичъ полагаетъ, повидимому, что политикъ и судья дѣйствуютъ не посредствомъ синтеза. Въ этомъ убѣждаетъ признаніе индуктивнымъ изслѣдованія преступленія: обвинительная камера, по мнѣнію г. Спасовича, изслѣдуетъ индуктивно, для опредѣленія вѣроятнѣйшаго совершителя преступленія [1]). Между тѣмъ и члены обвинительной камеры и судьи дѣйствуютъ дедуктивно, синтетически. Конечно не всякая дедукція есть синтезъ, но всякій синтезъ есть дедукція. Сущность функціи судьи состоитъ именно въ дедукціи: добытыя собственной индукціей или индукціей другихъ обобщенія, т. е. извѣстныя правила примѣняются къ данному случаю. Здѣсь конечно не обходится дѣло и безъ большаго или меньшаго анализа, потребнаго для того, чтобы опредѣлить: подходятъ ли данныя обстоятельства подъ тѣ или другія правила? Правило, будучи общею формулою, указываетъ этимъ самымъ, implicite конечно, частные случаи, заключающіе въ себѣ общіе признаки этого правила. Нужно отыскать эти частные случаи и затѣмъ сравнить ихъ съ даннымъ случаемъ. Эта операція будетъ конечно аналитическая. Но затѣмъ вопросъ разрѣшается на основаніи субсумціи, подведенія даннаго случая подъ правило, т. е. примѣненія общаго правила къ конкретному случаю. Такимъ образомъ операція судьи, рѣшаетъ ли онъ дѣло или только предаетъ суду, будетъ по преимуществу дедуктивная, синтетическая. Индукція ведетъ къ обобщенію, къ установленію понятій, имѣющихъ большій объемъ и меньшее содержаніе, чѣмъ понятія, составлявшія средства и матеріалъ для этого обобщенія. Присяжные засѣдатели, рѣшающіе вопросъ о виновности, и коронные судьи, примѣняющіе законъ, идутъ отъ общаго къ частному. Примѣняя къ дѣлу общія правила объ уликахъ и доказательствахъ, судьи и присяжные въ концѣ концовъ отвѣчаютъ на слѣдующій конкретный вопросъ: виновенъ ли такой то въ томъ, что тогда то, тамъ то и при такихъ

---

[1]) См. статью г. Спасовича о постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи 1897 г. янв., стр. 30, 31.

то условіяхъ совершило такое то дѣяніе? Само собою разумѣется, что при рѣшеніи всякихъ вопросовъ и при всякомъ изслѣдованіи дѣло не обходится безъ употребленія различныхъ методовъ: всегда или почти всегда примѣшивается къ анализу синтезъ, къ дедукціи индукція и наоборотъ; но одинъ методъ обыкновенно преимуществуетъ и указываетъ свойство результата, который и опредѣляетъ главенство того или другого метода въ данномъ случаѣ.

Затѣмъ, мы знаемъ объ усиленныхъ законодательныхъ работахъ Неклюдова. Случалось, что на каникулы ему нужно было написать, какъ это онъ мнѣ самъ говаривалъ, цѣлые отдѣлы уголовнаго уложенія. Эта работа также есть по преимуществу синтетическая работа, ибо состоитъ главнымъ образомъ въ подведеніи жизни подъ проектируемые законы. Я не видѣлъ этихъ работъ Неклюдова въ томъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ подъ пера его; но безъ сомнѣнія онѣ были не низкаго качества.

Такимъ образомъ оказывается противуположное тому, что говоритъ г. Спасовичъ, а именно: что Неклюдовъ былъ сильнѣе въ синтезѣ, чѣмъ въ анализѣ. Поэтому и философскія построенія его, какъ правильно замѣчаетъ г. Спасовичъ, сравнительно слабы и не представляютъ тѣхъ высокихъ качествъ, какія мы усматриваемъ въ его судейскихъ рѣшеніяхъ и оберъ-прокурорскихъ заключеніяхъ.

Н. Полетаевъ.

Порядокъ измѣненія подсудности.

Ст. 482 и 518 уст. угол. суд.

Различая вполнѣ правильно два процессуальные момента измѣненія подсудности: 1) *до* привлеченія и 2) *по* привлеченіи обвиняемаго къ слѣдствію, К. А. Дворжицкій (*Журн. Юр. Общ.*, янв., 1897 г.) вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно утверждаетъ, что судебный слѣдователь только въ первый процессуальный моментъ вправѣ передать дѣло по подсудности, по 482 ст. уст. угол. суд., мировому судьѣ (или въ иное судебное или административное установленіе, добавимъ мы отъ себя), ибо съ момента привлеченія обвиняемаго къ слѣдствію судебный слѣдователь обязанъ окончить, заключить и направить дѣло по 478 ст. уст. угол. суд. въ прокурорскій надзоръ, отъ котораго зависитъ предложить такое дѣло окружному суду уже съ своимъ письменнымъ заключеніемъ объ измѣненіи подсудности по 518 ст. устава. Слѣдовательно, во второй процессуальный моментъ только судебная коллегія—окружный судъ своимъ опредѣленіемъ санкціонируетъ измѣненіе подсудности согласно съ заключеніемъ прокуратуры, тогда какъ въ первомъ случаѣ оно санкціонируется единоличною властью, пользующагося правами судьи, судебнаго слѣдователя на основаніи его постановленія, если, конечно, такая передача дѣла по подсудности, по 482 ст. уст. угол. суд., не будетъ опротестована прокурорскимъ надзоромъ, которому отсылается копія постановленія, и если судебное или иное установленіе не возбудитъ въ надлежащемъ порядкѣ пререканія съ судебнымъ слѣдователемъ о подсудности (ст. 39, 39[1] уст. угол. суд.).

Ошибочность мнѣнія г. Дворжицкаго явствуетъ изъ самаго текста 482 ст., въ которой подразумѣваемые и подчеркнутые нами два момента, какъ бы сливаясь въ одинъ общій моментъ, уже не различаются, и въ этомъ законѣ выражено: „Если по слѣдствіи откроется, что дѣло не подсудно окружному суду, то слѣдователь, увѣдомивъ о томъ прокурора или его товарища, отсылаетъ слѣдствіе по принадлежности“. Посему, и при отсутствіи въ уставѣ

угол. суд. воспрещенія отсылать слѣдствіе по 482 ст. *послѣ привлеченія* къ слѣдствію, такое измѣненіе подсудности можетъ имѣть мѣсто, съ точки зрѣнія закона и какъ примѣняется это въ судебной практикѣ, не только до привлеченія, но и послѣ привлеченія къ слѣдствію, съ наступленіемъ сего втораго момента. Утверждать противное, то есть въ согласіе съ толкованіемъ 482 статьи г. Дворжицкимъ,—это значило бы допустить въ судебной практикѣ требованіе, чтобы судебный слѣдователь, и по признаніи имъ самимъ ошибочности своего постановленія о привлеченіи обвиняемаго къ слѣдствію, продолжалъ бы производить слѣдствіе до совершеннаго его окончанія въ надеждѣ,—можетъ быть и не безосновательной,—что теперь измѣненіе подсудности непремѣнно послѣдуетъ или можетъ воспослѣдовать санкціей окружнаго суда согласно съ письменнымъ заключеніемъ прокурора по 518 ст. уст. угол. суд. Но судебный слѣдователь, даже и при избыткѣ особаго рвенія къ службѣ, не вправѣ затрачивать время и безпокоить вызовами участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и свидѣтелей для продолженія и производства слѣдствія по привлеченіи обвиняемаго къ слѣдствію, какъ скоро онъ самъ уже убѣдился, что начатое имъ дѣло не подсудно общимъ судебнымъ мѣстамъ. А потому не могутъ быть признаны основательными и сѣтованія г. Дворжицкаго по поводу того, что обвиняемые напрасно просидятъ подъ стражею все то время, которое будетъ потрачено на длиннѣйшую процедуру,—„рѣдко менѣе одного мѣсяца“, какъ говоритъ г. Дворжицкій,—измѣненія подсудности путемъ разсмотрѣнія прокуратурою уже оконченнаго слѣдствія по дѣлу и внесенія ею этого дѣла въ окружный судъ съ заключеніемъ по 518 ст. уст. угол. суд.

И въ самомъ дѣлѣ, если, по привлеченіи и по заключеніи обвиняемаго подъ стражу, судебный слѣдователь убѣдится, что онъ только ошибочно принялъ къ своему производству дѣло, которое въ дѣйствительности или какъ оказалось впослѣдствіи не подсудно окружному суду (напримѣръ: въ дѣяніи обвиняемаго, вмѣсто грабежа, заключаются признаки простой кражи или самоуправства), то почему же ему самому своею властью своевременно, сейчасъ-же, не отмѣнить или не измѣнить мѣры пресѣченія по 416 ст. уст. угол. суд. и не освободить арестанта? Неужели же и теперь онъ долженъ сознательно грѣшить, продолжать допущенную имъ случайно ошибку и производить слѣдствіе по дѣлу завѣдомо для него общимъ судебнымъ мѣстамъ неподсудному и

обременять обвиняемаго всѣми тягостными послѣдствіями уже допущеннаго имъ нарушенія 396 ст. уст. угол. суд., воспрещающей не только привлекать, но даже и призывать кого-либо къ допросу безъ достаточнаго къ тому основанія?

Ошибочность толкованія г. Дворжицкимъ 482 ст. уст. угол. суд. тѣмъ болѣе насъ удивляетъ, что въ своей же замѣткѣ и будучи самъ судебнымъ слѣдователемъ онъ доказываетъ (съ чѣмъ и я вполнѣ согласенъ), что необходимо прочно установить такую практику, *чтобы судебный слѣдователь былъ вправѣ* (а по моему мнѣнію, онъ и по нынѣ дѣйствующему закону уже вправѣ) *направлять дѣло по 482 ст. уст. угол. суд.*, то есть измѣнять подсудность, *и по привлеченіи обвиняемаго къ слѣдствію*,—также какъ и направлять дѣло, чрезъ прокурора, въ окружный судъ на прекращеніе по 277 ст. уст. угол. суд. (безъ письменнаго заключенія прокурора по 523 ст.) въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый уже привлеченъ къ слѣдствію, но въ дѣяніи его нѣтъ всѣхъ признаковъ или состава преступленія и подобно тому какъ прекращаются дѣла по 277 ст. во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ 16 ст. уст. угол. суд.

Процессуальные вопросы, относящіеся до порядка измѣненія подсудности, подробно разсмотрѣны мною въ первомъ томѣ моей книги „Законъ и жизнь“, на стр. 390—405.

В. Волжинъ.

О желательныхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства судебно-межевыхъ дѣлъ.

Въ Министерствѣ Юстиціи въ послѣднее время возбужденъ вопросъ объ измѣненіи и возможномъ упрощеніи порядка производства судебно-межевыхъ дѣлъ. Предлагаемая замѣтка, представляя собою рядъ выводовъ изъ практической дѣятельности гражданскаго судьи по межевымъ дѣламъ, имѣетъ въ виду указать главнѣйшіе недостатки дѣйствующаго порядка судебно-межеваго разбирательства, недостатки, устраненіе которыхъ отвѣчало бы насущнѣйшимъ требованіямъ правосудія.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 года порядокъ производства „особаго рода тяжбъ и исковъ", а въ томъ числѣ и дѣлъ судебно-межевыхъ, какъ извѣстно, установленъ не былъ и, въ частности, относительно дѣлъ послѣдняго рода составители судебныхъ уставовъ находили, что „относящіяся къ сему предмету узаконенія, по содержанію своему, состоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ законами межевыми, для пересмотра которыхъ учреждена особая коммисія. Вслѣдствіе сего неудобно было бы постановлять до окончанія ея работъ постоянныя правила о порядкѣ производства межевыхъ дѣлъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ" (уст. гр. суд. изд. Госуд. Канц. стр. 700).

Теоретически совершенно вѣрное, положеніе это, при значительномъ замедленіи трудовъ указанной коммисіи и при отсутствіи ихъ результатовъ въ законодательствѣ, не могло выдержать самыхъ первыхъ столкновеній съ практическими нуждами правосудія, ибо, если для судебныхъ установленій по закону 20 ноября 1864 года невозможно было примѣненіе правилъ, изложенныхъ во 2 отдѣленіи VI главы V раздѣла II книги 2 части X тома свода законовъ и примѣнимыхъ лишь къ старымъ судамъ, а другихъ правилъ для производства судебно-межевыхъ дѣлъ издано еще не было, то новый судъ, при большомъ поступленіи подобныхъ дѣлъ, оказывался въ совершенно безпомощномъ положеніи должностнаго установленія,

обязаннаго удовлетворять требованія населенія, но не имѣющаго въ виду никакихъ правилъ, регулирующихъ его дѣятельность и отношенія къ тяжущимся.

Въ результатѣ этихъ требованій практической дѣйствительности явились Высочайше утвержденныя 16 января 1868 г. „временныя правила о судебно-межевомъ разбирательствѣ", вошедшія затѣмъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства, какъ одно изъ приложеній къ 1400 ст. (примѣчаніе) и дѣйствующія по настоящее время.

Сопоставляя эти правила съ дореформенными условіями порядка производства судебно-межевыхъ дѣлъ (ст. ст. 853—859 ч. II т. X главы 2 и 3 раздѣла II кн. III т. X Св. Зак.), нельзя не замѣтить, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ несущественныхъ чисто техническаго свойства мелочей (собраніе доказательствъ, порядокъ избранія экспертовъ и т. п.), нынѣ дѣйствующія правила представляютъ собой точный сколокъ съ прежняго порядка: такъ, согласно ст. 1 правилъ, съ одной стороны, и ст. ст. 853 ч. II и 1148 ч. III т. X—съ другой, судебно-межевыя дѣла подвѣдомственны окружнымъ и уѣзднымъ судамъ; по силѣ 4 ст. правилъ и примѣчанія къ 855 ст. ч. II т. X Св. Зак., рѣшенію дѣла предшествуетъ мѣстный осмотръ черезъ члена окружнаго или уѣзднаго суда; на осн. 6 ст. правилъ и 1168 ст. III ч. X т., судъ (окружный или уѣздный) рѣшаетъ предварительно вопросъ о количествѣ земли, причитающейся каждому изъ тяжущихся, которымъ дается трехмѣсячный срокъ для полюбовнаго разверстанія угодій въ предѣлахъ судебнаго рѣшенія; въ силу 7 ст. прав. и 1169 ст. той же III ч. X т. Св. Зак., при отсутствіи соглашенія о полюбовномъ размежеваніи, стороны обращаются къ посредству суда; согласно 9 ст. прав. и 859 ст. ч. II т. X, размежеваніе лѣсныхъ угодій, находящихся въ одной дачѣ съ землями, производится въ совокупности съ послѣдними; наконецъ, по силѣ 8 ст. правилъ и 1186 ст. Зак. Меж. исполненіе судебныхъ рѣшеній по межевымъ дѣламъ производится межевыми установленіями.

Но, при всемъ такомъ тождествѣ стараго и новаго порядковъ судебно-межеваго разбирательства, между ними усматривается одно—и притомъ принципіальнаго свойства—различіе, сказывающееся въ примѣчаніи къ 1169 ст. ч. III т. X Св. Зак., по смыслу котораго, если споръ идетъ не о количествѣ владѣнія, а о мѣстности участковъ, то уѣздный судъ, не примѣняя правилъ, относящихся къ

первой стадіи разсмотрѣнія межевыхъ дѣлъ, т. е. къ опредѣленію количества земли, причитающейся тяжущимся, постановляетъ рѣшеніе непосредственно по спорному предмету.

Если мы останавливаемся на этомъ законѣ, то лишь потому, что онъ, какъ показываетъ практика, относится къ самому больному мѣсту дѣйствующаго порядка производства судебно-межевыхъ дѣлъ въ правилахъ 16 января 1868 г. указанія, соотвѣтствующаго приведенному выше примѣчанію къ 1169 ст. Зак. Меж., нѣтъ, и естественнымъ послѣдствіемъ этого является то, что каждое судебно-межевое дѣло обязательно проходитъ обѣ стадіи производства, чѣмъ, въ свою очередь, вызывается замедленіе въ окончаніи судебно-межеваго дѣла почти вдвое, сравнительно съ движеніемъ его подъ условіемъ прохожденія лишь одной стадіей процесса: отдѣльное рѣшеніе дѣла по вопросамъ о количествѣ земли и о мѣстности участковъ влечетъ за собою и отдѣльное обжалованіе обоихъ рѣшеній, какъ въ аппелляціонномъ, такъ и въ кассаціонномъ порядкѣ, что даетъ отвѣтчику, а особенно недобросовѣстному и притомъ желающему возможно дольше пользоваться направленными въ его пользу удобствами общаго владѣнія, затянуть окончательное рѣшеніе дѣла на 10—15 лѣтъ.

Между тѣмъ, если тщательно вникнуть въ разсматриваемый вопросъ, то нельзя не придти къ заключенію, что установленный закономъ спорный порядокъ обсужденія межевыхъ дѣлъ вовсе не вытекаетъ изъ ихъ свойства.

Во-первыхъ, если бы показалось страннымъ при взысканіи по векселю предварительно опредѣлять право истца на такую то сумму и затѣмъ, въ случаѣ неуплаты ея отвѣтчикомъ въ извѣстный срокъ, обязывать истца входить въ судъ съ новымъ прошеніемъ объ „окончательномъ" присужденіи или взысканіи спорной суммы,—то въ такомъ-же положеніи стоитъ и вопросъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ: безпрепятственное владѣніе земельной собственностью нуждается въ мѣрахъ возможно болѣе быстрой, раціональной охраны ничуть не меньше, чѣмъ торговый оборотъ, кредитъ, владѣніе движимостью.

Во-вторыхъ, разсматриваемое правило могло имѣть значеніе при созданіи его полвѣка тому назадъ—по закону 30 декабря 1853 года: когда регистрація земельныхъ владѣній находилась въ примитивномъ состояніи, хаотическое веденіе крѣпостныхъ дѣлъ было общей чертой судебнаго порядка, и имѣнія обозначались не количе-

ствомъ земли, а числомъ душъ, владѣльцы въ большинствѣ случаевъ не знали точно, на что они имѣютъ право и, по естественному стремленію не обидѣть самихъ себя, не столько претендовали по вопросу о мѣстности участковъ (при громадности имѣній 40—50 годовъ этотъ вопросъ еще не могъ имѣть существеннаго значенія), сколько нуждались въ надлежащемъ опредѣленіи количества земли: при подобныхъ условіяхъ, въ интересахъ экономіи времени и труда судебныхъ мѣстъ, имѣло значеніе созданіе такого судопроизводственнаго порядка, при которомъ первоначально разрѣшался основной вопросъ о количествѣ причитающейся сторонамъ земли и затѣмъ тяжущіеся, удовлетворенные судомъ въ этомъ отношеніи, имѣли полную возможность развестись и разводились по участкамъ путемъ полюбовнаго размежеванія.

Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи въ настоящее время: регистрація недвижимыхъ имѣній введена въ строго-опредѣленныя рамки, земельныя владѣнія пріобрѣтаются и переходятъ по правильнымъ образомъ составляемымъ крѣпостнымъ актамъ, такъ что каждый владѣлецъ не можетъ не знать количества причитающейся ему земли.

Наряду съ этимъ измельчаніе и раздробленіе имѣній въ наше время влечетъ за собою стремленіе эксплоатировать каждый клочекъ ихъ, создавая, такимъ образомъ, почву для споровъ о качествѣ владѣнія или, другими словами, о мѣстности участковъ, и къ этимъ спорамъ въ дѣйствительности и сводится сущность судебно-межевыхъ дѣлъ въ настоящее время: за три съ лишкомъ года практики въ гражданскомъ отдѣленіи суда, пропустивши нѣсколько десятковъ, если не добрую сотню, судебно-межевыхъ дѣлъ, мы могли замѣтить лишь единицы такихъ, въ которыхъ между тяжущимися шелъ споръ о количествѣ земли,—въ громадномъ-же большинствѣ этихъ дѣлъ споръ идетъ относительно мѣстности участковъ.

И что же? Въ то время какъ по старому порядку ко всѣмъ этимъ дѣламъ могло быть примѣнено правило примѣчанія къ 1169 ст. III ч. X т. Св. Зак., въ настоящее время безусловно всѣ дѣла должны обязательно пройти обѣ стадіи процесса, т. е. предварительно рѣшенія спорнаго вопроса о распредѣленіи земель по участкамъ, долженъ быть, въ спорномъ же порядкѣ, разрѣшенъ лежащій внѣ спора между сторонами вопросъ о количествѣ земли.

Это приданіе дѣйствующему порядку производства судебно-ме-

жевыхъ дѣлъ признака исключительности, между тѣмъ какъ даже въ дореформенное время онъ, не заключая въ себѣ этого признака, носилъ лишь характеръ преимущественности, нельзя не признать результатомъ редакціоннаго недосмотра, кодификаціонной ошибки, вызванной игнорированіемъ правила, изложеннаго въ примѣчаніи къ 1169 ст. Зак. Меж.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію о настоятельной необходимости упрощенія нынѣ дѣйствующаго порядка производства судебно-межевыхъ дѣлъ въ смыслѣ совмѣщенія обѣихъ стадій судебно-межеваго процесса съ возложеніемъ на завѣдующаго дѣломъ члена суда обязанности, одновременно съ составленіемъ заключенія о количествѣ причитающейся сторонамъ земли, составить проектъ распредѣленія послѣдней по участкамъ въ предѣлахъ означеннаго заключенія.

Но, возможно ли это на практикѣ?

Личный опытъ автора настоящихъ строкъ, въ теченіи трехъ лѣтъ постоянно занимавшагося судебно-межевими дѣлами, даетъ вполнѣ опредѣленный утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ: дѣло осложнится только въ отношеніи осмотра, возлагаемаго на члена-докладчика, но и это осложненіе будетъ лишь видимое: если, съ одной стороны, членъ суда долженъ будетъ однимъ осмотромъ сдѣлать то, что въ настоящее время достигается лишь посредствомъ двухъ, т. е. опредѣлить не только фактическое владѣніе сторонъ, но и качество различныхъ угодій, необходимое для составленія проекта нарѣзки участковъ, то, съ другой стороны, вмѣсто двухъ выѣздовъ въ весьма тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ жизни и питанія членъ суда долженъ совершать только одинъ, и (что особенно важно для тяжущихся) на стороны упадетъ тягость издержекъ только по одному выѣзду члена суда съ экспертомъ или экспертами,—тягость, иногда несоразмѣрная съ самимъ существомъ дѣла.

Вторая изъ причинъ, задерживающихъ движеніе межевыхъ дѣлъ, находитъ себѣ опору не въ законѣ, а въ кассаціонной практикѣ сената: по руководящему разъясненію въ рѣшеніи гражд. кассац. д—та 1881 г. № 123, „межевой споръ, заявленный хотя бы однимъ владѣльцемъ, производитъ колебаніе владѣнія всѣхъ совладѣльцевъ; посему призывъ всѣхъ ихъ къ соучастію въ дѣлѣ представляется неизбѣжнымъ“.

Хотя въ законѣ (врем. прав. 16 января 1868 г.) подобное пра-

вило и не высказано съ достаточной опредѣленностью (ст. 3: членъ суда вызываетъ *стороны* на общемъ основаніи), но приведенное рѣшеніе сената, въ виду 815 ст. уст. гр. суд., имѣетъ обязательное значеніе для судебныхъ установленій, вслѣдствіе чего производство дѣла о размежеваніи опредѣленной земельной дачи можетъ имѣть мѣсто лишь подъ условіемъ привлеченія со стороны истца къ дѣлу всѣхъ совладѣльцевъ, безъ чего дѣло подлежитъ прекращенію.

Насколько приведенное положеніе сената, столь красивое in abstracto, приложимо на практикѣ, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Обществомъ крестьянъ деревни Русовки предъявленъ искъ о размежеваніи 2699,5 десятинъ земли, находящейся въ общемъ владѣніи у истцовъ съ другими 5 селеніями. При производствѣ дѣла выяснилось, что вся подлежащая размежеванію дача заключаетъ въ себѣ 3907 десятинъ и что остальныя 1200 десятинъ состоятъ во владѣніи 3 другихъ селеній. Хотя они вовсе не имѣютъ общаго владѣнія съ истцами и указанными имъ отвѣтчиками, тѣмъ не менѣе, въ виду цитированнаго выше кассаціоннаго рѣшенія, эти селенія, несмотря на протесты ихъ представителей, пришлось привлечь къ дѣлу, что повлекло за собою замедленіе его движенія почти на 2 года.

По дѣлу о размежеваніи земли между дер. Борки и тремя другими, оказалось, что въ предѣлахъ межуемой дачи находится еще одинъ совладѣлецъ—мѣстная церковь. По объявленіи истцамъ о необходимости привлеченія ея къ участію въ дѣлѣ, истцы отъ этого отказались, объясняя, что церковная земля, ничтожная по своему размѣру, стоитъ внѣ какого либо спора между сторонами,—тѣмъ не менѣе, въ виду указаннаго выше рѣшенія сената, дѣло должно было быть прекращено.

Наконецъ,—еще одинъ примѣръ: въ общемъ владѣніи крестьянскихъ обществъ дер. Починки и с. Ужово состоитъ 622 дес. земли, о размежеваніи которой предъявленъ въ судѣ искъ. По представленіи къ дѣлу плановъ оказалось, что дача, въ предѣлахъ которой находится принадлежащая сторонамъ земля, занимаетъ 13297 дес. Такимъ образомъ, для размежеванія между двумя владѣльцами 600 десятинъ, надо привлечь къ дѣлу владѣльцевъ остальныхъ 12700 десятинъ. Понятно, что, узнавъ объ этомъ, истцы махнули рукой и бросили хожденіе по дѣлу.

Возможность подобнаго рода случаевъ, составляющихъ общее явленіе при производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ и въ высокой степени осложняющихъ процессъ, а подчасъ даже лишающихъ населеніе возможности осуществить свои вполнѣ законные интересы, заставляетъ серьезно подумать о необходимости отмѣны приведеннаго разъясненія сената,—разъясненія, не находящаго себѣ достаточной опоры въ законѣ.

Наряду съ этимъ дефектомъ стоитъ другой, обусловленный самимъ закономъ: согласно § 9 временныхъ правилъ 1868 года, размежеваніе лѣсныхъ угодій производится въ совокупности съ землею, находящеюся въ той-же дачѣ.

Собственно говоря, трудно было бы подыскать обоснованіе этому правилу, если бы по поводу его не было положительнаго указанія въ текстѣ стараго закона: приведенный § 9 представляетъ собою почти дословную (за исключеніемъ приводимаго ниже добавленія) перепечатку 859 ст. 2 ч. X т. св. зак., гдѣ по изложеніи общаго, аналогичнаго съ указаннымъ выше правиломъ, порядка, объясняется: „ибо въ отношеніи лѣсовъ владѣльцы обязаны представлять *иногда* тѣ-же крѣпости, кои представлены уже ими къ дѣлу по отдѣленію земель“.

Этому соображенію чисто практическаго свойства обязаны своимъ происхожденіемъ какъ 859 ст. II ч. X т., такъ и основанный на ней § 9 правилъ 1868 года. Не трудно, однако, убѣдиться, что въ данномъ случаѣ средство не соотвѣтствуетъ цѣли; во-первыхъ, самъ законъ не можетъ отрицать, что указанная имъ причина имѣетъ мѣсто лишь *иногда*, и трудно понять, какъ на основаніи, носящемъ исключительный характеръ, можно строить общій выводъ вовсе не въ положительную сторону, отзывающійся на явленіяхъ другого типа; во-вторыхъ, самую причину эту нельзя признать основательной: если къ дѣлу о размежеваніи земель представлены документы, касающіеся вмѣстѣ съ тѣмъ лѣсныхъ угодій, то, по возбужденіи новаго дѣла о размежеваніи послѣднихъ, стороны, вѣдь не лишены права и возможности извлечь принадлежащіе имъ документы изъ прежняго дѣла и передать къ новому; наконецъ, указанная въ 859 ст. причина—такого свойства, что, при наличности ея въ извѣстной формѣ (обозначеніе въ крѣпостныхъ документахъ количества земли нераздѣльно съ лѣсомъ и т. п.), размежеваніе лѣсныхъ и земельныхъ угодій, въ отдѣльности, будетъ просто *невозможно* на практикѣ, и въ силу этого, сторонамъ придется

вести оба дѣла совмѣстно; въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое раздѣленіе возможно,—нѣтъ основаній стѣснять стороны къ излишнему осложненію дѣла.

На практикѣ это правило приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ: въ окружномъ судѣ былъ прдставленъ искъ о размежеваніи между четырьмя селеніями ихъ лѣсныхъ угодій, составляющихъ 1746 с., вся же дача, гдѣ находится лѣсъ, заключаетъ въ себѣ 9196 дес., но владѣніе пахатной землей не вызываетъ никакихъ споровъ и, сомнѣній. Между тѣмъ, по требованію ст. 9 правилъ о производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ, въ предъявленномъ искѣ надо было отказать, заставляя этимъ стороны, къ немалому отягощенію и себя, и должностныхъ установленій, судиться о томъ, о чемъ у нихъ нѣтъ никакого спора.

Таковы главнѣйшіе, такъ сказать, основные недостатки дѣйствующаго порядка судебно-межеваго разбирательства. Наряду съ съ ними нельзя не указать и другихъ, не столь существенныхъ, не столь важныхъ въ практическомъ отношеніи, но также не въ положительную сторону отражающихся на производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ.

Излишнимъ осложненіемъ его является то правило, по которому „для принятія объясненій сторонъ и для распоряженій, относящихся къ повѣркѣ представляемыхъ сторонами доказательствъ, назначается одинъ изъ членовъ окружнаго суда“ (§ 2 правилъ 1868 г.).

На практикѣ это правило приводитъ къ немаловажному замедленію дѣла: членъ суда, по вызовѣ сторонъ, убѣждается, что не всѣ совладѣльцы привлечены къ дѣлу, но такъ какъ онъ уполномоченъ лишь на „принятіе объясненій и повѣрку доказательствъ“, то, очевидно, не имѣетъ права на разрѣшеніе весьма важнаго и подчасъ спорнаго вопроса о привлеченіи къ дѣлу отвѣтчиковъ. Поэтому, пріостанавливая объяснительное производство, онъ свое заключеніе по возникшему вопросу представляетъ на распоряженіе окружнаго суда, который съ новымъ вызовомъ сторонъ разсматриваетъ возбужденный членомъ суда вопросъ, даетъ истцу извѣстный срокъ для привлеченія къ отвѣту по дѣлу недостающихъ совладѣльцевъ,—и дѣло вновь возвращается къ члену суда.

При послѣдующемъ вызовѣ сторонъ оказывается надобность въ передачѣ къ дѣлу документовъ или плановъ, находящихся въ

тѣхъ или иныхъ должностныхъ установленіяхъ. Для этого сторонѣ нужно установленное 452 ст. уст. гр, суд. свидѣтельство, которое, по смыслу этого закона, выдается судомъ. Новая передача дѣла въ судъ, новое его разсмотрѣніе по этому вопросу, новое возвращеніе докладчику.

Наконецъ, объяснительное производство закончено—нужно назначить мѣстный осмотръ, его время, порядокъ производства, выбрать эксперта и т. п.

На непосредственныя распоряженія по этимъ поводамъ членъ суда также не уполномоченъ смысломъ даннаго ему согласно § 2 правилъ 1868 года порученія, а потому долженъ вновь представить дѣло въ окружный судъ, который и при томъ съ вызовомъ сторонъ—разсматриваетъ вопросъ о повѣркѣ представленныхъ къ дѣлу доказательствъ.

Нѣтъ надобности особенно распространяться о томъ замедленіи хода дѣла, которое является въ результатѣ такого порядка: если бы объяснительное производство лежало на обязанности самого суда, то всѣ возбуждаемые при немъ вопросы получали бы разрѣшеніе тотчасъ по ихъ возбужденіи и не требовали бы неоднократной передачи дѣла, отъ докладчика въ судъ: по вызовѣ сторонъ въ судъ выяснилось, что нѣкоторые отвѣтчики не привлечены къ дѣлу—дѣлается постановленіе о назначеніи истцамъ срока для таковаго привлеченія; оказалась надобность въ выдачѣ свидѣтельства по 452 ст. уст. гр. суд.—оно выдается тотчасъ-же; объяснительное производство признается законченнымъ—дальнѣйшія судебныя дѣйствія назначаются въ томъ-же судебномъ засѣданіи, въ которомъ объясненія сторонъ привели судъ къ этому выводу.

Еще болѣе нежелательныя явленія усматриваются при столкновеніи взглядовъ окружнаго суда и докладчика по какому-либо изъ возбужденныхъ послѣднимъ вопросовъ: намъ изъ практики извѣстны такіе случаи—членъ суда, по неоднократномъ вызовѣ сторонъ, приходитъ къ заключенію, что данное дѣло не подлежитъ производству въ судебно-межевомъ порядкѣ, и, объявивъ объ этомъ сторонамъ, задерживаетъ объяснительное производство и представляетъ дѣло въ судъ для прекращенія. Между тѣмъ, окружный судъ, разсмотрѣвши дѣло, приходитъ къ противоположному выводу и возвращаетъ дѣло докладчику для новаго объяснительнаго производства. Въ результатѣ затяжка на нѣсколько мѣсяцевъ.

Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе то указаніе § 5 пра-

вилъ 1868 г., по которому при производствѣ мѣстнаго осмотра экспертомъ, по соглашенію сторонъ, можетъ быть избранъ частный землемѣръ.

На нашъ взглядъ, межевыя дѣла, опредѣляя на вѣчныя времена земельныя отношенія тяжущихся, столь важны по своему существу, что основывать ихъ рѣшеніе на заключеніи неизвѣстныхъ лицъ, не представляющихъ никакой гарантіи профессіональныхъ знаній и добросовѣстности, было бы слишкомъ рисковано.

Спѣшимъ, однако, добавить, что этотъ нашъ выводъ въ отношеніи судебно-межевыхъ дѣлъ—чисто умозрительнаго свойства: на практикѣ, намъ не приходилось встрѣтиться ни съ однимъ судебномежевымъ дѣломъ, въ которомъ принималъ бы участіе въ качествѣ эксперта частный землемѣръ; но, насколько это участіе могло бы дурно отразиться на интересахъ правосудія, можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ дѣлъ обще-исковаго порядка.

Купчиха М. купила у владѣльцевъ лѣсной дачи 800 десятинъ лѣсу, которыя и были ей отведены въ натурѣ. Желая провѣрить свою покупку и пригласивъ для этого мѣстнаго частнаго землемѣра, М. изъ произведеннаго имъ измѣренія узнала, что ей отведено 28 десятинами лѣсу меньше, почему и предъявила въ окружномъ судѣ искъ къ продавцамъ о нарѣзкѣ недостающаго количества лѣса,—и что же? По производствѣ судебнаго осмотра оказалось, что во владѣніи М. находятся не 28 десятинами меньше, а 18 десятинами больше купленнаго ею лѣса. Само собою разумѣется, что въ искѣ М. было отказано, и въ результатѣ „ошибки" частнаго землемѣра, къ услугамъ котораго, она прибѣгла, оказались издержки по дорого стоющему процессу.

Можно себѣ представить, что вышло-бы изъ судебно-межевыхъ дѣлъ, если-бы къ участію въ ихъ рѣшеніи на правахъ экспертовъ приглашались подобные „свѣдущіе люди".

По этому, въ текстѣ закона о производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ, желательно уничтоженіе правила, предоставляющаго сторонамъ возможность избранія въ эксперты частныхъ землемѣровъ.

Резюмируя изложенныя замѣчанія и сопоставляя ихъ съ дѣйствующими правилами судебно-межеваго разбирательства, оказывается, что за устраненіемъ изъ послѣднихъ особаго порядка объяснительнаго производства, раздѣльности двухъ процессуаль-

ныхъ стадій и обязательнаго размежеванія лѣсныхъ угодій совмѣстно съ пахатной землей, весь порядокъ судебно-межеваго производства, за весьма незначительными исключеніями, совпадетъ съ общими правилами гражданскаго процесса и можетъ быть изложенъ въ одномъ коротенькомъ примѣчаніи къ 1400 ст. уст. гр. суд. слѣдующаго содержанія: „при производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ примѣняются узаконенія сего устава и статьи 1149—1167, 1182 и 1183 законовъ межевыхъ съ слѣдующими изъятіями: 1) упоминаемый въ статьяхъ 1464 и 1165 законовъ межевыхъ обыскъ замѣняется дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей (ст. 412—437 сего уст.); 2) взамѣнъ платежа установленныхъ статьею 1183 законовъ межевыхъ судебныхъ штрафовъ и взысканія, обвиненная сторона обязана вознаградить сторону оправданную за всѣ понесенныя ею судебныя издержки (ст. 868 сего уст.); 3) при производствѣ мѣстнаго осмотра экспертомъ назначается, по сношеніи съ губернскимъ правленіемъ, одинъ изъ техниковъ губернской чертежной и 4) исполненія судебныхъ рѣшеній по межевымъ дѣламъ производятся межевыми установленіями на основаніи законовъ межевыхъ.

В. Шамонинъ.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ.

19 Февраля 1861 года,—въ этотъ великій, незабвенный день освобожденія русскаго народа отъ желѣзнаго ярма крѣпостничества, отъ вѣковой, тяжкой неволи,—была установлена закономъ необходимость предоставленія „въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебной ихъ осѣдлости и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, того количества полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ“ (ст. 3-я общ. полож.).

Такимъ образомъ, въ ряду коренныхъ началъ крестьянской реформы, вмѣстѣ съ дарованіемъ народнымъ массамъ свободы и неразрывно связанныхъ съ нею общечеловѣческихъ правъ, на первый планъ выступила забота *объ обезпеченіи народнаго быта*,—объ обезпеченіи, которое, по свойству своему, какъ синонимъ благосостоянія и вытекающаго изъ него довольства, должно было служить

непоколебимой гарантіей отъ быстраго оскудѣнія крестьянъ и отъ другихъ, сопутствующихъ ему бѣдствій.

Но едва прошло двадцать лѣтъ съ того времени, какъ были обнародованы эти прекрасныя, такъ много обѣщавшія начала, и именно уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда еще не могло быть разговоровъ о значительномъ, со дня реформы, увеличеніи населенія и о раздробленіи между членами крестьянскихъ дворовъ надѣленныхъ имъ угодій,—предъ нами, рядомъ съ появленіемъ недоимокъ въ крестьянскихъ платежахъ и затрудненій при взысканіи ихъ, выступили одинъ за другимъ: сперва вопросъ о малоземеліи, а потомъ, какъ непремѣнное его слѣдствіе, и вопросъ переселенческій—словомъ, тѣ жгучіе, крупные, неотразимые вопросы, которые обратили на себя въ настоящее время серьезное вниманіе правительства, но которые разрѣшались до сихъ поръ съ большимъ трудомъ, совершенно безпорядочно, ощупью, самимъ нуждающимся темнымъ людомъ—въ его рискованныхъ исканіяхъ простора и приволья на лучшихъ мѣстахъ.

Не объ обезпеченіи, конечно, *быта* крестьянскаго *свидѣтельствуютъ эти вопросы*. Наоборотъ, какъ нельзя болѣе, они свидѣтельствуютъ о значительныхъ нуждахъ и лишеніяхъ крестьянъ, и, такимъ образомъ, напоминаютъ ту безпощадную, суровую дѣйствительность, которая лишаетъ возможности крестьянъ аккуратно исполнять свои обязанности предъ правительствомъ относительно срочныхъ платежей и ставитъ его въ необходимость бѣжать изъ родныхъ мѣстъ въ невѣдомые, чуждые ему края и искать въ нихъ спасенія отъ нищеты и голода.

Что же обозначаетъ подобный порядокъ вещей,—діаметрально противоположный благимъ предначертаніямъ законодателя и прямо исключающій понятіе о благосостояніи народномъ—объ этой конечной цѣли крестьянской реформы?!

Въ числѣ множества причинъ, давшихъ такіе отрицательные результаты, безъ сомнѣнія, весьма важное мѣсто занимаетъ неисполненіе закона. Если не повсюду, то, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ краяхъ (сѣверо-западномъ и юго-западномъ), до сихъ поръ еще пребывающихъ въ особыхъ, исключительныхъ условіяхъ, рѣзко отличающихся отъ условій центральныхъ областей Россіи, масса самыхъ разнообразныхъ фактовъ систематически напоминаетъ о томъ, что законъ и его примѣненіе представляются нерѣдко предметами противоположными; что жизнь зачастую исполненная са-

мыхъ низменныхъ стремленій, особенно въ области такъ называемыхъ практическихъ дѣльцовъ, не можетъ имѣть никакихъ точекъ соприкосновенія съ идеальными предначертаніями законодателя; что наряду съ дѣйствіемъ закона изобрѣтаются весьма дѣйствительныя средства для его обхода,—короче, что, при извѣстныхъ условіяхъ, самый прекрасный законъ не только не исключаетъ самыхъ безобразныхъ беззаконій, а, напротивъ, самъ онъ зачастую исключается ими.

Въ настоящей замѣткѣ я позволю себѣ разсказать весьма характерную исторію одного изъ многихъ обходовъ закона, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ малоземеліе у цѣлой массы крестьянъ, отнялъ отъ нихъ неотъемлемыя права ихъ, закрылъ доступъ къ правосудію и, въ общемъ, представляется замѣчательной, въ своемъ родѣ, „оригинальностью".

Прежде, однако, чѣмъ разсказать эту частную исторію, для болѣе яснаго освѣщенія исторической судьбы всего дѣла вообще, необходимо совершить маленькую экскурсію въ предшествующую эмансипаціи эпоху, когда, въ стремленіи облегчить тяжелую участь крѣпостныхъ, невольно намѣчались, какъ бы въ предвидѣніи крестьянской реформы, основныя положенія ея въ юго-западномъ краѣ, сообразованныя съ мѣстными условіями быта.

Торговля людьми, проигрываніе ихъ въ карты, промѣниваніе на собакъ и другихъ животныхъ, истязанія, не уступавшія, по своей изобрѣтательности и жестокости, инквизиторскимъ пыткамъ, грубыя насилія надъ дѣвушками и замужними женщинами, неограниченное распоряженіе трудомъ и имуществомъ крестьянъ, всѣ эти ужасы крѣпостничества, всегда проходившіе безнаказанно, вслѣдствіе замѣчательной „покладистости" и „снисходительности" тогдашнихъ мѣстныхъ властей, одержимыхъ хроническимъ недугомъ поголовнаго взяточничества,—достигнувъ своего апогея, уже въ сороковыхъ годахъ, когда еще никто не помышлялъ о великой освободительной реформѣ, къ величайшей чести высшей администраціи края, вызвали энергическіе протесты ея и цѣлый рядъ парализующихъ эти ужасы мѣръ.

26 мая 1847 года, по иниціативѣ тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Бибикова, было издано инвентарное положеніе, главное основаніе котораго сводилось къ признанію всей земли, состоявшей въ пользованіи крестьянъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ до составленія инвентаря—мірскою

неприкосновенною, долженствующею находиться во владѣніи крестьянъ безъ всякаго измѣненія. Кромѣ этого, въ высшей степени важнаго основнаго правила, инвентарное положеніе довольно точно опредѣляло повинности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, обязывало помѣщиковъ за всѣ работы, сверхъ опредѣленныхъ положеніемъ, платить крестьянамъ по таксѣ; опредѣляло праздничные дни, возрастъ рабочихъ, размѣръ и свойство „барщины", воспрещало всякіе вещественные поборы,—словомъ ограничивало произволъ, царившій въ самыхъ широчайшихъ размѣрахъ. Немудрено, поэтому, что оно вызвало сильную реакцію среди мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ, въ тѣ времена еще могущественныхъ, вліятельнѣйшихъ „магнатовъ", никакъ не мирившихся съ какими бы то ни было „посягательствами" на ихъ доминальныя, безпредѣльныя, искони существующія „священныя" права. Въ результатѣ ихъ вліянія явилась замѣна инвентарнаго положенія новымъ, изданнымъ въ 1848 году, но и по этому новому положенію (§§ 1—8) главное основаніе инвентарной системы—неприкосновенность мірскихъ земель—осталось неизмѣненнымъ,—очевидно потому, что господскіе инвентари, принятые инвентарными положеніями, составляемые самими помѣщиками, конечно не могли быть заподозрѣны въ пристрастномъ стремленіи умалить значеніе доминальныхъ правъ и дать „холопамъ" то, чего у нихъ не было.

На основаніи правилъ 1847 года, по инвентарямъ того же года, между прочимъ, въ Кіевской губерніи числилось за крестьянами земли 1,231,472 десятины, а въ Подольской 1,304,831 десятина. При такомъ количествѣ земли, если бы оно осталось неизмѣненнымъ, пожалуй даже и теперь, спустя 36 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, когда значительно увеличилась численность населенія, не было бы вопросовъ о малоземеліи и его послѣдствіяхъ. Но при составленіи положенія 1848 года допущено одно правило, потрясавшее устои всей системы урегулированія крестьянскаго землевладѣнія, которое, повторяю, подтверждалось инвентарями самихъ помѣщиковъ. Правило это (§ 6) разрѣшало помѣщикамъ „въ необходимыхъ (?) случаяхъ, по взаимному соглашенію съ крестьянами и съ вѣдома начальства (?), замѣнять мірскую землю равнымъ количествомъ удобной, какъ по мѣстности, такъ и по качеству, но не иначе, какъ только въ малыхъ частяхъ, а не въ общемъ ея составѣ".

„Пользуясь этимъ правиломъ, говоритъ одинъ изъ лучшихъ

мѣстныхъ дѣятелей, отличающійся близкимъ превосходнымъ знакомствомъ съ дѣломъ, помѣщики отбирали у крестьянъ инвентарную землю, перемѣняли ее на новую, обыкновенно худшую, заселяли или застраивали выгоны, лишали крестьянъ водопоевъ, увеличивали число пѣшихъ, а уменьшали количество тяглыхъ хозяйствъ (которыя имѣли больше земли нежели пѣшія), обрѣзывали для этого крестьянскіе участки и помѣщали по два хозяйства въ одной избѣ". Въ результатѣ,—лучше всего подтверждающемъ это компетентное показаніе,—означенное выше количество земли, опредѣленное инвентарями 1847 года и подлежавшее, послѣ реформы, согласно мѣстному положенію, выкупу, сократилось слишкомъ значительно, причемъ, по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ до 1863 года, крестьяне Кіевской губерніи лишились 169,503 десятинъ ихъ инвентарныхъ земель, а крестьяне Подольской губерніи, 203,773 десятинъ.

До 1863 года мировыми посредниками въ нашемъ краѣ служили мѣстные помѣщики, а потому, даже послѣ изданія рѣшительно шедшаго въ разрѣзъ съ ихъ интересами положенія 19 февраля 1861 г., все находилось въ ихъ рукахъ; своя же рука, какъ извѣстно, владыка....

Чтобы парализовать значеніе закона (3 и 4 ст. мѣст. полож.), предоставлявшаго крестьянамъ право отыскивать, въ теченіе 6 лѣтъ, мірскую землю, помѣщики, при помощи посредниковъ, въ 1862 г. и въ началѣ 1863, усиленно трудились по составленію докладовъ касательно „добровольнаго" выкупа означенныхъ по уставнымъ грамотамъ земель, которыя при этомъ удобномъ случаѣ еще разъ уменьшились.

У насъ все еще свѣжо преданіе объ этихъ „добровольныхъ" соглашеніяхъ.

Послѣ польскаго возстанія 1863 года польскіе помѣщики-посредники уступили мѣсто новымъ дѣятелямъ, русскимъ посредникамъ-чиновникамъ, которые нисколько не были заинтересованы личными, матеріальными выгодами помѣщиковъ и добросовѣстно исполняли возложенныя на нихъ обязанности, устраняя по возможности безобразныя послѣдствія преступнаго отношенія къ дѣлу своихъ предшественниковъ; но и при этихъ, безусловно полезныхъ для дѣла, условіяхъ, какъ показываетъ имѣющаяся у меня подъ рукой исторія одного беззаконія, не всегда достигалось благосостояніе крестьянъ.

Вотъ содержаніе этой, по истинѣ печальной исторіи. Въ 1868 году, послѣ продолжительныхъ хлопотъ и благодаря должному вниманію къ дѣлу мѣстныхъ мировыхъ дѣятелей, крестьяне селъ С., Л., П. и ихъ приселковъ, какъ и слѣдовало по мѣстному закону, получили въ надѣлъ бывшія въ инвентарномъ ихъ пользованіи земли и другія угодья. Надѣлъ этотъ, хотя и уменьшенный благодаря правиламъ 1848 года и вытекавшимъ изъ нихъ „добровольнымъ" соглашеніямъ, всетаки опредѣлялся въ 4843 десятины земли—съ правомъ пастьбы скота на помѣщичьихъ земляхъ и въ господскомъ лѣсу (послѣднее право предоставлялось на основаніи 18 ст. мѣст. полож.). Крестьяне имъ довольствовались и, послѣ единогласнаго утвержденія губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ выкупныхъ актовъ, права ихъ на отведенныя имъ угодья сдѣлались такъ ясно опредѣленными и такъ безповоротно установленными, что не могли подлежать никакому сомнѣнію, а тѣмъ болѣе конечно какимъ бы то ни было измѣненіямъ. Но, спустя два года послѣ того, какъ крестьяне могли считать свои права вполнѣ прочными, непоколебимыми, случилось нѣчто совершенно неожиданное и едва ли бывшее когда либо въ практикѣ.

Тутъ надобно вспомнить, что выкупная операція, по нашимъ законамъ, производилась крестьянскими учрежденіями мѣстными и губернскими и окончательно завершалась главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ; а потому не существовало и, конечно, не могло существовать правила, которое давало бы мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, не входившимъ въ составъ этихъ учрежденій, право вмѣшиваться въ выкупное дѣло, а тѣмъ болѣе отмѣнять своею властью выкупные документы.

Единственнымъ правомъ, какое принадлежало въ этомъ случаѣ генералъ губернаторамъ,—было право ихъ утверждать допущенное, по извѣстнымъ соображеніямъ, пониженіе выкупныхъ платежей. Тѣмъ не менѣе бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ (нынѣ покойный), власть свою въ выкупномъ дѣлѣ значительно расширялъ и, какъ сообщалось уже объ этомъ, довольно подробно, въ печати (№ 24 „Голоса" за 1881 годъ), предписывалъ пересоставлять на мѣстѣ объявленные крестьянамъ и утвержденные единогласными постановленіями губернскихъ присутствій выкупные акты.

Непрерывныя жалобы заинтересованныхъ помѣщиковъ о крайней тенденціозности дѣйствій крестьянскихъ дѣятелей не могли

не влiять на князя—человѣка хотя и образованнаго, пользовавшагося репутацiей свободомыслящаго, но пришлаго, совершенно незнакомаго съ мѣстными нравами и условiями. Онъ явился жертвой незамѣтныхъ для него влiянiй и, идя по ложному пути, въ своихъ безкорыстныхъ стремленiяхъ къ возстановленiю мнимой истины, допускалъ явныя отступленiя отъ истины дѣйствительной и отъ закона.

„Я нахожу, пишетъ князь губернатору въ одномъ изъ многихъ своихъ предписанiй по крестьянскимъ дѣламъ, что при разсмотрѣнiи мировымъ съѣздомъ количества инвентарнаго мiрского надѣла по дѣйствительному пользованiю 1847 г. крестьяне два раза показали, что нормальный надѣлъ пѣшаго составлялъ пахатной земли $4^1/_2$ морга [1]) и сѣнокосной 2 морга, но при третьей повѣркѣ крестьяне заявили, что надѣлъ пѣшаго состоялъ изъ 6 морговъ пахати и мировой съѣздъ по разсчету этого послѣдняго размѣра на число хозяйствъ, сосчитанныхъ крестьянами въ эту послѣднюю повѣрку, опредѣлилъ имъ къ выкупу значительно большее количество земли противъ назначеннаго при первыхъ двухъ повѣркахъ; при такихъ обстоятельствахъ рождается сомнѣнiе въ правильности вообще разслѣдованiя мироваго съѣзда по опредѣленiю мiрской инвентарной земли въ означенномъ имѣнiи, тѣмъ болѣе, что изъ дѣла не видно, какiя заявленiя крестьянъ объ уменьшенiи мiрскаго надѣла были приняты м. съѣздомъ къ разсмотрѣнiю: сдѣланныя ли при первоначальныхъ двухъ повѣркахъ или при третьей, *когда срокъ на предъявленiе исковъ* объ инвентарной землѣ *уже миновалъ*. Въ виду сего, встрѣчая затрудненiе въ утвержденiи пониженiя платежей и возвращая выкупное дѣло, прошу Ваше Превосходительство предложить губ. присутствiю *вторично* разсмотрѣть таковое согласно сдѣланнымъ замѣчанiямъ, а если окажется надобность, то передать въ м. съѣздъ все выкупное производство для надлежащаго дополненiя и засимъ уже доставить мнѣ на утвержденiе пониженiя“.

Вотъ именно, въ виду подобнаго предписанiя, направленнаго къ возстановленiю одной лишь формальной правды, кассировавшаго не опредѣленiе относительно пониженiя выкупныхъ платежей, которое только и могло подлежать генералъ-губернаторской кассацiи, а рѣшительно всю выкупную операцiю, въ виду такого предписа-

[1]) Моргъ—1317 кв. саж.

нія и въ томъ случаѣ, о коемъ идетъ рѣчь, губернское присутствіе, единогласно утвердившее выкупные акты, перевершило первоначальное свое рѣшеніе, никѣмъ офиціально не обжалованное, само, своей властью, отмѣнило разъ самимъ имъ утвержденные акты и предписало мѣстнымъ властямъ произвести какъ новое измѣреніе инвентарныхъ земель, такъ равно и новую операцію. Произведенное, вслѣдствіе этого, разслѣдованіе на мѣстѣ убѣдило съѣздъ мировыхъ посредниковъ въ томъ: что въ инвентарномъ пользованіи крестьянъ было если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше того количества земли, которое получено ими въ надѣлъ; что крестьяне, опредѣляя свои надѣлы въ меньшихъ размѣрахъ, говорили о земляхъ, находившихся въ тотъ моментъ въ ихъ фактическомъ владѣніи; что право крестьянъ выкупить весь ихъ инвентарный надѣлъ, уменьшенный въ 1852 году, было разъяснено имъ впервые лишь при повѣркѣ грамоты, когда они и воспользовались имъ, и что отобраніе отъ крестьянъ инвентарныхъ земель имѣло мѣсто, между прочимъ, „чрезъ переводъ хозяевъ изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе [1])“.

Этимъ офиціальнымъ путемъ устранялись всякія сомнѣнія въ правильности составленія выкупныхъ актовъ, и, казалось новое разслѣдованіе должно было послужить не ко вреду, а къ пользамъ крестьянъ, еще разъ подтверждая ихъ права. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Губернское присутствіе, послѣдовательно проводя цѣлый рядъ мѣръ, какъ бы нарочно направленныхъ къ тому, чтобы лишить крестьянъ правъ, освященныхъ временемъ и закономъ, настояло на составленіи новыхъ выкупныхъ актовъ и само, вопреки разслѣдованіямъ съѣзда, опредѣлило размѣры надѣла, основываясь, главнымъ образомъ, на первой повѣркѣ инвентарной земли, производившейся, какъ было установлено съѣздомъ, не симъ послѣднимъ, а состоявшимъ на службѣ у помѣщика землемѣромъ.

Вслѣдствіе этого настоянія, въ 1871 году были составлены новые акты и въ результатѣ ихъ явилось слѣдующее: во первыхъ, отнять отъ крестьянъ въ пользу помѣщика 1120 десятинъ ихъ инвентарной земли и лишеніе цѣлыхъ селъ сѣнокосовъ и пастбищъ, безъ которыхъ бытъ сельскихъ хозяевъ не мыслимъ; затѣмъ—неясности и неопредѣленности, благодаря которымъ помѣщикъ ухи-

---

[1]) По инвентарнымъ правиламъ къ высшему разряду принадлежали „тяглые“ т. е. имѣвшіе свой скотъ, а къ низшему «пѣшіе»—безлошадные.

трялся получать съ крестьянъ плату за ихъ собственныя угодья: какъ это было въ одномъ изъ указанныхъ селъ, гдѣ за принадлежащее крестьянамъ право сѣнокошенія они уплачивали помѣщику, въ теченіе 10 лѣтъ, по 500 руб. ежегодно; далѣе—возможность со стороны помѣщика притѣсненій при пользованіи сѣнокосами въ его лѣсу, а также возможность воспрещенія разчистки сѣнокосовъ отъ древеснаго молодника и, въ концѣ концовъ, какъ бы для полноты картины,—включеніе въ выкупные акты „шутки" надъ обществомъ с. П., надѣленнымъ фиктивнымъ правомъ пастьбы скота на несуществующихъ мѣстахъ, т. е. на полевыхъ земляхъ помѣщика, который, владѣя при указанномъ селѣ громаднымъ лѣснымъ пространствомъ, полевой земли при этомъ селѣ не имѣетъ ни одного вершка.

Тщетно крестьяне протестовали противъ этихъ беззаконій; напрасно они добивались возвращенія отнятыхъ отъ нихъ земель; безполезно они хлопотали о защитѣ своихъ законныхъ правъ. Всѣ ихъ протесты и просьбы оставались безъ послѣдствій и ни къ чему не привели. Лишившись такого громаднаго количества земли, испытывая, вслѣдствіе этого, всю тяжесть малоземелья, попавъ въ безвыходное положеніе людей, во всѣхъ отношеніяхъ стѣсненныхъ,—крестьяне видѣли во всемъ этотъ какое-то недоразумѣніе, которое, по ихъ мнѣнію, рано или поздно должно было устраниться; они не переставали вѣрить въ законъ, глубоко убѣжденные въ томъ, что существующая на ихъ сторонѣ правда непремѣнно восторжествуетъ. И какъ ни трудно жить при такихъ условіяхъ, но, питая надежду на лучшее будущее (въ дѣйствительности не оправдавшуюся), они кое какъ выносили окружающія ихъ невзгоды и неправды, тѣмъ болѣе, что число послѣднихъ со времени появленія пресловутыхъ актовъ 1871 года не возрастало: владѣлецъ имѣнія постоянно проживалъ за границей, а управляющіе его хотя и дѣйствовали втихомолку вмѣстѣ съ своимъ патрономъ, ведя успѣшную, непримиримую борьбу съ выкупными актами 1868 года, но во внѣшнихъ отношеніяхъ являлись людьми уживчивыми, и открытыя притѣсненія крестьянъ, по крайней мѣрѣ до поры, до времени, въ интересы ихъ не входили.

Въ такомъ положеніи крестьяне существовали нѣсколько лѣтъ. Но вотъ наступилъ 1876 годъ—время появленія новаго владѣльца и положеніе крестьянъ стало ухудшаться все болѣе и болѣе, сдѣлавшись, наконецъ, нестерпимо тяжелымъ. Описаніе всѣхъ разно-

образнѣйшихъ притѣсненій, какими безустали окружалъ крестьянъ новый владѣлецъ (получившій имѣніе по наслѣдству), можетъ составить цѣлую эпопею. Господинъ Г.,—такъ звали новаго владѣльца, чуть ли не въ день своего появленія въ новыя владѣнія, при первой попыткѣ крестьянъ отыскать потерянныя права, далъ почувствовать себя имъ, неперестававшимъ мечтать о возвращеніи „батьковщины"—земель своихъ отцовъ, такъ безцеремонно у нихъ отобранныхъ, по какимъ-то невѣдомымъ имъ мотивамъ, а съ другой стороны—имѣвшимъ смѣлость не пойти на встрѣчу предложенію касательно выгодной помѣщику разверстки земель. Г. Г., съ безпощадной настойчивостью, пустилъ въ ходъ всѣ мѣры стѣсненія, воспользовавшись непосильно тяжелыми для крестьянъ послѣдствіями выкупныхъ актовъ 1871 года. Нѣтъ надобности подробно перечислять всѣхъ „мѣропріятій" Г.: они общеизвѣстны, по обыкновенію очень шаблонны, хотя и выражаются въ довольно разнообразныхъ формахъ, обнимающихъ и самые „тонкіе" намеки на „опасность" давать „лишнее" крестьянину и самое грубое, безцеремонное тасканіе мужиковъ за ихъ длинные „чубы [1]").

Не трудно теперь представить себѣ каково было житье крестьянъ въ имѣніяхъ Г. и какова нужна была выносливость чтобы, претерпѣвая всѣ его притѣсненія и оскорбленія со стороны его наемщиковъ, всетаки удержаться на строго легальной почвѣ, которой крестьяне, къ чести ихъ, никогда и не покидали.

Но я слишкомъ удалился въ сторону, приводя данныя для характеристики Г.—этого, къ счастью, рѣдкаго, исключительнаго помѣщика. Возвращаюсь къ прежнему и, подводя итогъ изложенному, надѣюсь доказать правильность высказаннаго выше положенія о наличности причинной связи между беззаконіями и крестьянскими бѣдствіями.

Въ итогѣ всего продѣланнаго въ сферѣ отношеній помѣщика и населяющихъ его имѣнія крестьянъ получается слѣдующее: законъ (положеніе главн. комитета 10 августа 1864 г.) требовалъ, чтобы крестьяне получали въ надѣлъ земли ихъ инвентарнаго владѣнія (очевидно желая исправить ошибки, предшествовавшія эмансипаціи, обусловленныя извѣстными теченіями); между тѣмъ земли эти, дважды уменьшенныя почти во всѣхъ имѣніяхъ, въ

[1]) Дѣла по обвиненію лѣсничаго Г. въ нанесеніи 2 крестьянамъ оскорбленія дѣйствіемъ, рѣшенныя обвинительнымъ приговоромъ съѣзда мировыхъ судей.

частности уменьшены въ имѣніи, принадлежащемъ Г., и притомъ на слишкомъ крупную для одного имѣнія цифру 1120 десятинъ! Законъ (ст. 3 общ. полож.) обязывалъ заботиться о благосостояніи крестьянъ, объ удовлетвореніи ихъ нуждъ; на дѣлѣ же получились, вслѣдствіе обхода этого закона, малоземеліе и обусловленная имъ крайняя нужда. Общій законъ (общее полож. о крестьян.) не предоставлялъ, а специальный (Высочайше утв. постановленіе главн. комитета, по дѣлу крестьянъ с. Гнидавы, Волынской губерніи съ помѣщикомъ Орловскимъ) прямо воспрещалъ генералъ-губернаторамъ юго-западнаго края измѣнять выкупные акты и вообще вмѣшиваться въ выкупную операцію; а на практикѣ оказывалось, что бывшій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, дозволялъ себѣ разсмотрѣніе актовъ и, указывая „неправильности" ихъ, требовалъ даже пересоставленія, выходя такимъ образомъ изъ предоставленной ему правительствомъ власти—утверждать лишь пониженіе выкупныхъ платежей. Законъ (ст. 250 т. II ч. 1 Св. Зак.) строго воспрещалъ присутственнымъ мѣстамъ переверщеніе (отмѣну) своихъ собственныхъ рѣшеній, но, не смотря на это, губернское присутствіе отмѣняло свои собственныя рѣшенія, утверждающія выкупные акты. Законъ (ст. 13 Высочайше утвержд. правилъ объ обращеніи уставныхъ грамотъ въ выкуп. акты) не давалъ права приносить жалобы на единогласно утвержденные выкупные акты и считалъ ихъ окончательными,—этотъ ясный законъ, не допускавшій никакихъ толкованій, безусловно для всѣхъ обязательный, оказывался недѣйствительнымъ лишь для губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое, минуя его, подъ внѣшнимъ, лишеннымъ легальнаго основанія давленіемъ, отмѣняло акты, единогласно утвержденные. Законъ (ст. 18 мѣст. полож.) предоставлялъ крестьянамъ права сѣнокошенія въ помѣщичьихъ лѣсахъ, но, въ примѣненіи его къ дѣлу, онъ оказывался какой то фикціей, такъ какъ помѣщикъ, обходя его, воспрещалъ разчистку сѣнокосовъ отъ молодой поросли, между его деревьями на выкупленной крестьянами землѣ, вслѣдствіе чего площадь этой земли постепенно съуживалась и пользованіе ею становилось невозможнымъ. Законъ (Высочайше утв. 4 апрѣля 1865 г. правила) даровалъ крестьянамъ извѣстныя угодія, но на практикѣ помѣщикъ могъ обходить его и получать за эти угодья крупную плату.

Что же все это значить? Что значатъ всѣ эти факты отношенія и къ человѣку, и къ его правамъ, и къ закону?!

Говорятъ—судъ исторіи нелицепріятенъ, объективенъ, безстрастенъ,—словно члены этого суда, г. г. историки, безкровныя существа, чуждыя всѣмъ намъ свойственныхъ увлеченій, живой впечатлительности, отзывчивости.

Если такой судъ дѣйствительно возможенъ, если онъ въ состояніи спокойно обсудить и оцѣнить предлагаемую страничку исторіи нашего правоваго быта, то пусть онъ дастъ намъ ясные отвѣты на поставленные выше вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ пусть привлечетъ къ отвѣтственности предъ нимъ виновниковъ описанныхъ дѣяній!

Вл. Сваричовскій.

Необходимъ ли общій наказъ судебнымъ установленіямъ.

I.

Въ числѣ вопросовъ, которые предстоитъ разрѣшить высочайше утвержденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части, стоитъ и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сохранить порядокъ изданія общаго наказа судебнымъ мѣстамъ, установленный 167 ст. учрежд. суд. установл.

Вопросъ этотъ уже подвергался обсужденію въ I отдѣлѣ коммисіи. Напомнимъ вкратцѣ взгляды, которые были высказаны при его обсужденіи [1]). Мнѣнія членовъ отдѣла раздѣлились. Одни стояли за необходимость изданія общаго наказа, указывая на то, что отсутствіе такого наказа, содержащаго въ себѣ правила дѣлопроизводства и внутренняго распорядка, равно обязательныя для всѣхъ судебныхъ мѣстъ, крайне неудобно для частныхъ лицъ, входящихъ въ соприкосновеніе съ судами, ибо особые наказы для публики остаются въ большинствѣ случаевъ неизвѣстными, да къ тому же многія судебныя мѣста до сихъ поръ не составили особыхъ наказовъ. Правда, *основныя* правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства должны быть внесены въ подлежащіе раздѣлы судебныхъ уставовъ, но затѣмъ остальные, включеніе коихъ въ законъ едва ли возможно, въ виду ихъ дробности и мелочности, должно дать содержаніе наказу общему; въ особыхъ же наказахъ

[1]) Постановленіе отдѣла напечатано цѣликомъ въ майской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи за 96 г.

судебнымъ установленіямъ должны бы найти себѣ мѣсто лишь тѣ отступленія отъ общаго порядка, которыя обусловливаются мѣстными особенностями. Что касается порядка изданія общаго наказа, то высказывалось мнѣніе, что общій наказъ долженъ быть вносимъ на утвержденіе законодательной власти въ виду того, что правила, издаваемыя въ иномъ порядкѣ, не пользуются такимъ авторитетомъ, какъ законодательныя; другое мнѣніе стояло за сохраненіе существующаго порядка, по коему общій наказъ подлежитъ утвержденію Правительствующаго Сената, въ виду того, что внесеніе на уваженіе законодательной власти постановленій чисто инструкціоннаго характера не соотвѣтствуетъ ихъ существу.

Съ другой стороны высказанъ былъ взглядъ, что общій наказъ не нуженъ. Онъ могъ бы принести извѣстную пользу практикѣ судебнаго дѣла въ самомъ началѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ порядковъ, но за истекшее тридцатилѣтіе суды уже освоились съ условіями своей дѣятельности и установили правила своей внутренней жизни; населеніе также успѣло уже ознакомиться съ новыми порядками и принороввться къ нимъ; засимъ, особаго нежелательнаго разнообразія въ наказахъ отдѣльныхъ судебныхъ установленій въ сущности нѣтъ, напротивъ въ нихъ замѣчается скорѣе однообразіе, объясняющееся тѣмъ, что правила одного наказа заимствуются изъ другого. Но, не отрицая необходимости установленія для обезпеченія правильнаго и успѣшнаго хода судебнаго дѣла основныхъ правилъ распорядка и дѣлопроизводства, равно обязательныхъ для всѣхъ судебныхъ мѣстъ, члены коммисіи, находившіе излишнимъ изданіе общаго наказа, полагали, что эти правила, которыхъ въ сущности немного, могутъ быть выражены въ соотвѣтствующихъ частяхъ закона,—а затѣмъ правила, регулирующія жизнь отдѣльныхъ судебныхъ мѣстъ, составляли бы попрежнему содержаніе особыхъ наказовъ. Что касается порядка изданія послѣднихъ, то, по мнѣнію однихъ, представлялось бы желательнымъ установить, чтобы наказы низшихъ судебныхъ мѣстъ разсматривались и утверждались судебными палатами, ибо центральное управленіе министерства, на которомъ теперь лежитъ просмотръ наказовъ предъ представленіемъ ихъ на утвержденіе Правительствующаго Сената, не всегда можетъ въ достаточной мѣрѣ войти въ оцѣнку исключительныхъ мѣстныхъ условій, послужившихъ основаніемъ того или иного наказнаго постановленія;

другіе члены коммисіи стояли за сохраненіе нынѣ дѣйствующаго правила 171 ст. учрежд. суд. устан.

Въ виду такого разнообразія взглядовъ, предсѣдатель коммисіи находилъ желательнымъ обратиться съ предложеніемъ къ самимъ судебнымъ мѣстамъ высказать свои мнѣнія по вопросу существенной практической важности. Коммисія не могла не отнестись сочувственно къ предложенію предсѣдателя, которое даетъ ей возможность собрать цѣнный матеріалъ для всесторонняго выясненія вопроса.

Въ настоящее время собирается этотъ матеріалъ. Полагаемъ, что именно теперь умѣстно и въ повременной печати высказать мнѣніе, которое, можетъ быть, послужитъ основаніемъ къ дальнѣйшему обсужденію вопроса.

II.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопроса, поставленнаго коммисіей по реформѣ судебной части, представляется необходимымъ выяснить, что такое наказъ или по крайней мѣрѣ условиться относительно содержанія этого понятія. Когда говорятъ о наказѣ, то обыкновенно разумѣютъ подъ нимъ совокупность правилъ, относящихся до внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ; таково и легальное опредѣленіе этого понятія, данное въ 166 ст. учр. суд. устан.

Но, говорятъ, правила внутренняго распорядка могутъ быть болѣе важны и тогда они подлежатъ внесенію въ соотвѣтствующія части закона и только другія менѣе важныя правила „мелочнаго характера", какъ опредѣлили ихъ нѣкоторые члены коммисіи, должны составить содержаніе наказовъ. Такимъ образомъ, признакъ „внутренняго распорядка и дѣлопроизводства" оказывается недостаточнымъ для опредѣленія наказа. Дѣйствительно и судебные уставы, опредѣлившіе наказъ, какъ совокупность правилъ внутренняго распорядка, сами о нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ говорятъ въ законѣ: едва ли, напр., можетъ быть споръ, что требованіе, чтобы слѣдственное дѣло было перенумеровано и скрѣплено (481 ст. уст. угол. судопр.) не относится къ дѣлопроизводству.

Нужно установить другіе болѣе твердые признаки наказа, иначе онъ останется терминомъ безъ содержанія. Наказъ отъ другихъ сопредѣльныхъ понятій—закона, циркуляра можно различать съ

внутренней стороны по характеру устанавливаемыхъ имъ правилъ, а съ внѣшней по способу изданія. Что касается перваго, то различіе наказа отъ закона, которое только и интересно при разрѣшеніи поставленныхъ коммисіей вопросовъ, должно состоять въ томъ, что наказъ не долженъ касаться процессуальныхъ правилъ, которыми регулируются *судебныя права* сторонъ. Тяжущійся или подсудимый имѣютъ право требовать, чтобы ихъ права были установлены въ законѣ, чтобы правила, касающіяся ихъ правъ, были снабжены высшей санкціей и ничѣмъ отъ закона не отличались. Врядъ ли удобно, въ самомъ дѣлѣ, вводить въ наказъ—нѣчто низшее, во всякомъ случаѣ, чѣмъ законъ,—хотя бы правило о составѣ общихъ собраній отдѣльныхъ судебныхъ установленій, котораго касаются составители проекта общаго наказа, выработаннаго въ Саратовскомъ окружномъ судѣ въ 1877 г. (8 ст. 7. 1, гл. 2), можетъ быть, потому, что оно было пропущено въ законѣ [1]), или правило о томъ, въ какомъ засѣданіи, судебномъ или распорядительномъ, публичномъ или закрытомъ должно происходить освидѣтельствованіе умалишенныхъ (30 ст. 7. 3, гл. 5) и пр. Такія правила, какъ правило о составѣ общихъ собраній, относятся къ нормамъ чисто процессуальнымъ и тѣ, интересы коихъ разсматриваются въ засѣданіяхъ общихъ собраній, какъ, напр., подсудимые по дисциплинарнымъ дѣламъ, имѣютъ право требовать, чтобы составъ суда былъ заранѣе опредѣленъ въ законѣ и не могъ бы быть поставленъ въ зависимость отъ причинъ случайныхъ.

Засимъ, со стороны внѣшней наказъ долженъ отличаться отъ закона порядкомъ изданія. Если наказъ, т. е., собраніе правилъ инструкціоннаго характера, будетъ издаваемъ законодательной властью, тогда, по значенію устанавливаемыхъ имъ правилъ, по пространству ихъ дѣйствія, онъ будетъ сливаться съ закономъ. Достаточно издать наказъ въ законодательномъ порядкѣ, чтобы дать сторонамъ права наполнять процессъ ссылками на нарушеніе тѣхъ или другихъ предписываемыхъ имъ правилъ; право это нельзя будетъ отнять отъ нихъ потому, что подъ какимъ бы названіемъ законъ ни издавался, онъ обладаетъ одинаковой силой и значеніемъ. Это не значитъ, конечно, что нарушеніе наказныхъ правилъ будетъ признаваться существеннымъ и влечь за собою отмѣну пригово-

[1]) Пропускъ восполненъ закономъ 20 мая 85 г., измѣнившимъ 161 ст. учр. суд. установл.

ровъ или рѣшеній суда, но тѣмъ болѣе нежелательно и заполненіе процесса излишнимъ балластомъ. А, между тѣмъ, даже по своей обязательности и послѣдствіямъ нарушенія ихъ, наказныя правила должны отличаться отъ нормъ закона уже потому, что они содержатъ въ себѣ постановленія менѣе важныя, болѣе мелкаго характера; нарушеніе ихъ можетъ влечь за собой отвѣтственность виновныхъ въ порядкѣ дисциплинарнаго производства; смѣшиваться съ закономъ имъ во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія.

Если однако и согласиться съ предлагаемой характеристикой наказа, то этимъ не исключается вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ правилъ, которыми должны руководствоваться суды, что касается внутренняго распорядка, правила менѣе важныя, но обязательныя для всѣхъ судовъ и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго закона. Только вопросъ въ этомъ случаѣ будетъ заключаться не въ томъ, быть или не быть общему наказу, а сведется къ вопросу кодификаціонной техники. Нужно будетъ рѣшить, что удобнѣе съ точки зрѣнія кодификаціи,—прибавленіе ли къ учр. суд. установл. общему и особенному еще новаго, такъ сказать учрежденія частнаго, или прибавленіе къ статьѣ учр., которая гласитъ, что внутренній распорядокъ и дѣлопроизводство нормируются наказомъ общимъ и особыми, примѣчанія „общій наказъ при семъ приложенъ" и затѣмъ приложеніе наказныхъ правилъ къ статьѣ, подобно тому какъ къ ст. 396 учрежденія приложена такса вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ, или, наконецъ, удобнѣе инкорпорировать эти менѣе важныя правила въ соотвѣтствующіе отдѣлы учрежденія и уставовъ.

Врядъ ли не лучшая изъ системъ—послѣдняя. При извѣстномъ стремленіи къ обобщенію, правилъ и менѣе важныхъ окажется не такъ ужъ много, особенно если не заботиться о внесеніи въ общій наказъ—законъ такихъ постановленій, которыя хотя и могутъ быть примѣнены во всѣхъ судахъ, но по своей мелочности могутъ лишь подрывать авторитетъ закона, каковы, напр., правила о томъ, что отдѣленіи суда, назначенное для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ должно именоваться гражданскимъ, а рѣшающее уголовныя дѣла, уголовнымъ, если же гражданскихъ или уголовныхъ отдѣленій нѣсколько, то они должны называться первое гражданское, второе гражданское и т. д. Удобство распредѣленія нормъ, которыя могли бы составить содержаніе общаго наказа, по соотвѣтствующимъ частямъ учрежденія и уставовъ—то, что такой способъ

устранить лишній кодексъ изъ закона, притомъ кодексъ, который самостоятельнаго значенія почти не имѣетъ, ибо главнымъ образомъ развиваетъ и дополняетъ мысли другихъ кодексовъ, а затѣмъ указанный способъ дастъ возможность достигнуть цѣли установленія извѣстныхъ обязательныхъ для всѣхъ судебныхъ мѣстъ правилъ кратчайшимъ путемъ, ибо если развивать постановленія закона въ отдѣльномъ изданіи, то по неволѣ придется допустить массу ненужныхъ повтореній; такъ, въ законѣ будетъ сказано: засѣданія судебныхъ мѣстъ суть или распорядительныя, или судебныя, или, наконецъ, Общія Собранія всѣхъ опредѣленій или Департаментовъ (150 ст. учр.); общія собранія департаментовъ или отдѣленій составляются въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ (160 ст.), а въ отдѣльномъ изданіи—наказѣ будетъ говориться о томъ, что засѣданія общихъ собраній бываютъ очередныя и экстренныя (ст. 1 ч. 1 гл. 2 проекта наказа Саратовскихъ судей), что первыя созываются не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, а вторыя по усмотрѣнію предсѣдателя суда (ст. 2, тамъ же), между тѣмъ какъ гораздо короче и проще слить эти наказныя правила съ статьями учрежденія; или въ законѣ будетъ сказано, что предсѣдательствующій въ засѣданіи имѣетъ право приказать нарушителю порядка въ засѣданіи „удалиться изъ присутствія, велѣть вывести неповинующагося или даже распорядиться о задержаніи его подъ стражею"... (155 ст. учр.), а въ наказѣ будетъ изложенъ порядокъ примѣненія этой статьи: „если предсѣдающій въ судебномъ засѣданіи признаетъ нужнымъ заключить кого-либо подъ стражу на основаніи 155 ст. учр. суд. устан., то распоряженіе его объ этомъ подробно записывается въ протоколъ судебнаго засѣданія, а о приведеніи этого его распоряженія въ исполненіе предсѣдающій въ засѣданіи выдаетъ приказъ или на имя одного изъ судебныхъ приставовъ или на имя одного изъ находящихся въ то время въ зданіи суда мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ" (45 ст. ч. 1 гл. 2 саратовскаго проекта), тогда какъ гораздо проще, если уже признано бы было нужнымъ занесеніе въ протоколъ судебнаго засѣданія распоряженія, которое можетъ состояться и по закрытіи засѣданія и которое будетъ изложено, кромѣ того, въ приказѣ,—гораздо проще помѣстить это правило въ текстѣ той же 155 ст., сдѣлавъ къ ней дополненіе „о чемъ составляется протоколъ и выдается приказъ"....

И такъ, если остановиться на мысли издать наказъ—законъ, то

представляется болѣе цѣлесообразнымъ просто размѣстить предполагаемыя къ отнесенію въ наказъ правила въ соотвѣтствующихъ частяхъ законовъ учредительнаго и процессуальныхъ.

Но, если подъ наказомъ разумѣть совокупность правилъ, которыя издаются, какъ то и приличествуетъ сборнику постановленій инструкціоннаго характера, властью учрежденія, коему ввѣренъ высшій надзоръ за правильнымъ отправленіемъ правосудія и примѣненіемъ законовъ, а также наблюденіе за единообразіемъ въ дѣйствіи судебныхъ мѣстъ (167, 249 и др. ст. учр., мотивы къ 171 ст. учр. въ изданіи гос. канц.), то въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, представляется ли необходимымъ разбивать это изданіе на два, отнеся къ наказу общему „всѣ такого рода правила, обязательное соблюденіе коихъ, не смотря на мелочной ихъ характеръ, всѣми судебными установленіями представлялось бы безусловно желательнымъ въ интересахъ публики и въ видахъ успѣшной дѣятельности самихъ судовъ“ и предоставивъ особымъ наказамъ отдѣльныхъ судебныхъ установленій „регулировать тѣ отъ общаго порядка отступленія, которыя обусловливаются исключительно мѣстными особенностями“ (мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ коммисіи).

Для разрѣшенія этого вопроса, необходимо выяснить, какова цѣль наказовъ и какимъ путемъ эта цѣль можетъ быть легче и удобнѣе достигнута. Несомнѣнно, что цѣль и общаго и особыхъ наказовъ одна и та же—установить для каждаго судебнаго мѣста извѣстный порядокъ дѣятельности, и съ этой точки зрѣнія раздвоеніе наказа не находитъ себѣ оправданія; врядъ ли также можно сомнѣваться, что цѣль можетъ быть легче и удобнѣе достигнута при составленіи наказа на мѣстѣ, тѣмъ установленіемъ, которое будетъ его примѣнять. Не легко себѣ представить ту массу труда, которую пришлось бы затратить центральному управленію надъ правилами „мелочнаго характера“ для того, чтобы создать общій наказъ, который однако долженъ заключать въ себѣ особыя правила для всѣхъ отдѣльныхъ родовъ и степеней судебныхъ установленій, наказъ, который бы дѣйствительно оказался *общимъ*, правила котораго съ пользой для дѣла могли бы быть примѣнены безъ всякихъ модификацій во всѣхъ безъ изъятія мѣстахъ, для коихъ онъ предназначается. Имѣя въ виду современную систему судоустройства, Министерству Юстиціи пришлось бы составлять наказы для судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ съ ихъ отдѣле-

ніями—уголовными, гражданскими и ипотечными, для нотаріальныхъ архивовъ, судебныхъ слѣдователей, судебныхъ приставовъ, нотаріусовъ, уѣздныхъ членовъ, городскихъ судей, мировыхъ съѣздовъ, мировыхъ судей самыхъ разнообразныхъ типовъ, ихъ помощниковъ, гминныхъ судей, полицейскихъ чиновниковъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири будутъ замѣнять слѣдователей и т. д. и т. д. При распространеніи извѣстной системы судоустройства на мѣстности, къ которымъ признано будетъ нужнымъ примѣнить ее съ нѣкоторыми модификаціями, центральному управленію пришлось бы дѣлать соотвѣтствующія измѣненія и въ наказахъ; такъ пришлось бы нѣсколько измѣнить правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства для округа Архангельскаго суда, для губерній и областей Сибири и пр. и пр. Могутъ возразить, что въ реформированномъ судебномъ строѣ разнообразіе будетъ сведено къ большему единству, но большого единства судоустройства не будетъ и въ новой системѣ, ибо разнообразіе въ данномъ случаѣ вызывается не только историческими, политическими и бытовыми условіями жизни отдѣльныхъ мѣстностей обширной имперіи, но даже ихъ топографическими особенностями, которыя, положили, напр., очень замѣтный отпечатокъ на законъ 13 мая пр. г. о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири. Сочинять наказы центральному управленію пришлось бы напередъ, не въ мѣстной обстановкѣ, не среди мѣстныхъ условій, а это несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ составлять правила на мѣстѣ, осмотрѣвшись и присмотрѣвшись хоть нѣсколько къ тому, съ какими средствами для проведенія закона въ жизнь имѣешь дѣло, и къ той средѣ, для которой придется отправлять правосудіе и интересы которой должны найти свое отраженіе въ наказѣ.

Неудобства при составленіи наказовъ въ министерствѣ будутъ происходить главнымъ образомъ оттого, что чрезвычайно трудно предусмотрѣть все то многообразіе условій дѣятельности каждаго отдѣльнаго учрежденія, имѣющаго и особый районъ дѣятельности, непохожій на многіе другіе, и составъ въ количественномъ отношеніи черезчуръ отличный отъ состава многихъ учрежденій того же рода, и массу другихъ болѣе мелкихъ особенностей, напр., даже особенности зданія. Всѣ эти мѣстныя особенности могутъ и должны такъ или иначе вліять не только на созиданіе отдѣльныхъ нормъ, но даже цѣлыхъ такъ сказать институтовъ наказа. Такъ, напр.,

казалось бы, что дежурство членовъ суда для принятія прошеній въ такой именно или приблизительно въ такой формѣ, въ какой оно регламентировано Саратовскимъ проектомъ общаго наказа (части II гл. 7), необходимо во всѣхъ судахъ безъ изъятія; а между тѣмъ, если судъ состоитъ изъ 4—5 членовъ, изъ коихъ 2 постоянно отсутствуютъ, если въ судъ прошеній лично подается такъ немного, что принятіе ихъ нисколько не затруднитъ предсѣдателя суда и его товарища, которые по своимъ обязанностямъ проводятъ въ судѣ больше времени, чѣмъ это можно требовать отъ дежурныхъ судей, то вопросъ о дежурствахъ членовъ для такого суда является спорнымъ; можно еще кое-какъ помириться съ сидѣніемъ въ судѣ черезъ два дня въ третій для того, чтобы принять 5 прошеній, если помѣщеніе суда представляетъ удобства для занятій, но если нѣтъ и этого, то вводить обязательное дежурство членовъ въ правила общаго наказа вмѣсто того, чтобъ предоставить общему собранію суда право съ согласія предсѣдателя суда и его товарища возложить на нихъ пріемъ прошеній, разумѣется, кромѣ тѣхъ дней, когда они присутствуютъ въ засѣданіи, будетъ по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразно; если же общій наказъ въ главѣ о дежурствѣ скажетъ только, что въ судахъ могутъ быть дежурства членовъ или прошенія могутъ принимать и предсѣдатели суда, то этимъ онъ не скажетъ ничего... Весь отдѣлъ объ организаціи канцеляріи и веденіи дѣлопроизводства совершенно иначе долженъ быть регламентированъ въ судахъ, гдѣ въ канцеляріи охотно идутъ лица съ высшимъ образованіемъ, гдѣ атмосфера канцеляріи создается молодыми, только что окончившими университетъ людьми, и въ тѣхъ судахъ, которыхъ избѣгаютъ кандидаты на должности по судебному вѣдомству и гдѣ канцелярію приходится набирать изъ людей болѣе или менѣе случайныхъ; такъ, въ большинствѣ судовъ казалось бы возможнымъ ввести какъ общее правило то, которое принялъ уголовный департаментъ Харьковской судебной палаты послѣ циркуляра г. министра юстиціи объ упрощеніи дѣлопроизводства, правило, по которому почти всѣ исходящія бумаги подписываются секретаремъ и его помощникомъ, но врядъ ли такое правило введутъ въ свои наказы, не связанные общимъ, сибирскіе суды, по крайней мѣрѣ „впредь до указаній опыта"... Или, напр., вопросъ о нормировкѣ присутственныхъ часовъ. Саратовскій проектъ требуетъ, чтобы канцелярія работала съ 9 до 3 ч. (ч. 1 гл. 3, ст. 2), допуская исключеніе на болѣе или

менѣе продолжительное время по опредѣленію особыхъ наказовъ суда (примѣч. къ той же статьѣ), а дежурные члены находились бы въ судѣ ежедневно за исключеніемъ субботъ и дней неприсутственныхъ съ 1 ч. до 3 ч. (1 ст. ч. II, гл. 7), причемъ никакихъ изъятій изъ этого порядка не допускается; но въ Острогожскѣ, напр. [1]), гдѣ всѣ правительственныя учрежденія закрываются раньше 2 ч., а городской и частный банки прекращаютъ свою дѣятельность между 1 ч. и 2, очевидно потому, что въ это время публика уже не обращается къ ихъ услугамъ, было бы болѣе цѣлесообразно и часы для пріема прошеній назначить другіе. Насколько разнообразно, но вмѣстѣ съ симъ цѣлесообразно могутъ приспособляться суды къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и насколько трудно предусмотрѣть это разнообразіе и объять его въ общемъ наказѣ, даже при множествѣ альтернативъ въ каждой нормѣ, показываетъ такой, напр., маленькій фактъ. Саратовскій проектъ общаго наказа въ отдѣленіи о составѣ канцелярій суда (ч. 1 отд. II) завѣдываніе столами возлагаетъ на помощниковъ секретаря (17 ст. б.), а „при недостаткѣ положеннаго по штату числа помощниковъ секретаря. гласитъ проектъ, завѣдываніе столами съ правами и обязанностями помощниковъ секретаря можетъ быть возлагаемо предсѣдателемъ отдѣленія на канцелярскихъ чиновниковъ суда, но не на вольнонаемныхъ писцовъ“ (ст. 18). Казалось бы все предусмотрѣно этой статьей, къ ней ничего нельзя прибавить. А между тѣмъ практика маленькихъ судовъ знаетъ и другой порядокъ; такъ какъ секретарскія обязанности по отдѣленію несложны, то въ нѣкоторыхъ судахъ (сумской), гдѣ по штату недостаточное число помощниковъ, секретарь завѣдываетъ и столомъ съ сравнительно меньшимъ, чѣмъ у помощниковъ секретаря, количествомъ дѣлъ. Это разнообразіе мѣстныхъ условій и способовъ приспособленія къ нимъ и трудность предусмотрѣть ихъ при составленіи правилъ внутренняго распорядка центральнымъ управленіемъ поведетъ къ тому, что общій наказъ можетъ оказаться или собраніемъ правилъ, которыя будутъ черезчуръ общи и потому безсодержательны, или онъ дастъ такія правила, которыя свяжутъ суды при изданіи особыхъ наказовъ и помѣшаютъ имъ съ возможно бо̀льшей пользой эксплоатировать имѣющіяся въ ихъ распоряженіи средства для отправленія правосудія, или наконецъ

[1]) Воронежской губерніи, гдѣ также имѣется окружный судъ.

онъ будетъ заключать въ себѣ пожеланія, которыя, если ихъ нельзя будетъ примѣнить на практикѣ, останутся мертвой буквой и подорвутъ авторитетъ всего наказа или даже будутъ звучать злой проніей. Таковы, напр., обязательныя правила о благоустройствѣ архива для того суда, гдѣ потолки архивнаго помѣщенія опираются на колоны изъ дѣлъ, даже постановленія о свидѣтельскихъ комнатахъ (Саратовскій проектъ, ч. II, гл. 4, отдѣленіе 2 „Общія правила размѣщенія отдѣльныхъ частей суда въ занимаемомъ имъ зданіи", ст. 13) для судовъ, въ коихъ такихъ комнатъ, въ видѣ отдѣльныхъ помѣщеній, не имѣется. А затѣмъ, много ли найдется такихъ правилъ, безусловное соблюденіе которыхъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ желательно въ интересахъ дѣла? Подробный разборъ отдѣльныхъ нормъ дѣйствующихъ особыхъ наказовъ судовъ и Саратовскаго проекта общаго наказа [1]), которые несомнѣнно дали бы главный матеріалъ при составленіи наказа общаго, завелъ бы насъ слишкомъ далеко, но если изъ существующихъ наказовъ исключить всѣ тѣ отдѣльныя правила или цѣлые отдѣлы, обязательное установленіе каковыхъ связало бы дѣятельность судовъ при составленіи особыхъ наказовъ, не давъ имъ возможности наилучшимъ образомъ примѣниться къ ихъ особымъ условіямъ, если кромѣ того исключить изъ нихъ всѣ тѣ правила, которыя должны отойти къ закону по самому ихъ характеру или упразднены, потому что составляютъ лишь толкованіе закона или потому, что не имѣютъ опредѣленнаго содержанія или имѣютъ черезчуръ мелкое содержаніе (въ карцеляріяхъ запрещается курить табакъ) для того, чтобы ихъ кодифицировать въ наказѣ общемъ, то такихъ правилъ, которыя слѣдовало бы и стоило бы внести въ общій наказъ останется слишкомъ немного. Едва ли не единственный отдѣлъ въ наказахъ, объ обязательности котораго безъ всякихъ изъятій для всѣхъ судебныхъ установленій нельзя спорить, касается денежной части, но онъ регулируется теперь правилами счетоводства и отчетности, издаваемыми министромъ юстиціи по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ [2]), согласно 12 ст. Временныхъ правилъ 15 марта 1866 г. о внутреннемъ рас-

---

[1]) Правила для общихъ суд. мѣст. напечатаны въ Собр. узак. за 1886 г. № 41.

[2]) Этотъ проектъ, послужившій образцомъ для особыхъ наказовъ многихъ судовъ, отличается едва ли не наибольшей обстоятельностью и полнотой—одна изъ цѣлей, которую преслѣдовали его составители (см. Вступленіе къ проекту, III).

порядкѣ въ суд. устан., и къ измѣненію порядка составленія и изданія этихъ правилъ никакихъ основаній не представляется. Не надо также забывать, что нѣкоторыя изъ правилъ, которыя должны соблюдаться всѣми судебными установленіями, могутъ быть регламентированы циркулярами министерства, форма которыхъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ наказной въ томъ отношеніи, что даетъ болѣе легкую возможность измѣнять содержащіяся въ нихъ правила по указаніямъ практики.

Стоитъ ли затрачивать массу труда для того, чтобы создать правила, характеръ которыхъ опредѣляется названіемъ ихъ „мелочными", чтобы рисковать принести вредъ и во всякомъ случаѣ достигнуть той цѣли, которая легче и удобнѣе можетъ быть достигнута безъ трехчленной системы установленія правилъ внутренняго распорядка—въ законѣ, общемъ наказѣ и наказахъ особыхъ,—самими судами въ ихъ наказахъ? Но въ защиту трехчленной системы приводятъ не то, что безъ нея не будетъ достигнута *цѣль* установленія правилъ внутренняго распорядка, говорятъ, что „особые наказы, регулирующіе внутреннюю жизнь судебныхъ установленій, остаются для публики въ большинствѣ случаевъ неизвѣстными и потому нисколько не облегчаютъ лицамъ, обращающимся къ содѣйствію суда, возможности ознакомленія съ судебными порядками; къ тому же очень многія судебныя мѣста до сихъ поръ не составили своихъ наказовъ, и внутренній въ нихъ распорядокъ опредѣляется разрозненными постановленіями общихъ собраній и распоряженіями предсѣдателей, часто подвергающимися измѣненіямъ"... Правда, что особые наказы судовъ для публики такъ же малоизвѣстны, какъ законъ, но изданіемъ общаго наказа врядъ ли можно помочь горю; та часть публики, наименѣе симпатичная, которой сравнительно часто приходится обращаться къ содѣйствію суда (ростовщики, лица, занимающіяся веденіемъ дѣлъ въ видѣ промысла, но не состоящія въ числѣ повѣренныхъ), при всякомъ положеніи дѣла съумѣетъ ознакомиться съ судебными порядками и розыщетъ и особый наказъ, если онъ есть, а для той части, которой къ суду приходится обращаться въ единичныхъ случаяхъ, ни наказъ, ни законъ не поможетъ ознакомиться съ судебными порядками; ей можетъ помочь только живое общеніе съ предсѣдателемъ и предсѣдательствующими въ отдѣленіяхъ, а никакой наказъ не помѣшаетъ имъ оградить свой покой отъ публики, если они этого захотятъ... Что касается указанія на то, что не всѣ су-

дебныя мѣста составили себѣ наказы, то вѣдь и общій наказъ до сихъ поръ также не составленъ и министерство имѣетъ во всякомъ случаѣ возможность настоять, чтобы наказы были составлены, а при изданіи судебныхъ уставовъ въ реформированномъ видѣ можно было бы установить даже извѣстный срокъ, въ теченіе коего судебныя установленія обязаны будутъ представить проекты наказовъ въ министерство.

Признавая по изложеннымъ соображеніямъ, что изданіе общаго наказа представляется излишнимъ, по вопросу о порядкѣ изданія особыхъ наказовъ мы полагали бы возможнымъ сохранить дѣйствующія правила (171 ст. учр. по зак. 14 мая 85 г.), сдѣлавъ къ нимъ только нѣкоторыя дополненія. По существующимъ правиламъ особые наказы представляются г. министру юстиціи, который, „буде найдетъ въ нихъ что-либо несогласное съ законами или неудобное въ примѣненіи, сообщаетъ о томъ для измѣненія соединенному присутствію перваго и кассаціоннаго департаментовъ Сената" (171 ст.), т. е. г. министру юстиціи предоставляется право разсматривать наказныя правила съ точки зрѣнія ихъ законности и цѣлесообразности. Казалось бы полезнымъ предоставить министру право, если при разсмотрѣніи наказа признано будетъ, что онъ не коснулся извѣстныхъ частей внутренняго распорядка и дѣлопроизводства, предлагать судебному мѣсту, прежде внесенія наказа на обсужденіе соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ, дополнить наказъ установленіемъ въ немъ правилъ, касающихся и тѣхъ частей, которыхъ не коснулся судъ, или же предоставить министру право издать программу для составленія особыхъ наказовъ. Впрочемъ о послѣднемъ правѣ нѣтъ нужды упоминать въ законѣ; разъ министру будетъ предоставлено право предлагать судамъ дополнять наказъ, то изъ этого само собою будетъ вытекать и право министерства оповѣстить заранѣе суды о тѣхъ отдѣлахъ внутренняго распорядка, которые, по его мнѣнію, необходимо регулировать въ наказахъ. Засимъ для большаго удобства при оцѣнкѣ наказныхъ правилъ, можно бы ввести въ законъ правило, по коему судебныя установленія должны представлять въ министерство наказы съ тѣми мотивами, которыми руководствовались они при введеніи въ наказъ той или иной нормы.

Что касается возникшаго въ коммисіи вопроса, не слѣдуетъ ли предоставить право утвержденія наказовъ низшихъ судебныхъ мѣстъ судебнымъ палатамъ, то введеніе такого правила, по нашему

мнѣнію, было бы крайне нежелательно, даже если бы былъ изданъ общій наказъ. Утвержденіе и измѣненіе особыхъ наказовъ должно принадлежать одной высшей коллегіи, которой принадлежитъ надзоръ за правильнымъ примѣненіемъ въ судахъ закона, а предварительная оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и законности должна сосредоточиваться въ центральномъ управленіи министерства юстиціи, которое вѣдаетъ вопросы организаціи всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ Имперіи. Такого сосредоточенія требуетъ необходимость идеи единства при проведеніи закона въ жизнь на всемъ обширномъ пространствѣ Имперіи. Утвержденіе наказовъ судебными палатами нежелательно и потому, что представляя учрежденія чисто судебныя, судебныя палаты или чисто формально отнесутся къ дѣлу административному—разсмотрѣнію наказа со стороны цѣлесообразности, или внесутъ въ утвержденіе наказовъ элементъ случайности: обратитъ вниманіе кто-либо изъ членовъ на извѣстный отдѣлъ правилъ — они будутъ измѣнены, не обратитъ—коллегія утвердитъ ихъ безъ преній. Желательно лишь, что и требуется дѣйствующимъ закономъ, представленіе наказовъ министру черезъ старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ. Будучи высшимъ судебнымъ агентомъ министерства на мѣстѣ, старшій предсѣдатель можетъ сдѣлать весьма цѣнныя указанія относительно цѣлесообразности той или иной мѣры, которую имѣетъ въ виду ввести наказъ въ обиходъ суда.

Резюмируя сказанное, мы находимъ возможнымъ свое заключеніе по предложеннымъ комисіею вопросамъ высказать въ слѣдующихъ положеніяхъ: общій наказъ является излишнимъ. Правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства судебныхъ установленій, болѣе важныя и всѣ тѣ, которыя касаются процессуальныхъ правъ сторонъ [1]), должны быть внесены въ соотвѣтствующіе отдѣлы учрежденія и судопроизводственныхъ уставовъ; выдѣленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ въ особую группу въ законѣ нежелательно. Дѣйствующія правила о порядкѣ изданія и измѣненія особыхъ наказовъ желательно дополнить указаніемъ, что министръ юстиціи можетъ предлагать судебнымъ мѣстамъ объ установленіи правилъ для тѣхъ частей внутренняго распорядка, кото-

---

[1]) Которыя имѣютъ „обязательную силу какъ для служащихъ, такъ и для частныхъ лицъ" (суд. уст. съ излож. разсужд. учр. суд. уст., объясненія къ 168 ст., стр. 102).

рыхъ судъ въ представленномъ наказѣ не коснулся. Желательно также изданіе министерствомъ программы для составленія особыхъ наказовъ.

Я. Затворницкій.

Юридическіе курьезы.

Наша общественная жизнь, до извѣстной степени втиснутая въ заимствованныя отъ европейскихъ сосѣдей правовыя нормы и лишенная въ силу этого исторически выработанной *культуры права*, должна представлять для юриста-обозрѣвателя безконечный рядъ всевозможныхъ курьезовъ и противорѣчій. Формы быта, часто совершенно независимыя отъ писанныхъ законовъ, законы не сообразованные съ формами быта; неустойчивость и непостоянство формирующихъ жизнь вѣяній; пестрыя наслоенія быстро смѣняющихся эпохъ общественнаго прогресса и застоя, оставляющихъ каждая свой рѣзкій отпечатокъ на нравахъ, привычкахъ, обычаяхъ, воззрѣніяхъ народа и взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ группъ; полное преобразованіе судебныхъ учрежденій при Царѣ-Освободителѣ и позднѣйшія „реформы къ реформамъ"; замѣна успѣвшихъ пріобрѣсть громадный нравственный авторитетъ мировыхъ судей земскими начальниками; введеніе судебной реформы на окраинахъ на ряду съ ограниченіемъ ее въ центрѣ, наконецъ, и предстоящее снова возрожденіе мировыхъ судей съ отдѣленіемъ отъ земскихъ начальниковъ ихъ судебныхъ функцій,—таковъ тотъ соціально-историческій фонъ, на которомъ рисуется довольно хаотическая картина правовой жизни современнаго русскаго общества. Едва ли можно удивляться, что чуть не на каждомъ шагу она поражаетъ васъ самыми удивительными культурно-правовыми диссонансами и нескладицами.

Наиболѣе богатый матеріалъ въ этомъ смыслѣ даетъ разумѣется, судебная практика земскихъ начальниковъ. Институтъ этотъ, какъ извѣстно, еще при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ Божій не встрѣтилъ большаго сочувствія въ обществѣ, а тѣмъ болѣе не можетъ разсчитывать на сочувствіе въ настоящее мирное время, когда жизнь вновь вошла въ свои историческія нормы, и когда всякая надобность въ какихъ бы то ни было исключительныхъ мѣрахъ давнымъ давно миновала. Земскіе начальники не могутъ

не реагировать такъ или иначе на отрицательное отношеніе къ нимъ общественнаго мнѣнія. На этой почвѣ возникаетъ рядъ интересныхъ дѣлъ, весьма типичныхъ для переживаемаго нами момента. Первые годы по введеніи положенія о земскихъ начальникахъ, какъ извѣстно, ознаменовались многочисленными дѣлами по обвиненію ихъ въ превышеніи власти, а теперь, приближаясь, такъ сказать, къ концу своего земнаго пути, напротивъ того, сами земскіе начальники, не рѣдко привлекаютъ къ суду другихъ лицъ по обвиненію въ оскорбленіи ихъ, земскихъ начальниковъ. Обидчивость мѣстнаго земскаго начальника испыталъ на себѣ между прочимъ и помѣщикъ Старицкаго уѣзда, Тверской губ., статскій совѣтникъ Евг. Вален. де-Реберти, извѣстный соціологъ и профессоръ Брюссельскаго университета. Случилось это слѣдующимъ образомъ:

Крестьянинъ Никита Ивановъ Принцевъ предъявилъ у земскаго начальника Старицкого уѣзда г. Панафидина искъ къ управляющему имѣніемъ де-Роберти г. Крейеру о 10 р. 97½ к. за работы по исправленію фундамента въ домѣ де-Роберти. Земскій начальникъ 24 ноября 1894 г. заочнымъ рѣшеніемъ опредѣлилъ взыскать съ отвѣтчика эту сумму и 3 руб. судебныхъ издержекъ. Въ отзывѣ на это рѣшеніе г. Крейеръ заявилъ отводъ о томъ, что этотъ искъ долженъ быть предъявленъ не къ нему, а къ самому г. де-Роберти, у котораго онъ служитъ управляющимъ. Земскій начальникъ призналъ, однако, что искъ правильно предъявленъ къ Крейеру, какъ къ контрагенту, пояснилъ Крейеру, что онъ можетъ поставить уплоченныя имъ по этому счету деньги въ счетъ своему хозяину, и присудилъ взыскать въ пользу Принцева съ г. Кейера, какъ управляющаго г. де-Реберти, 10 руб. 97½ к. и судебныхъ издержекъ 5 р. Въ тотъ же день былъ выданъ исполнительный листъ, по которому исполненіе поручено Братковскому волостному старшинѣ. Старшина сначала описалъ имущество Крейера, но вслѣдствіе заявленія послѣдняго, что взысканіе должно быть обращено на имущество г. де-Роберти, 18-го марта земскій начальникъ послалъ старшинѣ разъясненіе, что взысканіе должно быть дѣйствительно обращено на имущество де-Роберти, такъ какъ искъ присужденъ съ Крейера, какъ управляющаго де-Роберти. Согласно этому разъясненію старшина, освободивъ отъ ареста имущество г. Кейера, описалъ и 8-го мая 1895 г. продалъ съ публичнаго торга конно-паровую мялку г. де-Роберти.

Г. де-Роберти, какъ професоръ брюссельскаго университета,

живетъ постоянно за границей и въ имѣніе свое пріѣзжаетъ только лѣтомъ на два, на три мѣсяца. Узнавъ, что взысканіе, по которому была продана его машина, было предъявлено къ Крейеру, и что тотъ заявлялъ отводъ, г. де-Роберти, предположилъ, что земскій начальникъ, уваживъ отводъ, но не прекративъ дѣла, превратилъ Крейера изъ отвѣтчика въ повѣреннаго его, де-Роберти, 23 ноября того же 1895 г. подалъ въ тверское губернское присутствіе жалобу на небрежное отношеніе земскаго начальника къ своимъ обязанностямъ, но затѣмъ, когда узналъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, а именно, что и рѣшеніе постановлено было противъ Крейера, и исполнительный листъ выданъ былъ на него, 13-го сентября прошлаго года подалъ губернскому присутствію новую жалобу, въ которой, изложивъ всѣ только теперь сдѣлавшіяся ему извѣстными обстоятельства дѣла, говоритъ: „такого крайняго произвола и неправосудія я допустить не могъ... не сомнѣваюсь, что если этотъ фактъ продажи имущества безъ всякаго судебнаго рѣшенія, по чистому произволу и превышенію власти судьи, подтвердится, и при томъ выяснится, что земскій начальникъ скрылъ это обстоятельство при первомъ своемъ представленіи тверскому губернскому присутствію означеннаго выше дѣла, то присутствіе не затруднится примѣнить къ данному случаю 141 ст. полож. о земск. участ. начальникахъ“...

Разсмотрѣвъ эту послѣднюю жалобу, тверское губернское присутствіе признало дѣйствія земскаго начальника не правильными, но не привлекло его къ дисциплинарной отвѣтственности за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 14-го мая 1896 г. Г. де-Роберти же былъ затѣмъ преданъ суду за помѣщеніе въ жалобѣ выраженія: „такого крайняго произвола и неправосудія я допустить не могъ“, которое обвинительный актъ признаетъ прямо оскорбительнымъ для земскаго начальника.

Тов. прокурора просилъ судъ назначить г. де-Роберти наказаніе по 283 ст. Улож.

Защитникъ кн. Урусовъ высказалъ слѣдующее: Представитель обвиненія находитъ, что настоящее дѣло—самое обыкновенное, какихъ бываютъ сотни. Неужели сотни? Не хотѣлось бы этому вѣрить. Но во всякомъ случаѣ настоящее дѣло—необыкновенное и въ своемъ родѣ, смѣю думать, единственное. Де-Роберти къ суду не вызывался, искъ предъявленъ былъ не къ нему, ни отвѣтчикомъ, ни третьимъ лицомъ онъ въ дѣлѣ не участвовалъ, никто

его не спрашивалъ, признаетъ онъ или отвергаетъ искъ Принцева—и вдругъ машина де-Роберти продана. Ищи съ кого хочешь. Признаюсь, гг. судьи, о такомъ „упрощенномъ“ судопроизводствѣ нигдѣ еще на свѣтѣ не слыхано, и введеніе его слѣдуетъ всецѣло приписать г. Панафидину, какъ законодателю.

Обращаясь къ обвиненію, которое поддерживается здѣсь на судѣ, я прежде всего недоумѣваю: въ чемъ усматривается умыселъ де-Роберти къ оскорбленію земскаго начальника. Кажется умыселъ жалобщика совершенно ясенъ: онъ прямо обвиняетъ земскаго начальника въ преступленіи по должности. Долженъ же онъ, какъ жалобщикъ, сказать точно и ясно, въ чемъ это преступленіе заключается; онъ и говоритъ: въ произволѣ и неправосудіи. То и другое признано компетентнымъ судомъ—съѣздомъ земскихъ начальниковъ. О чемъ же еще можетъ быть рѣчь? Г. Панафидинъ обидѣлся, что его поступки названы крайнимъ произволомъ. А какъ же ихъ назвать? Неправильными ихъ назвать нельзя. Неправильностью называется нарушеніе отдѣльныхъ формальностей, правилъ судопроизводства,—но нарушать коренной законъ гражданскаго процесса, присуждать искъ съ одного, а взыскивать съ другого безъ суда—это не неправильность. Дѣйствія судьи должны быть основаны на законѣ. Если они игнорируютъ законъ, они вытекаютъ изъ произвола, и никакого другого названія для нихъ не существуетъ. Или законъ, или произволъ. А если произволъ, то конечно, и неправосудіе, потому что правосудіе, по самому смыслу словъ, основано на правѣ, на законѣ. Не смотря на все богатство русскаго языка, я не знаю средняго термина, какой долженъ былъ употребить г. де-Роберти, если хотѣлъ называть вещи по ихъ имени, какъ ученый и мыслитель. Я нахожу, что принося жалобу съ точнымъ изложеніемъ фактовъ несомнѣннаго произвола и неправосудія, мой довѣритель вовсе не былъ обязанъ прибѣгать къ перифразамъ, застѣнчивымъ изворотамъ и иносказательнымъ фіоритурамъ. Онъ назвалъ произволъ по имени—и достаточно было упомянуть это слово, чтобы обвиняемый, превратившись въ обвинителя, обидѣлся, да еще какъ!

Г. де-Роберти былъ оправданъ.

Къ талантливому освѣщенію этого дѣла защитникомъ княземъ Урусовымъ прибавлять, кажется, нечего.

Здѣсь обвинялся въ оскорбленіи земскаго начальника человѣкъ, принадлежащій къ высшему слою интеллигенціи, профессоръ и

писатель, а въ г. Аккерманѣ передъ отдѣленіемъ кишиневскаго окружнаго суда обвиняемымъ по такому же дѣлу предсталъ смиренный пастырь, священникъ села Волонтаровки, Исаакъ Драгичъ, старецъ пятидесяти шести лѣтъ. Преступленіе, за которое судили престарѣлаго священника, заключается въ томъ, что въ объясненіи своемъ духовной консисторіи по поводу неявки въ камеру земскаго начальника 3-го участка Аккерманскаго уѣзда А. Г. Навроцкаго для приведенія свидѣтелей къ присягѣ, онъ помѣстилъ явно оскорбительныя для земскаго начальника выраженія, какъ-то: „Земскій началникъ Навроцкій одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ такъ нелестно отзывается и печать, какъ выразительница истины, считаетъ себя какимъ-то царькомъ въ своемъ районѣ, даже непогрѣшимымъ“ и т. д. На предложенный предсѣдателемъ обычный вопросъ о виновности, о. Исаакъ Драгичъ взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, между прочимъ, сказалъ: „Все, что я писалъ въ своемъ объясненіи духовной консисторіи, совершенная правда, и я писалъ не для того, чтобы оскорблять земскаго начальника, а для своей защиты. Не явился же я въ послѣдній роковой разъ въ его камеру потому, что, несмотря на мою смиренную натуру, выработанную долголѣтнею пастырскою службою, я больше не могъ терпѣть его самовольныя и противозаконныя нарушенія чужой свободы“. Затѣмъ священникъ показалъ, что г. Навроцкій вызывалъ его въ камеру на 9 ч. утра для привода къ присягѣ свидѣтелей, а самъ являлся всегда въ 11—12 час. дня. Въ послѣдній разъ священникъ также простоялъ часа полтора и, не дождавшись прихода замскаго начальника, пошелъ въ училище, предварительно попросивъ нѣкоторыхъ поселянъ сказать замскому начальнику, что онъ пошелъ въ училище и по первому требованію придетъ. Земскій же начальникъ не принялъ во вниманіе заявленія поселянъ и постановилъ о неявкѣ сообщить консисторіи. Судъ приговорилъ обвиняемаго къ 15 р. штрафа, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности, арестомъ на одинъ день.

Само собою разумѣется, что ссылка почтеннаго отца Исаака на „печать какъ выразительницу истины“, и характеристика поведенія земскаго начальника Навроцкаго, „считающаго себя царькомъ и даже непогрѣшимымъ въ своемъ участкѣ“—нѣсколько неумѣстны въ консисторскомъ документѣ, и приговоръ суда, оштрафовавшаго священника 15 рублями за аттестацію не подвѣдомственныхъ ему чиновъ,—должно признать и достаточно мягкимъ и

юридически справедливымъ. Священникъ приглашается въ камеру не для провѣрки законности рѣшеній судьи, а только для привода свидѣтелей къ присягѣ. Если судья, хотя бы это былъ и земскій начальникъ, рѣшаетъ дѣла не по правдѣ, а „самовольно и беззаконно", хотя бы въ такой же мѣрѣ какъ г. Панафидинъ по дѣлу де-Роберти, то недовольная его рѣшеніемъ сторона можетъ обращаться въ съѣздъ, въ губернское присутствіе, въ сенатъ и т. д. Допускать право хотя бы и пассивнаго протеста священника противъ приговоровъ земскаго начальника—значило бы сдѣлать духовный судъ апелляціонною инстанціею для суда свѣтскаго. Претендовать на какое бы то ни было подчиненіе судьи мнѣніямъ и совѣсти присутствующаго въ камерѣ духовнаго лица конечно смѣшно; это одна сторона дѣла, характеризующая отношеніе священника къ земскому начальнику. Разсмотримъ теперь и другую сторону—отношеніе земскаго начальника къ священнику. Несомнѣнно, что являясь въ камеру, духовное лицо въ правѣ требовать гарантій полнаго уваженія къ своему сану, но такого уваженія именно и не было оказано отцу Исааку земскимъ начальникомъ Навроцкимъ. Онъ вызывалъ свидѣтелей и священника къ 9 часамъ утра, а самъ являлся въ камеру къ 12 часамъ. Къ сожалѣнію, такое небрежное третированіе правъ священнослужителя, свидѣтелей сторонъ и присяжныхъ засѣдателей—составляетъ обычную картину отправленія судопроизводства и не только въ камерахъ земскихъ начальниковъ. Во всѣхъ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ почему то установился странный обычай не принаровлять начала засѣданій, къ часу, обозначенному на повѣсткахъ. Свидѣтели, присяжные засѣдатели, священники, подсудимые—все это обыкновенно вызывается часа на два, на три раньше открытія засѣданій и томится безплодным ожиданіемъ въ залахъ и коридорахъ камеръ, съѣздовъ и т. д. Не явиться къ сроку, указанному въ повѣсткѣ, никто не считаетъ себя въ правѣ, а явившись, приходится ждать и слоняться, теряя дорогое рабочее утро. Тяжелы и мучительны долгіе часы ожиданія для подсудимаго—но съ этимъ еще можно мириться: пусть для него самый судъ служитъ частицею наказанія. Обвиненный наказывается сверхъ опредѣленной закономъ кары, нѣсколькими часами ожиданія, а признанный невиннымъ такъ радуется оправданію, что готовъ простить всякія непріятности—даже предварительное заключеніе. Словомъ, обвиняемые не претендуютъ. Тяжущіяся стороны тоже должны мириться съ

этими непріятностями ожиданія во имя отстаиваемаго ими судебнымъ порядкомъ интереса; слѣдовательно и для нихъ прождать нѣсколько лишнихъ часовъ—дѣло не важное. Но уже гораздо тяжелѣе и непріятнѣе такая утрата времени для свидѣтелей, которые и преступленія не совершали и въ исходѣ дѣла лично не заинтересованы: отбывая священнѣйшую судебную повинность, имъ приходится испытывать эти неудобства, какъ своего рода на чужомъ пиру похмѣлье. Но и они могутъ утѣшаться тѣмъ, что выпавшая на ихъ долю обязанность—дѣло случайное: просидѣлъ все утро въ судѣ, дождался своей очереди, сказалъ, что знаешь и ушелъ домой, и никогда то въ жизни быть можетъ такого случая больше не приключится. Вотъ присяжные засѣдатели—дѣло другое: разъ попалъ на сессію, то теряй время, ожидая съ десяти часовъ суда, который явится около 12-и не одинъ день, а подрядъ недѣли двѣ, пока длится сессія. Здѣсь непроизводительная утечка времени уже немаленькая, и для дѣловаго, хорошо зарабатывающаго человѣка установленный порядокъ слишкомъ ранняго вызова на засѣданія, обходится не дешево. Но для кого этотъ порядокъ всего тяжелѣе и мучительнѣе, такъ это именно для духовныхъ лицъ, которыя обязаны терять попусту дорогое время каждое засѣданіе суда, безъ дѣла сидѣть по два—по три часа въ залѣ окружнаго суда или въ камерѣ земскаго начальника. Сельскому батюшкѣ нужно исполнять священныя требы: хоронить, крестить, быть моженъ, пріобщать умирающаго, а онъ долженъ бросить все и безъ толку сидѣть въ пустой камерѣ. Кому и для чего это нужно? Интересно было бы узнать, какъ отнеслось бы къ мотивамъ этой распри губернское присутствіе. Не нашло ли послѣднее умѣстнымъ сдѣлать г. Навроцкому замѣчаніе—относиться впредь къ духовному лицу съ большимъ уваженіемъ и не выдерживать его въ своей камерѣ по нѣсколько часовъ, третируя на глазахъ у паствы? Такой выговоръ былъ бы вполнѣ правильнымъ, не только частнымъ разрѣшеніемъ возникшаго въ с. Волонтаровкѣ вопроса о правѣ земскаго начальника держать по нѣсколько часовъ въ своей камерѣ священника. Но такъ какъ это вопросъ не частный, а общій, касающійся не одного только духовенства, а почти въ такой же мѣрѣ и всѣхъ остальныхъ лицъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ судами всѣхъ инстанцій, въ качествѣ обвиняемыхъ, сторонъ, свидѣтелей и т. д., и такъ какъ вообще никто изъ просвѣщенныхъ лицъ судебнаго вѣдомства не раздѣляетъ, конечно, взгляда на су-

ществующій порядокъ вызова всѣхъ участвующихъ въ судебномъ процессѣ лицъ повѣстками за нѣсколько часовъ раньше до начала засѣданія, какъ на неудобство, необходимое для сохраненія престижа судебной власти, то вполнѣ своевременно было бы издать общее для всѣхъ судебныхъ установленій правило, чтобы засѣданіе суда открывалось непремѣнно въ часъ, обозначенный на повѣсткахъ, съ такою оговоркою въ печатномъ текстѣ повѣстокъ и съ предоставленіемъ права всѣмъ участникамъ процесса жаловаться на судъ за нарушеніе этого правила. Разъ мы согласимся съ тѣмъ, что заставлять безъ нужды десятки людей терять въ ожиданіи суда дорогое рабочее время, совсѣмъ не въ интересахъ правосудія, и что вообще халатность въ распорядительныхъ дѣйствіяхъ суда, не можетъ служить основою престижа судебной власти, то всякія возраженія противъ предлагаемой нами мѣры устраняются сами собою. Судъ, который самъ по своему усмотрѣнію назначаетъ дѣла, по мѣрѣ ихъ готовности къ слушанію безъ всякихъ усилій, по одному только желанію, можетъ быть также точенъ въ срокахъ открытія засѣданій, какъ чины министерства путей сообщенія въ срокахъ отправленія поѣздовъ, и убыточная для страны утечка рабочаго времени десятковъ лицъ ежедневно въ каждомъ судебномъ учрежденіи имперіи, навѣрное обходящаяся населенію въ общемъ итогѣ при переводѣ времени на деньги, покрайней мѣрѣ, въ сотни тысячъ или даже милліоны рублей, легко можетъ быть прекращена безъ всякаго ущерба для правосудія и съ громадной пользою для гражданъ.

Не удивительно, когда земскіе начальники, назначаемые часто безъ всякаго образовательно-юридическаго ценза продаютъ машины однихъ лицъ по искамъ къ другимъ и считаютъ необходимымъ выдерживать въ своей камерѣ священника по нѣсколько часовъ для поддержанія пресловутаго престижа. Такія печальныя явленія всегда имѣютъ, если не оправданіе, то, покрайней мѣрѣ, естественное объясненіе хотя бы, именно, въ низкомъ образовательномъ уровнѣ нѣкоторыхъ лицъ, призванныхъ къ руководительству деревенскаго населенія. Но вотъ передъ нами люди съ юридическимъ образованіемъ и, покрайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ—съ большимъ юридическимъ опытомъ: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей 2-го округа Варшавской губерніи и мировой судья города Влоцлавска. Своею единоличною властью, Богъ вѣсть на какихъ основаніяхъ и по какому праву, безъ всякаго коллегіальнаго обсужденія вопроса

въ съѣздѣ и безъ указанія мотивовъ, этотъ предсѣдатель съѣзда предписалъ Влоцлавскому полиціймейстеру воспретить мѣстному жителю Лещинскому писать неграмотнымъ людямъ прошенія и бумаги. Согласно полученному отъ такой авторитетной власти приказу, полиціймейстеръ немедленно же истребовалъ отъ г. Лещинскаго подписку не писать больше прошеній. Подписку эту незаконную г. Лещинскій по слабости гражданскаго духа далъ подъ давленіемъ настойчивыхъ приказаній полиціймейстора, но исполнять незаконное требованіе полиціи не пожелалъ и продолжалъ заниматься составленіемъ прошеній по прежнему. Тогда полиція привлекла его къ мировому судьѣ по обвиненію въ 29 ст. улож. о нак. нал. мир. суд. „за неисполненіе *законныхъ* требованій полиціи". На судѣ г. Лещинскій доказывалъ, что право писать прошеніе принадлежитъ каждому подданному Россійской Имперіи, не ограниченному въ правахъ судебнымъ приговоромъ по ст. 939 улож. о нак. за сочиненіе ябедническихъ просьбъ, за побужденія изъ корыстныхъ или иныхъ зловредныхъ видовъ къ начатію или продолженію явно противозаконныхъ исковъ и т. д., и что онъ не только ни въ чемъ подобномъ не былъ признанъ виновнымъ, но даже и не обвинялся никогда передъ судомъ. На этомъ основаніи онъ требованіе полиціймейстера о прекращеніи писанія прошеній счелъ незаконнымъ и потому не нашелъ нужнымъ исполнять его, хотя и вынужденъ былъ дать требуемую подписку. Очевидная справедливость всѣхъ этихъ соображеній, однако же, не помѣшала Влоцлавскому судьѣ признать его виновнымъ и приговорить къ наказанію. Приговоренный за неисполненіе *незаконнаго* требованія полиціи, вопреки точному смыслу 29 статьи, которая говоритъ только о законныхъ требованіяхъ, Лещинскій обжаловалъ это дѣло въ съѣздъ, но и съѣздъ приговорилъ его за то же „преступленіе". И для того, чтобы избавиться отъ наказанія за вполнѣ законный поступокъ, г. Лещинскому пришлось довести дѣло до Правительствующаго Сената, который конечно отмѣнилъ эти приговоры. Исходя изъ того основнаго положенія, что „существующими узаконеніями ни кому не воспрещается составленіе прошеній и всякихъ дѣловыхъ бумагъ безъ истребованія на то предварительно отъ какой нибудь власти разрѣшенія", и что это право можетъ быть ограничено только судебнымъ порядкомъ при точно доказанныхъ условіяхъ ст. 939, чего въ дѣлѣ Лещинскаго не усматривается, Правительствующій Сенатъ призналъ самое истребованіе подписки

фактомъ незаконнымъ, распоряженіе предсѣдателя съѣзда полиціи объ отобраніи ея—выходящимъ изъ круга назначенной ему закономъ дѣятельности, а отношеніе къ дѣлу Влоцлавскаго мироваго судьи и мѣстнаго съѣзда, приговорившихъ Лещинскаго къ наказанію за вполнѣ законный поступокъ, вопреки точному смыслу 29 ст., карающей за неисполненіе *не всякихъ*, а только *законныхъ* требованій полиціи, признано сенатомъ даже „заслуживающимъ наказанія". Дѣйствительно, трудно иначе взглянуть на эти странные приговоры: явно нарушая законъ, вопреки самому тексту его, подобныя рѣшенія внѣдряютъ въ жизнь беззаконіе и санкціонируютъ произволъ, который должны бы искоренять. Глубоко виновны передъ обществомъ и передъ закономъ тѣ судьи, которые властью, врученною имъ для охраны правъ, пользуются для потворства безправію. При этомъ заслуживаетъ вниманія и слѣдующая сторона дѣла: въ исполненіе незаконнаго требованія предсѣдателя съѣзда Влоцлавскій полиціймейстеръ совершаетъ насиліе надъ личностью Лещинскаго, принуждая послѣдняго дать обязательство, въ законность котораго онъ не вѣритъ. Мы знаемъ, что даже ближайшій подчиненный обязанъ исполнять по службѣ только законныя распоряженія своего начальства; но такъ какъ постоянная критика распоряженій ихъ исполнителями значительно затруднила бы дѣятельность административнаго механизма, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ юридическая отвѣтственность переносится съ подчиненныхъ на начальствующихъ, и это тѣмъ естественнѣе, что какъ бы не стремился законъ установить самостоятельную отвѣтственность исполнителей, его требованія всегда будутъ въ значительной степени парализоваться ихъ личною и служебною зависимостью отъ начальства. Но совсѣмъ иная картина получается тогда, когда незаконное требованіе исходитъ отъ одного вѣдомства, а исполняется другимъ. Отсутствіе отношеній подчиненности исполнителя не допускаетъ переноса отвѣтственности съ лицъ одного вѣдомства на лицъ другого, ибо каждое учрежденіе должно охранять законъ въ предѣлахъ своей компетенціи. Поэтому полиціймейстеръ города Влацлавска лично отвѣтственъ за то, что исполнилъ незаконное требованіе предсѣдателя съѣзда, и его отношеніе къ дѣлу въ такой же степени можетъ быть признано „заслуживающимъ наказанія", какъ и отношеніе этого предсѣдателя.

Неясное и сбивчивое толкованіе своихъ правъ и обязанностей, составляющее такое печальное явленіе въ дѣятельности Влоцлав-

ской полиціи и юстиціи, широко распространено среди русскихъ обывателей. Оно не только охватываетъ сферу отношеній властей къ гражданамъ и гражданъ къ властямъ, но проникаетъ иногда даже и въ заповѣдную область имущественныхъ отношеній. О такомъ въ высшей степени любопытномъ курьезѣ, гдѣ одна сторона, не исполнившая условій договора, требуетъ съ контрагента вознагражденія за свою собственную неисправность и штрафуетъ его за свои грѣхи—разсказываетъ „Саратовскій Листокъ". Не трудно догадаться, что виновницею этого переворота въ основныхъ устояхъ всякаго договорнаго права является не кто иной, какъ Саратовская желѣзная дорога. Дѣло заключается вотъ въ чемъ:

Мѣстная фирма братьевъ Миллеръ прошлой осенью запродала 20 вагоновъ (по 750 пуд. каждый) подсолнечнаго колоба на Ревель; въ первыхъ числахъ ноября весь транспортъ былъ сданъ на станцію, но до послѣдняго времени изъ него было отправлено по назначенію только 5 вагоновъ. Не получивъ груза въ назначенный срокъ, покупатель отказался отъ заключенной сдѣлки, о чемъ и увѣдомилъ фирму. Тогда, гг. Миллеръ, обратились на товарную станцію съ просьбою отправить остальные 15 вагоновъ не на Ревель, а въ Петербургъ; но здѣсь имъ объявили, что вслѣдствіе такого „перезаявленія" (перемѣна адреса) фирма должна заплатить около 200 руб. за „полежалое" съ каждаго вагона (при стоимости всего груза по запродажной цѣнѣ въ 300 р.), и кромѣ того грузъ будетъ исключенъ изъ прежней очереди и записанъ на новую по ихъ послѣднему заявленію.

Другой случай. Фирма Всеволожскаго, запродала вагонъ желѣза въ Воронежъ съ обязательствомъ доставить въ мѣсячный срокъ. Въ первыхъ числахъ ноября желѣзо было сдано на станцію, но остается не отправленнымъ. Между тѣмъ, въ декабрѣ, по истеченіи срока, покупатель телеграфировалъ въ контору Всеволожскаго: „желѣза не получилъ, отъ покупки отказываюсь". Потомъ желѣзо пришлось запродать съ нѣкоторой уступкой въ цѣнѣ другому лицу и адресовать на другую станцію. При пріемѣ такого перезаявленія, съ конторы Всеволожскаго потребовали уплаты 67 р. съ копѣйками за полежалое со времени перваго заявленія до перемѣны адреса, хотя фирма совершенно неповинна въ задержкѣ грузовъ и несетъ убытки по винѣ желѣзной дороги.

По словамъ „Саратов. Листка" подобные случаи далеко не единичны. Къ счастью, страдающими здѣсь являются крупныя фирмы,

которыя умѣютъ постоять за себя и находятъ вліятельную защиту. Интересы ихъ близко принялъ къ сердцу Саратовскій биржевой комитетъ; онъ постановилъ довести объ этихъ жалобахъ до свѣдѣнія гг. министровъ путей сообщенія и финансовъ и просить ихъ принять зависящія мѣры къ устраненію такихъ порядковъ, *при которыхъ желѣзная дорога за свою собственную неисправность взимаетъ контрибуцію съ грузоотправителей.*

Если саратовскіе желѣзно-дорожные агенты не могутъ похвалиться основательнымъ знаніемъ договорнаго права, то еще пожалуй сбивчивѣе представленія нѣкоторыхъ виленскихъ филантроповъ о педагогическихъ задачахъ уголовно-исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Какъ извѣстно, учрежденіе и содержаніе подобныхъ пріютовъ предоставлено у насъ частнымъ, но въ сущности полуофиціальнымъ обществамъ, въ составъ которыхъ обыкновенно входятъ мѣстные филантропы и представители судебнаго вѣдомства. Въ Вильнѣ, которая находится еще на положеніи усиленной охраны, разрѣшеніе этой задачи было возложено на состоящую при генералъ-губернаторѣ особую совѣщательную коммисію, которая постановила на собранныя 80 т. руб. открыть ремесленно-земледѣльческій пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ всѣхъ 4-хъ губерній, входящихъ въ районъ виленской судебной палаты. При обсужденіи проекта устава, долженствующаго регулировать казну будущаго пріюта, нѣкоторыя изъ членовъ коммисіи, предложили ввести въ уставъ допущеніе наказанія воспитанниковъ розгами, какъ энергичное исправительное средство. Не смотря на единодушный протестъ мѣстныхъ представителей судебнаго вѣдомства, большинство высказалось за допущеніе розогъ и проектъ устава въ такомъ видѣ пошелъ на утвержденіе г. министра юстиціи. При этомъ наказанію розгами предполагается подчинить даже юношей отъ 17 лѣтъ и при томъ не только уже осужденныхъ за какіе нибудь проступки, но также и подслѣдственныхъ несовершеннолѣтнихъ, которые еще не признаны судомъ виновными въ чемъ бы то ни было.

Пріюты для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ учреждаются во имя гуманности въ видахъ нравственнаго перевоспитанія испорченныхъ дѣтей и охраненія ихъ отъ тяжелой и развращающей жизни въ тюрьмѣ. Эта основная и руководящая гуманная цѣль пріюта совершенно исключается допущеніемъ въ его обиходъ розогъ. Розги можно признавать какъ высшую степень наказанія,

какъ самую тяжелую кару, налагаемую даже и въ каторожныхъ тюрмахъ не иначе какъ по суду (хотя и упрощенному), какъ самую энергичную мѣру устрашенія наконецъ; но едвали кто можетъ серьезно говорить о педагогическо-исправительномъ значеніи розогъ. Вѣдь исправить малолѣтняго преступника, не значитъ запугать его, заставить его затаить свои злыя наклонности до удобнаго случая—исправить значитъ воспитать его волю, развить въ немъ хорошія инстинкты, помочь ему освободиться отъ вкоренившихся пороковъ. Страхъ передъ мучительнымъ наказаніемъ—это еще не то нравственное побужденіе къ добру, которое нужно привить ребенку. Мало того, чтобы онъ не смѣлъ изъ страха наказанія осуществлять своихъ злыхъ желаній—надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ ихъ вовсе не имѣлъ и даже больше—чтобъ онъ самъ по себѣ, помимо всякаго внѣшняго насилія, желалъ не злаго, а хорошаго. Такою только и можетъ быть истинная задача исправительной педагогіи, и вдругъ виленскіе филантропы, берущіеся за разрѣшеніе этой труднѣйшей задачи, съ перваго же слова говорятъ о розгѣ и требуютъ права исправлять своихъ будущихъ питомцевъ экзекуціями!

X.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала, въ замѣткѣ г. Волжина „Ревизіонный порядокъ отмѣны постановленій волостной юстиціи", на стр. 93 послѣ словъ: „которымъ опредѣлено наказаніе" пропущены слова: „розгами, замѣнить это наказаніе".

разъясненіями сената. Часть I: Сводъ учрежденій и уставовъ путей сообщенія. Ч. II. Приложенія. Ч. III: Правила для плаванія по внутреннимъ воднымъ путямъ. М. 97 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. Томъ II. Обвинительныя рѣчи прокуроровъ: Н. В. Муравьева, В. И. Жуковскаго, К. Н. Жукова и В. И. Петрова. Рѣчи гражданскихъ истцовъ, присяжныхъ повѣренныхъ; А. В. Лохвицкаго, Ѳ. Н. Плевако, В. М. Пржевальскаго. Защитительныя рѣчи присяжн. повѣр.; Ѳ. Н. Плевако (2), кн. А. И. Урусова (2), В. Д. Спасовича, Н. П. Шубинскаго (2) и помощн. присяжн. повѣренныхъ И. С. Курилова. М. Ц. 2 р.

Сальмановичъ В. и Громовъ И. Судебные уставы императора Александра Втораго въ Сибири. Т. 97 г. Ц. 3 р.

Скоровъ А. Сводъ уставовъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Свода законовъ т. XIV изд. 1890 года и прод. 1895 г. съ рѣшеніями Прав. Сената и разъясненіями мин. внутр. дѣлъ и со включеніемъ статей другихъ томовъ свод. законовъ, на которые сдѣланы ссылки въ уставѣ. М. 97 г. Ц. 90 к.

Сперанскій. Схематическая таблица учрежденій, существующихъ въ Россійской Имперіи (кромѣ Финляндіи). 2 таблицы. Ц. 70 к.

Соколовъ С. Сборникъ законоположеній, распоряженій и разъясненій правительства о государственныхъ прямыхъ налогахъ, пошлинахъ, выкупахъ, платежахъ, городскихъ и земскихъ сборахъ. Справочная книга для податныхъ инспекторовъ ихъ помощниковъ и другихъ лицъ и учрежденій, вѣдающихъ податное дѣло. М. Ц. 5 р.

Флексоръ Д. Право на воды. По разъясненіямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. С.П.Б. 97 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фойницкій И. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Томъ II. С.П.Б. 97 г. Ц. 3 р.

Шершеневичъ Г. Очерки по исторіи кодификаціи гражданскаго права. I Франція. К. 97 г. Ц. 50 к.

Книги высылаются чрезъ почту и конторы транспортовъ, за наличныя деньги и съ наложеннымъ платежомъ, за стоимость ихъ и пересылку.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Н. К. МАРТЫНОВА

(С.Пб. Невскій пр., уголъ Б. Садовой № 50—15).

Анисимовъ А. (С.-п.-б. нотаріусъ). Алфавитный указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ, ограниченнымъ въ правоспособности. 5 р. Дополнительный къ нему списокъ по 31 марта 97 г. 1 р.

Бардзкій А. Невмѣненіе. Къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжн. засѣдателей. 97. 80 к.

Бертильонъ Ж. Курсъ администр. статистики. Ч. 1. 97. 1 р. 50 к.

Водовозовъ Н. Экономическіе этюды. 97. 2 р.

Громачевскій С. Учрежденіе суд. установленій. Сводъ законовъ, правилъ, распоряж. и разъясн., относящихся до учр. суд. уст. и судебнаго управленія. 97. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Коркуновъ Н. Русское госуд. право, т. II часть особенная. 97. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Его же. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 4. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Мартыновъ Н. Положеніе о нотаріальной части, съ законод. мотивами, дополненіями, циркулярами, разъясн. сената и образцами актовъ и засвидѣтельствованій. Изд. 3. 97. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Русскіе судебные ораторы, въ изв. угол. процессахъ, т. 2. 97. 2 р.

Сальмановичъ В. и Громовъ Н. Судебные уставы въ Сибири. 97. 3 р.

Сводъ заключеній губ. совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Изд. Земск. Отдѣла. 3 тома. 97. 10 р.

Скоровъ А. Сводъ уставовъ о предупр. и пресѣч. преступленій. 97. 90 к.

Соколовъ С. Справочная книга для податныхъ инспекторовъ. 97. 5 р.

Флексоръ Д. Право на воды по разъясн. гражд. кас. деп. сената. 97. 1 р. 20 к.

Шершеневичъ Г. Очерки по исторіи кодификаціи гражд. права. I, Францiя. 97. 50 к.

Ѳоминъ Ѳ. Законъ о сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ. 97. 40 к.

Юридич. Библіотека. № 15. Левенстимъ А. Суевѣріе и угол. право. 80 к.

Подписчикамъ журнала Юридическаго Общества 5% уступки.

Каталогъ магазина высылается безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЬ"

въ 1897 году.

Съ 1-го ноября 1896 года начался

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСКУССТВА И ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

За 18 рублей

подписчики „НОВИ" получатъ въ теченіе 1897 подписного года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи безъ какихъ-либо доплатъ за преміи ихъ пересылку и проч., слѣдующія **семь изданій:**

1) БОЛЬШУЮ, ВПОЛНѢ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ, БЕЗЦЕНЗУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ п. з. „ЛУЧЪ"

Съ 1-го ноября текущаго года мы издаемъ для подписчиковъ „Нови" газету, въ видѣ большого ежедневнаго органа печати, подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, подъ редакціею Вл. В. Чуйко и при участіи наиболѣе талантливыхъ силъ русской журналистики. Газета наша представляетъ собою вполнѣ независимый органъ печати, со строго выдержаннымъ направленіемъ, съ честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ провинціи. Отличительныя черты ея—животрепещущій интересъ минуты и всестороннее живое ознакомленіе читателей со всѣми явленіями въ жизни всего разносословнаго и разноплеменнаго государственнаго населенія. Задача газеты—искреннее, честное, правдивое и нелицепріятное служеніе интересамъ дорогой родины. Освѣщая правильно и безпристастно всѣ жизненныя явленія, она поможетъ подписчикамъ „Нови" слѣдить за ходомъ текущей жизни, со всѣми ея проявленіями, со всѣми вопросами и интересами дня—какъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ, такъ и повсюду за его предѣлами. Полнотою и своевременностью свѣдѣній, сжатостью, а главное живостью изложенія и безпристрастіемъ освѣщенія фактовъ, газета удовлетворитъ самымъ строгимъ требованіямъ. Выходить она будетъ ежедневно въ семистолбцовомъ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ газетъ. Пол-

нота же и разносторонность ея программы и содержанія рѣшительно ни въ, чемъ не уступаетъ содержанію и программамъ наиболѣе серьезныхъ большихъ ежедневныхъ органовъ русской печати. Такимъ образомъ, подписчикамъ „Нови“ дана, наконецъ, возможность имѣть, безъ всякихъ обременительныхъ денежныхъ затратъ, **чуть не даромъ, большую, всестороннюю, живую и полную ежедневную газету**, ни въ чемъ не уступающую большимъ, дорого стоющимъ, ежедневнымъ органамъ печати.

2) 6 ПЕРЕПЛЕТЕННЫХЪ ТОМОВЪ (т. 1 по 6) ПЕРВАГО ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

(П. И. Мельникова, автора романовъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“).

3) 6 ПЕРЕПЛЕТЕННЫХЪ ТОМОВЪ (т. 1 по 6) НОВАГО ИЗДАНІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

(Казака Луганскаго).

4) ЖУРНАЛЪ *„НОВЬ“*

общедоступный иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій,

въ которыхъ читатели найдутъ, рядомъ съ массою образцовыхъ и художественныхъ картинъ и рисунковъ, въ высшей степени интересный матеріалъ для чтенія, какъ по беллетристикѣ, такъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ литературы.

5) ОСОБЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОТДѢЛЪ

подъ общимъ заглавіемъ

МОЗАИКА

(**24 выпуска**),

составляющій какъ бы самостоятельный иллюстрированный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ слѣдующія 16 рубрикъ:

1. Домашній врачъ. 2. Воспитаніе и обученіе. 3. Сельское хозяйство. 4. Друзья и любимцы изъ міра животныхъ. 5. Садъ, цвѣт-

никъ и огородъ. 6. Искусство. 7. Спортъ. 8. Военное и морское дѣло. 9. Торговля и промышленность. 10. Изобрѣтенія и открытія. 11. Культура и наука. 12. Театръ и музыка. 13. Піанистъ. 14. Модная хроника. 15. Для смѣха. 16. Библіографія.

6) ЖУРНАЛЪ **ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА**

12 ежемѣсячныхъ книжекъ особаго и совершенно самостоятельнаго иллюстрированнаго журнала, выходящаго каждое первое число мѣсяца въ объемѣ 10-ти печатныхъ листовъ.

Въ 12-ти книжкахъ этого журнала подписчики „НОВИ“ найдутъ богатый выборъ новыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній выдающихся писателей, со многими иллюстраціями.

7) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ ФОРМАТА IN—FOLIO

ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ.

Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

Полное и всестороннее описаніе Россійской Имперіи. Текстъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Рисунки на деревѣ лучшихъ художниковъ.

Подъ общей редакціей сенатора *П. П. Семенова*, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ двухъ роскошныхъ переплетахъ изъ англійскаго краснаго коленкора съ богатыми золототисненіями, въ папочныхъ футлярахъ.

Въ 1897 году подписчики получатъ описаніе МАЛОРОССІИ, ПОДОЛІИ и ВОЛЫНИ.

Первое посмертное полное собраніе сочиненій **Андрея Печерскаго** будетъ состоять изъ 14-ти переплетенныхъ томовъ и новое полное собраніе сочиненій **Владиміра Даля** будетъ состоять изъ 10-ти переплетенныхъ томовъ, что составитъ всего 24 тома въ 8-ю долю листа (величина каждой книги $5^1/_2 \times 8$ кв. дюйм.), каждый томъ объемомъ въ 20—35 печатн. листовъ, т. е. въ 300—550 стран.,

составляющихъ вмѣстѣ всего около 10,000 стран. Переплеты будутъ такіе же, какъ переплеты сочиненій Писемскаго. Въ 1897 году подписчики „НОВИ“ получатъ:

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО,

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Редакція „Нови“ теперь уже принимаетъ на себя обязательство дать, *въ видѣ безплатнаго дара* въ 1898 году:

остальные 8 томовъ полнаго собранія сочиненій АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

и остальные 4 тома полнаго собранія сочиненій ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Лица, желающія теперь же обезпечить себя въ отношеніи полученія и этихъ послѣднихъ томовъ сочиненій Печерскаго и Даля, могутъ подписываться сразу на два года, т. е. на 1897 и 1898 годы. Для этого нужно выслать подписную сумму за два года, а именно: вмѣсто годичной платы въ 14 р. безъ „Ежедневной Газеты“ и въ 18 р. съ „Ежедневною Газетою“, слѣдуетъ выслать 28 или же 36 рублей, и журналъ съ газетою или безъ оной, со всѣми приложеніями и безплатными преміями, будетъ высылаться этимъ подписчикамъ въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. начиная съ 1-го ноября 1896 года по 1-е ноября 1898 года.

Кромѣ первой половины полныхъ собраній сочиненій **Андрея Печерскаго** и **Владиміра Даля**, подписчики „Нови“ получатъ, какъ и въ предыдущіе четыре года, также и въ 1897 и въ 1898 году

по двѣ новыя переплетенныя книги

КАПИТАЛЬНѢЙШАГО ИЗДАНІЯ ОПИСАНІЯ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ

(служащія продолженіемъ полученныхъ ими въ истекающемъ и въ 1893, 1894 и 1895 годахъ восьми томовъ) въ двухъ великолѣпныхъ красныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ богатыми золототисненіями въ двухъ прочныхъ папочныхъ футлярахъ. 2 книги „Живописной Россіи“, предназначенныя къ выдачѣ въ 1898 году,

будутъ заключать въ себѣ описаніе Малороссіи, Подоліи и Волыни (губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской, Черниговской и Харьковской).

XIII (1897) подписной годъ „НОВИ“ начался съ 1-го ноября 1896 года.

Редакція „НОВИ“ проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, желающихъ получать журналъ и газету, начиная съ 1-го ноября безпрерывно въ 1897 подписномъ году, озаботиться заблаговременною высылкою подписныхъ денегъ, въ виду значительнаго скопленія къ концу подписного года, т. е. къ концу декабря, адресовъ, печатаніе, корректура и провѣрка которыхъ занимаетъ очень много времени.

Годовая подписная цѣна „НОВИ“ съ „ЕЖЕДНЕВНОЮ ГАЗЕТОЮ“ за 1897 годъ со всѣми приложеніями, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Андрея Печерскаго, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Владиміра Даля и съ двумя новыми переплетенными книгами „Живописной Россіи“ вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за премія, ихъ пересылку и проч. **18** руб.

Годовая цѣна „НОВИ“ со всѣми перечисленными преміями и приложеніями, но безъ „ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ“ остается та же какъ и прежде, т. е. **14 рублей** съ пересылкою. Поэтому лица, не желающія получать большую „ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ“, могутъ вносить по прежнему только 14 р. за одну „НОВЬ“ со всѣми указанными выше (подъ № 2, 3, 4, 5, 6 и 7), безплатными изданіями.

Этимъ подписчикамъ „ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА“ всетаки будетъ высылаться безплатно, для ознакомленія, до 1-го января 1896 года. Затѣмъ, тѣ лица, которыя будутъ вполнѣ удовлетворены газетою и пожелаютъ получать ее дальше, т. е. въ теченіе всего 1897 подписного года, доплачиваютъ всего 4 рубля.

Допускается подписка на „НОВЬ“ съ разсрочкою платежа: при самой подпискѣ высылается не менѣе 5 рублей, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе 1 р. 50 к. до полной уплаты всей подписной суммы, послѣ чего и высылаются безплатныя преміи.

Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ періодическихъ изданій Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, № 21; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, № 12, иногородные подписчики благоволятъ адресовать прямо въ редакцію „НОВИ“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 16-я линія, собств. домъ, № 5—7.

Редакторъ и издатель *Александръ Маврикіевичъ Вольфъ.*

Дворянскій вопросъ и его экономическая почва. Перспективы „рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ реформъ". Дореформенное дворянское управленіе. Культъ „принципа понужденія".—Биметаллистическая агитація. Докладъ г. Бутми и пренія по нему.—Предложеніе г. Стаховича, какъ одинъ изъ симптомовъ перемѣны настроенія въ первенствующемъ сословіи.—Изъ литературы вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ.—Новый законъ о печати.—Отмѣна паспортнаго сбора. Въ какой мѣрѣ уничтожаетъ она фискальное значеніе паспортной системы? П. В. 24. **Новыя книги, присланныя въ редакцію въ апрѣлѣ.** 25. **Объявленія.**

При *новомъ* составѣ редакціи въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

К. С. Баранцевичъ, проф. *И. И. Боргманъ*, *С. Н. Булгаковъ*, *В. П. Быстренинъ*, *Ю. Н. Вагнеръ*, *В. Вересаевъ*, проф. *П. Г. Виноградовъ*, *В. В. Водовозовъ*, *Н. Гаринъ* (*Н. Г. Михайловскій*). *М. О. Гершензонъ*, *М. Горькій* (*А. М. Пѣшковъ*), *И. А. Гуревичъ*, *К. Ельцова*, *А. М. Калмыкова*, *Л. Ф. Кржижицкій*, проф. *П. Ф. Лесгафтъ*, *Г. А. Мачтетъ*, проф. *П. Н. Милюковъ*, *В. Г. Михайловскій*, *Вл. И. Немировичъ-Данченко*, проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*, *А. В. Погожевъ*, *В. А. Поссе*, *И. Н. Потапенко*, *Д. Д. Протопоповъ*, *В. Я. Свѣтловъ*, *М. Н. Семеновъ*, *П. Б. Струве*, *В. Л. Сѣрошевскій*, *М. И. Туганъ-Барановскій*, *В. А. Фаусекъ*, *Максъ Ферворнъ* (проф. Іенскаго унив.) проф. *Н. А. Холодковскій*, *Е. Н. Чириковъ*, *Т. Циенъ* (Th Ziehen, проф. Іенскаго унив.), *А. С. Шабельская*, *О. А. Шапиръ*, *А. И. Эртель*, *В. Я. Яковлевъ и др.*

Годовая подписка на „НОВОЕ СЛОВО" (отъ 25 до 30 печ. лист.).

принимается

съ 1-го октября 1896 г. по 1-е октября 1897 г.

Подписная цѣна: съ пересылкой на годъ **10** р., на полгода **5** р., на три мѣсяца **2** р. **50** к., безъ пересылки на годъ **9** р.; за границу на годъ **12** р.; отдѣльныя книжки журнала по 1 рублю. За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Контора редакціи: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1. **Отдѣленія конторы:** *Въ С.-Петербургѣ*—1) Невскій пр., д. 54, „**Библіотека Черкесова**"; 2) Книжный складъ **А. М. Калмыковой**, Литейный пр. № 60. *Въ Москвѣ*: Книжный магазинъ «**Трудъ**», Тверская, д. Спиридонова.

Подписка на полгода и на 3 мѣсяца допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія. Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій **Н. А.** Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ**. Издатель **М. Н. Семеновъ**.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ въ 1897 году по той же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ и при тѣхъ же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ нынѣшнемъ году. Подробности см. на оборотѣ.

Для гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія.

Для избѣжанія недоразумѣній, редакція имѣетъ честь обратить вниманіе гг. подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія, что въ составъ подписнаго года входятъ лишь тѣ листы рѣшеній, которые изданы сенатскою типографіею съ 1-го января по 31-е декабря. Начальные листы какого либо года, начатые разсылкою въ концѣ года, новыми подписчиками могутъ быть пріобрѣтаемы особо, по разсчету 15 коп. за листъ.